Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт российской истории
Российской академии наук

На правах рукописи

Рудаков Владимир Николаевич

РУССКИЕ КНЯЗЬЯ – СОВРЕМЕННИКИ НАШЕСТВИЯ БАТЫЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИСТОРИОПИСАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII – XVI В.

Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук.
Специальность – 5.6.1. Отечественная история.

Научный консультант: доктор исторических наук,
профессор А.А. Горский.

Москва - 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 6

ГЛАВА 1.

Действия правителей русских земель в период Батыева нашествия: книжный эталон и реальность 63

1.1. Представления о должном поведении правителя в условиях военных действий и реальное поведение князей в домонгольский период 63

1.2. Русские князья в годы нашествия Батыя: историко-статистический анализ 71

1.3. Сопротивление или смирение: два взгляда на монгольское нашествие в отечественном историописании второй половины XIII в. 91

1.3.1. Оборона Рязани и «философские» отступления новгородского летописца 92

1.3.2. Феномен нашествия и трактовки поведения князей в русском летописании второй половины XIII в. 102

ГЛАВА 2.

Правители русских земель, павшие в годы нашествия Батыя, в изображении книжников второй половины XIII - XVI в. 138

2.1. Погибшие князья в ранних летописных рассказах о монгольском завоевании 139

2.1.1. Действия князей, сражавшихся в Рязани, под Коломной и Черниговом, в ранних летописных рассказах о нашествии Батыя. 140

2.1.2. Сыновья великого князя владимирского и оборона Владимира в историописании второй половины XIII в. 159

2.1.3. Великий князь Юрий Всеволодович и события на реке Сити в летописании второй половины XIII в. 183

2.2. Русские князья-участники столкновений с монголами в летописных компиляциях XV-XVI вв. 216

2.2.1. Всеволод и примкнувший к нему Роман 219

2.2.2. «Изыдемъ къ ним на бой»: новые трактовки поведения сыновей великого князя при обороне Владимира в летописании XV-XVI вв. 230

2.2.3. «Отложи всю печаль»: князья Юрий Всеволодович и Василько Константинович в контексте сражения на реке Сити 243

ГЛАВА 3.

Правители русских земель, спасавшиеся бегством во время нашествия Батыя, в историописании второй половины XIII - XVI в. 271

3.1. Отказ от сопротивления: действия Михаила Черниговского и Даниила Галицкого в годы нашествия Батыя в историописании второй половины XIII в. 273

3.1.1. Маршруты князя Михаила Черниговского глазами «чужого» летописца 274

3.1.2. Князь Даниил Галицкий в изображении «своего» летописца 285

3.2. «Бегство» или «отъезд»: терминологические изыскания русских книжников второй половины XIII - XIV в. 297

3.3. Апология бегства: бегство как спасение от гонителей в историописании второй половины XIII - XIV в. 306

3.3.1. «Тако и сих Богъ избавил»: бегство как способ спасения 308

3.3.2. Убийство послов и противостояние «прельщениям» 316

3.3.3. Еще раз к вопросу о поведении великого князя Юрия Всеволодовича 325

3.4. Подвиг «за веру и Отечество»: Михаил Черниговский в отечественном историописании XV-XVI вв. 330

ГЛАВА 4.

Князь Александр Ярославич в историописании второй половины XIII - XVI в. 354

4.1. Прославление святого благоверного князя Александра Невского во второй половине XIII века: текст и контекст 355

4.1.1. Изображение врагов в первоначальной редакции Жития Александра Невского 360

4.1.2. «Побѣжая, а не побѣдимъ»: мотивы прославления князя Александра во второй половине XIII в. 376

4.1.3. «Слава Александрова»: контекст прославления 387

4.2. «Храбрый исполин»: князь Александр Невский в историописании XV-XVI вв. 392

4.2.1. Защитник «вся люди земли Русскыя». 393

4.2.2. «Бескровный мученик»: Александр Невский как Михаил Черниговский 403

4.2.3. Победитель всех «поганых языцей»: князь Александр Ярославич и исторические «легенды» XVI в. 412

ГЛАВА 5.

Механизмы формирования княжеской репутации: «друг дьявола» и отец святого в исторической памяти второй половины XIII-XVI в. 427

5.1. «Друг дьявола»: ретроспективный компромат на ростовского князя Бориса Васильковича 429

5.1.1. «Господине, створи волю цареву!». 430

5.1.2. «Лукавый прелестник князь Борис» 436

5.2. Ярослав Всеволодович и нашествие Батыя: к вопросу о местонахождении князя 447

5.3. Кончина как подвиг: этапы прославления великого князя Ярослава Всеволодовича 467

5.3.1. «Преставися во иноплеменницѣх»: кончина великого князя в источниках XIII в. 472

5.3.2. «Нужная» смерть в Орде: кончина Ярослава Всеволодовича в историописании XIV-XV вв. 483

5.3.3. «Обажень бысть Феодоромъ Яруновичемъ»: кто и в чем оклеветал великого князя? 493

5.3.4. «Подвигъ Ярославль»: смерть «в татарах» как мученичество 504

ГЛАВА 6.

Исторический контекст формирования представлений о функциях православного правителя в историописании XIV- XVI вв. 513

6.1. Представление о гибели князя «за други своя» и «отечество» в Повести о Михаиле Тверском (первая четверть XIV в.) 514

6.2. Защита Русской земли и христианства в произведениях XIV-XV вв., посвященных Куликовской битве 521

6.3. Нашествие Тохтамыша и «отъезд» Дмитрия Донского в Кострому в летописании XIV-XV в. 534

6.4. Долг «пастыря» и участь «бегуна» в сочинениях, посвященных «стоянию на Угре» (1480 г.). 545

6.5. «Предатели христианства» в историописании XIV-XVI вв. 562
6.6. Идеальное поведение князя в «Повести о разорении Рязани Батыем» 567
6.7. Тактика против теории: «нравственный императив» и реальные поступки московских князей в XVI вв. 575
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 588
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ . 595
ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 657

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Нашествие Батыя – важнейший рубеж отечественной истории. Само монгольское завоевание русских земель заняло всего три года (с конца 1237 по конец 1240 г.), однако, наступившая затем эпоха зависимости от Орды растянулась на долгие два с половиной столетия. Нашествие стало отправной точкой протяженного и весьма драматичного периода русской истории, воспринимаемого самими средневековыми авторам в качестве значимой хронологической вехи[1]. Именно поэтому «ордынская» тема на протяжении нескольких столетий являлась одной из самых главных тем русской средневековой книжности[2]. Даже после свержения зависимости от Орды интерес к событиям нашествия не угас. Эта история заняла важное место в осмыслении «восточной» политики Русского государства конца XV-XVI вв., которая во многом была связана с противостоянием «осколкам» Улуса Джучи и последующим включением их в состав Московской Руси[3]

В этом контексте анализ действий русских князей-современников монгольского завоевания и отображения их поступков в историописании второй половины XIII – XVI в. является актуальной научной задачей. От степени ее разработанности напрямую зависит решение вопроса, связанного с комплексной оценкой причин поражения русских земель, а также факторов,

---

[1] *Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю.* Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 20.

[2] *Амелькин А.О.* Татарский вопрос в общественном сознании России конца XV – первой половины XVI в. (по материалам агиографических сказаний и памятников фольклора). Дис. … канд. ист. наук. М., 1992. С. 5; *Рудаков В.Н.* Отображение монголо-татар в древнерусской литературе середины XIII-XV в. (Эволюция представлений, сюжетов и образов). Дис. … канд. филол. наук. М., 1999. С. 8-16 и др.

[3] *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л., 1961. С. 38-66; *Чистякова Е.В.* Андрей Иванович Лызлов и его «Скифская история» // *Лызлов Андрей*. Скифская история. М., 1990. С. 361-363; *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. М., 2001. С. 240-258; *Кром М.М.* Рождение государства. Московская Русь XV-XVI вв. М., 2018. С. 27-43; *Ерусалимский К.Ю.* Император Святой Руси. М., 2025. С. 415-417 и др.

впоследствии повлиявших на свержение ордынской зависимости. Реконструкция поведения князей в годы нашествия позволяет осмыслить эту проблему не только в контексте объективных причин, повлиявших на ход исторических событий, но и через призму «субъективного фактора», связанного с поведенческим выбором правителей русских земель в столь судьбоносный период истории. Подобная постановка вопроса имеет непосредственное отношение к изучению общей проблематики лидерства и роли элит в преодолении кризисных для общества ситуаций, что также имеет актуальное звучание[4]. Не менее актуальной задачей, стоящей перед современной наукой, является изучение механизмов формирования и эволюции исторической памяти. Реконструкция мотивов прославления ключевых фигур эпохи нашествия Батыя в историописании второй половины XIII-XVI в. дает возможность уточнить общие закономерности функционирования памяти о значимых исторических событиях и их главных действующих лицах[5]. Актуальность исследования определяется также серьезным общественным интересом к проблематике взаимоотношений русских земель с Ордой, к идейным предпосылкам и военно-политическими обстоятельствам освобождения от ордынской зависимости, а также к таким фундаментальным для отечественной общественной мысли проблемам, как анализ факторов, повлиявших на выбор исторического пути России, поиск основ ее культурного и цивилизационного своеобразия, реконструкции узловых моментов ее многовековой истории и векторов ее внешнеполитического позиционирования[6].

---

[4] *Блондель Ж.* Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992. С. 21-24; *Гаман-Голутвина О.В.* Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97-99.

[5] История и память: историческая культура Европы до начала нового времени. Под редакцией Л. П. Репиной. М., 2006. С. 5-18.

[6] Из недавних историко-публицистических работ, имеющих отношение к данной теме, стоит отметить несколько: *Перевезенцев С.В.* Русские смыслы. Духовно-политические

Степень разработанности темы. Несмотря на то, что история монгольского завоевания Руси имеет давнюю традицию изучения[7], комплексное исследование поведения князей-современников нашествия и их отображения в историописании второй половины XIII-XVI в. предпринимается впервые. Сложившаяся в историографии ситуация во многом связана с утвердившимися еще на самых ранних стадиях развития отечественной исторической науки представлениями о том, что причины поражения русских земель следует связывать исключительно с действием объективных обстоятельств. Историки второй половины XVIII века, создававшие первые профессиональные труды по истории России, на первое место ставили численность врага[8]. В то же время, помимо «несчетного многолюдства» завоевателей, они обращали внимание на разобщенность русских правителей, на то, что, по выражению В.Н. Татищева, «ни один князь другому помогать не хотел»[9]. М.М. Щербатов первым отметил, что поведение правителей русских земель также было одним из факторов поражения, поскольку с позиций средневековых авторов, писавших о нашествии, активное противостояние завоевателями противоречило «воле Господней»[10]. Однако

учения России X–XVII вв. М., 2023; *Бордачев Т.В.* Стратегия Московской Руси. Как политическая культура XIII-XV вв. повлияла на будущее России. М., 2024 и др.

[7] Историография, посвященная самому монгольскому нашествию на русские земли безгранична. Новейший анализ работ по этой теме см.: *Мухаметов Ф.Ф.* Отечественная историография монгольского завоевания Руси. Дис. … д-ра ист. наук. М, 2007; Золотая Орда: библиографический указатель. Автор-составитель И.М. Миргалеев. Казань, 2013; *Политов В.В.* Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси. Дис. … канд. ист. наук. М., 2017.

[8] *Рычков П.И.* Опыт казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767. С. 25.

[9] *Татищев В.Н.* История Российская. Кн. 3. СПб., 1774. С. 466.

[10] *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. II. СПб., 1771. С. 574-575. Подробнее см.: *Свердлов М.Б.* Российская историография второй половины XVIII века. СПб., 2022. С. 251.

такой подход не получил дальнейшего развития, поскольку, судя по всему, взгляды М.М. Щербатова не соответствовали утверждавшемуся в XVIII-XIX вв. восприятию прошлого[11]. Огромное влияние на историографическую традицию оказал авторитет Н.М. Карамзина, который исходил из «героической» трактовки действий князей[12], павших «в неравных битвах и в защите городов бренных»[13]. В дальнейшем именно в разобщенности «наших слабых и несогласных между собою князей» историки видели главную причину поражения[14]. Мнение о раздробленности как решающем факторе поражения доминировало и в более поздней дореволюционной и

---

[11] Ср.: *Болтин И.Н.* Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том истории князя Щербатова. Т. 2. СПб., 1794. С. 478-479. Подробнее см.: *Милюков П.Н.* Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 340; *Шапиро А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 года. Учебное пособие. СПб., 1993. С. 234, 248.

[12] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 10, 13, 16, 25. Об идейных истоках взглядов Н.М. Карамзина на нашествие и его влиянии на последующую историографию подробнее см.: *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2015. С. 78-88. Ср.: *Свердлов М.Б.* История России в трудах Н.М. Карамзина. СПб., 2018. С. 181.

[13] *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 19. Ср.: *Полевой Н.А.* История русского народа. Т. 4. М., 1833. С. 112-116. Ср.: *Устрялов Н.Г.* Русская история. 4-е изд. СПб., 1849. С. 108-109.

[14] *Рихтер А.Ф.* Нечто о влиянии монголов и татар на Россию // Соревнователь просвещения и благотворения. Ч. 17. Кн. 1. СПб., 1822. С. 250; *он же.* Исследование о влиянии монголо-татар на Россию // Отечественные записки. 1825. Июнь. № 62. С. 332; *Наумов П. А.* Об отношениях Российских князей к монгольским и татарским ханам с 1224 по 1480 год. СПб., 1823. С. 9; *Гастев М.* Рассуждение о причинах, замедливших гражданскую образованность в русском государстве до Петра Великого**.** М., 1832. С. 101. Ср.: *Иванин М.* О военном искусстве и завоеваниях монголов. СПб., 1846. С. 30-31; *Веселовский Н.И.* Куликовская битва (по поводу ее пятисотлетия) // «Древняя и новая Россия». 1880. Т. 18. № 9. С. 5-23; *Иловайский Д.И.* История России. Т. 2. М., 1880. С. 377-378 и др.

послереволюционной историографической традиции[15]. Особое место в этой связи занимает предвоенная и послевоенная советская историография: если в первые послереволюционные десятилетия, советские историки предпочитали не замечать «ордынский» фактор как таковой[16], то, начиная с 1930-х гг. интерес к этим сюжетам стал возрастать. С одной стороны, активное развитие получила публицистическая направленность работ, в которых на первый план ставилась проблематика «героической борьбы русского народа против иноземных завоевателей»[17]. При этом по умолчанию героями борьбы с монголами в равной мере оказывались все – и простые люди, и князья. С другой стороны, марксистская методология, ставившая на первое место анализ объективных причин исторических событий, также создавала предпосылки для того, чтобы исследователи не выходили за рамки, очерченные историографией предшествующего периода. Впрочем, с этих же позиций

---

[15] *Бестужев-Рюмин К.Н.* О злых временах татарщины. СПб., 1891. С. 5; *Греков Б.Д.* Татарское нашествие (XIII-XV вв.) // Исторический журнал. 1937. № 6. С. 52; *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., Л., 1950. С. 179, 199-200, 213; Очерки истории СССР. Период феодализма. XI-XV вв. Ч. 1. М., 1953. С. 832-834; *Пашуто В.Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 3, 81, 159 и др.

[16] *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. Ч. 1. М., 1899. С. 117. См. также: *Насонов А.Н.* Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сб. ст. Ред. Б. Греков, Ем. Ярославский, С. Бушуев. Т. 2. М., Л., 1940. С. 59-91. Ср.: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 54.

[17] *Альшиц Д.Н.* Нашествие Батыя. М., 1939; *Рыбаков Б.А.* Борьба Руси с Батыем // Народ-богатырь. IX-XIII вв. М., 1948. С. 36-55; *Орлов А.С.* Героические темы древней русской литературы. Л., 1945; Очерки истории СССР… Ч. 1. С. 836–838; *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. Л., 1958. С. 287-368; *Пашуто В.Т.* Героическая борьба… С. 150-172, *Шевяков В. Н.* Подвиг русского народа в борьбе против татаро-монгольских захватчиков XIII–XV вв. М., 1961. С. 22-37 и др.

факторы поражения русских земель оценивались и наиболее авторитетными зарубежными исследователями[18].

Лишь относительно недавно стали появляться работы, в которых исследователи обращают внимание на «персональную составляющую» поражения, а именно – на вопросы, связанные с готовностью или неготовностью правящих кругов русских княжеств к сопротивлению завоевателям. Важной историографической новацией стало наблюдение В.В. Каргалова, отметившего, что героическая оборона городов организовывалась и направлялась силами самого населения, а вовсе не местными князьями[19]. С этим корреспондируется наблюдение, касающееся ограниченности участия князей в сопротивлении завоевателям, что нашло отражение в специфике военных действий 1237-1240 гг.: как отмечает А.А. Горский, в отличие от стран Азии и государств Восточной Европы, «при прохождении монгольских войск через русские земли почти не было полевых сражений», а «все хорошо известные факты героического сопротивления Батыевым полчищам (были) связаны с обороной городов»[20]. Представляется важной и работа К.И. Комарова, сформулировавшего гипотезу, согласно которой наряду с анализом комплекса объективных обстоятельств, предопределивших плачевный для Руси исход противостояния, важно учитывать и характер действий самих

---

[18] *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200-1304. М., 1989. С. 124-127; *Hartog de L.* Russia and the Mongol Yoke. The History of the Russian Principalities and the Golden Horde 1221–1502. L., N.-Y., 1996. P. 15-18; *May T.* The Mongol Art of War: Chinggis Khan and the Mongol Military System. Westholme, 2007. P.108-109; *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750-1240. М., 2009. С. 571 и др. Ср.: *Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2017. С. 136-137 и др.

[19] Подробнее см.: *Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М., 1965. С. 90-92.

[20] *Горский А.А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 181-182.

правителей русских земель[21]. Тем не менее, на сегодняшний день наука не располагает данными о численности ни тех правителей, кто оказал действенное сопротивление завоевателям, ни тех, кто покинул свои территории, спасаясь от нашествия бегством. Неизвестно также соотношение погибших и спасшихся князей. В исследованиях многократно подчеркивалось, что монгольское завоевание нанесло серьезный удар всем социальным стратам русских земель[22], однако, вопрос о том, какими именно были потери в момент самого нашествия среди представителей княжеской корпорации, поднимался лишь эпизодически[23]. Даже в коллективной монографии, посвященной истории правящей элиты Русского государства, отсутствует комплексный анализ действий князей в годы нашествия[24]. Таким образом, данная исследовательская задача не решена и по сей день.

Действия отдельных князей-современников монгольского завоевания рассматривались как в упомянутых выше работах, касающихся истории нашествия Батыя, так и в обобщающих исследованиях, посвященных основным этапам жизни правителей русских земель, анализу их родственных

---

[21] *Комаров К.И.* О нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь в 1237-1238 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 94.

[22] Нашествие Батыя традиционно включается в число пертурбационных факторов, способствовавших снижению численности населения. Подробнее см.: *Горская Н.А.* Историческая демография России эпохи феодализма. Итоги и проблемы изучения. М., 1994. С. 72-73. Ср.: *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе (опыт исчисления). М., 1941. С. 88-89; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 104-105 и др.

[23] *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 1858. С. 134; *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С 58; *Юрганов А.Л.* У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX - начала XX в. М., 1991. С. 42. Подробнее см. главу 1 настоящего исследования.

[24] См.: Правящая элита Русского государства. IX - начала XVIII вв. Очерки истории. СПб., 2006. С. 66.

связей и ареалов политического влияния[25]. Есть немало и специальных работ, посвященных отдельным князьям-современникам нашествия, а также исторической памяти о них. Впрочем, изученность интересующей нас проблематики представляется весьма непропорциональной.

Значительное число работ посвящено великому князю владимирскому Юрию Всеволодовичу, его действиям в первые месяцы нашествия и особенно событиям на реке Сити. Несмотря на то, что, еще Н.М. Карамзин критически оценивал военные приготовления великого князя[26], последующие работы носили главным образом апологетический характер и были тесно связаны с традицией церковного прославления Юрия Всеволодовича[27]. Между тем,

---

[25] *Соловьев С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847; *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889; *Baumgarten N.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-au XIII siècle. Roma, 1927; *Войтович Л.В.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Киев, 2000; *Донской Д.В.* Справочник по генеалогии Рюриковичей / Под ред. Д.М. Шаховского. М.; Ренн, 1991; *Горский А.А.* Русские земли в XIII-XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016; *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006; *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до XIV в.) СПб., 2015; *Пчелов Е.В.* Рюриковичи: история и генеалогия. М., 2016 и др.

[26] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 4. С. 7.

[27] *Касаткин В.* Святой Благоверный Великий Князь Георгий Всеволодович, Чудотворец Владимирский. Владимир, 1882; *Меморский А.М.* Основатель Нижнего Новгорода великий князь Георгий (Юрий) II Всеволодович. (1189-1889). Нижний Новгород, 1889; *Овчинников М.В.* Жизнь и деяния святого благоверного великого князя Владимирского Георгия (Юрия) II Всеволодовича. Нижний Новгород, 1889 и др. Критический разбор краеведческой литературы, посвященной обстоятельствам и возможной локализации событий на реке Сити, см.: *Спиридонова Е.В.* Ярославский край в 1238 году: история изучения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. № 4-5. С. 4-9; *Авдеев А.Г.* Битва на Сити и Шеренский лес в пространстве современной

церковная биография великого князя, официальное прославление которого началось в 1645 г.[28], опиралась, прежде всего, на комплиментарный по отношению к Юрию Всеволодовичу рассказ Лаврентьевской летописи (далее - Лавр.) и восходящей к ней же Степенной книги, игнорируя при этом другие источники[29]. В рамках такого подхода поведение великого князя и события на реке Сити освещались в большинстве работ советского и постсоветского периодов[30]. Обзорные работы В.В. Каргалова, Л.В. Черепнина, Дж. Феннела были одними из немногих исследований, в которых приводились и альтернативные оценки действий Юрия Всеволодовича[31]. Серьезный вклад в преодоление исследовательской зависимости от трактовок событий 1238 г. в рамках апологетической традиции внесла работа К.И. Комарова, подвергшего критическому анализу действия великого князя Юрия Всеволодовича в

краеведческой мифологии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 17. Тверь, 2025. С. 88-102.

[28] Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. Подг. текстов и иссл. А.В. Сиренова. СПб., 2003. С. 24-25.

[29] *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 149-151 (первой пагинации).

[30] *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение… С. 212; Очерки истории СССР… Ч. 1. С. 832; *Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М., 1965. С. 53-56; *Гальперин Ч.* Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. С. 40-41; *Храпачевский Р.П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011. С. 212-213; *Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород, 2006; *он же.* Владимирский князь Георгий Всеволодович (1188-1238). Источниковедение. История. Историография. Автореферат дис. … д-ра. ист. наук. Ижевск. 2009; *он же.* Князь великий Георгий — основатель Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 2017 и др.

[31] *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 95-105; *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси XIII в. // Татаро-монголы в Европе и Азии. Сб. ст. М., 1977. С. 195; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси, 1200–1304. М., 1989. С. 120-121.

условиях нашествия[32]. Помимо обобщающих исследований, касающихся истории монгольского завоевания Суздальской земли[33], в последнее время были опубликованы два биографических исследования, посвященных Юрию Всеволодовичу: если А.А. Кузнецов, анализируя действия великого князя в 1238 г., хоть и с оговорками, полагался на повествование более апологетической по отношению к нему Лаврентьевской летописи[34], то А.Ю. Карпов, учитывал и критические оценки, отмечая стремление Юрия «уклониться от любого столкновения с татарами»[35]. Важный вклад в изучение событий 1238 г. и роли в них Юрия Всеволодовича внесла работа В.А. Кучкина, сформулировавшего новые подходы к анализу источников о нашествии и впервые в историографии высказавшего аргументированное мнение о том, что критическое по отношению к Юрию «новгородское описание (событий на реке Сити. – В.Р.) более походит на историческую реальность, чем рассказ Лаврентьевской летописи»[36]. Что касается эволюции исторической памяти о князе Юрии Всеволодовиче, исследования на этот счет носят единичный характер и относятся в основном к анализу источников XVI-

---

[32] *Комаров К.И.* Указ. соч. С. 87-96.

[33] *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). Курс лекций. М., 2001; *Жарко С. Б., Мартынюк А. В.* История восточных славян. Монгольское нашествие на Русь. Минск, 2003; *Хрусталев Д.Г.* Русь от нашествия до «ига». СПб, 2008 и др.

[34] *Кузнецов А. А.* Георгий (Юрий) Всеволодович великий князь Владимирский. М., 2024. С. 361.

[35] *Карпов А.Ю.* Великий князь Юрий Всеволодович. М., 2021. С. 202. Ср.: *Майоров А.В.* Завоевание русских земель в 1237-1240 годах // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 89-91.

[36] *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 3-30; История России. Т. 3. Государства и народы на территории России в XIII – начале XVI в. На пути к единому Русскому государства. Отв. ред. В.А. Кучкин, Е.Л. Конявская. М., 2025. С. 61-88 (автор раздела – В.А. Кучкин).

XVII вв., созданных после официальной канонизации князя в 1645 г.[37], при этом анализ эволюции образа великого князя в более ранних источниках не предпринимался. Практически за рамками научного изучения остались и обстоятельства гибели сыновей Юрия Всеволодовича, а также развитие памяти о них: как и в случае с самим великим князем, исследователи, как правило, всецело доверяли рассказу об обороне Владимира, дошедшему в Лавр., дополняя его по более поздним летописным источникам, восходящим к ней же[38]. Лишь в единичных случаях предпочтение отдавалось альтернативной версии событий, содержащейся в Ипатьевской летописи[39], при этом мотивы, по которым была выбрана та или иная трактовка, не приводились, зачастую же поведение князей в осажденном Владимире и вовсе оказывалось за рамками научного анализа[40]. Исторической памяти о погибшем на реке Сити ростовском князе Васильке Константиновиче посвящено всего несколько специальных работ[41]. То же самое можно сказать и про рязанских

---

[37] См.: Комарович В. Л. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. Л., 1936; *Самойлова Т.Е.* Святой князь Георгий Владимирский. История почитания // Канонизация святых на Руси. Материалы VI Российской научной конференции, посвященной Памяти Святителя Макария (10-12 июня 1998 года) Выпуск VI. Можайск. 1998. С. 145-154; Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. Подг. текстов и иссл. А.В. Сиренова. СПб., 2003; *Карпов А.Ю.* Великий князь Юрий Всеволодович… С. 218-224; *Горский А.А., Рябов А.Н., Преображенский А С.* Георгий (Юрий) Всеволодович // Православная энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 88-97.

[38] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 2-3. М., 1991. С. 639. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II. С. 138; *Гальперин Ч.* Указ. соч. С. 40-41; *Хрусталев Д.Г.* Русь от нашествия до «ига» … С. 109-116; *Карпов А.Ю.* Батый. М., 2011. С. 66-68 и др.

[39] Очерки истории СССР... С. 832; *Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие… С. 46; *он же*. Внешнеполитические факторы… С. 94.

[40] См., напр.: *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 7.

[41] *Fennell J.* The Tale of the Death of Vasil'ko Konstantinovič: A Study of the Sources // Osteuropa in Geschichte und Gegenwart: FS f. G. Stökl zum 60. Geburtstag. Köln, 1977. S. 34-46; *Плешанов Е.В.* Князь Василько ростовский (к 790-летию со дня рождения) // История и культура

князей, первыми принявших бой с монголами. Их мужественное поведение не ставится под сомнение в историографии: скорее, наоборот – в ряде исследований указывается на их недостаточное прославление потомками[42]. При этом характерной особенностью значительной части работ, посвященных действиям рязанских князей, является привлечение к анализу более поздней (середины XVI в.) «Повести о разорении Рязани Батыем», долгое время рассматривавшейся как источник, составленный в близкое к описываемым в нем событиям время[43].

Действия в годы нашествия Михаила Всеволодовича Черниговского и его последующая трагическая судьба давно привлекают внимание как

Ростовской земли. 1999: Материалы научной конференции. 10-12 ноября 1999 г. Ростов, 2000. С. 101-105; *Кучкин В.А.* Василько Константинович // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедии. М., 2014. С. 107; *Андреева Е.А.* «Подвизася на брани...»: образ Василька Константиновича Ростовского в Степенной книге // Русская речь. 2018. № 5. С. 56-61. См. также: *Приселков М.Д.* История русского летописания XI-XV вв. СПб., 1996. С. 141-142; *Лихачев Д.С.* Русские летописи... С. 282-286.

[42] *Хрусталев Д.Г.* Русь от нашествия до «ига»… С. 99-100. *Храпачевский Р.П.* Указ. соч. С. 208-201.

[43] *Шамбинаго С.К.* Исторические повести // История русской литературы. Т. 2. Литература 1220-х–1580-х гг. Ч. 1. М.; Л., 1945. С. 77-85; *Комарович В.Л.* К литературной истории Повести о Николе Зарайском // ТОДРЛ. Т. 5. М., Л., 1947. С. 57–72; *Лихачев Д.С.* К истории сложения Повести о разорении Рязани Батыем // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 48–51. Ср.: *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 154-168 и др. Критический анализ сообщаемых в «Повести» известий см.: *Горский А.А.* «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о разорении Рязани Батыем», Никоновская летопись: о начале русской исторической беллетристики // Исторический вестник. 2023. Т. 45. С. 156–171.

историков-любителей[44], так и исследователей[45]. Тем не менее, единственной обобщающей научной работой, посвященной жизни князя, до сих пор является монография М. Димника, вышедшая почти полвека назад[46]. Из новейших исследований, посвященных действиям Михаила Всеволодовича в годы нашествия, обстоятельствам его гибели в Орде и мотивам его посмертного прославления, стоит отметить работы Н.И. Пак, П.П. Толочко, А.Г. Юрченко, И.В. Белозерова, А.А. Горского, М. Димника, А.В. Майорова, А.В. Мартынюка и др.[47] Отдельно стоит отметить работу А.В. Лаушкина,

---

[44] *Иванчин-Писарев Н.Д.* Михаил, великий князь Киево-Черниговский и боярин его Феодор. М., 1839; *Павленко С.* Князь Михайло Чернігівський та його виклик Орді. Чернігів, 1996; *Нестеренко А.Н.* Князь Михаил Всеволодович Черниговский // Вопросы истории. 2021. № 12 (5). С. 69-86 и др.

[45] *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 421-512; *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 182-196; *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 280-288 и др.

[46] *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224– 1246. Toronto, 1981.

[47] *Пак Н.И.* Некоторые исторические замечания к летописной «Повести о Михаиле Черниговском» // Литература Древней Руси. М., 1981. С. 59-61; *Толочко П.П.* Князівська і життєва драма Михаила Чернігівського // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба. Чернігів, 1996. С. 13-14; *он же.* Дворцовые интриги… С. 212-221; *Юрченко А.Г.* Князь Михаил Черниговский и Бату-хан (К вопросу о времени создания агиографической легенды) // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность. СПб., 1997. С. 110-135; *Белозеров И. В.* Убийство князя Михаила Черниговского монголами в 1246 г. и монгольский языческий обряд при дворе хана Бату // Русское средневековье: сборник научных статей. 2000-2001 гг.: Источники. М., 2002. С. 4-16; *Горский А. А.* Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 138-154; *Димник М.* Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239-1245 гг. // Русин: международный исторический журнал. 2014. № 1 (35). С. 17-35; *Майоров А. В.* Михаил Черниговский в Силезии и битва под Легницей // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60). С. 23-35; *он же.* Тайна гибели Михаила Черниговского // Вопросы истории. 2015. № 9. С. 95-118; *Котляр*

предпринявшего попытку реконструировать «идеологический» контекст церковного прославления черниговского князя[48]. Политика Даниила Романовича Галицкого в годы нашествия и в последующий период стала предметом рассмотрения как авторов обобщающих работ[49], так и работ, посвященных отдельным моментам в его биографии. В отличие от почти единодушной оценки действий Михаила Черниговского как бегства, предпринятого в самый разгар нашествия, поездку князя Даниила «в Угры» в историографии часто трактуется как часть его дипломатических усилий, якобы направленных на формирование антитатарской коалиции[50]. Однако, часть исследователей также полагает возможным интерпретировать поведение князя как бегство[51].

Н.Ф. Михаил Всеволодович // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедии. М., 2014. С. 501; *Мартынюк А.* «Неявленные мученики»: к пониманию образа святого Михаила Всеволодовича, князя черниговского // Colloquia Russica. Series I. Vol. 8. Kraków, 2018. С. 273–279 и др.

[48] *Лаушкин А.В.* К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 3-25.

[49] *Дашкевич Н.П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873; *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси…; Галичина та Волинь у добу середньовіччя: до 800-річчя з дня народження Данила Галицького. Львів, 2001; *Котляр Н.Ф.* Данило Галицький: біографічний нарис. Київ, 2002; *Dąbrowski D.* Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w., Kraków, 2016 и др.

[50] *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси… С. 221, 223; *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 22, 257; *Dąbrowski D.* Op. cit. S. 221-223. Подробный обзор историографии см.: *Домбровский Д.* Даниил Романович // Православная энциклопедия. Т. 14. М., 2006. С. 124-125; *Мартынюк А.* Указ. соч. С. 278-279.

[51] *Горский А.А.* Русь: от славянского Расселения… С. 182; *Стефанович П.С.* Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240—1340 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 119.

Еще два правителя, действовавших в годы монгольского завоевания не упоминаются в источниках непосредственно в связи с нашествием. Тем не менее, память о них, с одной стороны, во многом формировалась под влиянием «ордынского фактора», а, с другой стороны, оказала заметное воздействие на существовавшую во второй половине XIII-XVI вв. систему оценок княжеского поведения. Это князья Александр Ярославич (Невский) и его отец Ярослав Всеволодович. Личности и деятельности князя Александра посвящено значительное число работ, тщательные обзоры которых опубликованы[52]. В последние годы характер взаимодействия Александра Невского с монгольскими властями, его усилия по отражению агрессии шведов и немцев, а также политика в отношении Рима анализировались в работах А.А. Горского, И.Н. Данилевского, В.В. Долгова, Ю.В. Кривошеева, В.А. Кучкина, А.В. Майорова, С.А. Масловой, А. Селарт, Ю.В. Селезнева, Р.А. Соколова, Д.Г. Хрусталева и др.[53]. Эти же проблемы были в центре обсуждения на научных

---

[52] *Сурмина И.О.* Александр Невский в новейшей отечественной историографии // Историк и историография (материалы научной конференции). Саратов, 1999. С. 21-25; *она же.* Александр Невский в русской дореволюционной историографии // Историографический сборник. Вып. 20. Саратов, 2002. С. 3-17; *Рыбаков С.П.* Образ Александра Невского в трудах евразийцев // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010. С. 371-382; *Соколов А.Р.* Александр Невский в современной историографии // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010. С. 407-438; *он же.* Александр Невский в отечественной культуре и исторической памяти. Автореферат дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2014; *Долгов В. В.* Биография Александра Невского в зеркале «исторического нарратива» // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях: альманах. Вып. 5. К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова / ред. А.В. Петров. СПб., 2016. С. 190-212; *Горский А. А.* Александр Невский как исторический деятель: спорные проблемы // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 10–27 и др. См. также: *Материкин А.В.* Святой благоверный великий князь Александр Невский: библиографический указатель печатных изданий (1720-2019). Волгоград, 2020.

[53] *Кучкин В.А*. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // ОИ. 1996. № 5. С. 18-33; *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и

конференциях и в коллективных монографиях, посвященных юбилейным датам[54]. Одним из дискуссионных является вопрос о мотивах раннего (сразу после кончины) прославления князя. Попытки выделить из общего ряда достоинств Александра Невского те поступки, которые могли стать непосредственной причиной такого отношения к князю, предпринимаются давно[55]. В настоящее время на первое место ставится особая роль князя в

потомков (XII—XIV вв.). М., 2001; *Горский А.А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // Александр Невский и история России (Материалы научно-практической конференции). Новгород, 1996. С. 64–75; *он же*. Плано Карпини, Александр Невский и планы хана Гуюка // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). С. 5–11; *он же.* Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31-37; *он же.* Долгосрочные последствия деятельности Александра Невского // Александр Невский. Личность. Эпоха. Историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 22-30; *Селезнёв Ю.В.* Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 36-41; *Хрусталев Д.Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII-XIII вв. СПб., 2012; Selart A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden, 2015; *Кривошеев Ю.В., Соколов А.Р.* Александр Невский. Эпоха и память. СПб., 2018; *Долгов В.В.* Феномен Александра Невского. Русь XIII века между востоком и западом. М., 2020; *Майоров А.В.* Александр Невский, римский папа и монгольский хан. К вопросу о «выборе» между Западом и Востоком // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 5-24; *Маслова С.А.* К оценке восточной политики Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35. С. 44-59 и др.

[54] Князь Александр Невский: Материалы научно-практической конференции 1989 и 1994 гг. СПб., 1995; Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995; Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 1995 г. Новгород, 1996; Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010; Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия). М., 2021; Благоверный великий князь Александр Невский: «Блистая славою на земле и на Небесах». М., 2021 и др.

[55] Русская дореволюционная историография вслед за поздней агиографической традицией оценивала заслуги князя, исходя из всей совокупности его христианских добродетелей, а

защите православия от католической экспансии[56]. Однако такая трактовка плохо соотносится с данными современной науки, согласно которым в то время в русских землях отсутствовало однозначно отрицательное отношение к латинскому миру, которое фиксируется лишь в памятниках, созданных в XIV в.[57].

Развитие исторической памяти об Александре Невском стало предметом анализа отечественных и зарубежных исследователей, наиболее значительные работы которых вышли в начале текущего столетия. Ф.Б. Шенк подробно остановился на региональных и политических аспектах прославления

также ставших известными случаев чудес. См.: *Хитров М.И.* Святой благоверный князь Александр Невский: подробное жизнеописание. СПб., 1899. С. 351-353; *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 65. Ср. *Клепинин Н.А.* Святой и благоверный великий князь Александр Невский. М., 1993. С. 98. Советская историческая наука, которая только с конца 1930-х годов стала уделять внимание фигуре Александра, оценивала князя, прежде всего, с точки зрения «общественного признания его заслуг перед родиной», вынося за скобки анализ религиозных мотивов его прославления. См.: *Орлов А.С.* Александр Невский в средневековой литературе // Вестник АН СССР. М., 1942. № 4. С. 79; *Соколов Р.А.* Александр Невский и евразийцы // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, личностях, идеях. Научный журнал. 2020. № 1 (12). С. 211.

[56] *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 93, 99; *Вернадский Г.В.* Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 318-319, 335; *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. Л., 1978. С. 195; *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI-XVI вв.) М., 1986. С. 79-80; *Данилевский И.Н.* Александр Невский: Парадоксы исторической памяти // Цепь времен. Проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 126; *Кудрявцев О.Ф.* Александр Невский и католический Запад // Александр Невский. Личность. Эпоха. Историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 81 и др..

[57] *Флоря Б.Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2017. С. 215; *Лаушкин А.В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI-XIII вв. М., 2019. С. 243-245; *Костромин К.А.* Св. Александр Невский и латинский Запад глазами древнерусских агиографов // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 124-130.

великого князя, однако, анализ интересующего нас периода занял лишь десятую часть исследования (основное внимание историк уделил более поздним этапам исторической памяти об Александре Невском)[58]. М. Исоахо, чья работа посвящена прославлению князя в период со второй половины XIII по конец XVI в., исследовала возникновение культа св. Александра в трех ипостасях – как защитника границ, защитника интересов династии и защитника православия, а также предприняла анализ основных этапов эволюции княжеского образа, который, по ее словам, «постоянно развивался в ответ на требования политической ситуации, перенимая добродетели, считавшиеся идеальными»[59]. Основные этапы развития культа князя изучены также А.В. Сиреновым[60].

Историографическая традиция изучения биографии великого князя Ярослава Всеволодовича куда более скромна[61]. На этом фоне важным

---

[58] *Schenk, F. B.* Aleksandr Nevskij. Heiliger – Fürst – Nationalheld. Eine Erinnerungsfigur im russischen kulturellen Gedächtnis (1263–2000). Böhlau, Köln usw., 2004. Пер.: *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000) М., 2007. См. также: *Болтунова Е.М.* [Рец.:] Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000) М., 2007 // Отечественные записки. 2008. № 5 (44). С. 125-128.

[59] *Isoaho M.* The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. Leiden; Boston: Brill, 2006. P. 283. См. также: *Сиренов А. В.* [Рец.:] Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. — Leiden; Boston: Brill, 2006. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1-2. С. 263-266.

[60] *Сиренов А.В.* Александр Невский в культуре России средневековья и нового времени // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2016. М., 2017. С. 368-380.

[61] Из работ обобщающего характера можно отметить лишь научно-популярную книгу и статью, авторы которых не являются непрофессиональными историками: *Андреев А.Р.* Великий князь Ярослав Всеволодович Переяславский. Документальное жизнеописание. Историческая хроника XIII в. М., 1998; *Нестеренко А.Н.* Ярослав Всеволодович // Вопросы истории. 2014. № 11. С. 31-47.

явлением стала обстоятельная биографическая статья П.В. Лукина, подготовленная на обширном источниковом материале для «Православной энциклопедии»[62]. Кроме того, в последнее время появился целый ряд работ, посвященных отдельным эпизодам биографии князя, в том числе, имеющим отношение к «ордынской» проблематике[63]. Отдельно стоит выделить работы, посвященные обстоятельствам кончины Ярослава Всеволодовича в Монголии[64]. Вопросы, касающиеся эволюции исторической памяти о великом князе, в историографии затрагивались лишь фрагментарно[65]. Существует

---

[62] *Лукин П.В.* Ярослав Всеволодич // Православная энциклопедия. Т. 75. М., 2025. С. 628-635.

[63] *Горский А.А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Русскыя земли» (к 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. Л., 1990. С. 30-33; *он же.* Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодича // Исторический вестник. 2018. Т. 25 (172). С. 30–39; *он же.* Наследование великого княжения в середине XIII в…. С. 31-37; *Кучкин В.А.* К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 71-80; *Долгов В.В.* Родители Александра Невского в отечественной историографии и генеалогии // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2020. Вып. 1. С. 88-94; *Рудаков В.Н.* Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича на Каменец (1239 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89). С. 15-31 и др.

[64] *Горский А.А.* Об обстоятельствах гибели великого князя Ярослава Всеволодича // «По любви, в правду, безо всякие хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию Владимира Андреевича Кучкина. М., 2014; *Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р.* «Нужная смерть» великого князя: к вопросу о причинах и обстоятельствах кончины Ярослава Всеволодовича осенью 1246 г. // Золотоордынское обозрение 2023. № 11 (3). С. 562-581; *Майоров А.В., Веселов Ф.Н.* «Благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви»: латинские источники по последних днях великого князя Ярослава Всеволодовича // Российская история. 2025. № 1. С. 3-14; *Рудаков В.Н.* «Все полагали, что он был отравлен»: формирование памяти о кончине великого князя Ярослава Всеволодовича (середина XIII – XVI в.) // Там же. С. 15-33.

[65] *Gorlin M.* Le Dit de la mine de la terre Russe et de la mort du grand prince Jaroslav // Revue des etudes slaves. XXI. Paris, 1947. P. 5-33; *Кузьмина В.Д.* Критико-библиографический обзор

также историография, посвященная ростовским князьям того времени, однако, она также весьма скромна[66].

Проблемы, связанные с определением критериев оценки действий князей в условиях военных конфликтов, были подняты в классических работах А.Е. Преснякова и Д.С. Лихачева, отмечавших, что храброе поведение на поле боя считалось одной из главных княжеских добродетелей[67]. Однако в этих работах речь шла преимущественно о домонгольском периоде и о представлениях, распространенных прежде всего, в «дружинной» среде. На более широком источниковом материале проблематика, связанная с представлениями о должном поведении князей, исследована в специальных работах Б.Н. Флори, А.А. Турилова, Т.Л. Вилкул, Ю.В. Кагарлицкого, А.В. Прошина и др.[68]. Отдельно следует отметить исследования А.А. Горского,

---

статей и заметок по истории древнерусской литературы в журнале «Revue des etudes slaves» (1932—1955) // ТОДРЛ. Т. 13. М., Л., 1957. С. 632; *Соловьев А.В.* Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. Т. 15. М., Л., 1958. С. 94-107.

[66] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М., Л., 1940. С. 59-66; *Лаушкин А.В.* Малоизученный эпизод ростовского летописания второй половины XIII в. // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 6-13; *он же.* Летописный некролог ростовскому князю Глебу Васильковичу // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006. С. 174-179; *Плешанов Е. В.* Княгиня Мария Ростовская // // История и культура Ростовской земли. 2002. Ростов, 2003. С. 112-118; *Рудаков В.Н.* Князь Борис Василькович Ростовский в исторической памяти XIII—XVI веков // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2013. № 1 (11). С. 18-25.

[67] *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993; *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси // *Лихачев Д.С.* Избранное. Т. 3. Л., 1987.

[68] *Флоря Б. Н.* Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII вв.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.) / под ред. Б. Н. Флори. М., 2012. С. 9–94; *Турилов А. А.* Образ правителя в русских летописных «некрологах» XI–XIII вв. // АНФОЛОГИОН: Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. Москва, 2008. С. 195–209; *Вилкул Т.Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI-XIII вв. М., 2009; *Кагарлицкий Ю. В.* Позитивные характеристики поведения воина на поле боя

проследившего эволюцию отношения к феномену защиты своей земли в источниках XI–XV вв.[69], и А.С. Хорошева, предпринявшего анализ характера княжеской канонизации того времени. Среди прочего, в работе последнего был поднят вопрос о том, что ни один из князей, причисленных к лику святых, «не продемонстрировал военного мужества, необходимого для гражданского звучания культа»[70]. Стоит также выделить работу И. Долманьоша, впервые сформулировавшего исследовательскую задачу по изучению «отъездов» князей в ситуации военной опасности[71]. Однако, вопрос о том, как это соотносилось с мировоззренческой установкой средневековых книжников, в соответствии с которой главными чертами идеального князя являлись храбрость и мужество, был оставлен исследователем без внимания.

Таким образом, в современной историографии до сих пор нет обобщающих работ, посвященных комплексному анализу действий русских князей в годы нашествия Батыя, а также эволюции представлений о них в историописании второй половины XIII-XVI вв. Наука не располагает данными о численности правителей, оказавших действенное сопротивление завоевателям, и тех, кто покинул свои территории, спасаясь от нашествия бегством, неизвестно также соотношение погибших и спасшихся князей.

и семантические сдвиги в их интерпретации в русской культуре Нового времени // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В. М. Живова. М., 2009. С. 271–315; *Прошин А.В.* Образ идеального князя-воина в некрологах древнерусского летописания (XI – начало XIII в.) [Электронный ресурс] // Vox medii aevi. 2025. Vol. 1 (12). С.13–36. URL: https://voxmediiaevi.com/2025-1-proshin/ Дата обращения: 25 декабря 2025 г.

[69] *Горский А.А.* Представления о защите Отечества в средневековой Руси (XI–XV вв.) // Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). М., 1994. С. 6–15.

[70] *Хорошев А.С.* Указ. соч. С. 77.

[71] *Долманьош И.* Политика личной безопасности и военной защиты великих русских князей в средневековье: Русские аналогии некоторым европейским «регифугиям» // Etudes historiques hongroises 1985 publees i 1'occasion du XVI Congres international des Sciences Historiques par le Comite National des Historiens Hongrois. Budapest, 1985. Bd. 1. C. 151-176.

Существуют серьезные лакуны в реконструкции представлений средневековых книжников о поступках отдельных правителей русских земель (например, великого князя владимирского Юрия Всеволодовича и его сыновей). Не изучена эволюция памяти о князе Михаиле Черниговском, а также о великом князе владимирском Ярославе Всеволодовиче. Не решен вопрос о мотивах раннего прославления святого благоверного князя Александра Невского и последующей эволюции его образа как защитника русской земли перед лицом ордынской угрозы. В историографии практически не представлены работы по анализу отношения книжников к бегству князей, носившему явно неединичный характер[72]. Наконец, отсутствуют работы по трансформации представлений о должном поведении правителей русских земель в условиях внешней угрозы, сформировавшиеся на протяжении XIV-XVI вв. и влиявшие, в том числе, и на ретроспективное восприятие поступков князей-современников нашествия.

Описанные выше особенности историографической ситуации определяют стоящие перед исследованием цель и задачи, а также - предмет, объект, хронологические рамки, источниковую базу работы, ее научную новизну и актуальность.

Объект исследования - повествования о действиях правителей русских земель - современников нашествия Батыя в историописании второй половины XIII - XVI в.

Предмет исследования – эволюция представлений о поступках русских князей-современников монгольского завоевания, совершенных ими в годы нашествия и вскоре после него, в отечественных летописных и агиографических памятниках второй половины XIII – XVI в.

---

[72] Единственные работы на этот счет принадлежат перу автора настоящего исследования – см.: *Рудаков В.Н.* Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского (бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 15-27; *он же.* Древнерусские книжники о бегстве князей от татар // Там же. 2012. № 1 (47). С. 52-61.

Цель исследования - реконструировать общую картину поведения русских князей-современников нашествия Батыя и эволюцию исторической памяти о них в историописании второй половины XIII-XVI вв.

Для решения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- выявить существовавшие в домонгольский период представления об идеальном образе князя-воина и определить, в какой мере реальные действия князей соотносились с этим образом;

- на основе анализа ранних сообщений русских летописных и агиографических произведений определить общее число князей, действовавших в период нашествия Батыя, и выявить соотношение тех, кто сражался с врагом и тех, кто избегал столкновений с ним;

- реконструировать отношение книжников к возможности и невозможности сопротивления нашествию в русском историописании второй половины XIII в.;

- на основе комплексного анализа известий о нашествии Батыя, определить характер работы книжников над ранними летописными рассказами о действиях князей, погибших от рук завоевателей.

- проанализировать направления трансформации образов русских князей, погибших во время нашествия Батыя, в основных летописных сводах XV-XVI вв.

- реконструировать мотивы князей Михаила Черниговского и Даниила Галицкого, покинувших подконтрольные им территории накануне нашествия Батыя, а также определить отношение книжников второй половины XIII – XVI в. к бегству князей от врага;

- определить причины, по которым факт бегства Михаила Черниговского не стал препятствием для его церковного прославления, и проанализировать направления эволюции образа князя в историописании XV-XVI вв.;

- реконструировать мотивы раннего церковного прославления Александра Невского и выявить основные направления эволюции образа князя в

летописании и произведениях агиографии XV-XVI вв. в части, касающейся восприятия книжниками его отношений с татарами;

- установить этапы формирования памяти о князьях Борисе Васильковиче и Ярославе Всеволодовиче, реконструировав механизмы формирования княжеской репутации в условиях отсутствия необходимой для этого информации;

- реконструировать мировоззренческий контекст осмысления действий князей-современников нашествия Батыя в произведениях историописания XV-XVI вв. и выявить идеологические основы для формирования в этот период нового нравственного императива поведения правителей русских земель.

Хронологические рамки исследования ограничиваются второй половиной XIII в. - временем создания наиболее ранних из дошедших до нас летописных и агиографических текстов, посвящённых князьям-современникам нашествия Батыя, и концом XVI в. К этому времени Русское государство завершило процесс присоединения к себе большинства бывших ордынских «царств», в силу чего история начального этапа русско-ордынских отношений стала терять свою злободневность для современников. Одновременно с этим возникают новые, отличные от традиционных средневековых, формы и способы передачи исторических знаний, новые приемы работы с историческим материалом[73]. Драматические же события начала XVII в. и вовсе актуализирует совершенно иную историческую и публицистическую проблематику, на долгие годы вытесняя на обочину исторической памяти эпоху Батыева нашествия[74].

---

[73] *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 14-16; *Насонов А.Н.* История русского летописания XI - начала XVIII вв. М., 1969. С. 478-479; Очерки истории русской культуры XVI в. Ч. 2. М., 1977. С. 141-144; *Сиренов А.В.* Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 3.

[74] *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л., 1947. С. 375-376; *он же.* О летописном периоде русской историографии // Вопросы истории. 1948.

Теоретико-методологическая база диссертации основывается на теоретических разработках и методическом инструментарии современной исторической науки. Научный метод представляет собой совокупность принципов, правил и процедур, обеспечивающих «взаимодействие субъекта исследования с познаваемым объектом с целью решения поставленной исследовательской задачи»[75]. Основополагающими для диссертационного исследования стали принципы историзма, объективности и детерминизма. Принцип историзма предполагает рассмотрение любого явления в контексте конкретно-исторических условий его происхождения и развития, в тесной взаимосвязи с другими историческими процессами и явлениями[76]. Принцип объективности подразумевает воссоздание исторических реалий с опорой на подлинные факты и выявленные наукой закономерности исторического развития[77]. Принцип детерминизма опирается на представление, согласно которому все наблюдаемые явления «не случайны, а имеют причину, обусловлены определенными предпосылками, и вся действительность предстает как сплетение причинно-следственных связей»[78]. В работе использовались общенаучные методы исследования - восхождения от

№ 9. С. 21- 40; *Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 39-44.

[75] *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 138. Ср.: *Кром М.М.* «Методы» и «подходы»: происхождение и эволюция ключевых понятий современного исторического дискурса // Новое прошлое/ The New Past. 2021. № 4. С. 94.

[76] *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания. Учебное пособие. М., 2008. С. 208-284; *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 438-439; Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 149-151.

[77] Там же. С. 347-349.

[78] Там же. С. 88; *Мартюшов Л.Н.* Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2016. С. 29.

конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, индукция и дедукция, анализ и синтез, описание и измерение и др.[79]

Исходя из цели работы, использовались следующие специально-исторические методы исследования: историко-критический (обеспечивающий корректное извлечение из источников достоверной информации и реконструкцию на ее основе исторических фактов), сравнительно-исторический (позволяющий вскрывать сущность изучаемых явлений и по сходству, и по различию присущих им свойств[80]), историко-типологический («отвечающий» за типологизацию и классификацию исторических явлений и процессов), структурный (состоящий в выявлении устойчивых связей внутри системы, обеспечивающих сохранение ее основных свойств[81]), историко-системный (позволяющих осуществлять переход от конкретно-исторического знания к теоретическому, к пониманию законов функционирования социальной системы как таковой[82]), историко-динамический (направленный на оценку изменений во времени[83]), историко-генетический (необходимый для выявления и анализа причинно-следственных связей, объясняющих изменение исторической реальности[84]).

Особое место в работе уделяется использованию статистического[85] метода, позволяющему решать вопрос о количественных параметрах поведения

---

[79] *Ковальченко И.Д.* Указ. соч. С. 145-159; Теория и методология истории. Учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград, 2014. С. 390-399.

[80] Подробнее см.: *Ковальченко И.Д.* Указ. соч. С. 171-172; *Румянцева М.Ф.* Теория истории. М., 2002. С. 203-217; *Мазур Л.Н.* Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 455-476; *Кром М. М.* Введение в историческую компаративистику. Учебное пособие. СПб., 2015. С. 119-155ю

[81] Теория и методология истории... С. 402.

[82] *Мазур Л.Н.* Указ. соч. С. 424.

[83] Подробнее см.: там же. С.432-441.

[84] *Ковальченко И.Д.* Указ. соч. С. 169-170; *Мазур Л.Н.* Указ. соч. С. 476-486.

[85] *Смоленский Н.И.* Теория и методология истории. Учеб. пособие. М., 2008. С. 250-259.

правителей русских земель в условиях нашествия, а также методам терминологического[86] и текстологического[87] анализа, интерпретации текста и релевантных контекстов[88]. Выявление и анализ терминологии, применяемой книжниками для описания действий князей, а также используемых ими явных и скрытых цитат из текстов Священного Писания, произведений Отцов Церкви, русских и зарубежных средневековых летописных, агиографических, литературных произведений, имели огромное значение для восстановления смыслового и аксиологического контекста, актуального для рассказов о действиях правителей русских земель в рассматриваемый период. Методологической основой работы стало также сопоставление действий князей как с устоявшимися книжными представлениями о должном поведении правителя в условиях войны, так и с реальными поведенческими практиками предшествующего нашествию исторического периода. Текстологический анализ составленных в разное время редакций летописных и агиографических произведений, посвященных действиям князей-современников Батыева нашествия, а также герменевтический анализ данных им книжниками оценочных характеристик, позволили проследить направления трансформации исторической памяти об указанных правителях. Особое место в работе с летописными и агиографическими произведениями второй половины XIII – XVI в. было уделено выявлению фактов и интерпретации причин редакторских сокращений текстов, мотивов их переработки и дополнения новыми деталями, подробностями и смыслами.

Важной методологической составляющей исследования является анализ ментальных установок русских средневековых книжников, выступавших главными фиксаторами исторических событий, в том числе, связанных с

---

[86] Там же. С. 243-249.

[87] *Лихачев Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X-XVII вв. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л., 1983.

[88] Подробнее см.: *Петрова М.* Современные методы и подходы просопографии (мастерская исследователя) // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 3. С. 945.

нашествием. «Теоретическим фундаментом» многочисленных исторических концепций русского средневековья был провиденциализм[89], выражавшийся, прежде всего, в представлении о том, события земной жизни человека являются отражением событий «мира невидимого», а сами факты земной жизни в сознании человека предстают «не иначе как знаки и образы, связанные с действием и волеизъявлением Творца»[90]. Такой взгляд влиял на восприятие и изображение монгольского нашествия, оценку действий русских князей[91], осмысление возможностей противостояния врагу, причин поражений и перспектив побед[92]. В рамках исследования учитывалась также диалектическая взаимосвязь военно-политических реалий и ментальных

---

[89] *Борисов Н.С.* Политика Московских князей (конец XIII – первая половина XIV в.) М., 1999. С. 30.

[90] *Кириллин В. М.* Символика чисел в древнерусских сочинениях XVI века // Естественнонаучные представления в Древней Руси. М., 1988. С. 106; *Данилевский И. Н.* Библия и Повесть временных лет (К проблеме интерпретации летописного текста) // ОИ. 1993. № 1. С. 79; *Лаушкин А.В.* Русь и соседи… С. 93-127 и др. Ср.: *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 25-26.

[91] *Щапов Я. Н.* Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях // Церковь в истории России. Сб. 2. М., 1998. С. 7.

[92] *Миллер О. Ф.* О древнерусской литературе по отношению к татарскому игу // Древняя и новая Россия. 1876. № 5. С. 57. *Шамбинаго С. К.* Русское общество и татарское иго // Русская история в очерках и статьях. Т. 1. М., 1909. С. 576–587; *Шахматов М. В.* Отношение древнерусских книжников к татарам // Труды IV съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Т. 1. С. 165–173; *Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI—XIV вв.). М., 1960; *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая половина XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – нач. XX в. Вып. 1. М., 1990. С. 15-69; *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников. 3-е изд. доп. и испр. М., 2017; *Лаушкин А.В.* Митрополит Кирилл II… С. 211-224; *Амелькин А.О., Селезнев Ю.В.* Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII-XVII вв. Воронеж, 2004; *они же.* Куликовская битва в сознании современников и потомков. Воронеж, 2006 и др.

установок людей того времени, поскольку, в соответствии общими законами социальной психологии[93], изменения военно-политической ситуации влекли за собой перемены в осмыслении действительности, при этом сами ментальные установки «влияли на поведение людей в складывавшихся новых политических обстоятельствах»[94].

Научные методы критической оценки достоверности и интерпретации сведений летописных источников были разработаны и успешно применены в трудах А.А. Шахматова, М.Д. Приселкова, А.Н. Насонова, Д.С. Лихачева, Я.С. Лурье и др.[95] Особенности жанрового своеобразия и методы научного анализа агиографических произведений сформулированы в работах В.О. Ключевского, В.П. Адриановой-Перетц, Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, Б.И. Бермана, М.Ю. Плюхановой, А.А. Пауткина, Т.Р. Руди, В.М. Живова и др. [96]. Комплексное

---

[93] *Выготский Л.С.* Сознание как проблема психологии поведения // *Выготский Л.С.* Собрание сочинений в 6-ти тт. Т. 1. М., 1982. С. 78-98.

[94] Подробнее см.: *Горский А.А.* Представления о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2. Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 31.

[95] *Шахматов А.А*. Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М., Л., 1938; *Приселков М.Д.* История русского летописания XI-XV вв. СПб., 1996; *Насонов А.Н.* История русского летописания…; *Лихачев Д.С*. Текстология. На материале русской литературы X-XVII вв. 2-е изд., перераб. и доп. Л., 1983; *Лурье Я.С.* Критика источника и вероятность известия // Культура Древней Руси: Сб. ст. к 60-летию Н. Н. Воронина. М., 1966. С. 121–126.; *он же.* О гипотезах и догадках в источниковедении // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977. С. 26-41; *он же.* О путях доказательство при анализе источников (на материала древнерусских памятников) // Вопросы истории, 1985. № 5. С. 61-68 и др.

[96] *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990; *Адрианова-Перетц В. П.* Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 20. М., Л., 1964. С. 41-71; *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979; *Дмитриев Л.А*. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII-XV вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 208-262; *он же.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII

применение перечисленных методов дает возможность решения поставленных в диссертации задач.

Понятийный аппарат исследования. Ключевым понятием, используемым в данной работе, является понятие «историописание», которое на протяжении последних десятилетий активно применяется в исследовательской литературе для обозначения «совокупности текстов о прошлом, написанных в определенное время и в определенном регионе»[97], не подпадающих при этом под определение научных в современном смысле слова и в этом плане не являющихся частью традиционной историографии[98]. Под историописанием обычно понимается письменная фиксация исторических событий от кратких известий или перечней до развернутых

веков. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973; *Берман Б. И.* Читатель жития: (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. Сб. ст. М., 1982. С. 159-183; *Плюханова М. Б.* К проблеме генезиса литературной биографии // Литература и публицистика: проблемы взаимодействия. Тарту, 1986. С. 122-133; *Пауткин А. А.* Древнерусские святые князья. Агиологический тип как культурно-историческая система // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 1. М., 1994. С. 212-224; *Руди Т. Р.* Средневековая агиографическая топика: Принцип *imitatio* и проблемы типологии // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный съезд славистов (Любляна, авг. 2003): доклады российской делегации / Отв. ред. Л. И. Сазонова. М., 2002. С. 40-55; *она же.* Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 59-101; *Живов В. М.* Ранняя восточнославянская агиография и проблема жанра в древнерусской литературе ре // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 720-734 и др.

[97] *Мереминский С.Г.* Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 18.

[98] См.: *Бобкова М. С.* Терминологический инструментарий исторической науки: к постановке проблемы // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. № 13. Вып. 15. С. 102-108. См. также: *Рикер П.* Историописание и репрезентация прошлого // Анналы на рубеже веков: антология / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 2002. С. 23-41; История и память… С. 19-46.

нарративов[99]. Использование этого понятия оправдано, прежде всего, спецификой средневековых текстов, деление которых в рамках современной системы жанров зачастую представляется искусственным и спорным, что находит подтверждение на материале источников второй половины XIII - XVI в.[100]. В рамках данной работы речь идет, прежде всего, о памятниках летописания, которые, наряду с произведениями, относящимися к агиографическому жанру, принято считать одними из наиболее значимых ранних форм историописания[101]. В работе также используется понятие «историческая память», под которой понимается «тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях»[102]. Передача исторической памяти непосредственно связана с процессом отбора фактов, их упорядочивания, а

---

[99] *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М., 2012. С. 23-24; *Мереминский С. Г.* Понятие «историописание» в отечественной исторической науке XXI в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 2 (56). С. 19. URL: https://history.jes.su/s207987840001704-3-1/. Дата обращения: 25 декабря 2025 г.

[100] *Покровский Н.Н.* Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. Отв. ред.: Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М., 2007. С. 99. Ср.: *Сиренов А.В.* Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 3.

[101] *Чала О.* Історіописання // Історіографічний словник / за ред. С. І. Посохова. Харків, 2004. С. 102-103; *Гимон Т.В.* К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. Отв. ред. тома. Д. Д. Беляев и Т.В. Гимон. М., 2016. С. 748-800.

[102] *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С. 9-10. Подробнее см.: *Савельева И. М., Полетаев А. В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. Отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М., 2005. С. 189-191.

затем «переупорядочивания»: придание памяти о прошлом нового значения само по себе является социальным процессом, требующим соответствующего изучения[103]. При этом главные вопросы, ответы на которые ищет историк, изучающий историческую память, связаны не столько с реконструкцией реального события, сколько с тем, «что и как рассказывалось о событии, как от эпохи к эпохе менялись акценты в повествованиях, какие новые смыслы вписывались в готовый сюжет?»[104].

Источниковая база исследования. Важнейшими источниками по истории средневековой Руси являются летописи[105]. Наиболее ранние из дошедших до нас рассказов о нашествии содержатся в Новгородской первой старшего извода[106] (далее – НПЛ), Ипатьевской[107] (далее – Ипат.) и Лаврентьевской[108] (далее – Лавр.) летописях, представляющих, соответственно, новгородское и галицко-волынское летописание, а также летописание Суздальской земли[109]. Сами по себе эти рассказы «являются довольно цельными произведениями, родившимися в составе летописей и на их основе», но при этом «характеризуются некоторой обособленностью

---

[103] *Репина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. Отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М., 2005. С. 146.

[104] *Репина Л.П.* Культурная память… С. 24; *Сафронова Ю.А.* Историческая память. Введение. Учебное пособие. СПб., 2019. С. 15-21.

[105] Необходимые для целей настоящего исследования летописные и другие источники опубликованы: см. далее ссылки на соответствующие издания. В основе характеристики используемых летописных сводов лежит работа: *Лурье Я.С.* Генеалогическая схема летописей XI–XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 190-205.

[106] ПСРЛ. Т. 3. М., 2000.

[107] Там же. Т. 2. М., 1998.

[108] Там же. Т. 1. М., 1997.

[109] *Насонов А.Н.* Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. // Проблемы источниковедения. Т. 11. М., 1963. С. 439-445; *он же*. История русского летописания… С. 180-187.

внутри летописного окружения»[110] и не могут быть сведены друг к другу[111]. Время их создания не выходит на пределы XIII в., однако, по поводу более точных датировок в науке нет единого мнения. Так, интересующая нас часть НПЛ, как показал А.А. Гиппиус, была создана Тимофеем пономарем, верхняя граница работы которого над летописью определяется 1274 г.[112] Что касается нижней границы создания рассказа НПЛ о нашествии Батыя, то о ней можно судить лишь условно: вполне возможно, его составитель мог опираться на сообщения участников событий[113], а также на выдержки из более ранних рязанских летописных рассказов[114]. Повествование Ипат., судя по всему, представляет собой компиляцию из вкраплений летописного текста, различающихся по времени и месту возникновения. С одной стороны, в

---

[110] *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей о нашествии Батыя летописях и летописно-хронографических сводах XIV-XVII вв. Дис. … канд. филол. наук. Машинопись. Новосибирск, 1989. С. 45.

[111] *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о монголо-татарском нашествии на Русь // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник. СПб, 2003. С. 82.

[112] *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 6 (16). СПб., 1997. С. 8-12.

[113] См. подробнее: *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 7–8, 14–15.

[114] *Комарович В.Л.* Рязанский летописный свод XIII века // История русской литературы. Т. II. Ч. I. М., Л., 1945. С. 75. С его мнением согласились и многие другие исследователи. См., напр.: *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 157–158; *Насонов А. Н.* История русского летописания…. С. 184–185; *Лихачев Д. С.* К истории сложения... С. 261–262; Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV-XV вв. Л., 1976. С. 34; *Феннел Дж.* Указ. соч. С. 117; *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго… С. 22; *Майоров А.В.* Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 134 и др. Несколько иного мнения придерживается, например, А. Ю. Бородихин, который полагает, что составитель рассказа НПЛ воспользовался как минимум тремя источниками: помимо владимирского и ростовского, еще и южнорусским. См.: *Бородихин А. Ю.* Указ. соч. С. 57, 68, 73.

интересующей нас части Ипат. передает впечатления южнорусского книжника, с другой стороны, в ней подробно повествуется о событиях, произошедших в Черниговской и Суздальской земле, то есть вдалеке от места создания рассказа[115]. Есть основания полагать, что повествование о нашествии Батыя в составе Ипат. могло быть создано во второй половине 1240-х- начале 1260-х гг., однако, нельзя исключать, что и в дальнейшим этот текст подвергался редактуре, судить о масштабах которой весьма затруднительно[116]. Из трёх упомянутых рассказов о нашествии текст Лавр. - самый большой по объему и, видимо, самый поздний. Он неоднороден по составу, носит черты многократной редактуры, содержит риторические отступления и включает в себя три с лишним десятка цитат разного объема из предшествующих статей той же Лавр.[117]. В основе этой летописи, список которой датируется 1377 г., лежал гипотетически восстанавливаемый «Тверской великокняжеский свод 1305 г.»[118], который, в свою очередь базировался на материалах ростовского и владимирского летописания. По поводу того, когда произошло их соединение,

---

[115] Это рассказы о «рязанском эпизоде» нашествия, об осаде Владимира-на-Клязьме, Суздаля, Козельска, о событиях на Сити и пр. См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778–781.

[116] *Бородихин А. Ю* Указ. соч. С. 64; *Ужанков А. Н.* «Летописец Даниила Галицкого» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1. М., 1989. С. 270-274; *Кучкин В.А.* Летописные рассказы… С. 79 и др. Ср.: *Беспалов Р.А.* К истории создания повестей о Батыевом нашествии в части событий 1237-1238 годов // Летописи и хроники. Новые исследования. 2017-2018. М., СПб., 2019. С. 53-58.

[117] *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1973. С. 77-98.

[118] *Лурье Я.С.* Общерусские летописи… С. 23–30, 36–66. А.А. Горский полагает, что правильно говорить о «своде 1304 г.». см. подробнее: *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 6.

в науке существуют разные мнения: в 1239 г.[119], около 1281 г.[120] или около 1305 г.[121]. К Лавр. близка Троицкая летопись (далее – Тр.): ее единственный список был утрачен во время московского пожара 1812 г. и поэтому ее чтения восстанавливаются на основе выписок Н.М. Карамзина[122], а также чтений Лавр. и Симеоновской[123] (далее – Сим.). К концу XIII в. относится и составление русских статей Летописца вскоре патриарха Никифора, представляющего собой краткое и последовательное перечисление княжений[124].

Новый этап осмысления действий правителей русских земель в годы нашествия Батыя связан с созданием масштабного т.н. «Новгородско-Софийского свода» (или «свода митрополита Фотия»), отразившемся в Софийской первой старшего извода[125] (далее – С1), второй выборке

---

[119] *Приселков М.Д.* Лаврентьевская летопись (история текста) // Ученые записки ЛГУ. № 32 Серия исторических наук. Вып. 2. Л., 1939. С. 122-125; *он же.* История русского летописания…. С. 141-145.

[120] *Насонов А.Н.* История русского летописания… С. 193-195; *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 7.

[121] *Лурье Я.С.* Общерусские летописи… С. 32-36.

[122] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

[123] ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. М.Н. Тихомиров считал возможным привлечение для этих целей также чтений Владимирского летописца XVI в. См. подробнее: *Тихомиров М.Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 13-20; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи… С. 27. М.Д. Приселков ошибочно привлекал для реконструкции Тр. Воскресенскую летопись. Ср.: *Приселков М.Д.* Троицкая летопись… С. 44.

[124] Содержащая «Летописец вскоре» Кормчая была написана около 1280 г., во всяком случае не позже 1294 г., когда умер великий князь Дмитрий Александрович, по заказу которого создавалась сама рукопись. См.: *Тихомиров М.Н.* Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 234.

[125] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000.

Новгородской Карамзинской[126] (далее - НК) и Новгородской четвертой[127] (далее - Н4) летописей. Впервые предположение о существовании такого сводного летописного памятника обосновал А.А. Шахматов, которой в отзыве на работу И.А. Тихомирова выдвинул гипотезу, согласно которой в основе С1 и Н4 лежал некий общий источник - «свод 1448 года», позже названный им «Новгородско-Софийским» сводом 30-х гг. XV в. По мнению А.А. Шахматова, общерусские известия этого компилятивного источника восходили к митрополичьему своду - в терминологии исследователя, «Владимирскому Полихрону» 1423 г.[128] В общих чертах эту схему поддержал М.Д. Приселков, который, правда, поставил под сомнение новгородское происхождение «свода 1448 г.», предположив, что речь идет об общерусском летописном митрополичьем своде, составленном при митрополите Фотии, а также уточнил время составления Полихрона (1418 г.), который назвал «Фотиевым Полихроном»[129]. В его основе лежал общерусский свод начала XV в., а также синхронные ему новгородский и ростовский своды. Последний отразился в Московской Академической летописи[130] и сокращенном своде второй

---

[126] НК сохранилась в единственном списке конца XV - начала XVI века и представляет собой две выборки (далее - НК1 и НК2) летописного текста, близкого к текстам С1-Н4. Рассказ о нашествии Батыя находится во второй выборке (далее - НК2). См. подробнее: *Лурье Я.С.* Предисловие // ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 3-13; *Бобров А.Г., Дмитриева З.В.* От составителей // Там же. С. 14.

[127] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000.

[128] См. подробнее: *Шахматов А.А.* Разбор сочинения И.А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова СПб, 1899. С. 118-182; *он же.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. Ч. 331. № 9. Отд. 1. С. 90-176; *он же*. Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М., Л., 1938. С. 151-160, 366.

[129] *Приселков М.Д.* История русского летописания... С. 204-210, 213-215.

[130] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 490-539.

половины XV в.[131], которые содержит ряд уникальных известий за вторую половину XIII в. Вопрос о взаимоотношениях текстов С1, НК2, Н4 летописей, а также о времени и месте возникновения сводного текста является предметом научной дискуссии[132]. Составитель компилятивного повествования о нашествии Батыя пытался дать «наиболее полный, связный и исчерпывающий рассказ»[133], в результате чего получился текст, «вобравший в себя основные сюжеты, композицию и даже стиль ранних редакций»[134]. В дальнейшем повествование, созданное в рамках «свода Фотия», легло в основу последующих летописных версий рассказов о нашествии Батыя[135].

Следующий этап развития текста о нашествии Батыя связан с московским великокняжеским летописанием середины – второй половины XV в., в основе которого лежала С1[136]: оно представлено летописями

---

[131] *Насонов А.Н.* Летописный свод XV века (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. II. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. С. 279.

[132] Подробнее о существующих взглядах на эти вопросы: *Лурье Я.С.* Еще раз о своде 1448 года и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 199-218; *он же.* Две истории Руси XV в. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 15-16, 108-116; *он же.* Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 37-38; *Прохоров Г.М.* Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 165-198; *Бобров А.Г.* Летописный свод митрополита Фотия (Проблем реконструкции текста) // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 100-103, 116-137; *он же.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 93-186; *Шибаев М.А.* Новгородско-софийский свод и протоскрипторий Евфимия II // Новгородский исторический сборник. 2015. Вып. 15 (25). С. 127-134 и др.

[133] *Насонов А.Н.* История русского летописания…. С. 183.

[134] *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С 116. Об идейной направленности свода подробнее см.: *Лихачев Д.С.* Русские летописи… С. 305-308.

[135] *Лурье Я.С.* Общерусские летописи… С. 67; *он же.* Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 30; *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 116.

[136] *Лурье Я.С.* Общерусские летописи… С. 122–126, 135–139, 150–167; *он же.* Генеалогическая схема... С. 190-205.

Никаноровской[137] и Вологодско-Пермской[138], Московским сводом конца XV в. (далее – МС конца XV в.)[139], а также сводами 1497 г. (Прилуцкая летопись)[140] и 1518 г. (Уваровская летопись)[141]. Великокняжеское летописание вошло также в Ермолинскую (далее – Ерм.)[142] и Типографскую (далее – Типогр.)[143] летописи конца XV в.[144] Дальнейшая история рассказов о нашествии Батыя связана с масштабными летописными памятниками XVI в. – прежде всего, Никоновской[145] (далее – Ник.) и Воскресенской[146] (далее – Воскр.,) летописями, а также Степенной книгой царского родословия (далее – СК)[147]. В основе рассказа Ник. о нашествии лежат рассказы Сим., Ерм. и Русского Хронографа 1512 г.[148], в общих чертах передающие версию, восходящую к

---

[137] ПСРЛ. Т. 27. М., Л., 1962. С. 17-162.

[138] Там же. Т. 26. М., Л., 1959.

[139] Свод дошел в двух редакциях – 1479 и начала 1490-х гг. См.: там же. Т. 25. М., Л., 1949.

[140] Там же. Т. 28. М., Л., 1963. С. 11-163.

[141] Там же. С. 165-357. Подробнее см.: *Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 283-313.

[142] Там же. Т. 23. СПб., 1910. *Лурье Я. С*. Общерусские летописи... С. С. 168-185, 198-209.

[143] Там же. Т. 24. Пг., 1921. *Лурье Я. С*. Общерусские летописи... С. 210-223.

[144] Для целей настоящей работы за основу исследования этого этапа развития летописного рассказа о нашествии Батыя взят текст МС конца XV в., разночтения с близкими к нему рассказами привлекаются лишь в случаях, когда они носят принципиальный характер.

[145] ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. Составлена в конце 20-х гг. XVI в. См.: *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 50-51.

[146] ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. Составлена между 19 марта 1542 г. и 8 октября 1544 г. См.: *Левина С. А*. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI в. // ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л., 1955. С. 375-379.

[147] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М., 2007; Т. 2. М., 2008. Составлена не ранее второй половины 1550-х – не позже конца 1563 г. См.: *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М., СПб., 2009. С. 196-197.

[148] *Клосс Б.М.* Никоновский свод… С. 144-145В.

рассказу МС конца XV в. Воскр. также опиралась на трактовку МС конца XV в. с вариантами, отразившимися в С1 по списку Н.И. Царского[149]. Обе летописи – Ник. и Воскр. – были основными летописными источниками СК, помимо которых ее составителем привлекались как летописные, так и нелетописные источники: среди последних одно из важнейших мест занимают Великие Четьи Минеи митрополита Макария[150]. СК использовалась при составлении в 70-е гг. XVI в. Лицевого летописного свода, также привлекаемого к настоящему исследованию[151], кроме того, она оказала огромное влияние на историописание XVII в. (вплоть до «Истории о царях и великих князьях земли Русской» Ф. А. Грибоедова (1669 г.) и «Скифской истории» А. И. Лызлова (1692 г.) и раннюю научную историографию (труды В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина и др.)[152].

Важнейшими источниками для решения задач настоящего исследования являются княжеские жития. Самая ранняя редакция Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора (далее – ЖМЧ[153])

---

[149] *Шахматов А.А.* Обозрение… С. 370.

[150] *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность… С. 235-282. Подробнее см.: Очерки истории русской культуры XVI в. Ч. 2. М., 1977. С. 141-144; *Сиренов А.В.* Степенная книга: история текста… С. 3.

[151] ПСРЛ. Т. 10; Лицевой летописный свод XVI в. Русская летописная история. Кн. 5. 1217-1241 гг. М., 2014.

[152] Подробнее см.: *Усачев А.С.* «Долгий XVI век» российской историографии // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 109-112.

[153] Строго говоря, произведения, посвященные гибели Михаила Черниговского и его боярина Феодора, можно лишь условно назвать «житием». По справедливому замечанию Н.И. Милютенко, как правило, эти тексты озаглавлены «страсть» или «убиение», что соответствует содержанию произведений, поскольку в них собственно «о жизни князя до татарского нашествия ничего не сказано». См.: *Милютенко Н.И.* Сказания о Михаиле Черниговском // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 195.

могла быть создана в 1270-е годы в Ростове (далее – ред. Р.)[154]. В дальнейшем были созданы пространные проложные редакции ЖМЧ, которые Н.И. Серебрянский предложил называть редакциями «с именем отца Андрея» (далее — ред. А); «с именем епископа Иоанна» (далее — ред. И), «распространение редакции отца Андрея» (далее — ред. РА) и «сокращение редакции епископа Иоанна» (далее — ред. СИ)[155]. Тексты ред. А. и ред. И. не имеют существенных разночтений, и их следует рассматривать в качестве вариантов одной и той же редакции, по сравнению с которой ред. РА имеет более распространенную начальную часть, прочие же отличия ред. РА и ред. А./ред. И. «не выходят за рамки мелких разночтений». При этом ред. СИ представляет собой сокращение текста, близкого к ред. А./ред. И. Эти наблюдения говорят о том, что тексты пространных проложных редакций (ред. РА, А., И. и СИ) восходят к общему источнику[156]. На сегодняшний день

---

[154] Подробнее см.: *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго… С. 27; *Лаушкин А.В.* К истории возникновения… С. 4-6; *Клосс Б.М.* Житие князя Михаила Черниговского // Письменные памятники…. С. 208; *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII - первой трети XV веков. М., 2009. С. 192 и др.

[155] За прошедшее с момента исследования Н.И. Серебрянского время атрибуция ряда редакций неоднократно подвергалась корректировке, в результате которой предлагались и иные наименования самих редакций ЖМЧ. См., например: *Дмитриев Л.А.* Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII-XV вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 212-216; *Пак Н.И.* Повесть о Михаиле Черниговском в историко-литературном процессе XIII-XV вв. Автореферат дис. … канд. филол. наук. М., 1986; *она же.* Краткая характеристика редакций Повести о Михаиле Черниговском // Литература Древней Руси. М., 1988. С. 22–31. *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго… С. 15-69; *Клосс Б.М.* Житие князя Михаила Черниговского… С. 208-211 и др. Однако в данной работе автор, вслед за А.В. Лаушкиным, А.А. Горским и рядом других исследователей, полагает целесообразным сохранить ставшие привычными наименования, предложенные Н.И. Серебрянским (см.: *Лаушкин А.В.* К истории возникновения... С. 3-25, *Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского… С. 14-15.

[156] *Лаушкин А.В.* К истории возникновения... С. 14-18.

исследователи исходят из того, что ред. Р. и архетип пространных проложных редакций, независимы друг от друга и имеют общий протограф, датируемый более чем полувековым периодом времени от второй половины XIII в. до 1313 г. (время создания раннего списка ГИМ, Син. 239, содержащего текст в ред. РА)[157]. Редакции ЖМЧ в дальнейшем были включены в состав летописных сводов. Так, при составлении С1 была использована редакция РА[158], а уже в МС конца XV в. - т.н. Первая Пахомиева редакция ЖМЧ[159], которая была создана Пахомием Сербом (Логофетом) в конце 1470-х – 1480-е гг. и затем легла в основу созданной им же Пространной Пахомиевой редакции ЖМЧ[160]. Последняя, с свою очередь, была помещена в Великие Четьи Минеи митрополита Макария (далее - ВМЧ)[161]. В их состав впоследствии было включено и «Слово похвальное Филолога черноризца», созданное в 1510-20 гг.[162]. В рассказе Ник., составитель которой опирался на Сим. (в основу ее

---

[157] А.А. Горский привел убедительные аргументы в пользу того, что ред. РА вторична по отношению к ред. А. С этим согласно и большинство современных исследователей. См.: *Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского…. С. 148-150; *Милютенко Н.И.* Сказания о Михаиле Черниговском… С. 190-198; *Лаушкин А.В.* К истории возникновения… С.15-18.

[158] ПСРЛ. Т. Т. 6. Вып. 1. Стб. 318-325.

[159] Там же. Т. 25. С. 136-139.

[160] Подробнее см.: *Горский А.А.* Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV в. // *Горский А.А.* «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 356-367. Ср.: *Карбасова Т.Б., Милютенко Н.И.* Пахомий Серб в работе над агиографическим циклом, посвященным Михаилу и Феодору Черниговским // ТОДРЛ. Т. 66. СПб., 2019. С. 221; *Милютенко Н. И.* Летописные источники житий Пахомия Серба (Логофета) // Древня Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 5-12; *Духанина А.В.* Пахомий Логофет // Православная энциклопедия. Т. 55. М., 2019. С. 170-172.

[161] Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Вып. 2. Дни 14-24. СПб., 1869. Стб. 1298-1305.

[162] Там же. Стб. 1308-1336. Подробнее см.: *Панченко О.В*. Две редакции Слова Льва Филолога Михаилу и Феодору Черниговскому // Проблемы развития русской литературы XI–XX вв.: Тез. научной конференции молодых ученых и специалистов. Л., 1990. С. 7–8.

рассказа легла редакция РА, отразившаяся в С1), ЖМЧ подверглось некоторой переработке, рассказ же СК и идентичный ей текст ЛЛС представляли собой переделку Пространной Пахомиевой редакции, отразившейся в ВМЧ, с привлечением летописных рассказов о нашествии Батыя[163], а также отдельных фрагментов «Слова похвального…» Льва Филогога[164]. К исследованию также привлекался кондак на перенесение мощей князя Михаила и боярина его Феодора из Чернигова в Москву, авторство которого приписывается Ивану IV[165], а также приписываемый царю текст «зазывной грамоты»[166].

Еще одним агиографическим памятником, привлекаемым к исследованию, стало Житие Александра Невского (далее – ЖАН), дошедшее

По наблюдению В.А. Кучкина, «Слово» отсутствовало в самом раннем Софийском списке и попало только в Успенский список ВЧМ, являвшийся вкладом митрополита Макария, сделанным им 1552 г. в библиотеку московской Успенского собора. См. подробнее*: Кучкин В.А.* О формировании Великих Миней Четьих митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86-101.

[163] *Дмитриев Л.А.* Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. (XI - первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 412-416.

[164] *Панченко О.В*. Указ. соч. С. 7–8. *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность... С. 243-244.

[165] *Рамазанова Н.В.* Тропарь и кондак на перенесение честных мощей князю Михаилу Черниговскому «Творение Ивана, богомудрого царя, самодержца Российского» // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 115-116. См.: *Алексеев А.И.* К творческой истории тропаря и кондака на перенос мощей святомученика Михаила Черниговского: царь Иван Грозный и князья Оболенские // Порядок и смута: государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время: к 85-летию В.Д. Назарова. М., 2023. С. 11-19.

[166] Текст «зазывного послания» опубликован: *Иванчин-Писарев Н.Д.* Указ. соч. С. 39-42. В настоящее время место хранения рукописи неизвестно. Подробнее см.: *Рамазанова Н.В.* Указ. соч. С. 114.

в нескольких редакциях[167]. Источники о жизни и деятельности князя Александра Ярославича многократно становились предметом научного анализа[168]. Создание первоначальной редакции ЖАН относится к 1263-1265 гг.[169]. Для решения задач, стоящих перед исследованием, были привлечены т.н. «Особая» редакция ЖАН и близкое к ей ЖАН в редакции С1, созданные, по мнению исследователей, до первого десятилетия XV в.[170]. Новая переработка ЖАН была сделана для составленной в 1520-х гг. Ник.: ее источниками стали варианты ЖАН из МС конца XV в., Сим., Новгородской

---

[167] Подробный обзор см.: *Конявская Е. Л.* Образ Александра Невского в Житии и ранних летописях // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия). М., 2021. С. 31-41; *Духанина А.В.* Рукописная и старопечатная традиция Жития Александра Невского // Благоверный великий князь Александр Невский. Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 92-171.

[168] *Мансикка В.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты // Памятники древней письменности и искусства. Т. 180. СПб., 1913; *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1915; *Орлов А.С.* Александр Невский в средневековой литературе // Вестник АН СССР. М., 1942. № 4. С. 72-79; *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века: «Слово о погибели Русской земли» М., Л., 1965; *он же.* Житие Александра Невского в русской литературе XIII-XVIII вв. // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 163-171; *Колотилова С.И.* Русские источники XIII в. об Александре Невском // Ученый записки ЛГПИ. 1971. Вып. 502. С. 99-107; *Лурье Я. С.* К изучению летописной традиции об Александре Невском // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997. С. 387-399; *он же.* Россия древняя и Россия новая… С. 100-130; *Конявская Е. Л.* Александр Невский в исторических источниках // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010. С. 199-218; *она же.* Образ Александра Невского в ранних летописях // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36). С. 55-63 и др.

[169] См.: *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго… С. 36-39. Ср.: *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века…. С. 17-21.

[170] *Охотникова В.И.* Псковская агиография XIV-XVII вв. Т. 1. М., 2007. С. 398-404; *Конявская Е.Л.* Александр Невский в исторических источниках... С. 214; *Духанина А.В.* Указ. соч. С. 100. Ср.: *Лурье Я.С.* Россия древняя и Россия новая…. С. 111.

пятой летописи и ряд других источников[171]. Т.н. «Владимирская» редакция ЖАН, вошедшая в Успенский список ВМЧ, в качестве своего основного источника использовала первоначальную редакцию жития[172]. В 40-50-е гг. XVI в. псковским книжником Василием (Варлаамом) была составлена еще одна редакция ЖАН, вошедшая в Царский список ВМЧ, созданный специально для библиотеки Ивана IV[173]. В ней среди источников была использована Пространная Пахомиева редакции ЖМЧ[174]. Особая редакция ЖАН была создана для СК и вошла в состав отдельной VIII степени, будучи разделено на 13 глав, имеющих собственные заголовки. Работа над текстом, вероятно, была завершена в промежутке между августом 1560 г. и августом 1561 г.[175] В основу редакции ЖАН в составе СК была положена Владимирская редакция, использовался и ряд других текстов, посвященных Александру Невскому (в частности, редакция ЖАН Василия-Варлаама, отдельные чтения С1 мл., Ник., ЛЛС, Воскр. летописей[176]. Самая обширная и самая беллетризированная[177] редакция ЖАН появилась в 1591 г., принадлежала перу известного книжника, митрополита Ростовского и Ярославского Ионы

---

[171] Подробнее см.: *Духанина А.В*. Указ. соч. С. 109.

[172] *Конявская Е.Л.* Александр Невский в исторических источниках… С. 216; *Духанина А.В*. Указ. соч. С. 116.

[173] *Макарий (Веретенников), архим.* Василий // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 72.

[174] Подробнее см.: *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 215 (первой пагинации); *Духанина А.В*. Указ. соч. С. 121.

[175] Степенная книга… Т. 1. С. 535. См. подробнее: *Васенко П.Г.* Книга степенная царского родословия и её значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904. С. 216.

[176] Подробнее см.: *Мансикка В.П.* Указ. соч. С. 143-165 (первой пагинации); *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность... С. 384-386.

[177] *Конявская Е.Л.* Александр Невский в исторических источниках… С. 218.

Думина и являлась «идейным и стилистическим продолжением традиции Степенной книги в конце XVI в.»[178].

В качестве дополнительных источников к исследованию привлекались: Изборник 1076 года[179], слова Феодосия Печерского (XI в.)[180], поучения Кирилла Туровского (XII в.)[181], Повесть временных лет[182], киевское[183], новгородское[184], владимирское[185] летописание домонгольского периода, «Слово о полку Игореве»[186] (XII в.), Моление Даниила Заточника[187] (XII в.), Поучения Серапиона Владимирского[188] (70-е гг. XIII в.), «Правила

---

[178] *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М., СПб., 2010. С. 183-185.

[179] Изборник 1076 года. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М., 2009.

[180] *Еремин И.П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. Т. 5. М., Л., 1947.

[181] *Он же.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 15. М., Л., 1955.

[182] Повесть временных лет. Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.

[183] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284-715. Подробнее см.: *Еремин И.П.* Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. Т. 7. М., Л., 1949. С. 67-97.

[184] ПСРЛ. Т. 3.

[185] Там же. Т. 1.

[186] ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 373-388.

[187] Там же. С. 389-400. БЛДР. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 268-283.

[188] *Петухов Е.В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. Подробнее см.: *Порфирьев И.* История русской словесности. Ч. 1. Казань, 1909. С. 445; *Сперанский М. Н.* История древнерусской литературы. М., 1914. С. 365–366; *Возняк М.* История украинской литературы. Ч. 1. Львов, 1920. С. 260–261; *Грушевский М. С.* История украинской литературы. Ч. 1. Т. 3. Кн. 3. Киев; Львов, 1923. С. 253; *Гудзий Н. К.* Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского? // ИОЛЯ. 1952. Т. 2. Вып. 5. С. 450–456; *Колобанов В. А.* К вопросу о датировке первого «Слова» Серапиона Владимирского // Ученые записки Владимирского педагогического института. Вып. 4. Владимир, 1958. С. 250–257.

митрополита Кирилла» (1274 г.)[189], Житийная повесть о Михаиле Тверском (конец 1319 – начало 1320 г.)[190], «Помянник великих и удельных князей и княгинь» (1556-1557 гг.)[191], Житие Ефросинии Суздальской (середина XVI в.)[192], «История о великом князе Московском» А.М. Курбского (второй половины XVI в.)[193], Послания Ивана Грозного[194], а также переводные произведения – Откровение Мефодия Патарского[195], «Апология бегства»

---

[189] Правило Кюрила, митрополита роуськаго, сошедшихся епископов: Далмата новогородского, Игнатья ростовского, Феогноста переяславского, Симеона полотского, на поставление епископа Серапиона володимирского // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 84-102. Подробнее см.: *Лаушкин А.В.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. Т. 10. М., 2002. С. 211-224.

[190] *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование М., 1974. С. 232-235, *он же*. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 116-163; *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. М., 2007. С. 30–31. По мнению Б. М. Клосса, памятник мог возникнуть чуть позже – в 1322–1327 годах. См. подробнее: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. С. 176.

[191] *Каштанов С. М.* Царский синодик 50-х годов XVI в. // Россия и греческий мир в XVI в. / Подгот. к публ. С. М. Каштанов и Л. В. Столярова. Т. 1. М., 2004. С. 388-430

[192] *Колобанов В.А.* Владимиро-Суздальская литература XIV-XVI вв. Учебное пособие. Вып. III. М., 1978. С. 60-120. См. также: *он же*. Владимиро-Суздальская литература XIV-XVI вв. Спецкурс по древнерусской литературе. Вып. 1. Владимир, 1975. С. 103-104; *Амелькин А.О.* Указ. соч. С. 65-70. Ср.: *Евгений (Болховитинов), митрополит*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. М., 1995. С. 70; *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 283-285.

[193] *Курбский А.М.* История о делах великого князя Московского. Подгот. К. Ю. Ерусалимский; пер. А. А. Алексеев. М, 2015.

[194] Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и коммент. Я. С. Лурье. Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1951.

[195] *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исслед. и тексты. М., 1897. С. 84-104 (второй пагинации).

Афанасия Великого, архиепископа Александрийского[196], среднегреческая и сербская редакции Александрии (XII-XV в.)[197], «История Иудейской войны» Иосифа Флавия[198], «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году»[199].Также к исследованию привлекались памятники, посвященные событиям, связанным с противостоянием ордынским нашествиям XIV-XV вв.: произведения т.н. «куликовского цикла» - «Задонщина»[200] и летописные рассказы «о великом побоище иже на Дону» (конец XIV – самое начало XV в., их самые ранние версии дошли в составе Рог. и Сим.[201]), повесть о Куликовской битве, дошедшей в составе С1-НК2-Н4 (конец 10-х или в 20-х гг.

---

[196] Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великаго, архиепископа Александрийскаго. Изд. 2-е испр. и доп. Сергиев Посад, 1902. Ч. 2. С. 76-98.

[197] Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М., Л., 1966; Život Alexandra Velikoga. Izdao V. Jagič, Zagreb, 1871; Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности / Критички текст и расправа од Ст. Новаковића. Београд, 1878; *Веселовский А.Н.* Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. 1. Греко-византийский период. СПб., 1886. Подробнее см.: *Ботвинник Н.М.* «Роман об Александре». Рукописная традиция и история изучения текста // Византинороссика. Т. 2. СПб, 2003. С. 49-67.

[198] «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Отв. ред. А. М. Молдован. Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. 1. М., 2004.

[199] ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 522-537. Ее создание относится ко второй половине XV в. См.: *Творогов О.В.* Повести о взятии Константинополя турками в 1453 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 195-197.

[200] «Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М., Л., 1966. С. 535-555. Верхней хронологической границей создания первоначального текста «Задонщины» является 1388 г. См. подробнее см.: *Горский А.А.* «Слово о полку Игореве» - «Слово о погибели русской земли» - «Задонщина»: источниковедческие проблемы». Дис. … д-ра истор. наук. М., 1993. С. 253-254.

[201] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 139-142; Т. 18. С. 129-131. См.: Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 11-15. *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV в… С. 24-25.

XV в.)[202], «Сказание о Мамаевом побоище» (начало XVI в.[203]), а также – рассказы о нашествиях Тохтамыша[204] и Едигея[205], житие Сергия Радонежского (в т.н. «первой Пахомиевой» и «второй Пахомиевой» редакциях[206], относящихся к 30-гг. XV в.)., Послание на Угру Вассиана Рыло 1480 г.[207], летописные рассказы о событиях, связанных с нашествием хана Большой Орды Ахмата (Сим., Типографской, Львовской и Софийской 2 летописей, сокращенных сводов 1493 и 1495 гг. и др.)[208], а также Устюжский летописец

---

[202] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 310-325; Т. 6. Вып. 1. Стб. 455-470; Т. 42. С. 139-144. См.: *Кучкин В.А.* Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 6; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 110-118.

[203] Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982; Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. Подробнее см.: *Кучкин В.А.* Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 109-114.

[204] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 143-147; Т. 18. С. 131-134; Т. 6. Вып. 1. Стб. 471-483; Т. 42. С. 144-148; Т. 4. Ч. 1. С. 326-339. См.: *Салмина М. А.* Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 134-151. Ср. *она же.* Летописная Повесть о нашествии Тохтамыша (к вопросу о времени создания памятника) // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006. С. 190-196.

[205] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 177-186; Т. 18. С. 155-159; Т. 6. Вып. 1. Стб. 532; Т. 42. С. 172-173; Т. 4. Ч. 1. С. 406-407. См.: *Лурье Я.С.* Повести о нашествии Едигея // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 197-201; *Конявская Е.Л.* Повесть о Едигеевом нашествии в тверском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 4 (26). С. 90-101.

[206] Нумерация редакций дана по Б.М. Клоссу; по терминологии В. Яблонского – редакции Б и А, соответственно. Они датируются концом 1430-х - началом 1440-х гг. Подробнее см.: *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 59-62; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 1. С. 161-165. *Кучкин В.А.* Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы… С. 114-115.

[207] ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 521-537. Судя по всему, написано непосредственно во время самих событий на Угре. См.: *Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 117; *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века…. С. 181-182.

[208] ПСРЛ. Т. 6. С. 291-311; Т. 20. 1-я пол. СПб., 1910. С. 337-347; Т. 24. Пг., 1921. С. 199-202; Т. 25. С. 327-328; Т. 26. М., Л., 1959. С. 262-274. Подробнее см.: *Клосс Б.М., Назаров*

(начала XVI в.) [209], Казанский летописец (1560-е гг.)[210], «Повесть о разорении Рязани Батыем» (середины XVI в.)[211], Волоколамский патерик (первая половина XVI .)[212], «История о царях и великих князьях земли русской» дьяка Феодора Грибоедова (конец 60-х гг. XVII в.)[213]. и др. Также к исследованию привлекались актовые источники (договорная грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле 1262-1263 гг.[214], договор Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г.[215], Договор великого князя московского Юрия Дмитриевича с рязанским великим князем Иваном Федоровичем 1434 г[216]). Из зарубежных источников, повествующих об обстоятельствах монгольского нашествия на русские земли, к исследованию

В.Д. Указ. соч. С. 302-310; *Назаров В.Д.* Конец Золотоордынского ига // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 110-112; *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века…. С. 174-189 и др.

[209] ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. Подробнее см.: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV-XV вв. Л., 1976. С. 190-201.

[210] ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. См.: *Солодкин Я.Г.* О времени создания «Казанской истории» // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 615-623.

[211] БЛДР. Т. 5. СПб., 1997. С. 140-155. См.: *Поппэ А. В.* К начальной истории культа св. Николы Заразского // Essays to Honor of A. A. Zimin. Columbus, 1983. С. 289, 296; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV-XVI веков. М., 2001. С. 415. Критический анализ сообщаемых в «Повести» известий см.: *Горский А.А.* «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о разорении Рязани Батыем», Никоновская летопись… С. 156–171.

[212] Богословские труды. Сб. 10. М, 1973. С. 177-222.

[213] *Грибоедов Ф.* История о царях и великих князьях Земли Русской (сообщение С. Ф. Платонова и В. В. Майкова) СПб., 1896.

[214] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С.Н. Валка. М., 1949. С. 57-58.

[215] Памятники русского права. Под ред. С.В. Юшкова. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв. М., 1953. С. 57-71.

[216] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М., Л., 1950. С. 83-86.

привлекались «История монголов» Иоанна де Плано Карпини[217], «История Тартар» брата Ц. де Бридиа[218], «История архиепископов Салона и Сплита» Фомы Сплитского (1200-1268 гг.)[219], «Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами» магистра Рогерия[220], «Сборник летописей» («Джами ат-таварих») персидского государственного деятеля и историографа Рашид ад-Дина, писавшего в 1300–1310 гг.[221], китайская династийная история «Юань-ши», составленная в 70-е гг. XIV в.[222] Также к исследованию привлекались: послание папы римского Иннокентия IV Александру Невскому от 22 февраля 1248 г. [223], «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна[224], «Записки» Амброджо Контарини[225], «Записки о

---

[217] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. Текст, перевод, комментарии / Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М., 2022.

[218] Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. Критический текст, перевод с латыни С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко. СПб., 2002.

[219] *Фома Сплитский*. История архиепископов Салона и Сплита. Вступительная статья, перевод, комментарий О. А. Акимовой. М., 1997.

[220] *Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. Перевод с лат. языка, вст. статья и комм. А.С. Досаева. СПб., 2012.

[221] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. с персидского Ю. П. Верховского, редакция проф. И. П. Петрушевского. Т. II. М., Л., 1960.

[222] Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 121-207. См.: *Кычанов Е.И.* Сведения из «Истории династии Юань» («Юань-ши») о Золотой Орде // Источниковедение Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2001. С. 30.

[223] *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 262-265.

[224] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. 1. М., 2008.

[225] Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 207-235.

России» Джерома Горсея[226], послания папского нунция в Речи Посполитой Винцента дель Портико[227] и др.

Отобранные для исследования источники вполне репрезентативны и их достаточно для решения поставленных задач.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые в науке на основе комплексного изучения источников дана целостная оценка действий правителей русских земель в годы нашествия Батыя (в сопоставлении как с устоявшимися книжными представлениями о должном поведении князя в условиях войны, так и с реальными поведенческими практиками предшествующего периода), а также выявлены мировоззренческие основы отношения книжников к поступкам князей-современников монгольского завоевания. Впервые в историографии определены направления формирования исторической памяти о поступках князей, совершенных в годы нашествия и вскоре после него. Кроме того, реконструированы исторические и идеологические основания для формулирования в XIV-XVI вв. новых принципов должного поведения князей в условиях внешней угрозы: со временем именно эти принципы стали идеологическим фундаментом концепции, предусматривавшей необходимость борьбы с ордынской зависимостью.

Научно-практическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при создании общих курсов истории России для высшей и средней школы. Отдельные разделы работы уже используются при создании учебных пособий и курсов лекций по средневековой истории России[228]. Кроме того, отдельные части диссертационного исследования были использованы автором при подготовке

---

[226] *Горсей Д.* Записки о России. XVI — начало XVII в./Под ред. В.Л. Янина. Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990.

[227] Цит. по.: *Шмурло Е. Ф.* Россия и Италия. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913. С. 231-232.

[228] См., напр.: *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами…. С. 112-168; *Кириллов В.В.* История России. Учебное пособие. 4-е изд. перераб. и доп. М., 2011. С. 89-105 и др.

публичных лекций, прочитанных в рамках Лектория «Исторические субботы» Государственного исторического музея (14 мая 2016 г., 29 ноября 2016 г, 21 марта 2018 г.), а также в процессе разработки лекционного курса по истории России для профильных (гуманитарных) групп 9-11 классов, который автор читает в ГБОУ «Школа № 1505 «Преображенская».

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано в общей сложности более 70 работ, в том числе, 2 монографии[229], а также 22 статьи в ведущих научных журналах, входящих в Перечень изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ.

Наиболее важные положения и выводы диссертационной работы обсуждались в форме научных докладов на заседаниях Центра по истории древней Руси (23 мая 2023 г. и 2 июля 2024 г.) и Центра источниковедения истории России Института российской истории РАН (28 января, 7 октября и 9 декабря 2025 г.), а также на более чем 20 международных и всероссийских научных конференциях (V международная научная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Москва, ИРИ РАН, ГТГ, 29 сентября - 2 октября 2009 г.; Международная научная конференция «Куликовская битва в истории России», ГИМ и Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 13-15 октября 2010 г.; Всероссийская научная конференция «Человек читающий: между реальностью и текстом источника». Москва, ИВИ РАН, 17-18 ноября 2010 г.; VI международная научная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Москва, ИРИ РАН, 27-30 сентября 2011 г.; Всероссийская научная конференция с международным участием «Великое стояние на Угре и формирование

[229] *Рудаков В.Н.* «Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV в.» М., 2009 (изд. 2-е. М., 2014; изд. 3-е. М., 2017); *он же.* «Ордынские нашествия в русской исторической памяти середины XIII-XVIII в.». М., 2025.

российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Калуга, 30 марта - 1 апреля 2017 г.; IX международная научная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Москва, ИРИ РАН, 11–15 сентября 2017 г.; Международная научная конференция «Александр Невский: личность, эпоха, историческая память». Москва, ИРИ РАН, 25- 27 мая 2021 г.; XII Международная научная конференция «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Москва, 11–15 сентября 2023 г.; VII чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Всероссийская научная конференция с международным участием «Русь, Россия: Средневековье и Новое время». Москва — Владимир — Суздаль, 15–17 ноября 2023 г.; Международная научная конференция «Ключевские чтения». Москва, МПГУ, 26–27 апреля 2024 года; Всероссийская научная конференция с международным участием «Князья, иерархи и люди Древней Руси между властью, повседневностью и храмом». Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская Духовная Академия, 3–4 июня 2024 г.; Третья Международная научная конференция «Искусство Востока и Восток в искусстве: прекрасное и утилитарное: поиски взаимодействия». Москва, Институт Востоковедения РАН, 16–18 сентября 2024 г.; Международная научная конференция «Суздаль: от древнерусского наследия к образу Святой Руси. Владимир - Суздаль, 30 сентября - 1 октября 2024 г.; XXXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто «Этно- и топонимия в социокультурных практиках». Москва, ИВИ РАН, 16–18 апреля 2025 г.; Всероссийская научная конференция «Древнерусские книжники и книжность: личности, тексты, сюжеты, смыслы». Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская Духовная Академия, 26–27 мая 2025 г.; XIII Международная научная конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Москва, ИРИ РАН, 8-12 сентября 2025 г. и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. На основе анализа привлеченных к исследованию ранних летописных источников о нашествии Батыя впервые выявлена статистическая основа для оценки поведения русских князей в условиях монгольского завоевания.

Установлено, что из 38 князей, поименно упомянутых за период с 1237 по 1241 гг., только 1/3 погибли, почти половина (18 человек) спаслись бегством, остальные (около 15%) во время нашествия находились вдалеке от боевых действий. Такие действия шли вразрез с существовавшими в книжной традиции домонгольской Руси представлениями о должном поведении князей, согласно которым храбрость воспринималась как важнейшая добродетель правителя, а бегство с поля боя - как проявления недостойного поведения. Исследование показало, что в реальности князья и до нашествия Батыя зачастую действовали вопреки этим представлениям. В рамках исследования доказано, что сформировавшиеся представления о нашествии как «казни Божьей за грехи» позволяли двояко толковать вопрос о возможности и необходимости сопротивления. Провиденциальное осмысление исторических событий давало возможность книжникам оправдывать поведения князей, отказавшихся от борьбы, особенно, если речь шла о «своих» князьях. Однако такой подход не был единственным, что создавало пространство и для традиционного отношения к необходимости борьбы с завоевателями.

2. На основании анализа ранних летописных рассказов о нашествии Батыя установлено, что те правители, о которых было известно, что они мужественно сражались с завоевателями, не получили посмертного прославления. При этом исследование показало, что факт гибели князя в период нашествия вовсе не означал, что этому предшествовало храброе в военном смысле поведение. Это относится к действиям сыновей великого князя Юрия Всеволодовича в осажденном Владимире и поступкам самого Юрия Всеволодовича, чей отъезд из Владимира накануне штурма был воспринят многими современниками как бегство и в этом смысле вполне вписывался в получившую распространение в это время модель поведения других правителей русских земель. В исследовании доказано, что в позднейшем летописании, начиная с первой четверти XV в., во всех случаях, когда дело касалось князей Суздальской земли, книжники старались

скорректировать их образы, указав на их участие в сопротивлении завоевателям.

3. Установлено, что в дошедших до нас летописных и агиографических памятниках нет осуждения князей за бегство от врага. Бегство также не являлось «отягчающим» обстоятельством для решения вопроса о церковном прославлении того или иного правителя. Доказано, что в восприятии книжников подвиг Михаила Черниговского, совершенный им в ставке Батыя, был куда более значим, чем то, как действовал князь в момент нашествия завоевателей. В рамках исследования сформулирована гипотеза, согласно которой многое в оценках поведения бежавшего князя зависело от результата бегства: если правитель спасался, книжники исходили из того, что его поступками руководил Промысел Божий, если же князь погибал от рук гонителей, значит, его бегство шло вразрез с волей Господа. Тем не менее, в историописании более позднего периода авторы стремились максимально устранить из своих повествований упоминания о бегстве князей.

4. Установлено, что единственной фигурой, которая воспринималась во второй половине XIII в. в качестве носителя эталонных черт идеального князя-воина, был князь Александр Невский. В работе предложено объяснение его раннего прославления тем, что в течение жизни Александру Ярославичу удавалось проявлять исключительную храбрость и быть непобедимым во всех сражениях, что, по мнению книжников, являлось прямым подтверждением богоизбранности князя. На фоне других правителей, немужественное поведение и военные неудачи которых воспринимались как результат «казней Божиих», насланных на русские земли, храбрость и непобедимость князя Александра Ярославича, оценивались как признак того, что Русская земля, несмотря на все обрушившиеся на нее беды, не на всегда лишилась Божьего заступничества. Установлено, что в дальнейшем имело место как минимум две линии развития образа святого князя. Одна из них делала упор на военной составляющей и в рамках такого прочтения Александр Ярославич наделялся чертами правителя, оказывавшего активное сопротивление татарам. В рамках

другой линии князь воспринимался как «пастырь», совершивший духовный подвиг «за люди своя», во имя Русской земли и православной веры. Это восприятие легло в фундамент набиравшего распространение культа Александра Невского как «всея Русския земля християньского заступника», готового в любой момент встать на защиту Отечества от врагов.

5. В ходе исследования реконструированы механизмы посмертного формирования княжеской репутации в условиях нехватки информации о действиях правителей русских земель, выделены и охарактеризованы этапы эволюции памяти о конкретных современниках монгольского завоевания – князьях Борисе Васильковиче и Ярославе Всеволодовиче. Установлено, что создание «ретроспективного компромата» на князя Бориса Ростовского, а также формирование памяти о великом князе Ярославе Всеволодовиче как мученике «за люди своя», имели сугубо книжное происхождение и достигалось путем беллетризации повествования. Предложены объяснения ряда дискуссионных моментов биографии отца Александра Невского – великого князя Ярослава Всеволодовича (уточнены возможное время и обстоятельства его возвращения в Суздальскую землю после нашествия Батыя, а также обстоятельства его похода на Каменец в 1239 г. и его кончины в 1246 г.).

6. Реконструирован мировоззренческий контекст, в рамках которого происходила рефлексия относительно поведения князей-современников нашествия Батыя в произведениях историописания, созданных в XV-XVI вв. Установлено, что победа над татарами в 1380 г., а также неудачный опыт противостояния им в конце XIV-XV вв., стали импульсом для формирования нового «нравственного императива» поведения князей, согласно которому благочестивый правитель наделялся «пастырскими» функциями по отношению к своим подданным, а высшей добродетелью князя признавалась его готовность пожертвовать жизнью «за други своя», а гибель «за землю Русскую» воспринималась как синоним «смерти за веру». Показано, что уже в начале XV в. эти подходы породили стремление к ретроспективной

героизации поступков князей - современников нашествия. В XVI в. этот процесс получил новое развитие: небесной помощью, оказываемой правителями прошлого, объяснялись современные книжникам победы над покоренными «погаными царствами», причем вне зависимости от реального поведения князей-современников нашествия Батыя в отношении завоевателей.

Структура работы соответствует задачам исследования. Диссертация состоит из введения, 6 глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также списка используемых сокращений.

ГЛАВА 1.

Действия правителей русских земель в период Батыева нашествия: книжный эталон и реальность

Для того, чтобы оценить поступки князей-современников нашествия Батыя в период монгольского завоевания, необходимо определить круг исследуемых персоналий и иметь соответствующие критерии. Таковыми могут быть признаны, с одной стороны, существовавшие к тому времени «идеальные типы» - книжные представления об «эталонном» поведении князей в условиях военных конфликтов, а, с другой, реальные поступки правителей русских земель в домонгольский период. На основе этого формулируются задачи, решаемые в рамках первой главы.

Первая задача - выявить существовавшие в домонгольский период представления об идеальном образе князя-воина и определить, в какой мере реальные действия князей того времени соотносились с этим образом. Вторая задача - на основе анализа ранних сообщений русских летописных и агиографических произведений определить общее число князей, действовавших в период нашествия Батыя, и выявить соотношение тех, кто сражался с врагом и тех, кто избегал столкновений с ним. Третья задача – реконструировать отношение книжников к возможности и невозможности сопротивления нашествию в русском историописании второй половины XIII в.

1.1. Представления о должном поведении правителя в условиях военных действий и реальное поведение князей в домонгольский период

Образ идеального князя, существовавший в домонгольской Руси, судя по всему, «сложился в дружинной среде и соответствовал ее идеалам». Представления той эпохи о главных добродетелях правителей, среди прочего, дают летописные княжеские некрологи, в которых идеальный князь изображался, прежде всего, как защитник своей земли, как беззаветно храбрый

воин и умелый военачальник, «готовый сражаться в любых условиях, с любым противником»[1].

Организация отпора врагу входила в прямую компетенцию княжеской власти: одна из важнейших функций правителя как раз и состояла защите подконтрольной ему территории. Как правило, реализация этой функции была связана с непосредственным участием князей в отражении нападений захватчиков, когда князь выступал одновременно как «охранитель внешней безопасности и внутреннего мира»: именно это и составляло «суть и назначение древней правительственной власти»[2]. Как отмечал Д.С. Лихачев, «одна из самых важных добродетелей князя — быть впереди своего войска, первым бросаться в битву, побеждать врагов в рукопашной схватке». Долг князя – «блюсти интересы Русской земли и «хрестьян» <…> князь служит Русской земле, готов сложить за нее голову, готов со своею дружиною тотчас же выступить в поход против ее недругов, забыть свои обиды для того, чтобы «мстить обиды» Русской земли». При этом, по мнению исследователя, «храбрость князей авторы XII—XIII вв. стремятся подчеркнуть не только в похвальных характеристиках им, но и в описании их действий», поскольку «слава князя не в малой степени зависит от поведения князя в битве»[3].

---

[1] См. подробнее: *Флоря Б. Н.* Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII вв.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.) / под ред. Б. Н. Флори. М., 2012. С. 14-18; *Прошин А.В.* Образ идеального князя-воина в некрологах древнерусского летописания (XI – начало XIII в.) [Электронный ресурс] // Vox medii aevi. 2025. Vol. 1 (12). С.23–31. URL: https://voxmediiaevi.com/2025-1-proshin/ . Дата обращения – 25 декабря 2025 г.

[2] *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 182, 412-413, 427-429

[3] Подробнее см.: *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси // *Лихачев Д.С.* Избранное. Т. 3. Л., 1987. С. 48-53.

На первое место ставились не только полководческие таланты и успехи князя, но и его личное мужество и воинская доблесть[4]. «Повесть временных дет» (далее – ПВЛ) дает ясное представление о том, что храбрость князей, проявленная в сражениях с врагами, воспринималась как один из важнейших факторов формирования Русской земли: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскои землѣ. Аще бо возметь рать межю собою, погани имуть радоватися и возмуть землю нашю, юже бѣша *стяжали ваши дѣди и отци ваши трудомъ* великимъ и *хороборьствомъ*, побаряюще по Русьскои земли, а ины земли приискаху, а вы хощете погубити Русьскую землю»[5]. Поэтому защита Русской земли была одним из самых распространенных мотивов воинских устремлений того времени[6].

При этом оценка поведения князя основывалась «на определенных представлениях о чести и о «сороме». Мужество, храбрость, отсутствие страха перед врагом и перед смертью – одни из важнейших добродетелей всякого воина, а, тем более, князя. И, наоборот, страх, боязнь за себя, бегство с поля боя, даже просто неудача в войне[7] воспринимались как проявления недостойного, «срамного» поведения. Представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо» в поведении князя в бою отразились в самых ранних русских источниках, например, в хрестоматийном рассказе ПВЛ под

---

[4] *Турилов А. А.* Образ правителя в русских летописных «некрологах» XI–XIII вв. // АНФОЛОГИОН: Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. Москва, 2008. С. 200-201.

[5] Повесть временных лет. Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 112; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 237-238. Здесь и далее во всех цитатах источников выносные и пропущенные буквы внесены в строку, вышедшие из употребления буквы заменены на соответствующие им буквы современного алфавита.

[6] Подробнее см.: *Горский А.А* «Всего еси исполнена земля русская…» Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 62-64.

[7] *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 17.

971 (6479) годом о походе князя Святослава на «греки». Летописец сообщал, что, увидев войско противника, «Русь *убояшася* зѣло». В этой ситуации князь призвал войско «не посрамить Русской земли»: «Аще *ли побѣгнемъ, срамъ имамъ*. *Не имамъ убѣжати*, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собою». Речь Святослава возымела действие: воины решили биться до конца, в итоге бежать пришлось «грекам»[8]. Из этого рассказа следует, что, с точки зрения книжника, страх перед врагом и бегство с поля боя для воина – «срам», проявление недостойного поведения. Аналогичный подход представлен и в слове «О терпении и милостыне» Феодосия Печерского (XI в.), который противопоставлял «срамному» поведению в бою «славу бесконечную», которой воин мог добиться лишь, мужественно борясь с «супостатами». По мнению Феодосия, «посрамленным» воин мог быть в том случае, если во время боя задумывался о земном – о жене, детях, имуществе, о собственной безопасности: «Рати бо належащи и трубѣ воиньстѣй трубящи, никто же можеть спати, и *войну Христову лѣпо ли есть лѣнитися,* — да егда они за тщую славу и изгыбающую не помнять ни жены, ни дѣтей, ни имѣниа — да что мню имѣніе, еже есть хуже всего, — но и главы своея ни въ что же помнять, *да бы имъ непосрамленом быти*. Да яко же суть *сами врѣменніи*, тако и слава их съ животом скончевается. Нам же не тако. Но *аще стерпимъ, борюцеся съ супостаты нашими, то одолѣвши приимем славу бесконечную и чьсти неизреченныа сподобимся*»[9].

Даже отказ от боя в случае, если инициатива сражения изначально исходила от самого князя, был равносилен «сорому». Так, с точки зрения составителя рассказа Ипатьевской летописи (далее – Ипат.) о походе Игоря Святославича на половцев 1185 г., князь полагал, что «оже ны боудеть не

[8] Повесть временных лет... С. 33.

[9] *Еремин И.П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. Т. 5. М., Л., 1947. С. 177.

бившися возворотитися, то *сором ны будеть поущеи смерти*»[10]. Тем более, «сором» казался «пуще смерти», если речь шла о бегстве с поле боя. Мужество достойно прославления, а бегство от врага есть проявление недостойного поведения, с точки зрения Кирилла Туровского (XII в.): «Яко же историци и ветия, рекше летописьци и песнотворци, прикланяють своя слухи в бывшая межю цесари рати и въпълчения, да украсять словесы и *възвеличать мужьствовавъшая крепко* по своемь цесари и *не давъших в брани плещю врагом*, и тех славяще похвалами венчають, колми паче нам лепо есть и *хвалу к хвале приложити храбром и великым воеводам Божиям*, крепко подвизавъшимъся по Сыне Божии, своемь цесари, и Господе нашемь Исусе Христе»[11].

Таким образом, в домонгольской книжной традиции забота о бренном, «временном житии» (то есть, о собственной жизни и благополучии), следствием чего было бегство с поля боя, приравнивалось к «сраму» -- поведению постыдному и недостойному. Наоборот, храбрость, проявленная отвага, готовность дать отпор врагу входили в число главных воинских добродетелей, причем как самого князя, так и его воинов: «любить князь воина, стояштя и *борющагося съ врагы*, и овогда убо уязвяюштя, овогда же уязвяема, паче *бѣгаюштяго* и *оружие помештюштааго*»[12]. В соответствии с этими представлениями, способность князя пренебрегать опасностью «воспринималась социумом и отражалась в военном нарративе как сущностная, неотъемлемая черта его личности, как присущая ему «сила», при этом «складывался канонический образ воина, для которого преобладание

[10] ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 639.

[11] *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 12. М., Л., 1956. С. 344-345.

[12] Изборник 1076 года. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М., 2009. С. 587–588 (Лл. 216–216 об.).

боевой ярости над страхом было такой же константной характеристикой, как и владение оружием, сила, ловкость и т. д.»[13]

Несмотря на это, книжники исходили из того, что в реальной жизни правители русских земель вынуждены были поступать не «как должно», а по обстоятельствам. Расхождение реальных поведенческих практик с книжными представлениям об эталонном поведении князя в условиях военных действий заметно и на раннем домонгольском материале, в том числе, и ПВЛ. По моим подсчетам всего в ней встречается 28 упоминаний о такого рода случаях. Самый распространенный вариант – ситуативное бегство, под которым понимается оставление поля боя в ходе или по итогам сражения, после военного поражения, когда у князя уже не было возможности сопротивляться. Этот вид бегства мог иметь место либо с целью получения дополнительных подкреплений (то есть князь мог бежать за подмогой с тем, чтобы с новыми силами организовать сопротивление – 8 случаев[14]), либо просто в целях спасения (12 случаев[15]). Другой вариант – превентивное бегство, под которым понимается бегство еще до начала военных действий, из-за страха или под впечатлением от потенциальной угрозы (8 случаев[16]). Таким образом, соотношение случаев ситуативного бегства князей с поля боя и превентивного бегства от врага в ПВЛ оказывается 20 к 8 (71%/29%).

В последующий период это соотношение заметно меняется в сторону увеличения случаев превентивного бегства. Если не брать в расчет изгнание князей горожанами, то в летописании Суздальской земли соотношение случаев ситуативного бегства (всего 18 случаев), совершенного в ходе или по

---

[13] *Кагарлицкий Ю. В.* Позитивные характеристики поведения воина на поле боя и семантические сдвиги в их интерпретации в русской культуре Нового времени // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В. М. Живова. Москва: Языки славянских культур, 2009. С. 276.

[14] ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 142, 144, 171-173, 199 (два случая), 230, 238-239, 269.

[15] Там же. Стб. 143, 144-145, 146, 167 (два случая), 174, 201-202, 220, 221-222, 270, 271, 273.

[16] Там же. Стб. 75, 139, 143, 173-174, 204, 205, 238, 263.

итогам боя, с одной стороны, и превентивного бегства, осуществленного до сражения, с другой, составляет 7[17] к 11[18] (39%/61%), в Киевской и Галицко-Волынской летописях (всего 46) – 23[19] к 23[20] (50%/50%), и только в Новгородской земле, если судить по НПЛ старшего извода (всего 8 случаев), сохраняется чуть заметный перевес в пользу случаев бегства с поля боя, а не превентивного бегства – 5[21] случаев к 3[22] (63%/37%).

Таблица 1.

Случаи бегства князей в условиях военных действий в домонгольский период

Тип бегства	**ПВЛ**		**Лавр.**		**Ипат.**		**НПЛ**	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
«Ситуативное» бегство, в ходе или по итогам сражения	20	**71**	7	**39**	23	**50**	5	**63**
«Превентивное» бегство (до/вместо сражения, в т.ч. с указанием, что бежал от страха)	8	**29**	11	**61**	23	**50**	3	**37**

[17] Там же. Стб. 292, 322-323, 343, 354, 382, 384, 448.

[18] Там же. Стб. 313 (два случая), 328, 330, 334, 337 (два случая), 376-377, 387, 402, 431.

[19] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 311, 317, 326-328, 329, 382-383, 467, 474-475, 501, 519, 526-527, 544, 550, 599-600, 601,602-603, 603,622-623, 687, 720, 744, 769, 773.

[20] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 334, 336, 339, 364, 396, 401, 403, 415, 415-416,425, 440, 484, 514, 517, 526-527, 578, 604-605, 615-616, 621, 661, 729, 763-764, 788.

[21] ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 28, 29, 55-56, 63.

[22] Там же. С. 50, 53, 74.

Всего случаев бегства	28	100	18	100	46	100	8	100

Интересно, что, начиная с 1238 г. в НПЛ соотношение выравнивается – на 3 упомянутых случая бегства князей во время сражения с западными соседями (Раковорская битва 1268 г.)[23] и друг с другом (Бартеневская битва 1318 г. и сражение на реке Урдоме 1322 г.) приходится 3 случая превентивного бегства, при этом все три случая -это бегство от татар (Юрий Всеволодович во время нашествия Батыя в 1238 г., Ярослав Ярославович во время набега Неврюя в 1252 г. и Александр Михайлович во время Федорчуковой рати в 1327 г.)[24]. В Ипат. же соотношение и вовсе оказывалось 8 к 1[25] в пользу случаев превентивного бегства, причем половина из них приходилась на бегство от татар[26].

Таким образом, можно заключить, что, несмотря на сформулированные в произведениях книжности «эталоны» должного поведения, в реальности действия правителей во многом зависели от конкретной ситуации. Наряду с проявлениями храбрости, мужественного поведения, были распространены и случаи бегства князей, причем не только с поля боя (в момент или по итогам проигранного сражения), но и превентивного бегства – под воздействием слухов о силе неприятия, из-за страха, с целью спасения собственной жизни. При этом такое бегство осуждалось в исключительных случаях: как правило, летописцы просто упоминали сам факт случившегося. Это говорит о существовании уже в домонгольский период аксиологической двойственности в оценках поведения князей в условиях военных конфликтов. С одной

[23] Там же. С. 86, 96, 97.

[24] Там же. С. 75, 80, 98. Подробнее см.: *Конявская Е. Л.* Антиордынские выступления Руси во второй половине XIII – первой трети XIV в. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 168–179.

[25] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 830.

[26] Там же. Стб. 782, 784, 795, 784, 794, 797, 804-805, 850.

стороны, в произведениях книжности формулировались представления об «эталонном» поведении правителей, в соответствии с которыми князь должен выступать защитником своей земли, проявляя при этом храбрость («*хороборьство*») и мужество. С другой стороны, в историописании домонгольского периода сохранилось немало свидетельств того, что реальные поступки князей в условиях военных конфликтов друг с другом далеко не всегда соответствовали этому «эталону». При этом существующая поведенческая норма («аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ») не превращалась в основу для осуждения тех правителей русских земель, которые вынуждены были ее нарушать (например, отказываясь от сопротивления врагу и спасаясь бегством от него)[27].

1.2. Русские князья в годы нашествия Батыя: историко-статистический анализ

Для того, чтобы оценить поведение правителей русских земель в годы нашествия Батыя, необходимо проанализировать упоминания всех известных по источникам князей, живших в период монгольского завоевания. При этом следует исходить из того, что наиболее надежная информация на этот счет находится в источниках наиболее ранних – прежде всего, в летописных сообщениях о нашествии, дошедших в составе НПЛ, Ипат. и Лавр. Привлечение поздних источников, которые на протяжении длительного периода времени использовались в историографии для воссоздания событий 1237-1238 гг. (в первую очередь, речь идет о рассказах созданной в 20-е гг. XVI в. Никоновской летописи и «Повести о разорении Рязани Батыем»,

[27] Это подтверждает наблюдение, сделанное на материале, относящемуся к периоду до первой половины XII в., согласно которому и в целом «на практике отношения князей к норме было достаточно вольным». Подробнее см.: *Короленков А.В.* «Всих нас стареи отець твои, но с нами не умееть жити»: князь, норма и реакция на её нарушение в домонгольской Руси // История и историческая память. Вып. 7-8. Саратов, 2013. С. 80-104.

созданной в первой половине или середине XVI в.[28]), представляется контрпродуктивным. Сообщения поздних летописных памятников, как правило, являлись лишь интерпретациями более ранних сообщений, в том числе, и в повествованиях о нашествии[29].

По моим подсчетам в ранних летописных источниках о нашествии (НПЛ, Ипат. и Лавр.) в общей сложности за период с конца 1237-го по конец 1241 год (включительно) поименно названы 38[30] русских князей[31]. Ранние

---

[28] *Поппе А.* К начальной истории культа св. Николая Заразского // Essays in honour of A.A. Zimin. Columbus (Ohio), 1986. P. 289–292; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001. С. 436–449; *Амелькин А.О.* О времени создания и литературной истории цикла повестей о Николе Заразском // *Амелькин А.О., Селезнев Ю.В.* Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII-XVII вв. Воронеж, 2004. С. 52-80. В современной науке прочно утвердилось представление о том, что воспринимать «Повесть» как источник для изучения событий нашествия абсолютно неправомерно – это беллетризированный рассказ, в котором оказались «объединены князья, жившие в разное время, и к ним добавлены некоторые, возможно не существовавшие» персонажи. Подробнее см.: *Горский А.А.* «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о разорении Рязани Батыем», Никоновская летопись: о начале русской исторической беллетристики // Исторический вестник. 2023. Т. 45. С. 166, 171.

[29] Там же. С. 168-170; *Рудаков В.Н.* Штурм столицы Суздальской Руси в 1238 г. в русском летописании второй половины XIII - XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 4 (102). С. 186-191.

[30] Включая в это число упомянутых только «по отчеству» князя Кюр Михайловича и некоего «сына Ярослава» - одного из сыновей великого князя Ярослава Всеволодовича, погибшего от рук татар, и не считая другого его сына - только родившегося в 1241 году князя Василия Ярославича (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470; Т. 2. Стб. 779, Т. 3. С. 76).

[31] Помимо князей, за этот период времени в указанных источниках упомянуты 5 воевод 5 представителей городского управления и 9 священнослужителей. Подробнее см.: *Рудаков В.Н.* Правящая элита русских земель в годы нашествия Батыя // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 7: Седьмые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Аннотации докладов всероссийской научной конференции с международным участием. Москва — Владимир — Суздаль, 15–17 ноября 2023 г. Владимир, 2024. С. 33-34.

агиографические источники не сообщают за этот период дополнительных княжеских имен, то же самое касается восточных источников, повествующих о нашествии Батыя. Однако это не означает, что общее число правителей русских земель, живших в то время, исчерпывается упомянутыми в ранних летописных памятниках князьями. Судить об этом позволяют сведения посла папы римского Иннокентия IV Иоанна де Плано Карпини, который в «Истории монголов» упомянул еще несколько русских правителей («некий князь из Руси по имени Святополк», князь Роман, князь Олег[32], а также «Андрей, князь Чернигова», который был обвинен в краже лошадей и убит, и его не названный по имени младший брат, прибывший в ставку Батыя, чтобы «умолить его не отбирать у него его землю»[33]). Некоторые из них (Святополк, младший брат князя Андрея) неизвестны по русским источникам, что касается остальных, то их атрибуция носит условный характер[34]. Из рассказа папского посла следует, что упомянутые им князья пережили нашествие, но каким именно образом им удалось это сделать, не вполне понятно. Тем не менее, «История монголов» позволяет судить о том, что не обо всех русских князьях того времени сохранились сведения в ранних русских летописных источниках. Причины этого вполне понятны. Можно предположить, что часть русских

Таким образом, за указанный период времени число упомянутых в ранних рассказах о нашествии правителей русских земель в два раза превышает число представителей других страт общества вместе взятых, что подтверждает тезис о «князецентризме» русского летописания. См.: *Вилкул Т.Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI-XIII вв. М., 2009. С. 330.

[32] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. Текст, перевод, комментарии. Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М., 2022. С. 191-192.

[33] Там же. С. 136. О том, кем могли быть эти князья, см.: там же. С. 216 (комментарий 8 к главе III). Упомянутый в «Истории монголов» князь Андрей и князь Андрей Мстиславич, убитый, согласно более позднему Рогожскому летописцу в 1246 году, возможно, одно и то же лицо. См.: ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 470.

[34] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 339-340 (комментарий 62 к главе IX).

земель на момент нашествия либо вовсе не имела устойчивой летописной традиции, либо утратила таковую в эти и последующие годы.

Это означает, что указанным выше числом круг живших на тот момент русских князей, скорее всего, не исчерпывался. Однако общее фактическое число членов княжеской корпорации того времени вряд ли может быть полностью реконструировано. Исследуя историю нашествия Батыя на русские земли, мы неизбежно сталкиваемся с крайней фрагментарностью сведений о событиях и правителях того времени. И поэтому имеем дело лишь с деталями общей картины. В этой связи закономерен вопрос о том, в какой мере репрезентативна дошедшая в ранних русских источниках информация о численности князей? На первый взгляд, не зная общего числа, мы не можем ответить на этот вопрос. Однако фрагментарность информации – это тот ограничитель, с которым имеет дело всякий, кто исследует средневековую эпоху. Представляется, что указанные сведения все-таки репрезентативны – в той мере, разумеется, в какой репрезентативно вообще наше знание об этом периоде истории, которое также базируется исключительно на сведениях, полученных из дошедших до нас, а не гипотетически существовавших, источников. В этом смысле задача по реконструкции численности живших в ту пору князей, анализу их действий в условиях монгольского нашествия, а также характера их изображения в письменных источниках мало чем отличается от задач по реконструкции любых других аспектов жизни и деятельности их современников.

Что представляет собой информация о судьбе князей-современников нашествия, упомянутых в источниках? Прежде всего, следует отметить, что только о двух правителях сообщается во всех трех ранних летописных рассказах (это великий князь владимирский Юрий Всеволодович и его сын Всеволод Юрьевич), некоторые князья упомянуты лишь в двух из трех источниках (рязанский князь Юрий Ингваревич - в НПЛ и Ипат., а также князь Ярослав Всеволодович и его сын Александр Ярославич – в НПЛ и Лавр., однако, оба в этот период не принимали участия в событиях, связанных с

нашествием Батыя). Значительная же часть (33 из 38, или 87%) князей упомянуты только в каком-то одном дошедшем до нас памятнике. Это означает, что и без того лапидарные сведения, касающиеся поведения большинства русских князей того времени, носят уникальный характер и не поддаются проверке по другим источникам этого периода. Правда, в отношении трех русских князей (предположительно – Роман Ингаревич, Юрий Всеволодович и Владимир Юрьевич) имеется весьма краткая информация в сочинении персидского историка Рашид ад-Дина, создававшего свой труд в 1300-1311 гг.[35], но, видимо, опиравшегося при этом на какие-то более ранние записи, в том числе, монгольского происхождения.

Из общего числа упомянутых в ранних летописных рассказах о нашествии князей точно известно о том, что 10 человек погибли. Всех погибших князей можно условно разделить на несколько групп. Первую из них составляют правители рязанской земли: убитые во время штурма самой Рязани князья Юрий Ингваревич[36], а также погибший в сражении под Коломной Роман Ингваревич[37]. Вторая группа – правители Суздальской земли: взятый в плен в Москве и затем убитый татарами князь Владимир Юрьевич[38], его братья – погибшие при обороне Владимира князья Всеволод[39] и Мстислав[40] Юрьевичи, а также погибшие участники сражения на реке Сити великий князь Юрий Всеволодович[41] и ростовский князь Василько

---

[35] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. с персидского Ю. П. Верховского, редакция проф. И. П. Петрушевского. Т. II. М., Л., 1960. С. 38-39.

[36] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778; Т. 3. С. 74-75.

[37] Там же. Т. 3. С. 74-75; *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч. С. 39.

[38] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461; *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч. С. 39.

[39] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460-466; Т. 2. Стб. 779; Т. 3. С. 75.

[40] Там же. Т. 1. Стб. 461-464.

[41] Там же. Т. 1. Стб. 461-465; Т. 2. Стб. 779; Т. 3. 74-76. *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч. С. 39; *Фома Сплитский*. История архиепископов Салона и Сплита. Вступительная статья, перевод, комментарий О. А. Акимовой. М., 1997. С. 104.

Константинович[42]. Третью группу составляет козельский князь Василий, погибший при обороне города: Ипат. сообщает о том, что он погиб, утонув в крови («о князи Васильи невѣдомо есть, и инии глаголаху, яко во крови утонулъ есть, понеже убо *младъ* бяше есть»)[43]. Четвертая группа – это два князя, про которых известно лишь, что они были убиты татарами: ни места, ни времени, ни обстоятельств гибели источники не сообщают. Это не названный по имени «сын Ярослава» («сынъ Ярославль убиша»)[44] и князь Мстислав Рыльский («татарове убиша Мстислава Рыльского»)[45].

О гибели еще троих – племянника великого князя Юрия князя Всеволода Константиновича (упомянут только в Лавр. в контексте событий на р. Сити[46]), уже упомянутого Кюр Михайловича (о нем говорится только в Ипат. как об участнике сражения под Коломной[47]) и князя Мстислава Глебовича (согласно Ипат., оказавшим сопротивление татарам у стен Чернигова[48]) летописи впрямую не сообщают, однако, в дальнейшем повествовании они более не упоминаются. Учитывая складывавшиеся в тот период обстоятельства, можно с определенной долей вероятности предположить, что они также могли погибнуть во время столкновений с завоевателями. В итоге погибшими можно считать 13 человек[49].

---

[42] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461-466.

[43] Там же. Т. 2. Стб. 780–781.

[44] Там же. Т. 3. С. 76.

[45] Там же. Т. 1. Стб. 470.

[46] Там же. Стб. 461, 465.

[47] Там же. Т. 2. Стб. 778-779.

[48] Там же. Стб. 782. Б.Д. Греков и А.Ю. Якубовский полагали, что Мстислав Глебович, «был разбит и бежал в Венгрию», однако, на чем основалось это мнение не указали. Источники не позволяют сделать такой вывод. См.: *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., Л., 1950. С. 215.

[49] Оценка, изложенная в работах В.Б. Кобрина и А.Л. Юрганова, согласно которой «в Рязанской земле погибло девять князей из двенадцати. Из трех ростовских князей — двое. Из тех девяти суздальских князей, что были к этому времени взрослыми и находились в

Принято считать, что еще один рязанский князь Олег Ингваревич попал в плен, откуда вернулся в 1252 г. и умер на родине в 1258 г. Однако вывод о пленении князя Олега делается на основе отрывочных сообщения Лавр.[50], рассказывающей лишь о его возвращении из плена, но не о самом пленении[51].

своих землях, было убито пятеро», судя про всему, основывается на данных поздних источников, которые, впрочем, авторы не приводят. (См.: *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С 58). Если данные о гибели ростовских и суздальских князей соотносятся со сведениями ранних летописных источников, то данные о потерях среди рязанских князей такого рода подтверждений не имеют. Д.И. Иловайский, привлекавший для подсчета потерь более позднюю «Повесть о разорении Рязани Батыем», писал о семи погибших рязанских князьях. (См. *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 1858. С. 134). В самой статье В.Б. Кобрина и А.Л. Юрганова дана ссылка только на работу Н.А. Баумгартена (*Baumgarten N.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-au XIII siècle. Roma, 1927), правда, без указания страниц, на которых находится соответствующая информация, но в более поздней научно-популярной статье А.Л. Юрганов писал про то, что данные были получены на основании его собственных подсчетов, и вновь не указал источники, на которые опирался. (См.: *Юрганов А.Л.* У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX - начала XX в. М., 1991. С. 42). Критический анализ этих расчетов см. подробнее: *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1. С. 35-38; *Рудаков В.Н.* Ордынские нашествия в русской исторической памяти середины XIII – XVIII вв. М., 2025. С. 30-31.

[50] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473, 475.

[51] Аргументы по поводу неправомерности подобной трактовки см.: *Воротынцев Л.В.* «Ордынский плен» рязанского князя Олега Ингваревича Красного (1238-1258 гг.): от историографического мифа к историческим реалиям // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 4. С. 733-748. Олег Ингваревич упомянут также в рассказе НПЛ в перечислении рязанских князей, но новгородская летопись о его судьбе ничего не сообщает (См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 74). Князь Олег, «который уезжал оттуда» (то есть из земли татар. – В.Р.) фигурирует в «Истории монголов» Иоанна де Плано Карпини, однако, вопрос о том, в какой мере его можно ассоциировать с рязанским князем, в науке является дискуссионным. См. *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 192, С. 339-340 (комментарий 62 к главе IX).

Таким образом, из общего числа правителей русских земель, которые известны по именам, 13 князей погибли, 1, возможно, попал в плен, а 24 (63,1 %) так или иначе спаслись во время нашествия. Как это произошло?

О бегстве пяти из них мы можем однозначно судить на основании прямых указаний летописных источников. Так, бегством из Киева спаслись Михаил Всеволодович Черниговский и его сын Ростислав[52]. Кроме них от татар бежал князь Даниил Романович Галицкий вместе с братом Васильком Романовичем и сыном Львом Даниловичем[53].

Еще шесть князей, судя по всему, в момент нашествия изначально находились в безопасном месте - за пределами территорий, подвергшихся нападению татар. Это князь Всеволод Мстиславич, которого Ярослав Всеволодович, согласно Лавр., посадил на княжении в Смоленске[54]; упомянутый в Ипат. князь Ростислав Владимирович[55] (сын смоленского и киевского князя Владимира Рюриковича), полоцкий князь Брячислав, на дочери которого в 6747 (1239) г., согласно НПЛ, женился Александр Ярославич (Невский)[56], князь Ярослав Владимирович, о котором в НПЛ говорится, что он в 6748 (1240) г. вместе с «Нѣмци, медвѣжане, юрьевци, вельяди» взял Изборск[57].

---

[52] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782-784. Подробнее см.: *Димник М.* Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239-1245 гг. // Русин. 2014. № 1. С 18-19; *Майоров А.В.* Михаил Черниговский в Силезии и битва при Легнице // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60). С. 23.

[53] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787.

[54] Там же. Т. 1. Стб. 469.

[55] Там же. Т. 2. Стб. 788.

[56] Там же. Т. 3. С. 77.

[57] Там же. Он же под именем «Герцеслав» упомянут в «Хронике Ливонии», а также под именем «Герпольт» в «Рифмованной хронике». См.: *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. М., Л., 1938. С. 192; *Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П.* Письменные источники о Ледовом побоище // Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища /Отв. ред. Г.Н.

Князь Ярослав Всеволодович и его сын Александр Ярославич (Невский) также находились вдалеке от опасных районов. Александр Ярославич - Новгороде, что же касается Ярослава Всеволодовича, то он в это время, вероятнее всего, пребывал в Киевской земле, куда отправился еще до начала нашествия[58].

О способах спасения оставшихся 13 князей известно немного.

Скорее всего, еще один правитель мог спастись бегством - смоленский князь Ростислав Мстиславич, севшей было на великокняжеский стол в Киеве после бегства оттуда Михаила Всеволодовича Черниговского, но впоследствии изгнанный оттуда Даниилом галицкий перед самым нашествием[59]. Однако напрямую об этом источники не сообщают: о дальнейшей судьбе князя ничего неизвестно. Имена еще 12 правителей Северо-Восточной Руси указаны в помещенном в Лавр. списке князей, спасшихся от нашествия[60]. О том, как спаслись двое из этого списка, мы можем судить весьма определенно. Если верить сообщению Лавр. (другие источники об этом ничего не сообщают), брат погибшего Юрия Всеволодовича - князь Святослав Всеволодович (42 года[61]), а также их племянник князь Владимир Константинович (24 года[62]) – оказались в зоне

Караев. М., Л., 1966. С. 219-224; *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015. С. 660-666.

[58] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461, Т. 2. Стб. 777; Т. 3. С. 74; См. подробнее: *Горский А.А*. Проблемы изучения Слова о погибели Русскыя земли» (к 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. Л, 1990. С 30-32; *Рудаков В.Н.* Великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 412; *он же*. Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича на Каменец (1239 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89). С. 15-33.

[59]ПСРЛ. Т. 2. Стб 782. См.: *Горский А.А.* Русские земли в XIII-XIV веках. Пути политического развития. СПб., 2016. С. 34. Ср. *Домбровский Д.* Указ. соч. С. 561-565.

[60] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

[61] Там же. Стб. 412.

[62] Там же. Стб. 438.

боевых действий, придя вместе с великим князем Юрием на реку Сить[63]. Согласно Лавр., Святослав Всеволодович (он княжил в расположенном 60 километрах от Владимира Юрьеве-Польском), в отличие от Юрия Всеволодовича, не погиб на реке Сити. Лавр. сообщает, что после гибели Юрия Ярослав Всеволодович, сев на княжении во Владимире, передал Суздаль Святославу, вместе братья участвовали в погребении Юрия Всеволодовича[64]. А после смерти самого Ярослава в 1246 г. именно Святослав Всеволодович ненадолго великим князем владимирским. В 1250 г. ездил «в Татары» и, благополучно вернувшись оттуда, умер только в 1252 г., правда, утратив к этому времени великокняжеский стол[65]. Таким образом, Святослав не просто спасся во время событий на реке Сити: на протяжении целого ряда лет у монгольских правителей не возникало претензий к князю в связи с его участием в последнем сражении Юрия Всеволодовича. Возможно, потому, что Святославу удалось бежать, либо в ходе проигранного боя, либо, так и не вступив в боевые действия с татарами. Не погиб в сражении на Сити и князь Владимир Константинович: об этом также не говорится специально, но в дальнейшем он упомянут в числе других князей, ездивших спустя шесть лет, в 1244 г., к Батыю[66].

Еще пять спасшихся князей – это брат убитого на Сити великого князя Юрия – уже упомянутый выше стародубский князь Иван Всеволодович (41 год[67]), а также дети правителей княжеств Суздальской земли – сын князя Святослава Всеволодовича Дмитрий (около 10 лет[68]), дети убитого татарами после событий на реке Сити ростовского князя Василька Константиновича –

---

[63] Там же. Стб. 465.

[64] Там же. Стб. 467. См. подробнее: *Рудаков В.Н.* Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича … С. 24-27.

[65] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471-473.

[66] Владимир Константинович умер в 1249 году. См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470, 472.

[67] Там же. Стб. 414.

[68] Родился до 1228 г., когда его мать приняла постриг. Там же. Стб. 450.

Борис (7 лет[69]) и Глеб (1 год[70]), а также сын упомянутого участника событий на реке Сити князя Всеволода Константиновича – Василий (во время событий на реке Сити Всеволоду было 28 лет[71], значит, Василий в это время был еще ребенком). Судя по тому, что все они имели владения на территории, подвергшейся татарскому нашествию, единственная возможность спастись у них также могла быть связана с бегством из родных мест – куда-то, куда татары так и не дошли.

Наконец, еще пять спасшихся князей – это младшие дети великого князя Ярослава Всеволодовича: Андрей, Константин, Афанасий, Даниил и Михаил[72]. Если место нахождения самого Ярослава Всеволодовича во время нашествия на северо-восточную Русь с большой степенью вероятности может быть установлено (это Киевская земля[73]), то в отношении его детей такой ясности нет. Нельзя полностью исключать, что они находились с отцом на юге Руси и вернулись в Суздальскую землю вместе с ним (не ранее середины 1238-

---

[69] Там же. Стб. 457.

[70] Дата рождения неизвестна, но в Симеоновской летописи (судя по всему, отражающий общий с Лавр. источник, в самой Лавр. в силу утраты части текста не дошедший) есть сообщение о том, что в 1278 г. князь умер 41-летним. Там же. Т. 18. М., 2007. С. 76.

[71] Там же. Стб. 438. См.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 103.

[72] Всего у Ярослава Всеволодовича было девять сыновей. Как отмечает В.А. Кучкин, «летописи сохранили известия о рождениях только первого и последнего сыновей князя Ярослава. Когда родились остальные семеро, неизвестно». Первенец Федор Ярославич родился в 1220 г. (он умер в 1233 г.), девятый сын Василий - в 1241 г. Разница между вторым и третьим сыновьями, Александром и Андреем, по мнению В.А. Кучкина, была больше, чем между первым и вторым – Федором и Александром. Александр Ярославич с большой долей вероятности родился в мае 1221 г., и в 1238 году ему исполнилось 17 лет, значит, следующему за ним Андрею, скорее всего, было не более 14-15 лет, а остальным братьям – и того меньше. См. *Кучкин В.А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. №. 5. С. 19-20.

[73] См. подробнее: *Горский А.А*. Проблемы изучения Слова о погибели Русскыя земли» … С 30-32.

го, но, вполне вероятно, в конце 1239 года[74]). Не исключен также вариант, что они могли жить все это время в Новгороде вместе со старшим братом Александром (и, возможно, их матерью). Но более вероятно, что вплоть до начала нашествия Батыя младшие дети Ярослава Всеволодовича оставались в родовом гнезде отца – Переяславле-Залесском, и только, узнав о приближении татар, вместе с матерью отправились на север (в тот же Новгород или куда-то еще). В пользу последнего варианта говорит то, что, согласно НПЛ, один неназванный по имени «сынъ Ярославль» был убит, причем, произошло это, по всей видимости, либо в Суздальской земле, либо недалеко от нее («Оканьнии же они оттолѣ пришедше, взяша Москву, Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тфѣрь; ту же и сынъ Ярославль убиша»[75]). Если

[74] *Рудаков В.Н.* Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича … С. 17-20.

[75] ПСРЛ. Т. 3. С. 76. Большинство исследователей полагает, что под этим именем упомянут неизвестный нам по имени сын Ярослава Всеволодовича. (См. напр.: *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С 108; *Карпов А.Ю.* Батый. М., 2011. С. 72). А.В. Кузьмин даже высказал гипотезу, согласно которой «значение Твери было настолько важно, что зимой 1237/38 г. князь (Ярослав Всеволодович - *В.Р.*) согласился оставить для обороны города своего сына. Когда один из монгольских отрядов в феврале 1238 г. захватил и разорил Тверь, то, как отмечает летописец, захватчики «тут же и сынъ Ярославль убиша». Он был единственным из детей Ярослава Всеволодовича, кто погиб во время Батыева нашествия». Впрочем, исследователь не привел каких-либо аргументов в пользу того, что «сынъ Ярославль» был оставлен отцом для обороны города, равно как и пользу того, что он был убит именно в Твери. Чтение «*тут*» отсутствует в источниках: его нет ни в более ранней НПЛ, ни в летописных сводах конца XV в., на которые почему-то ссылается А.В. Кузьмин, хотя они в этой части ничем не отличаются от чтения НПЛ. Только в летописном своде 1518 г. находится чтение «… а инии Тверь, шедше, взяша, *в неи же* и сына Ярославля оубиша». (ПСРЛ. Т. 28. М., Л., 1963. С 211; См.: *Кузьмин А.В.* На пути в Москву…Т. 1. С. 273). Между тем, наречие «ту» в рассказе НПЛ о захвате татарами городов Северо-Восточной Руси и гибели князя («взяша Москву, Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тфѣрь; *ту* же и сынъ Ярославль убиша») может быть переведено и как ‘тут’, ‘здесь’, так и ‘тогда’, ‘в то время’. См.: Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 30. М., 2015. С. 214-215. Сомнения в правильности традиционной

интерпретировать летописный текст буквально – то есть, таким образом, что убийство произошло во то же самое время, когда татарам была взята Тверь, или даже во время ее взятия, - вполне можно допустить, что сын Ярослава Всеволодовича погиб как раз во время бегства семьи из Переяславля через Тверь в направлении Новгорода.

Приведенный в Лавр. под 6747 (1239) г. список правителей Суздальской земли, которых Господь «*избавилъ есть от враг наших*», позволяет утверждать, что значительная часть упомянутых в нем князей – 12 человек (из 14, то есть, за исключением уже находившихся на безопасном расстоянии Ярослава Всеволодовича и Александра Ярославича), спасались от татар бегством. Помимо приведенных выше соображений общего характера, косвенным подтверждением тому, что все они спаслись, бежав от наступающего врага, служит и прямое указание Лавр. Автор рассказа уточнил, каким образом произошло это спасение: «*гониша по них* татарове и *не обрѣтоша*. *Яко же и Саулъ гоняше Давида, но Богъ избави от руку его, тако и сих Богъ избави от рукы иноплеменник»*[76]. Сравнение правителей русских княжеств с Давидом, за которым гнался царь Саул, указывает на то, что «избавление от рук иноплеменников» произошло благодаря бегству князей от преследовавших их татар. Согласно библейской 1-й Книге Царств, на тот

атрибуции убитого князя как сына Ярослава Всеволодовича недавно высказал С.В. Богданов, который полагает, что «упоминаемый в НПЛ «сын Ярослава» мог быть сыном одного из двух Ярославов Владимировичей, хорошо известных в Новгороде» - Ярослава Владимировича, внука Мстислава Ростиславича Храброго или Ярослава Владимировича, внука Мстислава Великого. При этом, отмечает С.В. Богданов, статус юного князя в Твери «остается под вопросом». Впрочем, эти построения исследователя опираются лишь на ряд допущений, не находящих подтверждения в источниках. См.: *Богданов С.В.* Кто из Ярославичей погиб в Твери в 1238 г.? // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9-13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019. С. 35-36.

[76] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

момент юноша, а в будущем – царь израильский Давид, именно бегством спасался («*оубѣжа и спасеся*») от гнева царя Саула, в которого вселился «лукавый дух»[77].Таким образом, приведенный в Лавр. под 6747 (1239) годом список правителей Суздальской земли, спасшихся от нашествия Батыя, дает представление о том, что именно бегство оказалось наиболее предпочтительным способом спасения от врага не только самыми могущественными русскими князьями (Михаил Черниговский, Даниил Галицкий), но и правителями «второго уровня».

Подводя общий итог, можно заключить, что из 38 поименно упомянутых в рассказах о нашествии Батыя ранних летописных памятников князей лишь 13 человек погибло (34,2%). Остальные в силу разных причин сохранили свои жизни: 1 князь (2,6%), если верить Лавр., попал в плен, из которого впоследствии вернулся, 6 князей (15,7%) во время нашествия находились в безопасном месте и 18 князей (47,3%) спаслись бегством (по поводу превентивного бегства пяти из них есть прямые указания источников и о бегстве еще тринадцати мы можем весьма определенно судить по косвенным данным).

Таблица 2.

Судьба русских князей, упомянутых в ранних летописных источниках о нашествии Батыя (в период с декабря 1236 по 1241 г. включительно)

	человек	%
Убиты/скорее всего, убиты	**13**	**34,2%**
Попал в плен (по версии Лавр.)	**1**	**2,6%**
Остались живы, находясь в безопасном месте	**6**	**15,7%**
Бежали / скорее всего, бежали	**18**	**47,3%**
Всего упомянуто князей (без повторов)	**38**	**99,8 %**

[77] 1 Цар. 18:10-12, 18:18, 21:10, 27:4 и др.

Для полноты картины нужно отметить два обстоятельства. Во-первых, из 18 спасшихся бегством князей ровно половину (9 человек) составляли лица, не достигшие совершеннолетия, то есть дети, которые следовали в безопасные места вместе со старшими членами своих семьей (характерный пример – спасение юных Бориса и Глеба, сыновей погибшего после битвы на реке Сити ростовского князя Василька Константиновича, которые, судя по всему, спасались от нашествия вместе с матерью – княгиней Марией Михайловной). Во-вторых, среди 13 погибших правителей русских земель также встречались случаи бегства – как с поля боя во время сражения (Всеволод Юрьевич из-под Коломны – по версии Ипат. и Лавр., бежал в *«малой дружине»*[78]), так из города накануне осады, то есть превентивно (по версии НПЛ и Рашид ад-Дина, Юрий Всеволодович именно бежал из Владимира и тоже - в *«малой дружине»*[79]*)*. Последний случай требуют особого анализа, поскольку ранние летописные источники разнятся в описании действий и оценке поведения великого князя – об этом речь пойдет во второй главе исследования.

По итогам проведенного историко-статистического анализа можно констатировать, что участие князей в сопротивлении врагу носило ограниченный, часто ситуативный характер и во многом зависело от того, в какой период нашествия правителям русских земель довелось столкнуться с угрозой, исходившей от завоевателей.

Правители Рязанской земли, которые вступили в бой с монголами в конце 1237 - начале 1238 г., вполне возможно, просто не имели возможности принять какое-либо иное решение в силу высоких темпов наступления войск Батыя. Это предопределило их гибель. Немного времени для того, чтобы сориентироваться в складывающейся обстановке, было и князей Суздальской земли. Тем не менее, большинству из них удалось покинуть район боевых действий и спастись. Погибли лишь несколько правителей северо-восточных

[78] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460; Т. 2. Стб. 779.

[79] Там же. Т. 3. С. 75-76; *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч. С. 39.

русских княжеств. Правители Южной и Западной Руси, удар по которой пришелся уже на 1239-1240 гг., в этом смысле оказались в более выигрышной ситуации. Нашествие Батыя на эти территории началось спустя год после разорения Суздальской земли, и князья (в частности, Михаил Черниговской и Даниил Галицкий) имели возможность сделать осознанный выбор – либо попытаться оказать сопротивление, либо, отказавшись от столкновения с завоевателями, покинуть опасные районы. Как известно, ими был выбран второй вариант.

Можно предположить, что в условиях стремительного завоевания монголами русских княжеств большинство правителей были дезориентированы - князья столкнулись с силой, которой не знали, как противостоять, к тому же возможности сторон были слишком неравными. По самым консервативным современным оценкам, монгольское войско, отправившееся в Западный поход, достигало численности от 100 до 140 тысяч человек, значительная часть которых приняли участие в завоевании русских земель[80]. Ни одно русское княжество не могло выставить сопоставимого числа воинов, и, даже соединив усилия, обеспечить эффективное противодействие такому войску было бы крайне затруднительным. Следует учитывать, что на Калке в 1223 году потерпевшее поражение от татар союзное русско-половецкого войско включало в себя объединенные силы сразу нескольких крупных русских княжеств, его численность, по разным оценкам, колебалась

[80] Р.П. Храпачевский полагает, что всего на покорение Запада выдвинулось порядка 120-140 тыс. человек, из них участниками зимнего похода 1237/1238 года, направленного на завоевание Северо-Восточной Руси, было порядка 100 тыс. воинов. В.А. Кучкин считал «близкой к реальности» цифру в 135 тыс. человек. См. подробнее: *Храпачевский Р.П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011. С. 201-205; *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 4. Близкие цифры проводили В.В. Каргалов (120-140 тыс.) и А.Н. Кирпичников (100-150 тыс.) –подробнее см.: *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 75. *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л., 1976. С. 5.

от 40 до 45 тыс. воинов[81]. Но даже эта сила более чем в два-три раза уступала по численности армии Батыя, которая пришла к границам русских земель полтора десятилетия спустя - в декабре 1237 года. Но в тот момент, когда монгольское войско оказалось у границ Северо-Восточной Руси, ни о каком союзе князей речь не шла. Отношения между наиболее могущественными правителями русских земель, по выражению А.А. Горского, напоминали «перманентную междоусобную войну», которая исключила возможность объединения сил для отпора завоевателям. Эта война продолжилась не только после разорения Батыем Северо-Восточной Руси, но и тогда, когда монголы начали поход против южнорусских княжеств, захватив Переславль Южный и Чернигов. Даже в этой ситуации «князей-противников, похоже, больше заботила борьба между собой, чем приближающееся нападение внешнего врага»[82].Оставшись же один на один с полчищами завоевателей, русские земли, тем более, были обречены: А.Н. Кирпичников обоснованно предполагал, что «в сражениях с войсками русских княжеств и в операциях по захвату городов они (татары – В.Р.) обладали 10-30 кратным численным перевесом: даже объединенное войско нескольких земель не могло противостоять такой армаде»[83].

Бесперспективность сопротивления, судя по всему, становилась очевидной по мере распространения информации о нашествии. Возможно, в этом крылась одна из причин того, что при обороне территорий, которые первыми в 1237-1238 гг. оказались на пути завоевателей (Рязань, Коломна, Владимир), князья оказались задействованы в большей мере, чем при обороне западнорусских земель, ставшими жертвами Батыя уже в ходе второй кампании 1239-1240 г. Об этом красноречиво свидетельствуют пропорции погибших правителей русских земель: из 13 князей, принявших смерть в годы

---

[81] *Храпачевский Р.П.* Указ. соч. С. 190.

[82] *Горский А.А.* Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 188.

[83] *Кирпичников А.Н.* Указ. соч. С. 5.

нашествия, 11 погибли в период 1237-1238 гг. (рязанские князья Юрий и Роман Ингваревичи, а также Кюр Михайлович, князья Суздальской земли – Юрий Всеволодович, Владимир, Всеволод и Мстислав Юрьевичи, Василько и (видимо) Всеволод Константиновичи, не названный по имени «сын Ярослава» (Всеволодовича), а также козельский князья Василий), и лишь двое (Мстислав Рыльский и, возможно, черниговский князь Мстислав Глебович) – в ходе второго этапа завоевательной кампании Батыя (1239-1240 гг.).

В силу неравенства сил и средств вряд ли позиция князей могла предопределить исход противостояния. Однако, действия или бездействие правителей (в том числе, сильнейших князей того времени) несомненно предопределили характер и масштаб самого сопротивления монголам. Фактически можно говорить лишь о трех относительно некрупных полевых сражениях, произошедших за пределами крепостных стен, в которых участвовали князья. Два таких эпизода приходятся на время первого похода Батыя (на Северо-Восточную Русь) – это сражения под Коломной (декабрь 1237 г.) и на реке Сити (март 1238 г.), и один - сражение под Черниговом (видимо, октябрь 1239 г.[84]) – на время второго похода монголов (на Южную Русь)[85]. Б*о*льшая же часть известных фактов героического сопротивления Батыевым полчищам была связаны с обороной городов[86]. Но и в этом случае роль князей в организации обороны была весьма ограниченной.

В ранних летописных источниках о нашествии упоминается более двадцати городов, которые были взяты татарами (Рязань, Пронск, Москва, Владимир-на-Клязьме, Суздаль, Переяславль Залесский, Юрьев, Дмитров, Волок Ламский, Тверь, Торжок, Ярославль, Галич Мерьский, Ростов, Городец

---

[84] ПСРЛ. Т. 5. Вып. I. М., 2003. С. 11; Вып. II. М., 2000. С. 79; ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. Стб. 51. См.: *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 16.

[85] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469; Т. 2. Стб. 782.

[86] *Горский А.А.* Русь. От славянского Расселения…. С. 181. Ср.: *Рапов О.М.* Русские города и монгольское нашествие // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 77.

Радилов, Муром, Гороховец, Переяславль Южный, Чернигов, Киев, Владимир Волынский, Галич-на-Днестре, Колодяжин, Каменец и ряд других). Но, скорее всего, захваченных городов было еще больше: как выразился составитель рассказа Лавр. о нашествии Батыя, «и несть мѣста ни вси, ни селъ, тацех рѣдко, иде же не воеваша на Суждальскои земли и *взяша городовъ 14 опрочь слободъ и погостовъ во одинъ месяць февраль*»[87]. О том же сообщал и южнорусский летописец: «И приде к *Володимеру (Волынскому. – В.Р.),* и взя и копьемь, и изби и не щадя. Тако же и град Галичь, *иныи грады многы, имже нѣсть числа*»[88]. В большинстве случаев источники фиксировали лишь сам факт «взятия» того или иного города. За редким исключением, такая фиксация - максимум, что мы знаем об их судьбе. Судя по всему, современных нашествию записей по вполне понятным причинам не велось либо они не сохранились, и книжникам, которые составляли или редактировали рассказы спустя как минимум несколько десятилетий после описываемых событий, какие-либо подробности захвата большинства русских городов были попросту неизвестны. Авторы летописных рассказов о нашествии отдавали себе отчет в наличии такого рода лакун информации. В этом смысле характерно описание Лавр.: «Татарове поплѣниша Володимерь <…> и ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городець, и ти плѣниша все по Волзѣ доже и до Галича Мерськаго; а ини идоша на Переяславль, и тъ взяша, *и оттолѣ всю ту страну и грады многы все то плѣниша* доже и до Торжку»[89].

С разной степенью подробности в ранних летописных источниках о нашествии сообщается об обороне лишь нескольких крупных русских городов: Рязани (НПЛ, Ипат., Лавр.), Москвы (Лавр. и НПЛ), Владимира (НПЛ, Ипат., Лавр.), Торжка (НПЛ), Козельска (Ипат.), Чернигова (Ипат.) и Киева (Ипат. и Лавр.), а также весьма кратко - о нескольких небольших

[87] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464. Ср.: там же. Т. 3. С. 63.

[88] См.: там же. Т. 2. Стб. 786.

[89] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.

западнорусских городках, которые постигла та же участь: «Батыю <…> приде к городу Колодяжьну. И постави порока 12, и не може разбити стѣны, и начатъ перемолъвливати люди. Они же, послушавше злого свѣта его, передашася, и сами избити быша. И приде Каменцю, Изяславлю, взятъ я» (Ипат.)[90]. При этом та же Ипат. сообщала и о двух небольших городках, которые Батый не решился взять штурмом: «видивъ же Кремянѣць и градъ Даниловъ, яко *не возможно прияти ему, и отъиде от нихъ*»[91].

Из общего числа городов, об обстоятельствах обороны которых мы так или иначе можем судить на основании сведений ранних летописных источников о нашествии, лишь в четырех в момент подхода войск Батыя находились князья – это Рязань, Москва, Владимир, Козельск. При этом три

[90] См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 786.

[91] Там же. Судя по всему, отказ от штурма был связан с выгодным расположением этих крепостей. Как отмечал О.М. Рапов, «оба города были расположены на очень высоких (до 50 м) холмах, склоны которых в ряде мест были круче 45°.». Подробнее см.: *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 88.

города из тех, об обороне которые хоть что-то известно - Чернигов[92], Киев[93], а также Торжок[94] - защищались от врага в отсутствии своего князя.

Таким образом, в общей сложности нам известно об участии князей в семи эпизодах противостояния татарам: в четырех случаях обороны городов и в трех полевых сражениях.

1.3. Сопротивление или смирение: два взгляда на монгольское нашествие в отечественном историописании второй половины XIII в.

[92] В обороне Чернигова, правда принимал участие князь Мстислав Глебович, однако, из контекста сообщавшей об этом эпизоде Ипат. не вполне понятно, где к моменту подхода войск Батыя он находился: в самом городе или вне городских стен: «Слышавъ же Мьстиславъ Глѣбовичь нападение на град иноплеменьных, *приде на ны* со всими вои». См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782. Так, А.А. Горский полагает, что «непосредственно в Чернигове в это время Мстислав не сидел», а Михаил Всеволодович Черниговский, «находясь осенью 1239 г. в Киеве, даже не попытался помочь обороне своего отчиного Чернигова». См.: *Горский А.А.* Русские земли в XIII-XIV веках… С. 116. Прим. 33; *он же.* Русь. От славянского Расселения …. С. 182.

[93] Накануне нашествия Батыя власть в Киеве неоднократно менялась: в 1236 г. город захватил Ярослав Всеволодович, который около 1238 г. был вынужден уступить его Михаилу Всеволодовичу, однако, уже в 1239 г. Ярослав изгнал Михаила, который, перед лицом нашествия Батыя бежал в Венгрию. После чего на киевское княжение (как полагает А.А. Горский, при поддержке Ярослава Всеволодовича) сел князь Ростислав Михайлович, который, в свою очередь, вынужден был уступить в 1240 г. Киев Даниилу Романовичу Галицкому. Последний в городе также не задержался: спасаясь бегством от нашествия Батыя, он оставил в Киеве некоего воеводу Дмитра (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469; Т. 2. Стб. 774-777, 782-786; Т. 3. С. 74). См.: *Горский А.А.* Русские земли… С. 34. Ср.: *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 599-606, *Майоров А. В., Веселов Ф. Н.* Тысяцкий Дмитр до и после падения Киева // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2024. № 4 (98). С. 7-26.

[94] ПСРЛ. Т. 3. С. 76.

Как оценивалась в русском летописании второй половины XIII в. возможность и необходимость сопротивления завоевателям? Была у книжников того времени единая позиция на этот счет или их мнения расходились? Ответы на эти вопросы требуют сопоставительного анализа текстов, содержащих ранние рассказы о нашествии Батыя, на предмет обнаружения общих и особенных черт в восприятии а) самих завоевателей, б) смысла и природы их нашествия и в) поступков русских князей в этих условиях.

1.3.1. Оборона Рязани и «философские» отступления новгородского летописца

Судить о различиях в отношении книжников того времени к поведению князей дает возможность анализ сведений, содержащихся в рассказе о нашествии НПЛ. Особенность этого повествования состоит в том, что в нем содержатся подробные (хотя в некоторых местах путанно изложенные[95]) сведения об обстоятельствах монгольского завоевания Рязанской земли, также – менее подробные -- сведения о нашествии на Суздальскую землю. При этом «рязанская» часть рассказа этой летописи полна таких деталей, которых нет в других ранних летописных источниках[96]. Это говорит о высокой степени осведомленности авторов тех источников, которые были под рукой новгородца[97]. В свое время это обстоятельство позволило В.Л. Комаровичу высказать гипотезу, согласно которой в составе НПЛ до нас могли дойти «выдержки из рязанских летописных рассказов», в силу чего «нигде (…) голос

[95] Подробнее см.: *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем … С. 6-7.

[96] Например, НПЛ сообщает важные детали о времени начала осады и штурма Коломны («татарове же взяша градъ мѣсяца декабря въ 21, а приступили въ 16 того же мѣсяца»), а также – о судьбе рязанского епископа («а епископа ублюде Богъ: *отъѣха проче во тъ годъ*, егда рать оступи градъ»). ПСРЛ. Т. 3. С. 75.

[97] *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 14-15.

непосредственного наблюдателя и даже участника событий не слышится более внятно, чем в рязанском эпизоде рассказа» НПЛ[98]. Судя по всему, рассказ о «рязанском эпизоде» нашествия мог попасть в НПЛ либо из недошедшей до нас рязанской летописи, либо как устный рассказ рязанца, записанный новгородцем. Если предположение о рязанском происхождении сведений о нахождении татар в Рязанской земле верно, то следует признать, что описание действия князей в этой части рассказа НПЛ носит весьма противоречивый характер, что может быть связано со сложносоставным происхождением самой летописной статьи.

С одной стороны, собственно «рязанская» часть сообщения НПЛ имеет, скорее, «героический» характер. Рязанские князья показаны активными защитниками своей земли, готовыми противостоять завоевателям: о них говорится, что они татар «не въпустяче къ градомъ», «выѣхаша противу имъ», что отвечают отказом на их требования дать «десятины во всемь» («рекоша

---

[98] *Комарович В.Л.* Рязанский летописный свод XIII века // История русской литературы. Т. II. Ч. I. М., Л., 1945. С. 75. С его мнением согласились и многие другие исследователи. См., напр.: *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 157–158; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 184–185; *Лихачев Д. С.* К истории сложения Повести о разорении Рязани Батыем // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 261–262; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 34; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 117; *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая половина XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – нач. XX в. Вып. 1. М., 1990. С. 22; *Майоров А.В.* Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 134 и др. Несколько иного мнения придерживается А. Ю. Бородихин, который полагает, что составитель рассказа НПЛ воспользовался как минимум тремя источниками: помимо владимирского и ростовского, еще и южнорусским. См.: *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей о нашествии Батыя летописях и летописно-хронографических сводах XIV-XVII вв. Дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 1989. С. 57, 68, 73.

имъ князи: «олна насъ всѣхъ не будеть, тоже все то ваше будеть»)[99]. Решив не пускать врагов «къ градомъ» и «*выѣхаша противу имъ* на Воронажь», князья фактически заявили о своей готовности сражаться («И рекоша имъ князи: «*олна насъ всѣхъ не будеть, тоже все то ваше будеть*»)[100]. Про рязанского князя Юрия Игваревича НПЛ сообщает также, что он «*затворися въ градѣ* с людми», а про его брата князя Романа – что он «*ста битися противу ихъ* съ своими людьми» у Коломны, причем, как отмечается в рассказе новгородской летописи, его люди «*бишася крѣпко*»[101].

С другой стороны, описания действий рязанских князей явно диссонируют с комментариями новгородского сводчика относительно самих этих действий. Речь идет, в первую очередь, о т.н. «отступлениях лирико-философского характера». В.А. Кучкин, предложивший этот термин, справедливо полагал, что все они (в тексте рассказа НПЛ содержится несколько таких «отступлений») носили вставной характер, принадлежали перу новгородца и представляли собой редакторские ремарки, призванные разъяснить смысл изложенных событий[102].

Первое такое отступление следует за сообщением о решении великого князя Юрия Всеволодовича отказать в поддержке рязанским князьям, которые

---

[99] ПСРЛ. Т. 3. С. 74. Подробнее о посольстве татар к рязанским князьям см.: *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. СПб., 2015. С. 128-140; *Майоров А.В.* Женщина, дипломатия и война… С. 135, 173-176. Косвенно в пользу того, что НПЛ повествует о событии, которое вполне могло иметь место, свидетельствует рассказ Иоанна де Плано Карпини, сообщавшего о том, что татары требуют от покоренных ими народов, «чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им *десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества*». (См.: *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 160). Вполне возможно, что подобным образом татары вели себя и накануне захвата Рязанского княжества, что косвенно подкрепляет достоверность «рязанского» эпизода НПЛ.

[100] ПСРЛ. Т. 3. С. 74.

[101] Там же. С. 74-75.

[102] *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго... С. 22-23.

обратились к нему, «просяче помочи, или самому поити». Отказ Юрия, мотивированный, согласно НПЛ, тем, что он «самъ хотѣ особь брань створити», новгородский летописец прокомментировал в совершенно «негероическом» ключе, дав понять, что и призыв рязанских князей, и имевшее место стремление великого князя владимирского самому сразиться с татарами, изначально было делом обреченным, поскольку князья намеревались идти наперекор Божьему гневу, насланному на русские земли: «Но уже бяше *Божию гнѣву не противитися*, яко речено бысть дрѣвле Исусу Наугину Богомь; егда веде я на землю обѣтованую, тогда рече: азъ послю на ня преже васъ недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепетъ. Такоже и преже сихъ *отъя Господь у насъ силу, а недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи в нас за грѣхы наша*»[103].

Второе «отступление лирико-философского характера» читается в тексте НПЛ вслед за описанием взятия татарами Рязани[104]. Новгородский летописец пишет о совершенно «негероическом» страхе, который, судя по всему, был вызван не столько самим нашествием татар, сколько тем, что предопределило их приход («И кто, братье, о семь не поплачется, кто ся нас осталъ живыхъ, како они нужную и горкую смерть подъяша. Да и мы то видѣвше, *устрашилися быхомъ* и грѣховъ своихъ плакалися съ въздыханиемь день и нощь; мы же въздыхаемъ день и нощь, пекущеся о имѣнии и о ненависти братьи. Но на предлежащая възвратимся»[105]). Стремление к стяжательству (к «имению»[106]) и «ненависть», проявлявшиеся в отношениях между людьми – это те стороны греховного поведения, о которых сокрушался

---

[103] ПСРЛ. Т. 3. С. 75.

[104] Не исключено, что это отступление, как и первое, носит вставной характер, о чем может свидетельствовать фраза в самом его конце - «но на предлежащая възвратимся».

[105] ПСРЛ. Т. 3. С. 75. Судя по тому, что мысль о «вздыхании день и ночь», повторенная дважды, также свидетельствует о соединение нескольких отрывков в рассказе НПЛ.

[106] Ср.: «именьникъ» – «стяжатель», «корыстолюбец». См.: Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 4. М., 1991. С. 149.

летописец и которые, по его мнению, собственно, и стали причиной напастей. Именно эти людские пороки (наряду с другими, о которых в рассказе НПЛ речь не идет, но перечень которых был вполне традиционен для древнерусской книжности), и являлись, с точки зрения новгородского летописца, основаниями для «кар Господних», обрушившихся на Русь в виде нашествия «иноплеменников».

Таким образом, смысл новгородских «отступлений лирико-философского характера» был вполне очевиден. Повествуя о нашествии Батыя, книжник считал необходимым объяснить катастрофический характер произошедшего, во-первых, тем, что нашествие татар – это кара за грехи, а, во-вторых, тем, что, даже несмотря на предпринимаемые отдельными князьями попытки, невозможно «противитися» гневу Господнему. Тем более что гнев этот выражался, среди прочего, в том, что Господь отнимал у согрешивших людей силу и вместо нее вкладывал им в души «недоумение, грозу, страх и трепет» - с тем, чтобы люди добились прощения своим покаянием, а вовсе не воинскими подвигами на поле боя. Однако сами люди же к этому пока не были готовы. Как это сформулировано в завершающем рассказ НПЛ, третьим по счету «отступлении лирико-философского характера», в котором цитировалось «Поучение о казнях Божиих»: «но мы на злое въвращаемся, акы свинья, валяющеся в кале греховнемь присно, и тако пребываемъ»[107]. Из комментариев редактора летописной статьи НПЛ о нашествии следовало, что действия пытающихся сопротивляться татарам рязанских князей (и не только рязанских) достойны, если не осуждения (ведь они пытаются противиться Божьему гневу!), то, по крайнее мере, сожаления. Ведь такие шаги выдают в них людей, которые не уяснили для себя первопричину произошедшего, а коль скоро не уяснили причину, значит, не смогли осознать, какие действия

[107] ПСРЛ. Т. 3. С. 76.

необходимо предпринять, и не встали на путь покаяния и исправления[108]. В данном случае книжник следовал уже устоявшимся представлениям: подобные ситуации неоднократно описывались в летописях. Так в ПВЛ под 6618 (1110) г. рассказывалось о набеге половцев и поведении русских, на которых «навелъ Богъ грѣхъ ради нашихъ иноплеменникы поганыя, и *побѣжахуть ны повелѣньемъ Божьим*», поскольку «*противу Божью повелению не могуть противитися*, но *молять Бога прилѣжно*»[109].

Совсем иначе НПЛ изображала действия татар. Рассказ летописца об их военных удачах довольно монотонен. Книжник просто перечислял этапы движения татар к поставленным целям: «иноплеменници погании *оступиша* Рязань и острогомъ *оградиша*», после чего они сражалсь с рязанским князем Романом вне стен города («*оступиша* ихъ татарове у Коломны, и *бишася* крепко, и *прогониша* ихъ к надолобомъ, и ту *убиша* князя Романа»), «*вземше* Рязань», вслед за этим «татарове *взяша* град (Москву)», «*избиша*» москвичей, после чего, «*поидоша* къ Володимирю»[110]. Победы татар происходили как будто без каких-либо было усилий с их стороны. Та же ситуация наблюдается и в описании дальнейших событий, связанных с осадой Владимира: татары «*приближишася* къ граду, и *оступиша* градъ силою, и *отыниша* тыномъ всь». В итоге «заутрие» город оказывается уже взят (это *замечают* (!) оставшиеся во Владимире князь Всеволод и владыка Митрофан) и разграблен. Татары поразительно удачливы в борьбе с русскими и за пределами городов: бежавший из Владимира великий князь Юрий Всеволодович (согласно НПЛ, князь именно бежал) просто не успевает «ничтоже» противопоставить «внезапу приспевшим» татарам и погибает «на реце Сити». Представляется,

---

[108] Точно такое же восприятие действительности содержится и в рассказе НПЛ о битве на Калке: «тако *за грехы наша* Богъ въложи *недоумение* въ нас, и погыбе много бещисла людии; и бысть въпль и плачь и печяль по городомъ и по селомъ». См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 63. Подробнее: *Рудаков В.Н.* Монголо-татары… С. 26-27.

[109] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 262-263.

[110] ПСРЛ. Т. 3. С. 75.

что книжник неслучайно был столь однообразен в описании побед завоевателей. Связано это было, вероятно, даже не только с их реальными успехами, которые, конечно, были весьма впечатляющими. Похоже, в восприятии новгородского летописца, они и не могли действовать против русских с какими-либо затруднениями, поскольку это не соответствовало бы самой их природе: победы давались татарам легко, так как их действия являлись частью Промысла Божьего. На этом базировалась принципиальная для автора рассказа НПЛ позиция о невозможности и бесперспективности противостояния завоевателям, поскольку это было бы равносильно действиям вопреки воле Господа, решившего при помощи нашествия «иноплеменных» наказать людей «за грехи».

Составитель рассказа НПЛ исходил из традиционного книжного взгляда на нашествие «иноплеменных» как на кару Господню. Эту мысль он проводил с начала и до конца своего повествования, используя для этого весьма пространную цитату из т.н. «Поучения о казнях Божиих», представляющую собой фрагмент статьи, помещенной под 6576 (1068) годом в ПВЛ. Вся летописная статья НПЛ, посвященная описанию нашествия Батыя, строилась на параллелях с «Поучением…»[111]. Вряд ли следует согласиться с мнением В. А. Кучкина, полагавшего, что «детальный анализ цитаты вскрывает уже не мысли людей XIII–XIV вв., а идеи XI столетия»[112]. Основные идеи «Поучения о казнях Божиих» являлись актуальными и для книжников второй половины XIII в. Представление о том, что приход «иноплеменников» является напоминанием Господа о необходимости исправления всем вставшим на путь греха народам; рассказ о всевозможных казнях, которые Бог насылает на

[111] ПСРЛ. Т. 3. С. 76. Ср.: там же. Т. 1. Стб. 462. Интересно, что в НПЛ под 6576 (1068) годом читается совершенно другой текст. В.А. Кучкин считал, что при рассказе о событиях 1237-1238 гг. составитель НПЛ опирался на источники, в которых «события XI в. были изложены более подробно, чем в самой НПЛ старшего извода». *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго …. С. 61. Прим. 48.

[112] Там же. С. 24, 61. Прим. 49.

погрязшие в грехах земли («земли же сгрешивши которои, любо казнить Богъ смертью или гладомь или наведениеиь поганыхъ или ведромь или дъждемъ силнымь или казньми инеми»); наблюдение, что, несмотря на многочисленные наказания, люди все-таки не прекращают своих греховных дел («но мы на злое въвращаемся, акы свинья, валяющеся в кале греховнемь присно, и тако пребываемъ») – все это находит отражение в целом ряде сочинений, синхронных рассказу НПЛ. Главное место среди них занимают Поучения Серапиона Владимирского, а также составленные примерно в то же время «Правила» митрополита Кирилла[113].

При этом рассказ о нашествии Батыя в НПЛ фактически является продолжением повествования о событиях, произошедших на Калке, который начинался со ссылкой на известное на Руси примерно с XII века Откровение Мефодия Патарского[114]. Неслучайно рассказ НПЛ о нашествии начинался с завуалированной библейской цитаты, нашедшей отражение в Откровении Мефодия и «спрятанной» в летописном сообщении о численности «поганых»: «придоша иноплеменьници, глаголемии Татарове, на землю Рязаньскую, множьства бещисла, *акы пръзи*...»[115]. Само по себе появление информации о многочисленности покорившего Русь народа было вполне естественно, но важно то, что летописец, не ограничиваясь этим, сравнил татар с саранчой.

---

[113] См., например, второе и третье Поучения Серапиона Владимирского (*Петухов Е.В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. С. 2-10 (второй пагинации) и т.н. «Правила» митрополита Кирилла (см.: Правило Кюрила, митрополита роуськаго, сошедшихся епископов: Далмата новогородского, Игнатья ростовского, Феогноста переяславского, Симеона полотского, на поставление епископа Серапиона володимирского // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 84-102). Об идейном сходстве этих памятников подробнее см.: *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. М., 1956. С. 197; *Рудаков В.Н.* Монголо-татары… С. 93-101. Ср.: *Лаушкин А.В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019. С. 101-102, 188-190.

[114] ПСРЛ. Т. 3. С. 61.

[115] Там же. С. 74.

Пришествие саранчи традиционно являлось литературным маркером одной из «казней Господних»[116]. При этом в рассказе НПЛ упоминание саранчи имело, судя по всему, и иные параллели. В Откровении Мефодия Патарского именно *измаильтяне* «на земли хождахоу» «*мнозы яко проузи*», пленяя «землю и грады»[117]. Учитывая, что для обозначения татар автор рассказа НПЛ использовал определение «измаильтяне», следует полагать, что сравнение множества «поганых» именно с саранчой создавало еще и дополнительные эсхатологические аллюзии[118]. Таким образом, во фразу «придоша <…>. множьства бещисла, акы прузи» автор заключил сразу несколько смыслов. С одной стороны, в ней содержалось указание относительно численности пришедших на Русь татар – их пришло несметное множество. С другой стороны, книжник указывал на функцию «поганых» – они пришли для

---

[116] Подробнее: *Рудаков В.Н.* Монголо-татары… С. 57-58. Л.С. Чекин обратил внимание на сходство этого образа с описанием в Библии восьмой казни египетской, которая как раз связана с появлением саранчи (Исх. 10:13-15), а также – наказании самого Израиля кочевыми народами – мадиатянами и амаликитянами, также, согласно Книге Судей, приходившим во множестве как саранча (Суд. 6:1-6, 7:12). См. подробнее: *Чекин Л.С.* Безбожные сыны Измаиловы: Половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 708-709; *Лаушкин А.В.* Указ. соч. С. 156. Прим. 116. В ПВЛ из пяти упоминаний о саранче, два относятся именно рассказам о «казнях Божиих»: первое – в рассказе Философа князю Владимире о наведении саранчи на фараона, второе – в уже упомянутом «Поучении о казнях Божиих», читающемся под 6576 (1068) г. См.: ПВЛ. С. 44, 73. С саранчой сравнивал татар и венгерский король Бела IV в письме германскому императору Конраду IV. См.: *Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб., 2012. С. 186-187.

[117] *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исслед. и тексты. М., 1897. С. 87, 94, 98, 104, 109, 112.

[118] *Гарькавый И. В.* «Измаильтяне» или «нечистые человеки»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 88.

наказания Руси, в качестве «кары Господней». И, наконец, автор текста еще раз подводил читателя к параллелям между татарами и «нечистыми народами» («измаильтянами»), которые, согласно предсказанию Мефодия Патарского, должны покорить мир накануне «последних времен». В силу этого в его рассказе татары действовали согласно общепринятому стереотипу поведения «поганых», который был обусловлен не столько набором их собственных (этнических, религиозных и иных) качеств, сколько той гаммой присущих «иноплеменникам вообще» черт, которая, в свою очередь, была продиктована ниспосланной им свыше миссией «карающего меча». Среди прочих признаков, сближающих их с измаильтянами, татарам в описании автора рассказа НПЛ было присуще стремление к поруганию «черниц и попадей и добрых жен и девиц пред матерьми и сестрами»[119], действие с помощью «огня» и «меча» (татары избивают «овых огнемъ, а иныхъ мечемъ», в результате взятия городов люди «уже *огнемь* кончеваются, а инии *мечемь*») и т.д.[120] Сравнение действий «поганых» с «мечем карающим» было довольно характерно для литературы того времени. Из синхронных НПЛ произведений, в которых по отношению к татарам употреблено сравнение с «мечем», прежде всего, следует назвать уже упомянутые Поучения Серапиона Владимирского («Моисееви что рече Богъ: “Аще злобою озлобите вдовицю и сироту, взопьют ко мне, слухом услышю вопль их, и разгневаюся яростью, погублю вы *мечем*”. И ныне збысться о нас реченое: не от *меча* ли падохомъ? не единою ли, ни двожды?»; «святители *мечю* во ядь быша»[121]), а также «Правило Кюрила» («не падоша ли силнии наши князи остриемь *меча*? не поведени ли быша в плен чада наша? не запоустеша ли святыя Божия церкви? не томими ли есмы на всякъ день от безбожныхъ и нечистыхъ поганъ?»[122]). Еще более явные

[119] ПСРЛ. Т. 3. С. 75. Ср.: «осквернены боудуть жены ихъ от скверныхъ сыновъ Изьмаилевъ». См. подробнее: *Истрин В. М.* Указ. соч. С. 93-94 и др.

[120] ПСРЛ. Т. 3. С. 75.

[121] *Петухов Е.В.* Указ. соч. С. 10 (второй пагинации).

[122] Правило Кюрила... С. 102.

параллели с «мечем карающим» прослеживаются в текстах Священного Писания, а также в предсказательной литературе[123].

Однако в какой мере точка зрения автора рассказа НПЛ на нашествие как неотвратимую кару, которой невозможно противостоять на поле боя, разделялась составителями двух других ранних летописных рассказов? Было ли у них альтернативное видение произошедшего?

1.3.2. Феномен нашествия и трактовки поведения князей в русском летописании второй половины XIII в.

Подход составителя Лавр., как и автора рассказа НПЛ, состоял в том, что само нашествие – это «кара Господня за грехи», а татары – инструмент наказания. Коль скоро завоеватели действуют в рамках Промысла Божьего, значит, противостоять им с оружием в руках бессмысленно, и единственный путь спасения – смирение и покаяние[124]. Эту идею автор рассказа Лавр. вложил в уста сыновьям великого князя Юрия Всеволодовича, оставленных им во Владимире во время нашествия Батыя: «И рекоста оба князя: «Си вся наведе на ны Богъ грѣх ради наших, яко же пророкъ глаголет: «*Нѣсть*

[123] «И вы падете от *меча*, потому что вы отступили от Господа, и не будет с вами Господа»; «и воевали сыны Иудины против Иерусалима, и взяли его *мечем*, и город предали *огню*»; «спешите <...> чтоб не застиг и не захватил нас, и не навел на нас беды, и не истребил города наши *мечем*»; «если придет на нас бедствие: *меч* наказующий, или язва, или голод...»; «и он навел на них царя Халдейского, и тот умертвил юношей их *мечем* в доме святыни их, и не пощадил *ни юноши, ни девицы, ни старца седовласого*, все предал Бог в руку его»; «и за беззакония наши преданы были мы, цари наши, священники наши, в руки царей иноземных, под *меч*, в плен и на разграбление и на посрамление»; «убойтесь *меча*, ибо *меч* есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд». См.: Чис. 14: 43; Суд. 1: 25; 2 Цар. 15: 14; 2 Пар. 20: 9; 36: 17; Езд. 9: 7; Иов 19: 29. Ср.: *Истрин В. М.* Указ. соч. С. 93, 94 и др. Подробнее см.: *Рудаков В.Н.* Монголо-татары… С. 41-42.

[124] Там же. С. 55-82; *он же*. Два взгляда на ордынское нашествие в общественном сознании Руси второй половины XIII – начала XIV в. // Архивы и история Российской государственности. Вып. 3. СПб., 2012. С. 6-16.

человеку мудрости, ни е мужства, ни есть думы противу Господеви[125]. Яко Господеви годѣ бысть, тако и бысть. Буди имя Господне благословено в вѣкы»[126]. Но совершенно иное отношение и к самим татарам, и к их нашествию, и к необходимости сопротивления завоевателям исповедовал автор рассказа галицко-волынской летописи. Это видно из сопоставительного анализа сообщений Ипат., в составе которой дошел этот рассказ, с одной стороны, НПЛ и Лавр., с другой. Особенно контрастны расхождения Ипат. и НПЛ. Тональность рассказов о нашествии этих летописных источников различается по целому ряду позиций.

Первое отличие состоит в том, что, если НПЛ и Лавр. трактовала само нашествие «иноплеменных» как кару Господню за грехи, то Ипат. всячески избегала подобных оценок. В рассказе Ипат. татары также как и в рассказе НПЛ, названы именами народов, которые, согласно представлениям того времени, насылались в качестве кары Господней «за грехи» (в обоих рассказах завоеватели именуются «измаилтянами», а в Ипат. в качестве синонима использовано также определение «агаряне»)[127]. Однако на этом какие-либо параллели заканчиваются. На протяжении всего сообщения Ипат. (самого пространного из всех трех ранних летописных рассказов) о нашествии никаких комментариев о «казнях» Господних» не встречается, что позволяет судить о том, что Ипат. не содержала подобно другим ранним рассказам о нашествии «развернутых объяснений всеобщей беды в духе религиозной

---

[125] Притч. 21:30. Автор рассказа Лавр. заимствовал эту цитату из рассказа той же летописи о неудачном походе князя Игоря Святославича на половцев, находящегося в Лавр. под 6694/1186 г. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 398. См. подробнее: *Лаушкин А.В.* Указ. соч. С. 102.

[126] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461-462.

[127] ПСРЛ. Т. 3. С. 75. Ср.: там же. Т. 2. Стб. 778-779. В других ранних летописных известиях – ни в Лавр, ни в НПЛ - сравнение татар с агарянами не встречается. Подробнее см.: Галицько-Волиньский літопис. Текстологія. За ред. О.П. Толочка. Кіев., 2020. С. 296 (комм. В.И. Ставиского).

дидактики, обращенной с призывом к покаянию»[128]. Если рассказ НПЛ о нашествии полон мрачных эсхатологических аллюзий, а сами завоеватели представлены как страшная однородная масса, которая подобно саранче («прузи») сметают все на своем пути, то повествование Ипат. лишено каких-либо дополнительных «устрашающих» образов. Татары «беззаконны», «нечестивы», многочисленны (так под Киев они приходят «в силѣ тяжьцѣ, многомь множьствомь силы своей»), коварны (многих своих жертв они изводят «на льсти»), жестоки (в частности, не щадят «отрочатъ до сущихъ млека»), но лишены черт, свойственных «карающему мечу» Господнему.

Второе отличие Ипат. от НПЛ и Лавр. связано с тем, что татары в ней предельно персонифицированы. В рассказе Ипат. о нашествии, помимо безликих определений завоевателей («безбожные», «поганые», «нечестивые»), упомянуты также многочисленные монгольские военачальники. Их имена сообщаются со ссылкой на взятого в плен «татарина именемь Товрулъ», который «исповѣда всю силу» татарскую, в частности, сообщил о «сильных воеводах: «Урдю и Байдаръ, Бирюй, Кайданъ, Бечакъ и Меньгу и Кююкь», а также «Себѣдяй богатуръ и Бурунъдаии багатырь, иже взя Болгарьскую землю и Суждальскую»[129]. Эту особенность рассказа вполне можно объяснить большей осведомленность южнорусского летописца[130].

---

[128] *Бородихин А. Ю.* Указ. соч. С. 160–161.

[129] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784-785. Впрочем, о Бурундае и Менгу-хане в Ипат. сообщается и отдельно. О первом - в рассказе о гибели великого князя Юрия Всеволодовича («Юрьи же князь, оставивъ сынъ свой во Володимерѣ и княгиню, изииде изъ града, и совокупляющу ему около себе вои, и не имѣющу сторожий, изъѣханъ бысть безаконьнымъ Буронъдаема, всь городъ изогна и самого князя Юрья убиша»), о втором – в рассказе о бегстве из Киева великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского («Меньгуканови же пришедшу сглядатъ града Кыева. Ставшу же ему на оной странѣ *Днѣпра* во Градъка Пѣсочного, видивъ град, удивися красотѣ его и величеству его, присла послы свои к Михаилу и ко гражаномъ, хотя е прельстити, и не послушаша его»). См.: там же. Стб. 779, 782.

[130] По мнению ряда исследователей, с описания похода Бурундая на Волынь, Литву и Польшу начинается «волынская» часть Галицко-Волынской летописи: «можно допустить,

Однако не только этим. По всей видимости, персонификация завоевателей – это не просто следствие большей информированности автора рассказа Ипат.[131], но и проявление определенной позиции. Вполне можно допустить, что авторам других ранних летописных рассказов не были известны имена полководцев Батыя, но имя самого предводителя монгольского войска составители произведений (тем более, созданных не по горячим следам, а, судя по всему, спустя несколько десятилетий) должны были знать. Между тем, Батый упомянут только в рассказе о нашествии Ипат., в двух других ранних повествования о нашествии (НПЛ и Лавр.) его имя не фигурирует. Как отметил в этой связи современный исследователь, «если бы мы опирались исключительно на русские летописи, то нам бы пришлось сделать вывод, что личное участие Бату в походе на Северо-Восточную Русь было весьма незначительным»[132]. Интересно, что в НПЛ и Лавр. Батый впервые упоминается лишь в контексте поездок русских князей в Орду, последовавших уже после завоевания русских земель монголами: в Лавр., начиная со статьи 6750 (1243) года и далее неоднократно, а в НПЛ всего один раз – в рассказе о поездке в Орду великого князя Ярослава Всеволодовича под тем же 6750 годом[133]. В Ипат. же Батый неоднократно упомянут и в рассказе о самом нашествии, и в повествовании о последующих событиях (в том числе, и в контексте княжеских поездок в Орду)[134]. При этом в отличие от НПЛ и Лавр.,

---

что под впечатлением от разрушительного похода Бурундая его фигура могла показаться наиболее значимой», что стало поводом для приписывания ему участия в покорении многих земель. См. подробнее: Галицько-Волиньский літопис... С. 297 (комм. В.И. Ставиского).

[131] *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 23-24.

[132] *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. СПб., 2018. С. 94.

[133]См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470-471; Т. 3. С. 79.

[134] В Ипатьевском списке летописи и сами события маркированы как «Побоище Батыево», в Хлебниковском такого заголовка нет, вместо него указано: «Батыева рать начася въ Руси в лѣт 6745». ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778. См. подробнее: *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 247. Правда, хронологическая

в которых ордынский правитель упоминался абсолютно нейтрально, без каких-либо негативных определений (просто по имени), в Ипат. уже в рассказе о нашествии Батый получает весьма нелестные характеристики (дважды он назван «нечестивым» и дважды - «свирепым зверем»[135]). Фактически под пером автора рассказа Ипат. впервые в русском историописании предводитель татар превращается в некое персонифицированное зло, которое при этом наделено собственной волей и действует не в качестве орудия гнева Господнего, а, наоборот: скорее, по собственному злому умыслу, нежели в соответствии Божьим Промыслом.

Так, например, поступает Батый, когда сын великого князя Всеволод Юрьевич решает выйти к нему из города с дарами, надеясь, таким образом спасти свою жизнь («Онъ же, яко *свѣрпый звѣрь*, не пощади уности его, *велѣ* предъ собою зарѣзати, и градъ всь избье») и также действует во время штурма

сетка Ипат. списка, равно как и заголовок «Побоище Батыево» - явления вторичные, возникшие, «возможно, не без влияния сводов XV в.». (См. *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 23). Интересно, что Ипат. – единственная из ранних русских летописей, которая содержит упоминание и об основателе Монгольской империи Чингисхане. В конце рассказа о битве на Калке Ипат. сообщает, что, «ожидая Богъ *покаяния крестьянскаго*, и обрати и (то есть татар. – *В.Р.*) воспять на землю восточную, и воеваша землю Таногустьску и на ины страны. Тогда же и Чаногизъ кано ихъ таногуты убьенъ бысть». (См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 745). В этой части летопись «содержит уникальную информацию о гибели Чингисхана от рук тангутов, не подтвержденную никакими иными источниками». См.: Галицько-Волиньский літопис…. С. 228-230 (комм. В.И. Ставиского).

[135] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780, 786, 795. По мнению А.С. Демина, массовое «выражение отрицательного отношения к татарским именам стало заметной чертой русской литературы с XV в. Можно предполагать, что именно в XV-XVI вв. в русской письменности была проведена систематическая вставка осуждающих эпитетов везде, где упоминались имена татар (…) И только в списках XV-XVI вв. появился «безбожный», «скверный», «нечестивый», «законопреступный» царь Батый». См. подробнее: *Демин А.С.* Элементы тюркской культуры в литературе древней Руси XV-XVII вв. (К вопросу о видах связей) // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974. С. 527.

Владимире, когда «*повѣлѣ нечестивый* огньмь зажещи» соборную церковь города[136]. Жители Козельска, намереваясь оборонять город, «свѣтъ створше не вдатися» - не татарам вообще, а конкретно Батыю. Именно Батый «*взя* городъ, *изби* вси, и *не пощадѣ* от отрочать до сосущих млеко», после чего именно «Батыеви (…) *поиде* в землю Половецькую»[137], а затем «*приде* Кыеву в силѣ тяжьцѣ», «*постави* порокы городу» и т.д. С ним общается оборонявший Киев воевода Дмитр, давая совет Батыю идти «на угры», поскольку «види бо землю гибнущу Рускую от *нечестиваго*. Батый же *послуша* свѣта Дмитрова, *иде* Угры»[138]. Наконец, именно Батый является причиной гибели черниговского князя Михаила Всеволодовича. При этом в этом рассказе поведение чингизида описано точно также, как и в рассказе о гибели владимирского князя Всеволода Юрьевича («Батый же, *яко свѣрпый звѣрь* возьярися, *повелѣ* заклати»)[139]. Непосредственно с Батыем, согласно рассказу Ипат., общается в Орде и галицкий князь Даниил Романович. В отличие от лапидарных рассказов Лавр. и НПЛ о поездках князей к правителю Улуса Джучи, Ипат. передает «диалог» Батыя и Даниила[140]. При этом, если в Лавр. в рассказах о поездках князей в Орду к Батыю шаблонно упоминается «честь» и даже «великая честь» и «честь достойная»[141], с которой правитель Улуса Джучи отпускал обратно на Русь ее правителей, то в рассказе о поездке князя Даниила

---

[136] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

[137] Там же. Стб. 780-781.

[138] Там же. Стб. 784-786.

[139] Там же. Стб. 795.

[140] «Рекшу ему: «Данило, чему еси давно не пришелъ? А нынѣ оже еси пришелъ — а то добро же. Пьеши ли черное молоко, наше питье, кобылий кумузъ?» Оному же рекшу: «Доселѣ есмь не пилъ. Нынѣ же ты велишь — пью». Он же рче: «Ты уже нашь же тотаринъ. Пий наше питье». Он же испивъ поклонися по обычаю ихъ, изъмолвя слова своя, рече: «Иду поклониться великой княгини Баракъчинови». Рече: «Иди». Шедъ поклонися по обычаю. И присла вина чюмъ и рече: «Не обыкли пити молока, пий вино». См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 807.

[141] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

Романовича Ипат. сохранила текст прямо противоположной направленности, ставящий под сомнение и величие, и, самое главное, достоинство этой «чести»: «О, *злѣе зла честь* татарьская! Данилови Романовичю, князю бывшу велику, обладавшу Рускою землею: Кыевомъ и Володимеромъ и Галичемь со братомъ си, инѣми странами, ньнѣ сѣдить на колѣну и холопомъ называеться! И дани хотять, живота не чаеть. И грозы приходять. О, *злая честь* татарьская! Его же отець бѣ царь в Руской земли, иже покори Половецькую землю и воева на иные страны всѣ. Сынъ того не прия *чести*…»[142].

Таким образом, в отличие от НПЛ и Лавр., где татары выступали в качестве безликой «кары Господней» - послушного орудия в руках Божьих, в Ипат. поступками завоевателей руководило не столько «само Провидение», сколько их собственный «злой» умысел и их «нечестивый» предводитель Батый.

Третье отличие рассказа Ипат. связано с отношением к возможности, необходимости и перспективам сопротивления татарам, а также – с оценками действий тех, кто избрал путь борьбы, и тех, кто от борьбы отказался.

Самый известный пример противостояния татарам связан с обороной Козельска, которая считается «одним из самых замечательных эпизодов отечественной военной истории»[143]. Из ранних русских источников об этом эпизоде нашествия повествует лишь Ипат., кроме нее, некоторые сведения содержатся также у Рашид-ад-Дина. О происхождении «козельского эпизода» в рассказе Ипат. судить трудно. Часть исследователей полагают, что Ипат. могла отразить более ранние летописные фрагменты[144] (например, из недошедшего до нас черниговского летописания), в которых оказались зафиксированы впечатления очевидца событий[145]. Другие исследователи

---

[142] Там же. Стб. 807-808.

[143] См., напр.: *Храпачевский Р.Н.* Армия монголов… С. 221.

[144] *Бородихин А. Ю.* Указ. соч. С. 114-115.

[145] *Чугаева І.К.* Чернігівське літописання XI-XIII ст.: історіографічний міф чи історичне джерело? Чернігів, 2018. С. 131-132. *Массалитина Г.А., Болдин И.В., Селезнев Ю.В.* «Не

предполагают, что сам рассказ возник позже – уже при составлении галицко-волынской[146], или какой-то иной южнорусской летописи, отразившейся в Ипат., что он имеет литературное происхождение, а, учитывая неразрывную идейную и стилистическую связь рассказа об обороне Козельска с предшествующим ей «владимирским эпизодом», не может быть принят за свидетельство очевидца [147].

Из сообщения Ипат. известно о том, что решение об отпоре татарами было принято самими горожанами («козлянѣ жѣ свѣтъ створше не вдатися Батыю») и что защитники Козельска не только вступали в рукопашный бой на стенах города, но даже решились на вылазку за пределы крепости. В результате «убиша от татаръ 4 тысящи», но «и самѣ же избьени быша». В Ипат. сообщалось также, что жители Козельска держали оборону беспрецедентно долго - целых семь недель, что «убиша бо от татаръ сыны темничи три», в результате чего, по словам летописца, завоеватели не смели называть город его собственным именем, но называли его «град злый». Сведения русского источника относительно длительности осады города находят подтверждение у Рашида ад-Дина: «Бату подошел к городу Козельску (Кисель-Иске) и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его в три дня»[148]. Несмотря на то, что сколько-нибудь значимых археологических подтверждений длительной осады города до сих пор не обнаружено[149], вряд ли стоит сомневаться в

звати Козельском, но злым городом». История и археология древнерусского Козельска. Тула, 2018. С.56

[146] *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись… С. 249-250.

[147] См.: *Беспалов Р.А.* К истории создания повестей о Батыевом нашествии в части событий 1237-1238 годов // Летописи и хроники. Новые исследования. 2017-2019. М., СПб., 2019. С. 48-49.

[148] *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч. С. 39.

[149] Во многом отсутствие «ярких археологических доказательств козельской эпопеи 1238 г.», «выразительных свидетельств и самой героической обороны Козельск, и его

достоверности этого известия[150]. Остальная информация Ипат. носит уникальный характер, что не позволяет оценить степень ее достоверности[151].

Несмотря на достаточно развернутый рассказ о самой обороне, «козельский эпизод» Ипат. не дает возможности оценить действия местного князя, зато позволяет сделать выводы о позиции самого книжника. Упомянутый в летописи князь Василий, будучи «млад», выступал, скорее, не субъектом, а объектом обороны: горожане сражались и за («положимъ животъ свой *за нь*»), и, видимо, *вместо* него. В этом смысле князь был своеобразным

трагической гибели» объясняется относительно слабой изученностью вопроса и незначительностью исследованной раскопками площади. В результате, как полагают исследователи, на сегодняшний день в Козельске «выявить некую целостную картину на базе больших по площади раскопов, как это было в других пострадавших от монголов городах, не удалось и едва ли удастся: крошечная территория Козельск, которую он занимал в XI-XIII вв., плотно застроена». См. подробнее: *Массалитина Г.А., Болдин И.В., Селезнев Ю.В.* Указ. соч. С. 231-233.

[150] «Непостижимо выдающаяся роль заштатного Козельска», как это сформулировали составители новейшего комментария к галицко-волынской летописи (Галицько-Волиньский літопис. Текстологія. За ред. О.П. Толочка. Кіев., 2020. С. 301 (комм. В.И. Ставиского)), объяснялась, по-видимому, «не только беспримерным мужеством и героизмом его защитников, но и рядом других, причин». Среди них не последнее значение, вероятно, имел рельеф местности: «расположенный на высоком холме, Козельск был хорошо прикрыт со всех сторон реками, болотами, холмами и взгорьями, и подобраться к нему было чрезвычайно трудно». К тому же «монголы осадили его весной, когда водные преграды уже освободились ото льда. Разлив р. Жиздры, наполнение ручьев и болот водой не могли не сковать действий монголов возле города». Подробнее см.: *Рапов О.М.* Указ. соч. С. 86.

[151] Точка зрения Д.Г. Хрусталева, писавшего о «поразительном единстве в описании осады Козельска», которое, по его мнению, «демонстрируют русские летописи», вероятно, вызвана недоразумением: летописные источники, на которые он ссылается, всего лишь воспроизводят (в полном или сокращенном виде) тот же рассказ, который дошел в Ипат. См. подробнее: *Хрусталев Д.Г.* Русь от нашествия до «ига». 30-40 гг. XIII в. СПб., 2008. С. 140, 310. Прим. 356.

знаменем сопротивления, но не его активным участником, о чем свидетельствует описание его смерти («о князи Васильи невѣдомо есть, и инии глаголаху, яко *во крови утонулъ есть*, понеже убо *младъ* бяше есть»)[152]. Более поздние летописные источники почти в точности повторяют версию Ипат, добавляя лишь некоторые подробности в ее рассказ[153], которые, впрочем, не дают каких-либо новых данных для оценки поведения козельского князя во время нашествия.

Реконструировать отношение составителя галицко-волынской летописи к возможности, необходимости и перспективам сопротивления завоевателям позволяет сравнительный анализ известий об обороне Козельска и о взятии татарами Владимира в составе Ипат. Основа для такого сопоставления более чем очевидна. Рассказы Ипат. об обороне Козельска и судьбе Владимира-на-Клязьме неразрывно связаны друг с другом. Во-первых, в Ипат. оборона Владимира и обороны Козельска объединены хронологически, эти два события следуют непосредственно одно за другим: «град ему (Батыю. - *В.Р.*) избившу Володимѣрь, поплѣни грады суждальские и приде ко граду Козельску»[154]. При этом, как показали новейшие исследователи галицко-волынской летописи, «подробность и детализированность» находящегося в Ипат. описания монгольского завоевания «далекой Суздальской земли», а также «рассказа о малоизвестном Козельске, прилегающем к этому описанию», несравнимы по объему с описанием завоевания родной для составителя летописи южной и западной Руси. В результате повествование о завоевании северо-восточных русских земель войском Батыя «кажется непропорционально большим»[155]. Во-вторых, правители и того, и другого

---

[152] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780–781.

[153] Там же. Т. 42. СПб., 2002. С. 115; Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 222.

[154] Там же. Т. 2. Стб. 780.

[155] Так, рассказ о падении Чернигова составляет 421 знак, Киева – 1202 знака, тогда как для описания событий под стенами Козельска использовано 926 знаков. Это почти столько же, сколько для описания падения Владимира-на-Клязьме - 955 знаков, тогда как для рассказа

города – «замещавший» во Владимире уехавшего из города отца князь Всеволод Юрьевич и князь Василий в Козельске - названы летописцем «младыми»[156]. Это обстоятельство, а, кроме того, весьма схожая стилистика рассказов также позволяют предположить их тесную смысловую связь[157]. В-третьих, в обоих случаях (и в отношении защитников Козельска, и в отношении владимирцев) Батый действует одинаково - пытается их «прельстить». При этом результат его усилий в двух этих городах оказывается прямо противоположным: разумеется, оба города оказываются взяты, однако, «прельстить» удается далеко не всех.

Ключевой фигурой обороны Владимира, по версии Ипат., являлся епископ Митрофан. В ответ на прельщения Батыя он старался ободрить защитников города, разъясняя им значимость сопротивления: «Чада, *не оубоимся о прельщьньи от нечестивых* и *не приимемь си во оумъ тленьнаго сего и скоро миноующаго житья, но ономь не скоро миноующѣмь житьи попечемься*, еже со ангельскыи житье. Аще градъ нашь пленьше копиемь возмоуть и смерти ны предасть, азъ о томь чада пороучьникъ есмь, яко *вѣнца нетлѣньнаа от Христа Бога приимете*». Слова владыки возымели действие: согласно Ипат., «о сем же словеси слышавше, вси начаша *крѣпко боротися*»[158]. Но находившийся во Владимире князь Всеволод повел себя вопреки заповеди владыки, решив позаботиться как раз о своем «тленном и скоро минующем житии»: «увидѣвъ князь Всеволодъ, яко *крѣпчѣе брань* належить, *убояся*, бѣ бо и *самъ младъ*, самъ изъ града изииде с маломъ дружины и несы со собою дары многии, *надѣяше бо ся от него животъ приятии*». Однако Батый «*яко свѣрпый звѣрь*, не пощади *уности* его, велѣ предъ собою зарѣзати». После расправы над князем татары «градъ всь избье».

о завоевании всей – родной для него - Галицко-Волынской земли летописцу потребовалось всего 428 знаков. См.: Галицько-Волиньский літопис… С. 303 (комм. В.И. Ставиского).

[156] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

[157] *Беспалов Р.А.* К истории создания… С. 48.

[158] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779–780.

В итоге погибли все защитники города, в том числе, и епископ Митрофан, и мать князя Всеволода «с дѣтми» (судя по всему, среди них должны были быть и дети самого Всеволода). Они попытались укрыться в церкви, однако «нечестивый» Батый повелел церковь «огньмь зажещи, ти тако *душа своя предаша в руцѣ Богу*»[159]. Как отмечал Г.М. Прохоров, «малодушие Всеволода Юрьевича резко оттеняется помещенным несколькими строками ниже рассказом о семи неделях сопротивления завоевателям жителей града Козельска во главе с их — тоже молодым — князем Василием»[160]. Автор рассказа Ипат. акцентировал на этом внимание: «увѣдавъши же нечестивии, яко умъ *крѣпко*душьный имѣють людье во градѣ, словесы *лестьными* невозможно бѣ града прияти»[161]. То есть жители Козельска поступили прямо противоположным образом, чем владимирский князь (но не владимирцы, которые, судя по всему, мужественно противостояли «прельщениям», и, по логике владыки Митрофана, вполне заслужили за это «венцов нетленных»).

Для понимания семантического контекста рассказа Ипат. важно иметь в виду, что тема «нетленных венцов», о которых говорил владимирцам епископ Митрофан, нашла отражение не только в этом летописном рассказе, но и в Поучениях его преемника[162] на владимирской кафедре владыки Серапиона. Это тем более интересно, поскольку епископ Серапион весьма сходно с автором рассказа НПЛ оценивал нашествие Батыя как одну из казней Божьих. Неслучайно поэтому, у Серапиона оказалось и иное, по сравнению с Ипат., видение того, за что именно христианин может быть удостоен этих венцов.

Ипат. **(епископ Митрофан)**	**Поучения** **(епископ Серапион**

[159] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

[160] *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1973. С .88.

[161] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

[162] *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 654.

«Чада, *не оубоимся о прельщьньи от нечестивых* и *не приимемь си во оумъ тленьнаго сего и скоро миноующаго житья, но ономь не скоро миноующѣмь житьи попечемься*, еже со ангельскыи житье. Аще градъ нашь пленьше копиемь возмоуть и смерти ны предасть, азъ о томь чада пороучьникъ есмь, яко *вѣнца нетлѣньнаа от Христа Бога приимете*». О сем же словеси слышавше, *вси начаша крѣпко боротися*»[163]	«Мнози бо межи вами Богу истиньно работають, но на сем свѣте равно со грѣшьникь от Бога казними суть, да *свѣтлѣиших от Господа вѣнець* сподобяться, грѣшьником же болшее мучение, яко *праведници казними быша за их беззаконье*»[164].

Таким образом, если для автора Ипат., вложившего эту мысль в уста епископа Митрофана, венцы – это награда за отсутствие страха перед «прельщениями» и мужественную борьбу с врагами, то по логике епископа Серапиона венцы гарантированы лишь тем праведникам, которые, сами будучи безгрешными, тем не менее, смиренно погибнут вместе с грешниками – то есть, с теми, на кого, собственно, и были насланы казни Божии в виде нашествия иноплеменных. Очевидно, что в этом случае речь идет о посмертном воздаянии за безвинную, жертвенную смерть, никак не связанную с борьбой против завоевателей, к которой в рассказе Ипат. призывал епископ Митрофан. В этом смысле эти два текста – рассказ Ипат. об обороне Владимира и Поучения Серапиона Владимирского - исходят из разных представлений о должном поведении в условиях нашествия «поганых», при этом, наоборот, НПЛ и Поучения, сходны в своих оценках.

Важную роль в семантике рассказа Ипат. имело и указание на то, что находившийся по Владимире князь Всеволод, также как и козельский князь Василий, был «млад». Анализ летописных указаний на молодость обоих

[163] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779–780.

[164] *Петухов Е.В.* Указ. соч. С. 7 (второй пагинации).

князей позволяет обнаружить дополнительные данные для реконструкции того, каким было отношение автора рассказа Ипат. к поведению правителей русских земель в условиях нашествия.

Часто указания Ипат. на юный возраст князя Всеволода либо понимали в буквальном смысле (о том, что Батый не пощадил именно «молодости» князя в полном соответствии с версией Ипат. писал еще С.М. Соловьев[165]), либо использовали для объяснения причин проявленного им страха и не надлежащего исполнения княжеских обязанностей (например, в «Очерках истории СССР» в рассказе о штурме Владимира татарами отмечалось, что жители города «начаша крепко боротися», однако стоявший во главе обороны *молодой* (курсив мой. – *В.Р.*) князь Всеволод Юрьевич не сумел возглавить отпор врагу»[166]). В последнее время исследователи подвергают справедливому сомнению указание Ипат. на молодость Всеволода, указывая на то, что слова о юности князя «звучат явным преувеличением»[167]. Действительно, если сведения Ипат. о возрасте Василия не поддаются точной проверке (возраст можно установить лишь гипотетически, исходя из уточнения Ипат. о том, что «инии глаголаху, яко *во крови утонулъ* есть, понеже убо *младъ* бяше есть»[168]),

---

[165] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 138.

[166] Очерки истории СССР. Период феодализма. XI-XV вв. Ч. 1. М., 1953. С. 832

[167] См., напр.: *Карпов А.Ю.* Указ. соч. С. 70; *Беспалов Р.А.* К истории создания… С. 48.

[168] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780-781. В нескольких поздних летописях возраст козельского князя Василия указан - «убо млад бяше, толико 12 лет» (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 222; Т. 42. СПб., 2002. С. 115). Важно отметить, что в этих летописях сюжет с осадой Владимира, во-первых, был изложен преимущественно по Лавр., и поэтому в них нет указания на «молодость» сына великого князя владимирского Всеволода Юрьевича, а, во-вторых, рассказ об обороне Владимира и Козельск разделены заимствованным из той же Лавр. текстом о сражении на Сити, а также взятым из НПЛ рассказом о взятии татарами Торжка (ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 216-222; Т. 42. С. 113-115). Протограф этих летописей был составлен, судя по всему, в первой четверти XV века (*Клосс Б.М.* Второе предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. XII-XIV; *Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 149-160). В это время летописцы вряд располагали более точной

то в отношении Всеволода такая проверка возможна. Возраст и детали предшествующей биографии сына великого князя владимирского хорошо известны по сообщениям Лавр. Согласно этой летописи, князь родился 23 октября 6721 мартовского, то есть 1213 года[169]. В 1221-м, в возрасте 8 лет отец посылал его «на стол» в Великий Новгород, а в 1230-м Юрий Всеволодович женил 17-ти летнего Всеволода на дочери киевского князя Владимира Рюриковича[170], что являлось важным маркером совершеннолетия. Дальнейшие события это подтверждают: спустя два года, в 1232-м, великий князь направлял своего 19-летнего старшего сына с самостоятельной военной миссией во главе войска «на Мордву», а еще спустя пять лет, в январе 1238-го - с дружиной против татар в район Коломны[171]. В момент нашествия Батыя князю Всеволоду Юрьевичу было неполных 25 лет, он уже имел некоторый военно-административный опыт, и, скорее всего, у него уже были дети[172].

информацией о том, сколько лет в действительности было князю Василию. Указание на его 12-летний возраст либо отражает представления самого книжника о том, сколько лет *могло быть* козельскому князю, которого в Ипат. называли «молодым», либо является просто опиской книжника (*Беспалов Р.А.* К истории создания… С. 52-53), которая, впрочем, скорее всего, не противоречила этим представлениям. По крайней мере, у нас нет каких-либо оснований сомневаться с молодости погибшего козельского князя Василия, в отличие от сообщения Ипат. о том, что Всеволод Юрьевич «млад».

[169] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 438. См.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 103.

[170] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 453-454.

[171] Там же. Стб. 438, 445, 459-460.

[172] В Лавр. говорится о том, что во время пожара во Владимире погибает «княгиня Юрьева с дочерьми и снохами и с внучатами» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 463). Вероятно, большая часть этих «внучат» и были дети князя Всеволода. Младшие братья Всеволода - князя Владимир и Мстислав -- к этому времени хоть и были женаты, но вполне могли и не успеть обзавестись потомством, по крайней мере, большим: оба брата, согласно Лавр., женились в конце 1236-го (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460.), и были ли у них к февралю 1238 года дети, неизвестно. Всеволод же к этому времени был женат уже на протяжении восьми лет, и, видимо, большая часть «внучат» великого князя – это именно его отпрыски.

Мог ли 24-летний владимирский княжич в действительности считаться «младым»? На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Лавр. содержит некоторые данные о том, в каком возрасте князь считался «младым». Так, в летописной статье под 6726 (1218) годом старший брат Юрия Всеволодовича, великий князь Константин Всеволодович перед смертью наставлял своих детей - Василько (1208 года рождения), Всеволода (1210 г.р.) и Владимира (1214 г.р.)[173], «понеже еще еста въ *младодньстве*». На тот момент Константиновичам было 10, 8 и 4 года соответственно[174].

Судя по всему, одним из критериев «взрослости» того или иного князя был связан с представлениями о времени вступления лиц княжеского достоинства в брачный возраст. Я.Н. Щапов полагал, что в Древней Руси «брачным возрастом для мужчин считались 15 лет, для женщин меньше - 13-14 лет»[175]. Это совпадает и с другими наблюдениями. Согласно наблюдению Д. Домбровского, «самым ранним порогом допустимого в глазах общества» временем для вступления в брак в тот период считался возраст 14-15 лет[176]. Как отмечает А.В. Мартынюк, «реальная практика, конечно, была весьма разнообразной. Ситуацию можно сформулировать таким образом: вступление князя в брак до достижения «порогового возраста» (14-15 лет) является скорее исключением, с этого возраста брак становится возможным и его вероятность постепенно возрастает до примерно 20 лет. Заключение брака после 20 лет уже может рассматриваться как позднее и требует дополнительного объяснения»[177].

Другим критерием «взрослости», вероятно, являлось исполнение юным князем тех или иных властных полномочий. Что касается двоюродного брата

---

[173] *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С. 103.

[174] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 442.

[175] *Щапов Я.Н.* Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 217.

[176] *Домбровский Д.* Указ. соч. С. 47-48.

[177] См.: *Мартынюк А.В.* Когда родился князь Ростислав Михайлович и почему важна эта дата? // Ruthenica. Т. XVI. Киев, 2020. С. 23.

Всеволода Юрьевича - упомянутого Василька Константиновича, то в 1223 г., через пять лет после смерти отца, он был послан дядей, ставшим великим князем владимирским, Юрием Всеволодовичем, на помощь русским князьям, отправившимся воевать с татарами на Калку. Это говорит в пользу того, что к этому времени племенник считался уже более-менее взрослым - Васильку шел 15-й год[178]. Интересно, что другой двоюродный брат Всеволода Юрьевича – князь Александр Ярославич (Невский) – в 1236 году был оставлен уехавшим в Киев отцом, князем Ярославом Всеволодовичем, править в Новгороде, будучи также 15-ти летним[179]. Как полагает В.А. Кучкин, «по представлениям тех времен *он стал уже человеком взрослым*» (выделено мной. – *В.Р.*) и «теперь он мог княжить вполне самостоятельно, не всегда прислушиваясь к советам отцовских бояр»[180].

Впрочем, составители разных летописных памятников, судя по всему, вкладывали разные смыслы в понятие «младость» относительно лиц княжеского достоинства. Так, Ипат. совершенно иначе подходила к этому вопросу. Всего о том, что тот или иной князь «млад», говорилось в десяти летописных статьях, в отношении более десятка князей. В отдельных случаях (например, когда упоминаются не названные по именам «дети Романовой княгини»[181] или же «иные мнозии князи»[182]) определить точное число «младых князей», о которых сообщалось в Ипат., не представляется возможным. Тем не менее, в большинстве случаев указания на возраст тех или иных князей, которых летопись называет «младыми», могут быть проверены.

Условно все эти случаи можно распределить на три группы.

---

[178] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 446.

[179] ПСРЛ. Т. 3. С. 74.

[180] *Кучкин В.А*. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 20

[181] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 721.

[182] Там же. Стб. 741.

В первую входят князья, которые, действительно, в прямом смысле слова были «млады»: их возраст колебался от 3 до 12 лет.

Таблица 3.

Указания на молодость князей в Ипат.

	год[183]	летописная статья	князь/возраст
1.	6712 (1204)	И приѣха берестьяне ко Лестькови и просиша Романовыи княгини и дѣтии, бѣаста бо *млада* сущи. И вдасть имъ, да владѣеть ими. Они же с вѣликою радостью срѣтоша и, яко великаго Романа *жива* видящи[184]	Даниил Романович, около 3 лет[185]
2.	6716 (1208)	Данилу же княжащю в Галичи, тако *младу* сущу, яко и материи своеии не позна. Минувшю же времени галичанѣ же выгнаша Данилову матерь изъ Галича. Данилъ же не хотѣ оставити матери своей и плакашеся по ней, *младъ* сый[186].	Даниил Романович, около 7 лет
3.	6721 (1213)	Поя у него Данилъ дщерь именемь Анну и родишася от нея сынови и дщери. Первѣнѣць бо бѣ у него Ираклѣй, по нем же Левъ и по немь Романъ, Мистиславъ,	«Иные» (то есть, помимо тех, что перечислены по именам) дети

[183] Разбивка на даты текста Ипат. весьма условна. Изначально галицко-волынская летопись представляла собой повествование, в котором не было погодной сетки, она была проведена позднее - составителем Ипатьевского списка начала XV в. См. подробнее: *Горский А.А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Рускыя земли» (К 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. Л., 1990. С. 26.

[184] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 721.

[185]Годы жизни Данила Романовича: около 1201 – весна 1264 г. См.: *Домбровский Д.* Указ. соч. С. 308.

[186] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 727.

		Шеварно и *инии, бо млади* отъидоша свѣта сего[187].	Даниила Романовича, умершие в младенчестве, возраст неизвестен[188]
4.	6721 (1213)	Данилъ бо *младъ* бѣ, и видѣвъ Глѣба Зеремиевича и Семьюна Кодьнинъского мужескы ѣздяща, и приѣха к нима, укрѣпляя и. И инии же устрьмилися бяхуть на бѣгъ.Того же дни бишася всь днь олнѣ до нощи. Тое же нощи увернушася Данилъ и Глѣбъ Зеремѣевичь, яста Яньца, *младъ* сы показа мужьство свое. И всю нощь бистася. Наутрѣя же угони и Глѣбъ Василевичь. Уверьнувше же ся Данилъ на нь, и гна и дале поприща. Оному же утекши пред нимъ, борзости ради коньское. Данилови же возвратившюся, и единому едущю межи ими, онем же не смѣющимъ наѣхати на нь[189]	Даниил Романович, около 12 лет
5.	6792 (1284)	У Юрья князя у Львовича умре сынъ именемь Михайло. *Младу* сущу ему, и плакашася по немь вси людье, и спрятавше	Михаил Юрьевич, около 3-4 лет[190]

[187] Там же. Стб. 732.

[188] Д. Домбровский полагает, что все они умерли «до достижении ими возраста трех лет». *Домбровский Д.* Указ. соч. С. 398.

[189] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 734.

[190] *Baumgarten N.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-e au XIII-e siècle // Orientalia Christiana. Roma, 1927. Tabl. XI. № 26. P. 47. См. также: Галицко-

		тѣло его, и положиша ѣ во церкви святыя Богородица в Холмѣ, юже бѣ создалъ прадѣдъ его великий князь Данило, сынъ Романовъ.	

Ко второй группе князей следует отнести тех, кто был сравнительно молод, однако, не настолько, чтобы по понятиям того времени считать их «младыми» с точки зрения физиологического возраста. Как правило, их возраст колеблется в пределах от 16 до 25 лет. Формально, в эту категорию мог бы попасть и 25-летний владимирский князь Всеволод Юрьевич, если бы не одно обстоятельство: во всех случаях упоминания князей, которые подпадали под эту категорию, «младость» князей фиксировалась не как самостоятельная характеристика, а лишь по сравнению с более зрелыми, «старейшими» сородичами. Наиболее характерный пример – рассказ Ипат. о битве на Калке, в которой, во-первых, «младыми» названы Даниил Романович, Михаил Всеволодович, Всеволод Мстиславич и «инии мнозии князи», а, во-вторых, князь Василько, который не участвовал в битве, «бѣ бо в Володимерѣ *млад»*.

6.	6732 (1224)	«Бывшю же свѣту всих князѣй во градѣ Кыевѣ, створиша свѣтъ сице: «Луче ны бы есть прияти я на чюжей землѣ, нежели на своей». Тогда бо бѣахуть Мьстиславъ Романовичь в Кыевѣ, а Мьстиславъ в Козельскѣ и Черниговѣ, а Мьстиславъ Мьстиславичь в Галичѣ, то бо бѣаху *старѣйшины* в Руской земли. Юрья же князя великого Суждальского не бы в томъ свѣтѣ. Се же паки *млади князи* Данилъ Романовичь, Михаилъ Всеволодичь, Всеволодъ Мьстиславичь Кыевьскый, инии мнозии князи. Тогда же

Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. Под ред. чл.-кор. НАН Украины Н.Ф. Котляра. СПб., 2005. С. 346.

		великый князь половецкый крестися Басты. Василка же не бѣ, бѣ бо в Володимерѣ *млад*[191]. <…> Приѣхавъше же сказаша Мьстиславу Юрьиги же все сказа. И рекшимъ *молодымъ княземь*: «Мьстиславе и другий Мьситславе, не стоита! Поидемь противу имъ»[192].

Относительно того, о каком именно Василько шла речь в рассказе Ипат. о битве на Калке, в науке единого мнения нет. Известно, что в битве собирался, но не смог принять участие ростовский князь Василько Константинович, который, согласно Лавр., не успел добраться к южнорусским князьям к сроку: Юрий Всеволодович «посла (…) благочестиваго *князя Василька, сыновца своего, Костянтиновича с ростовци*, и не утяну Василко прити к ним в Русь»[193]. О том, что именно о ростовском князе шла речь в лаконичном рассказе Лавр. о битве на Калке, сомнений нет – на это указывается дважды: «слышавъ Василко приключьшееся в Руси, *възвратися от Чернигова*, схраненъ Богомь, и силою креста честнаго, и молитвою *отца своего Костянтина, и стрыя своего Георгия. И вниде в свой Ростовъ* славя Бога и святую Богородицю»[194]. Поэтому часть исследователей считает более достоверным рассказ Лавр. и полагают, что на помощь князьям не успел именно ростовский князь Василько Константинович, и именно о нем (только гораздо лаконичнее) сообщала Ипат.[195], отмечая, что князь «млад».

---

[191] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 741. См. подробнее о порядке перечисления князей: *Романов В.К.* Статья 1224 г. о битве на Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 88.

[192] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 742.

[193] Там же. Т. 1. Стб. 446.

[194] Там же. Стб. 447.

[195] См.: *Лихачев Д. С.* Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 24; *Водовозов Н.В.* Повесть о битве на реке Калке // Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. 1957. Т. 67. Кафедра русской литературы. Вып. 6. С. 15; *Свердлов М. Б.* К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» // Вестник ЛГУ. № 2. Серия

Однако другая, значительно б*о*льшая, часть исследователей считает, что речь идет о двух разных людях: в Лавр. - о ростовском князе Васильке Константиновиче, который успел доехать лишь до Чернигова, а в Ипат. – о волынском князе Васильке Романовиче, который остался во Владимире (Волынском)[196], и именно про него в летописи сказано, что он был «млад». Между тем, волынский князь был существенно старше 15-летнего ростовского: по разным оценкам, к этому времени ему должно было быть около или даже более 20 лет. Если исходить из того, что Даниил Романович был старшим братом Василька, то ему должно было быть и вовсе 22 года, несмотря на то что в рассказе о битве на Калке Ипат. его назвали восемнадцатилетним[197].

истории, языка и литературы. Вып. 1. Л., 1963. С. 143; *Горский А.А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 183 и др.

[196] *Эммаусский А. В.* Летописные известия о первом нашествии монголо-татар на Восточную Европу // Ученые записки Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Факультет историко-филологический. Вып. 17. Т. 1. Киров, 1958. С. 70; *Тихомиров М.Н.* Русская культура X-XVIII веков. М., 1968. С. 87; *Романов В. К.* Указ. соч. С. 90, 102; Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование… С. 211; *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о битве на Калке // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник. СПб, 2003. С. 77 и др.

[197] Большинство исследователей полагают, что Даниил родился в 1201 году, а Василько – двумя годами позже, в 1203 г. Исходя из этого, указание рассказа о битве на Калке на 18-летний возраст Даниила, как правило, в историографии признается ошибочным. (См. подробнее: *Романов В. К.* Указ. соч. С. 97-98; Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование… С. 184). По мнению В.А. Кучкина, «сводчик даже не знал точно, сколько было лет Даниилу в год Калкской битвы. Он написал 18, но это ошибка, на самом деле Даниилу в 1223 г. было 22 года. На два года был моложе его брат Василько, который не принял участия в походе на Калку, но вовсе не потому, что он был мал, как объясняется в Ипатьевской летописи. Это объяснение еще более позднее, оно относится к 60-м гг. XIII в., когда летописный текст проходил редактирование при князе Васильке Романовиче». (См. подробнее: *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о битве на Калке… С. 77).

		«Сразившимся полкомъ на мѣсто. Данилъ же выѣха напередъ, и Семьюнъ Олюевичь и Василко Гавриловичь поткоша в полкы тотарьскыя, Василкови же сбодену бывшю. А самому Данилу бодену бывшю в перси, *младъства* ради и буести не чюяше ранъ бывшихъ на телеси его. *Бѣ бо возрастомъ 18 лѣтъ*, бѣ бо силенъ»[198].

О том, в каком именно возрасте были в тот момент Михаил Всеволодович и Всеволод Мстиславич[199], судить трудно, однако, очевидно, что с позиций того времени в биологическом смысле «младыми» они уже не считались. По крайней мере, Михаил Всеволодович. О его возрасте косвенно позволяют судить известия Лавр. под 6714 (1206) г., в котором говорится о том, что его отец князь Всеволод Чермный «посади сн҃а своєго в Переѧславли» (правда, по имени сын не был назван, и в тот же год был изгнан из города), а также известие под 6736 (1227) г. в той же Лавр., где сообщалось о свадьбе дочери Михаила Всеволодовича (так же не названной в летописи по имени[200]) и ростовского князя Василька Константиновича («Тоє же зимъı

Вопреки устоявшейся в науке традиции, А.П. Толочко полагает, что нет достаточных оснований сомневаться в правильности данного указания Ипат. на возраст Даниила. При этом, по его мнению, старшим из братьев был Василько Романович, который «мог родиться в 6710 мартовском году, что соответствовало бы марту 1202 – февралю 1203 г.», а не Даниил. Последний же, полагает исследователь, «родился двумя годами позднее – в 6712 г., что соответствовало марту 1204 – февралю 1205 г.». (См. подробнее: *Толочко А.П.* Известен ли год рождения Даниила Романовича Галицкого? // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 221-236. Ср.: *Домбровский Д.* Указ. соч. С. 326).

[198] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 744.

[199] Всеволод Мстиславич был сыном участвовавшего и погибшего на Калке киевского князя Мстислава Романовича. В этом смысле он относился к младшему поколению участников событий 1223 года. См.: *Baumgarten N.* Op. cit.. Tabl. IX. № 33. P. 39; Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование… С. 211.

[200] По другим источникам ее имя известно – Мария. См.: *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. Обзор ред. и тексты. М., 1915. С. 51 (второй пагинации). См.: *Baumgarten*

wжени великъıи кнѧз Гюрги снѣ Всеволожь сно́вца своєго Василка Костѧнтиновича и поѣтъ за нь Михаиловну Черниговьска кнѧзѧ»)[201]. Как бы то ни было, судя по тому, что через четыре года после битвы на Калке Михаил выдал дочь замуж, в 1223 г., с точки зрения возраста, «младым» он считаться не мог. Скорее всего, прав А.П. Толочко, полагающий, что в этой статье Ипат. определение «млад» относится не к реальному возрасту князей: оно «указано в контраст к «старейшим» князьям – трем Мстиславам». По такому же принципу - «в версту» к перечисленным «младым князьям» - Даниилу, Михаилу Всеволодовичу и Всеволоду Мстиславичу» - в разряд молодых попал и 20-летний князь Василько Романович («Василка же не бѣ, бѣ бо в Володимерѣ млад»)[202].

Судя по всему, еще в трех местах Ипат. мы имеем дело с подобной (то есть – относительно старших князей) маркировкой возраста более молодых князей. По крайней мере, указание на то, что тот или иной князь «млад» (речь идет о сыновьях Даниила Романовича – Льве и Шварне, коим, по разным оценкам, в это время было от 16 до 24 лет), читается в статьях наряду с упоминанием более старшего (Даниила) или старших (Даниила и Василька) родственников.

7.	6753 (1245)	Данилъ же и Василко, слышавше, посласта Лва *млада* суща, и яко ни во бой ему внити,	Лев Данилович, 16-20 лет[204]

N. Op. cit. Tabl. XII. P. 55-56; Беспалов Р.А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI-XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Сб. научных трудов и материалов. Брянск, 2011. Вып. 13. С. 63, 96; Домбровский Д. Указ. соч. с. 308.

[201] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 428, 450.

[202] *Толочко А.П.* Указ. соч. С. 229-231.

[204] Годы жизни Льва Даниловича: 1225/1229 - середина 1299/середина 1300 г. См.: *Домбровский Д.* Указ. соч. С. 366-367.

		младу сущу, посла сыновца своего Всеволода, Андрѣя и Якова, иныи бояре[203].	
8.	6757 (1249)	Шелвови же сбодену бывшу, Данила же емшу, исторжеся из руку его, и выехал ис полку, и видѣвь угрина, грядущаго на помощь Фили, копьемь сътче и, и вогружену бывшу в немь уломлену, спадеся, изъдше. О того же гордаго Филю Львъ, *младъ* сы, изломи копье свое[205].	Лев Данилович, 20-24 лет
9.	6764 (1256)	Поиде Данило на ятвязѣ с братомъ и сыномъ Львомъ и с Шеварномъ, *младу* сущу ему, и посла по Романа в Новъгородокъ[206].	Шварн Данилович, 16-20 лет[207]

Можно предположить, что во всех этих случаях летописец, скорее всего, имел в виду не столько биологический, сколько, если так можно выразиться, «социальный возраст» князей, который отмеривался относительно более взрослых и более статусных родичей. Важно отметить, что обе упомянутые группы «младых» князей состояли из «своих» для автора галицко-волынской летописи, южнорусских, правителей.

Третья же группа «младых» князей включает в себя только двух интересующих нас князей, «чужих», с точки зрения галицко-волынского летописца - сына правителя Суздальской земли Всеволода Юрьевича и козельского князя Василия. Упоминая, что и тот, и другой «млад», летописец не имел в виду их «социальный возраст», ведь другие («взрослые») князья «в паре» с ними не упоминались. Василий, судя по контексту летописного

[203] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 797.

[205] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 804.

[206] Там же. Стб. 831.

[207] Годы жизни Шварно Даниловича: 1236/1240 - около 1269 г. См.: *Домбровский Д.* Указ. соч. С. 394-395.

рассказа, действительно, был мал, указание же на то, что «князь млад» в отношении Всеволода выглядит либо как проявление неосведомленности, как фактическая ошибка, допущенная летописцем[208], либо как результат умышленного уменьшения его возраста. И второе – вероятнее всего.

Мог ли составитель Ипат. непреднамеренно ошибиться с возрастом суздальского княжича? На этот вопрос нужно ответить отрицательно. Во-первых, Ипат. сообщала о поездке князя Василька Романовича «Соуждалю на свадьбоу шоурина своего ко великому князю Юрью»[209]. И хотя имени шурина-молодожена Ипат. не сообщала, речь могла идти только о свадьбе Всеволода, женившегося на дочери киевского князя Владимира Рюриковича[210]. Таким образом, и в окружении князей-Романовичей, и, тем более, в Киеве (если предположить, что рассказ о взятии татарами Владимира-на-Клязьме составлялся или редактировался в тех краях), должны были знать о возрасте Всеволода. Во-вторых, что еще более важно, не только Лавр., но и Ипат. сообщала об участии Всеволода Юрьевича в столкновении с войсками Батыя под Коломной («Батыеви же устремлешюся на землю Суждальскую, и срѣте и Всеволодъ на Колоднѣ, и бившимся имъ и падъшимъ многимъ от нихъ от обоихъ. Побѣжену бывшу Всеволоду, исповѣда отцю бывшую брань устремленыхъ на землю и грады его»[211]). То есть составитель Ипат. знал, что Всеволод в 1238 году был вполне взрослым и опытным человеком, и что о нем нельзя было сказать, что он «млад»[212]. И, значит, это была намеренная ошибка.

Каковы могли быть ее причины? Н.Ф. Котляр полагал, что указание на молодость князей, в реальности вышедших из соответствующего возраста,

---

[208] Новейшие комментаторы галицко-волынской летописи полагают, что автор летописного рассказа «мог этого не знать». См.: Галицько-Волиньский літопис. Текстологія… С. 300.

[209] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 758. Подробнее об этом сообщении см.: *Домбровский Д.* Указ. соч. С. 329; Галицько-Волиньский літопис… С. 261-266 (комм. П.П. Толочко).

[210] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 453-454.

[211] Там же. Стб. 779.

[212] См.: Галицько-Волиньский літопис... С. 300 (комм. В.И. Ставиского).

могли быть «продиктованы героическим жанром Летописца Даниила Галицкого – герою сознательно преуменьшают возраст, дабы подчеркнуть его мудрость, храбрость», или «оправдать какой-либо его поступок, могущий вызвать осуждение в обществе»[213]. Между тем, исследователь имел в виду «своих» для галицко-волынского летописца князей[214]. Единственным не «своим» князем, чей возраст был явно преуменьшен, в галицко-волынской летописи был Всеволод Юрьевич. Очевидно, что особых мотивов оправдывать поведение сын великого князя владимирского, объясняя его юностью и незрелостью князя, у книжника не было. Поэтому, скорее всего, причины следует искать в нарративной плоскости: с помощью намеренной ошибки составитель рассказа Ипат. мог указать на не вполне «взрослое», проще говоря, недостаточно мужественное поведение князя (в данном случае - готовность «прельститься» ради сохранения «живота»), продемонстрированное Всеволодом Юрьевичем, противопоставив его поведению судьбу ставшего, благодаря творческой находке книжника, сопоставимым с ним по возрасту козельского князя. Таким образом, за намеренным искажением возраста князя Всеволода стояло стремление составителя рассказа Ипат. противопоставить две разных модели поведения в условиях нашествия Батыя: с одной стороны, поступок князя Всеволода, проявившего душевную слабость, из-за чего погибли мужественно сражавшиеся владимирцы, с другой стороны, действия жителей Козельска, где «точно такой же молодой князь повел себя иначе и мужественно погиб»[215].

Последовательно проводимая в Ипат. идея о том, что борьба с татарами является праведным делом, способным обеспечить воинам «вѣнца нетлѣньнаа от Христа Бога», а готовность «прельститься», заботясь не о вечном, но о

---

[213] Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование… С. 211.

[214] Подробный анализ таких случаев см.: *Рудаков В.Н.* «Князь наш млад»: возраст как маркер поведения в рассказе о нашествии Батыя Ипатьевской летописи // Профессору Юрию Владимировичу Кривошееву ко дню семидесятилетия. СПб., 2025. С. 128-145.

[215] Галицько-Волиньский літопис… С. 300-301 (комм. В.И. Ставиского).

«тленьном и скоро минующего житии», наоборот, противоречит высшей цели христианина – спасению, судя по всему, была напрямую связана тем, что действия татар воспринимались летописцем не как «казни Божии», а как козни дьявола.

В этом контексте определение козлян как «крепкодушных», видимо, не являлось случайным. Сам термин не часто встречается в русских средневековых памятниках[216]. Тем более интересно обнаружить его в произведении, современном рассказу Ипат. и также посвященном событиям ордынского нашествия -- четвертом Поучении Серапиона Владимирского, который, как мы видели, придерживался иных взглядов на нашествие. Согласно Серапиону, «*врагъ нашь дьяволъ*, видѣвъ ваш разум, *крѣпкодушье*, и *не възможеть понудити вы на грѣхъ*, но посрамленъ отходит»[217]. Можно предположить, что, по замыслу автора Ипат., жители Козельска не просто обладали мужеством, необходимым в борьбе с захватчиками, но и имели более важное для православных христиан качество, позволявшее им противостоять даже происка дьявола.

Имеет смысл вновь обратиться к сопоставительному анализу летописных повествований НПЛ и Ипат. Одно из их главных отличий состоит в том, что, если в рассказе НПЛ татары априорно успешны в силу того, что выполняют функцию «карающего меча» Господнего, то в Ипат. все обстоит с точностью до наоборот. Успех татар предопределен, прежде всего, их собственными качествами, а также качествами тех, кого они пришли покорять. Разумеется, и в Ипат. татары побеждают русских - в противном случае это просто не соответствовало бы историческим реалиям. Однако, в отличие от рассказа НПЛ, эти победы даются им иначе – либо в преодолении упорного

---

[216] См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 33–34. Ср.: *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 1. СПб., 1893. Стб. 1353; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 4. М., 1991. С. 322.

[217] *Петухов Е.В.* Указ. соч. С. 12 (второй пагинации).

сопротивления (как, например, в рассказе об обороне Козельска, а потом и Киева), либо – благодаря их собственным качествам, которые, и обеспечивают эти победы.

Судя по частоте употребления производных от слова «лесть», по мнению составителя рассказа Ипат., именно она в наибольшей степени была присуща татарам[218]. Дважды при описании татарского взятия Рязанской земли летописец указывал, что завоеватели князя и княгиню «изведоша *на льсти* <…> и убиша», а «всю землю избиша»[219]. При осаде Владимира Батый с «*льстью*» обращается к горожаном, а епископ Митрофан молится о том, чтобы паства не «убоялась *прельщения* нечестивых»[220]. Рассказывая о мужестве обороняющих Козельск горожан, книжник подчеркивает, что «словесы *лестьными* не возможно бе град прияти»[221]. Осадив Киев, татары «хотя *прельстити*» горожан, но те их «не послоушаша»[222] и т.д. О том, что завоеватели «прельщают», говорилось и до (в рассказе о битве на Калке), и после рассказа о нашествии: «Злобѣ бо ихъ и *льсти* нѣсть конца. Ярослава, великого князя Суждальского, и зелиемь умориша, Михаила, князя Черниговьского, не поклонившуся кусту, со своимъ бояриномъ Федоромъ, ножемь заклана быста, еже предѣ сказахомъ кланяние ихъ, еже *вѣнѣць прияста мученицкы*. Инии мнозии князи избьени быша и бояре»[223]. При этом

---

[218] Об интересе составителя галицко-волынской летописи к теме «лести» см. подробнее: Галицько-Волиньский літопис… С. 275 (комм. В.В. Аристова), 295 (комм. В.И. Ставиского).

[219] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778.

[220] Там же. Стб. 779.

[221] Там же. Стб. 780.

[222] Там же. Стб. 782.

[223] Еще одно упоминание, относящееся к несколько более позднему периоду нашествия: «и паки приѣхавшим татаромъ, и створи *льсть* и предасть ю пакы татаромъ Бакоту». См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808, 829.

указывалось, что Михаил Черниговский и его боярин Феодор не «прельстились» и поэтому заслужили «венцы».

Указание летописца на «лесть» завоевателей дает основание многим исследователям делать вывод о том, что в рассказе Ипат. «успехи татар были вызваны не столько их силой, сколько коварством и вероломством», и что, с точки зрения составителя Ипат., указание на «лесть» отражало лишь то обстоятельство, что завоеватели - «это люди без чести и совести, с которыми нельзя иметь никакого дела»[224]. Как отмечается в новейшем академическом комментарии к галицко-волынской летописи, на примере обстоятельств истребления тангутов («тогда же и Чаногизъ кано ихъ таногуты убьенъ бысть. Ихже *прельстивше* и послѣди же *льстию* погубиша. Иные же страны ратми, наипаче *лестью* погубиша»[225]) автор «демонстрировал пренебрежение монголами обязанностями соблюдать присяги и договоры, то есть принципы, которые лежали в основе средневековых норм общественных отношений»[226]. Эта точка зрения исследователей опирается на свидетельство де Плано Карпини, который в шестой главе «Истории монголов» сообщал, среди прочего, о «хитростях при столкновении» и «вероломстве татар»: «когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то Татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда…»[227].

---

[224] См. напр.: *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси. XI–XIV вв. М.; Л., 1960. С. 303; *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго... С. 19-20.

[225] См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 745. См. подробнее: *Рудаков В.Н.* Монголо-татары… С. 41-42.

[226] Галицько-Волиньский літопис... С. 230.

[227] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 159.

Однако автор рассказа Ипат. о нашествии, видимо, имел в виду не только коварство врагов, но и более сущностную, с его точки зрения, характеристику завоевателей, а именно – их связь с дьяволом. Действительно, характеристика татар как «льстивых» и коварных находит аналогии с теми определениями, которые даны в текстах Священного Писания дьявольским силам[228]. Так, исполненным «всякого *коварства* и всякого злодейства» назван «*сын дьявола*»[229]. При это слово «льстивый» среди прочих имеет значение «*антихрист*»[230]. Сам Батый сравнивается со «*зверем* свирепым»[231]. Не чужда была таким трактовкам и святоотеческая литература. По мнению Ефрема Сирина, антихрист, во времена, когда «исполнится нечестие мира», «духом *лести*» будет искушать людей и «*обольщать* мир своими знамениями и чудесами по попущению Божию»[232]. Указание на «льстивость» как свойство дьявола есть в ПВЛ (в том числе, и в тексте, читающемся в Ипат. под 1068 г.): в уже цитировавшемся «Поучении о казнях Божиих» отмечается, что «сими *дьяволъ льстить* и другыми нравы, всячьскыми *лестьми* превабляя ны от Бога»[233]. А в Повести о Михаиле Тверском (была составлена в конце 1319 –

---

[228] Как показал А.В. Лаушкин, тенденция обвинять иноверцев в связях с силами ада появляется с конца XII в. Подробнее см.: *Лаушкин А.В.* Указ. соч. С. 104.

[229] Деян. 13: 10.

[230] Ср. значения слов «льстивый», «лестный» в древнерусском языке: «коварный», «являющийся хитростью», «имеющий целью обман», «лживый», «обманчиво влекущий», «таящий в себе опасность», «пагубный», и даже «антихрист». См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981. С. 214–215, 322–323. Ср.: «нечестивый народ» «придет без шума и *лестью* овладеет царством» (Дан. 11: 21, 32), а также: Пс. 9: 28; Пс. 54: 3–12; Пр. 6: 12; Пр. 26: 24 и др.

[231] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780. Ср. образ «зверя» в пророческих книгах Священного Писания (Иез. 5: 17; 14: 15, 21; 34: 25; Дан. 7: 3–23; Откр. 11: 7; 13: 1–18; 14: 9-11; 15: 2 и др.)

[232] См. подробнее: *Сахаров В.* Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. С. 84.

[233] Повесть временных лет... С. 74.

начале 1320 г.[234]) содержится указание на то, что «един *дьявол* сѣтовашеся», поскольку оказался «побеждаем» христианами: «Сего не терпя *врагъ душь наших*, опромѣташеся *льстивыи*, како бы съвратити съ праваго пути их, и въложи в сердце их зависть, ненависть, братоубийство»[235].

Слова, вложенные в уста владимирского епископа Митрофана о том, что в случае гибели защитники города, противостоящие «прельщению» со стороны завоевателей, будут вознаграждены Господом «венцами нетленными», также является важным аргументом в пользу того, что под «лестью» автор рассказа имел в виду отнюдь не коварство завоевателей, противостоять которому можно и должно, но венцы за это вряд ли положены. Получается, что льстивость татар выступала в рассказе Ипат. не просто в качестве синонима их коварства, но, будучи одной из архетипических дьявольских черт, - еще и как маркер их связи с врагом рода человеческого[236]. Показательно, что в статье Ипат. под 6758 (1250) годом, повествующей о поездке в Орду князя Даниила Романовича Галицкого, татары уже напрямую связываются с дьяволом. Оказавших среди врагов, князь «нача болми скорбѣти душею, видя бо *обладаемы дьяволомъ*: сквѣрная ихъ кудѣшьская бляденья, и Чигизаконова мечтанья, сквѣрная его кровопитья, многыя его волъжбы. Приходящая цари, и князи, и велможѣ солнцю и лунѣ и земли,

---

[234] *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском (историко-текстологическое исследование). М., 1974. С. 232–235; *Конявская Е.Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV-XV вв. М., 2007. С. 30-31.

[235] *Кучкин В.А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 129.

[236] *Рудаков В.Н.* Язык Библии в ранних рассказах русских летописей о монголо-татарском нашествии // Одиссей. Человек в истории. Язык Библии в нарративе. М., 2003. С. 50-53; *он же.* «Погибель» или «пленение» Русской земли? Два способа осмысления повседневности русскими книжниками второй половины XIII в. // Многоликая повседневность: Микроисторические подходы к изучению прошлого (Материалы конференции памяти Ю.Л. Бессмертного). М., 2004. С. 121-123, 129-130. См. также: *Лаушкин А.В.* Указ. соч. С. 106. Прим. 49.

дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемь ихъ и дѣдомъ и матеремь водяше около *куста* покланятися имъ. О, сквѣрная *прелесть* ихъ!»[237].

Таким образом, используемая автором рассказа Ипат. характеристика завоевателей как «льстивых», действующих при помощи «лести», отсылала, в первую очередь, к их дьявольской сущности, тогда как в рассказах НПЛ и Лавр. речь шла о татарах как силе, действовавшей в соответствие с Божественным промыслом. Из этого различия следовало и разное отношение к возможности / необходимости сопротивления завоевателям, нашедшее воплощение в ранних летописных рассказах о нашествии, а, значит, и разное представлении об «эталонном» поведении князей в этих условиях.

*** *** ***

В процессе решения поставленных в первой главе задач мы пришли к следующим выводам.

В соответствии с «идеальным образом» правителя Русской земли, сформировавшимся в домонгольский период, отсутствие страха воспринималась как важнейшая добродетель князей, а храбрость, проявленная ими в сражениях с врагами, оценивалась в качестве одного из важнейших факторов формирования самой Русской земли. Наоборот, страх, боязнь за свою жизнь, бегство с поля боя и даже просто неудача в войне воспринимались как проявления недостойного, «срамного» поведения.

Тем не менее, проведенный анализ летописных источников домонгольского периода показал, что уже тогда, несмотря на сформулированные в произведениях книжности «эталоны» должного поведения князя, в реальности действия правителей во многом зависели от конкретной ситуации. Наряду с проявлениями подлинной храбрости, мужественного поведения, были распространены случаи как ситуативного (с поля боя, во время или по итогам проигранного сражения, с целью усиления

[237] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806.

за счет резервов для последующего продолжения сражения и т.п.), так и превентивного бегства князей, совершаемого под воздействием слухов о силе и мощи неприятия, либо же просто из-за страха - с целью спасения собственной жизни. При этом такое бегство крайне редко осуждалось книжниками: как правило, летописцы просто упоминали сам факт случившегося, оставляя его без каких-либо комментариев.

Монгольское нашествие в корне изменило ситуацию: соотношение князей, оказавших сопротивление завоевателям и тех, кто бежал от врага в безопасные места, оказалось далеко не в пользу первых. Из 38 русских князей, поименно названных в ранних летописных источниках о нашествии (НПЛ, Ипат. и Лавр.) за период с конца 1237-го по конец 1241 год (включительно), лишь 13 человек погибли (34,2%). Остальные в силу разных причин сохранили свои жизни: 1 князь (2,6%), если верить Лавр., попал в плен, из которого впоследствии вернулся, 6 князей (15,7%) во время нашествия находились в безопасном месте и 18 князей (47,3%) спаслись бегством (по поводу бегства пяти из них есть прямые указания источников и о бегстве еще тринадцати мы можем весьма определенно судить по косвенным данным). Причем почти во всех случаях речь шла о превентивном бегстве. При этом к бегству (ситуативному - с поля боя во время или после сражения[238] или из города накануне осады, то есть превентивному) прибегали и некоторые из 13 погибших правителей русских земель (именно так, по версии НПЛ и Рашид ад-Дина, бежал из Владимира великий князь Юрий Всеволодович[239]). Все это означает, что участие князей в сопротивлении врагу носило ограниченный характер, а бегство от врага, наоборот, оказалось массовым и рассматривалось в качестве способа спасения не только самыми могущественными князьями

[238] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460; Т. 2. Стб. 779.

[239] Там же. Т. 3. С. 75-76; *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч. С. 39. Поскольку ранние летописные источники разнятся в описании действий и оценке поведения великого князя, этот случай требует особого анализа, результаты которого представлены во второй главе исследования.

(Михаил Черниговский, Даниил Галицкий), но и правителями «второго уровня». Подобное поведение правителей русских земель несомненно предопределили характер и масштаб сопротивления монголам. Фактически можно говорить лишь о трех относительно некрупных полевых сражениях, произошедших за пределами крепостных стен, в которых участвовали князья. Из общего числа городов, об обстоятельствах обороны которых мы так или иначе можем судить на основании сведений ранних летописных источников о нашествии, лишь в четырех в момент подхода войск Батыя находились князья – это Рязань, Москва, Владимир, Козельск. При этом три города из тех, об обороне которые хоть что-то известно (Чернигов, Киев, а также Торжок) защищались от врага в отсутствии князей. Таким образом, в общей сложности нам известно об участии князей в семи эпизодах противостояния татарам: в четырех случаях обороны городов и в трех полевых сражениях.

Исследованные в рамках настоящей работы ранние летописные источники о нашествии Батыя не содержат комментариев книжников, в которых осуждались бы действия или бездействие князей. Во многом такой подход был предопределен сформировавшимися представлениями о том, что завоевание Русской земли стало карой Господней за грехи, а, значит, военное сопротивление нашествию бесперспективно и даже само по себе греховно, поскольку входит в противоречие с Промыслом Божиим. Такое восприятие нашествия, в частности, зафиксировано в рассказах НПЛ и Лавр. В рамках своего повествования новгородский летописец фактически подвергал критике поведение рязанских князей, выступивших против татар, давая понять, что их действия отражают непонимание ими сути происходящих событий. И при этом он был вполне нейтрален по отношению к действиям тех, кто избрал путь смирения и фактического отказа от борьбы: книжник не осуждал, а, скорее, разделял мотивы их поведения. Однако такой взгляд на события не был единственным: в рассказе Ипат. имело место принципиально иное восприятие самих завоевателей, причин их нашествия на русские земли, и, самое главное, возможности и необходимости им противостоять. В отличие от авторов

рассказов НПЛ и Лавр., составитель рассказа Ипат., наоборот, исходил из того, что татары обладают собственными негативными чертами и движимы, прежде всего, наущением дьявола, которому служат. С точки зрения автора рассказа Ипат., важно было «не убояться» перед лицом татарских «прельщений» и быть «крепкодушным», чтобы им противостоять. Такой подход создавал пространство и для совершенно иного восприятия борьбы с завоевателями, и для иной оценки главных действующих персонажей летописного повествования – русских князей. Готовность противостоять «прельщениям» татар и стоящим за ними врагом рода человеческого оценивалась в Ипат. как проявление подлинного мужества, как настоящий христианский подвиг, способный обеспечить «вѣнца нетлѣньнаа от Христа Бога». И, наоборот, страх перед врагами, готовность «прельститься» в надежде выторговать у них жизнь изображались как поведение не только недостойное, но и заведомо обреченное, поскольку оно противоречило высшей цели христианина – спасению собственной души.

Таким образом, в произведениях историописания, созданных в период, последовавший за нашествием Батыя на русские земли, тема противостояния завоевателям была перемещена с сугубо военного на духовный уровень. Возможность или невозможность сопротивления осмыслялась в рамках провиденциального отношения к нашествию и самим завоевателям, а вовсе не в категориях «чести и срама», «защиты Русской земли». Провиденциальный уровень осмысления событий нашествия давал возможность книжникам находить оправдания даже тем поступкам князей, которые, с точки зрения, книжных эталонов поведения вряд ли могли быть оправданы.

ГЛАВА 2.

Правители русских земель, павшие в годы нашествия Батыя, в изображении книжников второй половины XIII - XVI в.

Мнение Н.М. Карамзина, полагавшего, что «храбрейшие Князья Российские пали в битвах; другие скитались в землях чуждых; искали заступников между иноверными и не находили»[1] нуждается в проверке в той его части, где историограф поставил знак равенства между «храбрейшими» правителями русских земель и теми из них, кто погиб во время нашествия Батыя.

Первая задача, решаемая в этой главе, состоит в том, чтобы на основе комплексного анализа сообщений ранних летописных источников о нашествии Батыя, определить характер работы книжников над рассказами о действиях князей, погибших от рук завоевателей, определив отношение к их поступкам со стороны средневековых авторов. Вторая задача – проанализировать направления трансформации образов русских князей, погибших во время нашествия Батыя, в основных летописных сводах XV-XVI вв. В части, касающейся поздних источников, необходимо понять, как создавалась «сводная» летописная версия событий и как менялись нюансы рассказов о действиях князей, какие из существующих трактовок событий рассматривались составителями поздних версий рассказов о нашествии в качестве приемлемых и привлекались для формирования «сводной» версии событий, а какие по тем или иным причинам попросту «отбраковывались». Ответы на эти вопросы, как представляется, могут дать ценную информацию относительно характера той рефлексии, которая происходила в рассматриваемый период по поводу событий Батыева нашествия и действий князей – современников монгольского завоевания.

---

[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 10, 13, 16, 25.

2.1. Погибшие князья в ранних летописных рассказах о монгольском завоевании

Обстоятельства смерти большинства погибших князей по-разному трактуются в источниках. Из тринадцати князей, павших во время нашествия, чьи имена дошли до нас в составе сообщений ранних летописных источников (НПЛ, Ипат., Лавр.), только о двух князьях есть информация, не опровергаемая другими источниками, о том, что они погибли в бою во время обороны городов (Роман Ингваревич, а также козельский князья Василий)[2]. Еще трое князей, скорее всего, погибли при схожих обстоятельствах (Всеволод Константинович, Кюр Михайлович и Мстислав Глебович), но прямых указаний источников на их гибель нет[3]. Еще о двух князьях («сынъ Ярославль» и Мстислав Рыльский) говорится лишь, что они были убиты татарами, однако, общий контекст сообщений не дает возможности реконструировать обстоятельства их гибели[4]. Двое правителей Суздальской земли (находившийся в Москве князь Владимир Юрьевич и ростовский князь Василько Константинович, находившийся в момент нашествия на реке Сити) окончили земной путь, попав в плен в ходе сражения[5]. Об обстоятельствах гибели еще четверых князей (рязанский князь Юрий Ингваревич, а также великий князь владимирский Юрий Всеволодович и его сыновья Всеволод и Мстислав) информация достаточно противоречивая: помимо сообщений об их гибели в бою[6], есть также сведения о том, что это произошло в татарском

---

[2] ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 75; Т. 2. М., 1998. Стб. 780-781. Подробнее о гибели козельского князя см. главу 1.

[3] Там же. Т. 1. М., 1997. Стб. 461; Т. 2. Ст. 779, 782.

[4] Там же. Т. 1. Т. Стб. 470; Т. 3. С. 76.

[5] Там же. Т. 1. Стб. 461, 465-466.

[6] Там же. Т. 1. Стб. 462-464, 465; Т. 3. С. 76.

плену (Ипат. о Юрии Ингваревиче[7]), во время бегства от татар (НПЛ о Юрии Всеволодовиче[8]) или в момент сдачи врагу (Ипат. о Всеволоде Юрьевиче[9]).

2.1.1. Действия князей, сражавшихся в Рязани, под Коломной и Черниговом, в ранних летописных рассказах о нашествии Батыя.

Рассказы об обороне Рязани, а также о сражениях, произошедших под стенами Коломны и Чернигова, при всем различии самих повествований, связывает то обстоятельство, что все они оказались периферийными для летописания Суздальской земли. Речь в них шла о сопредельных территориях, в которых правили «чужие» для книжников северо-восточной Руси князья. Это предопределило целый ряд особенностей летописных сообщений об этих событиях и действиях князей, имевших к ним отношение.

Первым городом, с которым столкнулись завоеватели, была Рязань. «Рязанский эпизод» описан во всех трех ранних летописных источниках о нашествии. Сообщение Лавр. о нападении татар на Рязань - самое лаконичное и малоинформативное из всех: «почаша воевати Рязаньскую землю, и плѣноваху и до Проньска, поплѣнивше Рязань весь, и пожгоша, и князя ихъ убиша». Добавленное к этому уточнение («их же емше овы растинахуть, другыя же стрѣлами растрѣляху в ня, а ини опакы руцѣ связывахуть» и далее) непосредственно к завоеванию Рязани отношения не имело, поскольку было заимствовано составителем рассказа о нашествии Батыя из предшествующего текста Лавр., рассказывавшего о разгроме византийских побережий в 941 г. дружиной князя Игоря[10].

---

[7] Там же. Т. 2. Стб. 778.

[8] Там же. Т. 3. С. 75-76.

[9] Там же. Т. 2. Стб. 780.

[10] *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1973. С. 78. Второй раз прибегает автор рассказа о нашествии к тому же самому источнику, чтобы рассказать о разорении Москвы: «а град и церкви святыя огневи предаша

Лавр., 941 г.	**Лавр., 1237 г.**
... и почаша воевати Вифаньския страны и воеваху по Понту до Аръклѣя, и до Фафлогоньски земли, и всю страну Никомидийскую поплѣнивше и Суд весь пожьгоша; *их же емше овѣх растинаху, другия аки страньпоставляюще и стрѣляху в ня, изимахуть, опаки руцѣ съвязывахуть*, гвозди желѣзныи посреди главы въбивахуть их; *много же святых церквии огнем предаша, манастыре и села пожьгоша, и имѣнья немало обою страну взяша*. Потом же пришедъшем воем от въстока...[11]	... и почаша воевати Рязаньскую землю, и плѣноваху и до Проньска, поплѣнивше Рязань весь и пожгоша и князя их убиша; *их же емше овы растинахуть, другыя же стрѣлами растрѣляху в ня, а ины опакы руцѣ связывахуть; много же святых церкви огневи предаша, и манастырѣ и села пожгоша, имѣнья немало обою страну взяша*; потом поидоша на Коломну...[12]

Цитирование было осуществлено довольно небрежно. В итоге в рассказе Лавр. о событиях 1237 г., как в свое время отметил Д.С. Лихачев, очутились «детали, имеющие реальное значение лишь для 941 г.»[13], в частности, совершенно неуместное в данном случае выражение «обою страну взяша», которое в рассказе 941 года относилось к обеим сторонам залива Суд (Золотой

и манастыри вси и села пожгоша, и много имѣнья въземше отидоша». См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461.

[11] Там же. Стб. 44.

[12] Там же. Стб. 460

[13] См.: *Лихачев Д. С.* К истории сложения Повести о разорении Рязани Батыем // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 261. См. подробнее: *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII -XV в. М., 2017. С. 66.

Рог), подвергшихся нападению русской дружины, но не находило параллелей в топонимике Рязанской земли.

Еще одной особенностью рассказа Лавр. о взятии татарами Рязани является то, что в нем сообщалось о том, что «князя ихъ убиша», но при этом имени этого князя или этих князей (если исходить из того, что слово «князь» могло быть использовано в родительном падеже в двойственном числе, которое в данном случае, совпадает с родительным падежом единственного числа) не называлось. На первый взгляд, то обстоятельство, что в летописании соседней с Рязанью Суздальской земли не сообщалось ни имя погибшего рязанского князя (князей), ни обстоятельства его (их) гибели, могло свидетельствовать о неосведомленности летописца, вызванной невозможностью спустя годы обнаружить какие-либо детали произошедших событий. Именно так, как правило, и объясняется предельная лапидарность рассказа Лавр.: «уже первые годы после татарского разгрома были временем сильнейшего упадка летописания, когда летописцу, работавшему в случайно уцелевшем Ростове, было нелегко расспрашивать очевидцев и создавать точный отчет о нашествии», -- отмечал в этой связи Я.С. Лурье[14].

Однако, во-первых, об именах правивших в Рязани князей в Суздальской земле, безусловно, знали. Причем, даже уже после нашествия: так, под 6761 (1252) г. Лавр. сообщала о возвращении князя Олега Рязанского из татарского плена «в свою землю», а под 6767 (1258) г. – о его кончине, отмечая не только факт смерти, но и целый ряд связанных с этим деталей («преставися князь Олегъ Рязаньскии страстныя недели въ среду в черньцѣх и въ скимѣ, и положенъ бъıс у святаго Спаса месяца мая въ 20 на память святыя мученици Фотиньи Самарянъıни»)[15]. Во-вторых, в сообщениях двух других ранних

[14] *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV-XV вв. Л., 1976. С. 32.

[15] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473, 475. Вывод о пленении князя Олега делается на основе отрывочных сообщения Лавр., рассказывающей лишь о его возвращении из плена, но не о самом пленении. Аргументы по поводу неправомерности подобной трактовки см.: *Воротынцев Л.В.* «Ордынский плен» рязанского князя Олега Ингваревича Красного (1238-1258 гг.): от

летописных источников о нашествии – Ипат. и НПЛ – имена рязанских князей фигурировали. Получается парадоксальная ситуация: несмотря на возникшие из-за монгольского завоевания коммуникационные проблемы, в относительно далеких от Рязани галицко-волынской и новгородской землях рязанских князей–современников нашествия знали по именам, а в близлежащей Суздальской земле - нет. Причем, в рассказе Ипат. о взятии татарами Рязани сообщалось сразу о двух рязанских князьях - Юрии Ингваревиче и некоем Кюр Михайловиче, которого летопись называла только по отчеству[16], а в НПЛ – о трех князьях: Юрии, Олеге и Романа Ингваревичах (правда, в самом рассказе фигурировали только двое – Юрий и Роман[17]).

историографического мифа к историческим реалиям // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 4. С. 733-748. Олег Ингваревич упомянут также в рассказе НПЛ в перечислении рязанских князей, но новгородская летопись о его судьбе ничего не сообщает (См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 74).

[16] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779. Интересно, что Лавр. сообщала о смерти отца Кюр Михайловича - пронского князя Михаила Кюр Всеволодовича, убитого во время княжеского пира в Исадах в 1217 году, но о действиях его сына во время нашествия Батыя умалчивала. Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 440. В.А. Кучкин полагал, что имя Кюр Михайловича – Александр. См.: *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 9. Ср.: ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 586. Д. Домбровский и ряд других авторов полагают, что сына Кюр Михаила звали Всеволод. См.: *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до XIV в.) СПб., 2015. С. 668-669, 672. А.Ю. Бородихин предположил, что этот персонаж появился в Ипат. в результате ошибочно прочтения имени владимирского воеводы Ярослава Михайловича, однако, на мой взгляд, эта догадка ни на чем, кроме совпадения отчеств, не базируется. См.: *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей о нашествии Батыя летописях и летописно-хронографических сводах XIV-XVII вв. Машинопись. Новосибирск, 1989. С. 58. Ср.: *Беспалов Р.А.* К истории создания повестей о Батыевом нашествии в части событий 1237-1238 годов // Летописи и хроники. Новые исследования. 2017-2019. М., СПб., 2019. С. 47.

[17] См. подробнее: *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 163-165. Ср.: *Карпов А.Ю.* Батый. М., 2011. С. 60-63.

Если лаконичный рассказ Лавр. не позволяет сделать вывод о том, как вели себя рязанские князья во время нашествия Батыя, то сообщения Ипат. и НПЛ содержат на этот счет некоторую (правда, весьма противоречивую) информацию. В Ипат. князь Юрий Ингваревич представлен весьма пассивной фигурой. Из летописного рассказа следует, что татары уговорили его выйти из города (именно благодаря этому, им и удалось взять Рязань), затем он был пленен, сопровожден в близлежащий Пронск, где (также, как ранее его самого) завоеватели «изведше на льсти» его супругу, после чего обоих убили[18]. Согласно Ипат., другой рязанский князь – Кюр Михайлович (который, судя по всему, был правителем Пронска) в этой ситуации предпочел отказаться от столкновения с татарами и бежал к великому князю владимирскому: «*утече со своими людми* до Суждаля и поведа великому князю Юрьеви безбожных *агарянъ* приходъ, нашествие»[19]. Таким образом, согласно Ипат., оба упомянутых в ней князя (Юрий Ингваревич и Кюр Михайлович) во время первого столкновения с завоевателями не оказали им сколько-нибудь действенного сопротивления: один фактически сдался в плен, другой бежал от татар.

Самый подробный рассказ о взятии Рязани содержится в НПЛ. «Рязанская» часть рассказа этой летописи полна таких подробностей, которых нет в других летописных источниках. Это обстоятельство позволило в свое время В.Л. Комаровичу высказать гипотезу о том, что в составе НПЛ до нас могли дойти «выдержки из рязанских летописных рассказов»[20], что

---

[18] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778-779.

[19] Там же. Стб. 779.

[20] *Комарович В.Л.* Рязанский летописный свод XIII века // История русской литературы. Т. II. Ч. I. М., Л., 1945. С. 75. С его мнением согласились и многие другие исследователи. См., напр.: *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание… С. 157–158; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 184–185; *Лихачев Д. С.* К истории сложения... С. 261–262; Лурье Я.С. Общерусские летописи… С. 34; *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 117; *Кучкин В. А.*

предопределило высокую степень осведомленности авторов тех источников, которые были под рукой новгородца[21].

О поведении рязанских князей НПЛ сообщает несколько важных обстоятельств. Согласно летописному рассказу, перед тем как захватить Рязанское княжество, татары вели с князьями переговоры, требуя от них «десятины во всемь», но князья не пошли на это[22]. Они «не въпустяче» врагов «къ градомъ», выехав «*противу имъ* на Воронажь», фактически заявив о своей готовности сражаться: «И рекоша имъ князи: «*олна насъ всѣхъ не будеть, тоже все то ваше будеть*»[23]. Одновременно рассказ НПЛ содержал сведения о поведении великого князя владимирского Юрия Всеволодовича, к которому рязанские князья обратились за поддержкой - «просяче помочи, или самому поити». Однако, «Юрьи же самъ не поиде, ни послуша князии рязаньскыхъ молбы, но самъ хотѣ особь брань створити»[24]. После этого, как сообщает НПЛ, «иноплеменьници погании оступиша Рязань и острогомь оградиша», и в этой ситуации князь Юрий Ингоревич «*затворися въ градѣ с людми*», оказав

Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая половина XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – нач. XX в. Вып. 1. М., 1990. С. 22; *Майоров А.В.* Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 134 и др. Несколько иного мнения придерживается, например, А. Ю. Бородихин, который полагает, что составитель рассказа НПЛ воспользовался как минимум тремя источниками: помимо владимирского и ростовского, еще и южнорусским. См.: *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей... С. 57, 68, 73.

[21] *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем … С. 14-15.

[22] Подробнее об этом посольстве: *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. СПб., 2015. С. 128-140; *Майоров А.В.* Женщина, дипломатия и война… С. 135, 173-176.

[23] ПСРЛ. Т. 3. С. 74.

[24] Там же. С. 74-75.

завоевателям сопротивление. Оборона города закончилась трагически – его защитники, а вместе с ними князь и княгиня погибли[25].

Очевидно, что Ипат. и НПЛ диаметрально противоположно трактовали поведение Юрия Ингваревича. В рассказе галицко-волынской летописи он показан как человек, никак не проявивший себя с военной точки зрения и погибший даже не во время сражения, а в результате «прельщения» татарами. В НПЛ князь Юрий Ингваревич, наоборот, изображен как человек, настроенный на решительный отпор завоевателям, в критический момент возглавивший оборону города и погибший в бою.

Какая из двух версий поведения рязанского князя Юрия в большей степени отражает его реальные действия во время нашествия? Достоверность сообщения Ипат. исследователи считают сомнительной[26]. В пользу этого свидетельствуют данные иностранных источников, которые позволяют предположить б*о*льшую достоверность версии, дошедшей в составе НПЛ. Согласно сведениям, содержащимся в «Сборнике летописей» Рашида ад-Дина, писавшего в начале XIV века, штурм Рязани, действительно, имел место и потребовал трехдневных усилий войск под руководством сразу нескольких видных чингизидов: помимо Батыя, Орды, Гуюка, Менгу, Кулкана, Кадана и Бури[27]. По мнению исследователей, это означает, что под Рязанью было собрано все монгольское войско, в силу чего «это обстоятельство выдвигает штурм Рязани в число важнейших операций всей Западной кампании» Батыя[28]. О том, что Рязань оказала серьезное сопротивление, и оно длилось не три, а целых семь дней, свидетельствует китайская хроника «Юань-ши»,

---

[25] Там же. С. 75.

[26] См.: *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание…. С. 167.

[27] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. с персидского Ю. П. Верховского, редакция проф. И. П. Петрушевского. Т. II. М., Л., 1960. С. 38-39.

[28] *Майоров А.В.* Женщина, дипломатия и война … С. 173; *Храпачевский Р.Н.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011. С. 208-209.

составленная, правда, много позже описываемых событий - в 70-е гг. XIV в.[29]: «еще [Мэнгу] вместе с чжуваном Бату ходил в поход на народ русских, дошел до города Рязань (в источнике – Е-ле-цзань. - *В.Р.*), самолично сражался в рукопашной и сокрушил его» (вариант – «дошли до города Рязань, *сильно сражались* 7 дней и захватили его»)[30]. Трудно сказать, в какой мере был точен китайский хронист, писавший о событиях, произошедших полтора столетия назад в чужой стране. Теоретически он мог спутать осаду Рязани с каким-то иным боем, например, сражением под Коломной, произошедшим на территории той же Рязанской земли (вспомним, что не только западноевропейские источники, но и, например, та же Ипат. в рассказе о нашествии Батыя, называли столицу великого князя Юрия Всеволодовича Суздалем, а не Владимиром[31]). Однако, в данном случае, вряд ли имела место путаница: трудно представить, что полевое сражение основной армии Батыя под сравнительно небольшой Коломной могло длиться несколько дней. Вероятно, речь все-таки шла о штурме большой укрепленной крепости. Это позволяет полагать, что НПЛ давала вполне правдоподобную картину произошедшего: рязанцы вместе с князем Юрием, действительно, оказали сопротивление завоевателям, о чем посчитали необходимым написать не

---

[29] *Кычанов Е.И.* Сведения из «Истории династии Юань» («Юань-ши») о Золотой Орде // Источниковедение Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2001. С. 30.

[30] Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 181, 208, 242.

[31] *Горский А.А.* Понятие «суздальский» в политическом лексиконе XII–XIV веков // На пороге тысячелетия: Суздаль в истории и культуре России. К 990-летию первого упоминания Суздаля в древнерусских летописях. Владимир, 2015. С. 27-32.

только составитель рассказа НПЛ (вероятно, вскоре после нашествия), но и персидские, а также китайские хронисты[32].

В этом контексте практически полная неосведомленность Лавр. относительно «рязанского» эпизода нашествия и действий представителей местной княжеской династии выглядит нарочитой – как умышленное игнорирование информации о событиях в соседнем княжестве. Причина могла быть связана не отсутствием в близлежащей Суздальской земле информации о рязанских князьях, а в сознательной корректировке составителем рассказа, дошедшего в Лавр., деталей, которые (по крайней мере, если исходить из того, что сообщала о поведении рязанских князей НПЛ), могли выставить правителей Владимира в весьма невыигрышном свете. Дж. Феннел в свое время справедливо отмечал, что версия НПЛ «по содержанию, стилю и идеологической направленности резко отличается» от версии Лавр., и это находит выражение не только в том, что «многие факты противоречат приводимым в Лаврентьевской летописи», но также и в различиях политических оценок, прежде всего, оценок поведения великого князя владимирского[33]. Это не удивительно: В.Л. Комарович, исходивший из того, что в данном фрагменте НПЛ отразилось рязанское летописания, полагал, что «обличение владимирского великого князя было у рязанского летописца руководящей темой»[34]. Очевидно, что составитель версии, дошедшей до нас в составе Лавр., не мог принять такую трактовку событий, поскольку рязанский взгляд на действия рязанского князя затрагивал и репутацию Юрия Всеволодовича. Поэтому стоит согласиться с выводом В.Л. Комаровича, полагавшим, что в Лавр. «весь рязанский эпизод оказался сокращен, но при этом так, что ни переговоры рязанцев с Юрием Всеволодовичем, ни его отказ

---

[32] О том, что рязанские полки, возглавляемые Юрием Ингваревичем, сражались «крепко и мужественно», сообщала и поздняя (XVI в.) «Повесть о разорении Рязани Батыем», опиравшаяся, видимо, на версию НПЛ. См.: БЛДР. Т. 5. XIII в. СПб., 1997. С. 144.

[33] *Феннел Дж.* Указ. соч. С. 117.

[34] *Комарович В.Л.* Рязанский летописный свод XIII века … С. 77.

им в помощи даже не упомянуты»[35]. Таким образом, стремление иначе преподнести историю о действиях великого князя Юрия Всеволодовича вполне могло стать причиной того, что часть известных на тот момент обстоятельств нашествия составитель Лавр. попросту опустил, а часть -- наоборот, дополнил или скорректировал с целью продвижения собственной трактовки произошедшего.

К моменту нашествия Батыя Коломна была третьим по значению городом Рязанской земли после Рязани и Пронска[36]. Сражение под стенами города произошло в самом конце декабря 1237-го или в начале января 1238 года. Историками оно часто рассматривается «просто как стычка передового отряда *владимирской* рати (чуть ли не «сторожи») с татарскими авангардами» (здесь и далее курсив мой. – *В.Р.*)[37]. Однако, судя по всему, это не так. Бой под Коломной был одним из самых героических эпизодов борьбы с захватчиками, о котором Лавр. и НПЛ писали в весьма схожих тонах («бишася крѣпко», «бысть сѣча велика»[38]), и едва ли не самое крупное полевое сражение периода Батыева нашествия на русские земли. При этом, вероятнее всего, главную роль в нем сыграли вовсе не владимирцы, а рязанцы[39].

---

[35] *Он же.* Лаврентьевская летопись // История русской литературы. Т. II. Ч. I. М., Л., 1945. С. 91.

[36] *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV- первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов единого русского государства. М., 2001. С. 41.

[37] Следуя за поздними источниками, некоторые исследователи полагали, что «под Коломной татарская армия встретила войска *Юрия Всеволодовича* и разбила их». См. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 212; *Горский А.А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 181; *Храпачевский Р.П.* Указ. соч. С. 211.

[38] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460; Т. 3. С. 75.

[39] См.: *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 90; *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Монголо-татары в Азии и в Европе. Сб. статей. М., 1977. С. 193; *Карпов А.Ю.* Великий князь Юрий Всеволодович. М., 2021. С. 188; *Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А.* [Рец. на:

Сама история этого боя крайне запутана. Стоит согласиться с мнением, что ни один из ранних летописных рассказов «не дает полной доброкачественной информации о сражении под Коломной»[40]. Если суммировать имеющуюся в источниках информацию, как это часто делается в историографии[41], то можно сделать вывод о том, что под Коломной монголам противостояли соединенные полки сразу нескольких правителей русских земель: рязанского князя Романа Ингваревича, названного в летописи только по отчеству пронского князя Кюр Михайловича, а также присоединившегося к ним старшего сына великого князя владимирского – Всеволода Юрьевича, пришедшего к Коломне вместе с воеводой Еремеем Глебовичем. Но такой расклад сил получается только при суммировании информации, потому что каждая из трех летописей (НПЛ, Ипат., Лавр.) дает совершенно иную картину произошедшего.

Важным обстоятельством для анализа информации ранних летописных источников о сражении под Коломной является наличие рассказа об этом событии в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина. Согласно его сведениям, во время этого сражения был смертельно ранен один из главных ордынских военачальников, младший сын Чингисхана (то есть родной дядя Батыя) Кулькан: «...они овладели также городом Ике [*Коломна*]. Кулькану была нанесена там рана, и он умер». Событие было явно неординарным: насколько можно судить, Кулькан оказался единственным погибшим в ходе Западного похода монгольской армии царевичем-чингизидом[42]: видимо, именно поэтому сражение под Коломной и попало в анналы персидского историка. При этом

Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в. М., 2001] // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 167–169; *Храпачевский Р.П.* Указ. соч. С. 211-212; *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 9 и др.

[40] *Мазуров А.Б.* Указ. соч. С. 50.

[41] См. напр.: *Горский А.А.* Русь: от славянского Расселения... С. 181; *Храпачевский Р.П.* Указ. соч. С. 211.

[42] *Каргалов В.В.* Русь и кочевники. М., 2008. С. 147.

Рашид ад-Дин сообщал имя князя, оказавшего сопротивление («один из русских эмиров, по имени Урман [*Роман*], выступил с ратью (против монголов), но его разбили и умертвили»[43]), что само по себе было весьма показательно, поскольку в общей сложности в своем лаконичном описании нашествия Батыя на русские земли персидский историк назвал по именам лишь трех правителей Русской земли[44].

Казалось бы, подвиг защитников рязанской земли и, прежде всего, главного героя битвы под Коломной - князя Романа Ингваревича, также, как и «рязанский эпизод» должен был занять достойное место и в русской исторической памяти. Однако в ранних летописных источниках, легших в основу всех последующих рассказов о нашествии и составленных не на много раньше (вторая половина XIII в.) «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, информация о битве под Коломной оказалась еще более лаконичной, чем в сочинении персидского историка. И если о смертельном ранении царевича-чингизида русские книжники вполне могли не знать, то имя князя, героически сражавшегося под стенами Коломны, им должно было быть известно наверняка. По крайней мере, в Суздальской земле, поскольку, если судить по Лавр. и Ипат., под Коломной сражался и сын великого князя владимирского Всеволод Юрьевич, уцелевший во время сражения, и затем успевший добраться до Владимира[45]. Тем не менее, князь Роман Ингваревич упоминался только в одном из трех ранних летописных рассказов о нашествии Батыя – в статье НПЛ, которая и в этой части, судя по всему, также передавала информацию своего рязанского источника[46]. Рассказ последнего, в свою очередь, мог быть составлен со слов непосредственного очевидца или даже

---

[43] *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч. С. 38-39.

[44] Там же.

[45] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460; Т. 2. Стб. 779.

[46] *Комарович В.Л.* Рязанский летописный свод XIII века ... С. 75; *Кузьмин А.Г.* Рязанское летописание…. С. 148-160.

участника описываемых событий[47]. Две других летописи – Лавр. и Ипат., сообщая о самом сражении под Коломной, князя Романа не упоминали.

По версии Лавр., под Коломной сражался только владимирский отряд во главе с князем Всеволодом Юрьевичем и воеводой Еремеем Глебовичем[48]. Ипат. же рассказывала об участии в сражении, помимо князя Всеволода, еще и Кюр Михайловича («то слышавъ *великий князь Юрьи посла сына своего Всеволода со всими людми* и с нимъ Кюръ Михайловичь. Батыеви же устремлешюся на землю Суждальскую, и *срѣте и Всеволодъ* на Колоднѣ, и бившимся имъ и падъшимъ многимъ от нихъ от обоихъ»)[49]. При этом НПЛ, в отличие от Лавр., ничего не сообщала об участии в сражении князя Всеволода Юрьевича: вслед за известием о том, что, «иноплеменьници погании оступиша Рязань и острогомь оградиша», а князь Юрий Ингваревич «затворися въ градѣ с людми», НПЛ рассказывала, что его брат князь Роман Ингваревич «ста битися противу ихъ (татар. – *В.Р.*) *съ своими людьми*» под Коломной. Именно туда владимирский князь Юрий Всеволодович направил свой отряд, который, по версии НПЛ, возглавлял не князь Всеволод, а воевода Еремей Глебович: «*князь же Юрьи Володимирьскыи тогда посла Еремѣя въ сторожихъ воеводою, и снася с Романомь*. И оступиша ихъ Татарове у Коломны, и бишася крѣпко, и прогониша ихъ к надолобомъ, и ту убиша князя Романа и Еремѣя. И много паде ту съ княземь и съ Еремѣемь»[50].

Лавр. изображала Всеволода Юрьевича как главное (и единственное, если считать лиц княжеского достоинства) действующее лицо коломенской битвы[51]. При этом, и Лавр., и Ипат., упоминая об участии в событиях под Коломной князя Всеволода, сообщали, что он, в отличие от «иных мужей

---

[47] См. подробнее: *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 7-8, 14-15; *Майоров А.В.* Женщина, дипломатия и война… С. 134.

[48] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460.

[49] Там же. Т. 2. Стб. 778-779.

[50] Там же. Т. 3. С. 75.

[51] *Мазуров А.Б.* Указ. соч. С. 48.

многих», не пострадал, поскольку спасся бегством. Согласно Ипат., «*побѣжену бывшу Всеволоду, исповѣда отцю бывшую брань* устремленыхъ на землю и грады его»[52]. Лавр. подтверждает эту версию: «и убиша у Всеволода воеводу Еремѣя Глѣбовича и иных мужий много убиша у Всеволода, и *прибѣжа Всеволодъ в Володимерь в малѣ дружинѣ*, а Татарове идоша к Москвѣ»[53]. Получается, что составители и Ипат, и Лавр. все-таки знали некоторые подробности сражения у Коломны, и, тем не менее не упомянули об участии в нем князя Романа Ингваревича. Между тем, именно он, а не Всеволод Юрьевич, вероятнее всего (об этом пишет НПЛ, передающая недошедший рязанский источник, и эта информация подтверждается сведениями Рашид ад-Дина), был центральной фигурой сражения и при этом - не бежал с поля боя, а разделил трагическую судьбу пришедших ему на помощь владимирского воеводы Еремея Глебовича и «иных мужей многих».

Невнимание летописцев к фигуре героически погибшего князя Романа, вероятнее всего, было связано с теми же обстоятельствами, в силу которых в рассказе о штурме Рязани Лавр. не упомянула имени рязанского князя. Версия, дошедшая в составе новгородской летописи, в которой центральной фигурой сражения оказывался представитель рязанской династии, а роль владимирцев была вспомогательной, видимо, не устраивала составителя рассказа, отразившегося в летописании Суздальской земли. Во-первых, она не упоминала сына великого князя, а, во-вторых, в изображении НПЛ получалось так, что из всех русских правителей реальное сопротивление монголам оказали лишь рязанские князья, тогда как действия владимирских правителей - и Всеволода Юрьевича, и его отца Юрия Всеволодовича, сначала отказавшегося отправлять помощь рязанцем, а затем оставившего стольный

[52] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779.

[53] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460. По мнению новейшего биографа великого князя Юрия Всеволодовича А.А. Кузнецова, княжич «под впечатлением от увиденного (и невидимого ранее) побоища по глубоким снегам бежал во Владимир». См. *Кузнецов А.А.* Князь великий Георгий. Основатель Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 2017. С. 161.

Владимир и отправившегося (а в изображении НПЛ, и вовсе бежавшего) в район реки Сити, выглядели куда менее привлекательно[54].

Однако при всех симпатиях к «своему» князю превратить Всеволода Юрьевича в подлинного героя коломенского сражения было затруднительно даже составителю рассказа Лавр., ведь сын великого князя владимирского, в отличие от погибшего в бою Романа Ингваревича, спасся, убежав во Владимир. Игнорировать это обстоятельство было невозможно: князь Всеволод в итоге оказался в столице княжества, во время штурма которой погиб. В итоге рассказ о коломенской битве в изложении Лавр. и Ипат. оказался своего рода «поэмой без героя», хотя, в действительности, это было не так: в этом сражении участвовал князь, проявивший мужество при защите родного города. Косвенным подтверждением того, что смещение акцента в пользу Всеволода Юрьевича изначально не было случайным, является то, как менялось описание коломенской битвы в более поздних летописных сводах, авторы которых ориентировались, прежде всего, на ту версию событий, которая была изложена в Лавр., всячески ее развивая и дополняя[55].

Схожая ситуация наблюдается и с рассказом о событиях вокруг Чернигова. В отличие от рязанского и коломенского эпизодов, сообщения о каждом из которых дошли во всех трех ранних летописных источниках, информацию о том, что под стенами Чернигова осенью 1239 г. произошло сражение, сообщала только Ипат. Ее известие крайне лаконично, тем не менее, рассказывая об этом эпизоде нашествия, летопись дала совершенно ясное представление о действиях некоего князя Мстислава Глебовича, который попытался дать отпор завоевателям: «Слышавъ же Мьстиславъ Глѣбовичь нападение на град иноплеменьных, *приде на ны со всими вои*. Бившимъся имъ,

---

[54] *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV вв. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2017. С. 71-72.

[55] Подробнее см.: *он же.* Память о двух битвах эпохи нашествия Батыя // Исторический вестник. Т. 45. М., 2023. С. 67-75.

побѣженъ бысть Мьстиславъ, и множество от вои его избьенымъ бысть, и градъ втяша и запалиша огньмь»[56].

По поводу того, кто такой Мстислав Глебович, единого мнения в науке нет. Так, В.А. Кучкин полагал, что князя, попытавшегося защитить Чернигов, можно соотнести с князем Мстиславом Рыльским, который, судя по сообщению Лавр., в 1241 г. был казнен в Орде[57]. Однако исследователь не указывал на чем, кроме совпадения имен, основывается такая атрибуция[58]. Наоборот, А.А. Горский исходит из того, что оборонявший Чернигов князь Мстислав Глебович (по мнению О.В. Рапова, он приходился двоюродным братом Михаилу Всеволодовичу Черниговскому[59]) и упомянутый в Лавр. Мстислав Рыльский – это два разных лица[60]. Д. Домбровский высказал предположение, что князь Мстислав Глебович – это отец убитого в Орде в 1246 г. по приказу Батыя черниговского князя Андрея и его младшего брата, о которых сообщал де Плано Карпини[61], однако, по мнению А.А. Горского, отцом Андрея, скорее всего, был Мстислав Рыльский[62]. Не вполне понятна и судьба князя Мстислава Глебовича. Рассказывая о сражении под Черниговым, Ипат. сообщала о взятии татарами города, однако, отмечая, что черниговскому епископу завоеватели сохранили жизнь («епископа оставиша жива и ведоша и

---

[56] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782. Подробнее см.: *Горский А.А.* Русские земли в XIII-XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. С. 13-14.

[57] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

[58] См.: *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 9. Ср.: *Милютенко Н.И.* Сказания о Михаиле Черниговском // ТОДРЛ. Т. 64. СПб., 2016. С. 183.

[59] *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. С. 124-125.

[60] *Горский А.А.* Русские земли в XIII-XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. С. 13-14.

[61] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. Текст, перевод, комментарии / Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М., 2022. С. 135. *Домбровский Д.* Указ. соч. С. 698-700. Ср. *Милютенко Н.И.* Указ. соч. С. 188. Ср.: *Карпов А.Ю.* Батый… С. 200, прим. 33, 319.

[62] См.: *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 216 (комментарий 8 к гл. III)/

во Глуховъ»[63]), ничего не сообщала о судьбе князя Мстислава. Из ее рассказа, а также из того факта, что в дальнейшем имя князя Мстислав Глебовича не встречалось на ее страницах, можно сделать вывод о том, что он, скорее всего, погиб во время битвы, однако, это всего лишь предположение[64].

Кем бы ни был в действительности князь Мстислав Глебович, он, согласно Ипат., действовал мужественно и самоотверженно. Важно учитывать и то обстоятельство, что Чернигов к этому моменту оказался покинут формально правившим в нем великим князем Михаилом Всеволодовичем, который во время борьбы с другими князьями сначала ненадолго захватил Киев, но затем, узнав о приближении татар, бежал в Венгрию, о чем напрямую сообщала та же Ипат. («Михаилъ *бѣжа* по сыну своемь *передъ татары* Угры»[65]) и косвенно Лавр. («взяша Татарове Черниговъ, князи ихъ *выгѣхаша* въ Оугръı»[66]). В этой ситуации Мстислав Глебович, который в момент прихода завоевателей находился за пределами города[67] (а, значит, имел возможность и

---

[63] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782.

[64] Р.В. Зотов полагал, что Мстислав Глебович после разгрома под Черниговом «бежал в Угрию», однако, это мнение не было чем-либо подкреплено. См. *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 76. В.А. Кучкин, ассоциируя Мстислава Глебовича с погибшим в 1241 году Мстиславом Рыльским, таким образом допускал, что князь мог не погибнуть во время сражения под Черниговым, но никаких доказательств этому не приводил. См.: *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 9.

[65] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782.

[66] Там же. Т. 1. Стб. 469.

[67] Исследователи, как правило, доверяют сообщению Ипат. о том, что Мстислав Глебович, оказался («*приде»)* под стенами Чернигова, «*слышавъ* нападение на град иноплеменьных», а, значит, до этого момента находился за пределами города и узнал о приходе татар posrfactum. Как полагал П. В. Голубовский, Мстислав Глебович мог княжить «в одном из ближайших городов» Черниговской земли. См.: *Голубовский П. В.* История Северской земли до половины XIV столетия. Киев. 1881. С.193. Из этого же исходят и современные исследователи. «Нельзя согласиться с мнением, будто Мстислав Глебович во время

вовсе уклониться от столкновения с монголами), проявил себя как храбрый воин, вступивший в неравную схватку с врагом.

Полное отсутствие информации об этом эпизоде сопротивления в рассказе Лавр. также весьма примечательно. К его составлению, вероятнее всего, могли иметь отношение правители Ростова, где в то время княжили дочь и внуки великого князя Михаила Всеволодовича, явно осведомленные о том, что происходило в Черниговской земле[68]. Тем не менее, в Лавр. ничего не сообщалось ни о самой обороне Чернигова, ни о сражавшемся под стенами города князе Мстиславе Глебовиче. Но при этом составитель рассказа Лавр. упоминал подробность, о которой или не посчитал необходимым рассказать, или вовсе не знал составитель рассказа Ипат. – имя спасшегося черниговского епископа, названного в Лавр. Перфурием («град пожегше, и люди избише, и манастырѣ пограбиша, а епископа Перфурья пустиша в Глуховѣ»[69]). Судя по всему, Лавр. и Ипат. имели схожий источник информации, коль скоро не только сообщали о спасении епископа, но и знали, в какой именно город он был отпущен татарами. Осведомленность Лавр. относительно имени епископа, возможно, как раз и была связана с тем, что в момент составления этого рассказа в Ростове жила дочь Михаила Всеволодовича Черниговского – княгиня Мария Михайловна, в окружении которой имя владыки ее родного

вражеского нашествия вообще не покидал своего города и «„прииде" на врагов не откуда-нибудь, а из самого Чернигова». Судя по летописному сообщению, князь «слышавъ» «нападение на град иноплеменьных», после того как те «обьстоупиша град в силе тяжце» и затем только «приде на ны со всими вой». См. подробнее: *Майоров А.В.* Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи) // ТОДРЛ. Т. 60. СПб., 2009. С. 325. Ср.: *Горский А.А.* Русские земли в XIII-XIV веках… С. 116.

[68] *Приселков М.Д.* История русского летописания XI-XV вв. СПб., 1996. С. 144-145; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 281-285; *Насонов А.Н.* История русского летописания. … С. 192-194.

[69] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469. Ср. с сообщением Ипат.: «градъ взяша и запалиша огньмь. Епископа оставиша жива и ведоша и во Глуховъ». ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782.

города было известно[70]. Почему при этом составитель Лавр. не стал упоминать имя князя, героически оборонявшего город, сказать трудно. Конечно, в годы самого нашествия коммуникации между разными частями русской земли были нарушены, однако, рассказ об этих событиях составлялся не по горячим следам, а редактировался несколько позже, и сведения о родном городе вдовы ростовского князя все-таки должны были быть известны тем, кто занимался летописанием на северо-востоке Руси. К тому же Чернигов находился на пути из Владимира в Киев. Сообщение между этими двумя городами существовало и после нашествия, тем более что владимирский князь Ярослав Всеволодович фактически был наделен в Орде полномочиям великого князя киевского[71], а, значит, информация о князе, оборонявшим Чернигов, должна была быть известна и в Киеве, и во Владимире. Тем не менее, одна из самых героических историй борьбы с завоевателями – сражение под Черниговым, где героически проявил себя князь Мстислав Глебович, так и не попала в летописание Суздальской земли.

Таким образом, анализ ранних летописных рассказов о событиях под Рязанью, Коломной и Черниговым, дает основания сделать следующие

---

[70] Нельзя также исключать, что имя епископа составитель рассказа Лавр. мог узнать из предшествующего текста летописи, в которой тот (в форме «Порфурий») упоминался под 6738 (1231) г. Впрочем, с черниговским владыкой Перфурием была знакома не только княгиня Мария Михайловна, при отце которой он служил в Чернигове, но и практически все суздальские и ростовские князья – Юрий, Ярослав, Святослав Всеволодовичи, а также Василько, Всеволод и Владимир Константинович (а, значит, и лица из их окружения), поскольку, согласно сообщению Лавр., черниговский епископ был отправлен в 1231 г. во Владимир для замирения Михаила Черниговского с Ярославом Всеволодовичем. См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 455-456.

[71] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470. Вполне возможно, что в свою последнюю поездку к татарам в 1245 г. Ярослав Всеволодович предпринял не из Владимира, а из Киева. См.: *Хаутала Р.* Ездил ли Александр Невский в Монголию? Несколько замечаний о поездках Александра Невского и его отца к монгольским правителям // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 203.

выводы. Во-первых, есть достаточные основания полагать, что трое погибших князей проявили храбрость при защите своей земли: это Юрий и Роман Инваревичи (согласно НПЛ, в период штурма Рязани и в ходе сражения под Коломной, соответственно), а также Мстислав Глебович (по версии Ипат., во время сражения под Черниговым). Однако апология их храбрости и мужества не входила в задачи книжников, рассказывавших о событиях, связанных с завоевание монголами Рязани, Коломны, Чернигова. Во-вторых, во всех трех перечисленных случаях мы имеем дело с достаточно определенной тенденцией, проявившейся в рассказе Лавр. о нашествии Батыя. Составитель этого рассказа вообще старался не распространяться о действиях, совершенных для организации отпора завоевателям теми правителями, которые не относились к княжеской династии Суздальской земли. А если этого невозможно было избежать, отводил им вспомогательную по сравнению со «своими» князьями роль, как это было сделано в рассказе Лавр. о сражении под Коломной. Рассказы двух других ранних летописных источников (НПЛ и Ипат.), судя по всему, были свободны от такого рода ограничений. Именно благодаря этому, в них и сохранились рассказы о проявления мужества и храбрости князей, не относящихся к правившей во Владимире династии.

2.1.2. Сыновья великого князя владимирского и оборона Владимира в историописании второй половины XIII в.

Лавр. – единственная летопись, которая в рассказе о нашествии Батыя упоминает сразу трех сыновей великого князя Юрия Всеволодовича – Всеволода, Мстислава и Владимира. Информация о двух последних носит уникальный характер – в других ранних летописных рассказах о нашествии они не упоминаются.

О боевом эпизоде, связанном с взятием татарами Москвы, сообщает только Лавр., в других ранних источниках о нашествии (НПЛ и Ипат.) рассказа об этом событии нет. По версии Лавр., после разорения Рязанского княжества

«татарове идоша к Москвѣ» и «тое же зимы взяша Москву»[72]. Каких-либо подробностей, касающихся поведения князя, находившегося в тот момент в городе (по версии Лавр., это был Владимир Юрьевич – сын великого князя владимирского Юрия Всеволодовича), составитель летописного рассказа не сообщал. В Лавр. говорится лишь о том, что татары «воеводу убиша Филипа Нянка за правовѣрную христьянскую вѣру», а князя Владимира взяли в плен («яша руками сына Юрьева»), москвичей же «избиша от старьца и до сущаго младенца, а град и церкви святые огневи предаша и манастъıри вси и села пожгоша, и много имѣнья въземше, отидоша»[73]. При описании захвата города составитель рассказа Лавр., также как и рассказе о разорении татарами Рязанской земли, использовал находившееся в летописи описание разгрома византийских побережий в 941 г. дружиной князя Игоря[74] («много же святых церквии огнем предаша, манастыре и села пожьгоша, и имѣнья немало <…> взяша»[75]).

---

[72] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460.

[73] Там же. Стб. 460-461.

[74] *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя… С .78. Ср.: *он же*. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. 4. С. 83-104.

[75] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461. Данное обстоятельство, а также явно не соответствовавшее реальной практике монголов указание на то, что воевода погиб не просто в бою, а «за правовѣрную христьянскую вѣру», в свое время дало основания Г.М. Прохорову выдвинуть гипотезу о том, что «повесть о нашествии Батыя» в составе Лавр. могла быть датирована временем составления самого Лаврентьевского списка (то есть 1377 г.), и одним из аргументов в пользу этого считал как раз специфику «московского эпизода». «В XIII в., - писал исследователь, - Москва была еще незначительным городком, и, поскольку ничего примечательного там не случилось, писать о ней было нечего (…) Лаврентьевская же посвящает взятию Москвы особый рассказ, наполовину состоящий из описания действий в Византии в X в. дружины князя Игоря (…) Сказать о Москве редактору было почти нечего, а сказать, стало быть, хотелось. Это стремление едва ли правдоподобно объяснимо применительно к XIII в. – равно к 30-м или 80-м годам, но совершенно естественно во

О том, как проявил себя в бою (и проявил ли вообще) князь Владимир Юрьевич, Лавр., видимо, либо ничего не знала, либо по каким-то причинам не хотела сообщать. Из ее рассказа следовало лишь, что в ходе обороны Москвы погиб княжеский воевода (либо пал в бою, либо был захвачен и убит завоевателями после боя[76]), а сам князь остался жив, хоть и попал в плен. В

второй половине XIV в.» (*Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя…. С .88). Со столь поздней датировкой нельзя согласиться не только с точки зрения текстологии (подробнее см.: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи... С. 22-30), но и с точки зрения анализа реалий того времени. Судьба Москвы интересовала книжников и до указанного Г.М. Прохоровым времени. Так у Рашид ад-Дина фигурирует некий город «Макар», в котором татарами был убит князь по имени «Улайтимур»: это имя исследователи переводят на русский как «Владимир» (*Рашид-ад-Дин.* Указ. соч. С. 39). Кроме того, не о Москве, но о москвичах, кратко упоминал и составитель рассказа НПЛ: в рукописи Синодального списка летописи часть фразы дефектна (ПСРЛ. Т. 3. С. 75. Прим. 2.), но она восстанавливается по НПЛ младшего извода, лучше сохранившей первоначальное чтение («москвичи же *побѣгоша*, ничегоже не видѣвше» (там же. С. 287). К какому моменту нашествия относилась эта фраза, не вполне ясно – то ли речь шла о поведении москвичей во время сражения у Коломны (поскольку фраза читается в НПЛ сразу после «коломенского эпизода», и тогда это означает, что там были и московские полки), то ли - о событиях, связанных уже со штурмом самой Москвы. Однако вне зависимости от того, к чему именно относилась сама фраза, упоминание «москвичей» свидетельствует о том, что интерес к Москве и москвичам возник существенно раньше времени создания рукописи монаха Лаврентия.

[76] Некоторые подробности о действиях Филиппа Нянка во время обороны Москвы и последующей его судьбе сообщают записи переводчика Академии наук Иоганна-Вернера Пауса, сделанные им (вероятно, в 20-30 гг. XVIII в.) на полях Никаноровской летописи. Согласно, записям Пауса, во время осады города татары «нача в него бити непрестанно. Воевода же Филипъ Няпскинъ всяде на конь свои и все воинство его с нимъ, и тако прекрепи лице свое знаменьем крестным, оттвориша у града Москвы врата и воскрича вси единогласно на Татаръ. Татарове же, мняше велику силу, убояися, нача бежати и много у них побито. Царь же Батый паче того с великою силою наступи на воеводу и жива его взяша, разсече его по частемъ и расбросаша по полю, град же Москву созже и весь до конца разорил, людей же всехъ и до младенецъ посекоша». Источник этих записей (судя по всему, легендарного происхождения), не установлен. При этом князь Владимир в записи Пауса не

этом смысле «московский эпизод» напоминал исход сражения под Коломной, где также погиб прибывший из Владимира воевода (Еремей Глебович), а князь остался жив (правда, в отличие от взятого в плен Владимира Юрьевича, его старший брат Всеволод в плен к татарам не попал и спасся бегством во Владимир).

Оборона самого Владимира, судя по всему, произвела большое впечатление на врагов. По крайней мере, спустя семь десятилетий в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дин, кратко рассказывая об этом эпизоде нашествия, отметил главное – мощное сопротивление, которое оказали жители города: «Осадив город Юргия Великого, взяли (его) *в восемь дней*. Они *ожесточенно дрались*. Менгу-каан лично совершал богатырские подвиги, пока не разбил их (русских)»[77]. Поскольку Лавр., НПЛ и Ипат. также сообщали об обороне и

упоминался. См.: ПСРЛ. Т., 27. М., Л., 1962. С. 158. Подробнее: *Горский А.Д.* К вопросу об обороне Москвы в 1238 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 176-184.

[77] *Рашид-ад-Дин.* Указ. соч. С. 39. Впрочем, какой именно город «Юргия Великого» имел в виду Рашид ад-Дин, точно установить нельзя. По логике вещей речь, конечно, должна была идти о стольном Владимире. Однако в западных источниках в качестве главного города великого князя Юрия Всеволодовича долгое время фигурировал Суздаль. Именно взятие этого города рассматривал в качестве кульминации похода Батыя архидиакон Фома из Сплита. См.: *Фома Сплитский*. История архиепископов Салона и Сплита. Вступительная статья, перевод, комментарий О. А. Акимовой. М., 1997. С. 104. Интересно, что из рассказа, дошедшего в составе Ипат., передающего южнорусский взгляд на события, не очень понятно, где именно, с точки зрения летописца, пребывал Юрий накануне нашествия – в Суздале или во Владимире: «Кюръ Михайловичь же утече со своими людми *до Сужда*ля и поведа великому князю Юрьеви безбожных *агарянъ* приходъ, нашествие». Ср.: «Побѣжену бывшу Всеволоду, исповѣда отцю бывшую брань устремленыхъ на землю и грады его. Юрьи же князь, оставивъ сынъ свой *во Володимерѣ* и княгиню, изииде изъ града…» См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779. Как установил А.А. Горский, «понятие «суздальский» долгое время, с середины XII до начала XIV в., служило объединяющим политическим термином для Северо-Восточной Руси. Термины «Суздальская земля» и «Суздаль» фактически являлись общепризнанными (в том числе за пределами Руси) названиями государства,

последующем взятии татарами Владимира, мы имеем дело еще с одним нечастым случаем, когда есть возможность сопоставить информацию не только сразу трех ранних русских летописных источников об одном из главных событий Батыева нашествия, но соотнести ее с оценками, сохранившимися в исторической памяти «другой стороны» и дошедшими в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина.

Из трех ранних летописных рассказов о нашествии только в одном – причем, созданном не на северо-востоке, а на юго-западе Русской земли и дошедшем в составе Ипат. – содержатся сведения об активном сопротивлении защитников Владимира. Для описания борьбы владимирцев с татарами в Ипат. трижды используется определение «крепко». «Батыеви же стоящу у града, *борющуся крѣпко* о градъ…», после призыва «преподобного Митрофана епископа: «Чада, не убоимся о прельщеньи от нечестивых…», как указывает Ипат., «вси начаша *крѣпко боротися*…» и, наконец, «увидѣвъ князь Всеволодъ, яко *крѣпчѣе брань* належить, убояся…»[78]. При это ни «своя» для Суздальской земли Лавр., ни новгородская летопись (НПЛ) вообще не упоминали о сопротивлении, оказанном захватчикам жителями главного города Северо-Восточной Руси[79]. Если, конечно, не считать указания Лавр. о том, что «володимерци пустиша по стрѣлѣ на татары, и татарове тако же пустиша по стрѣлѣ на Золотая ворота»[80].

Драматизм ситуации, складывавшейся в начале 1238 г. вокруг Владимира, был связан с тем, что оборона крупнейшего укрепленного пункта

управлявшегося потомками Юрия Долгорукого». Да и полный титул верховного правителя Северо-Восточной Руси с конца XII до конца XIII в. звучал как «великий князь суздальский». См.: *Горский А.А.* Понятие «суздальский» в политическом лексиконе XII - XIV вв. // На пороге тысячелетия: Суздаль в истории и культуре России. К 990-летию первого упоминания Суздаля в древнерусских летописях. Владимир, 2015. С. 27-32.

[78] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

[79] Там же. Т. 3. С. 75-76; Т. 1. Стб. 461-463.

[80] Там же. Стб 461.

Суздальской земли происходила в отсутствие верховного правителя этой территории – великого князя владимирского. Все три ранние летописи сообщали о том, что Юрий Всеволодович покинул Владимир. По версии Лавр., «тое же зимъı въıѣха Юрьи из Володимеря в малѣ дружинѣ, урядивъ сыны своя в собе мѣсто -- Всеволода и Мстислава»[81]. Примерно так же сообщала об отъезде великого князя Ипат.: «Юрьи же князь оставивъ сынъ свои во Володимерѣ и княгиню, изииде изъ града[82]. Составитель НПЛ, видимо, гораздо более критично настроенный по отношению к Юрию Всеволодовичу, также подтверждал отъезд великого князя из столицы, однако, предлагал иную версию: «князь же Юрьи выступи изъ Володимиря и бѣжа на Ярославль»[83]. О том, что Юрий вместо себя («в собе мѣсто») оставил не одного, а двух своих сыновей, сообщала только Лавр., и только она упоминала в этой связи князя Мстислава. Ни НПЛ, ни Ипат. о его участии в обороне Владимира не сообщали: согласно их трактовкам событий, в столице оставался только старший сын Юрия – 24-летний князь Всеволод.

Рассказы Ипат. и НПЛ не позволяют говорить о храбром поведении князя Всеволода Юрьевича. Скорее, наоборот. Как было отмечено в предыдущей главе, согласно версии Ипат., в самый решительный момент боя князь Всеволод попросту испугался («увидѣвъ князь Всеволодъ, яко *крѣпчѣе брань* належить, *убояся*»). Именно поведение Всеволода Юрьевича, согласно Ипат., и предопределило исход обороны Владимира[84]. НПЛ более нейтрально описывала поведение Всеволода в осажденном Владимире, но и из ее рассказа также нельзя сделать вывод о мужественном поведении князя, поскольку о его собственно *военных* действиях НПЛ ничего не сообщала. В этом смысле справедливо мнение В.А. Кучкина, что «как полководец или воин» князь в

[81] Там же.

[82] Там же. Т. 2. Стб. 779.

[83] Там же. Т. 3. С. 75.

[84] Там же. Т. 2 Стб. 779-780.

новгородском повествовании о Батыевом нашествии себя никак не проявил[85]. Первое, что сделал Всеволод Юрьевич, по версии НПЛ - увидев, что город уже взят, (получается, что он наблюдал за сражением, но в нем не участвовал) *«внидоша»* в церковь святой Богородицы и *принял постриг*[86]. Второе, что сделал Всеволод, согласно НПЛ, увидев (опять!), что город зажжен, *«вбѣгоша»* в ту же церковь святой Богородицы, «затворишася в полатѣ», где и был вместе с другими заживо сожжен татарами[87]. Такую трактовку событиям давали «чужие» по отношению к владимирской княжеской династии летописцы, которые при этом вполне могли опираться на информацию каких-то недошедших до нас, более ранних владимирских источников[88].

В Лавр. сюжет об осаде Владимира занимает четверть пространства рассказа о нашествии (3,6 тыс. из 14,3 тыс. знаков, или 25%), лишь немного уступая по объему повествованию о действиях великого князя Юрия Всеволодовича (3,8 тыс. знаков, или 27%). Это самый подробный рассказ о событиях, связанных с обороной столицы Суздальской земли, что не удивительно, поскольку летопись, по всей видимости, была составлена на основе известий владимирского и ростовского происхождения[89].

---

[85] *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 7.

[86] Судя по всему, точно также вели себя в аналогичной обстановке венгры, спасавшиеся от татар бегством и рассчитывавшие укрыться под защитой городских стен. Фома Сплитский так описывал их поведение: «венгры при виде их (то есть татарских – *В.Р.*) знамен оцепенели, и *их охватил такой страх*, что все они *бросились к церкви и с великим трепетом приняли святое причастие, не надеясь больше увидеть света этой жизни*». См.: *Фома Сплитский*. Указ. соч. С. 118.

[87] ПСРЛ. Т. 3. С. 75-76.

[88] По мнению Р.А. Беспалова, в данном случае имела место дублировка одного и того же известия, возникшая в результате сведения двух письменных источников, схожих друг с другом и имевших владимирское происхождение. Подробнее см.: *Беспалов Р.А.* Указ. соч. С. 29.

[89] *Приселков М.Д.* История русского летописания XI-XV вв. СПб., 1996. С. 99-165; *Насонов А.Н.* История русского летописания … С. 80-225.

Обращает на себя внимание то, что составитель Лавр., судя по всему, знал о бытовании разных трактовок поведения Всеволода Юрьевича. Это подтверждается тем обстоятельством, что отголоски рассказов НПЛ и Ипат. нашли отражение в тексте самой Лавр. В своем время А.Ю. Бородихин заметил, что «даже при отсутствии полного текстологического тождества» НПЛ, Лавр. и Ипат. до определенного момента «довольно сходно излагают обстоятельства пленения Батыем древнерусских княжеств. При этом устанавливается некоторый ряд соответствий между памятниками, позволяющий говорить об их родстве по линии источников, до нас не дошедших и не отразившихся в каких-либо других летописных сводах»[90].

Судя по всему, история дошедших до нас текстов была крайне сложна, и поэтому восстановить картину их взаимоотношений друг с другом можно лишь гипотетически. Скорее всего, рассказы и Ипат., и НПЛ об осаде Владимира могли иметь в своей основе какой-то недошедший источник или источники, происходившие из Суздальской земли (возможно, владимирский или ростовский) и предшествующие более позднему и более «литературному» рассказу Лавр. М.Д. Приселков, имея в виду именно это, отмечал, что при составлении рассказа о нашествии, дошедшего в Ипат., «был использован какой-то северный летописный текст». По мнению исследователя, отражением этого текста стало сообщение Ипат. о том, что князь Всеволод выходил из городу с дарами к Батыю. Исследователь полагал, что подобный фрагмент содержался и в «северном своде»[91], однако, в Лавр. рассказ о гибели князя, равно как и финал штурма города, оказались «потеряны». Как полагал М.Д.

---

[90] *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 36.

[91] Эту точку зрения разделяют и новейшие комментаторы галицко-волынской летописи, которые полагают, что «только оттуда (т.е. из суздальской летописи. – В.Р.) можно было узнать имя епископа Митрофана, а также узнать то, что епископ с княгиней попытались спрятаться в церкви, где погибли под огнем». См. подробнее: Галицько-Волиньский літопис. Текстологія. За ред. О.П. Толочка. Кіев., 2020. С. С. 299 (комм. В.И. Ставиского).

Приселков, «этот пробел являлся случайностью, т.е. дефектом переписки»[92]. Однако в изначальном варианте (исследователь предполагал его ростовское происхождение) рассказ об этом был, что нашло, по мнению М.Д. Приселкова, косвенное подтверждение в отрывке Лавр., в котором сообщалось, что великий князь Юрий Всеволодович узнал на Сити, что «старѣйшая сына Всеволодъ с братом *внѣ града* убита»[93]. Вполне вероятно, что выпадение соответствующего сюжета Лавр. произошло в результате более поздней редакторской работы. Р.А. Беспалов полагает, что «имевшееся в ранних северо-восточных источниках сообщение об обстоятельствах гибели князя Всеволода и Мстислава Юрьевичей «вне града» было изменено составителем архетипа Повести, отразившейся затем в ЛЛ» (т.е. в Лавр. – *В.Р.*).[94] Нельзя исключать использование летописцами и соответствующей устной информации, которая также могла отразиться в анализируемых текстах[95].

О близкой связи рассказов Лавр. и НПЛ свидетельствует сходство финальных сцен гибели Владимира и его жителей. Это и упоминание в обоих текстах мясопустной недели, и указание на то, что татары «отыниша/огородиша тыном» город, и согласие обоих рассказов по поводу имени епископа (Митрофан), времени действия («на заутрье»/»по заутрени») и места гибели княжеской семьи («церковь святой Богородицы»), и близость фразы НПЛ о том, что жители «огнемь кончаваются» с фразой Лавр. «огнемь

---

[92] *Приселков М.Д.* История русского летописания… С. 143-144. Ср. с мнением Я.С. Лурье, изложенным в примечании к изданию книги М.Д. Приселкова: «Использование в данном рассказе Ипат. (…) не дошедшего до нас фрагмента Владимирского свода имеет предположительный характер, так как фрагмента этого нет в Лавр. и соответствующий рассказ 1237 г. не может быть проверен по параллельной ей Тр., где раздел за 1235-1237 гг. не восстановлен, ибо в близкой к Тр. с 1177 г. Сим. он был заменен более поздним рассказом Московского свода» (См.: там же. С. 269. Прим. 87).

[93] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.

[94] Подробнее см.: *Беспалов Р.А.* Указ. соч. С. 32, 38

[95] *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 7-8, 14-15.

скончашася», а также сообщения том, что горожане «предавше душа своя Господеви» (НПЛ) и словами из молитвы епископа о них же: «приими в миръ душа рабъ своихъ» (Лавр.).

НПЛ	**Лавр.**
Безаконьнии же Измаильти приближишася къ граду, и оступиша градъ силою, и *отыниша тыномь всь*. И бысть *на заутрье*, увидѣ князь Всеволодъ и владыка Митрофанъ, яко уже взяту быти граду, *внидоша въ церковь святую Богородицю*, и истригошася вси въ образъ, таже въ скиму, от владыкы Митрофана, *князь и княгыни, дчи и сноха, и добрии мужи и жены*. И яко уже безаконьнии приближишася, поставивше порокы, взяша град и запалиша и огнемь, *в пяток преже мясопустныя недѣли*[96].	В *суботу мясопустную* почаша наряжати лѣсы, и порокы ставиша до вечера, а на ночь *огородиша тыном* около всего города Володимеря. В *неделю мясопустную* по *заутрени* приступиша к городу[97]

Обе версии сближает и описание ситуации, когда жители во главе с епископом, княгиней «съ дчерью, и с снохами» (Лавр. добавляет к этому списку «з дѣтми» и «со внучаты»), пытаясь спастись в церкви, там и погибают. В этой части НПЛ и Лавр. оказываются близки и рассказу Ипат.

НПЛ	**Ипат.**	**Лавр.**
И увидѣвше *князь и владыка и княгыни*, яко	*Епископу* же преподобному во	А *епископъ Митрофанъ, и княгыни*

[96] ПСРЛ. Т. 3. С. 75.

[97] Там же. Т. 1. Стб. 462.

зажженъ бысть градъ, а людье уже *огнемь кончаваются*, а инии мечемь, вбѣгоша *въ святую Богородицю* и *затворишася* в полатѣ. *Погании же, отбивше двьри*, зажгоша церковь, наволочивше лѣса, и издвушиша вся: *ти тако скончашася*, *предавше душа своя Господеви*[98]	церковь убѣгшу *со княгинею и с дѣтми*, и повѣлѣ нечестивый огньмь зажещи, ти тако *душа своя предаша в руцѣ Богу*[99]	*Юрьева съ дчерью, и с снохами, и со внучаты и прочиѣ, княгини Володимеряя с дѣтми,* и множество много бояръ, и всего народа людий *затворишася в церкви святыя Богородица*. И тако огнем безъ милости запалени быша. И помолися боголюбивый епископъ Митрофанъ, глаголя: «Господи Боже <…> простри руку свою невидимо и *приими в миръ душа рабъ своихъ*»; и *тако скончашася*. *Татарове же силою отвориша двери* церковныя и видѣша овы огнем скончавшася, овы же оружьем до конца смерти предаша <…> Яко приде вѣсть к великому князю Юрью:

[98] Там же. Т. 3. С. 75-76.

[99] Там же. Т. 2. Стб. 780.

		«Володимерь взятъ, и церкы зборъная, *и епископъ, и княгини з дѣтми, и со снохами, и со внучаты огнемь скончашася*[100],

Исходя из этого, есть основания полагать, что составитель рассказа Лавр. знал о тех трактовках поведения сына великого князя, которые отразились в НПЛ и Ипат., поскольку в основе его повествования изначально лежал более ранний текст, в свою очередь, близкий к тем, что легли в основу версий Ипат. и НПЛ. Судя по всему, ни одна из этих трактовок не удовлетворяла книжника, составлявшего рассказ Лавр. С его точки зрения, в них было, что исправлять и сглаживать: Ипат. прямо обвиняла князя Всеволода в том, что он «убоялся» и фактически сдался врагу, обрекая на гибель город, а НПЛ давала понять, что никаких военных действий князь не предпринимал, смиренно ожидая своей участи, а мученическую смерть нашел, спасаясь от татар вместе с остальными горожанами под сводами храма. Однако, если трактовку, отразившуюся в Ипат. (самую уничижительную по отношению у Всеволоду) составитель рассказа Лавр. попытался скорректировать, то отразившуюся в НПЛ (изображающую князя, конечно, не героем и не трусом, а просто набожным и смиренным человеком) фактически полностью подтвердил, видимо, рассудив, что такой способ реабилитации князя более предпочтителен. Не исключено, что приписать Всеволоду героические черты книжник попросту не имел возможности, поскольку в момент составления текста память о поведении князя могла быть еще свежа. Возможно также, составитель рассказа Лавр. и не ставил перед собой такой задачи. Как бы то ни было, ему оказалось проще дать более комплиментарное

[100] Там же. Т. 1. Стб. 463.

объяснение тем действиям, о которых было известно, нежели *приписывать* князю прямо противоположные его реальному поведению поступки.

Сделать такой вывод позволяет наличие в рассказе Лавр. сюжета, в котором предлагалось объяснение того, почему сыновья великого князя в принципе *могли* оказаться за крепостными стенами Владимира. Если Ипат. преподносила такое развитие событий однозначно как результат *трусости* князя («убояся, бѣ бо и самъ младъ <…> надѣяше бо ся от него животъ прияти»), то Лавр. – как следствие *жалости*, которую князья испытали, увидев плененного татарами младшего брата Владимира, с одной стороны, и как проявление готовности разделить его судьбу (и даже шире – стремление добровольно отдать себя на заклание), с другой. Вероятно, это вполне вписывалось в общую концепцию составителя рассказа Лавр.: еще А.Н. Насонов отмечал, что переработка летописного материала при составлении рассказа Лавр. о нашествии «делалась с целью показать читателю братское единение князей, дать образцы княжеского согласия и взаимной любви»[101].

Рассказ о сыновьях великого князя, оставшихся в осажденном Владимире, как нельзя лучше соответствовал подобному замыслу. Отвечало замыслу и упоминание, наряду с Всеволодом, князя Мстислава: не один, а два князя, находившихся в осажденном Владимире и готовых в смирении принять неизбежную смерть, создавали вполне понятные параллели с двумя другими братьями – святыми Борисом и Глебом. Неслучайно составитель летописи, помимо прочего, снабдил свое повествование цитатами из текстов, имевшим прямое отношение к рассказам о гибели Бориса и Глеба, читающимися в той же Лавр. под (6523)1015 годом[102]. При этом подход составителя Лавр., как и автора рассказа НПЛ, состоял в том, что само нашествие – это «кара Господня за грехи», а татары – инструмент наказания: коль скоро завоеватели

[101] *Насонов А.Н.* История русского летописания …С. 193.

[102] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 135-141. Г.М. Прохоров убедительно доказал эти текстуальные параллели. Подробнее см.: *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя …. С .80.

действовали в рамках Промысла Божьего, значит, противостоять им с оружием в руках было бессмысленно, и единственный путь спасения состоял в смирении и покаянии.

Ключ к пониманию мотивов поведения сыновей великого князя дает анализ их диалога с воеводой Петром Ослядюковичем, содержащийся в самом начале рассказа об осаде Владимира. Речь идет о сюжете, повествующем о том, как татары привели под стены осажденной столицы плененного ими во время осады Москвы князя Владимира Юрьевича – родного брата Всеволода и Мстислава. Имеет смысл привести интересующий нас фрагмент Лавр. полностью: «Всеволод же и Мстиславъ сжалистаси брата своего дѣля Володимера и рекоста дружинѣ своей и Петру воеводѣ: «Братья, *луче ны есть умрети перед Золотыми враты* за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру христьяньскую». *И не да воли ихъ быти* Петръ Ослядюковичь. И рекоста оба князя: «Си вся наведе на ны Богъ грѣх ради наших, яко же пророкъ глаголет: «*Нѣсть человеку мудрости, ни е мужства, ни есть думы противу Господеви*[103]. Яко Господеви годѣ бысть, тако и бысть. Буди имя Господне благословено в вѣкы». Створися велико зло в Суждальской земли, яко же зло не было ни от крещенья, яко же бысть нынѣ; но то оставим»[104].

Обычно вышеприведенный текст интерпретируют в том смысле, что, увидев плененного татарами брата, князья Всеволод и Мстислав решили выйти за городские стены, чтобы дать бой завоевателям. Традиция подобного «героического» толкования была заложена еще В.Н. Татищевым, писавшим, что «*князи яко люди молодые хотели выехать за город с татары биться*, но воевода Петр рассудил им, что, видя татар великое множество, не возможно

[103] Притч. 21:30. Автор рассказа Лавр. заимствовал эту цитату из рассказа той же летописи о неудачном походе князя Игоря Святославича на половцев, находящегося в Лавр. под 6694/1186 г. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 398. Подробнее см.: *Лаушкин А.В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019. С. 102.

[104] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461-462.

нам малым числом их неколико тысяч победить (…) довольно нам, когда можем из-за стен обороняться, и град от нападения сохранять»[105]. Примерно так же трактовал поведение князей и М.М. Щербатов[106]: «князья Всеволод и Мстислав <…> хотели учинить вылазку из града на татар, но вышеупомянутый воевода Петр Ослядякович стремление их храбрости удержал». Следуя этой трактовке, М.М. Щербатов основную вину возлагал на воеводу, который, по его мнению, «полагая нашествие татар казнию Божескою на Россию, коей сопротивляться не можно, не храбрость, но робость умножал»[107]. Н.М. Карамзин в третьем томе «Истории государства Российского» подкрепил тезисы своих предшественников, развернув их при помощи стилизованного под летописный текст диалога: «*Пылая мужеством, Всеволод и Мстислав желали битвы*. «Умрем – говорили они дружине – но *умрем с честью и в поле*». Опытный воевода Петр *удержал их*, надеясь, что Георгий (т.е. великий князь Юрий Всеволодович – *В.Р.*), собрав войско, успеет спасти отечество и столицу».[108]. При этом в примечании к данному тексту Н.М. Карамзин отмечал, что в Никоновской летописи (далее – Ник.) «воевода Петр считал моголов бичем Небесным» и далее исправлял информацию Ник.,

---

[105] *Татищев В.Н.* История Российская. Кн. 3. СПб., 1774. С. 472-473.

[106]М.М. Щербатова справедливо считают автором «первого опыта связного и полного прагматического изложения русской истории», обобщающего труда, написанного «не в форме летописного свода, а как историческое исследование в истинном понимании сути этого метода». См. подробнее: *Милюков П.Н.* Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 63; *Мухаметов Ф.Ф.* Отечественная историография монгольского завоевания Руси. Дис. … д-ра ист. наук. М, 2007. С. 112. Работая над своей «Историей», он, судя по всему, не был знаком с рукописью «Истории» В.Н. Татищева: публикация соответствующих томов их произведений происходила практически одновременно: третий том написанной тремя с лишним десятилетиями ранее «Истории» В.Н. Татищева вышел в 1774 г., второй том «Истории» М.М. Щербатова чуть раньше, в 1771 г., а третий – в том же 1774 г.

[107] *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. II. СПб., 1771. С. 566.

[108] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 2-3. М., 1991. С. 510. Эта трактовка перекочевала впоследствии и в художественную литературу. См.: *Ян В.* Батый. М., 1984. С. 307.

ссылаясь при этом на Лавр. (он называл ее «Пушкинской» по имени владельца – А.И. Мусина-Пушкина) и на недошедшую до нас Троицкую летопись (далее – Тр.): «*не воевода, а князья так рассуждали*: «и рекоста оба князя: «си ся наведе на ны Бог»[109]. Однако в основном тексте «Истории государства Российского» диалог князей с воеводой почему-то (скорее всего, как более впечатляющий воображение читателей и, с точки зрения Н.М. Карамзина, более соответствующий патриотическому пафосу «Истории») передавался при помощи цитаты из Ник. Примерно так же описывал поведение князей С.М. Соловьев: «возбужденные этим видом (плененного брата. – *В.Р.*), князья Всеволод и Мстислав хотели было немедленно выехать из Золотых ворот и *биться с татарами*, но были *удержаны* воеводою Петром Ослядюковичем»[110]. Вслед за классиками отечественной историографии «героическую» трактовку поведения князей подхватили и последующие поколения исследователей, полагавшие, что «охваченные отчаянием и жалостью, молодые князья готовы были немедленно *броситься в бой, принять неизбежную смерть*. Однако сохранивший хладнокровие *воевода Петр остановил их* - может быть, и напрасно» (курсив мой. – *В.Р.*)[111].

Между тем, в изначальной версии, дошедшей в Лавр., на что обратил внимание сам Н.М. Карамзин, разговор князей с воеводой был иным: во вложенной в уста Всеволода и Мстислава фразе не было противопоставления - «луче есть умрети, *нежели* воли ихъ (то есть татар. – *В.Р.*) быти». Фраза Лавр. «*и не да* воли ихъ быти» относилась к воеводе Петру Ослядюковичу, и касалась она самих князей, коим воевода не дал сделать то, что они

---

[109] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 2-3. С. 639 (прим. 363).

[110] *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1988. Т. 3. С. 137-138.

[111] *Карпов А.Ю.* Батый… С. 66. Ср.: *Хрусталев Д.Г.* Русь от нашествия до «ига». 30-40 гг. XIII в. СПб., 2008. С.111; *Гальперин Ч.* Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. С- 40-41 и др.

намечали[112]. Судя по выпискам Н.М. Карамзина, точно так же этот фрагмент выглядел и в недошедшей до нас Тр., на протяжении до 1305 года отражавшей общий с Лавр. источник[113]. М.Д. Приселков писал, что «эта выписка ясно доказывает близость Л (Лавр. – *В.Р.*) к Т (Троицкой летописи. – *В.Р.*) в изложении этого повествования»[114]. О том, что именно такое чтение было изначально, свидетельствует и текст Владимирского летописца XVI в., который, по мнению Л.Л. Муравьевой, «тесно связан с Троицкой летописью», в результате чего «сходные для них тексты восходят к одному протографу»[115].

Сам по себе «разговор» князей с воеводой имел книжное происхождение. Г.М. Прохоров убедительно доказал, что при создании этого текста составитель рассказа, дошедшего в Лавр., воспользовался фрагментами, с одной стороны, повествования о походе князя Игоря

---

[112] Именно так и была переведена эта фраза на современный русский язык специалистами Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН при издании рассказа о нашествии Батыя в третьем томе серии «Памятники литературы Древней Руси»: «Всеволод же и Мстислав пожалели брата своего Владимира и сказали дружине своей и Петру-воеводе: «Братья, лучше нам умереть перед Золотыми воротами за святую Богородицу и за правоверную веру христианскую»; *но не разрешил им этого* Петр Ослядюкович». См.: ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 137.

[113] См.: *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 2-3. С. 639. Прим. 363.

[114] См. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., Л., 1950. С. 314. Прим. 2.

[115] Ср.: ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 88. Подробнее см.: *Муравьева Л.Л.* Об общерусском источнике Владимирского летописца // Летописи и хроники. Сб. статей. 1973. М., 1974. С. 143-149. По мнению М.Н. Тихомирова, имея сходство с Лавр. и с Сим., Владимирский летописец «вместе с тем на всем своем протяжении от начала до 1391 (6899) г. близок к вариантам сгоревшей Троицкой летописи», насколько эта летопись известна нам по сохранившимся у Н. М. Карамзина выпискам». *Тихомиров М.Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 13-20; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи ... С. 27.

Святославовича на половцев, а, с другой, «поучения о казнях Божиих», которые, в свою очередь, опирались на цитаты из Священного Писания[116].

Источники рассказа Лавр. о нашествии	**Рассказ Лавр. о нашествии (сыновья великого князя)**
1185 г.: «*се же ся здѣя грѣх ради наших (...) се же наведе на ны Бог»* [117]	**1238 г.:** «и не да воли ихъ быти Петръ Ослядюковичь. И рекоста оба князя: *«Си вся наведе на ны Богъ грѣх ради наших»;* яко же *пророкъ глаголет: «Нѣсть человеку мудрости, ни е мужства, ни есть думы противу Господеви. Яко Господеви годѣ бысть, тако и бысть. Буди имя Господне благословено в вѣкы»*[118]
1186 г.: «не вѣдуще глаголемаго *пророком: нѣсть человеку мудрости, ни есть мужства, ни есть* думы противу Господеви» *(Исайя, 10:14, Притчи, 21:30*)[119]	
1093 г.: «*Яко Господеви любо бысть, тако и бысть. Буди имя господне благословено в вѣкы». (Иов, 1:21-22).*[120]	

Из этой части Лавр. следует как раз обратное тому, о чем шла речь в работах целого ряда исследователей, начиная от В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина: оставшиеся во Владимире князья, скорее, заявляли о готовности пожертвовать собой, подчинивших Божье воле, нежели с оружием в руках начать борьбу против «попущения Божия»[121]. Именно так и следует понимать фразу, вложенную составителем Лавр. в уста братьям: «*луче ны есть умрети*

[116] Подробнее см.: *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя… С. 78.

[117] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 392.

[118] Там же. Стб. 462

[119] Там же. Стб. 395, 398.

[120] Там же. Стб. 223.

[121] Подробнее см.: *Рудаков В.Н.* Штурм столицы Суздальской Руси в 1238 г. в русском летописании второй половины XIII - XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 4 (102). С. 187-188.

перед Золотыми враты за святую Богородицю и *за правовѣрную вѣру христьяньскую*», и слова об ответных действиях воеводы: «и не да воли *ихъ* быти Петръ Ослядюковичь».

Такая трактовка произошедшего («*нѣсть человеку мудрости, ни е мужства, ни есть думы противу Господеви*. *Яко Господеви годѣ бысть, тако и бысть*»[122]) полностью соответствовала «идеологии» рассказа НПЛ. При этом мотив самопожертвования вписывался (причем, с помощью тех же слов!) составителем рассказа Лавр. и в логику поведения отца Всеволода и Мстислава – великого князя Юрия Всеволодовича. Согласно Лавр., узнав о взятии Владимира татарами и гибели своих ближайших родственников, Юрий «възпи гласомь великым со слезами, плача *по правовѣрнѣй вѣрѣ христьяньстѣй*», после чего «нача молитися, глаголя: «Увы мнѣ, Господи, *луче бы ми умрети,* нежели жити на свѣтѣ семь. Нынѣ же что ради остах азъ единъ?»[123]. Фактически Юрий Всеволодович озвучивал ту же мысль, что и его сыновья, мечтая *о смерти,* а вовсе *не о борьбе*, причем, чтобы подчеркнуть это, составитель рассказа Лавр. воспользовался той же самой цитатой из летописного рассказа о гибели святых Бориса и Глеба.

Источники рассказа Лавр. о нашествии	**Рассказ Лавр. о нашествии (великий князь Юрий Всеволодович)**	**Рассказ Лавр. о нашествии (сыновья великого князя)**
1015 г.: «Се слышав, Глѣб *възпи* велми *с слезами,*	**1238 г.** Он же, се слышав, *възпи* гласомь великым *со слезами, плача* по правовѣрнвй вѣрѣ	**1238 г.** Володимерцем не отворящимся, приѣхаша татари к Золотым воротом, водя с собою

[122] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 462. Ср.: «но уже бяше *Божию гнѣву не противитися*…». См.: там же. Т. 3. С. 75.

[123] Там же. Т. 1. Стб. 465.

плачася по отци, *паче же* по братѣ»[124]. **1206 г.:** «*новый Иов* явльшися вѣрою и терпѣньем <…> И Данилъ рече: свѣт мой *годѣ ти буди…»*[125]. **1015 г.:** (князь Глеб) «нача молитися *с слезами*, глаголя: *Увы мнѣ, господи, луче бы ми умрети с братомь, нежели жити на свѣтѣ семь <…> Нынѣ же что ради остах аз един? <…> И сице ему молящюся с слезами, се внезапу придоша* послании от Святополка…»[126] **1015 г.:** (князь Борис) «*Господи, услыши молитву мою и не вниди в суд с рабом своим, яко не оправдится пред тобою всяк живый, яко погна враг душю мою* <…>	христьяньстѣй, преже и *на(и)паче* о церкви <…> …рек: Господи, се ли бы *годѣ* твоему милосердью? *новый Иов* бысть *терпѣньем и вѣрою* яже к Богу. И нача молитися, глаголя: *Увы мнѣ, господи, луче бы ми умрети нежели жити на свѣтѣ семь. Нынѣ же что ради остах аз един? И сице ему молящюся со слезами, и се внезапу поидоша* Татарове. Он же, отложив всю печаль, глаголя: *Господи, услыши молитву мою и не вниди в суд с рабом своим, яко не оправдится пред тобою всяк живый, яко погня враг душю мою.* И пакы второе помолися: *Господи Боже мой, на тя уповах, и спаси мя и от*	Володимера Юрьевича, брата Всеволожа и Мстиславля. (…) И приѣхаша близь к воротом, и начаша татарове молвити: «Знаете ли княжича вашего Володимера?» Бѣ бо унылъ лицем. Всеволодъ же и Мстиславъ стояста на Золотых воротѣх и познаста брата своего Володимера. О умиленое видѣнье и *слезъ* достойно! Всеволодъ и Мстиславъ с дружиною своею и вси гражане *плакахуся*, зряще Володимера. Всеволод же и Мстиславъ сжалистаси брата своего дѣля Володимера и рекоста дружинѣ своей и Петру воеводѣ: «Братья, *луче*

[124] Там же. Стб.136.

[125] Там же. Стб. 425.

[126] Там же. Стб.136.

Господи Боже мой, на тя уповах, и спаси мя и от всѣх гонящих избави мя…»[127]	*всѣх гонящих избави мя»*[128].	*ны есть умрети* перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру христьяньскую…»[129]

Использование отцом и сыновьями одинаковой речевой конструкции объясняется тем, что автор повествования в обоих местах прибегал к цитированию одного и того же текста. Как показал Г.М. Прохоров, в этом месте рассказа составитель (как уже отмечалось, активно привлекавший предшествующий летописный материал) использовал цитату из статьи той же Лавр., повествующей о гибели святого князя Глеба Владимировича[130]. Узнав об убиении брата Бориса подосланными Святополком Окаянным убийцами, Глеб, согласно летописному рассказу Лавр., «нача молитися *с слезами*, глаголя: «Увы мнѣ, господи, *луче бы ми умрети с братомь, нежели жити на свѣтѣ семь* <…> Нынѣ же что ради остах аз един?». Именно в этот момент к нему пришли убийцы («внезапу придоша послании от Святополка…») и зарезали Глеба «акы агня непорочно»: «*принесеся на жертву Богови <…> и прия вѣнець*, вшедъ въ небеснъыя обители и оузрѣ желаемаго брата своего, и радовашеся с нимь неиздреченьною радостью, юже оулучиста братолюбьемь своимь»[131].

Таким образом, проясняется смысл слов, вложенных в уста Всеволоду и Мстиславу автором рассказа. В трактовке Лавр., братья, вслед за своим святым «сродником» князем Глебом, сознательно отказывались от сопротивления, полагая бессмысленным противостоять Божьему Промыслу, поскольку «яко

[127] Там же. Стб. 133.

[128] Там же. Стб. 464-465.

[129] Там же. Стб. 461-462.

[130] *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя…. С. 80.

[131] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 136.

Господеви годѣ бысть, тако и бысть»: они мечтали погибнуть, чтобы принести себя в жертву, и тем самым снискать себе «венец», а вовсе не выйти на бой с татарами. Тему «братского единения князей», которая была свойственна рассказу Лавр. (в ней, напомним, в отличие от НПЛ и Ипат., действовал не один, а сразу три брата Юрьевича), следует возводить именно к этому первообразу – братским отношениям святых Бориса и Глеба, которым, согласно Лавр., намерены были подражать не только братья-Юрьевичи, но и сам великий князь Юрий Всеволодович

Важно отметить, что в отличие от Ипат., речь при этом не шла о трусости или малодушии князей. В изображении Лавр. они исходили из того, что, поскольку Господь «си вся наведе на ны грѣх ради наших», то сопротивление бесполезно, и гибель перед городскими вратами (фактически - добровольное заклание) – это ни что иное, как проявление готовности подчиниться Божьему Промыслу. В этом смысле воевода Петр Ослядюкович, наоборот, был изображен как человек, который действовал прямо противоположным образом – он не давал князьям сделать то, к чему они стремились. Призывая отказаться от их замысла, он фактически подталкивал князей не к смирению, а к сопротивлению. Однако результат, по мнению составителя Лавр., все равно был предрешен, и, в конечном счете, так и оказалось - город был взят, а его защитники, в том числе, и князья Всеволод и Мстислав, погибли. В этом контексте решение составителя Лавр. фактически воспроизвести фабулу рассказа НПЛ об обстоятельствах гибели княжеской семьи выглядит вполне логичным. После того, как воля Господня осуществилась и татары ворвались в город, оставленные в городе князья бежали в центральную часть Владимира («бѣжа Всеволодъ и Мстиславъ, и вси людье бѣжаша в Печерний городъ»). Однако о том, что князья пытались спастись под сводами храма, как это было описано в НПЛ, в Лавр. речь не шла (в этой связи в летописи были названы «епископъ Митрофанъ, и княгыни Юрьева съ дчерью, и с снохами, и со внучаты и прочиѣ, княгини Володимеряя с дѣтми, и множество много бояръ, и всего народа людий», о которых было сказано, что «овы огнем скончавшася,

овы же оружьем до конца смерти предаша»[132], но не князья Всеволод и Мстислав Юрьевичи).

Между тем, как уже было отмечено выше, после рассказа о взятии татарами Владимира составитель Лавр. вновь вернулся к судьбе сыновей великого князя, рассказывая о пребывании на реке Сити Юрия Всеволодовича. Вопреки той информации, которую он сообщал ранее (о том, что князья Всеволод и Мстислав бежали в Печерний город – то есть в древнейшую и центральную часть Владимира[133]), из этой части летописного рассказа следовало, что место гибели князей было совершенно иным: «Всеволодъ с братом *внѣ града* убита…»[134]. Это, по мнению ряда исследователей, подтверждает знакомство составителя Лавр. с той версией гибели князя Всеволода, которая попала в рассказ Ипат.[135]. Мотив составителя Лавр. вполне корректно реконструировал В.В. Каргалов, также полагавший, что князь Всеволод Юрьевич погиб именно так, как об этом сообщала Ипат. В этой ситуации, отмечал исследователь, составитель Лавр., «явно стремясь замолчать этот позорный эпизод, ограничивается туманным замечанием о том, что «Всеволодъ с братом вне града убиты»[136]. То, что в этом месте Лавр. была употреблена формула «старѣйшая сына Всеволодъ с братом», а не «Всеволод и Мстислав» (как это было на протяжении всего предыдущего повествования

---

[132] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 463. Это давало основание Г.М. Прохорову полагать, что, согласно версии Лавр., «Всеволода в храме не было». А.Ю. Карпов, наоборот, считает, что приведенный в Лавр. текст «можно понять в том смысле, что оба князя погибли вместе с прочими в подожженном татарами Успенском соборе». Ср.: *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя…. С .88; *Карпов А.Ю.* Батый… С. 69. В этой фразе читается отсыл к НПЛ, в который была использована схожая формула - «а людье уже *огнемь кончаваются, а инии мечемь*». Ср.: ПСРЛ. Т. 3. С. 75.

[133] *Карпов А.Ю.* Батый… С. 66-67.

[134] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.

[135] *Карпов А.Ю.* Батый…. С. 70. См. также: *Приселков М.Д.* История русского летописания… С. 143-144; *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя … С .88.

[136] *Каргалов В.В.* Русь и кочевники. М., 2008. С. 150-151.

Лавр. об обороне Владимира) также дает основание предполагать связь этого фрагмента с той версией событий, в которой фигурировал лишь один Всеволод и которую столь настойчиво (но, как мы видим, не всегда последовательно) пытался оспорить составитель Лавр.[137]

Впрочем, возможно, с точки зрения составителя Лавр. противоречия не существовало вовсе. По крайней мере, бросающаяся в глаза современным исследователям нестыковка, видимо, не сильно его смущала. Ведь в сюжете с воеводой Петром Ослядюковичем автор рассказа уже давал понять, каковы могли быть мотивы князей, если бы они собрались покинуть город – умереть «перед Золотыми враты», добровольно и смиренно принести себя в жертву. Таким образом, получалось, что в Лавр. они *изначально* собирались «изиити из града» - не потому, что «убоялись» и не из желания сохранить себе жизнь («*надѣяше животъ приятии*», как это было сформулировано в Ипат. в отношении князя Всеволода), а готовясь безропотно подчиниться Божьей воле. В начале осады они, благодаря позиции воеводы, не давшему «воли их быти», не смогли сделать того, что задумывали, но в момент, когда участь города была решена (а воевода, по всей видимости, погиб и, значит, уже не мог им воспрепятствовать), возможность реализовать первоначальный замысел у них вполне *могла* появиться вновь. А, значит, мотив княжеской

[137] Противоречивость обстоятельств гибели князей в изложении Лавр. иногда порождает фантастические трактовки поступка Всеволода, которые не находят даже косвенных подтверждений в источниках. Это относится, например, к предположению А.В. Кузьмина о том, что, «видя невозможность продолжать сопротивление», князь Всеволод Юрьевич якобы «отправился на переговоры с Батыем и вместе с братом был убит в ханской ставке за городом», а также к версии А.А. Кузнецова, полагающего, что «Всеволод и Мстислав либо пали с оружием в руках, либо были захвачены в плен и потом казнены в лагере монголов». (См.: *Кузьмин А.В.* Всеволод (Димитрий) Георгиевич // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 551; *Кузнецов А.А.* Князь великий Георгий… С. 163). На чем именно основаны подобные предположения, судить трудно. В своей более поздней по времени работе А.А. Кузнецов осторожнее высказался на этот счет. Ср.: *он же.* Георгий (Юрий) Всеволодович – великий князь владимирский. М., 2024. С. 359-361.

трусости, который однозначно присутствовал в Ипат., в изложении Лавр. в любом случае снимался. Вместо него акцент делался на христианское смирение князей, их готовности принести себя в жертву «за правовѣрную христьянскую вѣру» перед лицом неотвратимой «кары Господней».

Таким образом, анализ ранних летописных рассказов о действиях сыновей великого князя Юрия Всеволодовича во время осады Владимира, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, ни в одном из трех ранних летописных рассказов о нашествии не зафиксировано стремление показать сыновей великого князя владимирского в качестве мужественных воинов, проявивших храбрость и оказавших сопротивление завоевателям.

Во-вторых, скорее всего, в повествованиях НПЛ и Ипат. отразились сведения из недошедших до нас (возможно, даже устных) источников о событиях в Суздальской земли, трактовка которых была известна составителю рассказа Лавр., работавшему в более позднее время.

В-третьих, зти версии событий не устроили составителя рассказа Лавр., который поставил перед собой задачу реабилитировать представителей «своей» великокняжеской династии, представив их поступки в более привлекательном свете. Для этого он ввел в повествование рассказы о двух других братьях князя Всеволода Юрьевича (Мстиславе и Владимире), что позволило вписать рассказ о событиях 1238 г. в более широкий идейный контекст – как историю братской любви, смирения, готовности подчиниться Промыслу Божьему, подобно тому, как поступали святые Борис и Глеб. Такой подход давал возможность трактовать действия сыновей великого князя во время обороны Владимира как разновидность христианского подвига, отодвигая на дальний план сугубо военную сторону их поведения, которое, судя по всему, было далеко не идеальным.

2.1.3. Великий князь Юрий Всеволодович и события на реке Сити в летописании второй половины XIII в.

Сражение на реке Сити, «одно из важных и в то же время одно из мифологизированных событий нашествия Батыя на Русь»[138] - часто воспринимается как едва ли не поворотный момент периода монгольского завоевания Северо-Восточной Руси[139]. «Ситскую битву» принято считать «единственной во время первого нашествия на Русь попыткой объединения войск пяти князей для противодействия врагу», когда «дружины Владимира, Ярославля, Суздаля, Ростова Великого и Углича сражались вместе», при этом сражение порой ставилось в один ряд с битвой на Калке (1223 г.), сражениями на Неве (1240 г.) и на Чудском озере (1242 г.), на реке Вожа (1378 г.) и даже Куликовской битвой (1380 г.)[140]. Вероятнее всего, основанием для сравнения ситского боя с победными битвами Александра Невского и Дмитрия Донского являлся не исход самого сражения, которое было проиграно, а участие в нем равного им по статусу правителя – великого князя владимирского Юрия Всеволодовича, погибшего в ходе столкновения с завоевателями. Интересно, что из пяти перечисленных выше сражений, лишь битва на Калке также окончилась для русских полков поражением. Однако, источники, сообщавшие об этом бое, давали развернутое представление об активных действиях и мужественных поступках, совершаемых князьями-участниками калкской битвы[141]. Можно ли тоже самое сказать про тех, кто участвовал в событиях на реке Сити?

---

[138] *Авдеев А.Г.* Битва на Сити и Шеренский лес в пространстве современной краеведческой мифологии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 17. Тверь, 2025. С. 88.

[139] *Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М., 1965. С. 53.

[140] См. подробнее: *Кузьмин А.И.* Героическая тема в древнерусской литературе. М., 1974. С. 8.

[141] Так, согласно ранним летописным источникам о битве на Калке, русские князья сами выступили инициаторами сражения с татарами («здумаша итии на ня», «идоша и бишася с ними») и действовали весьма активно («хотя битися», «крѣпко бившимся»). ПСРЛ. Т. 1.

Рассказы о гибели великого князя Юрия Всеволодовича содержатся во всех трех ранних летописных источниках о нашествии – НПЛ, Ипат. и Лавр., а также в хронике Фомы Сплитского и «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина. Однако само сражение на реке Сити упоминается не во всех трех ранних летописных источниках. В Ипат., которая содержит самый лаконичный рассказ о произошедшем, ничего не говорится о том, что гибель Юрия Всеволодовича произошла именно там. В ней упоминается лишь о военных приготовлениях великого князя, частью которых был его отъезда из Владимира и собирание войск, которое, впрочем, оказалось неудачным: «Юрьи же князь, оставивъ сынъ свой во Володимерѣ и княгиню, изииде изъ града, и *совокупляющу ему около себе вои*, и не имѣющу сторожий, изъѣханъ бысть безаконьнымъ Бурондаема, всь городъ изогна и самого князя Юрья *убиша*»[142]. При этом во время осады Владимира, монголы, согласно Ипат., спрашивали у горожан: «Гдѣ суть князи Рязаньстии, ваш градъ и князь вашь великии Юрьи? Не рука ли наша емша и смерти преда?»[143]. Таким образом, из рассказа Ипат. следовало, что Юрий собирался сражаться, но был убит еще *до* взятия татарами Владимира, фактически не успев принять участие в отражении нашествия[144]. Схожую с Ипат. версию событий изложил и весьма осведомленный современник нашествия сплитский архидиакон Фома: «Сначала они (татары. – *В.Р.*) окружили и осадили один очень большой город христиан по имени Суздаль и после долгой осады не столько силой, сколько коварством взяли его и разрушили, а самого короля по имени Георгий *они предали смерти* вместе с огромным множеством его народа»[145]. Рассказ Фомы

Стб. 446-447; Т. 2. Стб. 740-745; Т. 3. С. 61-63. Подробнее см.: *Рудаков В.Н.* Монголо-татары… с. 26-44.

[142] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779.

[143] Там же.

[144] *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 14.

[145] См.: *Фома Сплитский*. Указ. соч. С. 104.

Сплитского с сообщением Ипат. сближает то, что в обоих текстах не только не упоминается сражение на реке Сити, но и не указывается на то, что великий князь был убит в бою.

Большинство исследователей опираются на самую подробную их трех версий событий, изложенную в Лавр. Особенностью этого рассказа является то, что только в этой летописи события на реке Сити изображены как полевое сражение русских и татарских войск, к которому великий князь Юрий Всеволодович начал готовиться загодя: «Тое же зимы выѣха Юрьи из Володимеря *в малѣ дружинѣ*, урядивъ сыны своя в собе мѣсто Всеволода и Мстислава. И *ѣха на Волъгу* с сыновци своими с Васильком, и со Всеволодом, и с Володимером, и *ста на Сити станом*, а *ждучи к собѣ* брата своего Ярослава с полкы и Святослава с дружиною своею. И нача Юрьи князь великый *совкупляти воѣ противу татаром*, а Ярославу Михайловичю приказа воеводьство в дружинѣ своей...»[146]. Из этого отрывка следует, что, Юрий изначально планировал, выдвинувшись из Владимира, двигаться «на Волгу», намереваясь ждать прихода братьев непосредственно на реке Сити.

Рассказ Лавр. о действиях великого князя - и на пути к Сити, и во время сражения - носит весьма специфический характер: сообщая о военных приготовлениях великого князя, составитель Лавр. неоднократно подчеркивал христианское смирение Юрия и его готовность (равно как и ранее его сыновей) подчиниться воле Божьей[147]. Вероятно, в силу такого двойственного подхода в повествовании Лавр. обнаруживаются многочисленные смысловые лакуны, не позволяющие однозначно ответить на вопрос, что именно намеревался предпринять Юрий Всеволодович и зачем в решающий для своего княжества час правитель Суздальской земли очутился именно в этом месте?

---

[146] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461.

[147] *Рудаков В.Н.* Ордынские нашествия в русской исторической памяти середины XIII-XVIII в. М., 2025. С. 45-48.

Попытки рационально объяснить действия великого князя предпринимались неоднократно, начиная со времен Екатерины II[148], однако, не привели к сколько-нибудь удовлетворительному результату[149]. По мнению В.А. Кучкина, специально исследовавшего этот вопрос, Лавр. не объясняет, «как и почему князь Юрий Всеволодович оказался на р. Сити. Ведь для этого Юрию пришлось переправляться на левый берег Волги и останавливаться на самом краю владений суздальских Рюриковичей с Новгородской республикой, почему-то предпочтя остановку на р. Сити отступлению в укреплённый Новгород»[150].

Есть немало косвенных данных, ставящих под сомнение освященные авторитетом классиков дореволюционной историографии трактовки действий великого князя. Имеющее место представление о том, что Юрий Всеволодович, как писал еще Н.М. Карамзин, рассчитывал, что, «собрав войско, успеет спасти отечество и столицу»[151], вряд ли соответствовало реалиям зимы 1238 г. Точно также, как и последующие трактовки, например, Г.В. Вернадского, который писал о том, что Юрий покинул Владимир, «очевидно полагая, что город выдержит осаду до тех пор, пока он освободит его с новой армией, которую он планировал собрать на севере»[152], или А.Н.

---

[148] См.: *Екатерина II.* Записки касательно российской истории. Ч. 6. СПб., 1801. С. 70-71. Ср.: Дневник А.В. Храповицкого. 1782-1793. СПб., 1874. С. 368. Подробнее: *Рудаков В.Н.* Екатерина Великая против хана Батыя // Родина. 2022. № 7. С. 102-105.

[149] Из новейших работ, ставящих под сомнение традиционную, опирающуюся на рассказ Лавр., версию событий на реке Сити, стоит отметить: *Комаров К.И.* О нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь в 1237-1238 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 87-96; *Майоров А.В.* Завоевание русских земель в 1237-1240 годах // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 23-35; *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 3-30.

[150] Там же. С. 14.

[151] Впрочем, он же в другом месте отмечал, что князь «по безрассудной надменности допустил татар до столицы, *не взяв никаких мер для защиты государства*» (курсив мой. – *В.Р.*). Ср. *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 2-3. С 510; Т. 4. С. 8.

[152] *Вернадский Г.В*. Монголы и Русь. Тверь, М., 1997. С. 59.

Насонова, отмечавшего, что «после взятия Владимира оставалось только стягивать силы на Волгу, к р. Сити», и что «это была следующая позиция, где князья решили оказать сопротивление татарам»[153]. Схожих точек зрения придерживалось и большинство советских историков[154]. Некоторые из них косвенно признавали неоднозначность предлагаемой ими интерпретации: «На первый взгляд выбор для великокняжеского лагеря глухой местности вдали от городов и проезжих дорог может показаться не совсем удачным», - отмечал В.В. Каргалов, но, полагал исследователь, «это было не так». По его мнению, «стан» на реке Сити обеспечивал великокняжескому войску ряд важных преимуществ». Во-первых, «дремучие леса прикрывали лагерь от наступления монголо-татарской конницы и делали его сравнительно безопасным: пройти зимой по лесным дорогам большим конным массам было трудно». Поэтому «великий князь надеялся отсидеться за лесными чащобами, пока к нему не придут на помощь другие северо-восточные князья». Во-вторых, поскольку «основные силы остались для обороны столицы», важнейшей задачей Юрия Всеволодовича «был сбор войск из городов и княжеств, еще не разгромленных монголо-татарскими ратями. Для решения этой задачи лучшего места, чем окрестности Сити, найти было трудно»[155]. До сих пор многие исследователи продолжают принимать на веру версию Лавр.[156]. На основе такого прочтения источника и сформировалась широко распространенное мнение, согласно которому на берегах затерянной в далеких лесах крохотной речки произошло едва ли ни одно из важнейших событий эпохи Батыева нашествия.

---

[153] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М., Л., 1940. С. 36.

[154] См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XI-XV вв. Ч. 1. М., 1953. С. 832; *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей. Изд. 2-е. М., 1977. С. 195 и др.

[155] *Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие… С 54.

[156] *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда … С. 212; *Карпов А.Ю.* Батый…. С. 64; *Хрусталев Д.Г.* Указ. соч. С. 106-108.

Скептическое отношение к традиционной трактовке поведения Юрия Всеволодовича опирается как на анализ косвенных данных, так и на сравнительный анализ ранних летописных источников о нашествии, и, прежде всего, текста самой Лавр.

Слабость приведенной выше аргументации в пользу воинственных устремлений Юрия Всеволодовича связана, прежде всего, с тем, что она противоречат тому, что мы знаем о событиях того времени: «дремучие леса» не сделали положение великого князя «сравнительно безопасным», никакая помощь к нему не подоспела, более того, «сбор войск из городов и княжеств, еще не разгромленных монголо-татарскими ратями» оказался невозможен, поскольку таковых на момент событий на реке Сити по близости уже не было - за это время (то есть как раз в течение февраля 1238 года[157]), по сообщению Лавр., основные города Суздальской земли были захвачены отрядами завоевателей, которые «взяша городовъ 14, опричь свободъ и погостовъ». Речь шла о важнейших центрах северо-восточной Руси: взяв оставленный Юрием Владимир, «ови идоша к Ростову, а ини к Ярославлю, а ини на Волгу на Городець, и ти плѣниша все по Волзѣ доже и до Галича Мерськаго; а ини идоша на Переяславль, и тъ взяша, и оттолѣ всю ту страну и грады многы все то плѣниша доже и до Торжку. И нѣсть мѣста, ни вси ни селъ тацѣх рѣдко, иде же не воеваша на Суждальской земли»[158].

Уже само по себе решение великого князя покинуть хорошо укрепленную столицу своего княжества, поручив оборону города гораздо менее опытным сыновьям, чтобы самому двинуться на соединение с дружинами других союзных княжеств, не выглядит безупречным с тактической точки зрения. Совершенно не очевидно, учитывая мощь Батыева

---

[157] «Во один месяць февраль, кончевающюся 45-тому лѣту»[157] - то есть 6745-му (мартовскому) году от Сотворения Мира, который как раз заканчивался в конце февраля. См.: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С.109-110.

[158] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.

войска, что у Юрия Всеволодовича были шансы отстоять Владимир, если бы он остался в городе. Но очевидно другое: отход далеко на север своих владений, в глухие и малообжитые места, да еще в условиях зимы, скорее всего, создавал гораздо больше проблем воинству великого князя, нежели преимуществ: «путь на Углич по лесистому бездорожью с подъемами и спусками по крутым берегам многочисленных ручьев и рек, а от Углича через сплошь заболоченные лесные дебри на верхнюю Сить в условиях максимума снежного покрова в феврале представляется в высшей степени затруднительным, а в оперативном или тактическом отношении бессмысленным»[159]. В этом плане князем было выбрано весьма неудачное место - ни для сбора войск, ни для генерального сражения. Находясь вдали от крупных населенных пунктов, река Сить не позволяла рассчитывать на пополнение скудных ресурсов, захваченных с собой из Владимира – ни фуража лошадям, ни питания воинам, ни подкреплений за счет жителей окрестных селений в этом районе Юрий Всеволодович найти не мог: «летописная фраза о том, что Юрий стал «совокуплять» войско, говорит только о том, что он был озабочен соединением дружин братьев и племянников со своей дружиной. Других войск на слабо заселенной окраине набирать было не из кого. В лучшем случае он мог по пути прихватить некоторое количество ратников из Ярославля, Усть-Шексны и некоторых более мелких поселений на Волге»[160]. Будучи труднодоступной как для врагов, так и для ожидаемых союзников, река Сить в гораздо большей степени выглядит местом, удобным для того, чтобы скрываться от неприятелей, а не для того, чтобы собирать силы, готовясь к нанесению ответного удара. Да и магистральным направлением движения противника, скорее всего, было все что угодно, только не район реки Сити: «Батыю незачем было отправлять крупные силы в заволжские леса, с сторону от основных дорог, где было

[159] *Комаров К.И.* Указ. соч. С. 91.

[160] Там же. С. 91-92.

недостаточно корма для лошадей, против Юрия Всеволодовича, войск у которого было мало»[161].

Однако не только косвенные данные ставят под сомнение версию о том, что Юрий Всеволодович оказался на Сити для сбора полков. Гораздо важнее, что само сообщение Лавр. не позволяет судить о том, что, очутившись в этих краях, великий князь готовился оказать сопротивление татарам. Весьма показательно, что рассказ о собственно военных приготовлениях и действиях великого князя на реке Сити (о его намерении собрать там войска союзных князей и о самой битве) занимает всего 4% (544 знака) от общего объема рассказа Лавр. о нашествии. Это всего 14% от текста, посвященного Юрию Всеволодовичу, что почти в 2,5 раза меньше, чем посмертная похвала великому князю (1355 знаков, или 36% от текста, посвященного Юрию) и в 1,6 раз меньше, чем его «молитвы» (894 знака, 23%). Если опустить риторические рассуждения книжника, в сухом остатке картина «битвы» оказывается весьма странной. «*Внезапу* <…> поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю. *Слышав же* (об этом. - *В.Р.*) князь Юрги с бротом своимъ Святославом, и с сыновци своими Василком, и Всеволодом, и Володимером, и с мужи своими, *поидоша противу поганым*. И *сступишася обои, и бысть сѣча зла, и побѣгоша наши* пред иноплеменникы. И ту *убьенъ* бысть князь Юрьи»[162]. Из этого текста следует, что, очутившись в *заранее запланированной* точке общего сбора сил на реке Сити, великий князь *внезапно* узнал о приближении татар, после чего вынужден был принять неравный бой. И это при том, что, если доверять сообщениям Лавр. до конца (а другие источники такой хронологической информации не содержат), времени на подготовку к бою у Юрия было предостаточно. Рассказ Лавр., в отличие от рассказов других ранних летописей, содержит хронологические указания на

---

[161] *Жарко С.Б., Мартынюк А.В.* История восточных славян. Монгольское нашествие на Русь. Минск, 2003. С. 54.

[162] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465.

время начала осады Владимира (3 февраля[163]) и сражения на реке Сити (4 марта). Значит, если верить этим сведениям, то в общей сложности время, проведенное Юрием в пути по заснеженным равнинам севера Суздальской земли, а также время пребывания его на реке Сити, составило чуть больше месяца. Получается, что несмотря на столь длительный период, предшествовавший сражению, действия князя Юрия Всеволодовича на самой Сити не походили на действия военачальника, который *готовился* к сражению[164]. Таким образом, даже комплиментарная по отношению к Юрию Всеволодовичу Лавр. содержит информацию, которая плохо соотносится с представлениями о намерении великого князя дать на реке Сити решающий бой татарам.

Иначе передавал ход событий составитель рассказа НПЛ, в котором речь шла «уже не о борьбе, не сопротивлении врагу, а только о бесславной, в глазах новгородца, гибели великого князя»[165]. По версии новгородца, с самого начала имели место не военные приготовления, а бегство правителя Суздальской земли, в результате чего он случайно оказался на реке Сити, где и погиб: «Князь же Юрьи выступи изъ Володимиря и *бѣжа на Ярославль*, а въ Володимири затворися сынъ его Всеволодъ съ матерью и съ владыкою и со всею областию своею. <…> (татары. – В.Р.) погнашася по Юрьи князи на Ярославль. Князь же Юрьи посла Дорожа въ просокы въ 3-хъ 1000-хъ; и прибѣжа Дорожь, и рече: «а уже, княже, обишли нас около». И нача князь полкъ ставити около себе, и се внезапу Татарове приспѣша; князь же *не успѣвъ*

[163] Подробнее см.: *Бережков Н.Г.* Указ. соч. С.109

[164] «Неадекватными и несвоевременными», только «усугубившими ситуацию» мерами признают шаги, предпринятые перед лицом татарской угрозы Юрием Всеволодовичем, и прежде всего, «выжидание на Сити», и современный исследователь истории военного дела. Подробнее см.: *Храпачевский Р.П.* Указ. соч. С. 208. С. 223.

[165] *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 53.

ничтоже, *побѣже*; *и бы на рѣцѣ Сити*, и постигоша и, и животъ свои сконча ту. Богъ же вѣсть, како скончася: много бо глаголють о немь инии»[166].

Нет никаких сколько-нибудь серьезных причин считать, что рассказ новгородской летописи менее достоверен, чем рассказ Лавр. Скорее, наоборот: «новгородское описание более походит на историческую реальность, чем рассказ Лаврентьевской летописи»[167]. Есть основания полагать, что составитель рассказа НПЛ (Тимофей-пономарь, который, как установил А.А. Гиппиус, был автором текста НПЛ за 1228-1274 гг.[168]) опирался на рассказы участников событий. В.А. Кучкин считал, что «создававший в XIII в. источник этой летописи пономарь Тимофей специально интересовался судьбой Юрия Всеволодовича и расспрашивал о нём многих людей», тем более что «после боя на р. Сити многие воины Юрия, скорее всего, бежали в лежавшие рядом новгородские земли и вскоре оказались в самом Новгороде»[169]. При этом сообщение НПЛ корреспондируется с известием персидского историка Рашид-ад-Дина, работавшего над своим сочинением в начале XIV в., о том, что «эмир этой области Ванке Юрку (Юрий) *бежал* и *ушел в лес*: его также *поймали и убили*» (курсив мой. - *В.Р.*)[170].

---

[166] ПСРЛ. Т. 3. С. 75.

[167] *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 15.

[168] *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 6 (16). СПб., 1997. С. 8-12.

[169] Подробнее см.: *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 7-8, 14-15.

[170] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. с персидского Ю. П. Верховского, редакция проф. И. П. Петрушевского. Т. II. М., Л., 1960. С. 39. Некоторое время назад Р.А. Беспалов выдвинул гипотезу о том, что свои сведения Рашид ад-Дин мог позаимствовать из летописного памятника, восходящего к Новгородско-Софийскому своду, отразившемуся в Новгородской IV (далее – Н4), Новгородской Карамзинской (далее - НК) и Софийской I (далее - С1) летописи. А потому - его данные вторичны и не могут использоваться для реконструкции событий 1237-1238 гг. В части, касающейся бегства великого князя, с этим трудно согласиться, равно как и с мнением о том, что сообщение о бегстве Юрия появилось у Рашид ад-Дина в результате «недостаточно квалифицированного прочтения» рассказа

В пользу того, что Юрий был убит не в бою, свидетельствует и китайская династийная история «Юань-ши», в которой говорится о том, что «[Субэдэй] в одном сражении *захватил* Юрия-бана»[171]. Преследование бежавшего из столицы правителя было обычным явлением для военной тактики монголов: так было во время похода Чингисхана в Среднюю Азию, когда в погоню за бежавшим хорезмшахом Мухаммедом были отправлены Субэдей и Джебе, и во время вторжения Батыя в Венгрию, когда Кадан преследовал бежавшего венгерского короля Белу IV[172]. При этом обращает на себя внимание на то, что, согласно Лавр., имело место отсечение головы великого князя («принесоша голову великаго князя Георгия и вложиша ю в гроб к своему тѣлу»[173]), что «свидетельствует о том, что князь погиб не в бою, но попал в плен и был убит татарами, которые именно так расправлялись с теми из своих врагов, кого считали преступниками»[174]. Именно так – путем отрезания головы - спустя восемь с лишним лет, в 1246 году, в Орде казнили Михаила Всеволодовича Черниговского («*чѣстную его главу отрѣзаш*а», «*отрѣза главу* святому мученику Михаилу *и отверже ю проч*»)[175], а еще позже – в 1270-м, князя

Новгородско-Софийского свода. В летописных источниках, восходящих к этому своду, версия бегства Юрия Всеволодовича изложена по Лавр., тогда как Рашид ад-Дин в точности подтверждает версию НПЛ. См.: *Беспалов Р.А.* Указ. соч. С. 53-58.

[171] Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 231.

[172] Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. С. 17-18; *Фома Сплитский.* Указ. соч. С. 116-117. По мнению исследователей, «в обоих случаях в погоню были выделены сравнительно небольшие отряды, составлявшие не более 10-15% от общей численности войск». См.: *Жарко С.Б., Мартынюк А.В.* Указ. соч. С. 54-55.

[173] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467.

[174] *Карпов А.Ю.* Батый…. С. 73-74; *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 15. О возможном символическом значении отсечения головы см. подробнее: *Лаушкин А.В.* Русь и соседи... С. 171.

[175] Об этом рассказывают все без исключения проложные житийные повести. См. *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 51, 58, 67 (второй пагинации).

Романа Олеговича Рязанского («бысть сице убьение его: еже заткашауста его убрусомъ и начаша его резати по съставомъ и метати разно, и яко остася трупъ его единъ, они же *одраша кожу отъ главы его и на копие взоткнуша главу его*, и сеи новыи мыченикъ бысть, подобенъ страстию Иакову Перскому»)[176].

Лавр., возможно, также дает ключ к пониманию того, почему именно на Сити произошло сражение. Судя по всему, именно в этих краях «проходила трасса древней дороги, соединявшей Владимир с Ярославлем, Усть-Шексной (совр. Рыбинском) и Белоозером»[177]. В конце рассказа о гибели великого князя летопись сообщает, что тело убитого Юрия Всеволодовича было обнаружено ростовским епископом Кириллом, возвращавшимся как раз из Белоозера, где владыка укрывался в момент татарского нашествия[178]. Можно предположить, что великий князь Юрий Всеволодович также планировал двигаться в том же направлении, что и ростовский владыка, однако, был настигнут татарами на полпути к намеченному пункту назначения и сложил голову на берегах Сити.

Конечно, нельзя исключать и того, что трактовка, согласно которой Юрий Всеволодович бежал от татар, могла возникнуть не столько на основе имевшейся у новгородца информации, сколько под влиянием его внутренних установок в отношении владимирского князя. Новгородский автор неоднократно «выказывал недоброжелательное отношение к дому Юрия

---

[176] ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 73. Подробнее о казнях русских князей в Орде см.: *Юрченко А.Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном. Начало конфликта. СПб., 2012. С.256-287; *Селезнев Ю.В.* Картины ордынского ига. Воронеж, 2017. С. 185-220. Ряд исследователей предполагают, что обезглавливание Юрия понадобилось татарам для «для идентификации и представления Батыю, который должен был удостовериться в своей победе» (См. подробнее: *Хрусталев Д.Г.* Указ. соч. С. 128-129; *Кузнецов А.А.* Князь великий Георгий…. С. 166). Однако, не понятно, на чем основываются подобные предположения: из Лавр. следует, что голова Юрия была найдена в районе сражения и позже погребена вместе с его телом – сначала в Ростове, а затем - после перенесения останков князя его братом Ярославом Всеволодовичем – в Успенском соборе Владимира (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467-468).

[177] Авдеев А.Г. Указ. соч. С. 95.

[178] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465. См.: *Карпов А.Ю.* Батый…. С. 75.

Всеволодича и к самому Юрию»[179], что, конечно, уже само по себе могло быть мотивом для крайне нелицеприятных оценок его поведения[180]. Представления о действиях Юрия Всеволодовича в аналогичной ситуации к этому времени, по-видимому, в Новгороде уже сложились. Случилось это под воздействием событий, произошедших в апреле 1216 г. на реке Липице, что нашло отражение в новгородском летописании. Тогда после проигранного боя князьям Юрию и Ярославу Всеволодовичам пришлось спасаться бегством от преследования соединенных сил их старшего брата Константина Всеволодовича и сражавшихся на его стороне новгородцев во главе с князем Мстиславом Мстиславичем Удатным[181]. То, что в минуту опасности

---

[179] *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 59.

[180] О том, что новгородский летописец в своем рассказе о событиях 1237-1238 годов «относится к Юрию непочтительно», бросая «тень сомнения на обстоятельства его смерти», писал Дж. Феннел: *Феннел Дж.* Указ. соч. С. 120.

[181] В НПЛ сообщение о бегстве Юрия и Ярослава было весьма лаконичным: «одолѣ Мьстиславъ, а Ярославъ *вда плеци*, и пълкъ его. Гюрги же състоя Костянтину, и узрѣ Ярославль полкъ побегыпь Гюрги, и тъ *вда плече*». Однако уже в начале XV в. в текстах, отразившихся в Н4, НК и С1, тема бегства Юрия и Ярослава обрастает новыми подробностями: «князь же Юрьи, стояв противу Констянтину, и узрѣ Ярославль плъкъ побѣгшь, и тъй *прибѣжа в Володимерь о полудни на четвертом кони, а трех одушив, въ первой срачицѣ — подкладъ и тый вывергль* <...>. Ярослав же *такоже прибѣглъ одинъ в Переяславль на 5-мь кони, а четырех одушив*, и затворися». Ср. ПСРЛ. Т. 3. С. 56; Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 190-196; Т. 6. Стб. 268-273; Т. 42. СПб, 2002. С. 107-108. По мнению исследователей, эти детали могли появиться за счет использования недошедших сведений из смоленского и ростовского источников, которые «содержали свои версии Липицкой битвы 1216 г., особые факты и детали, отчасти подтверждающие, отчасти дополняющие древнейший новгородский рассказ XIII в. об этой битве». См. *Лурье Я.С.* Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV- XVI вв. // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 96-115; *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о Липицкой битве // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 72. Ср.: *Юрасовский А. В.* О соотношении пространной и краткой редакций «Повести о Липицкой битве» в новгородском летописании //

владимирский князь уже однажды «вда плече», могло сформировать у новгородского летописца убежденность в том, что бегство в условиях военной опасности было нормой поведения для Юрия Всеволодовича. Имея в виду это обстоятельство, он вполне мог интерпретировать действия, которые были предприняты великим князем в марте 1238 г., по аналогии с его поведением в апреле 1216 г.[182]

Как отмечал Дж. Феннел, такого рода трактовок поведения великого князя трудно избежать, тем более в ситуации, когда «собственный летописец Юрия столь поразительно избегает подробностей: легко предположить, что он пытался скрыть какие-то, возможно неприятные обстоятельства того, что в действительности произошло»[183]. Именно поэтому ряд исследователей отдают предпочтение новгородской версии событий. Так В.В. Каргалов полагал: «о том, чтобы Юрий остался и оборонял город, не было и речи – настолько силен был страх перед татарами»[184]. Схожим образом оценивает ситуацию и А.В. Майоров, по мнению которого, с самого начала татарского нашествия на русские земли «владимиро-суздальский князь, похоже, сделал все возможное, чтобы избежать прямого боевого столкновения с татарами». Точно так же поступил он и после получения известий о том, что завоеватели направились к его столице: «великий князь бежал от татар, укрывшись в глухих лесах на

Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987 г. М., 1989. С. 58-64.

[182] Впрочем, события на реке Липице могли повлиять не только на характер восприятия поступков правителя Суздальской земли новгородским летописцем, но и на поведение его самого. Так, В.А. Кучкин полагал, что «разгром на Липицком поле в 1216 г., когда Юрий бежал с места сражения в нижней сорочке и, издушив трёх коней, на четвёртом внёсся в спасительный Владимир, видимо, произвёл на князя тяжёлое впечатление. После 1216 г. Юрий вёл войны, готовил походы, даже участвовал в них, но никогда не принимал участия в боевых действиях, посылая на них своих братьев и племянников». См.: *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем …. С. 15.

[183] *Феннел Дж.* Указ. соч. С. 120-121.

[184] *Каргалов В.В.* Русь и кочевники…. С. 149.

далекой северной окраине своего княжества; в дальнейшие планы Юрия вовсе не входило давать врагу генеральное сражение, во всяком случае, таким сражением нельзя считать стычку с одним из татарских отрядов на р. Сити, в которой Юрий бесславно погиб»[185].

Между тем, если исходить из того, что автор рассказа НПЛ априори был необъективен по отношению к Юрию, а составитель рассказа Лавр., наоборот, всячески пытался выгородить великого князя в ситуации, когда о нем распространялись весьма нелицеприятные слухи, возможно, стоит еще раз обратить внимание на относительно нейтральную по сравнению с этими двумя версиями трактовку Ипат. Согласно ей, Юрий изначально планировал оставить столицу княжества, доверив оборону Владимира сыну, чтобы самому собрать силы и нанести удар по врагу из вне («оставивъ сынъ свой во Володимерѣ и княгиню, изииде изъ града, и *совокупляющу ему около себе вои*»[186]). Важно обратить внимание, что примерно так же пытались действовать в аналогичной ситуации князь Роман Ингваревич под Коломной и князь Мстислав Глебович под Черниговым – не закрываться в городе, надеясь выдержать осаду, а дать бой в поле, за крепостными стенами. Именно такую тактику противостояния завоевателями – сражение в чистом поле - считал наиболее эффективной Иоанн де Плано Карпини, описывавший военные хитрости монголов спустя десятилетие после их нашествия на русские земли[187].

Все, что мы знаем о том, что произошло дальше, свидетельствует: если такой план у Юрия Всеволодовича, действительно, существовал, то он начал рушиться в самом же начале – едва он покинул Владимир. Расхождение возможных планов Юрия (оставить столицу княжества, доверив оборону Владимира сыновьям, чтобы самому собрать силы и нанести удар по врагу из

---

[185] *Майоров А.В.* Завоевание русских земель … С. 91.

[186] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779.

[187] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 167-170.

вне) с фактически произошедшими события (оставление столицы, невозможность опереться на дружины других правителей, вынужденное в течение месяца движение на север, неготовность к сражению и гибель) вполне могло создать основу для различных, в том числе и весьма нелицеприятных, оценок поведения великого князя. Почва для этого была. Во-первых, против великого князя мог сыграть его предшествующий боевой опыт, который (по крайней мере, в той его части, в какой о нем могли судить новгородцы), был не самый героический. Во-вторых, бегством из столиц своих владений в период нашествия (прежде всего, во второй чего части) спасались и другие влиятельные правители: новгородский книжник не мог не брать в расчет то, что подобное поведение князей стало типичным для этого трагического времени. В итоге трактовка, согласно которой великий князь владимирский князь бежал от врагов, нашла отражение в рассказе НПЛ, у автора которого, вероятнее всего, не было оснований представить погибшего на Сити Юрия Всеволодовича в сколько-нибудь выгодном для того свете.

Тем не менее, версия НПЛ, согласно которой правитель Суздальской земли бежал из Владимира на север своих владений и, будучи настигнут завоевателями, погиб в глухой местности в районе реки Сити, представляется более правдоподобной. Отсутствие в Лавр., составитель которой явно стремился преподнести действия великого князя с наилучшей стороны, сколько-нибудь внятного рассказа о собственно военной составляющей намерений Юрия, свидетельствует о том, что даже у него не нашлось аргументов в поддержку выдвигаемой им версии. Это обстоятельство предопределило общую тональность рассказа Лавр. о сражении на реке Сити и личности великого князя.

Нестыковки и противоречия, содержащиеся в рассказе Лавр., позволяют предположить, что автор стремился преподнести события иначе, чем они разворачивались в действительности или, по крайней мере, нет так, как они выглядели в глазах окружающих. Механизм такого рода редакторской работы уже был показан на примере усилий, предпринятых для корректировки

рассказа о действиях сыновей великого князя в осажденном Владимире. Подтверждения того, что схожая по задачам правка в Лавр. осуществлялась и в отношении сведений, касающихся самого Юрия Всеволодовича, можно обнаружить при анализе известий, содержащихся в «похвале» великому князю, которой завершается рассказ Лавр. о событиях нашествия.

Князь Юрий являлся центральной фигурой всего повествования Лавр. о нашествии Батыя: описание его поступков, переживаний, а также пересказ его «молитв», занимают чуть более четверти (3,8 тыс. из 14,3 тыс. знаков, или 27%) всего летописного рассказа о монгольском завоевании. В рамках этого объема «похвала» великому князю занимает более трети пространства (1,4 тыс. знаков, или 36% от общего объема текста, посвященного Юрию). Относительно происхождения этого текста полной ясности нет, ряд исследователей полагает, что первоначально рассказ о нашествии и похвала Юрию были составлены в качестве отдельного произведения, «а затем вошли в северо-восточную летопись, заместив собой имевшийся летописный текст о Батыевом нашествии 1237-1238 гг.»[188]. По мнению В.Л. Комаровича, впервые подвергнувшему эту часть рассказа Лавр. тщательнейшему текстологическому анализу, вся «похвала» в целом проникнута «понятным только для современников полемизмом». «У русских летописцев, - отмечал исследователь, - издавна было в обычае полемизировать с тем, что *выпускалось из протографа при переписке*» (курсив мой – *В.Р.*)[189]. Прежде всего, речь шла о полемике с известиями о Батыевом нашествии, отголоски которых дошли в составе в НПЛ в части, касающейся поступков великого князя[190]. В итоге в рассказе Лавр. отрицательная оценка Юрия Всеволодовича оказалась устранена, «и, хотя Юрий Всеволодович и предводительствуемые им войска были разгромлены татаро-монголами на р. Сити, это в вину Юрию

[188] *Беспалов Р.А.* К истории создания… С. 32.

[189] *Комарович В.Л.* Лаврентьевская летопись … С. 91.

[190] Там же.

Всеволодовичу в Лаврентьевской летописи не поставлено, а наоборот, завуалировано словами «Похвалы» ему»[191].

Судя по всему, как и в ситуации с сыновьями великого князя, составитель рассказа Лавр., во-первых, знал о наличии разных трактовок поведения своего главного героя, а, во-вторых, ставил перед собой задачу не просто реабилитировать великого князя, но и придать его действиям ореол подвига, причем не военного, а, прежде всего, христианского. Поэтому в этой части летописного рассказа погибший князь был изображен как праведник, погибший «за православную веру». Таким образом, в «похвале» оказался представлен «образ князя и его поведения во время Батыева нашествия, почти противоположный образу, прописанному в НПЛ»[192]. Для этого книжнику потребовалось либо вовсе «замолчать», либо интерпретировать в более выгодном ключе некоторые «неудобные» факты, связанные с деятельностью Юрия Всеволодовича.

Стремление к этому составитель рассказа Лавр. проявил, уже редактируя ту часть повествования, которая касалась поведения великого князя в самом начале нашествия - то есть еще до событий на реке Сити. Признаки соответствующей редакторской работы выдает то обстоятельство, что, вопреки хронологической последовательности событий, о том, как действовал Юрий в начальный период нашествия, Лавр. сообщала уже после рассказа о смерти князя на реке Сити – в «похвале» погибшему правителю Суздальской земли.

---

[191] *Русинов Н.Д.* О происхождении текста Лаврентьевской летописи // Идеология и культура феодальной России. Горький, 1988. С. 23.

[192] *Кузнецов А.А.* Образ правления владимирского князя Георгия Всеволодовича (1188–1238) в его Похвале // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 43. М., 2013. С. 75-77. О том, что версия событий, отразившаяся в НПЛ, была не просто известна составителю рассказа Лавр., но и, возможно, была у него перед глазами в виде текста, свидетельствует целый ряд близких чтений. См.: подробнее: *Беспалов Р.А.* Указ. соч. С. 28-39.

Прежде всего, составитель рассказа Лавр. постарался удалить из своего повествования какие-либо упоминания о татарских послах, направленных к великому князю в самом начале нашествия. Об этом посольстве рассказывала НПЛ: повествуя о прибывших на переговоры к рязанским князьям татарах («жене-чародѣице и двух мужей с нею»), составитель новгородской летописи вслед за указанием ответа рязанских князей («и рекоша имъ князи: «олна насъ всѣхъ не будеть, тоже все то ваше будетъ»), добавил: «*И оттолѣ пустиша ихъ* (т.е. послов. – *В.Р.*) *къ Юрью въ Володимиръ*»[193]. В Лавр. такого рассказа в соответствующем месте нет. Между тем, Г.М. Прохоров, вслед за В.Л. Комаровичем, считал, что в источнике Лавр. сообщения о посольствах (не только татарском, но и рязанском, о чем речь ниже) к князю Юрию изначально все-таки были, и они находились в начальной части того текста, которым располагал составитель Лавр. Однако потом эти сведения были «убраны ее редактором»[194]. Отбросив эти сообщения «вместе со всем остальным во вступительном эпизоде о Рязани», составитель Лавр., тем не менее, «учел это упоминание ниже: им начинается «похвала» Юрию, на которой заканчивает в Лаврентьевской летописи весь рассказ о Батыевой рати»[195].

Действительно, в самом начале «похвалы» автор Лавр. ставит в заслугу великому князю христианское отношение к своим врагам, упоминая при этом татарских послов: «Се бо чюдный князь Юрьи потщася Божья заповѣди хранити и Божий страх присно имѣя в сердци, поминая слово Господнее, еже рече: «О семь познают вы вси человеци, яко мои ученици есте, аще любите друг друга. Не токмо же друга, но и врагы ваша любите и добро творите ненавидящим вас. Всякъ зломыслъ его прежемѣненыя безбожныя татары *отпущаше одарены*. Бяхуть бо преже *прислали послы* своѣ злии ти кровопийци, рекуще: «Мирися с нами». Он же того не хотяше, яко же пророкъ

[193] ПСРЛ. Т. 3. С. 74.

[194] *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя …. С .87.

[195] *Комарович В.Л.* Лаврентьевская летопись… С. 91.

глаголет: «Брань славна луче есть мира студна». Си бо безбожнии со лживым миром живуще велику пакость землям творять, еже и здѣ многа зла створиша»[196]. Исследователи неоднократно обращали внимание на имеющую место в «похвале» князю Юрию Всеволодовичу «максимальную концентрацию заимствований» из предшествующих статей Лавр.[197]. По мнению В.Л. Комаровича, то, «что «похвала» Юрию (…) вся как бы соткана из выборок в предшествующем тексте той же Лаврентьевской летописи. Основой послужила читающаяся там же под 1125 годом «похвала» Владимиру Мономаху, расширенная выписками из статей об отце Юрия – князе Всеволоде и его дяде – Андрее Боголюбском. В итоге «свои черты передали Юрию (…) свв. Борис и Глеб, Владимир Мономах и Андрей Боголюбский, Всеволод и его княгиня, с Юрием убитый Василько»[198]. На этом фоне тем более значимо то подмеченное Г.М. Прохоровым обстоятельство, что фраза про послов является «одной из двух оригинальных, ни откуда не заимствованных фраз «похвалы»[199], то есть относится непосредственно к Юрию Всеволодовичу, а не к кому-то другому.

На основе весьма расплывчатого в своих формулировках панегирического повествования Лавр. можно сделать некоторые выводы и о фактической стороне вопроса. Прежде всего, если верить «похвале», Юрий все-таки принимал татарское посольство. Это означает, что сообщение об этом НПЛ соответствовало действительности. Однако при составлении рассказа, дошедшего в составе Лавр., о самом факте контактов Юрия Всеволодовича с татарами решено было умолчать. Но при этом и оставлять без внимания ставшее известным многим событие автор рассказа Лавр. также не посчитал возможным. В итоге появился оценочный комментарий, касающийся

---

[196] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 468.

[197] *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя …. С .81.

[198] *Комарович В.Л.* Лаврентьевская летопись… С. 92-93.

[199] *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя… С .87.

достоинств самого великого князя и включающий в себя полемический отклик на информацию о послах. При этом даже из столь отрывочного сообщения следовало, что, во-первых, татары предлагали Юрию мир («мирися с нами»), и что, во-вторых, герой панегирика отпустил «прежемѣненыя безбожныя татар» одаренными[200]. Впрочем, автор княжеского панегирика уточнял, что Юрий не намеревался заключать мир с татарами, потому что, пояснял книжник, с точки зрения великого князя, «брань славна луче есть мира студна». Очевидно, тем самым составитель Лавр. не просто «старался смягчить нелицеприятное для владимиро-суздальского князя впечатление от его контактов с татарами», как полагает А.В. Майоров, но и сознательно хотел подчеркнуть воинственный настрой Юрия, в реальности, судя по всему, ему не свойственный[201]. В результате редакторской работы «текст известия о татарских послах приобрел совершенно иной смысл: князь отверг мирные предложения татар, поскольку разгадал их лживую сущность»[202], дав понять,

---

[200] Последнее обстоятельство может свидетельствовать о том, что в реальности Юрий Всеволодович, возможно, действительно попытался пойти на мировую с завоевателями: не исключено, что «дары» князя татарским послам как раз и были либо требуемой ими данью (Там же; *Майоров А.В.* Завоевание русских земель ... С. 90. См. также: *Хрусталев Д.Г.* Указ. соч. С. 94), либо просто попыткой великого князя задобрить ханское посольство. По мнению А.Ю. Карпова, «надо полагать, что он по-прежнему выжидал, не зная, как обернется дело, надеясь, что ему удастся отвести удар от собственного княжества и все еще не желая понять, что гибель Рязани означает и неизбежную гибель его земли» (*Карпов А.Ю.* Батый… С. 56-57).

[201] *Кузнецов А.А.* Образ правления владимирского князя Георгия Всеволодовича … С. 74-76.

[202] Как отмечает А.В. Майоров, «трудно избежать впечатления, что христианское смирение Юрия, этого «нового Иова», каким его рисует автор посмертного панегирика, и, прежде всего, пассивность и бездействие князя перед лицом смертельной опасности, отрицать которые не берется даже прославляющий его летописец, – все это было вызвано вполне мирскими причинами: Юрий поверил обещаниям татарских послов и до последней минуты уповал на то, что, не вмешиваясь в войну татар на Юге, будь то с половцами или рязанцами,

что готов оказать сопротивление завоевателям[203]. Все это позволяет считать доказанным факт редакторской правки сюжета о татарском посольстве в сторону формирования более позитивных трактовок тех действий, которые были предприняты великим князем.

В итоге, «деталь о татарских послах из осудительного для Юрия Всеволодовича контекста (в протографе)» оказывается перенесена составителем Лавр. «в свой собственный контекст – хвалебный»[204]. А сам факт контактов Юрия с татарами автор панегирика представил «как свидетельство не малодушия или близорукости великого князя владимирского, а исполнения им заповеди любить не только друзей и врагов»[205]. Учитывая же, что на протяжении всего панегирика Юрию Всеволодовичу (равно как и всего рассказа Лавр. о нашествии Батыя) татары получали самые негативные характеристики («безбожные», «поганые», «лживым миром живущие», «велику пакость землям творят» и т.д.[206]), отказ Юрия от мира с ними, с точки

он сам сумеет избежать нашествия, благополучно отсидеться за приокскими лесами». См.: *Майоров А.В.* Завоевание русских земель в 1237-1240 годах… С. 90. Ср.: *Хрусталев Д.Г.* Указ. соч. С. 94.

[203] С большой долей вероятности можно предположить, что в рассказе Лавр. намерено была выпущена информация и о посольстве рязанских князей, просивших Юрия Всеволодовича о помощи, и о его отказе им, о чем сообщала НПЛ (ПСРЛ. Т. 3. С. 74-75). Как отмечал В.Л. Комарович, «похвала» Юрию, созданная составителем Лавр., судя по всему, прямо «полемизирует с пропущенной при переписке протографа гневной инвективой». В результате обвинению князя Юрия в небратолюбии «похвала» с первых же слов противополагает нечто прямо обратное: «се бо чюдный князь Юрьи потщася Божья заповѣди хранити и Божий страх присно имѣя в сердци, поминая слово Господнее, еже рече: «О семь познают вы вси человеци, яко мои ученици есте, аще любите друг друга». См.: *Комарович В.Л.* Лаврентьевская летопись… С. 91-92.

[204] Там же.

[205] *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя… С .87.

[206] См. подробнее: *Рудаков В.Н.* Монголо-татары в древнерусской литературе … С. 68-70.

зрения составителя «похвалы», очевидно выглядел как одно из достоинств великого князя.

Чтобы проделать столь существенную корректировку имеющейся у него под рукой информации, составителю Лавр., поставившему целью «подправить» образ погибшего великого князя, видимо, пришлось провести масштабную редактуру тексту. Однако, похоже, что она велась в спешке: только этим, по мнению Г.М. Прохорова, «можно объяснить ту небрежность, с какой проделана эта работа». В итоге в сравнительно небольшом по объему тексте похвалы вкрались очевидные ошибки, а иногда и явные бессмыслицы[207]. Две из них представляются весьма характерными, потому что показывают искусственность «героических» оценок личности и поступков Юрия Всеволодовича.

Первая – появление фразы «всяк зломысл его» в «похвале» Юрию. Если в «похвале» Владимиру Мономаху, откуда, как показал Г.М. Прохоров[208], составитель Лавр. заимствовал значительную часть панегирика князю Юрию Всеволодовичу, эта фраза была вполне осмысленной частью предложения («*Вся бо зломыслы его* вда Бог под руце его <...> и покоряшѣ под нозѣ его вся враги; он же, заповедь Божью храня, добро творяше врагом своим, *отпущаше одарены*»), то в «похвале» Юрию она утратила всякий смысл («*Всякъ зломыслъ его прежемѣненыя безбожныя татары отпущаше одарены*»)[209]. Второе, на что стоит обратить внимание в этом контексте - указание составителя панегирика на мужество князя Юрия, названное книжником «тезоименитым»: «*Георгие, мужьство тезоимените, кровью омывъся страданья ти! Аще бо не напасть, то не вѣнець, аще не мука, ни дарове*»[210].

---

[207] Подробнее: *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя …. С .95.

[208] Г.М. Прохоров не обратил внимания на то, что эта же цитаты из «похвалы» Владимира Мономаха была использована в Лавр. и панегирике отцу Юрия Всеволодовича – великому князю Всеволоду Юрьевичу. См. ПСРЛ. Т. 1. Стб.436.

[209] Подробнее: *Майоров А.В.* Завоевание русских земель …. С. 89-90.

[210] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 468.

Объясняется это, как и в предыдущем случае, не вполне аккуратной работой составителя рассказа Лавр., который, видимо, не имел возможности в полной мере оценить качество проделанной им редактуры. И, в частности, дать оценку уместности вставки в «похвалу» Юрия цитаты из «похвалы» Андрея Боголюбского[211]. Если в последней эта фраза смотрелась на своем месте («Андрѣю, мужьству тезоимените»), поскольку имя «Андрей» с древнегреческого и означает ‘мужественный’, ‘храбрый’, то применительно к Юрию во фразе «Георгие, мужество тезоимените» такая характеристика выглядит полной бессмыслицей (Георгий – по-гречески ‘земледелец’), на что составитель Лавр. почему-то не обратил внимания[212].

В итоге образ Юрия в панегирической части Лавр. оказался весьма противоречивым. С одной стороны, он показан правителем, настроенным на решительную борьбу с татарами, с другой стороны, князь изображен человеком, демонстрирующим покорность судьбе и складывающимся обстоятельствам. Эти обстоятельства дают основания считать рассказ Лавр. о нашествии Батыя (прежде всего, в части сведений, касающихся поведения Юрия Всеволодовича, а также его сыновей) весьма тенденциозным, решающим задачу существенно скорректировать ту негативную информацию о великом князе и его потомках, которая к тому времени оказалась известной относительно широкому кругу лиц и даже попала в летописание сопредельных территорий. Есть основания полагать, что подобный подход был использован составителем рассказа Лавр. и применительно к эпизоду о сражении на реке Сити.

Полемический характер рассказа о поступках великого князя прослеживается на всем протяжении повествования Лавр. о Батыевом нашествии, и, в первую очередь, в рассказе о сражении на реке Сити. Действия

---

[211] *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя … С .81-82.

[212] Там же. С. 95-96. Ср.: *Кузнецов А.А.* Георгий (Юрий) Всеволодович – великий князь владимирский… С. 388-389.

Юрия Всеволодовича, связанные с отъездом из Владимира и событиями на Сити, действительно, требовали объяснения и, видимо, прежде всего, в самой Суздальской земле. Общая картина произошедшего (даже если не брать в расчет новгородскую оценку действий князя как бегство) была весьма удручающей. По сути дела, оставив столицу и начав собирать войска («*совокуплять вои*»), Юрий даже в этом не преуспел: в решающий момент у князя не оказалось сторожевого охранения - «сторожи». Показательно, что все три ранних летописных рассказа так или иначе зафиксировали информацию о том, что Юрий Всеволодович слишком поздно узнал о приближении неприятеля и поэтому не успел организовать оборону. НПЛ прямо отмечала, что татары подошли «*внезапно*». То же самое следовало и из контекста рассказа Ипат.: Юрий неожиданно для него самого был «*изъехан*» татарским отрядом и убит[213]. В Лавр. это обстоятельство также подтверждалось: «и сице ему молящюся со слезами, и се *внезапу* поидоша татарове»[214]. По всей видимости, даже при самом доброжелательном отношении к великому князю, оспорить факт его неготовности к сражению было невозможно. Если ради *такого* сражения Юрий бросил на произвол судьбы столицу своего княжества, всех своих ближайших родственников (жену, сыновей с женами, внуков), епископа, горожан, то, конечно, иначе как провальными его действия назвать было нельзя.

В новгородской летописи этот провал получил вполне однозначное и, что важно, вполне логичное объяснение: согласно НПЛ, Юрий Всеволодович и не собирался оказывать сопротивление, а просто бежал. В Суздальской земле - там, где создавался рассказ Лавр., об этой трактовке событий наверняка знали. Вероятнее всего, знали там и о реальном поведении великого князя в

---

[213] НПЛ сообщает при этом, что Юрий все-таки послал (видимо, как раз в качестве главы этой «сторожи») некоего Дорожа на разведку. Но было уже слишком поздно: тот прибежал и сообщил, что враги уже «обошли около». См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 76.

[214] Там же. Т. 1. Стб. 465.

период нашествия. Автор рассказа Лавр. не мог с этим не считаться. В этой ситуации ему, прежде всего, нужно было рассказать про действия великого князя так, чтобы они не выглядели проявлением элементарной трусости. Вероятно, с этим стремлением было связано создание версии, согласно которой Юрий не бежал, а отправился собирать союзные полки в столь удаленное от разворачивающихся событий место, в район реки Сити - туда, где он в конечном счет принял смерть. При этом автору рассказа Лавр. требовалось более-менее правдоподобно (но неоскорбительно для памяти князя) объяснить причину крушения его, Юрия Всеволодовича (а, на самом деле, скорее всего, придуманного за него летописцем, и потому нереалистичного по своей сути) замысла - собрать войска для опора врагу в далекой глуши, оставив ради этого столицу своего княжества.

В отличие от изначально критически настроенной к великому князю НПЛ, составитель Лавр. стремился создать панегирик погибшему правителю Суздальской земли. При этом ему неизбежно приходилось считаться с тем, что воинские добродетели Юрия Всеволодовича не могли лечь в основу такого панегирика, ведь их-то как раз в поведении великого князя и не обнаруживалось – ни личной храбрости, ни, тем более, военной удачи он, даже если судить по рассказу Лавр., не продемонстрировал. В этих обстоятельствах единственный выход состоял в том, чтобы показать не воинские, а христианские добродетели Юрия, изобразить его человеком, неизменно и в любых ситуациях действующим в полном соответствии с Божьей волей. Именно эта задача, судя по всему, и стояла перед автором рассказа о нашествии Батыя, дошедшего в составе Лавр.

Для прояснения деталей замысла летописца большое значение имеет анализ «молитв», вложенных им в уста великого князя, а также отдельных деталей описания поступков Юрия Всеволодовича. Особый интерес представляет «молитва» великого князя, которую он, согласно Лавр., произносил в тот момент, когда, будучи на Сити, получил известие о взятии и разорении татарами оставленного им Владимира, о гибели ближайших

родственников и жителей города. Эта «молитва» предшествует сообщению о сражении на Сити, и, скорее всего, именно в ней, по замыслу составителя рассказа Лавр., и должна была быть сформулирована та «идейная установка», с которой Юрий Всеволодович шел в свой последний бой. По словам летописца, князь «*възпи гласомь великым со слезами, плача* по правовѣрнѣй вѣрѣ христьяньстѣй, преже и наипаче о церкви, и епископа ради, и о людех (бяше бо милостивъ), нежели собе, и жены, и дѣтий. И въздохнувъ из глубины сердца, рекъ: «Господи, се ли бы годѣ твоему милосердью?» Новый Иовъ бысть терпѣньем и вѣрою яже к Богу. *И нача молитися, глаголя: «Увы мнѣ, Господи, луче бы ми умрети, нежели жити на свѣтѣ семь.* Нынѣ же что ради остах азъ единъ?» *И сице ему молящюся со слезами, и се внезапу поидоша* татарове. Он же, отложивъ всю печаль, глаголя: «*Господи, услыши молитву мою и не вниди в судъ с рабом своимъ, яко не оправдится пред тобою всякъ живый, яко погня врагъ душю мою*». И пакы второе помолися: «*Господи Боже мой, на тя уповах, и спас мя и от всѣх гонящих избави мя*». И поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю...»[215]

Исследователи давно обратили внимание на то, что «молитвы» Юрия Всеволодовича, как и «похвала», сконструированы летописцем из цитат, взятых им из предшествующего летописного повествования. В частности, в данном отрывке были привлечены цитаты из предсмертной «молитвы» святого страстотерпца князя Бориса (ранее в рассказе Лавр. о нашествии Батыя ее уже «произносили» сыновья великого князя Юрия) и из «молитвы» его брата святого Глеба. Обе «молитвы» братьев находятся в Лавр. под 6523 (1015) г.

Лавр. 1015 г.	**Лавр. 1238 г.**
(**Борис**) «пакы глаголаше: *«Господи! Услыши молитву мою, и не вниди в судъ с рабомъ твоимъ, яко не*	(**Юрий**) «отложивъ всю печаль, глаголя: *«Господи, услыши молитву мою и не вниди в судъ с рабом*

[215] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464-465.

оправдиться предъ тобою всякъ живый, яко погна врагь душю мою. <…> *Господи, Боже мой, на тя уповахъ, и спаси мя, и от всихъ гонящихъ избави мя»*[216]. <…>	*своимъ, яко не оправдится пред тобою всякъ живый, яко погня врагъ душю мою»*. И пакы второе помолися: «*Господи Боже мой, на тя уповах, и спас мя и от всѣх гонящих избави мя*»[218]. <…>
«**Глѣбъ** же, всѣдъ на конь, поиде с *маломъ дружины*, бѣ бо послушьливъ отцю. И *пришедшю ему на Волгу*, на полѣ потъчеся конь вь рвѣ, и наломи ему ногу мало. И приде ко Смоленьску, и поиде от Смоленьска, яко зрѣима, и ста на Смядинѣ в корабли. В се же время *пришла бѣ вѣсть* от Передьславы кь Ярославу о отни смерти, и посла Ярославъ кь Глѣбу, глаголя: «Не ходи, отець ти умерлъ, а братъ ти убитъ от Святополка». И *се слышавъ*, Глѣбъ *вьспи* велми *сь слезами и плачася по* отци, паче же и по братѣ, и нача молитися со слезами, глаголя: «Увы мнѣ, Господи! *Луче бы мнѣ умрети с братомь, нежели жити вь свѣтѣ семь*. Аще бо быхъ, брате, видилъ лице твое ангелское, умерлъ быхъ с тобою. *Нынѣ же что ради*	Тое же зимы выѣха Юрьи из Володимеря в *малѣ дружинѣ*, урядивъ сыны своя в собе мѣсто Всеволода и Мстислава. И *ѣха на Волъгу* с сыновци своими с Васильком, и со Всеволодом, и с Володимером, и ста на Сити (…) «*Приде вѣсть* к великому князю Юрью: «Володимерь взятъ, и церкы зборъная, и епископъ, и княгини з дѣтми, и со снохами, и со внучаты огнемь скончашася, а старѣйшая сына Всеволодъ с братом внѣ града убита, люди избиты, а к тобѣ идут». Он же, *се слышавъ, възпи* гласомь великым *со слезами, плача по* правовѣрнѣй вѣрѣ христьяньстѣй, преже и наипаче о церкви, и епископа ради, и о людех (бяше бо милостивъ), нежели собе, и жены, и дѣтий. И въздохнувъ из глубины

[216] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 133.

[218] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465.

остахъ азъ единъ? Кде суть словеса твоя, яже глаголаше ко мнѣ, брате мой любимый? Нынѣ уже не услышю тихаго твоего наказания. Да аще еси получилъ деръзновение у Бога, молися о мнѣ, да и азъ быхъ ту же приялъ страсть. Луче бы ми с тобою умрети, нежели вь свѣтѣ семь прельстнемь жити». *И сице ему молящюся сь слезами, и внезапу придоша* послании от Святополка на погубленье Глѣба»[217].	сердца, рекъ: «Господи, се ли бы годѣ твоему милосердью?» Новый Иовъ бысть терпѣньем и вѣрою яже к Богу. И нача молитися, глаголя: «*Увы мнѣ, Господи, луче бы ми умрети, нежели жити на свѣтѣ семь*. *Нынѣ же что ради остах азъ единъ*?» *И сице ему молящюся со слезами,* и се *внезапу поидоша* татарове»[219].

Использование в тексте цитат из молитв сразу двух святых – Бориса и Глебы – свидетельствует о сознательном намерении составителя Лавр. привлечь образы братьев-страстотерпцев для создания образа великого князя Юрия Всеволодовича[220].

[217] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 135-136.

[219] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464-465

[220] Интересно при этом, что не только риторические отступления, но и фактические детали рассказа о действиях Юрия Всеволодовича находят параллели с деталями повествований о гибели святых князей. Прежде всего, речь идет об указаниях Лавр. на то, что великий князь вышел из стольного града в «малой дружине», что он едет на Волгу, а также на то, что враги подошли к нему «внезапно». Это, конечно, не означает, что все эти детали описания действий Юрия Всеволодовича являются литературными заимствованиями. Более того, ряд деталей описания может быть проверен по другим источникам. Так то, что Юрий отправился в район Волги, косвенно подтверждает НПЛ, в которой отмечено, что князь «бѣжа на Ярославль». В ней же находится подтверждение того, что татары подоспели к его отряду «внезапно» (ПСРЛ. Т. 3. С. 75-76). Известие о выходе великого князя из города «в малой дружине» не находит подтверждения в других ранних рассказах о нашествии Батыя.

Тем более, что этим составитель Лавр. не ограничился. Даже в описании гибели двух князей – Юрия Всеволодовича и его племянника, ростовского князя Василька Константиновича – книжник постарался провести параллель со святыми Борисом и Глебом, вновь развивая сквозную для своего рассказа тему братской любви князей. В итоге великий князь оказался назван «*братом* и отцом» ростовского князя Василька Константиновича: «Сего бо блаженаго князя Василка спричте Богъ смерти подобно Андрѣевѣ; *кровью мученичьскою омывъся прегрѣшений своих с братом* и отцомъ Георгием с великим князем»[221]. Будучи родным дядей Василька, Юрий в качестве великого князя и старшего в роду несколько раз в Лавр. назывался «отцом» ростовским князьям[222], однако «братом и отцом» - только в этом фрагменте. Появление в тексте «братской» степени родства дяди и племянника было связано с тем, что, вслед за упоминанием имени князя Андрея Юрьевича Боголюбского, почитавшегося во Суздальской земле (наряду с Борисом и Глебом), в качестве страстотерпца[223], составитель Лавр. использовал цитату из панегирика этому князю, помещенного в Лавр. под 6683 (1175) г.: «(Андрей) *кровью мученичьскою омывшеся прегрешении своих с братома* с Романом и с Давидом…» - то есть с теми же князьями Борисом и Глебом, названными в этом месте Лавр. своими крестильными именами[224]. Цитата была выбрана неслучайно: для составителя рассказа о нашествии Батыя в составе Лавр. важно было не только обратить внимание на братскую близость Юрия и Василька, но сравнить их с убиенными предками – святыми князьями. Возможно, в спешке не заметив этого, а, может быть, и вполне сознательно

Однако, вполне возможно, что такие сближения образа и прообраза лишь укрепляли ощущение достоверности описания Лавр. – как у книжника, так и у его читателей.

[221] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467.

[222] См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 442, 452.

[223] *Ранчин А.М.* Вертоград Златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах, комментариях. М., 2007. С. 113.

[224] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 371. См. *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя …. С .81.

составитель Лавр. дважды прибегнул к этому образу – сначала, рассказывая о гибели князя Василька Константиновича, а затем (как было отмечено выше, допуская явную ошибку в этимологии имени князя) – о гибели самого Юрия Всеволодовича («Георгие, мужьство тезоимените, *кровью омывъся страданья ти*!»).

Таким образом, получалось, что погибшие на реки Сити князья не только искупили свои земные грехи, смыв их «кровью мученичьскою», но и совершили духовный подвиг, во многом напоминающий подвиг князей-страстотерпцев, мучеников за Христа[225]. В этом не было ничего удивительного: венец страстотерпца рассматривался как «идеальное завершение жизни князя, в котором книжник видел святого»[226]. Именно такой образ погибших правителей Суздальской земли и стремился создать составитель рассказа Лавр. В особенности это касалось Юрия Всеволодовича, который сравнивался с многострадальным Иовом (сравнение с ним также было заимствовано из предшествующего летописного массива - из панегирика матери великого князя Юрия, княгини Марии Всеволожей, помещенного в Лавр. под 6714 (1206) годом[227]). В результате этого в рассказе о нашествии Батыя великий князь Юрий, представленный как «новыи Иовъ терпением и верою», оказался изображен как персонаж, олицетворяющий собой, скорее, смирение, нежели борьбу[228]. То же самое касалось и великокняжеских сыновей, уподобленных книжникам князьям-мученикам: Всеволод и Мстислав, как было упомянуто выше, согласно Лавр., также мечтали

---

[225] См. подробнее: *Горский А.А.* Георгий (Юрий) Всеволодович // Православная энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 91.

[226] *Ранчин А.М.* Указ. соч. С. 115.

[227] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 425. См. подробнее: *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя... С. 80.

[228] В свое время это дало основание Г. Подскальски сделать весьма точный вывод о том, что именно «новый Иов», а не «князь-защитник» являлся «идеалом человека в понимании автора Лаврентьевской». См.: *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 142-143.

погибнуть, чтобы принести себя в жертву, и тем самым вслед за своим святыми «сродниками» снискать себе «венец нетленный».

С таких же позиций - как о правителе, пострадавшем за веру -- Лавр. рассказывала и о князе Василько Ростовском. Для описания его гибели составитель Лавр., как и в случае с «молитвами» Юрия, воспользовался цитатой из летописного рассказа о смерти святого князя-страстотерпца Глеба[229]:

Лавр. 1015 г.	**Лавр. 1238 г.**
Глѣбу же *убьену бывшю и повержену на брезѣ*	И се рек абье без милости безъ милости *убьенъ бысть. И повержену на лѣсѣ*[230]

Из подобия подвига князей Юрия и Василько подвигу святых Бориса и Глеба, вероятно, происходило указание летописца на то, что и после смерти тела обоих погибших от рук татар князей, подобно телам Бориса и Глеба, оказались вместе.

Лавр. 1015 г.	**Лавр. 1238 г.**
«Глѣбу же оубьену бъывшю и повержену на брезѣ межи двѣма колодама, посемь же вземше везоша и и положиша и оу брата своюго Бориса оу церкве стагаго Василья и *съвкуплена тѣломь* наче же душама оу Въладъыкъı Всецесаря, пребъывающа в радости бесконечнѣи, во свѣтѣ неиздреченьнѣмь…»[231].	«Блаженый же епископъ Кирилъ взя князя (Юрия. – В.Р.) мертва, иды из Бѣлаозера и принесе и в Ростовъ. И пѣвъ надъ ним обычныя пѣснь, со игумены, и с клирошаны, и с попы со многами слезами вложиша и в гробъ у святое Богородици (…) Се бо и чюдно бысть, ибо и по смерти *совкупи Богъ телеси ею*; принесоша

[229] *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя …. С .80.

[230] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 466.

[231] Там же. Т. 1. Стб. 137.

	Василка и положиша и в церкви святыя Богородица в Ростовѣ…»[232].

При этом в Лавр. отмечалось, что Василька «проклятии безбожнии татарове <…> *нудиша много обычаю поганьскому*, быти въ их воли и воевати с ними». Однако ростовский князь «*никако же не покоришася ихъ безаконью* и много сваряше я, глаголя: «О глухое цесарьство оскверньное! *Никако же мене не отведете христьяньское вѣры*, аще и велми в велицѣ бѣдѣ есмъ»[233]. Вероятнее всего, тема искушения русских князей, стремления татар заставить их следовать «обычаю поганьскому» в ростовской земле получила развитие благодаря прославлению там князя Михаила Черниговского, приходившегося тестем Васильку Ростовскому. Инициатором такого прославления стала княгиня Мария – дочь Михаила и вдова князя Василька[234]. Поэтому есть основания полагать, что вставка в текст рассказа, дошедшего в Лавр., сюжета о попытках татар обратить ростовского князя в свою веру, скорее всего, отражала желание его родственников (вдовы и детей – князей Бориса и Глеба Васильковичей) вписать память о Васильке в тот же контекст, что и память о Михаиле Всеволодовиче Черниговском.

2.2. Русские князья-участники столкновений с монголами в летописных компиляциях XV-XVI вв.

Новый этап развития повествований о событиях монгольского завоевания русских земель связан с созданием и последующим развитием компилятивных летописных рассказов, представляющих собой сложную композицию из фрагментов ранних повествований о Батыевом нашествии[235]. Возникновение первоначального вида компилятивного рассказа

[232] Там же. Т. 1. Стб. 461.

[233] Там же. Т. 1. Стб. 465-466.

[234] *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 280-288.

[235] *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 194.

исследователи связывают «с потребностями эпохи Куликовской битвы» и примерно датируют его периодом конца XIV – началом XV в[236]. Верхней хронологической границей при этом является создание летописного свода, легшего впоследствии в основу С1-НК2-Н4[237]. Исследователи высоко оценивают как замысел, так и масштаб работы, проведенной создателем «свода Фотия». «Сводчик 1418 г. много потрудился», привлекая «для своей работы немало новых материалов, в большинстве случаев внелетописного характера (сказания, повести, послания, грамоты), которые должны были придать новому своду характер не только исторического обзора прошлых судеб Русской земли, но и назидательного чтения», - писал М.Д. Приселков[238]. По мнению А.Н. Насонова, составитель компилятивного рассказа о нашествии Батыя «пытался дать наиболее полный, связный и исчерпывающий рассказ»[239]. Уже сама потребность в создании подобной компиляции свидетельствует о том, что в этот период имел место качественный всплеск интереса к событиям, связанным с «ордынской» тематикой, в том числе, и с нашествием Батыя[240]. В итоге получился текст, «вобравший в себя основные сюжеты, композицию и даже стиль ранних редакций»[241].

Однако это не означает, что автор компиляции лишь сводил воедино весь массив информации, доставшийся ему от предшественников. Да это было бы и невозможно: как показано выше, все три ранних летописных рассказа о нашествии часто существенно расходились друг с другом в трактовке тех или иных событий, действий тех или иных князей. Это обстоятельство во многом предопределило специфику работы сводчика. С одной стороны, требовалось заполнить имеющиеся информационные лакуны относительно событий,

---

[236] Там же. С. 19.

[237] Вопрос о его датировке подробно рассмотрен во Введении.

[238] *Приселков М.Д.* История русского летописания… С. 207.

[239] *Насонов А.Н.* История русского летописания... С. 183.

[240] *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV в. СПб., 1994. С. 116.

[241] *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 116

разворачивавшихся в годы нашествия на разных территориях Руси. Представляется, что для сводчика эта задача была относительно простой – она решалась за счет привлечения уникальной информации, содержащейся в ранних летописных рассказах о нашествии. Прежде всего, это касалось сообщений Ипат., в которой речь шла о событиях, происходивших на юге и юго-западе Руси (Козельска, Чернигова, Переяславля и Киева), а также сведений НПЛ, относящихся к действиям завоевателей на северо-западе (в районе Торжка). С другой стороны, наличие в ранних летописных источниках сразу несколько несовпадающих версий одних и тех же событий, требовало от сводчика рефлексии по поводу осуществляемой им работы. И эта задача была гораздо сложнее: нужно было не просто *соединить*, но и предварительно *выбрать* соответствующую его умонастроениям (или умонастроениями его заказчиков) тональность подачи исторического материала, а затем и соответствующую информацию.

Судя по всему, последовательность изложения битв за русские города и земли определялась в основном расположением материала во «владимиро-ростовском источнике», то есть в Лавр.[242], однако, было сразу несколько сюжетов, по которым трактовки ранних летописных рассказах о нашествии существенно расходились. Это, прежде всего, рассказ о сражении под Коломной, разные версии которого содержались во всех трех ранних летописных источниках о нашествии – НПЛ, Ипат. и Лавр. Кроме того, рефлексии требовала информация, касающаяся отъезда великого князя Юрия Всеволодовича из Владимира, а также описание событий на реке Сити. Помимо этого, сразу в трех ранних летописных источниках имелись отличающиеся друг от друга рассказы о действиях князей во время обороны Рязани и Владимира. Таким образом, составитель компилятивной версии по определению не мог решать стоящие перед ним задачи путем механического соединения отдельных летописных фрагментов, необходима была творческая

[242] Там же. С. 142.

работа, в основе которой лежали вкусовые и идеологические предпочтения книжника.

В дальнейшем повествование, созданное в рамках «свода Фотия» легло в основу последующих летописных версий рассказов о нашествии Батыя. «По широте влияния на последующее летописание этот свод едва ли уступает «Повести временных лет», с которой начинается огромное большинство русских летописей», -- полагал Я.С. Лурье, по словам которого «почти не существует летописей, начиная со второй половины XV века и включая XVI век, в основе которых не лежал бы упомянутый свод»[243]. По его мнению, восходящая к этому своду С1 «может без преувеличения быть названа основой всего общерусского московского летописания второй половины XV и XVI в.». Это касается и интересующего нас сюжета: по выражению Я.С. Лурье, «сложная версия рассказа о нашествии Батыя, которая читается в большинстве летописей, восходит к летописному своду, лежащему в основе С1 и Н4»[244]. Эта оценка вполне справедлива: все последующие летописные своды лишь развивали основные сюжетные линии, сформированные в рамках этого свода, добавляя те или иные оттенки, утоняя акценты, но при этом не меняя принципиально ни структуру компилятивного рассказа, ни его содержание. Анализу возникших в результате этого корректировок текста и посвящена данная часть второй главы.

2.2.1. Всеволод и примкнувший к нему Роман

Сообщая о взятии татарами Рязани, составитель компилятивной редакции взял за основу рассказ НПЛ, откуда полностью заимствовал материал, касающийся событийной канвы, в результате чего в версии С1

---

[243] Я.С. Лурье полагал, что безымянного создателя свода вполне можно именовать «Нестором XV века». См. подробнее: *Лурье Я.С.* Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 30.

[244] *Он же.* Общерусские летописи… С. 67; *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 116.

сохранились т.н. «отступления лирико-философского характера», которые, судя по всему, редактором Н4-НК были попросту сокращены. Еще один рудимент НПЛ, сохранившийся в рассказе С1-НК2-Н4 – указание на то, что рязанские князья обратились к великому князю Юрию Всеволодовичу о помощи, однако, он ее не оказал: «И послаша же князи резаньстии къ князю Юрью володимерьскому, просячи себѣ помочи или самому поити. Князь же Юрьи самъ не иде, ни послуша князь резаньских молбы, но хотѣ самь особь брань створити»[245]. В С1 вслед за этим в полном соответствии с НПЛ шло «лирико-философское отступление» («ино уже бяше Божию гнѣву не противитися…»[246]), объяснявшее такое решение великого князя, но в НК2-Н4, где соответствующего «отступления» не было, сразу же сообщалось о последствии такого шага Юрия Всеволодовича: «А иноплеменници оступиша град Рязань декабря 16, а въ 21 взяша и пожгошя всь, а князя их Юрья убиша, и гражанъ всѣх»[247].

При этом по сравнению с «базовым» для общего источника С1-НК2-Н4 рассказом НПЛ создатель «свода Фотия» удалил упоминание князя Романа Ингваревича из числа рязанских князей, выехавшим навстречу татарам. Возможно, это произошло, потому что в Лавр., которую в остальной части рассказа о нашествии сводчик брал за основу изложения, его имя в этой связи не фигурировало. В итоге, если в НПЛ фраза, прозвучавшая в ответ на ультиматум завоевателей «*олна насъ всѣхъ не будеть, тоже все то ваше будетъ*», вкладывалась в уста трем князьям – Юрию, Олегу и Роману Ингваревичам, то в компилятивном рассказе С1-НК2-Н4 – только первым двум[248]. При этом в самом «рязанском эпизоде» Лавр. сводчиком привлекалась весьма эпизодически. В самом начале рассказа он использовал цитату из нее

[245] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 289.

[246] Там же.

[247] Там же. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 215; Т. 42. СПб., 2002. С. 112.

[248] Там же. Т. 3. С. 74. Ср. Т. 6. Вып. 1. Стб. 288.

(«Того же лѣта на зиму приидоша от въсточныя страны на Рѣзаньскую землю лѣсомъ бесбожнии татарове»[249]), правда, добавив от себя имя предводителя завоевателей («съ царемъ Батыемъ[250]»), поскольку ни в НПЛ, ни в Лавр., как было показано выше, оно не упоминалось.

При этом составитель компилятивного повествования не воспользовался сообщениями Ипат., в которой шла речь об «прельщении» рязанского князя Юрия и его жены («взяша град Рязань копьемь, изведше на льсти князя Юрья, и ведоша Прыньску, бѣ бо в то время княгини его Прыньскы. Изведоша княгиню его на льсти, убиша Юрья князя и княгини его»[251]). Отказ от такой трактовки событий, скорее всего, носил осмысленный характер. С одной стороны, можно утверждать, что составлявший компиляцию книжник был знаком с этой версией, и, похоже, даже позаимствовал из нее, немного переставив местами слова, оборот – «*князя* ихъ *Юрья убиша и княгиню его*» (по крайней мере, и в Лавр., и в НПЛ фраза об гибели правителей Рязанской земли читалась несколько иначе: «*князя ихъ убиша*» и «*избиша князя и княгиню*», соответственно[252]). С другой стороны, стрежневая для всего повествования Ипат. тема татарской лести и прельщений, с помощью которых завоеватели действовали в отношении героев ее рассказа, оказалась полностью проигнорирована составителем компилятивной редакции – причем, не только в рассказе о взятии Рязани, но, как будет показано далее, и во всех остальных эпизодах, касающихся нашествия Батыя.

В описании последствий монгольского нашествия на Рязань С1 сохранила сложный компилятивный рассказ, замысловато и в почти равных пропорциях составленный на основе чтений сразу двух источников – Лавр. и

---

[249] Там же. Т. 1. Стб. 460.

[250] Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 288. Подробнее см.: *Насонов А. Н.* История русского летописания… С. 183.

[251] Там же. Т. 2. Стб. 778.

[252] Там же. Т. 1. Стб. 460; Т. 3. С. 75.

НПЛ, включая «отступление лирико-философского характера» последней[253]. Редактор же общего для Н4-НК2 текста, видимо, сознательно сократил весь этот фрагмент, оставив лишь сообщение о том, что татары в Рязани «князя их Юрья убиша, и *гражанъ* всѣх»[254].

В летописании конца XV – начала XVI в. в основном был повторен рассказ о взятии Рязани в том виде, в каком он был в С1. Так Московский свод конца XV в. (далее - МС конца XV в.) и Воскресенская летопись (далее – Воскр.) в точности передавали текст С1[255]. Пожалуй, единственное отличие рассказа Симеоновской летописи (далее - Сим.) от С1 состояло в добавлении более натуралистических описаний зверств, совершенных завоевателями в Рязанской земли и проявленных, в том числе, не только к Юрию Ингваревичу, но и другим князьям и к их «мужам», а также к «*великимъ же княгинямъ, и болярынямъ*»:

С1	**Сим.**
Татаровъ же взяша градъ Резань того же м(е)с(я)ца въ 21 д(е)нь и пожьгоша весь, и князя ихъ Юрья убиша и княгиню его, а иных же имъше, мужеи, и жены, и дѣти, и черньца, и черниць, и ерея, овых расѣкааху мечи, а другых стрѣлами стрѣляахуть и в огнь вмѣтааху, иныя имающа, вязааху и поругание	Татарове же взяша градъ ихъ Рязань того же мѣсяца 21 и пожгоша весь, а князя великаго Юрья убиша и княгиню его, и иныхъ *князеи* побиша, а мужии *ихъ* и женъ и дѣтеи, и черица и черница, иереа, овыхъ разскаху мечи, а другыхъ стрѣлами сьстрѣляху и въ огнь вмѣтаху, а иныа имающе вязаху *и груди възризываху и*

[253] Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 291.

[254] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 215; Т. 42. С. 112. Интересно, что таким приемом сокращения текста – путем замены долгих перечислений разных категорий погибших общим для всех понятием «*гражданъ*» - редактор рассказа о нашествии, дошедшего в Н4-НК2, воспользовался еще раз при описании жертв татарского разорения Владимира (там же. Т. 4. Ч. 1. С. 216; Т. 42. С. 113), о чем также речь пойдет ниже.

[255] Там же. Т. 25. М., 2004. С. 126-127; Т. 7. М., 2001. С. 139.

черницамъ и попадьямъ, и добрымъ женамъ, и д(е)в(и)цамъ пред матерьми и сестрами. А еп(и)с(ко)па ублюде б(о)гъ: от(ъ)ѣха прочь в от годъ, тогда рать оступила градъ.[256].	*жолчь вымаху, а иныхъ кожи одираху, а инымъ иглы и щоны за ногти биаху,* и поругание же черницамъ и попадиамъ, *великимъ же княгинямъ, и болярынямъ*, и простымъ женамъ и дѣвицамъ предъ матерьми и сестрами творяху. Епископа же ублюде Богъ, отъѣха прочь въ тои годъ, егда рать оступила градъ.[257].

Следование компилятивного рассказа «свода Фотия» за НПЛ в той части рассказа, которая касалась Рязани, как можно полагать, объяснялась стремлением сводчика и его последователей дать более полное описание событий (Лавр., будучи его основным источником для рассказа о большинстве других эпизодов нашествия, в «рязанском» была мало полезна, поскольку в ней, как было показано выше, этот сюжет был максимально сокращен). С этим обстоятельством, вероятно, связано и то, что в повествование С1-НК2-Н4, а из него и в последующие летописные своды, попала информация о нежелании Юрия Всеволодовича оказать помощь рязанским князьям. Вероятно, подобное поведение великого князя не противоречило тому образу нашествия, который был у книжников XV-XVI вв. Создатель «свода Фотия» и его последователи, вплоть до составителя Степенной книги (далее - СК[258]), сохраняли в своих рассказах о нашествии этот сюжет, вероятно, полагая, что он не был направлен против великого князя владимирского, а лишь фиксировал имевшее место в момент нашествия состояние умов правителей русских земель, которые

[256] Там же. Т. 6. Стб. 289.

[257] Там же. Т. 18. М., 2007. С. 55.

[258] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. Т. 2. М., 2008. С. 411

оказались дезориентированы и часто действовали не так, как им следовало. В этом, по мнению книжников, и проявлялось «наказание за грехи» - ситуация, которую в свое время описал Серапион Владимирский: «князии нашихъ, воеводъ крѣпость ищезе»[259].

В Никоновской летописи (далее – Ник.), которая в основных чертах повторяла рассказ Сим., такое восприятие ситуации получило максимальное отражение. В то место, где Ник., вслед за своим источником, передавала восходящее к НПЛ «лирико-философское отступление», была добавлена обобщающая характеристика поведения русских князей во время нашествия Батыя. Смысл этой вставки, судя по всему, состоял в том, чтобы «перевести» абстрактную библейскую формулу, объяснявшую отказ Юрия от оказания помощи рязанским князьям, на более понятный и приближенный к конкретной ситуации язык, показав, в чем именно проявились «страх и трепет» русских князей[260].

Сим.	**Ник.**
Князь же Володимерскыи Юрьи самъ не поиде, ни силы своея не посла, и не послуша молбы Рязанскыхъ князеи, но хоть о себъ самъ особь сътворити брань. Но уже бяше Божию гнѣву не противитися, недоумѣние бо и грозу и страхъ и трепеть наведе на ны за грѣхы наша[261].	Князь велики же Юрьи Всеволодичь Володимерский самъ не поиде, ни силы своеа не посла, и не послуша молбы Рязанскихъ князей, но хоть о себѣ самъ особь сотворити брань. Но уже бяше Божию гнѣву не противитися, недоумьние бо, и грозу, и страхъ, и трепетъ наведе на ны за грѣхи наша, *и поглащена бысть премудрость могущихъ строити*

[259] *Петухов Е.В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. С. 8 (второй пагинации).

[260] В рассказ Лицевого летописного свода (далее – ЛЛС) эта вставка не попала. См.: ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 105.

[261] Там же. Т. 18. С. 55.

	ратная дѣла, и крѣпкихъ сердца въ слабость женскую преложишася и сего ради ни единъ отъ князей Русскихъ другу къ другу поиде на помощъ[262].

В тексте VII степени СК сюжет о событиях вокруг Рязани и Коломны как таковой отсутствовал: там лишь перечислялись города, подвергшиеся завоеванию («тако жестокимъ плѣнениемъ в запустѣние предаде тогда многыя грады и мѣста Русьскаго царствиа <…> прьвие на Рязань, потом же на Коломну, и на Москву, и на Владимиръ, и на иныя многиа грады»[263]). Более подробное повествование о «пленении Батыевом» содержится в Житии Александра Невского редакции Ионы Думина, вошедшем в состав СК. В этом памятнике рассказ о посольстве рязанских князей к великому князю Юрию Всеволодовичу был осмыслен в еще более адаптированной форме: от библейской цитаты, которая изначально была в рассказе НПЛ, почти не осталось следа, зато было дано подробное пояснение того, что именно стало следствием охватившего всех (именно всех, а не одного великого князя!) страха и трепета: «Послаша же рязаньстии князи къ великому князю Юрью Владимирьскому, да поидеть съ ними противу безбожныхъ агарянъ. Онъ же самъ не поиде, и силы не посла, занеже страхъ нападе *на всъхъ* и трепетъ, являя Божии гнъвъ, и *сего ради поглощена бысть премудрость могущихъ строити ратнаа дъла. Ни единъ же отъ князеи рускихъ не поиде другъ другу на помощь, ни совокупишася вси, ни поидоша противу безбожныхъ. Безбожнии же, не имуще многи супротивникы себе, на когождо отечество находяще, грады приимаху, князя и люди мечю и огню предаваху*»[264].Такая трактовка поведения князей соответствовала общему восприятию нашествия, свойственного СК, в

[262] Там же. Т. 10. С. 105-106.

[263] Степенная книга … Т. 1. М., 2007. С.497.

[264] Там же. Т. 2. М., 2008. С.411.

которой находящаяся в VII степени глава 9, открывавшая рассказ о нашествии, называлась «О гнѣвѣ Божии и о нахожении безбожнаго Батыя на Русъскую землю». Согласно тексту СК, «дръжавнии наши аще и благочестиви бяху, но обаче другъ предъ другомъ честь и начальство получити желаше, и единъ единаго отъ отеческаго достояния изганяше, и кождо самочиннѣ тщашеся самодръжьство въсхитити, и самъ старѣишиньствовати хотяше Русьскимъ царствиемъ». Именно поэтому («того ради»), согласно СК, «усугубляше Богъ праведный гнѣвъ Свои и попусти на ны тяжчаишая напасти»[265].

Рассказ о сражении под Коломной, дошедший в составе С1-НК2-Н4, был создан на основе комплиментарного по отношению к владимирскому князю Всеволоду Юрьевичу рассказа Лавр. Поэтому именно этот князь и в компилятивной версии событий оказывался на первом месте среди других участников сражения, что противоречило версии НПЛ, согласно которой единственным князем, участвовавшим в сражении, был рязанский князь Роман Ингваревич, а Всеволод, наоборот, не упоминался вообще (напомним, что владимирцы, согласно НПЛ, были представлены воеводой Еремеем Глебовичем[266], зеркальная картина была в Лавр., в которой вовсе не фигурировал князь Роман[267]). Тем не менее, в версии С1-НК2-Н4 он все-таки был упомянут, что, судя по всему, отражало намерение позднейшего сводчика соблюсти сразу два важных для него принципа: построить свой рассказ, по возможности, с опорой на всю имеющуюся у него под рукой информацию, не пренебрегая без лишней необходимости сведениями своих источников, но при этом показать в наилучшем свете представителей правившей в Суздальской земле княжеской династии.

Редакторская работа сводчика выразилась в том, что Роман Ингваревич, хоть и упоминался в новой версии событий, но отодвигался на второй план.

---

[265] Там же. Т. 1. М., 2007. С.496-497.

[266] ПСРЛ. Т. 3. С. 75.

[267] Там же. Т. 1. Стб. 460.

При этом, если Н4-НК2 лишь ставила Всеволода на первое место среди участников сражение, то С1, помимо этого, преподносила дело таким образом, что оба князя – не только Всеволод Юрьевич, но и Роман Ингваревич (!) - отправились к Коломне… из Владимира («тое же зимы поиде Всеволодъ, сынъ Юрьевъ, внукъ Всеволожь, и князь Романъ Инъвгоровичь съ своими вои *из Володимеря* противу татаромъ. Князь же Юрьи Володимерьскыи тогда посла Еремѣя Глѣбовича въ сторожѣх воеводою»[268]). Это явно противоречило не только логике изложения ранних летописных рассказов о нашествии, но и самой логике событий. Причина возникновения такой несуразности очевидна: появление в составе выдвинувшегося из Владимира войска «под вторым номером» князя Романа неизбежно приводило к изменению всего маршрута движения к Коломне, оставляя возможность предполагать, что за время, прошедшее с начала нашествия монгольских войск на Рязанскую землю, князь Роман мог успеть добраться из-под Рязани до Владимира - с тем, чтобы тут же вернуться обратно к Рязани с войском владимирского князя.

Повторение на пространстве двух предложений слова «Володимерь» и производного от него «володимерьскыи», скорее, говорит в пользу ошибочного осмысления автором С1 первоначальной информации. Судя по всему, сообщение о том, что на Коломну отправился Всеволод с Романом в том виде, в котором оно дошло в С1, напрямую базировалось на тексте, близком к тому, что дошел в Лавр.: отсюда в С1 попало именование князя Всеволода («Всеволод, сынъ Юрьевъ, внукъ Всеволожь», а не «Всеволод Юрьевич», как в Н4-НК2), а также уточнение, что из-под Коломны Всеволод прибежал во Владимир «въ малѣ дружинѣ» (в Н4-НК2 этого нет). При этом редактор С1 в процессе переделки текста мог внести уточнение относительно того места, откуда оба князя могли прибыть – «из Володимеря», что в отношении добавленного в контекст рассказа НПЛ князя Всеволода было

[268] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 215-216. Ср.: там же. Т. 42. С. 112; там же. Т. 6. Вып. 1. С. 290.

абсолютно справедливо, но в отношении Романа Ингваревича являлось явной ошибкой.

Впрочем, судя по всему, такой логистический крюк автора рассказа С1 не смущал. Возможно, на это повлиял один из сюжетов Ипат., рассказ которой очевидно находился под рукой у сводчика (из этой летописи он, например, заимствовал уникальную информацию об обороне Козельска, Чернигова, Киева), но в рассказе о событиях под Коломной им использован не был. Как бы то ни было, маршрут, по которому, согласно С1, якобы двигался князь Роман Ингваревич в точности повторял путь из Рязанской земли в Суздальскую и обратно, который в первые недели нашествия проделал персонаж Ипат. – некий князь Кюр Михайлович. Он, согласно рассказу галицко-волынской летописи, сначала «*утече* со своими людми *до Суждаля»*, где и «поведа великому князю Юрьеви безбожных *агарянъ* приходъ», а затем был отправлен великим князем обратно, в Рязанскую землю, в составе войска, которое возглавлял Всеволод Юрьевич («то слышавъ великий князь Юрьи посла сына своего Всеволода со всими людми и *с нимъ* Кюръ Михайловичь»[269]). Таким образом, и маршрут, которым, согласно Ипат., следовал Кюр Михайлович, и имевший место, по версии Ипат., факт его подчиненного по отношению к Всеволоду Юрьевичу положения во время сражения – все это в изложении С1 в точности повторил Роман Ингваревич, вообще не фигурировавший на страницах галицко-волынской летописи.

Трактовка «коломенского эпизода», возникшая в рамках С1-НК2-Н4, получила развитие и в последующих летописных сводах XV-XVI вв. В более позднем МС конца XV в. и в зависящих от него летописях князь Роман оказался отодвинут и вовсе на третье место, потому что, согласно предложенной летописцами трактовке, инициатором похода на татар, как и в повествовании Ипат., оказывался… великий князь Юрий Всеволодович: «*Князь же великии Юрьи посла* противу им сына своего *Всеволода из*

[269] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779.

Володимеря, и *с ним* князь Романъ Инъгворович с вои своими, а воеводу своего Еремѣя Глѣбовича посла князь Юрьи напред в сторожех»[270].

С1-	**Н4-НК2**	**МС конца XV в.**
Тое же зимы *поиде Всеволод, сынъ Юрьевъ, внукъ Всеволожь, и князь Роман Инъвгоровичь съ своими вои из Володимеря* противу татаромъ. *Князь же Юрьи володимерьскыи тогда посла Еремѣя Глѣбовича въ сторожѣх воеводою* <…> И ту убиша князя Романа, а у Всеволода воеводу его Еремѣя и иныхъ много мужеи побиша. А Всеволодъ въ малѣ дружинѣ прибѣжа въ Володимерь[271].	И поидоша на Коломно, а *Всеволод Юрьевич и Романъ Инъвгорович идошя противу ихъ, а из Володимеря Юрьи посла в сторожех воеводою Еремеа Глѣбовича*. <…> И ту убиша князя Романа и воеводу Еремиа, а Всеволод прибѣжа к Володимерю, а москвичи к Москве[272].	*Князь же великии Юрьи посла противу им сына своего Всеволода из Володимеря, и с ним князь Романъ Инъгворович с вои своими, а воеводу своего Еремѣя Глѣбовича посла князь Юрьи напред в сторожех* <…> и ту убиша князя Романа, а у Всеволода воеводу его Еръмъя, и иных много мужеи побиша, а Всеволод в мале дружине прибеже в Володимерь[273].

[270] ПСРЛ. Т. 25. С. 127.

[271] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. С. 290.

[272] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 215-216; Т. 42. СПб., 2002. С. 112-113.

[273] ПСРЛ. Т. 25. С. 127.

Эта же трактовка впоследствии оказалась и в Ник.[274]. Что же касается рассказа о коломенской битве в СК, то этот текст ничем не отличался от той версии, которая была зафиксирована в МС конца XV в.: в ней на первом месте стоял великий князь Юрий Всеволодович, который направил из Владимира в Коломну «*сына* своего Всеволода противу ихъ и князя Романа Ингворовича со всею силою, да воеводу Еремиа Гльбовича»[275].

«Владимироцентризм» повествования С1, наряду со свойственным общему источнику С1-НК2-Н4 стремлением вывести на первый план владимирского княжича Всеволода Юрьевича, а также представить великого князя Юрия Всеволодовича главным организатором отпора татарам получил развитие и в других сюжетах, посвященных нашествию Батыя в составе «свода Фотия» и последующих летописных трактовках событий 1238 года.

2.2.2. «Изыдемъ къ ним на бой»: новые трактовки поведения сыновей великого князя при обороне Владимира в летописании XV-XVI вв.

Анализ текстов компилятивной редакции, которая дошла в С1-НК2-Н4, свидетельствует о стремлении сводчика преподнести историю гибели сыновей великого князя Юрия Всеволодовича в осажденном Владимире иначе, чем она была представлена в его источниках, показав их сторонниками активного сопротивления завоевателям. Это был тот случай, когда сводчик имел возможность выбирать: перед ним были все три (НПЛ, Ипат. и Лавр.) версии событий, дошедшие в ранних летописных источниках. Судя по всему, с точки зрения составителя компилятивной редакции, версия Ипат. компрометировала оставшегося в столице князя Всеволода Юрьевича, который, согласно этой летописи, вопреки призыву епископа Митрофана («Чада, *не убоимся* о

[274] Там же. Т. 10. С. 106. См. *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. М., 1980. С. 51.

[275] Степенная книга … Т. 2. С. 411.

прельщеньи от нечестивых»), все-таки «*убояся*» и «изъ града изииде с маломъ дружины и несы со собою дары многии, надѣяше бо ся от него (Батыя. - *В.Р.*) животъ прияти»[276]. Поступив подобным образом, Всеволод обрек на гибель не только себя, но жителей Владимира, которые по призыву Митрофана начали было «крѣпко боротися»[277]. Редактор первой трети XV в., вероятно, рассудил, что подобное поведение было ничем иным как проявлением трусости, приведшем к катастрофе. Видимо, в таком образе сын великого князя владимирского не мог предстать на страницах его монументального произведения. Однако не мог он, судя по всему, предстать и в образе смиренного молитвенника, фактически отстранившегося от участия в обороне города, коим князя изобразил составитель рассказа НПЛ[278]. В итоге в компилятивном рассказе «владимирский» сюжет был передан на основе версии Лавр. Но и она, судя по всему, не в полной мере подходила для «правильного», с точки зрения редактора, изображения лиц княжеского достоинства.

Созданное на основе ранних летописных рассказов повествование о нашествии Батыя, находящееся в С1-НК2-Н4, по наблюдениям Я.С. Лурье, «восходит к общему оригиналу CI–HIV», при этом, версии Н4-НК2 отличаются от С1 тем, что в них, среди прочего, оказались опущены речи князей Всеволода и Мстислава Юрьевичей. Решая вопрос о том, в какой из двух этих летописей содержится более точное воспроизведение их общего протографа (в более пространной С1 или более лаконичной Н4-НК2), исследователь пришел к выводу, что лучше всего этот текст сохранился в С1[279]. В ходе работы сводчика сюжет, касающийся разговора сыновей

[276] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

[277] Там же.

[278] Там же. Т. 3. С. 75.

[279] По мнению Я.С. Лурье, «первичность CI и вторичность HIV яснее всего обнаруживается при сравнении больших общерусских повестей обеих летописей; во многих случаях фрагментарное изложение этих повестей в HIV явно может быть возведено к их полным

великого князя с воеводой Петром Ослядюковичем, был подвергнут серьезной переработке. Если в исходном варианте Лавр. Петр Ослядюкович не давал князьям сделать то, что они задумывали («*луче ны есть умрети перед Золотыми врaты* за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру христьяньскую»), то в С1 ответ воеводы в видоизмененном виде вкладывался в уста князьям, согласно этой версии полагающим, что лучше не просто умереть, а умереть *вместо того*, чтобы оказаться в руках татар («ниже[280] в воли ихъ быти»). При этом фраза, которая в Лавр., будучи вложенной в уста обоих князей («рекоста оба князя»), являлась маркером их христианской покорности («Си вся на ны наведе Богъ грѣх ради нашихъ» и поэтому «нѣсть человеку смерти, и нѣсть мужества, ни думы противу Господеви»), в С1 «присваивалась» воеводой, который якобы произносил ее в ответ на слова Всеволода и Мстислава. Еще одна ключевая для маркировки смирения князей фраза Лавр. («*яко Господеви годѣ бысть, тако и бысть*») в С1 просто не использовалась. Таким образом, переработка изначального текста в рамках создания компилятивной редакции, дошедшей в СI, выразилась в том, что в уста князей Всеволода и Мстислава вкладывалась переиначенная по сравнению с Лавр. реплика: «Лучше ны есть умрети <...> за святые церкви и за православную веру христианьскую, *нежели воли ихъ* (татар - *В.Р.*) *быти*». Теперь уже воевода Петр отговаривал князей не от смиренно жертвенного поведения, а, наоборот, от акта безрассудной храбрости, и ему, а не им приписывались слова, первоначально якобы произносимые братьям и характеризующие их смирение: «Сиа вся наведе Богъ на ны грехъ ради нашихъ...»[281].

Лавр.	**С1Л**

текстам СI». В том числе, и в случае с рассказом о нашествии Батыя. См.: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи …. С. 73-76.

[280] То есть ‘нежели’. См.: Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 11. М., 1986. С. 367.

[281] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 291.

Всеволод же и Мстиславъ сжалистаси брата своего дѣля Володимера и рекоста дружинѣ своей и Петру воеводѣ: «Братья, луче ны есть умрети перед Золотыми враты за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру христьяньскую». *И не да воли ихъ быти Петръ Ослядюковичь*. И *рекоста оба князя*: «Си вся наведе на ны Богъ грѣх ради наших, яко же пророкъ глаголет: «Нѣсть человеку мудрости, ни е мужства, ни есть думы противу Господеви. Яко Господеви годѣ бысть, тако и бысть. Буди имя Господне благословено в вѣкы»»[282].	Всеволод же и Мстиславъ сжалиста си, брата дѣля своего Володимера, и ркоста всеи дружинѣ и Петру воеводѣ: «Брате, луче ны есть умрети пред Златыми вороты за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру, *ниже въ воли ихъ быти». Воевода же Петръ Ослятинъ* и *ркоста оба князя:* «Си вся на ны наведе Богъ грѣх ради нашихъ, яко пророкъ глаголеть: «Нѣсть человеку смерти, и нѣсть мужества, ни думы противу Господеви»[283].

Было ли это изменение сознательным, или же перед нами обычная ошибка переписчика, банальная описка? Вопрос не лишен основания, поскольку сама по себе работа составителя компилятивной редакции была настолько огромна, что возможность появления ошибок была крайне велика, а это место, возможно, и вовсе оказалось самым затруднительным для создателей компилятивной версии.

Есть как минимум два случая, когда составитель Н4-НК2 стремился исправить возникшую в С1 несуразность либо просто удалял не вполне понятный текст, который сохранился только в С1. Первый пример такой редакторской работы (удаление непонятного текста) заметен в отрывке,

[282] Там же. Т. 1. Стб. 461-462. Ср.: там же. Т. 30. С. 88.

[283] Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 291-292.

относящемся к описанию осады Владимира. Судя по всему, создатель компилятивного текста С1 все-таки в одном месте решил привлечь к рассказу о штурме столицы Суздальской земли фрагмент НПЛ («И бысть на заутрье, увидѣ *князь Всеволодъ и владыка Митрофанъ*, яко уже взяту быти граду, внидоша въ церковь святую Богородицю, и истригошася *вси* въ образъ, таже въ скиму, от владыкы Митрофана, *князь и княгыни, дчи и сноха, и добрии мужи и жены*»[284]), вставив его в повествование, заимствованное из Лавр. -- своего базового в этой части источника. При этом книжник не заметил, во-первых, что в указанной цитате упоминается лишь один князь (тогда как в исходном для его рассказа Лавр. в этом месте говорилось о двух князьях), во-вторых, что вставка явно ломала логику и самого повествования, и действий его главных героев, поскольку в дальнейшем якобы уже принявший постриг князь Всеволод теперь уже вместе с братом Мстиславом спасались вместе со «всеми людьми» в Печернем городе («бѣжа же *Всеволодъ и Мстиславъ* и всѣ людие въ Печернии городъ»)[285]. А, в-третьих, сокращенная в С1 по сравнению с исходным текстом НПЛ фраза «*князь и княгыни, дчи и сноха, и добрии мужи и жены*» обессмысливала оставленное им указание источника на то, что «стригошася *вси* въ аггельскыи образ». Кто эти «все», из текста теперь было непонятно, поскольку в этой его части упоминались лишь князь и епископ, а последний вряд ли повторно принимал постриг. В итоге в Н4-НК эти смысловые недочеты были исправлены путем устранения из фрагмента о постриге всякого упоминания князя Всеволода и заменой его на неких «граждан», то есть «горожан»: «и бысть наутриа, оувѣдаша *гражданъ*, яко оуже бьгги взяту граду, и внидоша въ церковъ святыя Богородица и стригошася *вси* отъ владыки отъ Митрофана»[286]. В таком прочтении указание на «всех» принявших постриг вновь обретало смысл.

---

[284] Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 292. Ср.: Т. 3. С. 62-63.

[285] Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 292. Ср.: Т. 1. Стб. 463.

[286] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 216.

НПЛ	С1	Н4-НК2
«И бысть на заутрье, увидѣ *князь Всеволодъ и владыка Митрофанъ*, яко уже взяту быти граду, внидоша въ церковь святую Богородицю, и истригошася *вси* въ образъ, таже въ скиму, от владыкы Митрофана, *князь и княгыни, дчи и сноха, и добрии мужи и жены*»[287].	И бысть на оутрия: *оувидѣвъ князь Всеволод и владыка Митрофанъ* яко оуже взятоу граду. И внидоша в церковъ святоую Богородицю, стригошася *вси* въ аггельскыи образ от владыки Митрофана[288].	и бысть наутріа, оувѣдаша *гражданѣ*, яко оуже бьгги взяту граду, и внідоша въ церковъ святыя Богородица и стрігошася *всі* отъ владыки отъ Митрофана»[289].

Второй пример исправления встречается в отрывке, в котором рассказывается о получении князем Юрием Всеволодовичем известия о гибели сыновей. Если, согласно Лавр., великий князь узнавал о том, что «старѣйшая сына Всеволодъ с братом *внѣ града* убита» и что «люди *избиты*, а к тобѣ (татары. – В.Р.) идут», то в С1 речь шла уже о том, что «старѣишия сына твоя Всеволодъ с братомъ» не вне града, а «*в Новѣ городѣ* убиена быста», при этом отмечалось, что «люди *избывшие* (то есть, ‘спасшиеся во время штурма города’[290]. – В.Р.) к тобѣ идуть». Оба случая (замену «внѣ града» на «в Новѣ городѣ», а также «избиты» на «избывшие») следует объяснять ошибками переписчика текста, который, видимо, был знаком с топонимикой Владимира, и поэтому упомянул действительно существовавшую его часть - Новый город.

[287] Там же. Т. 3. С. 62-63.

[288] Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 292.

[289] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 216; Т. 42. С. 113.

[290] Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 103-104.

При этом замена «избитых» татарами людей на «изывших» вряд ли могла быть основана на чем-либо, кроме невнимательности или неосведомленности о сути происходящего: трудно предположить, что люди, спасшиеся от татар во Владимире, могли отправиться район реки Сити к великому князю Юрию даже, если бы знали, где он в тот момент находился. Эта несуразность, видимо, бросилось в глаза редактору Н4-НК2, который исправил чтение на более точное, добавив при этом и имя второго владимирского княжича: «сыны твоа Всеволода и Мьстислава *внѣ города* убиста, а люди вси *избивше*, и паки к тобѣ идут»[291].

Лавр.	**С1**	**Н4-НК2**
Приде вѣсть к великому князю Юрью: «Володимерь взятъ, и церкы зборъная, и епископъ, и княгини з дѣтми, и со снохами, и со внучаты огнемь скончашася, а *старѣйшая сына Всеволодъ с братом внѣ града* убита, *люди*	Прииде вѣсть великому князю Юрью: яко Володимерь взятъ и церкви съборныя, а епископъ и княгини з дѣтми и съ снохами и съ внучаты огнемъ скончашася; а *старѣишия сына твоя Всеволодъ с братомъ в Новѣ городѣ* убиена	И прииде ему вѣсть: «Володимерь взятъ, и церкви пожжени, а епископъ, и княгини з дѣтми и снохами и съ внучаты огнемь скончашася, а *сыны твоа Всеволода и Мьстислава внѣ города* убиста, а *люди вси избивше, и паки к тобѣ идут*»[294].

[291] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 218; Т. 42. С. 113. Ошибка, исправленная в Н4-НК2, будет еще долго кочевать в источниках, так или иначе связанных с С1: так в составленной почти полтора столетия спустя после «свода Фотия» СК: «два же старѣйшая твоя сына Всеволодъ и Мстиславъ в новомъ градѣ Владимири отъ техъ же безбожныхъ татаръ убиена быста, инии же людие мнози избиени бышя. *Оставшии же людие к тебѣ грядутъ*». См.: Степенная книга … Т. 1. С. 499.

[294] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 218; Т. 42. С. 113.

избиты, а к тобѣ идут»[292].	быста; *а люди избывшие к тобѣ идуть*[293].	

Впрочем, оба этих примера вовсе не доказывают, что составитель рассказа С1, меняя текст своих источников, допускал непроизвольные ошибки во всех случаях. Что касается речей Всеволода, Мстислава и Петра Ослядюковича, можно предположить, что их исправление в С1 носило осознанный характер. Подобная смысловая корректировка четко вписывалась в общий подход книжника, который, как мы знаем, имея возможность выбирать из трех версий рассказа о обороне Владимира, сознательно отдавал предпочтение общей канве рассказа Лавр., а вовсе не НПЛ или Ипат. – видимо, менее «героических», с его точки зрения. В рамках такой «героизации» он мог вполне сознательно попытаться переиначить и диалог князей с воеводой Петром Ослядюковичем, представляя себе, что именно так и *должны были* говорить (и действовать!) князья в подобной ситуации.

Впрочем, как и в ряде предыдущих случаев, эта редакторская работа оказалась не на высоте, поскольку, исправляя свой «исходник» в одном месте, в другом книжник вновь допустил, по выражению А.Ю. Бородихина, «явную бессмыслицу, несогласованность членов предложения». Речь идет о фразе «*Воевода же Петръ Ослятинъ и ркоста оба князя*: «Си вся на ны наведе Богъ грѣх ради нашихъ, яко пророкъ глаголеть…», начальная часть которой, действительно, выглядит не вполне понятно: «как бы ни расставлять знаки препинания «воевода Петр Ослатин» повисает между двумя связными фрагментами, теперь уже механически (как текст оригинала) примыкая к ставшему для него «чужим» контексту»[295]. Видимо, неясность получившейся фразы и побудила редактора того варианта, который лег в основу Н4-НК2, и

[292] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464.

[293] Там же. Т. 6. Вып. 1 Стб. 294.

[295] *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 124.

вовсе выпустить этот фрагмент: возможно, он просто не понял, о чем именно шла речь в этом отрывке.

Интересно другое: последующие редакторы летописного рассказа о нашествии Батыя, в отличие от составителя Н4-НК2, вероятно, не готовы были так запросто избавляться от полного драматизма диалога владимирских князей с воеводой Петром Ослядюковичем, и поэтому постарались придать «бессмыслице» тот или иной смысл. Если судить, например, по чтениям С1 по списку Н.И. Царского (в последующем он лег в основу текста Воскресенской летописи[296]), в дальнейшем фраза оказалась вновь скорректирована («и *воевода же Петръ Ослатинъ, и оба князя ркоста*: «Си вся на ны наведе Богъ грѣх ради нашихъ»[297]). МС конца XV в., в этой части опиравшийся на рассказ С1, уточнил версию своего основного источника («Всеволод и Мстислав <…> ркоста всеи дружинѣ и Петру воеводе: «братие, лучши ны есть умрети пред Златыми вороты за святую Богородицю и за правую вѣру, *нежели воли ихъ быти*». *Воевода же Петръ рече: «сия вся наведе Богъ на ны грѣх ради наших*, яко же пророкъ глаголетъ: «нѣсть человѣку мудрости и нѣсть мужества, ни думы противу Господеви»[298]). Характерно, что корректировка была произведена не в пользу возвращения к исходному варианту, читающемуся в Лавр., а при помощи стилистической доработки варианта, отразившегося в С1. Уже в Сим. текст вновь был скорректирован. В результате фраза, вложенная в уста братьям, приобрела еще более «героический» вид: «братья, луче есть

---

[296] *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М., Л., 1938. С. 370; *Клосс Б.М.* Список Царского Софийской I летописи и его отношение к Воскресенской летописи // Летописи и хроники, 1984 г. М,, 1984. С. 34-37; *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 111-115.

[297] ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. С. 77.

[298] Там же. Т. 25. С. 127. Эту же версию передала и составленная в начале 1560-х гг. Степенная книга. См.: Степенная книга… Т. 2. С. 411-412.

умрети перед Златыми враты за святую Богородицу и за православную веру христианскую, *нежели* воли ихъ быти *над нами»*[299].

С1	МС конца XV в.	Сим.	Ник.
Всеволод же и Мстиславъ сжалиста си, брата дѣля своего Володимера, и ркоста всеи дружинѣ и Петру воеводѣ: «Брате, луче ны есть умрети пред Златыми вороты за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру, *ниже въ воли ихъ быти». Воевода же Петръ Ослятинъ и ркоста оба князя:* «Си вся на ны наведе Богъ грѣх ради нашихъ, яко	Всеволод же и Мстиславъ сжалистаси, брата дѣля своего Володимера, и ркоста всеи дружинѣ и Петру воеводѣ: «Братие, лучше ны есть умрети пред Златыми вороты за святую Богородицю и за правую вѣру, *нежели воли ихъ быти». И воевода же Петръ рече:* «Сия вся наведе Богъ на ны грѣх ради нашихъ, яко же пророкъ глаголеть: «Нѣсть человѣку мудрости и несть	Всеволод же и Мстиславъ съжалиста си брата дѣля своего Володимера и рекоста всеи дружинѣ своеи и Петру воеводѣ: «братие, лучше ны есть умрети предъ Златыми вороты за святыа церкви и за православную вѣру христианскую, *нежели воли ихъ быти надъ нами». Воевода же Петръ рече*: «сиа вся на-веде Богъ на ны грѣхъ ради нашихъ»; яко же	Юрьевичи же Всеволодъ же и Мстиславъ *възхотѣша изыти противу ихъ*, и рѣша воеводѣ своему Петру Ослядюковичю: *«изыдемъ к ним на бой за святыа церкви и за православную вѣру». Воевода же Петръ Ослядюковичь рече*: «сия вся Господь наведе на насъ грѣхъ ради нашихъ; *се бо есть лоза Его, и се наказание Его, и кто можеть противу Его стати*, якоже

[299] ПСРЛ. Т. 18. С. 56.

пророкъ глаголеть: «Нѣсть человеку *смерти*, и нѣсть мужества, ни думы противу Господеви». Се створися зло въ Суждальской земли велико, яко же тако зло отъ крещения нѣсть было, яко же бысть нынѣ»[300].	мужества ни думы противу Господеви»[301].	пророкъ глаголеть: нѣсть человѣку мудрости и нѣсть мужества, ни думы противу Господеви[302].	пророкъ глаголеть: «нѣсть человѣку мудрости, и несть мужества ни думы противу Господеви». *Како убо можемъ изыти на нихъ, и стати противу толикаго множества? Лутчи намъ есть во градѣ сѣдѣти и, елико возможно намъ, противу ихъ брань сотворяти*». И начаша молебны пѣти, и рыдания и слезъ пролиаша много ко Господу Богу и къ пречистой Его

[300] Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 291-292.

[301] Там же. Т. 25. С. 27. Ср.: там же. Т. 10. С. 107-108.

[302] Там же. Т. 18. С. 56.

			Матери Богородици[303].

Сим. в этой части легла в основу Ник.[304], однако, указанное чтение оказалось повторено лишь в ее Толстовском VII (Голицынском) списке, представляющим собой текст Лицевого летописного свода[305]. Во всех остальных списках Ник. тема, связанная с готовностью князей героически сражаться с татарами, получила дальнейшее развитие. Согласно этой трактовке, князья не просто «взъхотѣша *изыти противу имъ*» (татарам. – *В.Р.*) за городские ворота, но и выйти «къ нимъ *на бой за святыа церкви и за православную вѣру*». При этом воевода Петр не давал им этого сделать, указывая на бесперспективность противостояния татарам, которые, во-первых, выступали в качестве кары Господней («*се бо есть лоза Его, и се наказание Его, и кто можеть противу Его стати*»), а, во-вторых, обладали явным численным превосходством («*како убо можемъ изыти на нихъ, и стати противу толикаго множества?*»). Поэтому, полагал воевода, «лутчи намъ есть во градѣ сѣдѣти и, елико возможно намъ, противу ихъ брань сотворяти. И начаша молебны пѣти, и рыдания и слезъ пролиаша много ко Господу Богу и къ пречистой Его Матери Богородици»[306]. Как видим, согласно Ник., воевода в своей аргументации соединил иррациональный и рациональный доводы. Последний «аргумент» был явной смысловой новацией Ник., фактически опускавшей мотивацию Петра Ослядюковича с эсхатологического на военно-тактический уровень.

Именно версия составленной в 1525-1530 гг.[307] Ник. легла в основу «героической» трактовки поведения сыновей великого князя, которая прочно

---

[303] ПСРЛ. Т. 10. С. 107-108.

[304] *Клосс Б.М.* Никоновский свод... С. 25-29.

[305] ПСРЛ. Т. 10. С. 107-108.

[306] Там же.

[307] *Клосс Б.М.* Никоновский свод.... С. 51.

утвердилась в последующей историографии[308]. Для того, чтобы укрепить образ князей как людей, готовых сражаться с врагом, составитель Ник. добавил в свой рассказ еще несколько характерных деталей, не свойственных предыдущим версиям летописных рассказов. В частности, только в ней говорилось о том, что не князья, а воевода Петр Ослядюкович принял постриг во время штурма города[309], что, по мнению книжника, видимо, должно было соответствовать его образу человека, который отговаривал князей от сопротивления. При этом книжник, исправляя текст, как и многие его предшественники неизбежно допускал смысловые огрехи, выразившиеся, среди прочего, в рассказе о гибели сыновей великого князя. Согласно Ник., татары, «взяша новый градъ до обѣда, и весь огню предаша, и ту убиша князя Всеволода з братомъ и множество боаръ и людей», при этом в Ник. отмечалось, что «*прочии князи* и вси людие бѣжаша въ средний градъ, а владыка Митрованъ и *великая княгини съ сыны своими*, и з дочерми своими, и с снохами, и со внучяты, и з боары, и з боарынями и со многими людми, бѣжаша въ церковь, и причястишася святымъ тайнамъ»[310]. В итоге так и осталось неясным, кто имелся в виду под «прочими князьями», а также «сыновьями великой княгини», действовавшими, согласно рассказу Ник., в тот момент, когда князья Всеволод и Мстислав уже были убиты.

Интересно при этом, что СК в основном тексте VII степени вообще обошла этот сюжет стороной, ограничившись, как было указано выше лишь перечислением взятых татарами городов, а в более подробном повествовании

---

[308] *Щербатов М.М.* Указ. соч. Т. II. С. 566; *Татищев В.Н.* Указ. соч. Кн. 3. С. 472-473; *Екатерина II.* Указ. соч. Ч. V. С. 73. *Стриттер И.* История Российского государства. Ч. II. СПб., 1801. С. 53; *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 2-3. С. 510 и др. Подробнее см.: *Рудаков В.Н.* «Лучше нам умереть»: русские князья во время осады Владимира войсками Батыя в историописании второй половины XIII - XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2025. № 3. С. 3-23.

[309] ПСРЛ. Т. 10. С. 108.

[310] Там же.

о «пленении Батыевом», содержащимся в Житии Александра Невского редакции Ионы Думина, которое также вошло в состав СК, диалог князей и воеводы Петра Ослядюковича (также как и «рязанский» и «коломенский» эпизоды) был передан по МС конца XV в.[311].

Таким образом, героическая трактовка мотивов и поступков сыновей великого князя во время штурма татарами Владимира сформировалась в процессе позднейших интерпретаций рассказа Лавр. - одного из трех ранних повествований о нашествии Батыя. Созданный не ранее 80-е гг. XIII в. рассказ Лавр. сам по себе являлся попыткой переосмыслить в комплиментарном ключе действия оставшихся во городе князей, поведение которых, судя по другим ранним источникам о нашествии, свидетельствовало об отсутствии у них желания оказывать сопротивление. На каждом следующем этапе переосмысления этого текста владимирским князьям приписывалось все более воинственные по отношению к завоевателям намерения, а воеводе Петру Ослядюковичу – все более изощренные попытки не дать князьям выполнить намеченное. Итогом эволюции сюжета о штурме Владимира стал рассказ Ник., возникший в первой трети XVI в., который и лег в основу произведений ранней отечественной историографии.

2.2.3. «Отложи всю печаль»: князья Юрий Всеволодович и Василько Константинович в контексте сражения на реке Сити

Еще один эпизод нашествия – историю гибели на реке Сити великого князя Юрия Всеволодовича – составитель компилятивной редакции «свода Фотия» изложил в соответствии с версией Лавр. В рассказе, дошедшем в составе С1-НК2-Н4[312], описание сражения было дополнено лишь двумя

[311]Степенная книга … Т. 2. С. 411-412.

[312] Подробнее об эволюции текста рассказа см.: Лурье Я.С. *Лурье Я.С.* Общерусские летописи… С. 75-76; *Fennell J.* The Tale of the Death of Vasil'ko Konstantinovič: A Study of the Sources // Osteuropa in Geschichte und Gegenwart: FS f. G. Stökl zum 60. Geburtstag. Köln, 1977. S. 34-46.

незначительными вставками из НПЛ, которые, судя по всему, сводчик посчитал штрихами, уточняющими общую картину и при этом не противоречащим базовой для него версии Лавр. Если в самой НПЛ это был единый текст («князь же Юрьи посла Дорожа въ просокы въ 3-хъ 1000-хъ; и прибѣжа Дорожь, и рече: «а уже, княже, обишли нас около». И нача князь полкъ ставити около себе, и се внезапу Татарове приспѣша»), то в С1-НК-Н4 этот небольшой отрывок оказался разбит на две части. Интересно, что такая важная для понимания событий на реке Сити деталь, как указание на то, что татары «*внезапу поидоша / внезапу приспеша*», оказалась общей для Лавр. и НПЛ, и, видимо, поэтому сохранилась в последующих компилятивных редакциях.

НПЛ	**С1-**	**Н4-НК**
Князь же Юрьи **выступи изъ Володимиря и бѣжа на Ярославль**, а въ Володимири затворися сынъ его Всеволодъ съ матерью и съ владыкою и со всею областию своею <…> (татары) **погнашася по Юрьи князи на Ярославль**. *Князь же Юрьи*	Тое же зимы выѣха князь Юрьи изъ Володимеря, урядивъ сыны свои в себя мѣсто: Всеволода и Мьстислава. И ѣха на Волгу съ сыновци своими: съ Василикомъ и съ Всеволодомъ и съ Володимеромъ. И ста на Ситѣ станомъ, ждучи к себѣ брата своего князя Ярослава и Святослава с полкы. И начя князь Юрьи полкы совокоупляти противу татаръ, а Ярославу Михаиловичю	А Юрьи отъеха на Влъгу съ сыновци своими, с Василком, и съ Всеволодомъ, и Володимером, и ста на Сити станом, ждучи к собѣ брата Ярослава и Святослава с полкы, а Ярославу Михайловичи приказа воеводство въ дружинѣ своей. <…>

посла Дорожа въ просокы въ 3-хъ 1000-хъ; и прибѣжа Дорожь, и рече: «а уже, княже, обишли нас около». И нача князь полкъ ставити около себе, и се внезапу Татарове приспѣша; **князь же не успѣвъ ничтоже, побѣже; и бы на рѣцѣ Сити, и постигоша и, и животъ свои сконча ту. Богъ же вѣсть, како скончася: много бо**	приказа воеводьство въ дружинѣ своей <…> *Князь же Юрьи посла Дорожа въ просоки въ 3000-хъ мужь. И бѣжахъ Дорожь и рече: "А уже, княже, обошли суть насъ около татары"* То же слышавъ князь Юрьи, всѣдъ на конь свои съ братомъ своимъ Святославомъ и съ сыновци своими: с Василкомъ Костянтиновичемъ, и съ Всеволодомъ, и Володимеромъ, и с мужи своими, и поидоша противу поганыхъ. *И начя князь полкы ставити около себе. И се вънезапу приспѣша татарове* на Сить противу князю Юрью. Юрьи же князь отложи исю печаль и поиде к нимъ. И съступишася обоихъ полци. И бысть сѣчя зла и	В лѣто 6746. *Князь Юрьи посла Дорожа в Просокы въ 3000 муж. И прибѣжа Дорожь, и рече: «Княже, обошли насъ около».* И Юрьи всѣд на конь з братом Святославом и съ сыновци, с Василкомь, и съ Всеволодомъ, и Володимеромъ, *начашя ставити плъки около себе. И се внезапу приспѣшя* кровопроливци христианскыи на Сить, и съступишася обои плъци, и бысть брань велика. Разгнѣванием Божиимь таково зло не бывало, побѣгоша наши пред иноплеменникы. И ту убьен бысть князь великыи Юрьи Всеволодич Володимерскыи.[315]

[315] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 218; Т. 42. С. 113.

глаголють о немь инии[313].	велика (разгнѣваниемъ Божиимъ таково зло не бывало) И побѣгоша предъ иноплеменьникы. И ту убьенъ бысть великии князь Юрьи Всеволодичь на рѣцѣ на Ситѣ и вой его много побиша[314].	

Представляется важным анализ «выбракованного» сводчиком текста (в таблице он выделен жирным шрифтом). Анализ фрагмента недвусмысленно показывает, что именно не устроило позднейшего редактора в версии новгородской летописи. Во-первых, это упомянутый в НПЛ факт бегства Юрия из Владимира – без какой-либо привязки к якобы намечающемуся сражению с татарами («Юрьи выступи изъ Володимиря и бѣжа на Ярославль[316]»). Во-вторых, упоминание о его неготовности сражаться с татарами в тот момент, когда он был ими настигнут («*не успѣвъ ничтоже, побѣже»*[317]). В-третьих, невостребованной оказалась не вполне внятная, но весьма нелицеприятная (по крайней мере, по форме) запись НПЛ об обстоятельствах смерти Юрия Всеволодовича - «*постигоша и, и животъ свои сконча ту. Богъ же вѣсть, како скончася: много бо глаголють о немь инии*[318]». Не исключено, что во время создания компилятивной редакции

[313] ПСРЛ. Т. 3. С. 75-76. Жирным шрифтом выделены характеристики Юрия Всеволодовича, не вошедшие в рассказ «свода Фотия» и в последующие летописные интерпретации рассказа о событиях на реке Сити.

[314] ПСРЛ. Т. 6. Стб. 294.

[316] Там же. Т. 3. С. 75.

[317] Там же. С. 76.

[318] Там же.

«антиюрьевская» направленность новгородской версии могла осмысляться уже как «антивеликоняжеская, антимосковская», и поэтому потребовалась «нейтрализация новгородского источника»[319]. И хотя Лавр. не слишком героизировала поступки Юрия, тем не менее, описывала и его действия, и обстоятельства его гибели в гораздо более уважительных тонах, чем НПЛ.

Тем не менее, составить сводной редакции не в полной мере воспользовался и ею, например, не взяв в свое повествование т.н. «похвалу Юрию Всеволодовичу» - фрагмент, ключевой для созданного в рассказе Лавр. образа великого князя, а также подвергнув значительной корректировке не менее значимый в контексте рассказа Лавр. «плач» великого князя. Как отмечал А.Ю. Бородихин, «исключение похвалы в. кн. Юрию Всеволодовичу <…> факт достаточно красноречивый при стремлении составителя дать наиболее полный, связный и исчерпывающий рассказ»[320]. Стоить напомнить, что рассказ, посвященный великому князю, занимал в Лавр. более 1/4 объема повествования о нашествии Батыя, при этом «похвала» Юрия занимала более 1/3 этого пространства. С одной стороны, можно, предположить, что сокращение такого объема могло быть вызвано стремлением сводчика убрать из текста риторические отступления, сосредоточившись лишь на передаче фактического материала. Однако, мы знаем, что в случае с «отступлениями лирико-философского характера» из НПЛ он так не поступил, оставив их в сводном тексте (судить об этом можно по версии С1). С другой стороны, мы знаем также, что в Лавр. «похвала» была выполнена весьма неряшливо, наспех, что могло порождать двусмысленные толкования поступков великого князя или попросту – они могли вызывать непонимание[321]: нельзя исключать, что сводчик просто хотел устранить эти не вполне ясные места из своего текста.

---

[319] *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 96.

[320] Там же. С. 144

[321] Подробнее см.: *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя …. С .95.

То же самое касается «плача» Юрия Всеволодовича, узнавшего о взятии татарами Владимира. В С1 «плач» попал в несколько сокращенном виде[322], а НК-Н4 он и вовсе был полностью сокращен. При этом, работая с фрагментом, передающим «плач» Юрия Всеволодовича, создатель рассказа С1 явно стремился максимально устранить из своего рассказа те параллели, которые составитель Лавр. настойчиво проводил между князем Юрием Всеволодовичем и его «сродниками» - святыми князьями Борисом и Глебом. Так, если в Лавр. татары, подобно убийцам князя Бориса, «внезапно приидоша» во время молитвы князя, то в С1-НК2-Н4 они «внезапно приспеше» в момент, когда Юрий начал ставить полки: само по себе это обстоятельство уже исключало какие-либо параллели со смиренным поведением святых страстотерпцев[323]. Если в Лавр. аналогия Юрия Всеволодовича со св. Борисом достигалась за счет явной считываемой цитаты из рассказа о гибели святого князя («И нача молитися, глаголя: «*Увы мнѣ, Господи, луче бы ми умрети, нежели жити на свѣтѣ семь.* Нынѣ же что ради остах азъ единъ?»), то в С1 вся содержательная часть цитаты («*луче бы ми умрети, нежели жити на свѣтѣ семь»)* оказалась полностью удалена[324]. В молитве Юрия была лишь оставлена фраза «нынѣ же что ради остах азъ единъ?», которая в данном контексте уже не имела отношения к молитве Бориса, а отражала ту реальность, с которой столкнулся сам Юрий Всеволодович, потерявший незадолго до это семью. Можно также предположить, что, с точки зрения составителя С1, сама мысль о том, что, князь перед боем мог рассуждать в категориях «*луче бы ми умрети*», не совпадала с тем героическим образом правителей Суздальской земли, который книжник пытался создать. Ведь даже аналогичная по смыслу фраза сыновей Юрия из Лавр., как было показано выше, была подправлена книжником за счет

[322] *Лурье Я.С.* Общерусские летописи… С. 75.

[323] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465. Ср.: там же. Т. 4. Ч. 1. С. 218; Т. 6. Вып. 1. Стб. 294; Т. 42. С. 113.

[324] Там же. Т. 1. Стб. 465. Ср.: Т. 6. Вып. 1. Стб. 294. В НК2-Н4 эта молитва князя не попала.

добавления «героического» противопоставления «луче ны есть умрети <…>, *ниже въ воли ихъ быти».*

При этом молитва Юрия как будто специально была переписана таким образом, чтобы даже в мелочах не повторялись слова из молитвы св. Бориса. Так, казалось бы, нейтральная фраза Лавр., заимствованная из летописной статьи о гибели Бориса «*Увы мнѣ, Господи*!» в С1 была заменена на синонимичную «*Охъ мнѣ, владыко*!»[325]. Две молитвы Юрия, сложенные создателем рассказа Лавр. из молитв св. Глеба, оказались опущены («Господи, услыши молитву мою и не вниди в судъ с рабом своимъ, яко не оправдится пред тобою всякъ живый, яко погня врагъ душю мою», и «Господи Боже мой, на тя уповах, и спас мя и от всѣх гонящих избави мя»[326]). Что же касается Н4-НК2, то из этой версии, как было отмечено выше, и вовсе были исключены все молитвы Юрия Всеволодовича. Великий князь владимирский в итоге по-прежнему сравнивался лишь со многострадальным и смиренным Иовом («новый бысть Иевъ терпѣниемъ и вѣрою»), и только в С1[327]: в Н4-НК2 этой цитаты из Лавр. не было. В контексте сообщения о гибели близких во время осады Владимира это вовсе не противоречило изображению Юрия как князя-воина, оплакивавшего своих родственников, но при этом готового к сражению с врагами, а не к смиренной гибели-жертве, подобно свв. Борису и Глебу. В этом смысле весьма показательна работа редактора С1: если в Лавр. читалась фраза «отложивъ всю печаль, глаголя: «*Господи, услыши молитву мою*…» (и далее следовало несколько молитв великого князя, во время которых он и узнавал о том, что пришли «безбожные татарове»), то в С1 акценты были расставлены уже иначе – в более воинственных тонах: «отложи всю печаль и *поиде к нимъ*» (то есть – на бой с татарами. – В.Р.)

Лавр.	**С1**

[325] Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 294.

[326] Там же. Т. 1. Стб. 465. Ср.: там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 294.

[327] Там же.

И нача молитися, глаголя: «Увы мнѣ, Господи, луче бы ми умрети, нежели жити на свѣтѣ семь. Нынѣ же что ради остах азъ единъ?» И сице ему молящюся со слезами, *и се внезапу поидоша татарове. Он же, отложивъ всю печаль, глаголя: «Господи, услыши молитву мою и не вниди в судъ с рабом своимъ, яко не оправдится пред тобою всякъ живый, яко погня врагъ душю мою».* И пакы второе помолися: «*Господи Боже мой, на тя уповах, и спас мя и от всѣх гонящих избави мя».* И поидоша безбожнии татарове на Сить противу великому князю Гюргю. Слышав же князь Юрги с бротом своимъ Святославом, и с сыновци своими Василком, и Всеволодом, и Володимером, и с мужи своими, *поидоша противу поганым. И сступишася обои, и бысть сѣча зла, и побѣгоша наши пред иноплеменникы. И ту убьенъ бысть князь Юрьи»*[328].	И сице ему *молящуся* съ слезами, и иное много в тузѣ си глаголаше: “*Охъ мнѣ, владыко! Нынѣ жъ что ради остахъ азъ единъ?”* В лѣто 6746. Князь же Юрьи посла Дорожа въ просоки въ 3000-хъ мужь. И бѣжахъ Дорожь и рече: “А уже, княже, обошли суть насъ около татары” То же слышавъ князь Юрьи, всѣдъ на конь свои съ братомъ своимъ Святославомъ и съ сыновци своими: с Василкомъ Костянтиновичемъ, и съ Всеволодомъ, и Володимеромъ, и с мужи своими, и поидоша противу поганыхъ. И начя князь полкы ставити около себе. И се *вънезапу приспѣша татарове* на Сить противу князю Юрью. Юрьи же князь *отложи всю печаль и поиде к нимъ. И сступишася обоихъ полци. И бысть сѣча зла и велика. И побѣгоша предъ иноплеменьникы. И ту убьенъ бысть великии князь Юрьи* Всеволодичь на рѣцѣ на Ситѣ и вой его много побиша»[329].

[328] Там же. Т. 1. Стб. 465.

[329] Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 294.

Рассказ о битве на Сити МС конца XV в. практически полностью повторял текст С1[330]. Сим. немного добавляла в этот рассказ, но самая значимая новация была связана не с добавлением, а, наоборот, с исключением информации: в Сим., а затем и в Ник., было полностью устранено указание на то, что русские полки, не выдержав натиска татар на Сити, пустились в бегство. Если в С1 и МС конца XV в. этот эпизод боя описывался так: «съступишася обоихъ полци. И бысть сѣчя зла и велика. И *побѣгоша предъ иноплеменьникы.* И ту убьенъ бысть великии князь Юрьи Всеволодичь на рѣцѣ на Ситѣ и вой его много побиша»[331], то в Сим. и Ник. трактовка была иной: «И въсѣдъ на конь съ братомъ своимъ Святославомъ и съ сыновци своими, съ Василкомъ Костянтиновичемъ и Всеволодомъ, и съ мужи своими, и съступишася обои, и бысть сѣча велика, и ту убьенъ бысть великии князь Юрьи на рѣць на Сити, и дружины его много избиша»[332].

Важная черта, характеризующая новое восприятие княжеских функций применительно к Юрию Всеволодовичу, проявилось в повествовании Русского хронографа 1512 г. В него была включена «молитва» великого князя перед сражением на реке Сити, автором которой была творчески переосмыслена идея, содержащаяся еще в рассказе Лавр. и восходящая к молитве св. Глеба о том, что после гибели ближайших родственников в осажденном Владимире Юрий Всеволодович остался один («нынѣ же что ради остах аз един?»[333]). В Русском хронографе в молитву князя был вложен несколько иной смысл: Юрий Всеволодович печалился по погибшим жителям Владимира, называя их «благочестивым стадом», а себя «пастырем» («и паки возопи, глаголя: «оувы мнѣ, Господи, олтаря твоа раскопаше и священники избиша и *благочестивое стадо изклаша и огнемъ попалиша*, и *остахъ авъ*

[330] Там же. Т. 25. С. 128.

[331] Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 294. Ср.: там же. Т. 25. С. 128.

[332] Там же. Т. 18. С. 57. Ср.: там же. Т. 10. С. 110.

[333] Там же. Т. 1. Стб. 465.

единъ, пастырь, и ищутъ душю мою изяти». В этой ситуации князь просил Господа о том, чтобы разделить судьбу своей паствы: «спаси души рабъ Своихъ изъбиеныхъ имени Твоего ради отъ безбожныхъ и причти ихъ со святыми мученики», а также «*и мене сподоби пострадати* за православную вѣру и святыа церкви и с ними покой душю мою», поскольку «чесо ми есть жити единому?!»[334]. Впрочем, в последующих летописных текстах о великом князе тема пастыря, потерявшего паству («стадо») и желающего хотя бы после смерти разделить его судьбу, не получила прямого развития.

Однако некоторые схожие мотивы можно обнаружить в Ник. Несмотря на ее текстологическую зависимость от Сим., в ряде мест, характеризующих поведение Юрия Всеволодовича, обе летописи расходились. Прежде всего, это касалось темы, связанной с желанием князя «пострадать». Так, молитва Юрия перед сражением была существенно скорректирована: если плач в Сим. во многом был повторением текста, восходящего к Лавр., то Ник. добавляла новые нюансы – а именно, просьбу Юрия Всеволодовича к Господу сподобить его «пострадати» (причем, не только «за имя Твое святое и за христианскую вѣру», но и за «*люди*») – то есть принять мученическую смерть, чтобы Господь смог «причесть» его «съ новыми сими *мученики*», то есть с погибшими во Владимире сыновьями.

Сим.	**Ник.**
«Възопи гласомъ великимъ съ слезами, плачя по правовѣрнъи вѣрѣ христианстьи, наипаче же великиа святыя ради церкви и епископа ради и *о людехъ*, бяше бо милостивъ зѣло, нежели о себѣ и жены и дѣтеи. И въздохнувъ изъ глубины сердца, рече: «Господи, се ли бысть угодно	«Возкричяша плачемъ велиимъ, и бысть скорбь велиа, и страхъ и трепеть на всѣхъ, и рече сице: «Господи Вседержителю! сиа ли угодна твоему человѣколюбию; но вѣмъ, яво грѣхъ ради нашихъ сия вся бысть, воля Господня да будеть, буди имя Господне благословено отнынѣ

[334] ПСРЛ. Т. 22. СПб., 1911. С. 398.

Твоему милосердию?» О новыи Иевъ терпъниемъ бысть и вѣрою, яже къ Богу, и нача молитися къ Богу: «увы мнѣ, глаголя, Господи, *луче бы ми умрети, нежели жити на свѣте семъ*! нынѣ же что ради остахъ азъ единъ?» И сице ему молящуся съ слезами, и внезаапу приидоша Татарове. Онъ же отложивъ свою печяль, глаголя: «Господп, услыши молитву мою и не вниди съ судъ съ рабомъ Твоимъ, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живыи, акы погна врагъ душу мою!» и пакы второе помолися: «Господи Боже мои, на Тя уповахъ, спаси мя и отъ всѣхъ гонящихъ мя избави мя»[335].	и до вѣка, и почто азъ живъ остахъ единъ кромъ новыхъ сихъ мучениковъ, но сподоби мя Господи пострадати за имя Твое святое и за христианскую вѣру и *люди*, и *причти мя съ новыми сими мученики*»[336].

Таким образом, если в летописных памятниках XV в. имела место попытка относительной героизации образа великого князя, стремления преуменьшить в его образе черты, напоминающие черты князей-страстотерпцев, увеличив при этом «военную» составляющую в описании его действий, то в произведениях первой половины XVI в. в образе Юрия Всеволодовича, наоборот, делается заметный акцент на его стремление «пострадать» за веру и «за людей», приобщившись таким образом к тем, кто до него принял мученическую смерть от татар.

[335] ПСРЛ. Т. 18. С. 57.

[336] ПСРЛ. Т. 10. С. 109. В Ник. также, по сравнению с Сим., был добавлен еще плач великого князя и его близких перед выездом Юрия из Владимира. Там же. С. 106-107.

Эта тенденция достигла кульминации в повествовании Степенной книги. В VII грани СК рассказу о гибели Юрия Всеволодовича посвящено три главы, сами названия которых больше напоминают неотъемлемые фрагменты житийного произведения, нежели сугубо исторического: «Плачь и страдание великого князя Георгия Всеволодича и прочихъ с нимъ», «О обрѣтении телеси великаго князя Георгия Всеволодича, и последи и главу его обрѣтоша», «О принесении честныхъ мощей великаго князя Георгия изъ Ростова во Владимеръ». Сам рассказ СК, по мнению А.В. Сиренова, «приобретает черты агиографического (житийного) жанра»: именно здесь Юрий Всеволодович впервые показан «в образе святого князя, мученика и страстотерпца»[337]. Возможно, именно с этим обстоятельством было связано то, что именно в СК в контексте событий, связанных с нашествием, великий князь впервые начал именоваться полным крестильным именем с добавление отчества «Георгий Всеволодич», а не «Юрий». И хотя с фактической точки зрения рассказ СК не добавлял почти ничего нового к описанию его поступков (единственная деталь, отсутствующая в предшествующих летописных рассказах, - это сообщение о чудесном присоединении отрубленной головы к телу князя[338]), некоторые предложенные составителем СК интерпретации стали новаторскими для образа великого князя.

Прежде всего, это касается наименования Юрия «святым» и «страстотерпцем»: в СК говорится о том, что «братъ его *богохранимый* великии князь Ярославъ Всеволодичь прииде из Новаграда въ градъ Владимиръ <…> посла в Ростовъ и повелѣ принести въ Владимиръ честное и *страстотрьпческое* тѣло *святаго* брата своего великаго князя Георгия»[339]. При этом, если сам Ярослав назван «богохранимым» (до рассказа о судьбе

[337] Путь к граду Китежу. Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. Подг. текстов и исследование А.В. Сиренова. СПб., 2003. С. 19.

[338] Там же. С. 21.

[339] Степенная книга … Т. 1. С. 500; Т. 2. С. 415.

князя Юрия Всеволодовича в СК отдельный раздел был посвящен тому, как «великии князь Ярославъ и с прочими в Новѣградѣ Богомъ съхраненъ бысть»[340]), то Юрий охарактеризован как «добропобедный» («блаженный Кириилъ, епископъ Ростовьскии, идыи з Бѣлаезера, тамо бо избывъ варваръского свѣрѣпьства, и прииде на мѣсто, идѣже *добропобѣдныи* великии князь Георгии *святую* свою кровь пролиа отъ безбожныхъ татаръ, подвизался по отеческомъ достоянии, и ту обрѣте честное тѣло его»[341]). Несмотря на то, что в момент составления СК Юрий Всеволодович еще не был канонизирован[342], очевидно, что князь, сложивший голову на реке Сити, мог быть поименован «добропобедным» отнюдь не в военном смысле, а, прежде всего, как святой мученик, одержавший важную духовную победу[343]. Имея в виду указание составителя СК на страстотерпчество Юрия Всеволодовича, стоит обратить внимание на то, что, по мнению В.М. Живова, в христианстве наименование страстотерпца «в принципе может прилагаться ко всем мученикам, претерпевшим страдание (страсть) во имя Христово», однако, чаще всего оно подчеркивает «особый характер их подвига – беззлобие и непротивление врагам»[344]. А.М Ранчин и вовсе полагает, что семантический архетип житий правителей-страстотерпцев «может быть определен как

---

[340] Там же. Т. 1. С. 498; Т. 2. С. 413-414.

[341] Там же. Т. 1. С. 500; Т. 2. С. 415.

[342] Это произошло в 1645 г. См.: Путь к граду Китежу…. С. 25. В Помяннике русских князей и княгинь, созданном между 1 октября 1556 и 30 января 1557 г. по указанию царя Ивана IV, великий князь была включен лишь в раздел «А сех поминати на понахидах». См.: Россия и греческий мир в XVI в. М., 2004. Т. 1. С. 215, 399.

[343] См. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 265; Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. Т. 3. М., 1990. С. 11. Впоследствии это определение будет использовано, в том числе, а надписи на гробнице Юрия Всеволодовича в Успенском соборе Владимира, изготовленной в 1645 г. на средства патриарха Иосифа. где великий князь будет назван «добропобѣдным Христовым мучеником». См.: Путь к граду Китежу…. С. 30, 36.

[344] *Живов В.М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1991. С. 105.

повествование о князе - праведном и невинном страдальце, воплощающем идеал христианского непротивления и подражания страданиям Христа»[345].

В редакции жития Александра Невского (далее – ЖАН), созданной Ионой Думиным в конце XVI в. и также затем включенной в СК, Юрий Всеволодович выступал в качестве «полноправного» святого предка правящего царя Ивана IV. «Историческая» часть этой редакции ЖАН повторяла рассказ VII грани СК о нашествии. При этом в повествовании о посмертных чудесах святого благоверного князя Александра Ярославича, Юрий Всеволодович был упомянут в видении иноку владимирского Рождественского монастыря Антонию «у гроба святаго Александра во второе лъто пришествия безбожнаго царя Крымьскаго Девлетъ-Киръя на Русь, иже бысть на Молодъхъ» (то есть в 1572 г.), в числе правителей прошлого, выступивших на защиту Русской земли. В ЖАН перечислялись князья, призванные святым Александром для отражения нашествия крымцев: помимо свв. Бориса и Глеба, это были правители, погребенные во владимирском Успенском соборе – «сродники нашимъ великимъ княземъ»: Андрей Боголюбский, Всеволод Великое Гнездо, а также Юрий и Ярослав Всеволодовичи[346]. Наличие или отсутствие официальной канонизации того или иного правителя не имело принципиального значения: составитель СК «чётко разграничивая причтённых к лику святых и ещё не канонизированных русских князей, тем не менее фактически уподобляет последних первым»[347].

---

[345] *Ранчин А.М.* Указ. соч. С. 112.

[346] Степенная книга … Т. 2. С. 448-449; *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и текстов. СПб., 1913. С. 196-197 (первой пагинации), 115 (второй пагинации). Великий князь Ярослав Всеволодович, как будет показано ниже, в СК также именовался «святым»: «богомудрыи же великии князь Александръ разсуди, яко *святый отець его Ярославъ…*» (Степенная книга… Т. 1. С. 526).

[347] *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М., СПб., 2009. С. 621–626. Судя по всему, это соответствовало общему настрою эпохи: неслучайно в росписи московских соборов середины – второй половины XVI в.

Применение к Юрию Всеволодовичу таких характеристик, как «страстотерпец» и «добропобедный» опиралось на заложенную еще в рассказе Лавр. (исходном для всех последующих летописных повествований о нашествии Батыя) двойственность восприятия великого князя, который, с одной стороны, был показан правителем, принявшим бой (то есть, все-таки с оружием в руках защищавшимся от врагов), а, с другой, изображался как человек, готовый, подобно библейскому Иову, довериться Промыслу Божию, исходя из того, что, «яко Господеви годѣ бысть, тако и бысть». Эта двойственность не просто дожила до второй половины XVI в., когда создавались СК и ЖАН в редакции Ионы Думина, но и перешагнула эту грань, если судить по составленным уже во второй половине XVII в. на основе СК первым - собственно житийным - произведениям, посвященным Юрию Всеволодовичу, что и в дальнейшем предопределило характер исторической памяти о великом князе[348].

Определенная двойственность, видимо, присутствовала и в восприятии князя Василька Константиновича. По мнению А.Ю. Бородихина, исключение из сводного текста «похвалы» и «плача» великого князя владимирского, скорее всего, было связано с тем, что соответствующий отрывок «был заменен или дополнен другим, содержавшим новые материалы», которые составитель компилятивной редакции посчитал более значимыми для своего повествования. Таковыми материалами, как полагает исследователь, стали вставки в текст общего источника С1-НК2-Н4, повествующие о судьбе

неканонизированные князья изображались наряду с уже причисленными к лику святых (*Самойлова Т.Е.* Тема царской и княжеской святости в росписях Благовещенского собора // «Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле». Каталог выставки. М., 2003. С. 34–36; *она же.* Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Иконографическая программа XVI века. М., 2004. С. 141). Ср.: *Сизов Е.С.* «Воображены подобия князей». Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. Л., 1969. С. 8.

[348] Путь к граду Китежу…. С. 67-69, 145-148, 173-174.

ростовского князя Василька, убитого татарами после сражения на реке Сити[349].

Изначально рассказ о его гибели сохранился лишь в Лавр. Ни НПЛ, ни Ипат. не упоминали ростовского князя в контексте нашествия, поэтому все последующие интерпретации этой истории осуществлялись исключительно на основе уникальной информации, дошедшей в летописи Суздальской земли. Очевидно, что стрежнем сюжета была история об отказе попавшего в плен князя поддаваться религиозным искушениям, которым подвергли его татары. Исследователи скептически оценивают реальность подобной трактовки гибели Василька Константиновича. Встречающиеся в Лавр. указания на смерть Василька, который заявлял татарам, что «никако же мене *не отведете христьяньское вѣры*»[350], или же московского воеводы Филиппа Нянка «*за веру правовѣрную христианскую вѣру*»[351], являлись не более чем литературными конструкциями, а не отражением подлинных мотивов убийц. Как точно сформулировал Г.М. Прохоров по поводу гибели Филиппа Нянка, «при взятии татарами сходу города у воеводы этого города были все причины погибнуть, кроме одной – вероисповедной»[352]. Про гибель Василька можно сказать то же самое: скорее, на решение монголов казнить князя мог повлиять его отказ «воевати с ними». Согласие или несогласие князя следовать «обычаю поганьскому» в глухих лесах на берегу замерзшей реки Сити завоевателей наверняка волновало гораздо меньше, если вообще волновало.

Соответствующее известие Лавр. очевидно имело ростовское происхождение. К моменту составления рассказа о гибели Василька тема, связанная со стремлением татар заставить русских князей следовать «обычаю поганьскому», получила широкое распространение в Ростовской земле,

---

[349] *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 145-150. Ср.: *Fennell J.* The Tale of the Death of Vasil'ko Konstantinovič… S. 40-41.

[350] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465.

[351] Там же. Стб. 461.

[352] *Прохоров Г.М.* Повесть о нашествии Батыя …. С. 88.

благодаря прославлению князя Михаила Черниговского, приходившегося тестем Васильку Константиновичу. Инициатором такого прославления стала княгиня Мария Михайловна – дочь черниговского князя и вдова Василька[353]. Поэтому есть основания полагать, что вставка в летописный текст сюжета о попытках татар обратить ростовского князя в свою веру, скорее всего, отражала желание ближайших родственников вписать память о Васильке Константиновиче в тот же контекст, что и память о Михаиле Всеволодовиче Черниговском.

Дальнейшая эволюция представлений о Васильке также была связана с развитием памяти о черниговском князе. Это касается, прежде всего, т.н. «призыва к русским князьям», восходящего к протографу С1-НК2-Н4 - «своду Фотия»: «възлюблении князи рустии, *не прелщаитеся пустошною славою свѣта сего, еже хужше паучины* и яко стѣнь мимо идеть, не принесосте бо на свѣт сии, ни отнести что можете. Да не обидите менших сих сродникъ своих, ангели бо их видят лице Отца вашего, иже есть на небесех. Възлюбите же чистоту и правду, да радости святых сподобистеся, якоже сии блаженыи Василко купи страстию Царство Небесное и вѣнець приат от рукы Господня»[354]. По мнению. Я.С. Лурье, Н4-НК2 лучше, чем С1, сохранили вариант текста, который читался в «своде Фотия»[355]. Составитель свода заимствовал его из летописной статьи 6778 г.: обращением к князьям русским заканчивалось сообщение Тр. (что следует из выписок Н.М. Карамзина[356]) и С1[357] о казни татарами рязанского князя Романа Олеговича. Тема прельщения князей «славой света сего», в свою очередь, проходила красной нитью и через

---

[353] *Лихачев Д.С.* Русские летописи…. С. 280-288.

[354] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 220; Т. 42. С. 114.

[355] *Лурье Я.С.* Общерусские летописи… С. 75-76. Ср.: *Насонов А.Н.* История русского летописания… С. 184.

[356] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись… С. 330; *Лурье Я.С.* Общерусские летописи… С. 95.

[357] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 351-352.

рассказ С1 о гибели в Орде Михаила Черниговского[358], что лишь усиливало сближение образов убиенных Василька и черниговского князя. Впрочем, в последующих редакциях рассказа о нашествии Батыя (МС конца XV в., Сим., Ник.), которые в данном случае следовали за С1, этого обращения к князьям не оказалось.

Наряду с этим в указанных источниках получила развитие тема пищевых искушений, которым якобы намеревались подвергнуть князя Василька татары. В С1-НК-Н4 (а оттуда это перешло и в МС конца XV в.) рассказ о христианском подвиге Василька был дополнен замечанием о том, что он не только не покорился их беззаконию (как в Лавр.), но и не повиновался их обычаю, а именно – «*ни брашна, ни пития не прия*»[359]. В Ник. тема была развита - согласно ей, Василько «не повинуся имъ, и *не вкуси ничто же отъ жертвъ ихъ*»[360]. Согласно же СК, ростовский князь «не токмо не повинуяся богомръскому ихъ обычаю и не покорися безаконному ихъ повелѣнию, но *ни брашна, ни питиа тогда никако же не приатъ, вся бо скверна суть*». Про то, что в последние дни (а из контекста СК следовало, что «томление» Василька продолжалось на протяжении долгого времени) князь голодал, отмечалось особо: «его же лице бяше уныло отъ многаго томлениа и *неядениа*»[361]. Учитывая, что в ЖМЧ (и в ред. А., и в ред. РА) употреблении татарского «брашна и пития» следовало в одном ряду с прохождением через огонь,

---

[358] Там же. Стб. 218-225. В Н4-НК2 было лишь краткое сообщение о гибели князя. См.: там же. Т. 4. Ч. 1. С. 229; Т. 42. С. 117. В С1 отразилась редакция ЖМЧ, известная как «распространение редакции отца Андрея» (далее — ред. РА). См. подробнее: *Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 147-148.

[359] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 295; Т. 4. Ч. 1. С. 218; Т. 42. С. 113-114; Т. 25. С. 129.

[360] ПСРЛ. Т. 10. С. 110.

[361] Степенная книга …Т. 1. С. 501.

поклонением кусту и «идоломъ ихъ»[362], и в этой части рассказа о гибели Василька стоит усматривать параллель с судьбой Михаила Черниговского: сближение их образов, начавшись во второй половине XIII в., судя по всему, продолжалось и дальше.

Одновременно, начиная с протографа С1-НК2-Н4, в повествованиях о гибели Василько Константиновича отдельно подчеркивалась его храбрость. Если в Лавр. в посмертной характеристике князя указывалось на то, что Василько был «*храбр* паче меры *на ловех*» (т.е. на охоте)[363], и при этом отмечалось, что «*мужество* и ум в нем живяше[364]», то уже в С1-НК2-Н4 (и в других восходящих к их общему протографу текстах) храбрость отделялась от его охотничьих талантов и говорилось о том, что он просто «*паче меры храбр*» и при этом «на ловех вознив (т.е. удачлив[365])»[366]. В итоге складывался образ «паче меры» храброго мученика (в СК прямо было отмечено, что Василько

---

[362] *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 56, 65 (второй пагинации).

[363] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467.

[364] Там же.

[365] Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 11.

[366] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 297; Т. 4. Ч. 1. С. 219; Т. 42. С. 114; Т. 25. С. 129; Т. 18. С. 58; Т. 10. С. 111. В СК про охотничьи качества князя не говорилось: «паче мѣры храборъ, сердцемъ же легокъ». См.: Степенная книга …Т. 1. С. 502. А.А. Турилов насчитал всего два случая, когда в княжеских некрологах отмечались охотничьи таланты князей – помимо некролога Василька, еще и в рассказе о Владимире Васильковиче Волынском, что исследователь объяснял тем, что православная церковь относилась к охоте, и, прежде всего, к многолюдным «ловам», со сворами собак и охотничьими птицами «неодобрительно, видя в ней прежде всего праздную забаву, тесно связанную с языческими обычаями». Однако тот факт, что в некрологе Василька на протяжении веков (вплоть до СК) сохранялась похвала его качествам удачливого охотника, скорее, может свидетельствовать о том, что жесткого неприятия такого времяпровождения со стороны церкви все-таки не было. Подробнее см.: *Турилов А. А.* Образ правителя в русских летописных «некрологах» XI–XIII вв. // АНФОЛОГИОН: Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 2008. С. 198-199.

«причтен бысть в лице мученик»[367]), что в известном смысле соотносилось и с тенденцией описания подвига Юрия Всеволодовича.

В этой связи можно высказать предположение, что эта двойственность характеристик - с одной стороны, прославляемая воинская храбрость (правда, без особых побед), с другой стороны, смирение (и в случае в Васильком - очевидно проявленное мученичество) и создавали пространство для развития памяти об этих князьях. Не исключено, что одновременно эта двойственность долгое время превращалась в препятствие для полноценного церковного прославления обоих (начавшегося, как известно, только в XVI-XVII вв.[368]), поскольку не позволяла выявить какую-то одну, ведущую черту, достойную восхваления и почитания. Возможно, поэтому тенденция героизации поступков Юрия Всеволодовича, имевшая место в С1, со временем разворачивается в сторону темы мученичества великого князя, поскольку, учитывая фактическую сторону событий (а проще говоря - отсутствие его реальных военных заслуг), только через эту тему оказывалось возможным его прославление. И именно поэтому, «маятник возможностей» – либо в сторону дальнейшей героизации поступка Юрия, либо в сторону развития темы мученичества за веру (в той же Ник., как было показано выше, обе тенденции еще сочетались) – со временем все-таки качнулся в сторону прославления князя-мученика, что было заметно уже в рассказе СК[369], легшего в итоге в основу житийных текстов о Юрии Всеволодовиче.

Другим препятствием к прославлению великого князя, судя по всему, были его неоднозначная репутация, которая давала о себе знать вплоть до второй половины XVI в. Именно двойственность восприятия мотивов и поступков великого князя владимирского предопределила, помимо

[367]Степенная книга …Т. 1. С. 502.

[368] Путь к граду Китежу… С. 24-25; *Назаренко А.В.* Василий (Василько) Константинович // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 205.

[369] *Андреева Е.А.* «Подвизася на брани...»: образ Василька Константиновича Ростовского в Степенной книге // Русская речь. 2018. № 5. С. 56-61.

«магистральной» летописной традиции прославления Юрия Всеволодовича, еще и существование альтернативного взгляда на правителя Суздальской земли. Речь идет о компрометирующем Юрия Всеволодовича рассказе, который содержится в особой редакции Жития Михаила Черниговского (далее – ЖМЧ), дошедшем в единственном списке[370], датируемым второй половиной XVI в.[371] Как отмечал еще Н.И. Серебрянский, предложивший считать этот текст «чудовской редакцией» ЖМЧ, ее отличительной особенностью является включение в текст рассказов, не имеющих «прямого отношения к биографии святого»[372]. Один из таких рассказов посвящен великому князю Юрию Всеволодовичу, который показан весьма недостойным человеком: «бе бо живущему свиньскы, въ мнозе кале греховнем и скверне, в гордыни и властолюбии и в пианьстве и в зависти и в любодеянии и в скупости и в немилосердии, воистинну скотско житие живый, и обеща покаятися, но токмо словом единым»[373]. Известие о нашествии татар ввергло великого князя в «недоумение»: «смятеся оумом и страхом великым обьят быс и омерввъ сердцемъ», поскольку, отмечает книжник, «обычаи бо есть съгрешающим оумертвевати и *немужьственно* сердце имети»[374]. Не зная, как поступить, он отправился к некому благочестивому старцу по имени Каларимисо, который жил в пещере вблизи города. Однако тот отказался разговаривать с погрязшим в грехах князем. На следующий день Юрий послал к старцу свою дочь Феодору: ей-то пустынник и поведал, что злоба великого князя «преодоле милосердие Владычно, оже бо не имат помилован бытии, но зле имает погибнути и сущаа с ним». Дочь передала эти слова отцу, но Юрий не поверил в предсказание старца. Ночью ему было видение: он увидел над городом

---

[370] ГИМ, Чудовское собр., № 251/49, лл. 422-429.

[371] Описание рукописей Чудовского собрания. Сост. Т.Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. С. 140-141.

[372] *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. Пг., 1915. С. 49 (второй пагинации).

[373] Там же. С. 81 (второй пагинации).

[374] Там же.

зарево, которое сначала принял за зарево пожара, но потом понял, что это сияние, исходящее от «образа Владычна». Думая, что это знак милосердия Божия, Юрий отправился к другому старцу, чтобы обсудить с ним увиденное. Однако старец огорчил князя: по его мнению, видение, посланное Юрию, было знаком того, что Господь решил очистить осквернённое человеческими грехами место, излить на него свой гнев, и поэтому все живущие во Владимире обречены на гибель. В итоге предсказания сбылись: Батый «съ многою силою агарянскою» убил князя Юрия, «и вся сынове его и вся сродники его изби, и поплени всю землю суздальскую, Божиимъ попущениемъ, грех ради нашихъ, по пророчению святых старець»[375].

Н.И. Серебрянский полагал, что «в основе рассказа лежит народное предание о событиях завоевания северо-восточной Руси татарами, быть может, очень древнее». По мнению исследователя, составитель рассказа разделял критическое отношение к князю: «чудовский редактор принадлежал к числу суровых и потому несправедливых судей исторического прошлого»[376]. Впрочем, некоторые основания критически переосмысливать деятельность князя у «чудовского редактора», по всей видимости, были. Самые ранние летописные рассказы о нашествии Батыя, как известно, давали весьма противоречивую картину поведения Юрия в 1237-1238 гг. Впрочем, в последующей летописной традиции рассказы о Батыевом нашествии (по крайней мере, в той части, которая касалась поведения Юрия Всеволодовича), в основном опирались на версию Лавр.[377] Из НПЛ заимствовался лишь пассаж о том, что великий князь не услышал «мольбы рязанских князей» и не послал им помощь, сам желая «особь брань створити». Таким образом, новгородская версия о бегстве князя из Владимира не получила особого распространения. Не получили распространения и противоречивые сведения Лавр. о том, как

[375] Там же. С. 82 (второй пагинации).

[376] Там же. С. 51, 54 (первой пагинации).

[377] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 468.

Юрий вел себя с татарскими послами[378]. Составитель «чудовской редакции», очевидно, не опирался на версию, изложенную в НПЛ[379]. Именно поэтому в «чудовской редакции» ЖМЧ нет ни слова про бегство владимирского князя. Вероятно, имея под рукой такой материал, ее составитель наверняка бы им воспользовался: рассказ о бегстве Юрия только бы усилил впечатление о его греховности, о состоянии страха и недоумения, в котором он пребывал. Можно предположить, что в отличие от «магистральной» летописной традиции по прославлению Юрия Всеволодовича, берущей свое начало от владимиро-ростовского повествования о событиях 1237-1238 гг. и перешедшей потом в московское великокняжеское летописание, «чудовская редакция» (равно как и версия нашествия Батыя, представленная в Новгородской первой летописи) представляла собой сторонний, «периферийный» взгляд на произошедшие события. Осмысливая указания русских летописей на то, что нашествие Батыя было карой «за грехи», составитель «чудовской редакции», вероятно, посчитал возможным усмотреть персональную ответственность Юрия Всеволодовича за случившееся. В итоге великий князь стал носителем того самого «греха», за который и последовала расплата.

*** *** ***

Решение поставленных во второй главе задач позволяет сделать следующие выводы.

Утвердившееся в историографии мнение Н.М. Карамзина, полагавшего, что «храбрейшие Князья Российские пали в битвах» с завоевателями, нуждается в существенном уточнении. Сам факт гибели князя в период

[378] Наиболее показательный пример – рассказ официальной Ник. См.: Там же. Т. 10. С. 106-111.

[379] Там же. Т. 3. С. 75-76

нашествия вовсе не означал, что этому предшествовало храброе в военном смысле поведение того или иного правителя.

Исходя из того, что одной из важнейших княжеских добродетелей считалась храбрость, можно было бы предположить, что авторы рассказов о нашествии должны были особенно выделять тех князей, кто поступал в соответствие с существовавшими в то время представлениями о достойном поведении на войне – тех, кто действовал храбро, проявлял мужество, сражался с завоевателями, ценой собственной жизни доказывая, что, несмотря на предсказуемую слабость русских дружин перед превосходящей силой монгольских отрядов, были среди русских князей подлинные герои сопротивления. Однако в реальности ранние летописные рассказы о нашествии Батыя не содержат подобных оценок: в них отсутствует апология храбрости и мужества погибших князей – эти категории не употребляются даже в отношении тех правителей, о которых было известно, что они сражались с завоевателями.

На основе анализа ранних летописных рассказов о нашествии можно однозначно судить о мужественном поведение лишь нескольких погибших князей, которые, судя по всему, действительно, проявили храбрость при защите своей земли. Это князья Юрий и Роман Инваревичи (согласно НПЛ, в период штурма Рязани и в ходе сражения под Коломной, соответственно), а также Мстислав Глебович (по версии Ипат., во время сражения под Черниговым). Однако при этом в НПЛ сообщения о рязанских князьях были снабжены редакторскими комментариями, которые маркировали поступки князей как противоречащие Промыслу Божьему и потому преподносились как бессмысленные. В Лавр. же в случаях с Рязанью, Коломной и Черниговым составитель рассказа о нашествии и вовсе старался не распространяться о действиях, совершенных для организации отпора завоевателям правителями, которые не относились к княжеской династии Суздальской земли. Если же этого невозможно было избежать, книжник отводил им вспомогательную по сравнению со «своими» князьями роль, как это было сделано в рассказе Лавр.

о сражении под Коломной. В силу такого подхода Лавр. оказалась на удивление безучастна к описанию начального этапа нашествия, даже не упомянув имен князей, которые первыми столкнулись с полчищами Батыя. Стремясь создать максимально благоприятный фон для посмертного прославления «своих» князей, автор рассказа Лавр. существенным образом затушевал действия тех современников нашествия, чьи воинские заслуги могли быть восприняты как гораздо более внушительные, чем заслуги великого князя Юрия Всеволодовича и его сыновей. В последующих версиях рассказа нашествии Батыя эта тенденция только усилилась.

Сведения о поведении в условиях осады Владимира сына правителя Суздальской земли - князя Всеволода Юрьевича -- содержатся во всех трех ранних летописных источниках, однако, они существенно отличаются друг от друга. При этом ни одна из имеющихся версий событий не позволяет судить не только о проявленных князем полководческих качествах, но и вообще о его намерениях оказать сопротивление завоевателям. То же самое относится и к другим сыновьям великого князя - Мстиславу и Владимиру, упомянутым в одной лишь в Лавр. Распространенное в историографии представление о том, что братья Всеволод и Мстислав Юрьевичи намеревались с оружием в руках сражаться с врагом, не опирается на информацию ранних летописных источников о нашествии. Ипат. прямо пишет о боязни Всеволода Юрьевича, о его желании сохранить жизнь и действиях, идущих вразрез с поведением героически защищающих город владимирцев. НПЛ изображает князя как набожного человека, который чуть ли не со стороны наблюдал за разворачивавшимся в черте Владимира боем. Есть основания полагать, что автор рассказа Лавр. ставил перед собой задачу скорректировать те образы князя Всеволода, которые сложились к моменту создания летописного текста и нашли отражения в рассказах Ипат. и НПЛ. Но даже, несмотря на это, близкая к владимирской княжеской династии Лавр. излагала версию, согласно которой сыновья великого князя, скорее, готовы были отдать себя на добровольное заклание, выйдя навстречу к врагам («луче ны есть умрети перед

Золотыми врaты»), чем оказывать сопротивление. Героическая трактовка мотивов и поступков сыновей великого князя во время штурма татарами Владимира сформировалась лишь в процессе позднейших интерпретаций рассказа Лавр. На каждом новом этапе переосмысления этого текста владимирским князьям приписывалось все более воинственные по отношению к завоевателям намерения. Итогом эволюции сюжета о штурме Владимира стал рассказ Ник., возникший в первой трети XVI в., который и лег в основу произведений ранней отечественной историографии.

Совокупность информации, которая содержится в ранних летописных источниках, позволяет допустить, что отъезд великого князя Юрия Всеволодовича из Владимира накануне татарского штурма, скорее всего, не имел целью подготовку к решающей схватке с татарами. Неслучайно, поступок князя воспринимался современниками как бегство: именно так расценивал его действия составитель рассказа НПЛ, а также несколько позже описывавший события персидский историограф Рашид ад-Дин. В их изложении, бой на реке Сити произошел только потому, что именно здесь татарский отряд настиг бежавшего из Владимира Юрия и его «малую дружину». Подобная трактовка действий великого князя Юрия Всеволодовича вполне вписывались в получившую распространение в период нашествия модель поведения правителей русских земель, бежавших перед наступающими полчищами Батыя. В этом смысле версия о бегстве Юрия «на Ярославль» представляется вполне правдоподобной и соответствует той поведенческой практике, которая была взята на вооружение многими представителями княжеских династий того времени.

Только Лавр., рассказ которой был написан во многом с целью реабилитации владимирских князей, содержит информацию о том, что Юрий Всеволодович выехал из столицы, чтобы собрать войска для дальнейшей борьбы с татарами. Составитель Лавр. явно стремился создать панегирик погибшим правителям Суздальской земли, а вовсе не передать реальную картину событий. При этом он не мог сочинять «биографию» князя с чистого

листа: естественными ограничителями для него служили те ставшие широко известными факты, которые явно не вписывались в создаваемый им образ. Именно с данным обстоятельством было связано стремление книжника преподнести историю гибели Юрия в ином смысловом контексте – не как бегство, а как неудавшееся военное приготовление (частью которого и был отъезд из столицы) князя, изначально готового к предстоящей искупительной жертве, подобно своим «сродникам» святым Борису и Глебу («луче бы ми умрети, нежели жити на свѣтѣ семь»), а вовсе не побеждать.

Во всех случаях, когда сводчик первой четверти XV в. – автор «свода Фотия», легшего в основу последующих летописных повествования о нашествии Батыя - имел возможность выбирать из двух или трех версий летописных повествований, он делал выбор в пользу версии, дошедшей в составе Лавр., внося в нее лишь минимальные уточнения и дополнения на основе сведений, содержащихся в других ранних (Ипат. и НПЛ) летописных рассказах. При этом сводчиком максимально выбраковывались сведения ранних источников о «прельщении» князей татарами и о фактах бегства правителей русских земель. Автор сводной версии летописного рассказа о нашествии стремился изобразить князей Суздальской земли в максимально позитивном ключе, во-первых, устраняя из повествования те версии, которые могли бы бросить тень на их действия во время нашествия, а, во-вторых, в случаях, когда это было возможно, стараясь подчеркнуть их роль в оказании военного сопротивления завоевателям, выдвигая их на первые роли или усиливая их героические черты. Все, что касалось действий князей, не относящихся к суздальской династии («чужих» или, по крайней мере, «не своих» для великокняжеского дома), сводчик первой четверти XV в. практически оставлял в неизменном виде, если это, конечно, не мешало его намерениям по ретроспективному прославлению суздальской княжеской династии. Особое внимание в поздних (XV-XVI вв.) летописных рассказах о нашествии было уделено фигуре великого князя Юрия Всеволодовича. Если в летописных памятниках XV в. имела место попытка относительной

героизации образа великого князя, стремления преуменьшить в его образе черты, напоминающие черты князей-страстотерпцев, увеличив при этом «военную» составляющую в описании его действий, то в произведениях XVI в. в образе Юрия Всеволодовича, наоборот, делается заметный акцент на его стремление «пострадать» за веру и «за людей», приобщившись таким образом к тем, кто до него принял мученическую смерть от татар. Возможности для столь разноплановой эволюции представлений о великом князе владимирском были связаны с нашедшей место еще в рассказе Лавр. (исходном для всех последующих летописных повествований о нашествии Батыя) двойственности восприятия Юрия Всеволодовича, который, с одной стороны, был показан правителем, принявшим бой (то есть, с оружием в руках защищавшимся от врагов), а, с другой, изображался как человек, готовый, подобно библейскому Иову, действовать, исходя из того, что, «яко Господеви годѣ бысть, тако и бысть». Эта двойственность восприятия перешагнула грань XVI в., найдя отражение в составленных уже во второй половине XVII в. на основе Степенной книги первых собственно житийных произведениях, посвященных Юрию Всеволодовичу, что и в дальнейшем предопределило характер исторической памяти о нем. Память о ростовском князе Василько Константиновиче также развивалась по двум основным направлениям: прежде всего, как о мученике (в этом плане на протяжении развития летописной традиции его образ сближался с образом его тестя – погибшего в Орде «за веру» князя Михаила Черниговского), с другой стороны, князе-воине, среди черт которого видное место занимала храбрость.

ГЛАВА 3.

Правители русских земель, спасавшиеся бегством во время нашествия Батыя, в историописании второй половины XIII - XVI в.

Бегство от наступающих полчищ Батыя было одним из вариантов поведения князей в условиях нашествия: по нашим расчетам, в те годы 18 из 38 (47%) правителей русских княжеств именно таким образом спаслись от завоевателей. И хотя половина из этого числа князей по меркам того времени считались несовершеннолетними (а, значит, решение о бегстве, скорее всего, принималось их старшими родственниками), в число взрослых правителей, бежавших от врага, вошли сильнейшие и наиболее активные на тот момент в военном и политическом плане представители династии Рюриковичей. Речь идет, в первую очередь, о князьях Михаиле Всеволодовиче Черниговском (он бежал вместе с сыном Ростиславом)[1] и Данииле Романовиче Галицком (бежал вместе с братом Васильком Романовичем и сыном Львом Даниловичем)[2], а также, весьма вероятно, о великом князе владимирском Юрии Всеволодовиче, причины и обстоятельства отъезда которого из Владимира по-разному трактовались ранними источниками, повествующими о нашествии[3].

Общий замысел данной главы состоит в том, чтобы реконструировать отношение книжников второй половины XIII – XVI в. к превентивному (то

---

[1] ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 782-784. Подробнее см.: *Димник М.* Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239-1245 гг. // Русин. 2014. № 1. С 18-19; *Майоров А.В.* Михаил Черниговский в Силезии и битва при Легнице // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60) (июнь). С. 23.

[2] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787. См.: *Горский А.А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 182.

[3] ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 75-76; *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. с персидского Ю. П. Верховского, редакция проф. И. П. Петрушевского. Т. II. М., Л., 1960. С. 39. Ср.: ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 462; Т. 2. Стб. 779. Подробнее см. главу 2 настоящего исследования.

есть – осуществленному еще до начала военных действий, из-за страха или под впечатлением от потенциальной угрозы) бегству князей как к таковому.

В связи с этим первая задача - реконструировать цели князей Михаила Черниговского и Даниила Галицкого, покинувших подконтрольные им территории накануне нашествия Батыя, а также определить отношение книжников второй половины XIII – XVI в. к бегству князя от врага, наличие или отсутствие разницы в подходах к бегству «своих» и «чужих» (по отношении к тем или иным книжникам) правителей русских земель. В историографии встречаются попытки представить отъезд обоих князей на запад как часть неудавшихся дипломатических усилий, предпринятых ими для создания международных коалиций, призванных дать отпор монгольскому нашествию. Среди прочего, эти попытки опираются на разный понятийный аппарат, использовавшийся в галицко-волынской летописи (далее – Ипат.) для описания действий «своего» и «чужого» князя. Особенность повествований о действиях Михаила Черниговского и Даниила Галицкого в годы нашествия связана с тем, что соответствующие известия находятся, главным образом, в одном и том же источнике, галицко-волынской летописи. Для галицкой летописной традиции Даниил Романович был «своим» князем, а Михаил Всеволодович, наоборот, «чужим». Одновременно некоторая информация о действиях Михаила Черниговского сохранилась в комплиментарном по отношении к нему источнике – Житии святого князя. Поэтому необходимо проанализировать терминологический инструментарий русских книжников, повествовавших о тех или иных случаях бегства князей, оценив степень тождественности используемых ими понятий в контексте литературной традиции того времени. Вторая задача - определить причины, по которым факт бегства Михаила Черниговского не стал препятствием для его церковного прославления, проанализировать направления эволюции образа святого князя в историописании XV-XVI вв.

3.1. Отказ от сопротивления: действия Михаила Черниговского и Даниила Галицкого в годы нашествия Батыя в историописании второй половины XIII в.

Черниговское летописание за XIII в. не сохранилось, и о том, как вел себя князь Михаил Всеволодович в период нашествия, мы знаем, прежде всего, из рассказа галицко-волынской летописи, которая была составлена в интересах князя Даниила Романовича Галицкого. Несмотря на то, что сестра Даниила была замужем за Михаилом Всеволодовичем, для него самого черниговский князь долгие годы был политическим противником[4]. В этой ситуации приукрашивать действия конкурента своих князей было не с руки и галицкому летописцу, который, судя по всему, в целом к Михаилу относился достаточно враждебно[5]. В итоге рассказ о поступках Михаила Черниговского дошел до нас «исключительно в изложении его злейших врагов»[6], в результате чего, по мнению исследователей, «был создан негативный образ черниговского князя», который и взяла на вооружение последующая историография. Как отмечает А.В. Мартынюк, «некритичное восприятие созданного Галицко-Волынской летописью образа можно заметить даже в словоупотреблении историков XX – начала XXI века. Так, князь Михаил Всеволодович традиционно „бежит” перед монголами в Венгрию и Польшу, в отличие от Даниила Романовича, который в точно такой же ситуации „отправляется за помощью” к своим западным соседям»[7].

---

[4] *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 602.

[5] *Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 150.

[6] *Милютенко Н.И.* Сказания о Михаиле Черниговском // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 183.

[7] *Мартынюк А.* «Неявленные мученики»: к пониманию образа святого Михаила Всеволодовича, князя черниговского // Colloquia Russica. Series I. Vol. 8. Kraków, 2018. С. 275.

С такой оценкой можно согласиться лишь отчасти. Дело в том, что памятники агиографии, повествующие о мученической гибели в Орде Михаила Всеволодовича и его боярина Феодора, созданные с целью прославления христианского подвига обоих святых, полностью подтверждают информацию о бегстве черниговского князя, содержащуюся в «недружественной» по отношению к нему Ипат.[8]. Косвенно ее подтверждает и рассказ Лавр., сообщавшей (правда, без указания имен) о том, что в момент нашествия Батыя на Чернигов «князи ихъ *выѣхаша* въ Оугръı»[9]. Таким образом, сам факт бегства/отъезда Михаила Черниговского зафиксирован в разных по своему происхождению (и, что не менее важно, по своему отношению к князю) источниках, и поэтому в этой части информации Ипат. можно доверять. Нет оснований не доверять и ее рассказу о маршрутах перемещения князя по сопредельным государствам.

Другое дело, что, действительно, Ипат. по-разному маркирует действия разных князей: поведение «чужого» для нее Михаила Черниговского обозначается исключительно как «бегство» («бѣжа»), а для рассказа о поездках к тем же «уграм» близкого летописцу «своего» князя Даниила Галицкого используются иные определения (прежде всего, производные от «ѣхалъ»). Исследовательская проблема, таким образом, заключается в том, чтобы реконструировать, что стоит за разной терминологией книжников в отношении однотипных поступков князей.

3.1.1. Маршруты князя Михаила Черниговского глазами «чужого» летописца

Ипат. – основной источник о действиях Михаила за период с 1238 г. и до его смерти в 1246 г. - подробно повествует о непростых маршрутах

---

[8] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 55, 59, 64 (второй пагинации).

[9] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

Михаила по сопредельным землям и странам. Как следует из этой летописи, еще задолго до прихода к Киеву основных сил Батыя (предположительно – в конце 1239 г.) Михаил покинул город, контроля над которым добивался долгие годы, и отправился вслед за сыном в Венгрию («Михаилъ *бѣжа* по сыну своемь *передъ татары* Угры»[10]). Вероятно, именно в этот момент на княжеский обоз напал находившийся где-то поблизости от Киева князь Ярослав Всеволодович, который взял в плен жену черниговского правителя («...яко *бѣжалъ* есть Михаилъ ис Кыева в Угры, ѣхавъ я княгиню его и бояръ его поима, и город Каменѣць взя»[11]). Это означает, что, скорее всего, Михаил Всеволодович бежал из города без жены, оставив ее без должной защиты[12].

---

[10] Там же. Т. 2. Стб. 782.

[11] Там же. Т. 1. Стб. 469; Т. 2. Стб. 782. Подробнее: *Рудаков В.Н.* Великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 411-436; *он же.* Между Киевом и Владимиром: великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25-27 мая 2021 г., Москва, Россия). М., 2021. С. 154-165.

[12] В результате жена Михаила Всеволодовича на какое-то время оказалась в плену у давнего недоброжелателя ее мужа – князя Ярослава Всеволодовича, откуда ее вызволили братья – Даниил и Василько Романовичи. Бегство князя без жены было достаточно распространенным явлением: точно также в этот период времени поступил и Даниил Романович Галицкий, и, если верить версии НПЛ, Юрий Всеволодович. Семья Даниила Романовича, как следует из Ипат., также перемещалась на запад отдельно от князя, и только потом они встретились (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469; Т. 2. Стб. 782-783, 787. См.: *Рудаков В.Н.* Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича на Каменец (1239 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89) (сентябрь). С. 17-20). В более поздний период, в 1382 году, перед лицом приближающегося к Москве хана Тохтамыша также без семьи бежал в Кострому великий князь Дмитрий Иванович (Донской). ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. С. 143-144; Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 328. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. С. 473; Т. 42. СПб., 2002. С. 145. См.: *Рудаков В.Н.* Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского (бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника) // Древняя Русь. Вопросы

Биограф князя М. Димник полагал, что «Михаил отправился в Венгрию за поддержкой, но потерпел неудачу», поскольку «его союзник король Бела IV отказался оказать ему военную помощь»[13]. На чем основывается подобное мнение, не вполне понятно. Помимо того, что источники единодушны в том, что это было бегство, Ипат. сообщала о намерении Михаила женить своего сына Ростислава, однако, король Бела IV отказался выдать за того свою дочь Анну («король же не вдасть дѣвкы своей Ростиславу и погна и прочь»[14]). Какие бы причины не повлияли на срыв этих планов, само по себе намерение Михаила женить сына автоматически не означало его намерение заручиться поддержкой в борьбе с татарами. По крайней мере, когда в 1243 г. этот брак все-таки был заключен[15], ни о каких совместных действиях против завоевателей со стороны короля Белы и Михаила Всеволодовича Черниговского речь не шла. Впрочем, в другом месте своей работы М. Димник писал о том, что Михаил был «вынужден бежать» из Киева в виду приближения татар[16], и эта оценка, как представляется, гораздо точнее отражает суть произошедшего.

После неудачи в Венгрии Михаилу и Ростиславу пришлось перебираться в Мазовию («в Ляхы») к королю Конраду, которого летописец называл «уем» (то есть, дядей – братом матери[17]) черниговского князя[18]. Затем,

---

медиевистики. 2000. № 2 (декабрь). С. 15-27; *он же*. Древнерусские книжники о бегстве князей от татар // Там же. 2012. № 1 (47). С. 52-61.

[13] *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224– 1246. Toronto, 1981. P. 94.

[14] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 783.

[15] Там же. Стб. 794.

[16] *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov… P. 107.

[17] На самом деле, Конрад не был дядей Михаила. См. подробнее: *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. С. 253; *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015. С. 307.

[18] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 783. Подробнее см.: *Димник М.* Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары… С 18-19.

примирившись с Даниилом Галицким и его братом, Михаил получил возможность возвратиться обратно, однако, отмечала Ипат., в Киев Михаил Всеволодович так и не вернулся, хотя князья-Романовичи предлагали ему это сделать. Причина такого решения, по мнению составителя рассказа Ипат., заключалась в страхе перед татарами: «Михаилъ иже за *страхъ татарьскый не смѣ ити Кыеву*»[19]. Несмотря на замирение со своими давними врагами, черниговский князь недолго пробыл на Руси: узнав о том, что Киев взят Батыем («увѣдѣвъ приятье Киевьское»), он на рубеже 1240-1241 гг. вновь направился к Конраду Мазовецкому («*бѣжа* со сыномъ своимъ во Ляхы Кондратови»). Но и там Михаил надолго не задержался[20] и вскоре продолжил движение на запад, в Нижнюю Силезию, в район Вроцлава («приближившимъ же ся татаромъ, то *не стерпѣ туто*, иде в землю Воротьславьску и приде ко мѣсту немѣцкому именемь Середа»), где подвергся нападению со стороны местного населения: «узрѣвши же нѣмци, яко товара много есть, избиша ему люди, и товара много отъяша, и унуку (то есть – внучку. - *В.Р.*) его убиша». В итоге «Михаилу иже не дошедшю и собравшюся, и бысть в печали величѣ»[21]. К этому времени татары продвинулись еще западнее и в апреле 1241 г. в битве при Легнице нанесли поражение войску силезского князя Генриха II Благочестивого, у которого, вероятнее всего, рассчитывал укрыться Михаил Всеволодович. После этого черниговский князь вынужден был двинуться на восток – вновь, уже в третий раз за несколько лет оказавшись в Мазовии во владениях Конрада: «татары пришли на бой ко Иньдриховичю (то есть «Генриховичу», как называет Ипат. Генриха II - сына Генриха I Бородатого. –

---

[19] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 783.

[20] Как полагает А.В. Майоров, причиной отъезда Михаила из Мазовии был «теплый прием, оказанный мазовецкими князьями Романовичам». Это обстоятельств вызвало «недовольство со стороны Михаила Всеволодовича, который покинул Мазовию и вместе со своей семьей и казной отправился в «землю Воротьславьскоу». См.: *Майоров А.В.* Тайна гибели Михаила Черниговского // Вопросы истории. 2015. № 9. С. 97.

[21] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784.

В.Р.), Михаилъ же воротися назадъ опять Кондратови»[22]. Сколько он там находился, не вполне ясно, однако, через какое-то время Михаил вернулся на Русь («потом же Михаилъ иде от уя своего на Володимѣръ сыномь своим и оттуда иде Пиньску», а затем «иде въ Киевъ, и живяше подъ Киевомъ во островѣ, а сынъ его иде в Черниговъ Ростиславъ»[23]). Впрочем, Ростиславу вскоре вновь пришлось бежать от татар. Он отправился к венгерскому королю, и на этот раз Бела IV дал согласие на брак своей дочери с беглым черниговским князем: «Ростислава розгнаша татарове во Борку, и *бѣжа* Угры, и вдасть зань пакы король угорьскый дочѣрь свою»[24]. Узнав об этом, Михаил Всеволодович вновь, уже во второй раз, «*бѣже* Угры». Но там неожиданно для себя он получил холодный прием не только от короля Белы IV, но и от своего собственного сына: «король же угорьскый и сынъ его Ростиславъ чести ему не створиста, он же розгнѣвався на сына»[25]. По мнению М. Димника, Михаил «посчитал такое поведение сына равнозначным измене»[26]. Это и стало причиной возвращения князя в родной Чернигов: оттуда Михаил, согласно Ипат., «еха Батыеви, прося волости своее от него»[27]. Во время этой поездки в Орду князь и принял мученическую смерть.

Совокупность сообщаемой в источниках информации о действиях Михаила Всеволодовича не позволяет предполагать у него намерение оказать сопротивление татарам – ни в одиночку, ни в союзе с другими правителями русских или сопредельных территорий. Несмотря на вполне объяснимую предвзятость Ипат. по отношению к князю, большинство исследователей не видят основания сомневаться в справедливости оценок, содержащихся в летописном рассказе. Также единодушны они и по поводу причин бегства

---

[22] Там же.

[23] Там же. Стб. 788-789.

[24] Там же. Стб. 794.

[25] Там же. Стб. 795.

[26] *Димник М.* Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары… С. 28.

[27] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795.

Михаила. Еще Н.М. Карамзин в IV томе «Истории государства Российского», рассказывая о нашествии Батыя, противопоставил поступки князя героическому поведению жителей Киева, в котором тот некоторое время правил накануне нашествия. «Честь народная и великодушие не следуют внушениям боязливого рассудка. Киевляне все еще с гордостию именовали себя старшими и благороднейшими сынами России: им ли было смиренно преклонить выю и требовать цепей, когда другие Россияне, гнушаясь уничижением, охотно гибли в битвах? *Киевляне умертвили Послов* Мангу-Хана и кровию их запечатлели свой обет не принимать мира постыдного. *Народ был смелее Князя: Михаил Всеволодович, предвидя месть Татар, бежал в Венгрию, в след за сыном своим*». Как отмечал далее историк, князь «*долго бегал от татар из земли в землю*» (здесь и далее курсив мой. – *В.Р.*) [28]. М.С. Грушевский писал «о бегстве Михаила в Угры под влиянием той паники, какую тогда наводила повсюду весть о татарах»[29]. В этом с М.С. Грушевским солидарен и П.П. Толочко, полагавший, что «панический страх Михаила перед монголо-татарами не поддается разумному объяснению (…) в столь трагическое для Руси время он меньше всего думал о ее судьбе. Единственное, что ему было дорого, это собственная жизнь. Это хорошо понимали современники, и неслучайно летописные рассказы о «предтатарских» бегах Михаила Всеволодовича наполнены иронией»[30]. По мнению П.П. Толочко, «когда в 1239 г. татары подошли к Переяславлю Русскому и Чернигову, Михаил даже не пытался защитить отчину <…> Менгу, будущий великий хан

[28] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 10.

[29] *Грушевский М.С.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 424.

[30] *Толочко П.П.* Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. С. 219. См.: *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской земли. М., Л., 1950. С. 225. См также: История Украины. VI-XXI вв. Под общей ред. Толочко П.П. М., 2018. С. 107.

(1252—1258), не стал форсировать Днепр, но Михаил, тем не менее, оставив жену, бежал из Киева в Венгрию»[31].

В.Т. Пашуто был, пожалуй, одним из немногих исследователей, кто попытался поставить под сомнение справедливость утвердившейся в науке нелестной оценки поведения Михаила Всеволодовича. Правда, лишь в той части, которая касалась «вроцлавского эпизода». Исследователь предположил, что «Михаил Всеволодович поехал “в землю Воротьславскую”, вероятно, в надежде найти союзников по борьбе с татаро-монголами»[32]. Но при этом В.Т. Пашуто не привел каких-либо аргументов в пользу такой трактовки действий князя. Некоторое время назад это попытался сделать А.В. Майоров. По его мнению, «нелицеприятные характеристики летописца в адрес черниговского князя», будучи «словами придворного летописца Даниила Галицкого, давнего соперника Михаила», не могут считаться весомым доказательством в пользу того, что тот полностью отказался от борьбы. Анализируя причины гибели Михаила Всеволодовича в Орде, исследователь исходил из того, что сам по себе «отказ от исполнения религиозных обрядов мог быть лишь поводом для убийства Михаила, а подлинные его причины носили иной характер», и искать их следует, прежде всего, в политической сфере. В итоге А.В. Майоров пришел к выводу, что все лежащие на поверхности мотивы жестокости татар по отношению к князю (а именно – месть за якобы убитых им в 1239 г. в Киеве татарских послов или «опасные для татар контакты Михаила с Западом — венгерским королем и римским папой — или же, наконец, интриги против черниговского князя его главных соперников в борьбе за Киев — Даниила Романовича и Ярослава Всеволодовича», а также кого-то из черниговских родственников) не могут быть приняты в расчет[33]. По мнению исследователя,

---

[31] *Милютенко Н.И.* Сказания о Михаиле Черниговском… С. 182-183.

[32] *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 221.

[33] Как полагает исследователь, «любое из этих предположений на поверку оказывается либо недостаточно подкрепленным источниками, либо не может считаться достаточным

«для вынесения смертного приговора требовались более веские основания (…) и эти основания должны были лежать в совершенно иной сфере: прежде всего, Михаил должен был иметь вину перед монгольским ханом, а не перед другими русскими князьями»[34].

В этой связи А.В. Майоров выдвинул гипотезу, согласно которой поездка Михаила Всеволодовича в район Вроцлава весной 1241 года была вызвана не страхом перед татарами, а, наоборот, желанием дать им отпор в составе объединенного войска во главе с силезским князем Генрихом II Благочестивым. Именно на соединение с ним якобы и выдвинулся черниговский князь. Исследователь пришел к выводу, что под летописным «мѣстом немѣцким именемь Середа», скорее всего, имеется в виду польский город Сьрода-Сленска (немецкое название – Ноймаркт), который во второй половине XII-XIII вв. был одним из центров германской колонизации. А.В. Майоров, вслед за рядом исследователей[35], обратил внимание на то, что с Ноймарктом связана легенда об убийстве местными жителями некой «татарской императрицы» (или «княжны»), согласно легенде, являвшейся дочерью монгольского императора по имени Батус (Bathus). Если верить преданию, ее убийство и стало причиной разорения Силезии (по другой версии легенды - даже нападения татар на Венгрию, Русь и Польшу). Сама легенда зафиксирована, в частности, в немецкой версии Жития святой Ядвиги и латиноязычной Истории князя Генриха[36]. Рассказы этих поздних источников, по мнению А.В. Майорова, совпадают с рассказом Ипат. о бегстве Михаила Всеволодовича и по времени, о котором идет речь (канун вторжения монголо-

---

основанием для вынесения смертного приговора в Орде». См.: *Майоров А.В.* Тайна гибели Михаила Черниговского… С. 96-97.

[34] Там же. С. 97.

[35] См.: *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне. Т. 1. Прага. 1935. С. 208; *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 221; *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov… P. 113 и др.

[36] Составлены, судя по всему, во второй половине XV - начале XVI вв. См. подробнее: *Майоров А.В.* Тайна гибели Михаила Черниговского… С. 99-102.

татар в Силезию), и по месту (город Середа/Ноймаркт) описываемых событий. Как отмечает А.В. Майоров, летописец заканчивает свой рассказ «словами о «великой печали» Михаила, когда он, не достигнув цели, должен был возвращаться назад, узнав о разгроме татарами войска Генриха 9 апреля 1241 г.». Это сообщение, как полагает А.В. Майоров, «не оставляет сомнений насчет конечной цели Михаила в Силезии». По мнению исследователя, черниговский князь стремился соединиться с войсками Генриха II Благочестивого, уже собравшимися на Добром Поле при Легнице для битвы с татарами. «*Едва ли возможно найти другое объяснение* (здесь и далее курсив мой. – *В.Р.*) появлению Михаила со своим отрядом в 30 км от Легницы (то есть на расстоянии одного дня пути) в самый канун судьбоносного сражения поляков с татарами. И только нелепая случайность — неожиданное нападение немцев в Ноймаркте — помешала русскому князю осуществить свой замысел», - отмечает А.В. Майоров. По его словам, «вынужденное возвращение назад в Мазовию после поражения и гибели силезского князя («Михаилъ же воротися назадъ опять Кондратови») со всей определенностью показывает, что никаких других целей, кроме соединения с войсками Генриха, у Михаила тогда не было»[37]. Таким образом, делает вывод исследователь, «даже если Михаил действительно испытывал панический страх перед татарами, то спасения от них он искал в рядах воинства Генриха Благочестивого. *Иначе нам не объяснить*, почему, спасаясь от врагов, Михаил оказался в эпицентре боевых действий». Как пишет А.В. Майоров, «в решающий момент Михаил Всеволодович со своими людьми оказался на стороне главных противников татар в Польше и вместе с ними *готов был дать отпор* захватчикам с оружием в руках»[38]. Именно «*попытка, хотя и неудавшаяся*, соединиться с войсками Генриха Благочестивого», по мнению А.В. Майорова, и стала причиной жестокой расправы над русским князем в

[37] Там же. С. 111-112.

[38] Там же. С. 114-115.

Орде в сентябре 1246 года. И хотя «Михаил направлялся в Силезию *инкогнито* и (…) *не был опознан* жителями Ноймаркта», о намерениях князя «был осведомлен его главный соперник в борьбе за Киев и Галич — Даниил Романович», который впоследствии, еще до визита черниговского князя в Орду, «получил личную аудиенцию у Батыя и, разумеется, имел возможность уведомить его о провинностях своего конкурента»[39].

Впрочем, даже М. Димник, на которого ссылается А.В. Майоров как на одного из тех исследователей, кто увидел параллель между легендой о татарской императрице и сообщением Ипат. о гибели внучки черниговского князя, не разделял общий вывод о том, что Михаил якобы собирался «дать отпор захватчикам с оружием в руках». По мнению М. Димника, как и в «мазовецком», так и во «вроцлавском» эпизодах речь шла исключительно о бегстве Михаила Всеволодовича: «правитель Мазовии предоставил *беглому* князю *убежище* в своих землях. Тем не менее, польское *убежище* Михаил с семьей вскоре были вынуждены покинуть. Когда татары приблизились к Мазовии, они *попытались укрыться* в Силезии, а обратно смогли вернуться только после того, как 9 апреля 1241 г. татары сошлись в битве при Легнице с Генрихом II» (курсив мой. – *В.Р.*)[40]. Не очень соотносится с сообщением Ипат. и предположение А.В. Майорова о том, что «Михаил оказался в эпицентре боевых действий» только потому, что стремился вступить в бой с татарами. Ведь татары двигались на запад, и Михаил, убегая от них, так же вынужден был продвигаться в том же направлении: «*Приближившимъ* же ся татаромъ, то *не стерпѣ туто*, иде в землю Воротьславьску…»[41]. Его появление в этих краях могло быть связано с тем, что, «узнав об их приближении, Михаил в страхе решает бежать (…) к сильнейшему из польских королей того времени»,

[39] Там же. С. 112.

[40] *Димник М.* Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары… С. 23.

[41] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 784.

а вовсе не воевать с татарами[42]. Вызывает сомнение в воинственных мотивах Михаила и тот факт, что князь, как считает А.В. Майоров, будучи готовым вместе войском Генриха II «дать отпор захватчикам с оружием в руках», при этом оказывается не способным дать отпор… даже напавшим на него разбойникам, которые не просто ограбили богатого путешественника, но и убили в ходе этого нападения его внучку. Это свидетельствует, скорее, в пользу того, что Михаил Всеволодович спасался бегством с очень немногочисленной («малой») дружиной, которая в критической ситуации не имела возможности защитить даже членов княжеской семьи, не говоря уж о том, чтобы принимать участие в полевых сражениях с сильным противником.

Наконец, А.В. Майоров полагает, что реальной причиной казни Михаила в Орде стала его «попытка, хотя и неудавшаяся» выступить на стороне противников Батыя, о которой тот мог узнать только со слов давнего врага черниговского князя – Даниила Романовича Галицкого (откуда Даниил узнал о «попытке» Михаила, исследователь не уточняет, между тем, сам пишет о том, что князь направлялся в Силезию *инкогнито* и (…) *не был опознан* жителями Ноймаркта»). Но сама по себе неудачная попытка, информация о которой к тому же была получена из столь сомнительного (прежде всего, в силу своей предвзятости) источника, вряд ли могла рассматриваться татарами как вина Михаила. Ведь даже Даниил не имел возможности обвинить черниговского князя в совершении *поступков*, направленных против ордынцев, но только в наличии *намерений*. А за не реализованные намерения, как показывает история прибывших, согласно Лавр., на реку Сить, но в действительности в сражении, вероятнее всего, не участвовавших князей Святослава Всеволодовича и Владимира Константиновича, татары не казнили[43]. Более того, из той же Ипат. известно, что Батый приказал сохранить

---

[42] *Карпов А.Ю.* Батый. М., 2011. С. 187-188. Ср.: *Хрусталев Д.Г.* Русь от нашествия до «ига». СПб, 2008. С. 175.

[43] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465, 470-471.

жизнь даже руководившему обороной Киева воеводе Дмитру – как объясняла летопись, «мужества ради его»[44].

Приходится констатировать, что приведенные аргументы в пользу стремления князя Михаила Черниговского принять участие в совместном с европейскими правителями отражении татарского нашествия, не могут считаться обоснованными. Несмотря на доводы А.В. Майорова, «вроцлавский эпизод» вписывается в одни ряд с другими эпизодами бегства Михаила Всеволодовича – «угорским» и «мазовецким»: во всех трех случаях имело место именно бегство князя от приближающихся татар.

3.1.2. Князь Даниил Галицкий в изображении «своего» летописца

Иначе обстояли дела с рассказом о «своем» князе Данииле Романовиче. Если черниговские князья на всем пространстве Ипат. представали в качестве «коварных, но трусливых и неудачливых» правителей[45], то в той части галицко-волынской летописи, где шла речь о событиях, происходивших до нашествия Батыя, Даниил описан как идеальный правитель – храбрый, решительный воин, при этом прекрасно знающий, в чем выражается достойное поведение князя.

С одной стороны, Даниил Романович выступал на страницах летописи как носитель и пропагандист подлинного воинского духа, противопоставляемого им тем, кто имеет «страшливую душу» и ведет себя не должным образом. По рассказам Ипат., Даниил неоднократно формулировал важнейшие принципы поведения в бою, вероятно, считающиеся в дружинной среде эталонными. Так, во время набега половцев на Киевскую землю, видя, что князья, еще недавно уговаривавшие его вступить в бой с более сильными врагами, теперь решили отказаться от своих планов, Даниил заявил, что такое поведение «*не подобаеть воину, устремившуся на брань - или побѣду прияти,*

[44] Там же. Стб. 785.

[45] *Мартынюк А.* Указ. соч. С. 75.

или пастися от ратных. Азъ бо возбраняхъ вамъ. Нынѣ же *вижю, яко страшливу душю имате*. Азъ вамъ не рѣхъ ли, яко не подобить изиити труднымъ воемь противу цѣлымъ? Нынѣ же почто смущаетеся? Изиидите противу иимь»[46]. Согласно Ипат., князь исходил из того, что одно из достоинств воина – без промедления идти навстречу врагу. Составитель галицко-волынской летописи вложил в уста Даниилу Галицкому и другой афоризм - цитату из библейской Книги Иисуса Сирахова. Упрекая своих воинов за то, что те испугались спускаться с гор на равнину, где им пришлось бы принять бой, Даниил вновь упомянул тех, кто имеет «страшливую душу»: «якоже Писание глаголеть: "*Мьдляй на брань страшливу душю имать*"». Понудивъ ихъ, ускори снити на нѣ»[47]. Сам князь неоднократно сражался впереди своих воинов. Так во время набега на ятвягов дружина Даниила Галицкого призвала князя выступить во главе войска, что он и сделал: «рѣша моужи браньнии: тъı еси король, голова всимъ полкомъ, аще насъ пошли наперед кого, не послоушно есть, вѣси бо ты воиничкии чинъ - *на ратехъ обычаи ти еть*, и *всякыи ся тебе усрамить и оубоиться*. *Изииде самъ наперед*. Данилъ же, изрядивъ полкъı и комоу полкомъ ходити, *самъ изииде напередь*»[48].

С другой стороны, согласно Ипат., в жизни Даниила Галицкого еще до нашествия Батыя неоднократно бывали случаи, когда он бежал с поля боя. Поскольку об этом мы знаем из составленной при его дворе (а, значит, по определению не настроенной к нему критически) летописи, при определенных обстоятельствах такое поведение, с точки зрения книжника (и, видимо, самого князя), предосудительным не было и не умаляло мужества, неоднократно проявленного Даниилом во время сражений. Так, во время битвы на Калке Даниил Галицкий вел себя храбро, но в определенный момент боя, будучи

[46] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 773.

[47] Там же. Стб. 767.

[48] Там же. Стб. 831.

раненным (правда, как отмечает Ипат., не заметив раны) и видя, что перевес сил оказывается на стороне врага, бежал с места сражения. Такое поведение, по мнению летописца, не ставило под сомнение храбрость князя: «Данилъ видивъ, яко крѣпцѣйши брань належить в ратных, стрѣльцѣмъ ихъ стрѣляющимъ крѣпцѣ, *обрати конь свой на бѣгъ, устрѣмления ради противныхъ*. *Бѣжащю же ему* и вжада воды, пивъ почюти рану на телеси своемь, во брани не позна ея, крѣпости ради *мужьства* возраста своего. Бѣ бо *дерзъ и храборъ*, *от главы и до ногу его не бѣ на немь порока*»[49]. Подобная ситуация повторилась спустя десять лет в ходе сражения с половцами под Торческом: «срѣтѣвшимъ же ся воемь многимь половецькимь у Торчьского, бысть сѣча люта. Данилови же гонящоу по половцех, донележе конь его застрѣленъ бысть гнѣдый». Князь и в этом бою проявил мужество, и лишь ранение коня заставило его обратиться в бегство: *«Данилъ же, видѣвъ бѣжащий конь свой стрѣлянъ, наворотися на бѣгъ»*[50]. То же самое произошло и во время сражения с уграми. Даниил и Василько «понужающима людий своихъ соѣхати на нѣ», однако «*Богу же тако извольшу за грѣхы: наворотися дружина Данилова на бѣгъ*, онем же не смѣвшимъ гонити, и не бысть пакости во полкохъ Даниловых, развѣ тѣхъ убьеных пяти»[51].

События, связанные с нашествием Батыя, вероятно, произвели сильное впечатление и на самого Даниила Галицкого, и на его летописца. Что делал во время нашествия на Суздальскую землю князь Даниил Романович и другие правители южной и западной Руси, мы не знаем – источники не дают на этот счет какой-либо информации. Тем не менее, уже в глазах Н.М. Карамзина сам факт ее отсутствия выглядел более чем определенно: как писал историк, «князья южной России, не имев участия в бедствиях северной, издали смотрели на оные равнодушно и думали единственно о выгодах своего

[49] Там же. Стб. 744.

[50] Там же. Стб. 773.

[51] Там же. Стб. 769.

особенного властолюбия»[52]. Впервые в рассказе Ипат. о нашествии Батыя имя князя Даниила появляется лишь в контексте бегства из Киева Михаила Всеволодовича Черниговского, которое произошло во второй половине 1239 г. После того, как Михаил оставил Киев, киевский стол занял князь Ростислав Мстиславич Смоленский, «Данилъ же *ѣха на нь, и я его, и остави в немь Дмитра*, и вдасть Кыевъ в руцѣ Дмитрови *обьдержати противу иноплеменьныхъ языкъ, безбожьныхъ татаровъ*»[53]. Ипат. дает ясное представление о том, что цель передачи власти в Киеве Дмитру была связана с делегированием ему полномочий по защите главного города Русской земли от татар – это означает, что сам Даниил изначально не ставил перед собой такой цели.

Далее Ипат. сообщала о контактах Даниила и Василька Романовичей с князем Ярославом Всеволодовичем, под Каменцом захватившим в плен жену бежавшего Михаила Всеволодовича Черниговского (она приходилась сестрой братьям-Романовичам) и о ее освобождении, о злоключениях Михаила в Европе, о том, что «Данилъ же и Василко не помянуста зла, вьдаста ему сестру и приведоста его из Ляховъ» и даже «обѣша ему Киевъ, Михаилови, а сынови его Ростиславу вдасть Луческъ»[54]. Автор рассказа Ипат. продолжил повествование о нашествии Батыя, подробно рассказав о штурме Киева и героическом поведении его защитников, в том числе, и воеводы Дмитра, которого после взятия города татары «изведоша язвена, и не убиша его мужьства ради его»[55]. К этому моменту фактический правитель Киева князь Даниил Романович находился далеко от захваченного татарами города: «в то же время *ѣхалъ* бяше Данилъ Угры королеви и еще бо бяшеть *не слышалъ*

[52] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 8.

[53] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782.

[54] Там же. Стб. 783-784.

[55] Там же. Стб. 784-785.

приходъ поганыхъ татаръ на Кыевъ»[56]. Таким образом, из летописного текста следовало, что князь, с одной стороны, *предвидел* нашествие татар на Киев (иначе бы Даниил не поручил бы воеводе Дмитру оборонять город «противу безбожьныхъ татаровъ»), но, с другой стороны, не только сам не планировал быть в городе, но даже не интересовался его судьбой и поэтому ничего не знал о «приходе поганых татар на Киев». В этом контексте указание на неосведомленность князя выглядит не вполне убедительно, свидетельствуя, скорее, о желании книжника оправдать пребывание Даниила в чужой земле, нежели о его стремлении передать реальное положении дел.

С чем был связан отъезд князя Даниила и почему он тоже оказался «в Уграх»? Сообщая о разгроме Батыем венгерского войска на реке Шайо (11 апреля 1241 г.), Ипат. упомянула, что «преже того *ѣхаль* бѣ Данило князь ко королеви Угры, *хотя имѣти с ним любовь сватьства*»[57]. Речь, судя по всему, шла о попытке сватовства княжеского сына Льва Даниловича к Констанции – еще одной дочери Белы IV (попытка оказалась неудачной, брак будет заключен существенно позже – в 1250 г.[58]). Таким образом, декларируемый автором рассказа Ипат. мотив отъезда «в Угры» у князя Даниила Галицкого оказывался точно таким же, как и мотив Михаила Черниговского –

---

[56] Там же. Стб. 785-786. Предложенное М. Димником объяснение причины неосведомленности Даниила Романовича о взятии Киева базируется на буквальном прочтении текста Ипат. («новости о катастрофе не достигли находившегося в Венгрии Даниила. После того как король отверг его матримониальный проект, князь отбыл на Волынь. *Только встретившись с беженцами*, спасавшимися от продвигавшегося вперед противника, он узнал о несчастье, свалившемся на его княжество»), но не выдерживает критики. См. *Димник М.* Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары… С. 20

[57] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787.

[58] Там же. Стб. 809. Подробнее см.: *Лонгинов А.В.* Родственные отношения русских князей с венгерским королевским домом. // Труды Виленского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильно, 1893. С. 322-324.

матримониальные хлопоты, касающиеся сыновей[59]. В этом смысле, прав А.В. Мартынюк: если намерение Михаила Черниговского женить своего сына на дочери венгерского короля в контексте возможной попытки организовать совместное с венграми противостояние татарам в историографии практически не обсуждалось, то аналогичные действия Даниила Романовича, предпринятые им в момент нашествия Батыя на Киев, наоборот, то и дело преподносятся как часть дипломатических усилий, якобы направленных на формирование антитатарской коалиции[60]. Так, например, интерпретировал события Н.М. Карамзин, писавший, что «Даниил уже знал Моголов: видел, что храбрость малочисленных войск не одолеет столь великой силы, и решился, подобно Михаилу, ехать к Королю Венгерскому, тогда славному богатством и могуществом, в надежде *склонить его к ревностному содействию против сих жестоких варваров*»[61] (курсив мой. – *В.Р.*). С легкой руки автора «Истории государства Российского» в историографии версия о том, что Даниил Галицкий уже в 1240-1241 гг. пытался заключить антитатарский союз, стала одной из наиболее распространенных попыток объяснить поступок князя. В.Т. Пашуто писал о «дипломатической поездке галицко-волынского князя Даниила в Венгрию», куда тот отправился «пытаться заключить

---

[59] Подробнее о хронологии поездки Даниила см.: *Грушевьский М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинськоі літописі. Львів, 2005. С. 351-352.

[60] *Мартынюк А.* Указ. соч. С. 278-279.

[61] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 4. С. 10. Впрочем, в другом месте историк отмечал, что «спесивый Бела отвергнул сие предложение, думая, что Батый не дерзнет идти за Карпатские горы и что несчастие Российских Княжений есть счастие для Венгрии». После чего, по словам Н.М. Карамзина, «Даниил *спешил защитить свое Княжение*, но поздно: толпы беглецов известили его о жалостной судьбе Киева и других наших городов знаменитых. Уже Татары стояли на границе. Даниил, окруженный малочисленною дружиною, *искал убежища* в земле Конрадовой <…> и, *слыша о приближении Моголов*, удалился в Мазовию, где Болеслав, сын Конрадов, дал ему на время Вышегород и где Даниил с Васильком оставались *до самого того времени, как Батый вышел из юго-западной России*». См.: *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Т. 4. С. 15.

оборонительный союз, скрепив его браком Льва Даниловича с дочерью короля»[62]. Так же полагал и Н.Ф. Котляр: «во времена вражеского нашествия Даниил находился в Венгрии, далее в Мазовии, безуспешно силясь поднять против общего врага тамошних государей». С точки зрения исследователя, «*трудно сомневаться* (курсив мой. – *В.Р.*). в том, что Даниил Романович предложил Беле IV заключить союзное соглашение, скрепленное династическим браком. Это соглашение, вероятно, предусматривало объединение сил против монголо-татар, от чего король уклонился, побаиваясь и войска, и гнева Батыя»[63].

Причина появления в историографии такой трактовки, вероятнее всего, связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, с невозможностью (или нежеланием) иным способом объяснить отъезд князя из только что занятого им Киева. В случае с Михаилом Всеволодовичем галицко-волынская летопись «подсказывала» определение действиям черниговского князя, сообщая при этом не только о его бегстве, но и о «страхе татарьском» как первоисточнике такого поведения. Про Даниила Романовича его собственный летописец по понятным причинам ничего подобного не сообщал. Наоборот, как точно подметил А.В. Майоров, «отводя от Даниила подозрения в намеренном бегстве из страны в канун татарского нашествия, придворный писатель дает понять, что князь имел важную причину уехать в Венгрию: он хотел заключить союз с королем, скрепленный династическим браком»[64]. Во-вторых, приписывание Даниилу Галицкому намерений создать антитатарский союз в момент нашествия Батыя, вполне возможно, стало результатом переноса на события 1240-1241 гг. сложившихся представлений о действиях, которые князь якобы пытался предпринять в начале 1250-х гг., идя на союз с

---

[62] *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 221, 223. Ср.: *Dąbrowski D.* Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w., Kraków, 2016. S. 221-223.

[63] *Котляр Н.Ф.* Указ. соч. С. 22, 257.

[64] *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь // Русин. 2013. № 1 (31). С. 64.

римской курией для совместной борьбы с татарами[65]. Впрочем, как убедительно показала Е.Е. Иванова, тезис о целенаправленной антиордынской политике князя в этот период не находит подтверждения в источниках[66]. Тем более, не стоит переносить такую оценку на события более чем десятилетней давности. Особенно, если в самом источнике – написанной в интересах галицко-волынской династии летописи – такой трактовки поездки Даниила «в Угры» не было. Это достаточно показательно, особенно, учитывая антитатарский пафос многих ее известий. Неслучайно столь внимательный к сообщениям Ипат. М.С. Грушевский в свое время ограничился осторожным и в чем-то даже ироничным замечанием относительно поведения Даниила Романовича: князь «сам в Киеве не остался (ему *зачем-то нужно было* ехать к угорскому королю)»[67] (курсив мой. – *В.Р.*)[68].

---

[65] Подробный обзор историографии см.: *Домбровский Д.* Даниил Романович // Православная энциклопедия. Т. 14. М., 2006. С. 120-125; *Иванова Е.Е.* К вопросу об антиордынской политике князя Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 37.

[66] Там же. С. 47.

[67] *Грушевский М.С.* Очерки по истории Киевской земли… С. 424. Показательно, что первый биограф князя, Н.П. Дашкевич, поставивший целью «указать и объяснить посредством сравнительно-критического изучения источников русских и иностранных в возможно большем их количестве, замечательнейшие явления княжения Даниила Галицкого, которыми определяется исторического значение этого княжения», не уделил внимания этому периоду, сразу сосредоточившись на отношениях галицкого князя с Ордой, складывавшихся уже после нашествия. См.: *Дашкевич Н.П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 9, 135-146.

[68] Существует и прямо противоположная трактовка дипломатических усилий Даниила Романовича в период нашествия Батыя, согласно которой не позднее ноября 1239 г. (то есть, вскоре после взятия татарами Чернигова) состоялись переговоры между тремя русскими князьями - Даниилом Романовичем, Мстиславом Глебовичем и Владимиром Рюриковичем, с одной стороны, с находившимся в районе Киева татарским военачальником Менгу, с другой (См.: *Майоров А.В.* Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи) // ТОДРЛ. Т. 60. СПб., 2009. С.

311-326). Результатом этих переговоров якобы стал «альянс с монголами» перечисленных князей: в рамках достигнутых договоренностей, «после взятия Чернигова татары, по-видимому, приняли решение о передаче Киева одному из своих новых союзников – Владимиру Рюриковичу, а после его внезапной смерти – Даниилу Романовичу» (См.: Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 98). Как полагает М. Димник, «условия, которые они приняли, вероятно, предполагали, что они не просто должны капитулировать перед ханом и принести ему клятву верности, но и, вполне возможно, снабжать его вспомогательными войсками или провизией». Однако, отмечает исследователь, «так как в 1239 г. татарские войска так и не дошли до Волыни, Даниилу тогда, очевидно, не пришлось выполнять своих обязательств». Заключение «альянса с монголами» якобы и стало причиной того, что Даниил Романович весьма спокойно отнесся к появлению войск Батыя и поэтому отправился в Венгрию. Как полагает М. Димник, «только лишь по одной причине он мог вести себя столь уверенно и чувствовать себя в безопасности – если сам он был гарантирован от нападения. Должно быть, в 1239 г., при заключении договора, Даниил получил от татар некие гарантии такого иммунитета». Впрочем, сторонники такой версии признают: ставка Даниила Романовича на союз с татарами провалилась. Взяв Киев, «татары разорили и его Волынское княжество», что заставило его вновь отправляться в Венгрию – теперь уже в поисках убежища. (См. подробнее: *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и «принц Тартар»… С. 64; *Димник М.* Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары… С. 22-27). Почему его первую поездку к королю Беле IV не стоит считать таким же способом спастись от надвигающегося нашествия (несмотря на уверения летописца о том, что Даниил поехал «в Угры» с целью женить сына), исследователи умалчивают. Основой для такого предположения стала информация, содержащаяся в более поздних летописях, восходящих к общему источнику С1, Н4 и НК2, которые, по мнению А.В. Майорова, заключают в себе «ряд важных деталей, опущенных или искаженно представленных в Галицко-Волынской летописи». По его мнению, «сведения названных летописей заслуживают самого внимательного отношения уже хотя бы потому, что они в свою очередь почерпнуты из свода, при составлении которого был использован южнорусский источник, отличный от Ипатьевской летописи» (*Майоров А.В.* Летописные известия об обороне Чернигова… С. 312). Развернутую и аргументированную критику такой трактовки событий см.: *Dąbrowski D.* Op. cit. S. 208-210; Галицько-Волиньский літопис. Текстологія. За ред. О.П. Толочка. Кіев., 2020. С. 282-293 (комм. В.В. Аристова и А.П. Толочко); *Толочко П.П.* Даниил Галицкий и нашествие Батыя на Южную Русь в работах петербургских историков // Ruthenica. Т. XVI. Киев, 2020. С. 125–135.

Таким образом, анализ источников не оставляет сомнений в том, что и Даниил Галицкий спасался от татар бегством. По сути, его действия ничем не отличались от действий Михаила Черниговского. Никаких подтверждений того, что он вел переговоры о совместных выступлениях против завоевателей, источники не содержат. При этом описание его встречи с семьей, содержащееся в Ипат., недвусмысленно дает представление о том, как книжник представлял себе приоритеты галицкого князя, для которого личная безопасность и безопасность близких была на первом месте, а все остальное, в том числе, судьба Русской земли, на втором. Именно в такой последовательности (сначала выражение радости по поводу спасения княжеской семьи, и только затем - сожаление о бедах, причиненных татарами Русской земле) описывалась сцена встречи Даниила Романовича с родственниками: «*иде изо Угоръ во Ляхы* на Бардуевъ и приде во Судомирь. Слыша о братѣ си и о дѣтех и о княгини своей, яко *вышли суть из Руское землѣ в Ляхы предъ безбожными татары*, и потосьнуся взискати ихъ, и *обрѣте ихъ* на рѣцѣ рекомѣй Полцѣ, и *возрадовашся о совокупьленьи своемь*, и *жалишаси о побѣдѣ землѣ Руское и о взятьи град от иноплеменьникъ множьства*»[69]. В этом контексте стоит напомнить уже цитируемую «формулу» Кирилла Туровского, полагавшего, что настоящий воины «не помнять *ни жены, ни дѣтей, ни имѣниа* — да что мню имѣніе, еже есть хуже всего, — но *и главы своея* ни въ что же помнять, *да бы имъ непосрамленом быти*»[70]. При этом, несмотря на проявленную «жалость» в отношении Русской земли, о которой упомянул летописец, ему пришлось указать, что князь вновь предпочел удалиться в безопасное место: «Данилови же рекшу, яко: «*Не добро намъ*

[69] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787.

[70] *Еремин И.П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. Т. 5. М., Л., 1947. С. 177.

стояти сде близъ воюющих нас иноплеменьникомъ!» Иде в землю во Омазовьскую ко Болеславу Кондратову сынови»[71].

Пример рассказа Ипат. о действиях Даниила Галицкого показывает, что реальные поступки правителей русских земель не всегда соотносились с максималистскими книжными формулами, касающимися «нормативного» поведения князей. В том числе, даже с теми представлениями о должном, которые формулировал сам князь. Об этом свидетельствуют не только поведение Даниила во время нашествия Батыя, но и его действия в последующий период: в статье под 6769 (1261) г. Ипат. сообщала о реакции галицкого князя на «опалу» со стороны монгольского военачальника Бурундая: «Василко же князь ишь Шюмьска посла владыку Ивана наперед ко брату своему Данилови. Владычи же приехавшю к Данилови князю, и нача ему повѣдати о бывшем, и опалу Бурандаеву сказа ему. Данилови же *убоявшуся, побѣже* в Ляхы, а из Ляховъ *побѣже* во Угры[72]. Судя по всему, «именно со статьи 1261 г. начинается активное редактирование окончания Галицкой летописи волынским редактором»[73], который мог быть более откровенным в оценке поступков Даниила Романовича.

---

[71] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787.

[72] Там же. Стб. 850.

[73] *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия ОРЯС Академии наук. Л., 1926. Т. 31. С. 109-110; *Черепнин Л. В*. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки АН СССР. Т. 12. М., 1941. С. 228-230; 252-253; *Пашуто В. Т.* Указ. соч. С. 92; *Генсьорский А. І.* Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ., 1961. С. 9-10; *Ужанков А. Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. С. 281–282; *Шевелева М. Н.* Вторичные имперфективы с суффиксом -ыва-/-ива- в летописях XII–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. М., 2010. № 2 (20). С. 215–21 и др. Подробный анализ имеющихся в науке точек зрения по поводу границы, разделяющей галицкое и волынское летописание в Ипат. см.: *Юрьева И. С.* Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2013. С. 135-138.

Судя по тексту Ипат., отклонение от идеальной нормы поведения в форме ситуативного бегства, особенно, если имели место «извиняющие» князя обстоятельства (например, ранение его самого или коня, бегство дружины, к которой он вынужден был присоединиться), не создавало для правителя особых репутационных рисков. Вероятно, и случаи превентивного бегства, когда князь побежал, «убоявшись» своего потенциального противника, в глазах летописца выглядел вполне оправданным. В случае с бегством от Бурундая это, вероятно, оправдывалось тем, что речь шла о бегстве не просто от врага, а от сильнейшего монгольского военачальника, о грозной славе которого было хорошо известно книжнику (именно Бурундаю галицко-волынская летопись приписала убийство великого князя владимирского Юрия Всеволодовича на реке Сити[74]). Составитель этой летописи, видимо, исходил из того, что храбрость – величина не постоянная, в какой-то момент ее можно (по крайней мере, временно) лишиться, если Господь вложит страх в сердце воину[75]. Этот подход обнаруживается не только в рассказе о нашествии Батыя. Так, в финале противостояния с ятвягами воины Даниила фактически не встретили сопротивления с их стороны: «Наутрѣя же поидоша плѣняюще и жгуще землю ихъ. И не бысть пакости воихъ их, якоже *иногда храбрии бѣаху, воложи Богъ страхъ во сердце ихъ*»[76]. Такой взгляд на природу храбрости, судя по всему, был достаточно распространен в это время: в одном из Поучений Серапиона Владимирского содержится мысль о том, что, прогневав Бога, люди навлекли на себя самые разные наказания, в том числе, и исчезновение храбрости у их князей и воевод - тех, кто по определению призван был защищать от врагов: «князии нашихъ, воеводъ *крѣпость ищезе*,

[74] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779.

[75] Подробнее см.: *Кагарлицкий Ю. В.* Позитивные характеристики поведения воина на поле боя и семантические сдвиги в их интерпретации в русской культуре Нового времени // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В. М. Живова. М., 2009. С. 280-281.

[76] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 835.

храбрии наша, *страха наполъньшеся, бѣжаша*»[77]. Однако из Ипат. следовало, что в руках Господа было и обратное – сделать так, что о мужестве правителя узнали все сопредельные земли: «Богомъ же дана ему дань, послушьство створи Лядьскую землю, сирѣчь во память дѣтемь своимъ, яко *от Бога мужьство ему показавшу*»[78]. Недаром Серапион призывал своих чад отказаться от греховной жизни и покаяться: с его точки зрения, это давало шанс на то, что гнев Господень переменится на милость и все те невзгоды, которые он перечислял в своих проповедях уйдут в прошлое, а все те качества, которыми люди дорожили, в том числе, и храбрость, вернутся к ним вновь.

3.2. «Бегство» или «отъезд»: терминологические изыскания русских книжников второй половины XIII - XIV в.

Как было показано выше, рассказывая про «своего» князя, составитель галицко-волынской летописи не использовал определение «бегство»: в момент прихода Батыя к «Кыеву в силѣ тяжьцѣ», как сообщалось в Ипат., «*ѣхалъ* бяше Данилъ Угры королеви»; «Батыю же вземшю град Кыевъ и слышавъшу ему о Данилѣ, *яко Угрѣхъ есть*»; «преже того *ѣхаль бѣ* Данило князь ко королеви Угры»; «наутрея же въставъ, видѣ множество бѣжащих от безбожных татаръ и *воротися назадъ Угры,* не може бо проити Руское земли, зане мало бѣ с нимь дружины», «*оставивъ сына своего Угрѣхъ*»; «Данилови же рекшу, яко: «Не добро намъ стояти сде близъ воюющих нас иноплеменьникомъ!» *Иде* в землю во Омазовьскую ко Болеславу Кондратову сынови. И вдасть ему князь Болеславъ град Вышегородъ. И *бысть ту*, дондеже вѣсть прия, яко сошли суть и землѣ Руское безбожнии»[79]. Тот же принцип действовал и в отношении членов семьи князя Даниила Галицкого,

---

[77] *Петухов Е.В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. С. 8. (второй пагинации).

[78] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 836.

[79] Там же. Стб. 784-788.

которые, по словам летописца, «*вышли суть* из Руское землѣ в Ляхы предъ безбожными татары»[80]. Все эти примеры свидетельствуют о более лояльном – по крайней мере, на терминологическом уровне - отношении автора рассказа Ипат. к бегству представителей «своей» княжеской корпорации, нежели к «чужим» князьям. С этим явлением мы сталкиваемся и при анализе других памятников историописания второй половины XIII-XIV в., посвященных ордынским нашествиям.

Составитель рассказа Лавр. вообще не описывал поступки князей (ни «своих», ни «чужих») во время нашествия в категориях бегства. Их поведение раскрывалось через действия завоевателей - «*гониша по них* татарове и *не обрѣтоша*». Сравнивая «своих» князей с Давидом, а их преследователей - с Саулом, книжник маркировал способ спасения правителей Суздальской земли не просто в качестве приемлемого с этической точки зрения, но и даже богоугодного поступка, поскольку «*сих Богъ избави от рукы иноплеменник*», «*избавилъ есть от враг наших*»[81]. Точно также составитель рассказа Лавр., описывал и действия других героев своего повествования, спасавшихся от татар: например, ростовского епископа Кирилла, про отъезд которого на Белоозеро составитель Лавр. вообще не сообщал, зато сообщал о его возвращении: «блаженъıи же епископъ Кирилъ взя князя мертва, *идъı из Бѣлаозера* и принесе и в Ростовъ»[82]. Возможно, статус главы епархии (по крайней мере, «своей» для книжника) также требовал более нейтральных определений для описания его поступков. Так, в рассказе НПЛ о спасении от татар безымянного рязанского владыки (вполне возможно, что в этой части новгородская летопись передавала свой рязанский источник), автор избрал выражение «отъѣха проче» («а епископа *ублюде Богъ*: *отъѣха проче* во тъ

[80] Там же. Стб. 787.

[81] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

[82] Там же. Стб. 465.

годъ, егда рать оступи градъ»)[83]. Характерно, что оставление Владимира великим князем Юрием Всеволодовичем в Лавр., в отличие от НПЛ, в которой напрямую говорилось о бегстве, описано по той же схеме: «*въıѣха* Юрьи из Володимеря в малѣ дружинѣ», «*ѣха* на Волъгу с сыновци своими»[84]. Так же нейтрально сообщала об отъезде Юрия и Ипат.: «Юрьи же князь <…> *изииде* изъ града[85].

Судя по всему, авторы текстов, создаваемых в первые десятилетия после нашествия, заложили весьма востребованную традицию, в рамках которой несколько последующих поколений книжников описывали бегство «своих» и «чужих» правителей. Интересно, что эта традиция дожила до того времени, когда русские князья сами начала одерживать военные победы над ордынцами. Так, в 1365 г., согласно Рогожскому летописцу (далее – Рог.), разбитый князьями Олегом Рязанским и Владимиром Пронским ордынский князь Тагай «въ *малѣ дружинѣ* едва *убѣжа»*[86], а 1367 г., когда нижегородский князь Дмитрий Константинович вышел в поход против ордынского князя Булат Темира, тот «не ста не бои, но *бѣжа* за рѣку за Пиану»[87]. Точно также описывалась ситуация 1371 г., когда Дмитрий Иванович разбил Олега Рязанского и тот «едва *убѣжа*»[88]. В 1377 г., когда русские полки были разбиты татарами на реке Пьяни, летописец отмечал, что «*наши* же не успѣша ничто же, что бы имъ сотворити, *побѣгоша* къ рѣцѣ кх Пиане» (назвав русских

---

[83] Там же. Т. 3. С. 75.

[84] Там же. Т. 1. Стб. 461.

[85] Там же. Т. 2. Стб. 779.

[86] Там же. Т. 15. Стб. 80. Аналогичное чтение и Симеоновской летописи (далее – Сим.), восходящей в этом месте к тому же источнику, что и Рог. См.: ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 104. Это первый за все время ордынской власти на Руси случай победы на «чисто татарскими» войсками в открытом сражении. См.: *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 83.

[87] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 85; Т. 18. С. 106.

[88] Там же. Т. 15. Стб. 99; Т. 18. С. 112.

«нашими», летописец, тем не менее, описывал бегство не «своего» правителя, а князя Ивана Дмитриевича, сына нижегородского князя Дмитрия Константиновича, который *«прибѣжа вътороп҃ъ* къ рѣцѣ Пианѣ, *гонимъ напрасно,* и вержеся на конѣ въ рѣку и ту утопе»[89]). Весьма показательно в этом смысле и повествование о «побоище» на реке Воже 1378 г., когда за два года до «Мамаева побоища» великий князь Дмитрий Иванович разбил татарский отряд под командованием Бегича, после чего татары «*побѣгоша* еще суще съ вечера и чресъ всю нощь *бѣжаху*»[90]. Узнав о поражении своего ставленника, Мамай «разгнѣвася зѣло и възъярися злобою» и пошел «изгоном» на Рязанскую землю. Но рязанский князь Олег Иванович «не приготовился бѣ и *не ста противу ихъ* на бои, но *выбѣжал изъ своея земли*, а *градъ свои поверже*, и *перебѣжа* за Оку»[91]. Точно также описывалось и бегство в 1377 г. из Нижнего Новгорода князя Дмитрия Константиновича, у которого «не бысть силы *стати противу ихъ на бои*, но *побѣжа* въ Суждаль»[92]. Но при этом в рассказе о событиях 1382 г. Рог. и Сим. о поступке великого князя Дмитрия Ивановича, покинувшего Москву в момент нашествия Тохтамыша, сообщали хоть и схожим образом, но все-таки несколько иначе: «слышавъ, что самъ царь идеть на него съ всею силою своею, *не ста на бои противу его*, ни подня рукы противу царя, но *поеха* въ свои градъ на Кострому»[93]. И, хотя Дмитрий, по сути, тоже град свой «поверже», о том, что он «бежал» в Кострому, Рог. и Сим. не упоминали, ограничившись более нейтральным определением.

Эта терминологическая традиция сохранялась и в последующем. Точно так же без использования определения «бегство» описывался «отъезд» из Москвы великого князя Василия Дмитриевича во время нашествия Едигея в

[89] Там же. Т. 15. Стб. 119; Т. 18. С. 119.

[90] Там же. Т. 15. Стб. 134; Т. 18. С. 127.

[91] Там же. Стб. 135; Т. 18. С. 127.

[92] Там же. Стб. 119; Т. 18. С. 119.

[93] Там же. Стб. 144; Т. 18. С. 132.

1408 г. в рассказе Рог.-Сим.[94], при этом «отъезду» князя Василия противопоставлялось спровоцированное им «бегство» горожан: «Василий же *не успѣ* ни мала дружины собрати <…> самъ со княгинею и съ дѣтми *отъеха* къ Костромѣ. И смутися град ужасным видѣниемъ, и люди начаша зѣло *бѣжати*, не брегуще ни о имении, ни о иномъ ни о чемъ»[95]. В 1439 г. во время нашествия на Москву татарского хана Улу-Мухаммеда («царя Махмута), подошедшего к городу «со многими силами безвѣстно», великий князь

---

[94] *Конявская Е.Л.* Повесть о Едигеевом нашествии в тверском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 4 (26). С. 99-100. Ср.: *Горский А.А*. Москва и Орда... С. 131. *Лурье Я.С*. Две истории Руси XV в. СПб., 1994. С. 54.

[95] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 183; Т. 18. С. 157. Впрочем, несмотря на столь аккуратную характеристику, скрытое осуждение действий великого князя Василия Дмитриевича, бросившего Москву на произвол судьбы, в Тр. все-таки присутствовало (См.: *Конявская Е.Л.* Повесть о Едигеевом нашествии… С. 97. Ср. *Горский А.А.* Москва и Орда… С. 103-106). Неслучайно в конце рассказа о нашествии Едигея составитель тверской обработки рассказа упомянул, что «сущии въ градѣ людие» впали в глубокое уныние, видя, что им никто не помогает и что от людей им нечего ждать спасения: «помятующе Давыда, еже пиша рече: «*Добро есть уповати на Господа, нежели уповати на князя*; добро есть надѣатися на Бога, нежели надѣятися на человѣка» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 184; Т. 18. С. 157. Ср. там же. Т. 25. М., Л., 1949. С. 238). Оказания помощи из вне в этой ситуации, действительно, не предвиделось (подробнее см.: *Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Владимир Андреевич Храбрый: политик, воин, донатор, семьянин // Куликовская битва в истории России. Вып. 2. М., 2012. С. 51). Интересно, что в оригинале (Пс.117:8-9) эта мысль носит более абстрактный характер: в ней идет речь о том, что лучше уповать на Господа, нежели надеяться на «*князей*» - то есть светских правителей. Единственное число, употребленное в Тр., недвусмысленно показывает, что имелся в виду конкретный князь, в данном случае – Василий Дмитриевич. Точно также поступил с этой же цитатой из Псалтири книжник, когда описывал злоключения, связанные с попыткой Дмитрия Ивановича провести в митрополиты всея Руси своего ставленника Митяя. Против его избрания выступали все, но «единъ князь великий хотяше», Митяй же, «надѣяшася на княжескую любовь, не въспомяну пророка глаголюща: «Добро есть надѣятися на Бога, недели надѣятися на *князь*». См.: ПСРЛ. Т. 15. Стб. 136.

Василий Васильевич «въсхотѣ итти противу ему, но *не поспѣ* събратися». В итоге он поступил точно также, как и многие его предки – бежал в безопасное место, однако, в летописи его поступок был маркирован более нейтрально: «*иде* за Волгу»[96]. Ник., сообщая об очередном нашествии крымского хана 1541 г., возвращаясь к событиям предыдущего века, также смягчала рассказ о поступке предка «своих» правителей: «коли Едигѣй приходиль и подъ Москвою стояль, и князь велики Василей Дмитреевичь тогды въ городѣ оставилъ князя Володимера Андрѣевича да братью свою родную, князя Ондрѣя да князя Петра Дмитреевичевъ, а самъ князь велики *отъъха* на Кострому»[97].

Есть основания полагать, что использование определений «отъиде», «иде», «выиде» и т.п. являлось не более чем этикетной конструкцией, призванной в более деликатной, щадящей репутацию князя форме описывать бегство «своего» правителя. Подтверждение этому дает рассказ, отразившийся в Рог. и Тверском сборнике (далее – ТвС) о злоключениях тверского князя Александра Михайловича. Как известно, согласно Рог.-ТвС[98], по время тверского восстания 1327 г., завершившемся убийством ханского посла Щелкана, князь Александр Михайлович принял решение покинуть Тверь. Сообщавшая об этих же событиях «чужая» по отношению к тверским князьям НПЛ мл. изв. прямо назвала его поступок «бегством»: «присла князь Александръ послы к новгородцомъ, хотя *бѣжати* в Новъгород, и не прияша его <...> На ту же зиму прииде рать татарьская множество много, и взяша Тфѣрь и Кашинъ и Новоторьскую волость и просто ркуще всю землю Рускую

[96] Там же. Т. 25. С. 260.

[97] Там же. Т. 10. М., 2000. С. 106-107.

[98] В летописях Новгородско-Софийской группы (С1-НК2-Н4) и ряде других (Летопись Авраамки, Московский свод конца XV в., Ермолинская, Типографская и др.), восходящих к рассказу Псковской I и Псковской III, излагается иная версия событий. См.: ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. С. 65, Т. 25. С. 168; Тю 23. СПб., 1910. С. 102; Т. 24. С. 115-116. Подробнее см.: *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. М., 2007. С. 87.

и положиша ю пусту, токмо Новъград ублюде Богъ и святая Софѣя. А князь Александръ *вбѣжа* въ Плесковъ; а Костянтинъ, брат его, и Василии в Ладогу <...> Ходи князь великыи Иванъ Данилович <...> къ цесареви; и отпусти я цесарь, и повелѣвъ искати князя Александра. И посла князь Иванъ свои послы, а новгородци от себе владыку Моисия и Авраама тысячкого къ князю Александру въ Плесковъ, веляще ему, дабы пошелъ въ Орду, и не послуша»[99]. Как отмечает Е.Л. Конявская, в этот период Новгород не питал добрых чувств к тверскому князю[100], что выразилось в том, что город «не прияша его». В силу этого новгородский летописец не имел причин подбирать более деликатные выражения, сглаживающие поступок Александра Михайловича. Составитель текста Рог.-ТвС, по всей видимости, создававшейся в Твери в отсутствии великого князя, в тот момент нашедшего убежище во Пскове[101], о действиях Александра Михайловича сообщал иначе: «великыи же князь Александръ не трьпя безбожныя ихъ крамолы *оставль княжение роусское и вся отчьствиа своя* и *иде* въ Пьсковъ съ княгинею и съ дѣтми своими и пребысть въ Пьсковѣ»[102]. Исследователи единодушны в том, что рассказ, дошедший в составе Рог.-ТвС., проникнут сочувственным отношением летописца по отношению к «своему» князю Александру Михайловичу[103], и с этим обстоятельством связано использование более нейтрального определения «иде». При этом из другого сообщения Рог. следовало, что сам князь прекрасно отдавал себе отчет в том, что его отъезд из города в глазах других людей, в действительности, выглядел именно как бегство, а не как что-либо

---

[99] ПСРЛ. Т. 3. С. 341.

[100] *Конявская Е.Л.* Очерки… С. 88.

[101] Там же. С. 83.

[102] ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб .44, 416.

[103] *Воронин Н. Н.* Песня о Щелкане и Тверское восстание 1327 г. // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 79; *Черепнин Л. В.* Источники по истории антимонгольского восстания в Твери в 1327 году // Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960. С. 41; *Конявская Е.Л.* Очерки… С. 88-89. Прим. 21.

иное. Согласно Рог., спустя десять лет после отъезда из Твери «приездилъ князь Александръ и его Пьскова въ Тфѣрь и поима сына своего князя Феодора опять поеха въ Пьсковъ». Однако «по малѣхъ же днехъ помысли въ сердци своемъ, глаголя: аще прииму смерть здѣ, се оубо *языци мнози възглаголють, яко отбѣгъ* княженіа смерть прия, а дѣти мои лишени будуть княжения своего, луче бо есть оумрети Бога ради, нежели злѣ жити». После этого князь Александр «поиде во Орду изо Опьскова и обишедши всю зѣмлю Роусскую прииде къ безаконному царю Озбяку»[104].

Не менее показательно описание бегства великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Если «чужая» по отношению к нему галицко-волынская летопись, рассказывая о действиях князя, оперировала исключительно понятием «бегство»[105], то в т.н. «ростовской редакции» (далее – ред. Р) Сказания об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора (далее – ЖМЧ[106]), которое, по мнению исследователей, могло быть создано в 1270-е годы в Ростове[107] еще при жизни князей Бориса и

---

[104] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 47-48, 418.

[105] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782-783.

[106] Строго говоря, произведения, посвященные гибели Михаила Черниговского и его боярина Феодора, можно лишь условно назвать «житием». Как справедливо заметила Н.И. Милютенко, как правило, эти тексты озаглавлены «страсть» или «убиение», что соответствует содержанию произведений, поскольку в них собственно «о жизни князя до татарского нашествия ничего не сказано». См.: *Милютенко Н.И.* Сказания о Михаиле Черниговском... С. 195.

[107] *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII - первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X - нач. XX вв. Сб. научных трудов. Вып. 1. М., 1990. С. 27; *Лаушкин А.В.* К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 4-6; Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. СПб., 2003. С. 208; *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII - первой трети XV веков. М., 2009. С. 192 и др.

Глеба Васильковичей – внуков Михаила Всеволодовича[108], была предпринята попытка (причем, как на уровне терминов, так и на смысловом уровне) смягчить впечатление о поведении Михаила Всеволодовича. По крайней мере, только в этой редакции ЖМЧ отъезд великого князя «в Угры» не был назван «бегством»: в ред. Р отмечалось лишь, что князь «*отъѣха* въ Оугры»[109]. Этот терминологический выбор составителя ред. Р. корреспондировался и с тем, как описывался поступок безымянных «черниговских князей» в момент взятия татарами Чернигова в рассказе Лавр.: «взяша Татарове Черниговъ, князи ихъ *выѣхаша* въ Оугръı»[110]. Составитель летописного рассказа, скорее всего, не мог не знать, какой именно князь покинул город перед лицом нашествия: в Суздальской земле Михаил Всеволодович был хорошо известен - его родная сестра была женой великого князя владимирского Юрия Всеволодовича, а в Ростове правили его ближайшие родственники – дочь Мария, а также внуки Борис и Глеб Васильковичи. Несмотря на это составитель рассказа Лавр. все-таки не посчитал нужным сообщить имя черниговского князя, при этом, как и составитель ред. Р., он воспользовался для обозначения княжеского поступка более нейтральным, чем составитель Ипат., определением, охарактеризовав его как отъезд («*выѣхаша*»), а вовсе не бегство («*бѣже*»). Это обстоятельство вполне можно интерпретировать в качестве еще одного аргумента в пользу того, что процитированный отрывок Лавр., равно как и ред. Р., были созданы не просто в Суздальской земле, но и в пределах Ростовского княжества. Правившая там династия, связанная тесными родственными узами с убиенным в Орде Михаилом Черниговским, судя по всему, имела серьезные резоны для того, чтобы показать его поведение в момент нашествия в более выигрышном свете, чем это было в действительности.

---

[108] Работа над текстом, возможно, началась еще при жизни их матери княгини Марии Михайловны – дочери Михаила Черниговского, умершей 9 декабря 1271 года. *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго... С. 27.

[109] Ср.: *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 55 (второй пагинации).

[110] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

При этом в ред. Р со ссылкой на псалом царя Давида (Пс. 22:4) подчеркивалось, что отъезд Михаила «в Угры» (другие места, где князь спасался от нашествия, в этой и других редакциях ЖМЧ не упоминались) не был проявлением его страха. Скорее, наоборот. «Егда же быс нахожение иноплеменникъ на землю русьскую гнѣвомъ Божиимъ за оумножение грѣх наших, избиша многи князи – сродники его, а Михайло *отъѣха* въ Оугры, якоже пророкъ глаголеть, *не оубоюся* злая, яко ты со мною еси»[111]. Иными словами, в ред. Р. отъезд Михаила объяснялся заступничеством Божиим: именно оно стало ему защитой в ситуации, когда многие его «сродники» оказались убиты татарами, а он при этом уцелел.

Таким, образом, можно сделать вывод о том, что в период после нашествия Батыя формируется своеобразная традиция маркировки бегства правителей, в соответствии с в рассказах о «чужих» для книжников князей, как правило, использовалось определение «бегство», а для повествований о «своих» (и не только князьях, но и о епископах) употреблялись более нейтральные формулировки («*отъѣха», «иде», «въıѣха*» и др.), которые по смыслу обозначали то же самое, но были более щадящими по отношению к тем, к кому они относились.

3.3. Апология бегства: бегство как спасение от гонителей в историописании второй половины XIII - XIV в.

Казус Михаила Всеволодовича Черниговского нуждается в более пристальном анализе, и связано это с тем, что в большинстве редакций житийных произведений о его гибели в Орде действия князя во время нашествия, как и в Ипат., названы «бегством». Речь идет, в первую очередь, о пространных проложных редакциях ЖМЧ, которые Н.И. Серебрянский предложил называть редакциями «с именем отца Андрея» (далее — ред. А); «с именем епископа Иоанна» (далее — ред. И), «распространение редакции отца

[111] *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 55 (второй пагинации).

Андрея» (далее — ред. РА) и «сокращение редакции епископа Иоанна» (далее — ред. СИ)[112]. Как показал А.В. Лаушкин, тексты ред. А. и ред. И. «не имеют существенных разночтений, и их следует рассматривать в качестве вариантов одной и той же редакции», по сравнению с которой ред. РА «имеет более распространенную начальную часть, включающую рассуждение о провиденциальном смысле нашествия иноплеменников, упоминание о битве на Калке и добавление о избиении Михаилом монгольских послов во время нашествия Батыя», прочие же отличия ред. РА и ред. А./ред. И. «не выходят за рамки мелких разночтений». При этом ред. СИ представляет собой сокращение текста, близкого к ред. А./ред. И. Эти наблюдения говорят о том, что тексты пространных проложных редакций (ред. РА, А., И. и СИ) восходят к общему источнику. На сегодняшний день исследователи исходят из того, что ред. Р. (создана в 1270-е гг. в Ростове) и архетип пространных проложных редакций, независимы друг от друга и имеют общий протограф, датируемый более чем полувековым периодом времени от середины XIII в. до 1313 г. (время создания раннего списка ГИМ, Син. 239, содержащего текст в ред. РА)[113].

---

[112] За прошедшее с момента исследования Н.И. Серебрянского время атрибуция ряда редакций неоднократно подвергалась корректировке, в результате которой предлагались и иные наименования самих редакций ЖМЧ. См., например: *Дмитриев Л.А.* Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII-XV вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 212-216; *Пак Н.И.* Повесть о Михаиле Черниговском в историко-литературном процессе XIII-XV вв. Автореферат дис. … канд. филол. наук. М., 1986; *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго... С. 15-69; Письменные памятники истории Древней Руси. М., 2003. С. 208-211 и др. Однако в данной работе автор, вслед за А.В. Лаушкиным, А.А. Горским и рядом других исследователей, полагает целесообразным сохранить ставшие привычными наименования, предложенные Н.И. Серебрянским (см.: *Лаушкин А.В.* К истории возникновения … С. 3-25, *Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского… С. 14-156.

[113] *Лаушкин А.В.* К истории возникновения… С. 16-18, *Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского… С. 148-150; *Лосева О.В.* Указ. соч. С. 192; *Милютенко Н.И.* Сказания о Михаиле Черниговском... С. 190-198*; Ставиский В.* «Цесарство свѣта сего» // Ruthenica. Т.

Пространные проложные редакции фактически подтверждают версию Ипат., прямота оценок которой объяснялась, вероятнее всего, тем, что, текст был создан во враждебной по отношению к Михаилу Всеволодовичу среде. При этом в текстах, написанных с целью церковного прославления убиенного татарами правителя, нет ни малейшего намека на то, что будущий святой готов был сражаться с завоевателями. Почему действия Михаила и в житийных произведениях названы «бегством»?

3.3.1. «Тако и сих Богъ избавил»: бегство как способ спасения

На первый взгляд, это может быть объяснено тем обстоятельством, что авторам наиболее ранних редакций ЖМЧ просто не оставалось ничего иного, поскольку информация о бегстве Михаила на тот момент могла быть общеизвестна. Однако о бегстве князя сообщали не только ранние

XIV. Киев, 2017. С. 214 и др. Вопрос о том, какая из двух его редакций - «редакция, приписываемой отцу Андрею» (далее – ред. А) или редакцию, которая является «распространением редакции отца Андрея» (далее – ред. РА) - лучше всего передает первоначальный вид памятника, долгое время считался дискуссионным. В науке высказывались предположения, что ранний вид произведения лучше сохранился ред. РА. Ее старший список (ГИМ. Син. 239) датируется 1313 годом (*Пак Н. И.* Краткая характеристика редакций Повести о Михаиле Черниговском // Литература Древней Руси. М., 1988. С. 22–23; *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго... С. 27). Между тем в свое время еще Н.И. Серебрянский высказывался в пользу того, что более ранним вариантом следует считать тексты ред. А., которую исследователь датировал второй половиной XIII – началом XIV в. (*Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 37-38 (первой пагинации)). В.А. Кучкин, предположив, что ред. А. также, как и ред. Р., имела ростовское происхождение, датировал ее 1260-1270 годам. (Подробнее см.: *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго... С. 27). Не так давно А.А. Горский привел убедительные аргументы в пользу того, что ред. РА вторична по отношению к ред. А. С этим согласно и большинство современных исследователей (*Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского… С. 148-150; *Милютенко Н.И.* Сказания о Михаиле Черниговском… С. 190-198; *Лаушкин А.В.* К истории возникновения … С.15-18; *он же.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI-XIII вв. М., 2019. С. 163-164).

(написанные до начала XIV в.), но и более поздние редакции ЖМЧ, созданные спустя многие десятилетия и даже столетия после его кончины[114]. Это является безоговорочным указанием на то, что само по себе бегство во время нашествия Батыя и в последующем не являлось основанием для отказа в церковном прославлении того или иного правителя. То, что в соответствии со светской «шкалой» оценки княжеского поведения могло быть интерпретировано как отсутствие храбрости, проявление трусости и даже «страшливости души» (то есть, как качества, неприемлемые для «эталонного» князя-воина), с церковной точки зрения, не мешало прославлению христианского подвига Михаила, который спустя несколько лет после нашествия Батыя принял мученическую смерть в Орде. Иными словами, в этой системе координат само по себе бегство не было «отягчающим обстоятельством» в биографии святого.

Во-первых, такое отношение к бежавшим правителям может объясняться тем, что ранние летописные рассказы о нашествии Батыя, а также ранние редакции агиографических произведений о современниках нашествия, создавались в среде князей или духовных лиц, для которых такой способ

---

[114] *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 55, 59, 64 (второй пагинации); ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 318; Т. 18. С. 60; Т. 25. С. 136. Иначе бегство Михаила описано лишь в редакциях ЖМЧ, созданных в начале XVI вв. – т.н. Пространной Пахомиевой редакции и Слове похвальном Льва Филолога: в первой говорилось, что Михаил «отошел» к Уграм («сам же *отходить* къ Угромъ, и бываеть тамо *пришлецъ в земли чюждей, акоже Авраамъ или Иаковъ*»), а во второй указывалось на то, что в момент нашествия «храбрыя Руси мечь пояде, *овы же плещи въдаша съпротивнымъ*; скипетродръжателя же овы оружиемъ падша, *овы же кралевьства странникы гостяше*, всякыя помощи отпадше», про самого Михаила сообщалось лишь то, что его «отъ сыромдца звѣря *Угры спасаху*»). См.: Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Вып. 2. Дни 14-24. СПб., 1869. Стб. 1299, 1313. Впрочем, такая трактовка событий и в XVI в. сосуществовала с традиционным определением поступка великого князя как бегства, что нашло отражение, например, в Никоновской летописи и в Степенной книге. См.: ПСРЛ. Т. 10. С. 115-116, Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М., 2007. С. 504.

спасения был не чужд – либо они сами, либо их ближайшие родственники в этот период могли спасаться от татар бегством. Исследователи неоднократно высказывали предположения о возможном использовании в рассказе Лавр. о нашествии материалов ростовского происхождения[115]. Между тем, ростовский епископ Кирилл как раз был в числе тех, кто, видимо, спасался от нашествия на Белоозеро[116]. Скорее всего, бегством (может быть, вместе с ним на Белоозеро) спасалась и семья погибшего в районе реки Сити ростовского князя Василька Константиновича – его сыновья Борис и Глеб и жена Мария Михайловна (дочь бежавшего от татар великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского). Как следует из списка спасшихся князей, помещенного в Лавр., с большой долей вероятности точно также поступили и другие правители Суздальской земли, а, значит, ни они, ни их потомки, при которых текст рассказа о нашествии подвергался редактуре, вряд ли имели желание обличать подобные действия.

Во-вторых, бегство воспринималось как одна из распространенных в то время человеческих (и княжеских, в том числе) практик, объяснение которой находили в стремлении Господа наказать людей за их грехи. Как о «рассеянии людей по земле» в качестве Божье кары упоминается в «Правиле Кюрила, митрополита роуськаго» 1274 года[117]. Про бегство князей (и не только) перед

---

[115] Ср.: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI – XV вв. СПб., 1996. С. 142-144; *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 280-288; *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 193-195; *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 7.

[116] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 465.

[117] Правило Кюрила, митрополита роуськаго, сошедшихся епископов: Далмата новогородского, Игнатья ростовского, Феогноста переяславского, Симеона полотского, на поставление епископа Серапиона володимирского // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 86. См. подробнее: *Лаушкин А.В.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. Т. 10. М., 2002. С. 211-224.

лицом татар говорилось и в Поучениях владимирского епископа Серапиона (1270-е гг. XIII в.), который точно указывал причину такого поведения: «князии нашихъ, воеводъ *крѣпость ищезе*, храбрии наша, *страха наполъньшеся, бѣжаша*»[118]. Причем из контекста Поучений следовало, что речь шла не о страхе о перед татарами как таковыми (хотя и он, разумеется, имел место) – Серапион имел в виду страх перед карой Господней, ниспосланной во исправление человеческих грехов[119].

Очевидно, что бегство, действительно, носило массовый характер. Достаточно напомнить несколько ярких примеров, сохранившихся в источниках. Так, в Лавр. рассказ о событиях 1239 года завершался упоминанием про «злой пополох» (то есть, ‘тревогу’, ‘смятение’, ‘переполох’[120]), который был в то время «по всей земле»: «тогды же бѣ *пополохъ золъ* по всей земли, и сами не вѣдяху и *гдѣ хто бѣжить*»[121]. На первый взгляд, это сообщение могло относиться исключительно к последствиям произведенного в тот год набега татар на Муром и Гороховец. Однако, вполне возможно, что летописец имел в виду не только ситуацию 1239 года, но и в целом обстоятельства, возникшие в период нашествия Батыя, когда бегство стало едва ли не массовым явлением, причем, в разных частях Русской земли. Так, про «*множество бѣжащих* от безбожных татаръ», встреченных по дороге из Венгрии князем Даниилом Романовичем Галицким, сообщала Ипат.[122] Точно так вели себя, судя по всему, москвичи, о действиях которых в момент нашествия Батыя есть краткое упоминание в новгородской

---

[118]. *Петухов Е.В.* Указ. соч. С. 8 (второй пагинации).

[119] См.: *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII-XV вв. М., 2017. С. 86-88.

[120] Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 94.

[121] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469-470.

[122] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 787.

летописи: «Москвичи же *побѣгоша*, ничего же не видѣвше»[123]. Так что указание Лавр. на то, что люди «сами не вѣдяху и *гдѣ хто бѣжить*», могло относиться в целом к жителям русских княжеств в период нашествия. В этом контексте действия бежавших от татар князей могли выглядеть лишь как частный случай из общего, весьма распространенного в то страшное время поведенческого выбора.

В-третьих, бегство рассматривалось и как допустимый способ спасения от гонителей, как дело вполне богоугодное, что нашло отражение в ред. Р. ЖМЧ, о чем говорилось выше. Пример такого отношения к бегству можно найти и в рассказе Лавр. о нашествии. Использованное в ее рассказе о спасшихся от «враг наших» правителях сравнение их с Давидом, бежавшим от Саула, позволяет не только реконструировать тот *способ избавления* от татар, к которому прибегли эти князья, но и *отношение автора* рассказа Лавр. к самому бегству. В Лавр. подчеркивалось, что князья, как библейский Давид, бежали не просто от врагов, а от гонителей, и что избавление от гонителей стало результатом заступничества свыше: «*гониша* по них татарове и не обрѣтоша. Яко же и Саулъ *гоняше* Давида, но Богъ избави от руку его, *тако и сих Богъ избави от рукы иноплеменник»*[124].

В свое время Г.М. Прохоров обратил внимание на то, что, среди прочего, летописец неоднократно цитировал сообщения самой Лавр. о походе князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году[125]. Но им были обнаружены не все цитаты, взятые из рассказа об этом походе. Так незамеченной исследователем осталась финальная фраза летописной статьи 6694 (1185) года, повествующая о бегстве князя Игоря из половецкого плена. Именно она почти дословно воспроизведена в рассказе об избавлении русских князей от

---

[123] Текст восстанавливается на основе НПЛ младшего извода, однако, в НПЛ старшего извода он тоже был, но там слово «*побѣгоша*» было выскоблено. См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 287.

[124] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

[125] *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1973. С. 78, 82.

нашествия Батыя под 6747 (1239) годом: «И по малых днѣхъ ускочи Игорь князь у половець — не оставить бо Господь праведнаго в руку грѣшничю: очи бо Господни на боящаяся его, а уши его в молитву ихъ! *Гониша бо по нем и не обрѣтоша, якоже и Саулъ гони Давыда, но Богъ избави и, тако и сего Богь избави из руку поганых*»[126]. При этом бегство князя Игоря из плена связывалось с Божьей помощью не только в рассказе Лавр. – точно так же его действия трактовались и в летописном рассказе Ипат. («се же *избавление створи Господь*»[127]), и в «Слове о полку Игореве» («Игореви князю *Богъ путь кажетъ* изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу»)[128]. Все это позволяет утверждать, что, с точки зрения автора рассказа о нашествии, дошедшем в Лавр., бегство правителей Суздальской земли было обусловлено Божьим промыслом в той же мере, что и бегство Давида от его преследователя Саула, а князя Игоря Святославича – из половецкого плена.

В церковной традиции мотив, который лежал в основе поведения Давида, неоднократно спасавшегося бегством от царя Саула («у*ѣжа и спасеся*»[129]) – стремление спастись от гонителя, судя по всему, имел важное значение для оправдания тех, кто таким образом избегал смерти. Еще в IV в. один из Отцов Церкви, св. Афанасий Великий, вынужден был неоднократно спасаться бегством от преследовавших его ариан из Александрии, где занимал

---

[126] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 399. Интересно, что в поздних летописных редакциях, берущих свое начало от компилятивного рассказа, составленного в рамках создания свода Фотия (НК, Н4, С1), в истории с бегством из плена Игоря параллель с бегством Давида от Саула была убрана, точно так же как была убрана эта параллель из рассказа о князьях, спасшихся от Батыя. См.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 220; Т. 6. Вып. 1. С. 298; Т. 10. С. 14, 113.

[127] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 651. Интересно, что сам Игорь, согласно Ипат., изначально не готов был бежать, противопоставляя бегство иному, «славному пути», которым он до этого предпочитал идти: «Игорь же исперва <…> молвяшеть: бо азъ славъı дѣля не бѣжахъ тогда от дроужинъı и нынѣ *не славнъımъ поутемь* не имамъ поити». См.: там же. Стб. 650.

[128] ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 384.

[129] 1 Цар. 19, 11-12; 19, 18 и др.

архиепископскую кафедру, и за это подвергался с их стороны обвинениям в трусости и малодушии. В составленном им летом 375 г. «Защитительном слово о бегстве своем» («Απολογία περὶ τῆς φυγῆς αὐτοῦ» или «Apologia de fuga sua») он исходил из того, что «бегство служит великим обличением не гонимым, но гонителям. Всякий бегает не от кроткого и человеколюбивого, а, скорее, от свирепого и *лукавого* нравом <…> *Убегать повелел Господь, и святые бегали, а гнать есть дьявольское предприятие*, и дьявол просит, чтобы дозволено ему было гнать всех»[130]. Приводя многочисленные библейские примеры бегства праведников от преследователей, Афанасий Великий, цитируя евангельскую заповедь («*егда же гонят вы во граде сем, бегайте в другий*»[131], а также «блаженны *гонимые* правды ради»[132]) утверждал, что «*не по боязни предавались святые бегству*», и что «само Слово, сделавшееся для нас человеком, благоволило, подобно нам, скрываться, когда искали, а также бегать и уклоняться от злоумышляющих, когда воздвигали гонение»[133]. «Посему, *не порицания достойно и не бесполезно бегство святых*. Если бы не уклонялись они от гонителей, то как бы Господь воссиял от семени Давидова? Или, как иные стали бы благовествовать слово истины? Для того и гонители искали святых, чтобы не было поучающего»[134]. Однако, по мнению Афанасия Великого, не только для святых, но и «для всех нас человеков такой закон: *бегать от гонителей*, укрываться от ищущих и не искушать дерзновенно Господа, но ожидать пока наступит определенный час смерти <….> как сказал Апостол, проходя «в милотех и в козиях кожах, лишени, скорбяще, озлоблени:... *в пустынях скитающеся и укрываясь в горах и в вертепах и в*

---

[130] Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великаго, архиепископа Александрийскаго. Изд. 2-е испр. и доп. Сергиев Посад, 1902. Ч. 2. С. 82, 95.

[131] Матф. 10, 23.

[132] Матф. 5, 10.

[133] Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великаго… С. 85, 89.

[134] Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великаго… С. 93.

пропастех земных»[135], пока или не наступило определенное время смерти, или не возглаголал им сам определивший время Бог, и не остановил злоумышляющих, или явно не предал гонимых гонителям, как сам Он находил это лучшим»[136].

Судя по всему, именно о бегстве от татар как от гонителей говорилось и в текстах пространных проложных редакций ЖМЧ, в которых бегство рассматривалось не как единичный поступок князя, а как массовое явление, имевшее место в период Батыева нашествия. В этих редакциях ЖМЧ описывались три варианта поведения людей во время «нахожения поганых татаръ на землю христьянскую». Одни - «*затворяхуся въ градѣхъ*», при этом о них не сказано, что они стремились отразить удар врага. Скорее, наоборот: «иже въ градѣхъ затворишася, ти *исповѣданиемь и со слезами Богу молящеся*, тако от поганыхъ немилостивно избьени быша» (напомним, что точно так поступали, согласно Лавр., жители Владимира, а согласно НПЛ, и князь Всеволод Юрьевич, оставшийся в городе. - *В.Р.*). Другие – *бежали в дальние страны*. Среди них - и главный герой ЖМЧ князь Михаил Всеволодович: «Михаилу же *бѣжавшю* во Угры, инии же *бѣжаша* в земли дальни». Наконец, третьи *скрывались в труднодоступных местах*: «инии же *крыяхуся в пещерахъ*

---

[135] Евр. 11, 37-38.

[136] Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великаго…. С. 88, 94. Насколько можно судить, «Защитительное слово о бегстве» Афанасия Великого не было известно в славянской традиции (См.: *Литвиненко В.В., Грицевская И.М.* Сочинения Афанасия Александрийского в славянской традиции // Byzantinoslavica. LXXV. 2017. С. 5-29). В целом его сочинения «не получили такого широкого распространения в славянской письменности, как, например, тексты Иоанна Златоуста, Григория Богослова или Василия Великого». Однако, по мнению исследователей, «тексты под именем этого отца церкви занимали весьма устойчивые позиции в славянской и древнерусской книжности. При этом их содержание было достаточно широким, охватывало большой спектр проблем, важных для общества и служивших источником решений для самых разнообразных жизненных ситуаций» См.: *Грицевская И.М., Литвиненко В.В.* Афанасий Александрийский в Софийской Кормчей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2024. № 1 (95). С. 52.

и в пропастех земныхъ <…>, в горахъ и в пещерах и в пропастехъ и в лѣсѣхъ» (как отмечается в ЖМЧ, «мало от тѣхъ остася»)[137]. То есть в ЖМЧ описывались примерно те же самые места и та же самая «логистика», что и в тексте св. Афанасия (пустыни, горы, вертепы, пропасти земные - в его «Апологии бегства»; пещеры, пропасти земные, горы, леса - в ЖМЧ). При этом пространные проложные редакции ЖМЧ давали понять, что Михаил был не единственным князем, поступившим подобным образом. Это следует из рассказа о возвращение князей (во множественном числе!) вместе «со всеми людьми»: «Слышавше же се иже бяху ся *разбѣгли на чюжи земли*, и взвратишася *князи и вси людие* на свои земли, что ихъ избыло ся»[138]. Судя по всему, вводя бегство Михаила Всеволодовича в общий контекст поведения людей той эпохи, составитель протографа пространных проложных редакций ЖМЧ преследовал ту же цель – дать понять своим читателям, что поступок князя не являлся в условиях нашествия чем-то исключительным, что он не только не требовал какого-либо осуждения, но и был продиктован свыше - заботой Господа о своем чаде, которому в будущем была уготована судьба святого мученика.

3.3.2. Убийство послов и противостояние «прельщениям»

Впрочем, составитель ред. РА, видимо, посчитал необходимым дополнительно обосновать причины бегства Михаила. Отличие ред. РА от других пространных проложных редакций (ред. А, И, СА) в интересующей нас части состоит во вставном отрывке, в котором более подробно излагалась история собственно нашествия[139] и сообщалось о том, что бегству Михаила

---

[137] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 55, 64 (второй пагинации). О возможных библейских параллелях этого отрывка см. подробнее: *Лаушкин А.В.* Русь и соседи… С. 171. Ср.: «От шума всадников и стрелков разбегутся все города: они уйдут в густые леса и влезут на скалы; все города будут оставлены, и не будет в них ни одного жителя» (Иер.4:29).

[138] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 55. Ср.: там же. 59, 64 (второй пагинации).

[139] Подробнее см.: *Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского... С. 150.

предшествовало убийство им татарских послов: «видѣвъ словеса *лести* ихъ, (Михаил. – *В.Р.*) *повелѣ я избити,* а сам *побѣже въ Оугры с домашними своими*»[140]. А.А. Горский убедительно доказал, что ред. РА в этой части вторична по отношению к ред. А. При этом достоверность самого известия об убийстве послов справедливо вызывает у него сомнения. Критерием оценки являлась информация Ипат. Во-первых, полагает исследователь, сообщение ред. РА неточно: в ред. РА послы приходят от Батыя, а согласно Ипат. послы были направлены от Менгу-хана[141]. Во-вторых, галицкий летописец – составитель версии, дошедшей в составе Ипат. – об убийстве послов ничего не сообщал. По мнению А.А. Горского, автор летописного рассказа «к Михаилу относился в целом враждебно (как к противнику своего князя – Даниила) и причин скрывать его неблаговидное действие (каким являлось во все века убийство послов) не имел»[142]. Исследователь предположил, что «вставку сообщения об убийстве Михаилом татарских послов составитель ред. РА сделал под влиянием источника, из которого взял сообщение о битве на Калке: именно перед ней были перебиты послы монголов. Сообщается об этом в Повести о Калкском сражении Новгородской I летописи старшего извода, с текстом которой РА сближает определение татар как «языка незнаемого» (в других летописных рассказах о событиях 1223 г. такого определения нет)». И поэтому, полагает А.А. Горский, «считать убийство Михаилом послов реальным фактом оснований нет»[143]. С ним согласна Н.И. Милютенко: по ее

---

[140] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 64 (второй пагинации).

[141] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782.

[142] *Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского... С. 150.

[143] Там же. С. 150-151. Можно добавить также, что с рассказом НПЛ текст житийной повести о Михаиле Черниговском в ред. РА сближает и характеристика действий (вернее, бездействия) упомянутого и там, и там великого князя. Про Мстислава Киевского в РА сказано, что «се же слышавъ великыи князь Мьстиславъ роусьскыи собравъ силоу велику и изиди противоу имъ и *ничтоже оуспѣ*» (см.: *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 64 (второй пагинации)). Точно так же НПЛ описывает исход действий великого князя Юрия

мнению, житийный рассказ о Михаиле Черниговском и боярине его Феодоре был дополнен рассказом о битве на Калке по НПЛ известием об избиении Михаилом татарских послов во Пскове не позже начала XIV в.[144]

Однако зачем понадобилась эта вставка? По мнению А.А. Горского, в ред. РА «приписывание Михаилу избиения посольства должно было способствовать созданию образа непримиримого борца с врагами Руси»[145]. Такая трактовка представляется спорной. Прежде всего, потому что, последовавшее вслед за этим указание на бегство князя «в Угры» (причем, названное в ред. РА именно «бегством») явно диссонировало с «образом непримиримого борца». Но самое главное, что общая тональность ранних пространных проложных произведений, посвященных гибели в Орде черниговского князя и его боярина, было совершенно иной. В их основе, как показал А.В. Лаушкин, лежала сумма представлений, названных им «идеологией ордынского плена», главным элементом которой «являлась вера в то, что гнев Господень есть свидетельство избранничества наказанного народа, заботы Бога о его конечном спасении»: в этой рамках «идеологии» не борьба с «врагами Руси», а «подчинение и даже служба «царю неправедну, лукавнеишу же паче въсея земля» представлялись средством доказать свое смирение пред лицом карающего Владыки», и, следовательно, избавиться в будущем от тяжкой кары Господней. Таким образом, путь к избавлению от иноплеменников «лежал через хранение и упрочение веры», а не через военные усилия, направленные против их власти: именно сохранение чистоты веры «становилось важнейшим условием сохранения этнокультурного единства Руси и залогом будущего освобождения»[146].

Всеволодовича: «И нача князь полкъ ставити около себе, и се внезапу Татарове приспѣша; князь же *не успѣвъ ничтоже*, побѣже» (См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 76).

[144] *Милютенко Н.И.* Сказания о Михаиле Черниговском... С. 198.

[145] *Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского … С. 150-151.

[146] Подробнее см.: *Лаушкин А.В.* К истории возникновения… С. 16-18.

Интересно, что и житийный текст в ред. Р. не содержал политических выпадов против Орды. Скорее, можно говорить о том, что в нем речь шла о необходимости «нравственно-религиозного противостояния чужеземному игу»[147], не связанному непосредственно с борьбой против завоевателей. Это подтверждается тем, что одним из значимых мотивов ЖМЧ в ред. Р. являются прослеживаемые на текстуальном уровне цитаты из Сказания о свв. Борисе и Глебе, которые составитель этой редакции привлек для раскрытия смысла подвига Михаила Черниговского и его боярина Феодора. Согласно ред. Р., черниговский князь, также как и его святые предки, предпочел «славе пустошного мира сего» иные ценности: «вся пустошная мира сего отвергь, богатьство и славу сию временную, еже есть хуже паучины»[148]. Со святыми князьями Михаила Черниговского сближало еще и то, что, согласно пространным проложным редакциям, он и боярин Феодор по своей воле отправились в ставку Батыя, а, значит, как и Борис с Глебом осознанно сделали выбор в пользу добровольной, христоподобной жертвы, а вовсе не сопротивления.

Поэтому более вероятно, что вставка эпизода с убийством послов была призвана объяснить мотивы князя, бежавшего из Киева перед лицом наступавших татар, а вовсе не подчеркивать его воинственный по отношению к татарам настрой. В контексте совершенного убийства послов бегство

---

[147] Там же. С. 12.

[148] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 50 (второй пагинации)). Ср.: *Абрамович Д.И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 30. Подробнее см.: *Бугославский С.А.* Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 334; *он же.* Литература Ростова XIII-XIV вв. // История русской литературы. Т. II. Ч. I. М., Л., 1945. С. 63; *Лаушкин А.В.* К истории возникновения… С. 16. Прим. 59. По мнению В. Ставиского, в отличие от ред. РА, «ориентировавшейся на текст пророка Даниила», составитель ред. Р. делал «выбор в пользу иного круга литературных образцов, главным образом Сказания о Борисе и Глебе». См.: *Ставиский В.* Указ. соч. С. 207–214.

получало естественное обоснование – как результат определенных, вполне осмысленных действий самого князя. Другой вопрос – на что были направлены эти действия и мог ли поступок князя быть предосудительным с точки зрения автора житийного рассказа, коль скоро в его задачи входило прямо противоположное – не обличение, а прославление героя своего повествования?

Конечно, в юридическом смысле убийство посла в Древней Руси воспринималось как противозаконное действие[149]. Однако с учетом общего контекста событий, поступок Михаила мог выглядеть несколько иначе, чем это может показаться на первый взгляд. Ведь, согласно версии ред. РА, убитые послы не просто выполняли посольские функции (в этом случае князь, действительно, совершил бы неблаговидный поступок), а пытались «прельстить» Михаила: как отмечалось в ред. РА, князь пошел на убийство послов, *«видѣвъ словеса лести ихъ*[150]. В этом смысле составитель ред. РА

---

[149] Ср.: «А оже оубьють новгородца посла за моремъ или немецкои посолъ Новегороде, то за тоу голову 20 гривенъ серебра»; « А убьют новгородского посла за морем, то платить за него 20 марок серебра, так же и за немецкого посла в Новгороде...; упомянутое вознаграждение дать и за священника...» (см.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 55, 61 (соответственно – грамоты 1199 и 1269 гг.)); «Аже оубьютъ посла или попа, то двое того дати за головоу» (см.: Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 21, 26 и др. (грамота 1229 г.)).

[150] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 63 (второй пагинации). О том, что убийство послов как таковое не было априори предосудительным делом, свидетельствует рассказ «Казанского летописца» об убийстве татарских послов Иваном III: Царь Ахматъ <…> посла к великому князю московскому Иоанну Васильевичю послы своя по старому обычаю отецъ своихъ и з басмою парсуною просити дани и оброковъ на прошлая лѣта. Великий же князь ни мало убояся страха царева, но приимъ базму — парсуну лица его, и плевавъ на ню, и излама ея, и на землю поверже, и потопта ногама своима. И гордых пословъ его избити повелѣ всѣх, пришедших к нему дерзостно. Единаго же отпусти жива, носяща вѣсть ко царю, глаголя: «Яко же сотворихъ посломъ твоимъ, так же имамъ и тебѣ сотворити, да престанеши,

продолжил линию рассказа Ипат., а также ранних житийных повествований о Михаиле Черниговском, в котором тема «татарских прельщений» была одной из ключевых. Противостояние этим «прельщениям» со стороны черниговского князя, с точки зрения книжников, воспринималось в качестве одной из важных черт святого[151].

На теме татарских «прельщений» стоит остановиться подробнее. Есть основания полагать, что даже в рассказах Ипат. о бегстве Михаила Всеволодовича его страх перед врагами оценивался галицким летописцем как существенно меньший недостаток по сравнению с возможностью «прельщения», от которого Михаил дважды устранился. Первый раз – при помощи бегства от «прельстителей» в момент прихода Менгу-хана под стены Киева: «Меньгуканови же пришедшу сглядатъ града Кыева. Ставшу же ему на оной странѣ *Днѣпра* во Градъка Пѣсочного, видивъ град, удивися красотѣ его и величеству его, присла послы свои к Михаилу и ко гражаномъ, *хотя е прельстити, и не послушаша его*», бежал[152]. Второй раз – ценой собственной жизни во время своей поездки к Батыю. Когда тот предложил великому князю: «Поклонися отець нашихъ закону», Михаил Всеволодович, согласно Ипат., ответил категорическим отказом: «Аще Богъ ны есть предалъ и власть нашу грѣхъ ради наших во руцѣ ваши, тобѣ кланяемся и чести приносим ти. А закону отець твоихъ и твоему богонечестивому повелению не кланяемься»[153]. После этого, согласно Ипат., Батый, «*яко свѣрпый звѣрь* возьярися, повелѣ

беззаконниче, от злаго начинания своего, жесточати намъ». См.: ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. С. 7.

[151] Интересно, что в тексте, помещенном на серебряной раке с мощами черниговских мучеников в 1774 году, этот сюжет был описан в соответствии с приведенной житийной трактовкой: «Егда седяше он на великом княжении киевском, тогда же нечестивый Батый посла татаров своих к нему, *прильщая* его, да поклонится ему: *он же разумев прелесть его, повеле послов тех погубити*». См.: РГАДА. Ф. 18. Д. 245. Л. 36.

[152] Там же. Стб. 782.

[153] Ср.: *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 51, 57 (второй пагинации).

заклати, и закланъ бысть безаконьнымъ Доманомъ Путивльцемь нечестивымъ, и с нимъ закланъ бысть бояринъ его Федоръ, иже *мученически пострадаша и восприяста вѣнѣчь от Христа Бога*»[154]. Фактически предложение поклониться ордынскому «закону» и было попыткой повторного «прельщения» князя – «богонечестивым повелением», которое христианин ни в коем случае не должен исполнять. Отсюда – сочувственное отношение к гибели Михаила, которое читается даже в летописании его давнего врага Даниила[155]. Действительно, подводя итог земном пути Михаила, автор рассказа Ипат. отдавал должное христианскому подвигу черниговского князя, и писал о том, что в конечном счете тот воспринял венцы «от Христа Бога»[156]: точно такую же посмертную судьбу, согласно Ипат., предрекал тем защитникам Владимира, которые не «убоятся *прельщения* от нечестивых», епископ Митрофан[157].

Выше уже отмечалось, что стремление татар к «прельщению», их «лесть» многократно упоминалась в Ипат. едва ли не как их самое главное качество[158]. Дважды при описании татарского взятия Рязанской земли летописец указывал, что завоеватели князя и княгиню «изведоша *на льсти*... и убиша», а «всю землю избиша»[159]. При осаде Владимира Батый с «*льстью*» обращался к горожанам, то же самое происходило и при осаде Козельска: рассказывая о мужестве обороняющих город жителей, книжник подчеркивал,

---

[154] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795.

[155] *Милютенко Н.И.* Сказания о Михаиле Черниговском… С. 194.

[156] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795.

[157] Там же. С. 779-780.

[158] *Рудаков В.Н.* Язык Библии в ранних рассказах русских летописей о монголо-татарском нашествии // Одиссей. Человек в истории. Язык Библии в нарративе. М., 2003. С. 50-53. Об интересе составителя летописи к теме «лести» см. также: Галицько-Волиньский літопис... С. 275 (комм. В.В. Аристова), 295 (комм. В.И. Ставиского). Подробнее см. главу 1 настоящего исследования.

[159] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 778.

что «словесы *лестьными* невозможно бе град прияти»[160]. Осада Киева описывалась в тех же тонах: татары «хотя *прельстити*» горожан, но те их «не послоушаша»[161] и т.д. О том, что завоеватели «прельщают», говорилось и в рассказе Ипат. о битве на Калке[162]. Да и после рассказа о нашествии в Ипат. неоднократно подчеркивается «льстивость» завоевателей: «Злобѣ бо ихъ и *льсти* нѣсть конца»[163]. Льстивость татар выступала не просто в качестве синонима их коварства, но, будучи одной из архетипических дьявольских черт, - еще и как маркер их связи с сатаной[164]. В статье Ипат. под 6758 (1250) годом, повествующей о поездке в Орду князя Даниила Романовича Галицкого, татары уже напрямую связываются с дьяволом[165]. Собственно, именно с этими проявлениями их «льстивости» столкнулся в Орде и Михаил Черниговский, однако, не «убоялся» татарских «прельщений», разгадал их дьявольскую сущность и сумел им противостоять.

Строго говоря, князь Михаил Черниговский и боярин Феодор действовали в рамках подхода, который был сформулирован устами епископа Митрофана. В этом контексте подвиг за веру, совершенный князем в Орде, его духовная стойкость, нашедшая выражение в том, что он не подался «прельщениям», в известном смысле «обнуляли» его малодушное поведение,

---

[160] Там же. Стб. 780.

[161] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782.

[162] См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 745. Подробнее: *Рудаков В.Н.* Монголо-татары… С. 41-42.

[163] Еще одно упоминание, относящееся к несколько более позднему периоду нашествия: «и паки приѣхавшим татаромъ, и створи *льсть* и предасть ю пакы татаромъ Бакоту». См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808, 829.

[164] *Рудаков В.Н.* «Погибель» или «пленение» Русской земли? Два способа осмысления повседневности русскими книжниками второй половины XIII в. // Многоликая повседневность: Микроисторические подходы к изучению прошлого (Материалы конференции памяти Ю.Л. Бессмертного). М., 2004. С. 121-123, 129-130. См. также: *Лаушкин А.В.* Русь и соседи... С. 106. Прим. 49;

[165] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806.

проявившиеся в том, что в момент нашествия он не стал защищать Чернигов и Киев и бежал от татар на запад[166].

В житийной традиции эта тема получила дальнейшее развитие путем корректировки мотивов, по которым Михаил Черниговский оказался в ставке Батыя. Ипат. преподносила дело таким образом, что черниговский князь сам был инициатором поездки, надеясь получить от правителя Улуса Джучи контроль над своими собственными территориями: «*еха Батыеви, прося волости своее от него*»[167], то есть добивался власти как таковой (или «славы света сего скороминующего», как будут определять такого рода цели других русских князей – не Михаила - агиографы[168]). Другую интерпретацию дал составитель ред. Р., согласно которой, Михаил оказался в Орде не по собственной инициативе, а по призыву татар, которые «*начаша звати я ко царю своему, глаголемому Батыю*», но при этом отказался «*прельститься славою пустошною мира сего*» (то есть - совершить языческий обряд ради получения власти из рук «царя») и за это был убит[169]. Наконец, в протографе пространных проложных редакций (А, РА, И, СИ) и причины поездки, и смысл подвига князя выглядели совершенно иначе. В Орде Михаил Всеволодович оказывается не по зову татар, а добровольно. Будучи в Чернигове, он узнал, что «*мнози же князи с бояры своими* идяхоу сквозѣ огнь и поклоняхоуся солнцю и кустоу и идолом, *славы ради света сего и прошаху кождо ихъ власти*, они же безъ взбранения даяхуть имъ, кто которыя власти хотяше, да *прльстятся* славою света сѣго». Видя, что «*многи прелщающася* славою света сѣго», Михаил вместе со своим боярином решил «ѣхати пред царя и *обличити*

---

[166] Ср.: *Мартынюк А.* Указ. соч. С. 278-279.

[167] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795. Несколько иначе трактовал причины поездки в «Истории монголов» Иоанн де Плано Карпини, писавший, что Михаил, «*явился предаться власти Батыя*». См.: *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. Текст, перевод, комментарии. Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М., 2022. С. 135.

[168] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 56, 60, 64 (второй пагинации).

[169] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 50-51 (второй пагинации).

прелесть его, ею же льстить крестьяны». Таким образом, согласно пространным проложным редакциям, князь и боярин Феодор поехали в Орду обличать прельщения татарские, будучи готовыми «за Христа кровь свою прольяти и за вѣру христианскую»[170]. Но не только: мученическая смерть святых, согласно этим редакциям, служила, во-первых, «на утвержение крестьяном», во-вторых, «на обличение» не только татар, но и «тѣмъ еже оставльше Бога, покланяхуся твари», и, в-третьих, «на устрашение поганымъ»[171]. Именно в этом и состоял подвиг святых.

Заявленные в пространных проложных редакциях ЖМЧ намерения Михаила подтверждают вывод о том, что под «лестью» / «прельщением» авторы житийных и летописных рассказов имели в виду отнюдь не коварство (или - не столько коварство) завоевателей. Судя по всему, книжники вели речь о гораздо более сущностных качествах и тех, кто «прельщал», и тех, кто устоял перед «прельщениями». В силу этого обстоятельства убийство послов, которые прибыли в Киев не для ведения переговоров, а для того, чтобы «прельщать» великого князя и горожан «словесами лести», в глазах книжников выглядело как вполне оправданное действие будущего святого. Фактически сам факт убийства становился серьезным доводом в пользу того, что и до приезда в ставку Батыя (а туда, согласно пространным проложным редакциям ЖМЧ, Михаил прибыл, чтобы «пострадать за веру»), ему было свойственно стремление противостоять происками врага рода человеческого и его «безбожным» слугам.

3.3.3. Еще раз к вопросу о поведении великого князя Юрия Всеволодовича

Закономерен вопрос: если с точки зрения книжников того времени, в бегстве как таковом не было ничего зазорного, и можно было даже в житийном

---

[170] Там же. С. 56, 60, 65, 69 (второй пагинации).

[171] Там же. С. 58, 63, 68, 70 (второй пагинации).

произведении прямым текстом сообщать о бегстве святого князя от врагов, почему составитель рассказа Лавр. все-таки не стал упоминать о бегстве Юрия Всеволодовича (не использовав, например, более нейтральную форму - «отъѣха» или «въıѣхаша»), а изложил дело так, что князь якобы готовился дать татарам вооруженный отпор, и именно потому очутился на севере своих владений? Ведь НПЛ однозначно интерпретировала поступок великого князя как бегство[172].

Представляется, что этот вопрос должен решаться на основе сопоставительного анализа летописных известий, а также в контексте общего поведения правителей русских земель в условиях надвигающегося нашествия. Итогом применимая такого подхода является вывод о том, что казус Юрия Всеволодовича существенным образом отличался от других подобных «казусов». Бегство великого князя владимирского, в отличие от аналогичных поступков остальных известных нам правителей русских земель, завершилось *не спасением* Юрия Всеволодовича от надвигавшихся на его владения татар (как это было с тем же Михаилом Черниговским, Даниилом Галицким или суздальскими князьями, спасшимися бегством, «как Давид от Саула»), а его гибелью. Более того: погибла и вся великокняжеская семья, не успевшая покинуть (или, может быть, даже не собиравшаяся покидать) Владимир. А, значит, параллель с бегством Давида от Саула, и шире – с бегством, являющимся дарованным Господом способом спасения, в данном случае явно не срабатывала. Указание на бегство Юрия Всеволодовича означало бы, что он *бежал, но не спасся*, а, значит, само его бегство противоречило не просто существовавшим книжным каноном должного поведения князя-воина, но и Божьей воли. Неслучайно в рассказе НПЛ великий князь изображен не только как неудачливый беглец, но и как человек, от которого отвернулся сам Господь. Изображать в таких красках погибшего правителя Суздальской земли книжнику, работавшему то ли в Ростове, то ли во Владимире, было явно

[172] ПСРЛ. Т. 3. С. 75.

не с руки: такая трактовка гибели Юрия Всеволодовича бросала бы тень на память о нем. Именно с этим, скорее всего, связано стремление составителя рассказа Лавр. преподнести историю гибели великого князя Юрия Всеволодовича в совершенно ином смысловом контексте – не как неудачное бегство, а как, с одной стороны, неудавшееся военное приготовление (по замыслу книжника, его частью и был скоротечный отъезд князя из столицы), а, с другой, как смиренный путь князя к предстоящей искупительной жертве, к которой он, что следует из сообщения Лавр., был даже больше готов, чем к сопротивлению врагу. В это контексте Господь «оказывался» как раз на стороне великого князя: с Юрием Всеволодовичем происходит ровно то, чего он сам больше всего хотел: *«Увы мнѣ, Господи, луче бы ми умрети, нежели жити на свѣтѣ семь»*[173].

Подобный взгляд на события на реке Сити подтверждается и сводным летописным текстом о нашествии, дошедшем в составе С1-НК2-Н4, составитель которого, имея возможность воспользоваться интерпретацией поступка Юрия, содержащейся в НПЛ, отказался от такой возможности в пользу версии Лавр. Анализ «выбракованного» сводчиком материала НПЛ весьма недвусмысленно показывает, что именно не устроило позднейшего редактора в версии новгородской летописи. Во-первых, сам факт бегства Юрия из Владимира – без какой-либо привязки к якобы намечающемуся сражению с татарами («Юрьи выступи изъ Володимиря и бѣжа на Ярославль[174]»). Во-вторых, упоминание о его неготовности сражаться с татарами в тот момент, когда он был ими настигнут («*не успѣвъ ничтоже, побѣже»*[175]). В-третьих, невостребованной оказалась не вполне внятная, но весьма нелицеприятная (по крайней мере, по форме) запись НПЛ об обстоятельствах смерти Юрия Всеволодовича - «*постигоша и, и животъ свои*

[173] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464-465.

[174] Там же. Т. 3. С. 75.

[175] Там же. С. 76.

сконча ту. Богъ же вѣсть, како скончася: много бо глаголють о немь инии[176]». Характер редакторской работы, по всей видимости, бы связан с тем, что, в отличие от агиографической традиции, где это проявлялось в меньшей степени, в позднем летописании отношение к бегству князей все-таки было более критическим.

Наиболее показательна в этом смысле эволюция летописного сюжета Лавр. о спасении правителей Суздальской земли, который в компилятивном летописном рассказе о нашествии, дошедшем в С1-НК2-Н4, приобрел существенно иные черты. Очевидно, что в общем источнике С1-НК2-Н4 это описание было составлено на основе Лавр., поскольку в других ранних рассказах о нашествии этот сюжет отсутствовал. При этом версия Лавр. подверглась содержательной корректировке: была исключена фраза, поясняющая способ спасения князей - то, каким именно образом им удалось избежать гибели. Если в Лавр. эта мысль была сформулирована с опорой на образ Давида, спасающегося от Саула («гониша по них татарове и не обрѣтоша». *Яко же и Саулъ гоняше Давида,* но Богъ избави от руку его, тако и сих»[177]), то в С1-НК2-Н4 всякое упоминание библейских персонажей уже отсутствовало («гониша по них погании и не обрѣтоша, но Богъ избави я из рукы иноплеменникь»). При этом указывалось, что этим князьям «*Богъ повелѣ жити человѣколюбиемъ своимъ в Роусскои земли христианьскаго ради языка*, абы до конца не оскоудѣла вѣра хрестьаньская»[178]. Такая же конструкция была использована в МС конца XV в.[179]. Сим. содержала сходный с Лавр. текст[180]. Однако Ник. существенно отошла от Сим. в этой части, вовсе устранив упоминание о том, что татары гнались за князьями, ограничившись лишь указанием на заступничество князьям свыше («заступи бо его Господь Богъ и

[176] Там же.

[177] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

[178] Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 298; Т. 4. Ч. 1. С. 220; Т. 42. С. 114.

[179] Там же. Т. 25. С. 129.

[180] Там же. Т. 18. С. 60.

пречистая Богородица отъ Татаръ»[181]). Совершенно иную трактовку спасения русских князей дала СК, согласно которой «боголюбивого» великого князя Ярослава «с прочими в Новѣградѣ <…> отъ нашествиа поганыхъ татаръ» Бог сохранил «*яко же праведнаго Ноя отъ Вселеньскаго потопа и яко же Лота отъ Содомскаго горѣниа*»[182]. Таким образом, произошла абсолютная трансформация образа – сообщение об активном спасении (с помощью бегства, подобное бегству Давида от Саула), было заменено рассказом о пассивном избавлении князей от напасти (только по воле Бога, который действовал, как указан в СК, «снабдѣвая и съхраняя» их), подобно тому, как были спасены Ной и Лот. Стоит отметить, что оба библейских персонажа были заранее предупреждены о готовящемся наказании людям за их грехи, и поэтому смогли заблаговременно подготовиться к спасению: Ной, построив ковчег накануне Потопа, Лот, покинув со своими ближними Содом перед тем, как Господь покарал ее дождем из серы и огня[183]. Иными словами, их способ спасения был иным, чем у Давида: тот бежал от непосредственно надвигающейся угрозы, исходящей от Саула, а Ной и Лот, получив предупреждение свыше, в критический момент заранее оказывались в безопасном месте.

Также ни один вариант компилятивных летописных редакций рассказа о нашествии Батыя, сообщая о самом факте бегства Михаила Черниговского «в Угры»[184], не содержал подробного повествования о скитаниях князя по Европе, читавшегося в Ипат. Учитывая, что текст этой летописи

---

[181] Там же. Т. 10. С. 113. Ср. с версией Русского Хронографа 1514 г.: «*Покры же Богъ отъ Батыа* великаго князя Ярослава и 6 сыновъ с нимъ: Александръ, Андрѣй, Коньстянтинъ, Афанасие, Данило, Михайло, да Святославъ съ Дмитриемъ, сыномъ своимъ, Иванъ Всеволодичь, Владимеръ Коньстянтиновичь, Василие Всеволодичь, два Василковичи Глѣбъ да Борисъ. *Сии вси сохранени быша*». См.: там же. Т. 22. СПб., 1911. С. 399.

[182] Степенная книга… Т. 1. С. 498.

[183] Быт. 6:10-22; 7:1-24; 8:1-22; 19:1-38.

[184] См., напр.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 301, 318-319 и др.

использовался при составлении общего протографа С1-НК2-Н4 (например, в рассказах о завоевании монголами Козельска, Чернигова, Киев и др.), это, по мнению А.Ю. Бородихина, следует связывать со стремлением составителей «свода Фотия» «очистить текст от неподходящего содержания»[185]. В общем источнике С1-НК2-Н4 ничего не сообщалось также о бегстве Даниила Галицкого «въ Угры» (он почти не был представлен на страницах этих летописей): речь шла, во-первых, о том, что, галицкий князь изгнал из Киева Ростислава Мстиславича Смоленского, после чего «вдасть Киевъ в руцъ Дмитрови обдержати противу иноплеменых языкъ безбожных татаръ» (интересно, что в этом фрагменте Даниил был назван «братом Михаиловым»), а, во-вторых, о том, что Батый, взяв Киев, узнал «о Данилѣ, яко въ Угрех есть»[186]. Все это говорит о том, что составитель компилятивного рассказа о нашествии Батыя, дошедшего в С1-НК2-Н4, действительно, стремился максимально устранить из своего повествования упоминания о бегстве князей - вероятнее всего, как порочащие их репутацию[187].

3.4. Подвиг «за веру и Отечество»: Михаил Черниговский в отечественном историописании XV-XVI вв.

---

[185] *Бородихин А.Ю.* Указ. соч. С. 87.

[186] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 301-302; Т. 4. Ч. 1. С. 226-227; Т. 42. С. 116-117; Т. 25. С. 131; Т. 8. С. 145. Только в Ник. содержалось указание на бегство Даниила: согласно этой летописи, об этом сообщил Батыю воевода Дмитр: «Дмитра же воеводу приведоша къ Батыю язвена, и не повелъ его Батый убити мужества его ради, и начя Батый пытати о князь Данилѣ, и повѣдаша ему яко *бѣжалъ* есть во Угры». См.: Т. 10. С. 117.

[187] В рамках такого подхода вполне естественно, что составитель общего источника С1-НК2-Н4 не воспользовался также и содержащейся в Ипат. трактовкой поведения «убоявшегося» Батыя князя Всеволода Юрьевича. Наоборот, текст, заимствованный из Лавр., был скорректирован им в сторону большей героизации поступков сыновей великого князя Юрия Всеволодовича. Подробнее см. главу 2 настоящего исследования.

Новые черты в образе князя Михаила Черниговского появляются уже в XV в. Судить об этот позволяет сравнение текстов, с одной стороны, восходящих к С1, при составлении которой была использована ред. РА жития святого, а, с другой стороны, текста МС конца XV в., в основу которого была положена т.н. Первая Пахомиева редакция ЖМЧ, написанная Пахомием Сербом (Логофетом) и затем легшая в основу созданной им же Пространной редакции ЖМЧ[188]. В С1, в соответствии с предшествующей агиографической традицией прославления Михаила, подвиг князя характеризовался как подвиг по имя веры (согласно версии РА, князь и его боярин Феодор специально поехали в Орду, чтобы «*за Христа* кровь свою прольяти и *за вѣру христианскую*»[189]). В Пахомиевых редакциях (и в Первой, и в Пространной) тема страданий мучеников «за Христа и за веру» сохранялась в качестве основной, однако, добавлялась и новая сюжетная линии - призыв к святым Михаилу и Феодору молиться перед Богом о сбережении Отечества и помощи князьям в борьбе с врагами[190].

Первая Пахомиева редакция ЖМЧ (МС кон. XV в.)	**Пространная Пахомиева редакция ЖМЧ**

[188] Время создания редакций не выходит за рамки конца 1470-х – 1480-е гг. Подробнее см.: *Горский А.А.* Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV в. // *Горский А.А*. «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 356-367. Ср.: *Карбасова Т.Б., Милютенко Н.И.* Пахомий Серб в работе над агиографическим циклом, посвященным Михаилу и Феодору Черниговским // ТОДРЛ. Т. 66. СПб., 2019. С. 221; *Милютенко Н. И.* Летописные источники житий Пахомия Серба (Логофета) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 5-12; *Духанина А.В.* Пахомий Логофет // Православная энциклопедия. Т. 55. М., 2019. С. 170-172. Пространная Пахомиева редакция помещена в Великие Четьи Минеи митрополита Макария. См. Великие Минеи Четии… Стб. 1298-1305.

[189] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 56, 58, 65, 68 (второй пагинации). Ср.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 320, 325.

[190] См.: *Горский А.А.* Пахомий Серб… С. 358, 363.

«О великомученици и исповъдници, молитеся *съхранити отечьство ваше, православныя князи и всъх под властью их от всъх зол, находящих на ны*»[191].	«О мученици великоименитии и исповъдници, исповъдавьше Христа истиннаго Бога предъ злочестивымъ царемъ и мучителемъ, непрестанно молите *сохранити безъ вреда отсчьство ваше*, и *княземъ нашимъ на врагы пособьствовати*»[192].

Пахомию Сербу, чьи произведения отличала четкая антиордынская направленность, «принадлежала видная роль в создании идеологического обоснования необходимости и возможности непокорения Орде»[193]. Создаваемая в напряженный период 1470-х годов, когда в окружении великого князя дебатировался вопрос о дальнейших отношениях с Большой Ордой[194], новая редакция ЖМЧ, с одной стороны, был призвана показать богопротивный характер ордынских властей, которые, еще со времен пришедшего «на все православие» Батыя действовали по наущению дьявола, с другой стороны, дать пример сопротивления замыслам «поганых» со стороны правителя русской земли. Такой пример имел особое значение в рассказе о событиях 30-40-х гг. XIII в., когда, как отмечал агиограф, «никомуже могущю противитися» татарам. Наоборот, «славы ради мира сего, иное же и страха ради мучителя» князья в массовом порядке подчинялись воле «поганых», «прошаху кождо себъ власти»[195].

Таким образом, на этом этапе формируется одна из важнейших черт дальнейшего прославления князя Михаила Всеволодовича – как святого, «отвечающего» за защиту Отечество при отражении внешних угроз, и, прежде всего, со стороны татар. Начиная XVI в., линия заступничества и служения

[191] Ср.: ПСРЛ. Т. 25. С. 139. Ср.: там же. Т. 18. С. 68-69.

[192] Великие Минеи Четии… Стб. 1305.

[193] *Горский А.А.* Пахомий Серб… С. 367.

[194] Там же.

[195] Великие Минеи Четии… Стб. 1299-1300.

Отечеству получает развитие и со временем становится ведущей в восприятии Михаила Черниговского в отечественном историописании[196].

Если в ранних редакциях житийных рассказов о Михаиле Черниговском сам князь и убиенный вместе с ним боярин Феодор изображались исключительно как *мученики* за веру, то в произведениях XVI в. святые выступают, прежде всего, как *защитники* Церкви и Отечества[197]. Таковыми они изображены в «Слове похвальном Филолога черноризца», созданном в 10-20 гг. XVI в.[198]. Показательно, что в этом произведении специально отмечалось, что черниговский князь не собирался проявлять воинскую храбрость, сражаясь с татарами на поле брани: «Не лукъ убо напрязати поучяшеся, ниже како мечя кровию варварьскою обагрити, ниже како копий тѣх тѣлеса прободати»[199]. С точки зрения составителя текста, князь Михаил стремился совершить подвиг более «высокой пробы», намереваясь «больша сих и много высочайшая умышляше *храбрости* показати», а именно вступить в противостояние с самим дьяволом («*състрѣляти самого того диавола*, и еже съсѣщи главу невидимому змиеви»), действующим руками Батыя, и

---

[196] Подробнее см.: *Рудаков В.Н.* Память о святых князьях Михаиле Черниговском и Александре Невском в эпоху становления Русского царства и в период формирования Российской империи // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 79-91.

[197] Подробнее см.: *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 78.

[198] *Панченко О.В*. Две редакции Слова Льва Филолога Михаилу и Феодору Черниговскому // Проблемы развития русской литературы XI–XX вв.: Тезисы научной конференции молодых ученых и специалистов. Л., 1990. С. 7–8. В последующем «Слово» помещено в Великие Четьи Минеи митрополита Макария. По наблюдению В.А. Кучкина, «Слово» отсутствовало в самом раннем Софийском списке и попало только Успенский список ВЧМ, являвшийся вкладом митрополита Макария, сделанным им 1552 г. в библиотеку московской Успенского собора. См. подробнее*: Кучкин В.А.* О формировании Великих Миней Четьих митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86-101.

[199] Великие Четьи Минеи… Стб. 1315.

«спасти же прочаа, иже еще вреду непричястни, плѣненыя же душею оплѣнити къ благочестию»[200].В итоге Михаилу удалось ценой собственной жизни «въспятити стремление Батыево, еже на церковь и чяд ея». Его жертва, по мысли составителя «Слова похвального…», была принесена «спасениа *ради христианъ*» и «*ради церкви Христовы*»[201]. В этом смысле, по мнению книжника, Михаил совершил гораздо более значимый поступок, чем, если бы боролся с врагами на поле боя: это «*край подвига* — свою душу за люди Божиа положити и еже за благочестие умрети»[202]. Такая трактовка действий князя, видимо, в полной мере соответствовала новым представлениям об эталонном поведении святого правителя: евангельская цитата о том, что «блаженъ человѣкъ, иже положит душю свою за другы своя»[203], начиная с текстов, посвященных прославлению духовного подвига князя Михаила Тверского, превратилась в один из важнейших маркеров благочестивого поведения князей[204].

В «Слове похвальном…» подчеркивалось, что своим подвигом Михаил изменил представления о том, как подобает вести себя русскому князю, преподав урок самому Батыю, а, видимо, по умолчанию – и всем русским правителям, неправедному поведению которых святой противопоставил свое служение Богу: «Увѣда и каганъ Батые *подобающее русским княземъ христианомъ сущемъ*! Разумѣ владыку русскаго, *лѣпаа сану притворяюща*! Прочее позна, и в какыхъ христианьскым княземъ повелѣвати! *Сице того*

[200] Там же. Стб. 1315.

[201] Там же. Стб. 1321.

[202] Там же. Стб. 1315. Ср.: там же. Стб. 1329.

[203] Иоанн. 15, 13.

[204] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 337-338; *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском… С. 126, 135, 140; Степенная книга… Т. 1. С. 487. См.: *Рудаков В.Н.* «Все полагали, что он был отравлен»: формирование памяти о кончине великого князя Ярослава Всеволодовича (середина XIII – XVI в.) // Российская история. 2025. № 1. С. 25-26. Подробнее см. 6 главу настоящего исследования.

наказа доблественый Михаилъ, великий князь»[205]. При этом, как и в предшествующей агиографической традиции прославления Михаила Черниговского, в «Слове похвальном…» проводилось четкое различие между подчинением власти ордынского правителя как таковой и исполнением исходящих от него неподобающих для христианина повелений: «Поклонитися убо и честь въздати цареви, *яко испровръже царство в Руси*, и удобно ми есть и подобно сице, а еже послушати злочестнаа велѣниа — мрѣзость есть![206]. Однако в отличие от ранних редакций ЖМЧ, согласно которым, святой выражал готовность признать власть «царя» над русскими землями, поскольку она имела божественное происхождение («царю вашему кланяюся понеже поручи *ему Богъ царство света сего*»[207]), в «Слове похвальном…» о Боге речь не шла. Книжник, по-видимому, стремился максимально дистанцироваться от идеи о том, что власть действующего в интересах дьявола «безбожного царя» имеет хоть какое-то отношению к промыслу Божьему. При этом упоминание русского «царства», «испровергнутого» ордынским правителем, вполне определенно отсылало к утвердившейся к началу XVI в. идее о том, что к моменту монгольского нашествия Русь уже была «царством», которое гораздо древнее «татарских царств», а, значит, еще в домонгольскую эпоху русские правители обладали статусом, который потом лишь возвращали себе после долгого владычества «нечестивого» царя[208].

---

[205] Великие Четьи Минеи… Стб. 1316.

[206] Там же. Стб. 1318.

[207] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795; *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 51, 57 и др. (второй пагинации).

[208] См., например, мнение, сформулированное еще Вассианом Рыло в Послании на Угру о том, что хан Ахмат «не царь сый, ни от рода царьска» и должен восприниматься «не яко царь, но яко разбойник, и хищник, и богоборец» (ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 532). Подробнее см.: *Горский А.А.* Представления о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2. Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 30-31.

Масштаб совершенного святым Михаилом автор «Слова похвального…» соотносил с гипотетической альтернативой. Если бы «сий пресвѣтлый мученикъ» не выступил против «безумнаго мучителя» Батыя, «не бы престаль безбожный сице присно повелѣвати князем». И более того: возможно, Батый нечто еще более «лютѣйшее» захотел бы сотворить «на всю бы русскую церковь», поскольку наверняка «*диаволъ того* (то есть Батыя. – *В.Р.*) *въоружитися сътворилъ*», видя, что русские князья так легко становятся послушными злочестию («зря удобно къ злочестиа послушанию князей приступающихъ»)[209]. В финале автор «Слова похвального…», вслед за составителем своего источника – Пространной Пахомиевой редакции, призывал черниговских святых и впредь быть заступниками за Церковь и Отечество: «О мучеником изряднии! Вы же насъ свыше назирайте! Аще бо страдати изволисте церкви ради и *за люди отечьства вашего* тогда, много паче нынѣ *заступайте церковь и отечьство свое от враговъ навѣта*!»[210].

В «Слове похвальном…» также поднималась тема бегства князей в годы нашествия. Правда, в отличие от более ранних житийных произведений, посвященных черниговским мученикам, в этом памятнике про бегство самого Михаила впрямую не говорилось. Вместо этого в обезличенной форме отмечалось, что, когда «Батыеви Русь поплѣняющу, съ многою буестию и свѣрипьствомъ», часть князей (книжник называет их «храбрыми») были убиты («*храбрыя* руси *мечь пояде*»), другие же бежали («*овы* же *плещи въдаша* съпротивным») и в результате эти «скипетродръжатели» в чужих «*кралевьствах странники гостяше, всякыя помощи отпадше*». Что же касается «пресвѣтлаго Михаила», то его, согласно «Слову похвальному…», «*отъ сыроядца-зверя угры спасаху*»[211]. При этом, каким именно образом венгры спасли князя, в произведении не уточнялось. Так же обезличено

[209] Великие Четьи Минеи… Стб. 1321.

[210] Там же. Стб. 1335. Ср.: ПСРЛ. Т. 21. СПб., 1908. С. 276.

[211] Великие Четьи Минеи... Стб. 1313.

говорилось и о возвращении бежавших правителей: «по отшествии безбожнаго оного варвара (Батыя. – *В.Р.*), велиции князи (во множественном числе!) и мѣстоблюстители, градодръжци же и мѣстьници, кыйждо от *бѣгьства* своего въ своя възвращахуся». Вслед за этим сообщалось и о возвращении Михаила: «уже и свѣтлаго Михаила великого князя Чрьниговъ *от угровъ пакы имѣаше*. Въ Орду же взыти тогда не въсхотѣ, но на столѣ своем самовластном сѣде и вещи строениа разсмотряа, и кая же от Батыя княземъ получнаа будуть»[212]. Однако, узнав, что «мръзскый Батый» повелел, чтобы каждый из русских князей являлся пред его лицом не прежде, чем проходил сквозь огонь, бросал в него что-нибудь и кланялся кусту и огню, Михаил, «не трьпя же намнозѣ злослутию сему обноситися», когда братья-князья «мягкостию душь своихъ погыбающимъ», решил «нектому угры познаватися прочее предоблему» (то есть, у венгров больше не показываться. – *В.Р.*), а ехать в Орду, чтобы «братися о (то есть – бороться в защиту. - *В.Р.*) церкви Божии, мучителя же, буе безбожьствиа велѣниа обличивъ, низложити»[213].

В произведении Льва Филолога князь Михаил Всеволодович неоднократно назван «храбрым» и «мужественным», и в этом качестве – противостоящим всем остальным русским правителями, о которых прямо сказано, что «страхъ обыятъ вся яко тма плѣнениемъ порабощеныя князя наша»[214]. В этом смысле (по крайней мере, на терминологическом уровне) «храбрость» и «мужество» Михаила, проявленные им в момент мученической гибели в Орде, оказывались вполне сопоставимы с храбростью, которую, согласно «Слову похвальному…», проявили те, кого во время нашествия Батыя «мечь пояде». При этом его не вполне храброе поведение в тот момент, когда его «отъ сыроядца-зверя угры спасаху», как бы компенсировалось

[212] Там же. Стб. 1313.

[213] Там же. Стб. 1315.

[214] Там же. Стб. 1309.

последующим мужественным поступком мученика. Судя по всему, такой подход в интерпретации поведения Михаила Всеволодовича, предложенный Львом Филологом, был в полной мере усвоен современниками, для которых подвиг святого во имя Церкви и Отечества, совершенный им в ставке Батыя, был куда более значим, чем то, как поступал черниговский князь в момент нашествия завоевателей.

Другая сторона восприятия Михаила Черниговского нашла отражение в рассказе Никоновской летописи (вторая половина 20-х гг. XVI в.[215], далее - Ник.), составитель которой, опираясь на рассказ своего основного источника Сим. (в основу ее рассказа о князе, в свою очередь, легла редакция РА, отразившаяся в С1), существенно дополнил повествование. Одной из главных новаций Ник. стал насыщенный «подробностями» сюжет об убийстве Михаилом Черниговским татарских послов. Дополнительная беллетризация этой истории давала возможность с еще большей определенностью объяснить мотивы бежавшего из Киева князя, отводя от него подозрения в трусости: вопреки ранним рассказам о нашествии, Ник. уверенно изображала Михаила как человека, изначально готового противостоять татарам.

Во-первых, в Ник. князь в ответ на предложение Менгу («аще бы вѣдали людие сии силу и дръзновение царя Батыя, покорилися бы ему, и не бы разоренъ былъ градъ сей и мѣсто сие») заявлял о том, что не собирается подчиняться («*язъ царю Батыю повинутися и покоритися не хощу*»[216]). Это абсолютно новаторская формула как для летописных, так и для агиографических рассказов о Михаиле Черниговском: начиная с Ипат. и житийных редакций 70-х гг. XIII в. (например, Р. и А.), в уста князю-страстотерпцу вкладывалась фраза о том, что он, наоборот, готов признать власть Батыя («аще Богъ ны есть предалъ и власть нашу грѣхъ ради наших во руцѣ ваши, *тобѣ кланяемся и чести приносим ти*»; «*царю вашему кланяюся*

[215] *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. М., 1980. С. 51.

[216] ПСРЛ. Т. 10. С. 116.

понеже поручи ему Богъ царство света сего»[217]). Интересно при этом, что процитированная фраза Ник. о нежелании князя «повиноваться и покориться» Батыю присутствует только в летописной статье 6748 г., повествующей о приходе монгольских войск под Киев. В рассказе же о мученической гибели князя под 6754 г., в котором этот сюжет (в соответствии со сложившейся, начиная с С1, летописной традицией) вновь кратко пересказывался, автор Ник. сохранил устоявшуюся житийную формулу:«*Тебъ же царю* сущу человъку мертвену и тлѣнну, но *яко власть имущу обладателну честь воздаемъ и поклоняемся, понеже вручено ти есть царствие отъ Бога и слава мира сего скоро погибающаго*; а еже Христа Бога отврещися и не сущимъ Богомъ твоимъ поклонитися, не принудиши насъ никогда же»[218].

Во-вторых, в рассказе Ник. Михаил Всеволодович в категорической форме отказывался от предложенной Менгу «дружбы» с ним. «Аще хощеши градъ сей цѣль соблюсти, иди и повинися и поклонися царю нашему Батыю, сие *азъ тебъ аки другъ любезный* совѣтую», - якобы говорил будущему святому будущий монгольский правитель. Ответом на это предложение в рассказе Ник. стала длинная отповедь святого князя, в которой тот провел четкое размежевание с татарами как с «беззаконными» и выступающими на стороне дьявола: «*съ тобою како могу въ дружбь быти?* Учитъ бо мя апостолъ Павелъ, глаголя сице: не бывайте обѣщници невѣрнымъ, *кое бо причастие правдъ къ безаконию, кое же общение свѣту со тмою, и кое согласие Христови съ диаволомъ; и кая часть вѣрному съ невърнымъ, и кое сложеніе церкви Божии со идолы*»[219].

Масштаб проведенной составителем рассказа Ник. работы по беллетризации рассказа о действиях Михаила Черниговского виден при сопоставлении Сим. и Ник.: фактически объем текста увеличился в 4,5 раза.

---

[217] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 795; *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 51, 57 и др. (второй пагинации).

[218] ПСРЛ. Т. 10. С. 131.

[219] ПСРЛ. Т. 10. С.115-116.

Сим.	**Ник.**
«Посла Батыи Менгукака съглядати града Киева. Оному же пришедшу, и ста на онои странь Днѣпра у градка Пѣсочнаго, и видѣвъ градъ, и удивпся красотѣ его и величеству его, и присла послы своя къ князю Михаилу Всеволодичю и къ гражаномь, хотя прелстити ихъ, и не послушаша его, а посланныхъ къ нимъ избиша. И бѣжа князь Михаилъ по сыну своемъ передъ Татары въ Угры»[220].	«Посла царь Батый воеводу своего Менгукака соглядати града Киева, онъ же шедъ и ста на оной странь рвки Днѣпра у градка Песочна, и видѣвъ градъ Киевъ, и удивися красоть его и величесьтву, *и рече въ себъ и къ своимъ сущимъ съ нимъ: «воистинну дивно есть мѣсто се, и красота града сего и величество; и аще бы вѣдали людие сии силу и дръзновение царя Батыя, покорилися бы ему, и не бы разоренъ былъ градъ сей и мѣсто сие»*. Тогда же сѣдящу на великомъ княжении въ Кіевь великому князю Михаилу <…> и посла къ нему Менгукакъ, *глаголя сице: «аще хощеши градъ сей цѣль соблюсти, иди и повинися и поклонися царю нашему Батыю, сие азъ тебѣ аки другъ любезный совѣтую». И глагола ему князь велики Михаиль Всеволодичь: «вѣси самъ, яко царь Батый своеа вѣры есть, а язъ благочестивыа Христовыя въры христіянскиа есмь, да убо вѣра вѣрѣ недругъ есть, и язъ царю Батыю повинутися и*

[220] ПСРЛ. Т. 18. С. 60.

	покоритися не хощу, и съ тобою како могу въ дружбѣ быти? Учитъ бо мя апостолъ Павелъ, глаголя сице: не бывайте обѣщници невѣрнымъ, кое бо причастіе правдѣ къ безаконию, кое же общение свѣту со тмою, и кое согласие Христови съ диаволомъ; и кая часть вѣрному съ невѣрнымъ, и кое сложение церкви Божии со идолы». Менгукакъ же сиа слышевъ разъярися, и рекоша ему свои его: «неудобно есть тебъ о семъ въ ярость приходити; но пошли къ нему еще съ лестию, и прелукавствовавъ его, якоже хощеши, казниши». Менгукакъ же посла къ нему послы своя съ лестию, *глаголя сице: «имамъ ти нѣчто слово рещи, иди ко мнъ самъ».* Онъ же послы его вся изби, а самъ *бѣжа* изъ града Киева по сыну своемъ предъ Татары во Угры; *гнаша бо ся за нимъ Татарове, и не постигоша его*[221].

Важную роль в прославлении черниговского князя и формировании его культа сыграл лично царь Иван Васильевич. Роль молодого правителя в

[221] ПСРЛ. Т. 10. С. 115-116.

«макарьевской» канонизации русских святых и в целом была велика. По мнению исследовавшего историю церковных соборов 1547-1549 гг. А.Е. Мусина, список святых, в отношении которых было установлено общерусское прославление, «практически идеально совпадает с маршрутом царских богомолий и походов 1543-1552 гг.», а сама инициатива могла принадлежать молодому царю, обратившему внимание на имевшее место противоречие «между всероссийской значимостью этих святых и отсутствием общецерковного богослужения»[222].

Впрочем, место упокоения мощей князя Михаила Всеволодовича – Чернигов, видимо, не входило в орбиту царских богомолий того времени[223]. Однако о том, что погибший в Орде князь Михаил Всеволодович занимал особое место в «личном пантеоне» Ивана IV, свидетельствует то обстоятельство, что в «Помяннике великих и удельных князей и княгинь», составленном по приказу первого русского царя, имя «святейшаго новоявленного мученика великого князя Михаила Черниговского» читается на 4-м месте в списке вслед за святым князем Владимиром, «просветившим землю Русскую святым крещением» и «чадами его, обоими братьями по плоти» - святыми князьями-страстотерпцами Борисом и Глебом. Интересно, что прямой предок царя Ивана, «блаженный во святых» князь Александр Ярославич шел «пятым номером» вслед за черниговским князем[224].

---

[222] *Мусин А.Е.* Соборы митрополита Макария 1547–1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 156.

[223] См.: *Мельник А.Г.* Культы русских святых в конце XIV-XVI веке: социальные аспекты и практики почитания. Дис. … д-ра. ист. наук. М., 2022. С. 185-204.

[224] Всего в начальной части «Помянника» значилось десять князей, включая пятерых названных выше: в отношении их в документе следовало указание «поминати сѣхъ на молебнехъ, якожъ богоугодишихъ святыхъ», про остальных же было отмечено «а сѣхъ поминати на понахидахъ». См.: ЧОИДР. М., 1897. Кн. 3. Смесь. С. 25-28; *Каштанов С. М.* Царский синодик 50-х годов XVI в. // Россия и греческий мир в XVI в. / Подгот. к публ. С.

«Помянник» был составлен спустя некоторое время после соборного прославления обоих князей -- в промежутке с октября 1556 по январь 1557 г. Статус этого документа был чрезвычайно высок: 30 января 1557 года «Помянник» был отправлен в Константинополь вместе с прибывшим незадолго до этого в Москву митрополитом Евгрипским и Кизическим Иоасафом и приставленным к нему бывшим архимандритом суздальского Спасо-Евфимьева монастыря Феодоритом[225]. Главной целью их миссии было получение от константинопольского патриарха Иоасафа II благословенной (утвердительной) грамоты на возведение Ивана в царское достоинство. По мнению С.М. Каштанова, «роль одного из серьезных аргументов в пользу признания царского достоинства московского монарха отводилась, безусловно, помяннику российских великих князей и княгинь. Эта родопомянная «память» рассматривалась правительством Ивана IV как основание для записи предков и родственников царя в патриарший синодик»[226]. «Помянник» свою функцию выполнил: благословенная грамота была утверждена Константинопольским собором в декабре 1560 г., а затем в сентябре 1561 г. привезена в Москву тем же митрополитом Иосафом[227].

Стремление венчаного на царство в 1547 г. Ивана IV добиться международного признания своего нового статуса (и, прежде всего, со стороны Константинопольского патриарха) получило и мощное политическое подкрепление, благодаря успехам завоевательной политики царя, добившегося в 1552 и 1556 гг. присоединения к Русскому государству Казанского и Астраханского ханств. В этом смысле появление в «Помяннике»

М. Каштанов и Л. В. Столярова. Т. 1. М., 2004. С. 398-400. См. также: *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 565; *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov…. P. 143.

[225] *Каштанов С. М.* Указ. соч... С. 393, 397.

[226]. Там же. С. 391.

[227] *Фонкич Б. Л.* Грамота Константинопольского Патриарха Иоасафа II и собора Восточной Церкви, утверждающая царский титул Ивана IV // Россия и греческий мир в XVI в… С. 381.

имени черниговского князя в контексте борьбы с царствами «богохульных царей» выглядит неслучайным. В летописании того времени имена святых Михаила и Феодора Черниговских упоминались как раз в связи с победами над Казанским и Астраханским ханствами[228]. Упоминал царь «великого князя Михаила Черниговского» и в письме митрополиту Макарию по случаю взятия Полоцка в 1563 г., причем, также, как и в «Помяннике» - на 4-м месте после святых князей Владимира, Бориса и Глеба, при этом в данном случае другие князья не упоминались[229].

Рассказ Степенной книги царского родословия[230] (далее – СК) о Михаиле Черниговском и идентичный ей текст Лицевого свода (Лаптевский список Ник.) представляют собой риторическую переработку Пахомиевой редакции, отразившейся в Великих Четьих Минеях, с привлечением летописных рассказов о нашествии Батыя[231], а также отдельных фрагментов «Слова похвального…» Льва Филогога[232]. Важно отметить, что в тексте СК, помимо прочих качеств святого Михаила, упоминалось мужество князя: «Сего же хваламъ достойнаго великаго князя Михаила кто можетъ многиа его

---

[228] ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. Стб. 415; ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. СПб., 1904. С. 236.

[229] Русская историческая библиотека. Т. 3. СПб., 1876. Стб. 162. Подробнее см.: *Аракчеев В.А., Болотина Н.Ю.* Святой благоверный князь Александр Невский и его почитание // Александр Невский и его образ в исторической памяти. М., 2021. С. 45-46.

[230] Создана не ранее второй половины 1550-х – не позже конца 1563 г Ее составителем исследователь считает протопопа московского Благовещенского собора, духовника Ивана IV Андрея (впоследствии - митрополит Афанасий), действовавшего по поручению митрополита Макария. См.: *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М., СПб., 2009. С. 196-197.

[231] *Дмитриев Л.А.* Сказание о убиении в орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора// Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 415.

[232] *Панченко О.В*. Указ. соч. С. 7–8; *Усачев А.С.* Указ. соч. С. 243-244. Например, из «Слова похвального…» в рассказ СК перешло именование боярина Феодора «синглитиком»: в Пахомиевых редакциях такое слово не встречается.

добродѣ гели изглаголати прежняя и настоящая, *мужество* же и доблести, и еже отъ самого того възраста чистоту тѣлесную, и душевное незлобие, и кротость нрава, и милостивное к нищимъ, и любовь къ Богу, послѣди же за Христову вѣру подвизи и самая страданиа, еже непорочно съблюсти вѣру и исповѣдание чисто съхранити, еже и бысть?»[233]. Впрочем, сразу вслед за этим книжник сообщал и о бегстве князя, сравнивая его с Авраамом и Иаковом, покинувшими родную землю по воле Господней[234]: «К нему же (Михаилу. - *В.Р.*) приидошя в Киевъ отъ безбожнаго царя Батыя *льстивии послы*. Он же, уразумѣвъ *лукавьство* ихъ, и повелѣ избити я. Сына же своего посла въ Угры. По нем же и самъ тамо же *бѣжа* з домашними своими и *бываетъ тамо пришлець в земли чюжей, яко же Авраамъ или Иаковъ*, а *инии бѣжаша* в далниа страны»[235].

Н.И. Серебрянский весьма скептически оценивал получившиеся в СК смешение оценок святого князя: «не внося в содержание Пахомиева жития каких-либо новых данных о жизни святого князя (…) новая редакция не представляет собой никакого интереса; это обычное разбавление старого житийного рассказа пустословием»[236]. Конечно, если оценивать текст с точки зрения наличия в нем новых подробностей произошедшего, то оценка, данная исследователем, может быть признана верной: никаких новых фактов, касающихся гибели в Орде святых Михаила и Феодора, в рассказе СК не сообщалось. Тем не менее, новые черты восприятия их подвига в тексте, несомненно, присутствовали. Сам Н.И. Серебрянский (правда, в несколько ироничной манере) сформулировал, пожалуй, главную новацию рассказа СК, согласно которому, «если бы не святой Михаил, Батыю может быть, и удалось бы упразднить на Руси святую веру и церковь»[237]. При этом основной мотив

---

[233] Степенная книга… Т. 1. С. 503-504.

[234] Бытие, 28:10-22; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35.

[235] Степенная книга… Т. 1. С. 504.

[236] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 131–132 (первой пагинации).

[237] Там же. С. 132 (первой пагинации)

прославления святых, с точки зрения составителя СК, состоял в том, что «мученици великоименитии и исповѣдници, самовльнѣ тогда исповѣдавше Христа истиннаго Бога предъ злочестивымъ царемъ и мучителемъ церкви ради и *за люди отечествиа своего*». С этим обстоятельством была связана и основная тема молитв к святым – просьба об их заступничестве перед врагами («нынѣ же наипаче *заступайте насъ отъ всякаго навѣта враговъ,* яко дръзновение имуще къ Богу»)[238].

В дальнейшем представление о святых как защитниках Церкви и Отечества получает развития в кондаке на перенесение мощей князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора из Чернигова в Москву, произошедшее в 70-е гг. XVI в. Авторство кондака приписывается самому Ивану IV. В нем царь также обращается за молитвенной помощью в «соблюдении» Отчества от внешних врагов: «И нынѣ в пренесении мощей твоихъ нас свыше назирай и Христа, Бога нашего, молити тебѣ о нас молимся, яко спастися намъ и державы царствия непоколебимо, *отечество ваше соблюсти о всѣхъ противныхъ иноплеменных,* и межуусобных ратей, и мятежа, и оскудения»[239]. Так же царю приписывают составление «зазывной грамоты», в которой Иван Васильевич «со отцем своим Антонием митрополитом всея Руси и со святители Русския земли и со всем освященным собором и со иноки и с бояры и со всеми православными христианы» просил святых «не яко отшедших, но яко живых (…) изволити с нами в царствующем граде Москве жити»[240].

---

[238] Степенная книга… Т. 1. С. 514; ПСРЛ. Т. 21. С. 276.

[239] См.: *Рамазанова Н.В.* Тропарь и кондак на перенесение честных мощей князю Михаилу Черниговскому «Творение Ивана, богомудрого царя, самодержца Российского» // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 115-116

[240] Текст «зазывного послания» опубликован: *Иванчин-Писарев Н.Д.* Михаил, великий князь Киево-Черниговский и боярин его Феодор. М., 1839. С. 39-42. Однако в настоящее время место хранения рукописи неизвестно. Авторы XIX в. цитировали текст со ссылкой на рукопись XVII в., хранящуюся у собирателя древностей купца А.И. Озерского. О рукописи подробнее см.: *Рамазанова Н.В.* Указ. соч. С. 114.

Вопрос о том, когда именно произошло перенесение мощей черниговских святых в столицу, до конца не решен. Известен лишь день, когда это случилось - 14 февраля. Этот день, наряду с датой кончины святых мучеников, стал еще одним днем их памяти. Однако год, когда состоялось перенесение, неизвестен. В науке высказывались разные мнения на этот счет – 1572[241], 1574[242], 1575[243], 1578[244] гг. Вполне возможно, что решение о переносе мощей святых было принято, в том числе, и под впечатлением от походов на Москву крымского хана Дивлет-Гирея, совершенных в 1571-1572 гг., которые по сложившейся традиции современники сравнивали с нашествием хана Батыя[245]. Как бы то ни было, перенос мощей черниговских чудотворцев в

---

[241] *Скворцов Н.А.* Московский Кремль. Упраздненные монастыри, соборы. церкви, подворья // Русский архив, издаваемый Петром Бартеневым. 1893. Вып. 9. С. 17.

[242] *Кузьмин А.В.* Михаил Черниговский // Православная энциклопедия. Т. 45. М., 2017. С. 709.

[243] *Голубинский Е.Е.* Указ. соч. С. 62-63. Прим. 3; Степенная книга… М., 2012. Т. 3. С. 136 (автор комментариев – Г. Ленхофф); *Курбский А.М.* История о делах великого князя Московского. Подгот. К. Ю. Ерусалимский; пер. А. А. Алексеев. М, 2015. С. 734 (авторы комментариев – К.Ю. Ерусалимский и С.В. Городилин). По мнению историка, архиепископа Димитрия (Самбикина) первый храм Михаила Черниговского и боярина его Феодора был возведен в Московском Кремле в 1577 г., а, значит, по его мнению, перенесение мощей произошло до этого времени. См.: *Архиеп. Димитрий (Самбикин).* Месяцеслов святых, всей Русской церковью или местно чтимых и указатель празднеств в честь икон Божией Матери и св. угодников Божиих в нашем Отечестве. Вып. 6 (февраль). Каменец-Подольск, 1897. С. 161.

[244] *Иванчин-Писарев Н.Д.* Указ. соч. С. 42; *Васильев В.В*. История канонизации русских святых. М., 1893. С. 101. Есть и более осторожные варианты датировки события 1570-ми гг.: *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov…. P. 142; *Зыбалов Ю. М*. Почитание святого благоверного князя Михаила Черниговского в Московском Кремле // Православные святыни Московского Кремля в истории и культуре России. Сб. ст. М., 2006. С. 69.

[245] См.: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 16, 25-26, 28, 73-74. Подробнее см.: *Горский А.А.* «Ту сядем и Русью владеем...»: представление о возможности

Москву знаменовал новый этап формирования их культа. Князь Михаил Черниговский к этому времени прочно ассоциировался с противостоянием татарам[246]. Судя по всему, в XVI в. связь между молитвенной помощью Михаила и Феодора и успешной борьбой с «агарянами» ощущалась как нечто взаимообусловленное, а само заступничество черниговских мучеников в ситуации татарской опасности считалась особенно действенным[247]. Отсюда и проистекает пафос тропаря, составленного царем Иваном в связи с перенесением мощей мучеников, в котором черниговские святые названы людьми, «ярости нечестиваго царя *не убоявшимися*», «самозванно к подвигом устремившимися», своими страданиями «всю Рускую землю от нечестия» освободившими. «Тако и нынѣ своимъ пришесьствиемъ насъ свыше назирайте, предстояще у престола Владыки Христа, моляще Святую Троицу избавитися намъ от ходящих ны золъ: душевных согрѣшений, и телесных болѣзней, и *варварскаго нахождения*, и межуусобныа брани, и всяких скорбей, душевных и телесных, и мятежей»[248].

При этом сам факт бегства от татар не всплывал в памяти в связи с Михаилом в качестве проявлений сколько-нибудь недостойного поведения, поскольку к этому времени святой князь ассоциировался уже с другими качествами и проявлениями. Такое отношение к поведению святого находило отражение даже у весьма начитанных людей того времени. Так, князь Андрей Курбский, рьяно обличая бегство Ивана IV перед лицом нашествий Девлет-Гирея в 1571-1572 гг., характеризовал поведение царя весьма обидными для него словами: «*бѣгунъ пред врагомъ* и хроняка: царь велики християнски пред бусурманскимъ волкомъ», при этом «храбрыи и прелютыи на своихъ

непосредственного владычества монголов на Руси и исторические реалии // Куликовская битва в истории России. Вып. 2. Тула, 2012. С. 83-84.

[246] Подробнее см.: *Рамазанова Н.В.* Указ. соч. С. 114.

[247] *Самойлова Т.Е.* Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Иконографическая программа XVI века. М., 2004. С. 195, 216. Прим. 180.

[248] *Рамазанова Н.В.* Указ. соч. С. 114.

единоплемянныхъ и единоязычныхъ, не противящихся ему»[249]. Но это не мешало Курбскому упоминать князя Михаила Всеволодовича Черниговского, в свое время поступившего точно также, как царь Иван, в совершенно ином контексте – исключительно как мученика, «яже убиенъ от бѣзбожного Батыя за то, иже боги его насмевал и Христа Бога пред мучителѣм такъ силнымъ и грознымъ со дерзновением проповедалъ»[250]. Получается, факт бегства князя от татар был замещен в сознании Андрея Курского более важным, с его точки зрения, поступком Михаила Всеволодовича, совершенным во имя «веры и Отечества».

Таким образом, уже в XVI в. образ Михаила Черниговского приобретает новые черты. Князь воспринимается как защитник не только православной веры от «поганых», но и Отечества от внешних врагов, а его гибель – как гибель не только за «святую Церковь», но и «за люди ее». В этом смысле черниговский князь оказывается в одном ряду с теми правителями Русской земли, кто «душу свою положил за други своя». Перефразируя известное место из Евангелия от Иоанна, составитель одной из редакций княжеского жития XVI в. специально отметил, что это «край подвига — свою душу за люди Божиа положити».

*** *** ***

В процессе решения поставленных в третьей главе задач, мы пришли к следующим выводам.

Проведенное исследование показало несостоятельность встречающихся в историографии предположений о якобы имевших место намерениях князей Михаила Черниговского и Даниила Галицкого отправиться накануне нашествия Батыя на запад в поисках союзников для организации отпора завоевателям: оба князя сознательно покинули ставшие потенциально

[249] *Курбский А.М.* Указ. соч. С. 128, 148.

[250] Там же. С. 140.

опасными территории, спасаясь от врага, и вернулись лишь тогда, когда угроза со стороны завоевателей миновала. В этом смысле реальные поступки правителей русских земель плохо соотносились с максималистскими книжными формулами, касающимися «нормативного» поведения князей. Это касалось даже такого «пропагандиста» подлинного воинского духа, как Даниил Галицкий, который описан в Ипат. как идеальный правитель – храбрый, решительный воин, прекрасно знающий, что значит достойное поведение князя в бою.

Однако в дошедших до нас летописных и агиографических памятниках нет и намека на осуждение князей за бегство от врага. Особенно, если речь шла о «своих» для книжников князьях. Установлено, что в отношении «своих» использовались щадящие определения - «отъиде», «иде», «выиде», тогда как поведение «чужих», как правило, описывалось в категориях бегства. Есть основания полагать, что использование такого рода определений являлось не более чем этикетной конструкцией, призванной в более деликатной по отношению к княжеской репутации форме описывать бегство «своего» правителя. Тем не менее, эти нюансы не позволяют судить о том, что чье-либо бегство – «своих» или «чужих» князей - ставилось им в упрек.

Такой подход был связан с несколькими обстоятельствами. Во-первых, бегство могло восприниматься как одна из распространенных в то время человеческих (и княжеских, в том числе) практик. Анализ ранних летописных рассказов о нашествии Батыя позволяет полагать, что книжники исходили из того, что храбрость – величина не постоянная, в какой-то момент (в ситуации, когда Господь за грехи вкладывает страх в сердце воину) ее можно лишиться. По крайней мере, временно, поскольку в руках Господа было и обратное – вновь наделить правителя храбростью. Во-вторых, такое отношение к бежавшим правителям могло быть связано с тем, что летописные рассказы о нашествии создавались в среде князей или духовных лиц, для которых такой способ спасения был не чужд – либо они сами, либо их ближайшие родственники в период нашествия бежали от татар. В-третьих, отсутствие

осуждения тех, кто бежал от нашествия, могло быть связано с общим представлением о том, что бегство является богоданным способом избавления от гонителей. С точки зрения авторов ранних летописных рассказов о нашествии, а также агиографических произведений, посвященных Михаилу Черниговскому, бегство правителей было обусловлено не только желанием Господа наказать своих чад, лишив их храбрости, но и Божьим промыслом, стремящимся таким образом избавить праведников от преследований со стороны врагов. В этом смысле сравнение покинувших свои земли правителей Суздальской земли с Давидом, неоднократно спасавшимся бегством от царя Саула, выступало одним из маркеров такого рода отношения. Тем не менее, в более позднем летописании книжники все-таки стремились максимально устранить из своих повествований упоминания о бегстве князей - вероятнее всего, как порочащие их репутацию. Именно этим объясняется устранение из рассказов о нашествии сравнений спасшихся князей с Давидом, бежавшим от Саула, а в версии СК – замена образа Давида-Саула на образы праведного Ноя и Лота, спасенных Господом способами, не связанными с их бегством от врага.

Само по себе бегство во время нашествия Батыя не являлось «отягчающим» обстоятельством для решения вопроса о церковном прославлении того или иного правителя, в этом смысле церковная (книжная) шкала оценок князей периода после нашествия Батыя не вполне совпадала с существовавшей в домонгольский период светской, «дружинной» шкалой. В рамках исследования сформулирована гипотеза, согласно которой многое в оценках поведения князя зависело от исхода предпринятого им бегства: если правитель таким образом спасался, значит, его поступками руководил Промысел Божий, если же спасения не происходило и князь погибал от рук гонителей (как это было в случае с великим князем Юрием Всеволодовичем в версии НПЛ), значит, его бегство, с точки зрения книжников, шло вразрез с волей Господа. Можно предположить, что именно поэтому бегство и Михаила Черниговского, и Даниила Галицкого, для обоих закончившееся благополучным избавлением от нашествия, не являлось, с точки зрения

книжников, действием, заслуживающим осуждения, а, тем более, поступком, препятствующим прославлению одного из князей (Михаила Черниговского) за совершенный им впоследствии затем христианский подвиг. И, наоборот, прославление Юрия Всеволодовича, успевшего покинуть Владимир, но все-таки убитого татарами на Сити, требовало какой-то иного трактовки обстоятельств его гибели, нежели та, что была изложена новгородским летописцем, поскольку неудавшееся спасение бегством (а вовсе не бегство как таковое!) как раз и выглядело компрометирующим князя обстоятельством.

Важно, что в восприятии книжников подвиг Михаила Черниговского, совершенный им в ставке Батыя, был куда более значим, чем то, как поступал черниговский князь в момент нашествия завоевателей. Его военные заслуги (или, скорее, их отсутствие) в данном случае вовсе не брались в расчет. Главное, что, с точки зрения книжников, удалось сделать во время нашествия Михаилу Всеволодовичу – противостоять «прельщениям», пусть даже при помощи убийства татарских послов и последующего бегства. При этом, если в ранних редакциях житийных рассказов князь и убиенный вместе с ним боярин Феодор изображались исключительно как мученики за веру, то в произведениях XVI в. святые выступали, прежде всего, как защитники Церкви и Отечества, «отвечающие» за защиту Отечество при отражении внешних угроз, и, прежде всего, со стороны татар. В «Слове похвальном Филолога черноризца» специально отмечалось, что черниговский князь и не собирался проявлять воинскую храбрость, сражаясь с татарами на поле брани. В летописных и житийных повествованиях XVI в. и вовсе проводилась мысль, явно идущая вразрез с реальным поведением Михаила Черниговского в годы нашествия – о том, что он изначально был настроен на то, чтобы вступить в конфликт с татарами, и, прежде всего, с Батыем, выступающим в качестве проводника воли самого дьявола. Однако и в данном случае речь не шла о военном противостоянии завоевателям: князь, отвергая их «лесть» и «лукавство» готовил себя к духовному подвигу. По мнению книжников XVI в., «храбрость» и «мужество» Михаила, проявленные им в момент

мученической гибели в Орде, оказывались вполне сопоставимы с «храбростью», которую проявили те, кого во время нашествия Батыя «мечь пояде». Таким образом, не вполне храброе поведение князя в период нашествия Батыя как бы компенсировалось последующим мужественным поступком мученика. Темы защиты «люди своя» и служения Отечеству со временем становятся ведущими в восприятии Михаила Черниговского в отечественном историописании: в XVI в. связь между молитвенной помощью святых и успешной борьбой с «агарянами» воспринималась как нечто взаимообусловленное, а само заступничество черниговских мучеников в ситуации татарской опасности считалась особенно действенным.

ГЛАВА 4.

Князь Александр Ярославич в историописании второй половины XIII - XVI в.

Князь Александр Невский – один из ключевых деятелей отечественной истории, самая яркая фигура из числа князей-современников нашествия Батыя. При этом в событиях, непосредственно связанных с монгольским завоевание русских земель, князь участия не принимал: о его действиях в период нашествия Батыя на северо-восток Руси, равно как и о действиях его отца князя Ярослава Всеволодовича, в источниках не сохранилось никаких сведений. Тем не менее, поступки Александра Ярославича, совершенные в 1240-начале 1260-х гг., дали основание для его прославления, начавшегося, судя по всему, вскоре после кончины князя, последовавшей 14 ноября 1263 г.[1] Мотивы прославления Александра не очевидны: в отличие от другого святого, прославленного примерно в то же время, Михаила Всеволодовича Черниговского, князь Александр Ярославич не был мучеником, пострадавшим за веру. Да и сама по себе первоначальная редакция его жития, создание которой относится к 1263-1265 гг.[2], стилистически и идейно напоминает, скорее, воинскую повесть, чем агиографическое произведение. Повесть «о житии и о храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра» имеет своеобразную жанровую специфику. С одной стороны, она изначально была посвящена жизнеописанию святого[3], с другой стороны, автор произведения

---

[1] ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 83.

[2] См.: *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII - первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – начало XX в. М., 1990. Вып. 1. С. 36-39. Ср.: *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М., Л., 1965. С. 17-21.

[3] Об этом свидетельствует целый ряд выражений: «житие святаго князя Александра», «святое и честное и славное житие его», а также «святое тѣло его». Там же. С. 187, 194. См.:

делал упор на земных качествах Александра – выделял его красоту, силу голоса, физическую силу, умственные качества, личную храбрость[4].

Как справедливо отмечали исследователи, «агиографический образ Александра как истинного христианского правителя — защитника своей земли <…> имеет самостоятельное значение в русской истории, не исчерпывающееся биографическими реалиями»[5]. В разные исторические эпохи этот образ уточнялся, дополняясь новыми смыслами и оттенками, которые соответствовали менявшимся духовным запросам, идеологическим и геополитическим установкам русского общества, «перенимая добродетели, считавшиеся идеальными»[6].

Таким образом, задача четвертой главы состоит в том, чтобы на основе комплексного анализа первоначальной редакции житийной повести об Александре Невском реконструировать мотивы его раннего церковного прославления и выявить основные направления эволюции образа князя в летописании и произведениях агиографии XV-XVI вв. в части, касающейся восприятия книжниками его отношений с татарами.

4.1. Прославление святого благоверного князя Александра Невского во второй половине XIII века: текст и контекст

Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты // Памятники древней письменности и искусства. Т. 180. СПб., 1913. С. 33 (первой пагинации).

[4] Подробнее см.: *Смирнов С.И.* Исследование В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1 (248). М., 1914. С. 67-68; В.О. Ключевский. Pro et contra. СПб., 2013. С. 66-67. См. также: *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С 258.

[5] *Хорошкевич А.Л., Плигузов А.И.* Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела // Феннел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200-1304. М., 1989. С. 24.

[6] *Isoaho M.* The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. — Leiden; Boston: Brill, 2006. P. 283. Ср.: *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000) М., 2007. С. 20-23.

Во время нашествия Батыя на русские земли 17-ти летний князь Александр Ярославич находился в Новгороде[7]. В приведенном в Лавр. под 6747 (1239) г. списке правителей Суздальской земли, которых Господь «*избавилъ есть от враг наших*», он упоминается в числе тех четырнадцати князей, которым удалось спастись от монголов. Наряду со своим отцом – князем Ярославом Всеволодовичем, который во время нашествия, скорее всего, находился в Киевской земле[8] - князь Александр не спасался бегством: в этом смысле фраза летописца «гониша по них татарове и не обрѣтоша»[9], вряд ли может быть прочитана буквально, поскольку оба князя в момент нашествия находись на безопасном от врага расстоянии.

Теоретически Александр Ярославич мог принять участие в оказании сопротивления врагу: по крайней мере, для того чтобы очутиться в эпицентре боевых действий на территории родной для него Суздальской ему пришлось бы преодолеть вдвое меньшее расстояние, чем отцу[10]. В свое время в «Очерках истории СССР», вышедших в 1953 году, была предпринята попытка дать объяснение тому, почему князь Александр не пришел со своей дружиной на реку Сить к своему дяде Юрию Всеволодовичу, однако, вряд ли следует признать ее удачной. По мнению составителей «Очерков…», «чтобы князь Юрий не мог получить помощи из Новгорода, в котором правил его племенник

---

[7] Впервые девятилетний Александр Ярославич был посажен князем Ярославом Всеволодовичем на новгородский стол вместе со старшим братом Федором в 1230 году. Однако «начало действительного княжения Александра относится не к 1230 году, когда он был оставлен в Новгороде отцом, а к 1236 г., когда Ярослав Всеволодович стал киевским князем и союз Новгорода с ним утратил первоначальный смысл». См. подробнее: *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 202.

[8] ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 461, Т. 2. М., 1998. Стб. 777; Т. 3. С. 74; См. подробнее: *Горский А.А*. Проблемы изучения Слова о погибели Русскыя земли» (к 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. Л, 1990. С 30-32.

[9] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

[10]Подробнее: *Рудаков В.Н.* Великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 412.

Александр Ярославич, татаро-монголы предусмотрительно осадили Торжок, лежащий на восточной окраине Новгородской земли»[11]. При этом необходимо иметь в виду, что Александр Ярославич не пришел на помощь и осажденному татарами Торжку, часть которого в то время входила в состав Новгородской земли[12]. НПЛ сохранила рассказ об обороне этого приграничного города, прямо указывая на отсутствие помощи от Новгорода, которую, судя по всему, там ждали («*а из Новагорода имъ не бы помочи, но уже кто же собѣ сталъ бѣ в недоумѣнии и страсѣ*»[13]). По мнению В.Л. Янина, именно героическая оборона Торжка, в конечном счете, вынудила Батыя отказаться от похода на Новгород[14].

Нельзя исключать, что позицию невмешательства заняли правящие круги самого Новгорода, и сидевший в городе князь вынужден был с ними считаться. Возможно также, что решение Александра Ярославича отсидеться в Новгороде было обусловлено позицией правившего в Киеве отца[15]. Если верно последнее, то вполне вероятно, что стратегия находившегося в Южной Руси Ярослава Всеволодовича состояла в том, чтобы вовсе не втягиваться в конфликт с татарами (в этом смысле он лишь повторял тактику своего старшего брата – великого князя Юрия Всеволодовича, который, если доверять сообщению НПЛ, в самом начале нашествия - возможно, из тех же соображений - отказал в помощи рязанским князьям[16]). Не исключено, что той же тактики были приписано придерживаться и правившему в Новгороде

---

[11] Очерки истории СССР. Период феодализма. XI-XV вв. Ч. 1. М., 1953. С. 833-834.

[12] *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 96.

[13] ПСРЛ. Т. 3. С. 76.

[14] *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 129-130.

[15] *Кучкин В.А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 23; *он же.* Александр Невский – правитель и полководец // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 113.

[16] ПСРЛ. Т. 3. С. 74-75.

Александру. Впрочем, как было отмечено выше[17], реальный замысел Юрия Всеволодовича с большой долей вероятности вовсе не был связан с оказанием сопротивления татарам, а был вызван всего лишь стремлением скрыться от преследования с их стороны[18]. В этом смысле, выступление Ярослава Всеволодовича из Киева с тем, чтобы присоединиться к стремительному движению Юрия на север своих владений, сильно напоминавшему современникам и ближайшим потомкам бегство, равно как и выдвижение к нему на соединение Александра Ярославича из Новгорода, было бы самой настоящей авантюрой.

Попытки выделить из общего ряда достоинств князя Александра Ярославича те поступки, которые могли стать непосредственной причиной его почитания, начали предприниматься лишь в XX в. До этого времени вопрос так не ставился: русская дореволюционная историография вслед за поздней агиографической традицией оценивала заслуги князя, исходя из всей совокупности христианских добродетелей Александра Невского[19], а также ставших известными случаев чудес[20], которые рассматривались в качестве оснований для его прославления. Советская историческая наука, которая только с конца 1930-х годов стала уделять внимание фигуре Александра[21], оценивала князя, прежде всего, с точки зрения «общественного признания его

---

[17] Подробнее см. главу 2 настоящего исследования.

[18] Именно так трактовала его отъезд на север НПЛ («князь же Юрьи выступи изъ Володимиря и *бѣжа* на Ярославль») и персидский историк начала XIV века Рашид ад-Дин («эмир этой области Ванке Юрку (Юрий) *бежал* и ушел в лес: его также *поймали и убили*»). См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 75; *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. с персидского Ю. П. Верховского, редакция проф. И. П. Петрушевского. Т. II. М., Л., 1960. С. 39.

[19] См., напр.: *Хитров М.И.* Святой благоверный князь Александр Невский: подробное жизнеописание. СПб., 1899. С. 351-353.

[20] См.: *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 65. Ср. *Клепинин Н.А.* Святой и благоверный великий князь Александр Невский. М., 1993. С. 98.

[21] *Соколов Р.А.* Александр Невский и евразийцы // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, личностях, идеях. Научный журнал. 2020. № 1 (12). С. 211.

заслуг перед родиной»[22], вынося за скобки анализ религиозных мотивов его прославления. Более внимательный анализ духовных оснований для церковного почитания Александра был предпринят историками русского зарубежья. Так, Г.П. Федотов выделил особую категорию русских святых - «князья-воители за Русскую землю», среди которых, по его мнению, «первое место бесспорно принадлежит Александру Невскому»[23]. На сугубо религиозную составляющую церковной памяти о деяниях князя обратил внимание Г.В. Вернадский в статье «Два подвига св. Александра Невского», носивший ярко выраженный публицистический характер. По его мнению, вся деятельность князя «была направлена на борьбу с Западом и латинством», Александр выступал, прежде всего, защитником православия от экспансии католицизма, что, как полагал Г.В. Вернадский, являлось одной главных причин его прославления[24]. В последующем – в позднесоветской и современной российской историографии - схожий взгляд на причины прославления Александра получил дальнейшее развитие[25].

Несмотря на кажущуюся логичность упомянутых построений, главным источником для анализа возможных причин прославления Александра Ярославича должно быть житие князя, поскольку «житие святого – это не столько описание его жизни (биография), сколько описание его пути к

---

[22] *Орлов А.С.* Александр Невский в средневековой литературе // Вестник АН СССР. М., 1942. № 4. С. 79.

[23] *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 93, 99.

[24] *Вернадский Г.В.* Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 318-319, 335. Критику подходов евразийцев см.: *Горский А.А.* Долгосрочные последствия деятельности Александра Невского // Александр Невский. Личность. Эпоха. Историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 22-30.

[25] *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI-XVI вв.). М., 1986. С. 79-80; *Хорошкевич А.Л., Плигузов А.И.* Указ. соч. С. 24; *Данилевский И.Н.* Александр Невский: Парадоксы исторической памяти // Цепь времен. Проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 126; *Шенк Ф.Б.* Указ. соч. С. 66 и др.

спасению, типа его святости»[26]. На сегодняшней день существует обширная историографическая традиция изучения причин прославления князя, в основе которой лежит мнение о первостепенном значении в глазах современников его поступков, направленных на противодействие католической экспансии. В силу этого необходимо определить, в какой мере житийная повесть о святом благоверном князе несла на себе черты негативного отношения к западному неправославному миру и, в первую очередь, к Риму и католицизму в целом. Кроме того, нужно решить вопрос о том, какие личные качества Александра Ярославича, с точки зрения его агиографа, были ключевыми, а также реконструировать общий исторический контекст прославления Александра Невского – как на основе анализа житийной повести о нем, так и исходя из имеющихся на сегодняшний день сведений о поступках и результатах деятельности современных ему правителей русских земель.

Прежде всего, следует оценить, в какой мере на прославление князя повлияла его позиция в отношении Запада, и, в первую очередь, его отношение к католицизму? В житийной повести «о житии и о храбрости благовѣрнаго и великаго князя Александра» речь идет о семи случаях, когда Александр так или иначе вступает во взаимодействие с представителями западного неправославного мира – шведами (1), «немцами» (4), посланцами папы римского (1) и язычниками литовцами (1).

4.1.1. Изображение врагов в первоначальной редакции Жития Александра Невского

Ключевым для анализа является рассказ о победе Александра в ходе Невской битвы над шведским отрядом[27]. Еще Н.М. Карамзин трактовал эти

---

[26] *Живов В.М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 10.

[27] Помимо житийной повести, рассказ об этом событии сохранился только в одном источнике – летописной статье Новгородской первой летописи старшего извода (далее – НПЛ) под 6748 (1240) годом. См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 77.

события как сугубо территориальный спор между шведским королем и Александром[28]. Однако, начиная с С.М. Соловьева, писавшего о том, что в 1240 г. предводитель шведов, «*побуждаемый папскими посланиями, предпринял крестовый поход против Руси*» (здесь и далее курсив мой. – *В.Р.)*, столкновению со шведским отрядом стало придаваться религиозное значение. Тот факт, что в «сказании о подвигах Александра» шведы «не иначе называются как римлянами», был истолкован классиком отечественной историографии как «*прямое указание на религиозное различие, во имя которого предпринята была война*»[29]. Впоследствии такая трактовка Невской битвы получила широкое распространение: как отмечал И.П. Шаскольский, «в дошедших до нас текстах Жития Александр представлен как борец не просто против шведов, а против сил римско-католической Европы»[30].

---

[28] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IV. М., 1992. С. 18

[29] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 148-149

[30] *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. Л., 1978. С. 195. См. также: *Пашуто В.Г.* Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М., 1956. С 175; *он же.* Внешняя политика Древней Руси. М.; Л., 1968. С. 293; *он же*. Александр Невский. М., 1974. С. 61-62; *Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X-XV веках. М., Л., 1959. С. 127-130; *Линд Д. Г.* Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 44-52; *Кудрявцев О.Ф.* Александр Невский и католический Запад // Александр Невский. Личность. Эпоха. Историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 81 и др. Есть и другой подход, согласно которому «оппонент св. князя», названный «королем части Римьскыя», тем не менее, «остается конфессионально не определен», равно как и ведомые им шведы, которых «трудно идентифицировать как латинскую» силу. См.: *Костромин К.А.* Св. Александр Невский и латинский Запад глазами древнерусских агиографов // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2020. № 1 (12). С. 126-127. Дополнительным аргументом в пользу антикатолической направленности действий Александра считают упоминание в рассказе другого источника о Невской битве, НПЛ, неких «пискупов» (епископов), находящихся в шведском войске («придоша Свѣй в силѣ велицѣ <…> *съ княземь и съ пискупы своими*»), а также сообщение, что один из них в ходе сражения был убит («и ту убиенъ бысть воевода

Но можно ли считать, что топоним «Рим» и производные от него слова - «римский» и «римляне», использованные составителем первоначальной редакции житийного рассказа по отношению к шведам, являются маркерами антикатолической направленности текста? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, во-первых, определить отношение составителя житийной повести к самому топониму «Рим» и производным от него, и, во-вторых, оценить, как определялись цели, которые, согласно житийной повести об Александре Невском, преследовали шведы.

В свое время Н.В. Синициной было верно подмечено, что «существуют географические названия, лишенные локализации в единственной точке пространства»[31]. В полной мере это относится к Риму в том смысле, что в ценностной системе координат русского средневекового писателя понятие «Рим» могло иметь разные значения. Житийная повесть об Александре Невском служит ярким тому подтверждением[32]. Всего «Рим» и производные

ихъ, именемь Спиридонъ; а инии творяху, яко и *пискупъ* убьенъ бысть ту же» (ПСРЛ. Т. 3. С. 77). Критику такого подхода см.: *Назарова Е.Л.* Крестовый поход на Русь 1240 г. (организация и планы) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 197-198). Случай, когда, шведы брали с собой в поход священнослужителей такого ранга, фиксировался и ранее: ПСРЛ. Т. 3. С. 26. О том, что католические епископы могли участвовать в военных действиях, наряду с рыцарями, сообщала записанная в конце XIII в. «Старшая Рифмованная хроника» в рассказе о сражении рыцарей с псковичами в 1240 г. См.: *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 230. В житийной повести об Александре Невском «пискупы» (ни во множественном, ни в единственном числе) среди участников похода не упоминаются вовсе. Можно предположить, что, если бы автор текста намеревался подчеркнуть конфессиональную составляющую военной акции шведов, он имел бы возможность добавить и эту деталь.

[31] *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998. С. 7.

[32] Небесным покровителем самого великого князя был, скорее всего, св. Александр Римлянин. См. *Кучкин В.А*. Александр Невский – государственный деятель... С. 3; *Литвина*

от него слова в житии князя упоминаются пять раз. Только два из них непосредственно связаны с описанием шведов, предводитель которых назван «королем части Римьскыя от Полунощныя страны», а они сами - «римлянами». Остальные три упоминания не относятся к конфессиональной характеристике шведов. В первом из них Рим фигурирует в контексте сравнения Александра Ярославича с императором Веспасианом: «храборъство же его — акы царя римскаго Еуспесиана»[33] (подробнее о смысле этого сравнения – ниже). Очевидно, что в данном случае «Рим, который для автора середины XIII века должен был бы так или иначе ассоциироваться с латинством, прежде всего выступает как позитивный образ античного города, в котором живут достойные подражания герои»[34]. В двух оставшихся случаях Рим назван «великим», что уже само по себе, скорее, свидетельствовало об уважительном, нежели уничижительном или враждебном отношении к нему. Во-первых, речь идет фрагменте, повествующем о приезде к Александру послов-миссионеров «от папы из великого Рима», а, во-вторых, о перечислении географических объектов, до которых дошла слава об Александре («И нача слыти имя его по всѣмь странамъ, и до моря Египетскаго, и до горъ Араратьскых, и обону *страну* моря Варяжьскаго, и до великаго Риму»[35]). В первом случае «великий Рим» напрямую ассоциируется с папой и католицизмом, однако, сам по себе рассказ о приезде миссионеров к Александру не содержит каких-либо выпадов в отношении пославшего их в Новгород папы и Рима в целом (подробный анализ этого сюжета – ниже).

А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 465.

[33] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 187.

[34] *Костромин К.А.* Указ. соч. С. 126. Ср.: *Барсов Е.В.* Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1. М., 1887. С. 217.

[35] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 192. Ср.: *Мансикка В.* Указ. соч. С. 7 (второй пагинации); ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 434.

Во втором случае упоминание «великого Рима» не нагружено конфессиональными смыслами, равно как не нагружены ими и другие упоминаемые через запятую топонимы – Хонужское (Хапужское или Каспийское[36]) и Варяжское (Балтийское) моря, а также Араратские горы. Автор повести лишь очерчивает крайние точки географического пространства, на котором стали прославлять («нача слыти») Александра Ярославича. Заметим при этом, что Варяжское море (собственно, его побережье - и есть «часть Римьская от Полунощной страны»), откуда и прибыли в устье Невы шведы, в этом отрывке географически разнесено с «великим Римом»[37]. К этому можно добавить, что в синхронных житийной повести памятниках, например, летописных статьях НПЛ, рассказы о шведах также не носят какой-либо конфессиональной коннотации (в том числе, и в рассказе о Невской битве, где они названы вполне нейтрально - «иноплеменниками»[38]). Да и в целом в НПЛ западные иноземцы «подразумевались носителями зла» не сами по себе, а лишь когда захватывали новгородские или псковские территории[39].

Таким образом, использование в тексте житийной повести топонима «Рим» и производных от него в отношении шведов, хоть и отмечало их конфессиональную принадлежность, априори не несло какой-либо негативной смысловой нагрузки. Это тем более оправдано, что и сам поход 1240 г., в соответствии с данными современной науки, скорее всего, не был продиктован религиозными целям[40]. Тональность самого рассказа о Невской битве и то, как

---

[36] *Поспелов Е.М.* Географические названия России. Топонимический словарь. М., 2008. С. 222.

[37] В одном из списков, относящихся к первоначальной редакции, шведы так и названы – «сила Варяжская». См.: *Мансикка В.* Указ. соч. С. 3 (второй пагинации).

[38] ПСРЛ. Т. 3. С. 77.

[39] Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI-XIV вв. М., 1996. С. 158-170.

[40] См. подробнее: *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 148, 195; *Назарова Е.Л.* Указ. соч. С. 199; *Кучкин В.А*. Александр Невский – государственный деятель … С. 8-9; *Флоря Б.Н.* У истоков

автор житийной повести определяет цели шведского отряда, полностью соответствует такой оценке: в источнике поход шведов объяснялся намерением их предводителя захватить территории, подконтрольные князю Александру, а не стремлением обратить русского князя или его подданых в свою «римскую» веру. В молитве, вложенной в уста Александру, проступок, совершенный предводителем шведов, также оказывается связан с тем, что тот нарушил установленные Богом для разных народов «пределы», преступив «*в чюжую часть*», а вовсе не с насаждением чуждой веры[41]. При этом в своей молитве, в которой цитируются слова 34-го Псалма, князь просил помощи Господа о защите против своего личного противника, а вовсе не врага церкви: «Суди, Господи, обидящим *мя* и возбрани борющимся со *мною*, приими оружие и щитъ, стани в помощь *мнѣ*». Молитва оказывается услышана: «бысть сѣча велика над римляны», в ходе которой Александр «*побѣди короля*»»[42]. Исходя из этого, можно утверждать, что рассказ о Невской битве в первоначальной редакции житийной повести об Александре Невском представляет собой сообщение о военном походе шведского короля лично на великого князя, а вовсе о столкновении на религиозной почве.

Рыцари Тевтонского ордена несколько раз упоминались в житийной повести. В первом эпизоде говорилось о том, что «*нѣкто силенъ от Западныя страны, иже нарицаются слугы Божия*, от тѣх прииде, *хотя видѣти дивный възрастъ его*, яко же древле царица Южичьская приходи к Соломону, *хотящи слышати премудрости его*. Тако и сей, именемъ Андрѣяшь, видѣвъ князя Александра и, възвратився къ своимъ, рече: «Прошед страны, языкъ, *не видѣх*

религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2017. С. 148-149; *Назаренко А.В.* Александр Ярославич Невский // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 542; *Горский А.А.* Долгосрочные последствия …. С. 22).

[41] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 188.

[42] Там же.

таковаго ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя»[43]. Миссия представителя ордена[44] имела ознакомительный характер, и оценка, которую согласно житийной повести, дал иноземный визитер Александру, оказалась более чем лестной.

При этом столкновение с тевтонскими рыцарями на Чудском озере автор житийной повести описывал точно так же, как и сражение со шведами - как еще один пример проявления военных доблестей князя, а вовсе не как столкновение на религиозной почве: «по побѣдѣ же Александровѣ, яко же побѣди *короля*, в третий год, в зимнее время, поиде на землю немецкую в велицѣ силѣ, да не *похвалятся*, ркуще: «Укоримъ словеньскый языкъ ниже себе»[45]. После чего князь изгнал врагов из занятого ими Пскова. В ответ противники Александра решили: «поидемъ и *побѣдим Александра и имемъ его рукама*». И в этом сюжете нет упоминаний о каких-либо их действиях,

---

[43] Там же. Этот исторический факт известен лишь по житию Александра Невского. В историографии высказывались соображения по поводу даты прибытия посольства, см.: *Кучкин В.А*. Александр Невский – государственный деятель… С. 22; *Назарова Е.Л.* Указ. соч. С. 195.

[44] Судя по всему, это был вице-магистр Ордена меченосцев Андреас фон Вельвен. См. подробнее: *Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П.* Письменные источники о Ледовом побоище. Обзор источников, повествующих о битве на Чудском озере // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. Отв. ред. Г.Н. Караев. М., Л., 1966. С. 225; *Кучкин В.А*. Александр Невский – государственный деятель… С. 6.

[45] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 190. В данном случае слово «язык» следует трактовать в значении ‘народ’, ‘племя’. См. *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 3. СПб., 1912. Стб. 1647-1648. В других местах житийной повести это слово употребляется в этом же значении.: «Прошед страны, *языкъ*, не видѣх таковаго ни въ царехъ царя, ни въ князехъ князя», «Боже <…> поставивый предѣлы *языком*, повелѣ жити, не прѣступая в чюжую часть», «суди *ми*, Боже, и разсу*ди* прю мою от *языка* велерѣчна, и помози ми, Господи…», «в то же время умножися *языка* литовьскаго», «царь силенъ на Въсточнѣй странѣ, иже бѣ ему Богъ покорилъ *языкы* многы, от въстока даже и до запада». См. *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 188, 191, 192.

которые могли бы быть так или иначе интерпретированы в качестве угрозы православной вере. При этом «мужи Александровы» заверяют князя в готовности сражаться лично за него («положити главы своя *за тя*»), а сам Александр, цитируя Псалом 42:1, возносит молитву к Господу с просьбой помочь лично ему: («суди *ми*, Боже, и разсу*ди прю мою* от языка велерѣчна, и помози *ми*, Господи…»[46]). Что и происходит: «полкъ Божий на въздусѣ, пришедши *на помощь Александрови*». Тем самым «*прослави Богъ Александра* пред всѣми полкы, яко же Исуса Наввина у Ерехона», поскольку вновь «не обрѣтеся противникъ *ему* въ брани никогда же»[47].

Лишь в трех списках первоначальной редакции житийной повести «немцы» названы безбожными: в первом случае напрямую («Уже бо бяше град Псков взят и намѣстникы от немець посажени. Он же въскорѣ градъ Псковъ изгна и немець изсѣче, а инѣх повяза и град свободи от *безбожных* немецъ»[48]), и в другом случае иносказательно («разсу*ди* прю мою от языка непреподобна», то есть от ‘нечестивого’, ‘безбожного’ народа)[49]. Однако в остальных списках фразы читаются иначе. В первом случае – «Уже бо бяше град Плесковъ взят, и тиуни их посажени. Тѣх же князь Олександро изыма, град Плесковъ свободи *от плѣна*»[50], а во втором - «разсу*ди* прю мою от языка *велерѣчна* (вариант - *велерѣчива*)»[51]. Стоит отметить, что Ю.К. Бегунов, реконструируя

---

[46] Там же. С. 191.

[47] Там же.

[48] Там же. С. 169.

[49] Там же. С. 171. См.: Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 11. М., 1986. С. 247. Это именование объясняется тем, что начало молитвы, вложенной в уста Александра, является цитатой одного из Псалмов Давида, где враги также названы «языком непреподобным. «*Суди ми, Боже, и разсуди прю мою: от языка не преподобна*, от человека неправедна и льстива избави мя». Пс. 42:1.

[50] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 169 (прим. 99), 190.

[51] Там же. С. 171 (прим. 84, 191.

первоначальный текст жития Александра Невского, остановился именно на этих вариантах[52].

При этом составитель житийной повести дважды ставит под сомнение христианскую сущность рыцарей, приходящих с Запада, но делает это в весьма неагрессивной, скорее, ироничной манере. Рыцарей, от которых пришел «нѣкто силенъ от Западныя страны», названы «иже *нарицаются* слугы Божия», а пришедшие на Чудское озеро немцы в житии поименованы как «иже *именують себе* Божии ритори»[53]. Очевидно, что, с точки зрения автора житийной повести, в действительности ни те, ни другие таковыми не являлись, а лишь «сами себя так называли». Однако при этом конфессиональная составляющая конфликта им не выпячивалась, свидетельством чему является фрагмент, в котором псковское духовенство прославляет Александра за победу над «иноязычниками», а не над иноверцами: «Пособивый, Господи, ому Давыду побѣдити *иноплеменьникы* и вѣрному князю нашему оружиемь крестным и свободи градъ Псков от *иноязычникъ* рукою Александровою»[54]. То есть речь идет об очередной военной победе над чужеземными врагами, а вовсе не о подвиге по защите православной веры от католической экспансии.

Такая трактовка врагов Александра корреспондируется с тем, что и в Лавр. и НПЛ рассказы о сражении на Чудском озере также лишены каких-либо конфессиональных коннотаций. Лавр. сообщает об этом так: «великый князь Ярославъ посла сына своего Андрѣа в Новъгородъ Великыи в помочь Олексанрови на Нѣмци и побѣдиша я за Плесковом на озерѣ и полонъ многъ плѣниша и възвратися Андрѣи къ отцю своему с честью»[55]. Согласно же НПЛ, Александр и вовсе сражался сразу против двух народов, «Нѣмцев и Чюди»,

---

[52] Там же. С. 190-191.

[53] Там же. С. 187, 191.

[54] Там же. С. 191. Кстати, судя по всему, со стороны «немцев» сражение с Александром Ярославичем также не воспринималось как столкновение, произошедшее на религиозной почве. См. подробнее: *Шаскольский И.П.* Указ. соч. С. 195.

[55] ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 470.

которые во всех случаях в летописной статье упоминаются парно: «наѣхаша на полкъ *Нѣмци и Чюдь*», «и бысть сѣча ту велика *Нѣмцемь и Чюди*», «пособи Богъ князю Александру; а *Нѣмци* ту падоша, а *Чюдь* даша плеща…»[56]. Как справедливо отмечает А.В. Лаушкин, «владычные летописцы XIII в., описывая конфликтные ситуации с германскими народами, все же старались удерживаться от слишком резких суждений». Причиной этой сдержанности, по его мнению, «было еще не разрушенное до конца представление о конфессиональной близости русских с западными христианами». Именно поэтому даже «бурные события 1240-1242 гг. – захват немцами Изборска и Пскова, оккупация ими (при участии чуди) части Новгородской земли, а потом освобождение Александром Ярославичем Копорья и Пскова» в летописных источниках «описаны нейтрально». При этом они «ни разу не называются ни «крестоносцами», ни «латинянами», а обозначаются постоянно как «немци», и описание конфликтов с ними ничем не отличается от описания конфликтов Новгорода с другими русскими княжествами. Не вели эти конфликты и к возникновению в Новгороде враждебного отношения к «немцам» вообще»[57]. В этом смысле упоминания немцев и в житийной повести, и в рассказе НПЛ о битве на Чудском озере очень близки к беспристрастной юридической терминологии, встречающейся, например, в Договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле 1262-1263 гг. В ней «нѣмци» упоминаются в качестве части «всего латинского языка», но при этом подобное указание оказывается совершенно нейтральным, не несущим каких-либо дополнительных оценок и смыслов – лишь

[56] ПСРЛ. Т. 3. С. 77-78.

[57] *Лаушкин А.В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI-XIII вв. М., 2019. С. 243-245. Ср.: *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 130.

описывающим одну из сторон (наряду с представителями других иноземных территорий) договора[58].

Еще один эпизод житийной повести, связанный с тевтонцами, касается строительства ими крепости Копорье во владениях Александра и его ответными действиями. И хотя поступок рыцарей вполне можно было бы интерпретировать как попытку католической экспансии на новгородские земли, автор житийной повести этого не делает, сообщая лишь о военной стороне произошедшего: «Въ второе же лѣто по возвращении с побѣдою князя Олександра *приидоша пакы от Западныя страны и возградиша град въ отечьствѣ Олександровѣ*. Князь же Олександро воскорѣ иде и изверже град их из основания, а самѣх извѣша и овѣх с собою поведе, а инѣх, помиловавъ, отпусти: бѣ бо милостивъ паче мѣры»[59]. В той же тональности житийная повесть описывает и действия сына великого князя – князя Дмитрия Александровича, посланного отцом «на Западныя страны» - то есть на тех же тевтонских рыцарей, с которыми сражался Александр. И в этом случае на первом месте у книжника стояла военная составляющая. Князь Дмитрий также добился крупного успеха: «*плѣни землю Нѣмецкую*, и взя град Юрьевъ, и възвратися к Новугороду съ многымъ полоном и с великою корыстию»[60].

---

[58]«Что ся учинило тяже межи новгороци и межю *нѣмци*, и *гты*, и со *всѣмъ латиньскымь языкъмь*, то все отложихомъ, а миръ докончахъмъ на сеи правдѣ. Новгороцмъ гостити на Гоцкыи берегъ бес пакости, а *нѣмцьмъ и гтъмъ* гостити в Новъгородъ бес пакости и *всему латиньскому языку*, на старыи миръ». См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С.Н. Валка. М., 1949. С. 57-58. Такое же нейтральное упоминание немцев содержится и в Договоре Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. и др. юридических памятниках. См.: Памятники русского права. Под ред. С.В. Юшкова. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв. М., 1953. С. 57-71. Подробнее об отношении новгородцев с немецкими купцами в этот период см.: *Lukin P.V.* German Merchants in Novgorod: Hospitality and Hostility, Twelfth–Fifteenth Centuries // Baltic Hospitality from the Middle Ages to the Twentieth Century. Cham, 2022. P. 117-142.

[59] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 190.

[60] Там же. С. 193.

Точно также описывались и военные победы самого Александра Ярославича над язычниками-литовцами[61].

Единственный эпизод повести «о житии и о храбрости», в котором речь идет о взаимоотношениях князя с католическим миром по поводу вопросов веры, это рассказ о прибывшем к Александру посольстве «от папы из великого Рима». Послы прибыли, чтобы сообщить князю «учения ихъ о законѣ Божии». Но, как отмечает современный исследователь, «дав суммарный, основанный на Библии обзор развития мировой истории, представленный в виде перечисления ее основных этапов «От Адама… до перваго збора и седмого», то есть до вселенских церковных соборов, Александр далее резко заключал: «…си вся добре сведаем, а от вас учения не приемлем»[62]. Других подробностей переговоров житийная повесть не сообщала. Единственное в ранних русских источниках упоминание о контактах Александра Невского с папской курией оказалось весьма лаконично: эпизод занимает меньше 6% от общего объема текста житийной повести. Весьма незначительный «удельный вес» рассказа о посольстве свидетельствует о том, что «конфессиональная» тема была периферийной с точки зрения княжеского агиографа. При этом рассказ не содержит какой-либо содержательной полемики с папскими послами[63]. По мнению К.А. Костромина, «этот текст замечателен своей эмоциональной выдержанностью и отсутствием полемической заостренности»[64].

---

[61] Там же. С. 192.

[62] *Кудрявцев О.Ф.* Указ. соч. С. 85.

[63] *Майоров А., Руденкова И.* Посланники папы Иннокентия IV к Александру Невскому: загадки биографической истории // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 3. С. 932. Подробнее о причинах и результатах миссии: *Горский А.А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 187-189.

[64] Между тем, материал для усиления антикатолической составляющей у составителя житийной повести был. К.А. Костромин справедливо обращает внимание на сходство

Что же касается в целом «конфессиональной» тематики, то в этом смысле стоит более внимательно отнестись к содержащимся в житийной повести рассказам о действиях татар, сопоставив их описание с повествованием о католических народах Запада – шведах и немцах. В.А. Кучкин справедливо указывал на то, что «вопросу о взаимоотношениях с монголо-татарами в этом памятнике отведено совсем немного места»: по его мнению, «видимо, ни время, когда создавался памятник, ни характер отношений Александра к монголо-татарам не способствовали ее раскрытию»[65]. Вместе с тем, определенное представление об отношении книжника к ханской власти и замыслам татар житийная повесть все-таки дает. С одной стороны, в произведении признается власть хана над русскими землями[66], но, с другой стороны, в житийной повести содержатся указания на враждебные действия татар в отношении русских земель.

Во-первых, это рассказ о карательной экспедиции ордынских войск против брата Александра Андрея Ярославича в 1252 г. По мнению В.А. Кучкина, экспедиция «описана в очень сдержанных тонах», поскольку «убийства, грабежи и насилия монголо-татар, преследовавших князя Андрея Ярославича, о которых говорилось в Лаврентьевской летописи, в Житии Александра Невского были обойдены молчанием»[67]. Между тем, это не совсем

описания прихода послов к Александру Невскому «от папы из великого Рима и «немцев из Рима», приезжавших к князю Владимиру. Но в ПВЛ сказанное немцами было не просто отвергнуто князем («рече же Володимеръ нѣмцемъ: «Идѣте опять, яко отци наши сего не прияли суть»), но и сопровождалось резкой антилатинской отповедью, вложенной в уста корсунских попов: «не преимай же ученья от латинъ, ихъ же ученье разъвращено <…> Богъ да схранить тя от сего». (См. Повесть временных лет. Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 39-40, 51-52). Ничего подобного в житийной повести нет. См. подробнее: *Костромин К.А.* Указ. соч. С. 127.

[65] *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго... С. 39-40.

[66] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 192.

[67] *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго… С. 39.

так: конечно, по сравнению с рассказом Лавр. житийная повесть гораздо сдержаннее описывает последствия татарского погрома, но и в ней содержатся косвенная характеристика произошедшего разорения: «По плѣнении же Невруеве князь великый Олександръ *церкви въздвигну, грады испольни, люди распуженыа събра в домы своя*»[68]. То есть, результатом «пленения» стало разорение храмов и городов, которые Александру пришлось «воздвигать» и «исполнять», а также страх, охвативший жителей, которых князю пришлось возвращать «в домы своя». Даже такой сдержанный рассказ выглядит более чем подробным описанием бесчинств, совершенных татарами, если сравнивать его с находящимся в житийной повести весьма лапидарным сообщении о пребывании тевтонских рыцарей в Пскове: «Уже бо бяше град Плесковъ взят, и тиуни их посажени. Тѣх же князь Олександро изыма, град Плесковъ свободи от плѣна»[69]». Получается, что, согласно житийной повести, после двухлетнего пребывания рыцарей в Пскове князю не пришлось заниматься ни восстановлением храмов, ни собиранием людей, а после кратковременного татарского набега на Суздальскую землю потребность в таких действиях была[70]. В этом смысле нельзя согласиться с мнением Ф.Б.

---

[68] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 192.

[69] Там же. С. 190.

[70] Весьма показательно при этом, что НПЛ уделила описанию пребывания немцев в Пскове гораздо больше внимания, представив их действия в весьма неприглядном виде: «взяша Нѣмци Изборьскъ; и выидоша пльсковичи вси, и бишася с ними, и побѣдиша я Нѣмци. Туже убиша Гаврила Горислалича воеводу; а пльсковичь гоняче, много побиша, а инѣхъ руками изъимаша. И пригонивше подъ городъ, и *зажгоша посадъ всь*; и *много зла бысть*: и *погорѣша церкы и честныя иконы и книгы и еуангелия; и много селъ попустиша около Пльскова*. И стояша подъ городомъ недѣлю, но города не взяша; но *дѣти поимаша у добрыхъ мужь* в тали, и отъидоша проче; и тако быша безъ мира: бяху бо перевѣтъ держаче с Нѣмци пльсковичи, и подъвели ихъ Твердило Иванковичь съ инѣми, и самъ поча владѣти Пльсковомь с Нѣмци, воюя села новгородьская». См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 77. Учитывая, что рассказ НПЛ является наиболее древним летописным свидетельством о событиях 1242 года, относящимся, по-видимому, ко времени жизни Александра Ярославича (См.:

Шенка, писавшего о том, что «отмежевание от врагов с Запада» в житии князя было «выражено сильнее, чем от язычников-монголов»[71].

Во-вторых, критическое отношение к татарам проявилось и в описании их намерений привлечь русских к участию в своих завоевательных походах: «Бѣ же тогда *нужда велика* от иноплеменникъ, и *гоняхут христианъ, веляще с собою воиньствовати*. Князь же великый Олександро поиде к цареви, дабы отмолити людии от *бѣды* тоя»[72]. Имея в виду этот фрагмент, В.А. Кучкин отмечал, что это - единственный прямой выпад в памятнике против монголо-татар» и что «лишь в одном месте Жития прорывается отрицательное отношение его автора к иноземному игу»[73]. Однако важно обратить внимание на то, что татары при этом прямо противопоставляются русским по конфессиональному признаку («*гоняхут христианъ*»), чего нельзя сказать ни про описания шведов, ни про описания немцев. Согласно житийной повести, шведы намерены были «пленить землю Александрову», а тевтонские рыцари - «укорить словеньскый языкъ ниже себе»[74]. При этом их поступки не были названы «нуждой великой» или «бедой» и про них не было сказано, что они стремятся к каким-либо насильственным действиям («гонениям») в отношении христиан. Между тем именно антихристианская направленность действий врагов в будущем станет главным мотивом описания военных

Тихомиров М.Н. О месте Ледового побоища // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. VII. М., 1950. № 1. С. 88-89; *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 6 (16). СПб., 1997. С. 8-12), а автор житийной повести неоднократно ссылался на мнение «самовидцев», на то, что «слышах от отець своихъ», и даже сам себя называл «самовидцем възраста» князя, то есть должен был знать реальную картину бедствий, можно предположить, что в житийной повести рассказ о пребывании немцев в Пскове им был сознательно смягчен.

[71] *Шенк Ф.Б.* Указ. Соч. С. 66.

[72] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 193.

[73] *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго... С. 39.

[74] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 188, 190.

сюжетов в русской книжности. В этом смысле рассказ о намерениях татар в житийной повести об Александре Невском стилистически оказывается гораздо ближе этим поздним описаниям, чем повествования о намерениях врагов с Запада, католиков[75].

Таким образом, анализ ранней редакции повести «о житии и о храбрости» Александра Невского позволяет заключить, что описания боевых столкновений князя со шведами и немцами, а также рассказ о посольстве «от папы из великого Рима» не несут на себе сколько-нибудь выраженные черты «антилатинских» настроений. Это означает, что существующие в науке аргументы в пользу того, что изначально причиной прославления князя Александра Ярославича стали его подвиги по защите православной веры от экспансии католицизма, не представляются убедительными. Судя по всему, в период, когда создавалась житийная повесть, отношения со шведами и немцами еще не определялись конфессиональными различиями. По наблюдениям П.В. Лукина, «новгородские летописи, которые в основном были написаны архиепископскими писцами, содержат мало религиозных оскорблений в адрес немецкого языка, если таковые вообще имеются»[76]. Еще

---

[75] Ср., напр., молитву Александра Ярославича, описывающей намерения «краля части Римскиа» в поздней, середины XVI в. «владимирской» (по В.Й. Мансикке) редакции, вошедшей в состав Великий Четьих Миней («Владыко прещедрыи, слыша словеса гръдаго варвара сего, похваляющася *разорити вѣру святую православную* и *пролияти хотяща кровь христианьскую*»), с описанием намерений Мамая в рассказе о Куликовской битве, дошедшем в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи («въздвизается рать татарьская *на христианы* <…>, хотя *плѣнити землю Русскую*»), а также Новгородской IV и Софийской I летописей («Окаанный же Мамай разгордѣвся, мнѣвъ себе аки царя, нача злый съвѣтъ творити, темныа своа князи поганыя звати, и рече имъ: «Пойдемь на рускаго князя и *на всю землю Рускую*, якоже при Батыи было. *Христианство потеряем*, а *церкви Божиа попалимь* и *кровь христианскую прольемь*, а *законы их погубимь*»). См.: *Мансикка В.* Указ. соч. С. 20 (второй пагинации); Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 9, 30, 65.

[76] *Lukin P.V.* Op. cit. P. 127.

более индифферентное отношение к католикам могло быть в Суздальской земле, где создавалась житийная повесть об Александре Ярославиче. Не имея возможности с той же частотой и интенсивностью, что и новгородцы, контактировать с «немцами» и «свеями» и, тем более, участвовать в военных столкновениях с ними, жители северо-востока Руси вряд ли воспринимали их через призму конфессионального противостояния. Эти наблюдения соотносятся с выводом Б.Н. Флори о том, что «на древнерусской почве четкое, однозначно отрицательное отношение к латинскому миру фиксируется лишь в памятниках, созданных в XIV в.»[77]. В этот период восприятие католиков будет уже иным: их самих будут называть «погаными» - «поганые немцы», «поганая латина» (то есть, поставят на одну ступень с язычниками)[78], а их богослужение – «латыньским богумерзъким»[79] (то есть, ‘богопротивным’, ‘нечестивым’, ‘отвратительным Богу’[80]). В позднейших редакциях жития Александра Невского (далее – ЖАН) конфликты с представителями западного мира будут описываться, исходя именно из этой новой парадигмы[81].

4.1.2. «Побѣжая, а не побѣдимъ»: мотивы прославления князя Александра во второй половине XIII в.

Что же тогда дало основания для прославления великого князя, какие личные качества и поступки Александра Ярославича, с точки зрения его агиографа, были ключевыми?

---

[77] *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 215.

[78] Так в «Повести о Довмонте» (вторая четверть XIV в.) говорится о том, что князь Довмонт подобно Александру Невскому, ходил в походы, «побеждая *страны поганыя* – Немець и Литву, Чюдь и Корелу». БЛДР. Т. 6. XIV - середина XV века. СПб., 1999. С. 58, 60, 62.

[79] ПСРЛ. Т. 3. С. 361.

[80] Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 262; Вып. 9. М., 1982. С. 98. См.: *Лаушкин А.В.* Русь и соседи… С. 243-245.

[81] *Данилевский И.Н.* Александр Невский: Парадоксы исторической памяти… С. 125-128; *Isoaho M.* Op. cit. P. 88-102; *Шенк Ф.Б.* Указ. соч. С. 63-66.

В самом начале житийной повести ее автор выделяет несколько важных обстоятельств, касающихся князя. Во-первых, подчеркивается, что «*без Божия повелѣния не бѣ княжение его*»[82].

Во-вторых, автор дает понять, что Александр обладает полным набором черт *идеального правителя*. С этой целью в житийной повести перечислены его добродетели, а сам князь сравнивается с героями библейской истории. Перечень этих персонажей, дополненный одним небиблейским правителем (римским императором Веспасианом), практически целиком повторяют список, упоминаемый в «Слове Даниила Заточника» в той его части, где перечисляются добродетели идеального князя.

Даниил Заточник, XII-XIII вв.	**Житие Александра Невского, 60-е гг. XIII в.**
Господи! Дай же князю нашему Самсонову силу, *храбрость Александрову*, *Иосифль разумъ*, *мудрость Соломоню* и *хитрость Давидову*. И умножи, Господи, вся человѣкы под *руку* его. Богу нашему слава и нынѣ, и присно, и в вѣк[83].	Но и взоръ его паче инѣх человекъ, и глас его — акы труба в народѣ, *лице же его — акы лице Иосифа*, иже бѣ поставилъ его египетьскый царь втораго царя въ Египтѣ, *сила же бѣ его — часть от силы Самсоня*, и далъ бѣ ему Богъ *премудрость Соломоню*, *храборъство же его — акы царя*

[82] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 187. Доказательством этом служит то, что во время Невской битвы ему помогают святые «сродники» Борис и Глеб, а во время сражения на Чудском озере - «полк Божии на воздусе»: как писал по этому поводу А.И. Рогов, борьба Александра с немецкой агрессией расценивалась современниками и потомками «как борьба священная <…>, война, которая не только благословляется свыше, но и в которой высшие силы сами принимают участие». См.: *Рогов А.И.* Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 35.

[83] БЛДР. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 282.

	римскаго Еуспесиана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Иудейскую[84].

Судя по всему, по мнению автора житийной повести, из перечисленных достоинств именно *храбрость* была главным качеством Александра Ярославича. Само название анализируемого текста – «Повѣсти о житии и о *храбрости* благовѣрнаго и великаго князя Александра» (вариант – «о *мужестве* и житии»)[85] – говорит об этом более чем определенно[86].

В-третьих, отмечается, что Александр не просто храбр и удачлив в сражениях, но и «*побѣжая, а не побѣдимъ*», поэтому «не обрѣтеся противникъ ему въ брани никогда же»[87], что подтверждают рассказы о победоносных сражениях князя, включенные в житийную повесть «свидетельства» на этот счет одного из предводителей рыцарей по имени Андреаш, а также – монгольского «царя»[88].

«Слово Даниила Заточника» дает четкое представление о том, что одним из эталонов храбрости в период XII-XIII вв. считался Александр Македонский[89]. Несмотря на то, что в житийной повести храбрость

---

[84] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 187.

[85] Там же.; *Мансикка В.* Указ. соч. С. 1 (второй пагинации).

[86] См. подробнее: *Конявская Е.Л.* Образ Александра Невского в Житии и ранних летописях // Александр Невский. Личность. Эпоха. Историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 35.

[87] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 187, 191.

[88] «Мужество» князя отмечает предводитель шведов («слышавъ король части Римьскыя от Полунощныя страны таковое *мужество* князя Александра»). Согласно житийной повести, «царь силенъ на Въсточнѣй странѣ, ему же бѣ Богъ покорилъ языкы многы, от въстока даже и до запада <…> слышавъ Олександра тако славна и *храбра*, посла к нему послы…». См.: *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С.192.

[89] *Вилкул Т.Л.* Мстислав Храбрый – к происхождению эпитета // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. №. 3 (21). С. 14.

Александра Невского сравнивается с храбростью императора Веспасиана[90], тем не менее, сопоставление с македонским царем в тексте присутствует. Речь идет о финальной части произведения, в которой описывается горе людей по поводу кончины святого. «О горѣ тобѣ, бѣдный человече! Како можеши написати кончину господина своего! <…> *аще бы лзѣ, и въ гробъ бы лѣзлъ с ним!*» - восклицает автор жития. При этом в уста митрополита Кирилла вкладывается фраза, призванная подчеркнуть масштаб личности великого князя: «Чада моя, разумѣйте, яко уже *заиде солнце земли Суздальской!*» <…> Иерѣи и диакони, черноризци, нищии и богатии, и вси людие глаголааху: «*Уже погыбаемь!*»[91]

В свое время И.Н. Данилевский предположил, что фраза, вложенная в уста митрополита Кирилла – это скрытая цитата из пророческих книг, уточнив при этом, что «самой близкой параллелью к приведенному тексту» является фрагмент из Откровения Мефодия Патарского. Исходя из этого исследователь пришел к выводу, что «кончина Александра ассоциировалась у агиографа с наступлением последних времен», «явно не сулила ничего хорошего Русской земле», была «чревата для земли Суздальской прекращением Божиих милостей, утратой слова Господня и, возможно, даже Концом Света»[92]. Есть

---

[90] В русской переводной литературе более позднего времени встречаются, в том числе, и весьма лесные характеристики римских императоров. Например, сына Веспасиана императора Тита: «Дивныи же Титъ философ и доброязычникъ, воиникъ купно, и кротокъ зѣло сыи, благотворениемъ многым, цѣломудриемъ же и правдою украшенъ». (См.: Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст. СПб., 1999. С. 245). «По Еоуспасіане пріать царство Титъ, добродѣтелный и кротъкый моужь и даролюбивый, раздоваяй имѣніа и власти, достоинъ по достоиньству и господству». Кроме того, Тит также назван «храбросердым». (См.: ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. С. 245, 253). Благодарю Т.А. Матасову, обратившую мое внимание на эти чтения.

[91] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 194.

[92] Иер 15:6-9., Ам., 8:8, а также Откровение Мефодия Патарского. См подробнее: *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). Курс лекций. М., 2001. С. 181-182.

основания полагать, что подобная трактовка не вполне обоснованна. Прежде всего, потому что в процитированных местах пророческих книг, на которые ссылается исследователь, речь идет о «солнце, закатившемся днем», то есть с нарушением природного цикла смены дня и ночи («*еще днем закатилось солнце* ее», «произведу *закат солнца в полдень*», «днесь *заиде полуденьное солнце*»), тогда как в житийной повести речь идет о совсем о другом образе – о заходе «солнца земли», то есть о смерти правителя («уже *заиде солнце земли* Суздальской!»)[93]. При этом в историографии не анализировалось обстоятельство, имеющее принципиальное значение для реконструкции образа Александра Невского, созданного его агиографом – а, именно, зависимость житийной повести от рассказа о жизни и деяниях Александра Македонского[94].

Само имя князя порождало такого рода параллели: в начале XIII в. имя Александр было весьма редким в княжеской среде, оно неизбежно напоминало о знаменитом полководце[95]. В.Й. Мансикка первым обратил внимание на текстуальную и смысловую близость слов, вложенных в уста митрополита

---

[93] О сравнении правителей с солнцем в более поздний период подробнее см.: *Пчелов Е. В.* Солнце как символ монарха в русской культуре второй половины XVIII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 7 (141). URL: https://history.jes.su/s207987840032142-5-1/ Дата обращения: 25 декабря 2025 г.

[94] На то, что автор житийной повести сопоставляет «своего героя с македонским царем по «храбрости», «дерзости», непобедимости», в свое время обратил внимание еще Н. И. Серебрянский. См. подробнее: *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. Обзоры редакций и тексты. М., 1915. С. 184-186 (первой пагинации). О распространении редакций и сюжетов «Александрии» на Руси см. подробнее: *Костюхин Е.А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972. С. 42-56; *Этингоф О.Е.* К вопросу об античных сюжетах в искусстве домонгольской Руси // Вестник РГГУ. Серия Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. (1-2). С. 152-183 и др.

[95] *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Указ. соч. С. 465.

Ср.: *Молчанов А.А.* Александр: знаковое имя в династической и культурной традиции // Именослов. Заметки об исторической семантике имени. М., 2003. С. 103.

Кирилла, с читающимися в Ипат. панегириками двум другим князям – Мстиславу Ростиславичу под 6686 (1178) г. и Владимиру Васильковичу под 6796 (1288) г.[96]

Панегирик Мстиславу Ростиславичу, Ипат. под 6686 (1178) г.	**Панегирик Владимиру Васильковичу, Ипат. под 6796 (1288) г.**	**Хронографическая Александрия, I и II редакции**
Наипаче же плакахуся по немь лѣпшии моужи Новгородьстѣи: <…> *Добро бы ны, господине, с тобою умрети* створшему толикую свободу Новгородьцемь от поганыхъ, якоже и дѣдъ твои Всеволодъ, свободил ны бяше от всѣхъ обидъ <…> Нынѣ же, господине, не уже к тому не можемь тебѣ узрѣти, *уже бо солнце наше заиде* ны и во обидѣ всимъ остахомъ. И тако плакавъшеся над	Провожаше наипаче же плакахуся по немь лѣпшии мужи володимерьстии, рекуче: «Добрый ны господине, *с тобою умрети*, створшему толикую свободу, якоже и дѣдъ твой Романъ свободилъ бяшеть от всихъ обидъ, ты же бяше, господине, сему поревновлъ и наслѣдилъ путь дѣда своего. Нынѣ же, господине, уже к тому не можемь тебе зрѣти, *уже бо солнче наше*	На добро убо, Александре царю, Филипъ, отець твои, владѣлъ есть, на добро же и ты, царю. Ту убо прѣдъваряеши нас. *Добре же быс и намъ с тобою оумрѣти* сътворьшему Макидонъ великоую свободоу» <…> «Александръ м(с)ца генваря на новъ м(с)цъ, *въсходящю слньцю*, кончяжеся априля м(с)ца на новъ м(с)ць, *заходящю слнцю*».

[96] *Мансикка В.* Указ. соч. С. 40-41 (первой пагинации); *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С 260.

нимъ все множьство Новгородьское.	*зайде* ны, и во обидѣ всѣх остахомъ.	

В обоих случаях речь шла о желании дружины («лѣпшии моужи») умереть вместе со своим господином и о сравнении умерших правителей с «зашедшим солнцем»: «*Добро бы нъı, господине, с тобою умрети* створшемоу толикую свободу», «не можемь тебѣ узрѣти, *уже бо солнце наше заиде*»[97]. Д.С. Лихачев в свое время установил, что источником панегирика Мстиславу Ростиславичу (а через него – и Владимиру Васильковичу) являлся переводной компилятивный хронограф, включавший в себя «Александрию», «Повесть о взятии Иерусалима» Иосифа Флавия и ряд других текстов[98]. К источнику такого же типа, судя по всему, восходило и сравнение Александра Невского с зашедшим солнцем[99].

Между тем в житийной повести князь Александр Ярославич назван не просто «зашедшим солнцем», а с «солнцем земли Суздальской». Близкую параллель к такому сравнению находим в плаче Роксаны, вдовы Александра Македонского, по умершем муже. Этот эпизод содержится в более поздней по времени т.н. Сербской Александрии, известной в русской письменности с XV в.[100]

---

[97] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 610, 920.

[98] См.: *Лихачев Д.С.* Указ. соч. С 260-266. О том, что летописный панегирик Мстиславу Ростиславичу также опирался на «Александрию», см. подробнее: *Вилкул Т.Л.* Летопись и хронограф. Текстология домонгольского киевского летописания. М., 2019. С. 270-271; *Стависский В.И.* Киевская летопись и Хронограф // Ruthenica. Т. XV. Киев, 2019. С. 254.

[99] Важно, что этот фрагмент читается как в первой, так и во второй (по В.М. Истрину) хронографических редакциях «Александрий», что свидетельствует о древности указанных чтений. См.: *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 103, 105, 240, 242 (второй пагинации). См.: *Вилкул Т.Л.* Мстислав Храбрый... С. 14. Ср.: *Горский А.А.* Князья и княгини Русского Средневековья. Исторические последствия малоизвестных событий. М., 2024. С. 25

[100] *Ботвинник Н.М.* «Роман об Александре». Рукописная традиция и история изучения текста // Византинороссика. Т. 2. СПб., 2003. С. 66.

Житие Александра Невского	**Сербская Александрия**
Митрополит же Кирилъ глаголаше: «Чада моя, разумѣйте, яко уже *заиде солнце земли Суздальской!*» Иерѣи и диакони, черноризци, нищии и богатии, и вси людие глаголааху: «*Уже погыбаемь!*»	«О Александре, всего света царю и *храбры* господине, премудрый во человецех, не зриши ли мене, поне в чюжей земли оставил мя еси, а *сам, яко солнце, с солнцем под землю зашел еси!* (…) Александре, всего мира царю, *Макидонское солнце, луче ми есть зде с тобою умрети,* а от тебе разлучитися не могу». И се рекши, мечь Александров взем и на нь налегши, живот свой сконча царица Роксана, умре[101].

Могло ли это повествование об Александре Македонском стать источником и для житийной повести? Напрямую, судя по всему, нет: позднее происхождение Сербской Александрии не позволяет делать подобные предположения[102]. Я.С. Лурье, опубликовавший Сербскую Александрию по самому раннему из дошедших древнерусскому списку конца XV в. (РНБ, Кир.-Бел. Х 11/1088), полагал, что «самоубийство Роксаны не упоминается ни у Псевдокаллисфена, ни в каких-либо иных сказаниях об Александре, кроме

[101] Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М., Л., 1966. С. 71.

[102] Если, конечно, не считать, что от ранней редакции житийной повести, как полагал Р. Пиккио, «до нас дошли лишь немногие фрагменты – косвенные свидетельства его существования», а сам этот текст - «результат позднейшей стилистической переработки XVI в.», в котором «как и во многих других древнерусских документах, слышится голос не одной единственной эпохи, но передаваемого из века в век предания». См.: *Пиккио Р.* История древнерусской литературы. М., 2002. С. 106.

сербской Александрии»[103]. Однако, вопреки мнению исследователя, рассказ о Роксане сохранился не только в Сербской, но и в близкой к ней, но возникшей существенно раньше т.н. среднегреческой Александрии, восходящей к той же редакции ε, к которой восходит и Сербская Александрия[104]. В среднегреческой Александрии, по сравнению с ее источником - редакцией ε, некоторые темы получили существенное развитие. Как отмечала Н.М. Ботвинник, «более важное место, чем в редакции ε, в среднегреческом Романе отводится любовной теме. Самоубийство Роксаны после смерти ее мужа Александра – одно из нововведений средневекового автора»[105]. Создание среднегреческой переработки Александрии большинство исследователей датируют XII-XIII вв.[106] В ряде вариантов среднегреческой редакции обращение Роксаны к умершему мужу читается немного иначе, чем в Сербской Александрии: «О, Александр, *царь Македонцев, солнце, лучшее из того, что у меня есть сегодня, это умереть вместе с тобой…*»[107]. Не исключено, что именно из этой версии

---

[103] *Лурье Я.С.* Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. // Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М., Л., 1966. С. 147, 255. «Македонским солнцев» назван Александр в плаче Роксаны и в сербских вариантах текста. См.: Život Alexandra Velikoga. Izdao V. Jagič, Zagreb, 1871. С. 126-127; Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности / Критички текст и расправа од Ст. Новаковића. Београд, 1878. С. 149-150.

[104] Подробнее об этом: *Ботвинник Н.М.* Указ. соч. С. 62-64.

[105] «Со значительной долей вероятности можно утверждать, что существовала еще одна, не дошедшая до нас древнегреческая редакция, восходящая к ε и послужившая общим источником для среднегреческого и славянского перевода». См. подробнее: *Ботвинник Н.М.* Указ. соч. С. 66-67.

[106] Там же. С. 63-65.

[107] «Ἀλέξανδρε, βασιλέα τῶν Μακεδόνων, ἥλιε, κάλλιον τὸ ἔχω τὴν σήμερον ἡμέραν μετὰ σένα νὰ ἀποθάνω, περὶ νὰ γενῶ γυνὴ ἀλλουνοῦ ἀνδρός• ἀμὴ οὐδὲν ἠμπορῶ ἀπὸ τὴν ἀγάπην σου νὰ χωριστῶ, αὐθέντη μου». См.: *Веселовский А.Н.* Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. 1. Греко-византийский период. СПб., 1886. С. 64 (второй пагинации). А.Н. Веселовский опубликовал текст Венской (V) рукописи XVI в. Аналогичные чтения

и мог возникнуть немного модифицированный перевод, отразившийся в Сербской Александрии: «Александре <…> *царю, македонское солнце*». По крайней мере, в одном из списков Сербской Александрии (рукопись конца XV-XVI в. из Народной библиотеки в Белграде) встречается вариант, который вполне можно считать «переходным» от среднегреческого чтения к чтению Сербской Александрии: «Алексен'дре, *македоніискыи цароу, македон'ско сльн'це*!»[108].

И, хотя «сложные и не до конца решенные вопросы датировки рукописей среднегреческой биографии Александра», а также проблемы их соотношения между собой, еще ждут своего исследования, можно предположить, что агиограф Александра Ярославича стремился подчеркнуть сходство своего героя, святого благоверного князя, с «эталоном храбрости» того времени – царем Александром Македонским. В более поздней книжной традиции эта параллель только усиливалась. Об этом свидетельствует, например, хронологический расчет, содержащийся в Псковской первой летописи, в котором Александр Ярославич, вопреки традиционному

содержатся во Флорентийской (F) 1521 г. («Ὦ Ἀλέξανδρε βασιλέα τῶν Μακεδόνων ἥλιε, κάλλιον τὸ ἔχω τὴν σήμερον ἡμέρα μετὰ σένα νὰ ἀποθάνω ὅτι οὐδὲν ἠμπορῶ ἀπὸ τὴν ἀγάπην σου νὰ χωριστῶ ἀπ᾽ ἐσέναν, αὐθέντη μου») и Итонской (E) XVI в. рукописях («Ἀλέξανδρε βασιλέα τῶν Μακεδόνων, ἥλιε, ἂν μοῦ ἔνι τὴν σήμερον ἡμέραν μετ᾽ ἐσένα νὰ ἀποθάνω, οὐδὲν ἠμπο ρῶ νὰ χωρισθῶ ἀπ᾽ ἐσένα»). См.: Recensio F: (cod. Flor. Laurentianus Ashburn 1444), Ps.-Kallisthenes. Zwei mittelgriechische Prosa-Fassungen des Alexanderromans. [Beiträge zur klassischen Philologie 150. Meisenheim am Glan: Hain, 1983], vol. 2: ed. Konstantinopulos. 128.3.1-11; Recensio E: (cod. Eton College 163). Ps.-Kallisthenes. Zwei mittelgriechische Prosa-Fassungen des Alexanderromans. [Beiträge zur klassischen Philologie 150. Meisenheim am Glan: Hain, 1983]. vol. 2: ed. Konstantinopulos. 128.3.2-9 (нумерации стихов в обеих рукописях и сам текст приводится нами по базе TLG). Пользуясь случаем, благодарю к.ф.н., с.н.с. Института языкознания РАН А.А. Евдокимову за помощь в переводе текстов. В настоящее время известны восемь рукописей прозаического среднегреческого Романа об Александре Македонском, из них изданы пять. См. подробнее: *Ботвинник Н.М.* Указ. соч. С. 63-65.

[108] Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности… С. 150.

титулованию, назван «царем»: «В лѣто 6749. Взя *князь* Александръ городокъ Копорию, а Нѣмець изби. А на другое лѣто ходилъ *князь* Александръ с муж новгородцы, и бишася на леду с Нѣмцами. От числа Руския земли до смерти *царя* Александра и до оубития князя литовского Миндовга лѣт 6…»[109]. А в Житии Александра Невского (далее – ЖАН), помещенном в Софийской первой летописи (далее – С1), князь и вовсе охарактеризован как тезоименитый царю Александру Македонскому (имени которого, разумеется, не могло быть в святцах), а также назван «подобником» храброму Ахиллесу: «О велицѣмъ князѣ нашемъ Александрѣ Ярославичи, о умномъ и о крѣпкосмысленномъ, о *храбромъ тезоименитнаго царя Александра Макидоньскаго*, подобник царю Алехвысу, крѣпкому и *храброму*»[110]. И здесь, как видим, маркирующим признаком сходства оказывалась храбрость обоих Александров. О том, что храбрость Александра Ярославича, с точки зрения его ближайших потомков, была одним из важнейших его качеств, свидетельствует и запись в статье «А се князи русьстии» Комиссионного списка Новгородской первой летописи младшего извода, в которой победитель шведов впервые был назван «Невским»: «Александръ великии, *храбрыи*, невьскыи»[111]. Поздние памятники свидетельствуют о том, что часто эти два определения - «Невский» и «храбрый» - применялись к князю Александру Ярославичу одновременно[112]. В одной из поздних редакций ЖАН автору пришлось даже уточнять, что «сей же князь *не единем храборством*

---

[109] Псковские летописи. Вып. 1. Подг. А.Н. Насонов. М., Л., 1941. С. 13

[110] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 303. Подробнее: *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Указ. соч. С. 465.

[111] ПСРЛ. Т. 3. С. 465, 468, 471. См.: *Горский А.А.* О времени появления прозвищ у князей русского Средневековья // Средневековая Русь. Вып. 14. М., 2020. С. 19. Ср. *Сиренов А.В.* О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 186; *Линд Д.Г.* Указ. соч. С.49, 53 (прим. 22).

[112] ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 89; Послания Ивана Грозного. М., Л., 1951. С. 9.

показан бысть от Бога, но и боголюбцем показася»[113], что, по мнению А.И. Рогова, свидетельствовало о том, что «определяющее значение для автора имело именно «храборство»[114].

4.1.3. «Слава Александрова»: контекст прославления

Однако разве могли храбрость, непобедимость и заступничество свыше стать достаточным основанием для прославления князя? Для ответа на этот вопрос необходимо реконструировать контекст, в котором проистекала земная жизнь Александра Ярославича и создавалась житийная повесть о нем.

Крупнейшим событием того времени, несомненно, стало нашествие Батыя на русские земли. Ранние рассказы о нем сохранились в трех русских летописных источниках – Лавр., НПЛ и Ипат. Как уже отмечалось выше, в общей сложности за период с декабря 1236-го по 1241 год (включительно) в этих летописях так или иначе поименно упомянуты 38 князей[115]. Анализ действий упомянутых в источниках правителей русских земель позволяет предположить, что около 1/3 от общего числа князей, которых мы знаем по именам, погибли и почти половина бежали от врага[116]. При этом даже о тех князьях, о гибели которых мы точно знаем из источников, невозможно сказать, что они пали героической смертью в борьбе с врагом (так, например, не выглядит героическим поведение великого князя Юрия Всеволодовича в изображении НПЛ[117] или его сыновей – в изображении той же НПЛ, а также

---

[113] *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 122 (второй пагинации).

[114] См.: *Рогов А.И.* Указ. соч. С. 36.

[115] Подробнее см. главу 1 настоящего исследования, а также: *Рудаков В.Н.* Прославление святого благоверного князя Александра Невского во второй половине XIII века: текст и контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 1 (99). С. 35-36.

[116] *Он же.* События на реке Сити (1238 г.) в контексте поведения правителей русских земель в годы нашествия Батыя // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. № 1. С. 8-15.

[117] Там же. С. 5-8.

Ипат. и Лавр.)[118]. И, если некоторых правителей русских земель того времени еще можно было бы назвать «храбрым» (например, рязанского князя Романа Ингваревича и черниговского князя Мстислава Глебовича, которые, судя по очень отрывочным летописным данным, все-таки попытались оказать сопротивление татарам под Коломной и Черниговым, соответственно)[119], то уж точно - никого из них нельзя было назвать «непобедимыми».

В этом смысле прав Н.М. Карамзин, писавший, что «во дни общих бедствий России возникла слава Александрова»[120]. Поражение, равного которому еще не было, самым серьезным образом осмысливалось и современниками, и ближайшими потомками, что нашло отражение в целом ряде древнерусских текстов. Главный тезис, выдвинутый в качестве объяснения произошедшей катастрофы, заключался в том, что Русская земля оказалась наказана за грехи, а татары лишь выступили в роли «карающего меча»[121]. В рамках этого восприятия одним из проявлений «казней Господних» стала неспособность князей и воевод защитить родную землю от врагов: нашествие изображалось как кара Господня, которой невозможно противиться, поскольку нельзя идти наперекор Божию гневу. Об этом шла речь в летописных рассказах о нашествии Батыя - «но уже бяше *Божию гнѣву не противитися*, яко речено бысть дрѣвле Исусу Наугину Богомь; егда веде я на землю обѣтованую, тогда рече: азъ послю на ня преже васъ недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепетъ. Такоже и преже сихъ *отъя господь у насъ силу, а*

---

[118] См. подробнее: *Рудаков В.Н.* Штурм столицы Суздальской Руси в 1238 г. в русском летописании второй половины XIII - XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 4 (102). С. 186-191.

[119] ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 782; Т. 3. М., 2000. С. 75. См. подробнее: *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 14-15; *Рудаков В.Н.* Память о двух битвах эпохи Батыева нашествия // Исторический вестник. Т. 45. М., 2023. С. 66-82.

[120] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. IV. М., 1992.С.17

[121] См.: *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников. 3-е изд. доп. и испр. М., 2017. С. 58-85; *Лаушкин А.В.* Русь и соседи… С. 93-112.

недоумѣние, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи в нас за грѣхы наша»[122], «и бѣ видѣти *страх и трепетъ*, яко на христьяньскѣ родѣ *страх*, и колѣбанье, и бѣда упространися»[123]. Следствием «страха и трепета» стала, в том числе, неготовность противостоять нашествию, бегство[124]. Среди тех, кто бежал, были, в том числе, сильнейшие князья того времени: Михаил Черниговский с сыном[125], Даниил Галицкий с братом и сыном[126], о бегстве правившего во Владимире великого князя Юрия Всеволодовича сообщала НПЛ[127]. Про бегство князей (и не только) перед лицом татар говорилось и в Поучениях владимирского епископа Серапиона (1270-е гг. XIII в.), который точно указывал причину такого поведения: «князии нашихъ, воеводъ *крѣпость ищезе*, храбрии наша, *страха наполъньшеся, бѣжаша*»[128]. При этом из контекста Поучений следовало, что речь шла не о страхе о перед татарами как таковыми (хотя и он, разумеется, имел место) – Серапион имел в виду страх перед карой Господней, ниспосланной во исправление человеческих грехов[129].

---

[122] ПСРЛ. Т. 3. С. 75.

[123] Там же. Т. 1. Стб. 464.

[124] Там же. Стб. 470; Т. 2. Стб. 787; *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 55 (второй пагинации).

[125] Там же. Стб. 782-784.

[126] Там же. Стб. 787.

[127] Там же. Т. 3. С. 75-76. Подробнее см. главу 3 настоящего исследования..

[128] *Петухов Е.В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. С. 8 (второй пагинации). Косвенно о бегстве паствы в годы нашествия (как о «рассеянии людей по земле») упоминается и в «Правиле» митрополита Кирилла 1274 года. См.: Правило Кюрила, митрополита роуськаго, сошедшихся епископов: Далмата новогородского, Игнатья ростовского, Феогноста переяславского, Симеона полотского, на поставление епископа Серапиона володимирского // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 86. См. подробнее: *Лаушкин А.В.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. Т. 10. М., 2002. С. 211-224.

[129] См.: *Рудаков В.Н.* Монголо-татары ... С. 86-88.

На таком историческом фоне, в «далеко не героическую эпоху, наполненную трагедиями и горечью иноземного господства»[130], в период «крайней, свинцово-мрачной безнадежности и бесцельности, когда правители как будто утратили всякие ориентиры»[131], личная храбрость и военные успехи князя Александра выглядели как исключительный случай. По подсчетам А.Н. Кирпичникова, «за свою недолгую жизнь князь Александр Ярославич, судя по письменным источникам, провел не меньше 12 битв и военных операций со шведами, немцами, Литвой и во всех добился успеха»[132]. Таким образом, если прочие русские князья терпели поражения или даже бежали от врага, то Александр шел в бой и побеждал. Если другие правители испытывали страх перед карой Господней в лице своих врагов, то Александра - самого боялись («и бысть грозенъ приездъ его, и промчеся вѣсть его и до устья Волгы. И начаша жены моавитьскыя полошати дѣти своя, ркуше: «Олександро князь едет!»[133]), и при этом Господь выступал на его стороне.

Странное, на первый взгляд, сопоставление в житийной повести благоверного князя с римским императором Веспасианом (тогда как с Александром Македонским – лишь косвенно, при помощи узнаваемых цитат, но не напрямую), вполне возможно, как раз и было призвано подчеркнуть уникальность «казуса» Александра Невского. Во-первых, в «Повести о взятии Иерусалима» про императора Веспасиана было сказано, что «*мужество его не человѣческое, но от Бога бываемо*», и эта мысль, несомненно, ложилась в логику прославления Александра Невского. А, во-вторых, указание на то, что Александр Ярославич, как и Веспасиан, «побѣжая, а не побѣдимъ», в тексте житийной повести было снабжено весьма развернутым рассказом об одном из

---

[130] *Стефанович П.С.* Пространство и идентичности в двух княжеских житиях средневековой Руси (конец XIII – начало XIV в.) // Российская история. 2024. № 4. С. 18.

[131] *Феннел Дж.* Указ. соч. С. 208.

[132] *Кирпичников А.Н.* Две великих битвы Александра Невского // «Александр Невский и история России». Материалы научно-практической конференции. Новгород, 1996. С. 29.

[133] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 192.

случаев, произошедших с римским полководцем, на первый взгляд, разрывающем ткань повествования. Однако, судя по всему, для книжника этот сюжет имел прямое отношение к характеристики великого князя: «…храборъство же его — акы царя римскаго Еуспесиана, иже бѣ плѣнилъ всю землю Иудейскую. Инѣгде исполчися къ граду Асафату приступити, и исшедше гражане, побѣдиша плъкъ его. И *остася единъ*, и възврати к граду силу ихъ, къ вратом граднымъ, и *посмѣяся дружинѣ своей, и укори я*, рекъ: «*Остависте мя единого*». *Тако же и князь Александръ — побѣжая, а не побѣдимъ*»[134]. Важно, что в этом отрывке автор житийной повести дважды обратил внимание на то, что Веспасиан остался один среди врагов («остася единъ», «остависте мя единого»), сопоставив его в этом смысле с Александром Ярославичем. Причем в тексте Иосифа Флавия не только рассказывалось о бегстве воинов Веспасиана («оставивше его, бѣжаша»), но и о том, что он сам подумывал о бегстве, но пришел к выводу, что такой шаг не достоин его («думаше бѣжати, но пакы мняше, яко нетвердо ему, ни подобно бѣгание», «подобаеть намъ мужскы терпѣти обычаи»)[135]

Таким образом, анализ ранней редакции житийной повести позволяет сделать вывод о том, что вовсе не «противостояние католической экспансии», как это часто трактуется в историографии, стало основным мотивом прославления святого благоверного князя Александра Невского. Как писал

---

[134] Там же. С. 187. Автор повести об Александре Невском перепутал два отдельных события - осаду «Асафаты» (или «Аупаты», то есть Иоапаты), где Веспасиан, согласно Иосифу Флавию, не совершал ничего из ряда вон выходящего, и штурм Гамалы, во время которого император, действительно, проявил «храборъство», о котором шла речь в житийной повести. См.: *Мансикка В.* Указ. соч. С. 27-28 (первой пагинации).

[135] Правда, из текста Иосифа Флавия, наоборот, следует, что император утешал струсивших воинов («утѣшаше я, не понося им»), которые «съгрѣшиша безумиемь <…> оставиша гѣмона своего въ устѣх брани». См.: «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Отв. ред. А. М. Молдован. Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. 1. М., 2004. С. 238.

В.Л. Комарович, автор житийной повести, составленной сразу после кончины князя, шел «навстречу одному общему чувству: безмерному изумлению современников перед героической личностью»[136]. Задача агиографа состояла в том, чтобы засвидетельствовать исключительную («остася единъ») храбрость Александра Ярославича, а также оказываемую князю помощь свыше, благодаря которой он и стал «побѣжая, а не *побѣдимъ*»[137]. Судя по всему, непобедимость князя воспринималась не просто как проявление его богоизбранности, но и как признак того, что Русская земля, несмотря на все обрушившиеся на нее беды, не на всегда лишилась Божьего заступничества, коль скоро в ней прославился своей храбростью и победами правитель, про которого можно было сказать: «*без Божия повелѣния не бѣ княжение его*»[138].

4.2. «Храбрый исполин»: князь Александр Невский в историописании XV-XVI вв.

Тема исключительной храбрости великого князя Александра Ярославича получила свое развитие и в историописании XV-XVI вв. Самой емкой характеристикой этой стороны памяти о святом благоверном князе стоит признать оценку Казанского летописца (вторая половина XVI в.[139]), в котором Александр был назван «храбрым исполином»[140]. Между тем, в рассматриваемый период восприятие князя приобретает и новые черты, что находит отражение как агиографических, так и летописных произведениях.

---

[136] *Комарович В.Л.* Повесть об Александре Невском // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1945. С. С. 56.

[137] ПЛДР. XIII век. С. 426.

[138] ПЛДР. XIII век. С. 426.

[139] Подробный разбор мнений о датировке произведения см.: *Солодкин Я.Г.* О времени создания «Казанской истории» // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 615-623.

[140] ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. Стб. 415.

4.2.1. Защитник «вся люди земли Русскыя».

Главной новацией т.н. «Особой» редакции ЖАН, созданной, по мнению исследователей, до первого десятилетия XV в.[141], и ЖАН в редакции С1, стало появление отдельного сюжета посвященного отцу святого – великому князю Ярославу Всеволодовичу. В этих источниках впервые сообщались некоторые новые обстоятельства гибели Ярослава и говорилось о его богоизбранности: «поганымъ же силу дѣющимъ над крестьяны», и князь «того ради *самъ себе не пощадѣ* и иде в Орду, въ великую пагубную землю татарьскую, и *много пострада за землю вотчины своя*, обаженъ бо бысть Феодоромъ Яруновичемъ царю. И *многы дни претерпѣвъ*, <…> преставися <…> в Ордъ нужною смертью. Яко же святое писание глаголеть: «*Да кто положить душю свою за другы своя*», *сии же великии князь положи душу свою за вся люди земли Русскыя*. И *причте его господь къ избранному своему стаду*»[142]. Важно, что вслед за приведенным отрывком в ЖАН отмечалось сходство сына с отцом: «*Тако же и сынъ его*, великии князь Александръ, *не оста пути отца своего*, посылая царю в рду *за люди своя*, яже пленени быша от безбожных татаръ, и много злата и сребра издая на плѣньникъхъ, искупая от безбожных татаръ, *избавляя ихъ от бѣдъ и напасти*»[143]. Таким образом, к главному качеству Александра Ярославича – храбрости, о котором сообщала первоначальная редакция ЖАН, добавлялось еще одно важное, с точки зрения его агиографов,

---

[141] *Охотникова В.И.* Псковская агиография XIV-XVII вв. Т. 1. СПб., 2007. С. 398-404; *Конявская Е.Л.* Александр Невский в исторических источниках // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2015. С. 214; *Духанина А.В.* Рукописная и старопечатная традиция Жития Александра Невского // Благоверный великий князь Александр Невский. Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 100. Ср.: *Лурье Я.С.* Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. С. 111.

[142] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 325-326. Ср.: *Мансикка В.* Указ. соч. С. 13 (второй пагинации).

[143] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 326; Ср.: *Мансикка В.* Указ. соч. С. 13-14 (второй пагинации).

качество князя – готовность действовать во имя «вся люди земли Русскыя»[144]. Сходство с отцом подчеркивалось и в том месте ЖАН, где говорилось об устроении Александром Суздальской земли после набега Неврюя: «по плѣнении же Неврюевъ великии князь Александръ церкви совъздвигнувъ и град людии исполни, разбѣгшияся люди собра въ домы своя». В отличие от первоначальной редакции, где вслед за этим шла цитата из пророка Исайи («О таковых бо рече Исайя пророкъ: «Князь благъ въ странах – тихъ, увѣтлтвъ, кротокъ, съмѣренъ, по образу Божию есть»[145]), в Особой редакции и редакции С1 приводилось высказывание царя Давида, напрямую подчеркивавшее сходство Александра с Ярославом Всеволодовичем: «Добръ бо рчеть о таковыхъ Давидъ пророкъ: «*Въ отець своихъ мѣсто быша сынове ихъ*», а уже затем следовала цитата из пророчества Исайи[146].

Важным добавлением к характеристике князя стало и уточнение, касающееся его заслуг: если в НПЛ в финальной части рассказа о кончине Александра говорилось, что он «потрудися за Новъгородъ и за всю Русьскую землю»[147], то в С1 эта мысль была расширена, во-первых, за счет уточнения территорий («тако прослави Богъ угодника своего, иже много тружеся за землю Рускую и за Новъгородъ, *и за всъ городы, и за Пьсковъ, и за все великое княжение*»), а, во-вторых, за счет добавления, касающегося смысла его духовного подвига («*животъ свои отдавая за правовърную въру*»)[148]. Кроме того, фраза, вложенная в уста митрополита Кирилла, которая в первоначальной редакции читалась как «Чада моя, разумѣйте, яко уже заиде солнце *земли Суздальской!*»[149], в С1 была видоизменена с целью придать

[144] См.: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 326.

[145] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 192.

[146] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 328. Ср.: *Мансикка В.* Указ. соч. С. 13 (второй пагинации).

[147] ПСРЛ. Т. 3. С. 84.

[148] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 330.

[149] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 194. В Особой редакции соответствующее место читалось так же, как и в Первоначальной. См.: *Мансикка В.* Указ. соч. С. 14 (второй пагинации).

великому князю общерусский масштаб «Чада моя милая! Разумѣите, яко заиде солнце земли *Рускои*!»[150]. Все остальные сюжеты, связанные с «ордынской» темой (о первой поездке Александра по призыву Батыя в Орду и о последней, в ходе которой он намерен был «отмолить люди от бѣдъ»), в Особой редакции и редакции С1 излагались в соответствии с Первоначальной редакцией[151].

Особый вариант рассказа об отношении ордынского правителя к Александру представлен в Комиссионном списке НПЛ (далее – НПЛ мл. изв.). В летописной статье, повествующей о поездке князя в Орду, указывалось, что «цесарь же Батый вдавъ великую *честь* и дары рускому князю Александру, и отпусти его с великою *любовию*»[152]. Тема ханской «любви» к князю была продублирована и в статье «А се князи Русьстии» НПЛ мл. изв.: «царь Батый слышавъ его мужьство, и *възлюби* его паче всѣхъ князей, и призва его к собѣ *любовно*, и первое и другое, и отпусти его с великою честью, издаривъ»[153].

Новая переработка ЖАН была сделана для составленного в 1520-х гг. официального летописного свода – Никоновской летописи[154] (далее – Ник.).

---

[150] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 329. Ф.Б. Шенк предложил для описания этой трансформации явно претендующий на публицистичность термин «Россиезация Александра Невского». См.: *Шенк Ф.Б.* Указ. соч. С. 90.

[151] Ср.: *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 192, 193; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 326, 337; *Мансикка В.* Указ. соч. С. 11-14 (второй пагинации). Те же черты сохранились и в последующей летописной традиции, опирающейся в рассказе об Александре Невском на текст С1. Подробнее см.: *Лурье Я.С.* Россия древняя и Россия новая… С. 113-118.

[152] ПСРЛ. Т. 3. С. 304.

[153] Там же. С. 467. По мнению А.В. Сиренова, в НПЛ мл. изв. имел место второй случай (после Лавр., список которой в этом месте дефектен, из-за чего текст ЖАН читается не полностью) включения в летопись ЖАН, «пусть и в сильно сокращенном виде». Подробнее см.: *Сиренов А.В.* Александр Невский в культуре России средневековья и нового времени // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2016. М., 2017. С. 370.

[154] Источниками Ник. были варианты ЖАН из Московского свода конца XV в. (далее – МС), Симеоновской (далее – Сим.), Новгородской пятой летописи и ряд других источников. Подробнее см.: *Духанина А.В*. Указ. соч. С. 109.

Есть несколько важных отличий ЖАН в редакции Ник. от предыдущих вариаций.

Первое касается рассказа о действиях младшего брата Александра Невского князя Андрея Ярославича во время похода Неврюя. В первоначальной редакции ЖАН действия князя Андрея вообще не упоминались: «По сем же (то есть, после возвращения Александра от Батыя, который его «почѣстив же и честно, отпусти и») *разгнѣвася царь Батый на брата его меншаго Андрѣя* и посла воеводу своего Неврюня повоевати землю Суждальскую»[155]. В Лавр. содержалась иная версия событий, уточняющая, что поход был направлен против Андрея, поскольку тот отказался «служити цесарям»: «Иде Олександръ князь Новгородьскыи Ярославич в Татары и отпустиша с и с чтью великою давше ему старѣишиньство во всеи братьи его. Того же лѣта здума Андръи князь Ярославич с своими бояры *бѣгати нежели цесаремъ служити и побѣже на невѣдому землю* со княгынею своею и с бояры своими», татары же погнались за ним и попутно «много зла створша»[156]. В С1 предлагалась иная, более «героическая» по отношению к младшему брату Александра Невского трактовка произошедшего, согласно которой князь Андрей Ярославич не сразу бежал от татар, а дал им сражение («наутрие же, на Боришь день, стрѣте ихъ великии князь Андрѣи съ своими полкы. И *сразишася обои полци, и бысть сѣча велика*»), по итогам которого был разбит («гнѣвомъ бо Божиимъ за умножение грѣховъ *наших погаными побѣжени быша*»), и только после этого «великыи же князь Андрѣи *едва убѣгоша*»[157]. Ник. в статье под 6760 (1252) годом давала схожую трактовку событий, согласно которой Андрей Ярославич, прежде чем бежать, дал бой татарам, однако, к этому добавлялось весьма странное указание на то, что князь «*смутися въ себъ*», после чего «глаголя: «Господи! что се есть, *доколь намъ*

[155] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 192.

[156] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

[157] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 327.

межъ собою бранитися и наводити другъ на друга Татаръ; *лутчи ми есть бѣжати въ чюжую землю, неже дружитися и служити Татаромъ*»[158]. Я.С. Лурье полагал, что это «обращение Андрея к брату» давало более благообразное объяснение роли Александра в походе татар на Андрея[159]. Однако, согласно тексту Ник., Андрей обращался не к брату, а к Господу, а, кроме того, это обращение никак не было связано с позицией Александра. Самое главное, что оно получилось довольно бессмысленным за счет соединения сразу трех идей, вложенных летописцем: во-первых, о необходимости отказаться от практики межкняжеских конфликтов, в ходе которых князья наводили друг на друга татар, во-вторых, о невозможности «дружитися» с татарами, что было вполне созвучно представлениям составителя Ник. (сравни сюжет с отказом Михаила Черниговского видеть «друга» в приехавшем под стены Киева Менгу[160]), и, в-третьих, о желании князя Андрея «бегать, нежели служить», что являлось повторением того, что было написано об этом еще в Лавр.

Второе отличие Ник. состоит в том, что в рассказе о разгроме Александром Ярославичем новгородского восстания 1257 г., направленного против татарских «численников», было указано, что князь «тако численников татарских *укроти и умири*»[161], что вряд ли соответствовало действительности, поскольку действий Александра носили прямо противоположный характер[162].

---

[158] ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 138.

[159] *Лурье Я.С.* Россия древняя и Россия новая… С. 119; *Духанина А.В.* Указ. соч. С. 109.

[160] ПСРЛ. Т. 10. С. 115-116. Подробнее см. главу 3 настоящего исследования..

[161] ПСРЛ. Т. 10. С. 142.

[162] ПСРЛ. Т. 3. С. 82. Возмущение новгородцев поддержал правивший у них сын Александра Невского Василий. Согласно НПЛ, приезд Александра с численниками в Новгород зимой 1257/58 г. «закончился изгнанием из Новгорода Василия и жестокими пытками людей, подвигших его на противодействие монголам и отцу». Подробнее см.: *Кучкин В.А.* Александр Невский – государственный деятель… С. 29.

Однако такой взгляд на поступки князя, вероятнее всего, соответствовал тому, как понимал ситуацию составитель рассказа Ник[163].

Третье отличие касается описания антиордынских восстаний, прокатившихся по русским городам в 1262 г. Если в более ранних летописных рассказах речь шла о выступлении против откупщиков дани – «бесермен»[164], то, согласно Ник., выступления были направлены уже против самих татар («того же лѣта съвѣтъ бысть *на Татарове* по всѣмъ градомъ Рускимъ»), при этом инициаторами восстания изображались не горожане, а князья («к*нязи же Русстии, согласившеся межи собою, и изгнаша Татаръ изъ градовъ своихъ*»), что подчеркивалось дважды. Результат восстания, согласно Ник., был весьма обнадеживающим – оставшиеся в живых татары даже вынуждены были перейти в христианство («*тако князи Русстии изгнаша Татаръ, а иныхъ избиша, а инии отъ нихъ крестишася во имя Отца и Сына и Святаго Духа*»)[165]. Между тем, в Сим. - источнике Ник. – восстание, направленное против «бесермен», было инициировано самими горожанами и оканчивалось менее радужно: расправой над «людьми», совершенной присланным из Орды военачальником Кутлубием. А в С1 рассказ о восстании и вовсе был включен в житийное повествование, из которого следовало, что «полкомъ (Кутлубия. – *В.Р.*), посланымъ бывшимъ поплѣнити крестьяны, и бѣ же тогда *велика нужа и от поганых, и гоняхуть люди, веляхуть со собою воиньствовати*». И именно это, согласно С1, стало причиной того, что «князь же великии Александръ хотѣ поити къ цареви в Орду, дабы *отмолилъ люди от бѣдъ*»[166].

В Лицевом летописном своде (далее – ЛЛС) получили развитие линии восприятия Александра Невского, намеченные в Ник. Так, в рассказе ЛСС тема духовного сходства князя Александра со своим отцом была уточнена за

---

[163] *Лурье Я.С.* Россия древняя и Россия новая… С. 119; *Духанина А.В*. Указ. соч. С. 109.

[164] ПСРЛ. Т. 18. С. 72.

[165] ПСРЛ. Т. 10. С. 143.

[166] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 337.

счет того, что Ярослав Всеволодович напрямую был назван «святым» («Богомудрый же великый князь Александръ разсуди, *яко святый отець* его Ярославъ, не ради о временнемъ царствии, но шедъ въ Орду, и тамо *положи животъ свой за благочестие и за вся люди своя*, и тѣмъ измени себѣ небесное царствие, и тако блаженный Александръ, *подобяся благой ревности благочестиваго си отца*, и умысли ити въ Орду избавы ради християньскыя»[167]), а сам Александр Ярославич изображен человеком, действующим с той же благой целью. Если в Ник., которая вслед за предыдущими версиями рассказа о призвании Александра к Батыю, изображала дело таким образом, что «царь» звал к себе князя, чтобы тот «поклонился» ему и за это сохранил свою власть («аще хощеши нынѣ *соблюсти землю свою*»[168]), то из ЛЛС следовало, что Александру Ярославичу предстояло действовать, прежде всего, в интересах своей «земли» - чтобы она была «невредима» и чтобы ей была «польза» от этого («аще мыслиши съблюсти землю твою *невредиму*, то потщися немедлено приити до мене, и узриши честь и славу царствиа моего, себѣ же и *земли твоей полезная приобрящеши*»[169]). При этом редактор ЛЛС подчеркивал особо, что Батый не просто с огромным уважением отнесся к князю («царь Батый, слышавъ богохранимаго великаго князя Александра *благородное мужество* и *непобѣдимую храбрость*»): особое отношение к святому благоверному князю со стороны «нечестивого царя» было связано с Божьим на то соизволением, поскольку «тако Богъ удивляя избранныа своя, *яко и нечестивымъ влагаше въ умъ, еже стыдътися и почитати ихъ*»[170].

Интересно, что составитель Ник. (а вслед за ним и ЛЛС) проигнорировал трактовку личности Александра Невского, которая присутствовала в его

[167] ПСРЛ. Т. 10. С. 134.

[168] Там же.

[169] Там же.

[170] Там же.

основном источнике – Сим., где рассказ о кончине святого оканчивался весьма неожиданным (в том смысле, что это не вытекало напрямую из ее предшествующего повествования) указания на то, что Александр Ярославич проявил свою храбрость не только в битвах вообще, но и в борьбе с татарами: «того же лѣта преставися благочестивыи и христолюбивыи великии князь Александръ, сынъ Ярославль, много *мужѣство* показавъ на ратехъ и *за христианы съ погаными Татары перемогаяся*»[171]. М.Д. Приселков относил «данный текст как неповторяющийся в других сводах» к Троицкой летописи (далее - Тр.) а, следовательно, и к «своду 1408 г.» и использовал чтение Сим. для реконструкции Тр.[172] Действительно, ни в С1, ни в МС такого чтения нет: там указано лишь, что «животъ свои отдавая за правовѣрную вѣру» (вариант - «живот свои полагая за православное христьяньство»)[173].

Т.н. «Владимирская» редакция ЖАН, вошедшая в Успенский список Великих Четьих Миней (далее – ВМЧ), в качестве своего основного источника использовала первоначальную редакцию жития[174]. В тексте отмечалось, что новая редакция была создана вскоре после общерусской канонизации святого в 1547 г. по инициативе митрополита Макария и самого царя Ивана Васильевича, которому «вложи Богъ въ сердце мысль благу, еже прославити угодника Божиа, непобѣдимаго въина, предивнаго чюдотворца»[175]. При этом

---

[171] ПСРЛ. Т. 18. С. 72. «Перемогатися» - ‘длительно, с трудом бороться, стараться одолеть’. См.: Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 14. М., 1988. Стб. 266. Как полагает М. Исоахо, «поскольку в самом рассказе летописи ничего не говорится о том, что Александр в действительности боролся с монголами, к этому времени это представление, по-видимому, прочно вошло в образ Александра». См.: *Isoaho M.* Op. cit. P. 319.

[172] *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., Л., 1950. С. 327. Не исключал этого и Я.С. Лурье. Ср.: *Лурье Я.С.* Россия древняя и Россия новая… С. 117.

[173] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 330; Т. 25. М., 2004. С. 145.

[174] *Конявская Е.Л.* Александр Невский в исторических источниках… С. 216; *Духанина А.В*. Указ. соч. С. 116.

[175] *Мансикка В.* Указ. соч. С. 16 (второй пагинации). См.: подробнее: *Духанина А.В*. Указ. соч. С. 113.

сам великий князь Александр Ярославич, вопреки реальном положению дел, оказался помещен в один ряд с равноапостольными святыми, будучи назван «вторым Константином» и «новым Владимиром, крестившим Рускую землю»[176]. Среди важных новаций этой редакции следует выделить также то обстоятельство, что именно здесь впервые было названо иноческое имя святого - Алексий[177]. Кроме того, именно здесь впервые сформулирована идея о том, что Александр и после завершения своей земной жизни продолжил заступничество от врагов, при этом те, за кого заступается святой, названы его паствой: «ниже убо по преставлении великии съи и чюдныи самодръжець оставляеть и забываеть *свою паству*, но всегда въ нощи и въ дне снабжая и *заступая отъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ*, и благая съдѣлованиа своя подая требующимъ»[178].

В качестве подтверждения этого тезиса составитель Владимирской редакции ЖАН привел одно из посмертных чудес, совершенных святым – помощь, которую тот оказал «сроднику своему великому князю Димитрию, одолѣваему сущу оть иноплѣменникъ» во время сражения на Куликовом поле в 1380 г.[179] Это означает, что под «врагами видимыми», от которых защищал святой Александр Невский, автором этой редакции понимались, прежде всего, татары. Судя по всему, для середины XVI в., когда составлялась Владимирская редакция, такое восприятие было привычным: уже в Летописной Повести о Куликовской битве, дошедшей в летописях, восходящих к т.н. «своду

---

[176] *Мансикка В.* Указ. соч. С. 16 (второй пагинации).

[177] Там же. С. 25. Подробный разбор этого имянаречения см.: *Сазонов С.В.* Монашеское имя Александра Невского и традиции монашеского имянаречения в средневековой Руси // Сообщения Ростовского музея-заповедника. Вып. VI. Ростов, 1994. С. 16-24.

[178] *Мансикка В.* Указ. соч. С. 27 (второй пагинации).

[179] Там же. В этой части Владимирская редакция ЖАН отразилась в СК: Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М., 2007. С. 533-534. Подробнее см.: *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М., СПб., 2009. С. 385.

Фотия»[180], использовались целые обороты житийного рассказа о победах Александра Невского над врагами[181]. Немало параллелей между Дмитрием Донским и Александром Невским было проведено и «Сказании о Мамаевом побоище», начиная с самых ранних редакций, составленных начале XVI в.[182], где князь Александр Ярославич упоминался трижды[183]. В полном соответствии с тезисом о том, что святой «не забывает и не оставляет» паству текст Владимирской редакции завершался молитвенным обращением к Александру Невскому о помощи «благочестивому нашему царю (то есть Ивану Васильевичу. – *В.Р.*) на съпротивныя побѣды»[184].

---

[180] *Салмина М.А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М., Л., 1966. С. 355-364; *она же.* Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 3-5; Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 11-15. Ср.: *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV в. СПб., 1994. С. 24-25.

[181] Подробнее см.: *Рогов А.И.* Указ. соч. С. 36-37.

[182] Подробнее см.: *Кучкин В.А.* Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 7-8; *он же.* Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 109-114; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2. М., 2001. С. 331–348.

[183] В диалоге князей в момент переправы через Дон («о велицей силѣ не помышляй, яко не в силѣ Богъ, нъ в правдѣ: Ярославъ, перевезеся рѣку, Святоплъка побѣди, *прадѣд твой князь великий Александръ, Неву-реку перешед, короля побѣди, а тебѣ, нарекши Бога, подобаеть то же творити*»), в молитве Дмитрий перед битвой («»Владыко Господи человѣколюбче! Молитвъ ради святых мученикъ Бориса и Глѣба помози ми, якоже Моисию на Амалика и пръвому Ярославу на Святоплъка, и *прадѣду моему великому князю Александру на хвалящегося короля римъскаго, хотящаго разорити отечьство его*») и словах князей и воевод, обращенных к великому князю после победы над Мамаем («»Радуйся, князю нашь, дрѣвний Ярославъ, *новый Александръ, побѣдитель врагом*: сиа же побѣды честь тобѣ довлѣетъ». См.: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 38, 41, 46 (Основная редакция, Основной вариант); Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 166, 173, 183 (Основная редакция, вариант Ундольского).

[184] *Мансикка В.* Указ. соч. С. 31 (второй пагинации).

4.2.2. «Бескровный мученик»: Александр Невский как Михаил Черниговский

Биографии двух князей–современников Батыева нашествия – Александра Ярославича, впоследствии получившего прозвище «Невский»[185], и Михаила Всеволодовича Черниговского – весьма несхожи. Пожалуй, единственное, что их сближает – это то, что во время нашествия они оба не принимали участия в столкновениях с татарами. Михаил Всеволодович, в момент завоевания русских земель находился в бегах,[186] а князь Александр Ярославич, будучи на княжеском столе в Новгороде, в этот период и вовсе выпал из поля зрения книжников: о его действиях до 1239 г. мы ничего не знаем. Их отношения с монгольскими властями складывались прямо противоположным образом. Михаил Черниговский в 1246 году принял мученическую смерть в Орде – согласно житию, за то, что нарушил волю Батыя, отказавшись исполнять языческие обряды[187], Александр Ярославич, наоборот, неоднократно ездил в ставку ордынского правителя, а также посещал столицу Монгольской империи Каракорум, каждый раз возвращаясь «с честью»[188]. В 1249 г. он получил в управление «Кыевъ и всю Русьскую

---

[185] Прозвище «Невский» прикрепляется к князю, вероятно, не раньше середины XV в., а впервые фиксируется в статье «А се князи русьтии» Комиссионного списка Новгородской первой летописи младшего извода в форме «Александръ великии, храбрыи, невьскыи». См.: *Горский А.А.* О времени появления прозвищ у князей русского Средневековья //Средневековая Русь. Вып. 14. М., 2020. С. 19; *Сиренов А.В.* О прозвищах древнерусских князей… С. 186.

[186] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782-784, 795. См.: *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 55, 59, 64.

[187] О реальной подоплеке казни Михаила Всеволодовича подробнее см.: Горский А.А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // *Горский А.А*. «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 141-156; *Юрченко А.Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном. Начало конфликта. СПб., 2012. С. 256-275 и др.

[188] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470-475.

землю», а в 1252 г. ордынские власти дали князю «старѣишиньство во всеи братьи его»[189]. Спустя десять с небольшим лет по дороге из очередной поездки в Орду князь Александр Ярославич умер[190]. Несмотря на различие жизненных «траекторий», посмертная судьба обоих князей оказалась сходной: Михаил Всеволодович и Александр Ярославич стали первыми святыми князьями «ордынского» периода русской истории. Их местное прославление, судя по всему, началось почти сразу после кончины[191], и никак не было связано с их поведением в годы нашествия. Общерусское прославление князей было установлено и вовсе одновременно - в самом начале правления Ивана IV в ходе церковных соборов 1547-1549 годов[192], проводимых по инициативе митрополита Макария при активной поддержке молодого царя.

Оба князя оказались рядом и в «Помяннике великих и удельных князей и княгинь», составленном по приказу царя для отправки к константинопольскому патриарху Иоасафу II. Целью было получение от предстоятеля благословенной (утвердительной) грамоты на возведение Ивана Васильевича в царское достоинство, и в этом контексте «Помянник» рассматривался правительством Ивана IV как основание для записи предков и родственников царя в патриарший синодик. Всего в начальной части «Помянника» значилось десять князей, в их отношении в документе следовало

---

[189] Там же. Стб. 472-473.

[190] Там же. Стб. 477; Т. 3. С. 83.

[191] *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго… С. 36-39; *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л., 1947. С. 283.

[192] Подробнее см.: *Мусин А.Е.* Соборы митрополита Макария 1547–1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 156; *Кузьмин А.В.* Михаил Всеволодович // Православная энциклопедия. М., 2017. Т. 45. С. 709. По мнению А.В. Сиренова, в дальнейшем, вплоть до середины XVI в., почитание Александра Невского не получило продолжения: новый этап его прославления князя исследователь связывает с его канонизацией 1547 г. Подробнее см.: *Сиренов А.В.* Александр Невский в культуре России… С. 369-371.

указание «поминати сѣхъ на молебнехъ, якожъ *богоугодиишихъ святыхъ*»: Владимир Святой, Борис и Глеб, Михаил Черниговский, Александр Невский, Феодор Ярославский и его сыновья Давыд и Константин, Михаил Ярославич Тверской и псковский князь Всеволод-Гавриил. Про остальных «сродников» царя было отмечено - «а сѣхъ поминати на понахидахъ»[193]. Показательно, что черниговский князь стоял в этом списке непосредственно перед Александром Ярославичем – первым в ряду вновь канонизированных святых правителей вслед за тремя древнерусскими князьями Владимиром, Борисом и Глебом.

Возможно, такая последовательность определялась существовавшими в тот период времени приоритетами самого царя. Предпринятая в это же время попытка сближения образов двух князей несла на себе черты тех же предпочтений: в отношении татар Михаил Всеволодович выступал в качестве своеобразного поведенческого ориентира для Александра Ярославича. В 40-50-е гг. XVI в. псковским книжником Василием (в иночестве – Варлаамом) была составлена еще одна редакция ЖАН, вошедшая в Царский список ВМЧ, созданный специально для библиотеки Ивана IV[194]. Новаторство автора этой редакции состояло, прежде всего, в том, что он предложил принципиально иное толкование отношений Александра Невского с ордынскими властями, фактически переписав сцену поездки князя к «царю Батыю» с опорой на Житие Михаила Черниговского. Как отмечала М. Исоахо, в этой версии один из ключевых элементов первоначальной редакции ЖАН («молчаливое уважение, проявляемое к восточному царю») был кардинальным образом изменен, что «повлияло на весь тон повествования» и «в конечном счете это сказалось и на образе Александра Невского»[195].

---

[193] Подробнее см.: ЧОИДР. М., 1897. Кн. 3. Смесь. С. 25-28; *Каштанов С. М.* Царский синодик 50-х годов XVI в. // Россия и греческий мир в XVI в. / Подгот. к публ. С. М. Каштанов и Л. В. Столярова. Т. 1. М., 2004. С. 398-400.

[194] *Макарий (Веретенников), архим.* Василий // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 72.

[195] *Isoaho M.* Op. cit. P. 312-313.

Христианский подвиг Михаила Всеволодовича, как известно, состоял в том, что, будучи вызванным в Орду «царем Батыем», он не поддался на «прельщения» татар, отказался поклоняться их идолам и погиб от рук «нечестивых». Князь Александр Ярославич, судя по ранним источникам, имел прямо противоположный опыт общения с татарами: помимо летописных рассказов[196], об этом сообщала и первоначальная редакция ЖАН: «видѣвъ его царь Батый, и подивися, и рече велможамъ своимъ: «Истинну ми сказасте, яко нѣсть подобна сему князя». *Почьстив же и честно*, отпусти и»[197]. Вероятно, Василий-Варлаам рассудил, что на фоне подвигов, совершенных Александром по защите своей земли от шведов и немцев, отношения князя с Батыем, нуждались в разъяснении. Как отмечал Н.И. Серебрянский, в предшествующих редакция ЖАН и летописных известиях «в этом случае кое-что осталось, может быть намеренно, недоговоренным», Василий же «разъяснил эту недоговорку»[198]. Самый главный вопрос, который неизбежно возникал при этом, состоял в том, как удалось святому князю избежать разного рода «прельщений», которым татары, согласно житию Михаила Черниговского, подвергали русских князей в Орде и без которых не давали им власть над их собственными землями? Эта тема звучала во всех без исключениях редакциях ЖМЧ, в том числе, и в Пространной Пахомиевой, которая, судя по всему, использовалась Василием-Варламом при написании текста ЖАН: «Мнози же князи съ бояры своими идяху сквози огнь онъ, и потомъ покланяхуся кусту и идоломъ *славы ради мира сего*, иное же и страха ради мучителя; и прошаху кождо себѣ власти; они же безъ воз брането дагаху имъ, еже аще требоваху, ток мо да прельстять ихъ еже отступити отъ вѣры»[199]. Известно, что из ЖМЧ тема «прельщений» перешла и в летописание:

[196] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470-475

[197] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 192. Этот же мотив был и в более поздних редакциях ЖАН.

[198] *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 215 (первой пагинации).

[199] Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Вып. 2. Дни 14-24. СПб., 1869. Стб. 1300.

достаточно упомянуть рассказ об убиении князя Романа Ольговича Рязанского, дошедший в составе Сим., но который, судя по выпискам Н.М. Карамзина, присутствовал и в недошедшей Тр.[200]. В нем так же, как и в ЖМЧ, содержалось осуждение тех правителей русских земель, кто, в отличие от князей Михаила Черниговского и Романа Рязанского, сделал выбор в пользу «славы света сего»: «О възлюбленнии князи Русскии не прелщаитеся *пустошною и прелестною славою свѣта сего*, еже хужьши паучины есть <…> сии блаженыи князь Романъ купи си страстию царство небесное и вѣнецъ приатъ отъ рукы Господня съ сродникомъ своимъ Михаиломъ»[201].

В итоге в житийной версии, составленной Василием-Варлаамом, призыв Батыя был существенно расширен за счет того, что «царь» предлагал альтернативу, негативной частью которой – в случае отказа Александра приезжать в Орду - было наказание не только его самого («якоже князю Михаилу Черниговъскому и прочимъ княземъ Рускимъ, иже противишася мнѣ и воли моей не сотвориша», уточнялось в этой редакции ЖАН, хотя, черниговский князь, как известно, не уклонялся от приезда к «царю»), но и его (то есть, Александра. – *В.Р.*) «града». Таким образом, разъяснялась цель самой поездки Александра к «царю»: согласно Василию-Варламу, он не искал в Орде «славы света сего», как это делали «мнози князи съ бояры», и не стремился обличить «прелесть» Батыя, «ею же льстить крестьяны», как это делал убиенный в ставке «царя» князь Михаил Черниговский. Цель Александра состояла в том, чтобы, прежде всего, спасти – возможно, ценой собственной жизни – свой «град». В этом смысле, его мотив получал перекличку с мотивом князя Михаила Ярославича Тверского, который фактически стоял перед тем же выбором, что и его предок («еще азъ гдѣ

[200] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 224. Прим. 136; *Приселков М.Д.* Указ. соч. С. 330.

[201] ПСРЛ. Т. 18. С. 73.

оуклонюся, а отчина моя вся в полону, избиени будутъ»[202]). Ответ Александра на предложение «безбожного царя» показывал намерение Василия-Варлама соединить в лице своего героя, с одной стороны, защитника «града» (и шире – всего народа), а, с другой стороны, святого, готового пострадать за веру: «лутче ми единому *умрети за православиую въру Христову* отъ безбожнаго царя, нежели *многимъ* кровопролитие довести *и граду* погибель»[203].

Дальнейшая часть рассказа о поездке князя Александра в Орду в редакции Василия-Варлаама была построена на основе Пространной Пахомиевой редакции Жития Михаила Черниговского[204]. Столь свободное обращение с историческим материалом в свое время дало основание В.О. Ключевскому даже упрекнуть книжника: «характеризующий древнерусского биографа недостаток чувства грани между историческим фактом и риторическим образом особенно резко выступает» именно в этом рассказе Василия[205].

ЖМЧ (Пространная Пахомиева редакция)	**ЖАН (редакция Василия-Варлаама)**
Абие разгор ѣ вся душею и пророческую ревность пріимъ: ревнуя поревновахъ, рече, по Господи Бозѣ Вседержители, гако оставиша тя сынове человѣчестии;	И *абие разгорѣвся душею и пророческую ревность приимъ, ревнуя. Поревновахъ, рече, по Господѣ Бозѣ Вседержители, яко оставиша Тя сынове человѣчестіи".*

[202] *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 140. Ср.: *Isoaho M.* Op. cit. P. 314.

[203] *Мансикка В.* Указ. соч. С. 43 (второй пагинации). Эта фраза Александра перекликается и с репликой Михаила Тверского: «лучше ми есть нынѣ положити душю свою *за многия* душа». *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском… С. 140.

[204] Подробнее см.: *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 215 (первой пагинации); *Духанина А.В*. Указ. соч. С. 121.

[205] *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 258.

течеть убо къ духовному своему настоятелю *и мысль свою являть ему:* хощу убо, рече, ити ко царю. Отвѣщавъ Іоаннъ отецъ его, тако бо бѣ имя ему, тяжко си внятъ слово и рече: *мнози бо идоша тамо, и сотвориша волю цареву, и погубиша душа своя, шедша сквозъ огнь, и поклопишася кусту и солнцю*; *ты же аще хощеши, иди с миромъ, токмо да не сотвориши, яко же они сотвориша; брашно же и питие да не внидеть въ уста твоя*: *вся бо скверна суть; сквозъ же огнь ихъ да не идеши, ниже поклонишися богомъ ихъ*: *единъ бо есть Богъ Господь нашь Іисусъ Христосъ* <…>	Течетъ *убо къ* епископу Кириллу *и мысль свою являть ему.* Епископъ же укрѣпляа его глаголя: «Чадо, *мнози идоша тамо и сотвориша волю цареву и погубиша душа своя и шедша сквозе огнь и поклонишася кусту и солнцу, ты жь, аще хощеши*, иди съ миромъ, токмо да *не сътвори, якоже они сътвориша, брашно же и питие ихъ да не внидеть во уста твоя, вся бо скверна суть, и сквозе огнь ихъ да не идеши, ниже поклогнишися богомъ ихъ, единъ бо есть Богъ Господь нашь Иисусъ Христосъ*» <…> Святыи же обеты предъ образомъ Спасовымъ полагаше епископу, глаголя: «*Аще и кровь свою пролию Христа* ради отъ безаконнаго царя, якоже и сродника моя, кусту и огню и идоломъ его не поклонюся» <…>
Дошедше же безбожнаго царя Батыя, и възвѣстиша царю о нихъ. Царь же призва волхвы своя и рече имъ: еже есть по обычаю вашему, сотворите великому князю Михаилу; и тако приведите его ко мнѣ. Волхвы же пришедше, рѣша: царь зовет тя. Онъ же поимъ с собою	*Дошедъ же* святыи *безбожнаго царя Батыя,* и вь томъ часѣ *възвѣстиша царю о* блаженцемъ князе Александре. Царь же повелѣ привести предъ ся блаженаго. *Волхвы же хотяху вести святаго* сквозе огнь, якоже обычай бяше имъ, и веляше поклонитися солнцю

боярина своего Феодора, и идяше с ними; и дошедше мѣста, идѣже бѣ огнь накладенъ по обѣ странѣ, и мнози идяху сквозь огнь, и покланяхуся солицю же и огню. Такожде *хотяху влъхвы привести и великого князя* Михаила и Феодора боярина его. *Великий же князь* Михаилъ *рече: недостойно есть христианомъ сквозѣ огнь итти, ни поклонитися твари паче Творца; но поклоняемся святей Троицы, Отцю и Сыну и Святому Духу,* иже *есть единъ* Т*ворець небу и земли*[206].	и огню. Блаженный же *князь великий* Александръ *рече* къ волъхвомъ: «*Недостоинно есть* намъ *христианомъ сквозе огнь ити, ни поклонитися твари паче Творца, но поклоняюся святей Троици, Отцу и Сыну и Святому Духу*, се *есть единъ* Богъ, *Творецъ небу и земли*»[207].

В итоге получалось, что князь Александр Ярославич и до, и во время поездки к Батыю вел себя точно также, как князь Михаил Всеволодович, что, с точки зрения Василия-Варлаама, очевидно, давало возможность положительно ответить на вопрос о том, удалось ли герою Невской битвы избежать в Орде татарских «прельщений». Однако это порождало другой вопрос – как при этом Александр Невский избежал участи своего черниговского «сродника»: иными словами, почему он, подобно Михаилу, не был казнен? Василий-Варлаам нашел весьма небанальный ответ, смысл которого заключался в том, что Батый передумал наказывать ослушавшегося его князя: «по смотрению же Божию *не повеле его царь нудити своей вере*, ни вести сквозе огнь, ни кланятися солнцу, ни кусту, ни идоломъ бездушьнымъ, но повелеваетъ святаго поставити предъ ся съ честью славы ради его.

[206] Великие Минеи Четьи… Стб. 1300-1301.

[207] *Мансикка В.И.* Указ. соч. С. 43-45 (второй пагинации).

Блаженныи же велики князь Александръ *по обычаю предста предъ нимъ и поклонися, якоже лепо бе царю почесть воздати*. Безбожныи же царь Батыи, <…> *честь въздавъ блаженному велию* и любовное показавъ и милость о святемъ и посла святаго з братомъ его Андреемъ къ Кановичемъ»[208]. В итоге, как остроумно заметил Ф.Б. Шенк, под пером автора жития Александр предстает как «бескровный мученик, не отказавшийся от своей веры под угрозой смерти», по при этом не казненный татарами[209]. Помещение этой редакции ЖАН в Царский список ВМЧ означало, что предложенное Василием-Варлаамом новое прочтение отношений Александра с Батыем получило официальное одобрение со стороны церкви в лице митрополита Макария и светской власти в лице царя Ивана Васильевича. Это дает основания предполагать, что в эпоху первого русского царя поведение князя Михаила Черниговского перед лицом татарских искушений, судя по всему, рассматривалось в качестве эталонного даже для такого «храброго исполина», как великий князь Александр Ярославич[210]. При этом сам Александр Невский занимал в представлении царя весьма почетное место. Впрочем, в Первом послании князю Андрею Курбскому, написанному в начале июля 1564 г., Иван IV, ставя Александра Ярославича в один ряд с главными фигурами династии, отмечал победные заслуги великого князя в борьбе с «безбожными немцами». Судя по всему, за победу над «безбожными агарянами» в картине мира царя

---

[208] *Мансикка В.И.* Указ. соч. С. 43-45 (второй пагинации).

[209] *Шенк Ф.Б.* Указ. соч. С. 42-43.

[210] Важно также, что текст редакции Василия-Варлаама лег в основу Проложной редакции ЖАН, составленной примерно в то же время. Составитель этой редакции существенно сократил текст Василия-Варлаама, касающийся западного направления его политики (рассказы о взятии Копорья, битве на Чудском озере, литовском походе, диспуте с послами папы римского и др.), при это оставил почти в неизмененном виде сюжет о поездке князя в Орду. В последующем Проложная редакция был включена в печатный Пролог. Подробнее см.: *Мансикка В.П.* Указ. соч. С. 165-170 (первой пагинации); *Духанина А.В.* Указ. соч. С. 127.

Ивана «отвечал» другой великий князь -- Дмитрий Иванович (Донской), что было справедливо: военных побед над татарами ни за Михаилом Черниговским, ни за Александром Невским не числилось[211].

4.2.3. Победитель всех «поганых языцей»: князь Александр Ярославич и исторические «легенды» XVI в.

Отдельная редакция ЖАН была создана для «Книги Степенной царского родословия» - крупнейшего памятника русской исторической мысли XVI века. Житие князя вошло в состав VIII степени СК, где было разделено на 13 глав, имеющих собственные заголовки. Работа над текстом, вероятно, была завершена в промежутке между августом 1560 г. и августом 1561 г., в период вдовства Ивана IV, поскольку в молитвенном обращении к святому не была упомянута царская супруга – ни первая жена Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева, ни вторая – Мария Темрюковна, с которой царь венчался через год после смерти Анастасии[212]. В основу редакции ЖАН в составе СК была положена Владимирская редакция, использовался и ряд других текстов, посвященных Александру Невскому (в частности, редакция ЖАН Василия-

[211] «Сего православия истинного Росийского царствия самодержавство Божиим изволением почен от великого царя Владимера, просветившаго всю Рускую землю святым крещением, и великого царя Владимера Мономаха, иже от грек достойнейшую честь восприемшему, и *храбраго великого государя Олександра Невскаго, иже над безбожными немцы победу показавшего*, и хвалам *достойного великого государя Дмитрея, иже за Доном над безбожными агаряны великую победу показавшаго*, даже и до мстителя неправдам, деда нашего, великаго князя Иванна, и закосненным прародителствия землям обретателя, блаженные памети отца нашего, великаго государя Василия, даже доиде и до нас, смиренных скипетродръжания Росийского царствия». См.: Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и коммент. Я. С. Лурье. Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1951. С. 9-10.

[212] Степенная книга… Т. 1. С. 535. См. подробнее: *Васенко П.Г.* Книга степенная царского родословия и её значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904. С. 216.

Варлаама, отдельные чтения С1 мл., Ник., ЛЛС, Воскресенской (далее – Воскр.) летописей[213], что позволяет исследователями делать вывод о том, что при создании редакции ЖАН для СК «были использованы едва ли не все источники о жизни святого князя, появившиеся к тому времени»[214]. Это предопределило повторение многих идей, сформулированных в более ранних редакциях произведения.

Так, среди прочего, была развита тема преемственности Александра деяниям его отца – великого князя Ярослава Всеволодовича. В частности, говорилось о выкупе им пленных из ордынской неволи («по премногу же милостивъ бысть, яко же и богохранимый отець его Ярославъ, въ всемъ послѣдуя стопамъ его, *издавая на плѣнникѣхъ много злата и сребра, посылая къ цареви Батыю въ Орду за плѣненыхъ русьскиа людиа*, иже бяху плѣнени отъ безбожныхъ татаръ, их же *искупая и избавляя отъ лютыя работы и отъ многихъ бѣдъ и напастей*»[215]). Как в ЛЛС, в СК говорилось о том, что Александр шел в Орду, как и отец, «избавы ради христианьскиа»[216]. Вслед за автором Владимирской редакции, составитель СК в главе «Чюдо о Доньскои побѣдѣ» рассказывал о помощи святого своему «сроднику» князю Дмитрию Ивановичу, сражавшемуся на Куликовом поле («не оставляетъ, ни забываетъ *свою паству*, но всегда в нощи и во дни снабдѣвая и заступая отъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ»[217]). Пожалуй, лишь в главе «О милости виноватымъ новоградцемь, и о численицѣхъ татарскихъ…» составитель СК предложил читателям оригинальную трактовку событий 1257 г., согласно которой новгородцы были «диаволимъ омраченіемъ съвѣтъ» и поэтому «съвѣщаша на

---

[213] Подробнее см.: *Мансикка В.П.* Указ. соч. С. 143-165 (первой пагинации); *Усачев А.С.* Указ. соч. С. 384-386.

[214] *Духанина А.В*. Указ. соч. С. 135. Ср.: *Конявская Е.Л.* Александр Невский в исторических источниках… С. 217.

[215] Степенная книга… Т. 1. С. 517

[216] Там же. С. 525.

[217] Там же. С. 533-534.

своего благодѣтеля (т.е. Александра. – *В.Р.*) и по Бозѣ свободителя и въсколѣбашяся яко пиани», выгнали из города его сына – князя Василия и «иного же умыслиша призвати к себѣ». Ни о каких казнях новгородской верхушки, совершенных по приказу великого князя, в СК не говорилось, наоборот, подчеркивалось, что «благосрѣдыи же Александръ показа на нихъ милость». В итоге сообщалось о том, что «нѣколико же пребысть у нихъ», Александр вернул на княжеский стол сына Василия и, «миръ давъ имъ, възвратися». Как отмечалось в СК, «весь миръ радости исполнися, злодѣиствении же человѣци омрачахуся, а диаволъ сѣтоваше, яко *не бысть кровопролитна христианомъ*»[218].

Самая обширная и самая беллетризированная[219] редакция ЖАН появилась в 1591 г. и принадлежала перу известного книжника, митрополита Ростовского и Ярославского Ионы Думина, который ранее на протяжении нескольких лет служил архимандритом владимирского Рождественского монастыря, где в то время были погребены мощи святого князя[220]. Основными источниками редакции были Похвальное слово Александру Невскому и его житие из Степенной книги. Иона распространял сообщения СК, «придерживаясь ее стиля и даже методов работы с источниками», что, по мнению А.В. Сиренова, позволяет «сказать даже, что редакция Жития Александра Невского, составленная Ионой Думиным, является идейным и стилистическим продолжением традиции Степенной книги в конце XVI в.»[221].

Наряду с распространенными повторами того, о чем уже сообщали предшествующие редакции ЖАН, житие Ионы содержит в себе и ряд новаций,

---

[218] Там же. С. 529

[219] *Конявская Е.Л.* Александр Невский в исторических источниках… С. 218.

[220] *Буланин Д.М.* Иона Думин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (Вторая половина XIV - XVI в.). Ч. 1. Л., 1988. С. 430–432; *Брюханова Е.В., Э.П.Р.* Иона (Думин) // Православная энциклопедия. Т. 25. М., 2010. С. 456-457.

[221] *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М., СПб., 2010. С. 183-185.

уточняющих образ князя в части, касающейся его взаимоотношений с ордынцами. Во-первых, это характеристика Александра как «*предоброго пастыря*», заслуга которого состояла в том, что он «яко благочестивъ строитель дому, паки церкви Божиа воздвиже и расхищеныя грады отъ поганыхъ назда», а также «собра в дома своя» людей, «распуженных» во время нахождения на Суздальскую землю Неврюя. «О таковѣмъ убо пастыри Господь глагола: “Пастырь добрый, иже душю свою полагаетъ за овца, и овца своя глашаетъ по имяни, и овца по немъ идутъ, якоже вѣдять гласъ его”, *и прочаа*»[222]. Сама форма приведенной евангельской цитаты указывает на этикетный характер ее использования в данном тексте: с одной стороны, она оказалась скомпонована из разных частей главы 10 Евангелия от Иоанна (сначала идет стих 11-ый, а за ним – 2-ой), с другой стороны, отрывок завершается расплывчатым окончанием «и прочаа», указывающим на намерение автора лишь маркировать поступок князя нужной цитатой, исходя при этом из того, что ее смысл и контекст были понятны без излишней детализации. Судя по всему, к этому времени, характеристика князя как «пастыря доброго» для своих подданных стала важной составляющей образа благочестивого князя[223]. Очевидно, составитель ЖАН стремился указать на то, что и князь Александр Ярославич вполне соответствовал существовавшим представлениями об идеальных чертах правителя Русской земли.

Во-вторых, ЖАН в редакции Ионы Думина более подробно по сравнению с Владимирской редакцией повествовало о чуде, совершенном в 1380 г., когда «*вторый Батый*, окаянный Мамай приходи со многими Агаряны на великаго князя Димитриа Ивановича Московскаго, по рекломъ Донскаго, хотя злочестивый плѣнити всю землю християньскую и святую и непорочную вѣру Христову потребити»[224]. При этом про святого Александра,

[222] *Мансикка В.П.* Указ. соч. С. 91 (второй пагинации).

[223] Подробнее см. главу 6 настоящего исследования..

[224] *Мансикка В.П.* Указ. соч. С. 103-104 (второй пагинации).

откликнувшегося на молитвенную просьбу прийти на помощь «сроднику своему, великому князю Димитрию, одолѣваему сущю отъ иноплеменникъ», говорилось, что он и «*въ жизни сей бѣяше храбръ на Агарянъ побѣдитель*»[225]. Эта мысль, судя по всему, была важна для Ионы Думина. В финальной части жития в обращении к святому князю автор пишет про него как «поборника благовѣриа и *безбожнымъ Агаряномъ храбраго побѣдителя,* и всея Русския земля християньскаго заступника»[226]. Судя по всему, Иона Думин видел в такой трактовке фигуры Александра Невского некий актуальный смысл. Неслучайно далее в обращении к благоверному князю с просьбой о заступничестве царской семье («благочестивому скипетродрьжателю дрьжавы царствиа вашего, иже отъ святаго сѣмени вашего прозябшему тезоимянитому ти сроднику боговѣнчанному и богохранимому царю и государю, великому князю Феодору Ивановичю всея Русии самодержцу и его благовѣрной царицы Ирины и ихъ благовѣрной царевнѣ Феодосии»), Иона Думин вновь затрагивает тему «агарянства», прося помощи для царя Феодора: «да дастъ же ему всесилный Богъ свыше побѣду на съпротивныхъ, возложить же руцѣ его на плещи иноплеменныхъ, *покоритъ же подъ нозѣ его вся Агарянскиа страны, да славно и грозно имя его устроитъ во всѣхъ языцѣхъ поганыхъ*»[227].

---

[225] Там же. С. 104 (второй пагинации). К рассказу о чуде, связанному с событиями 1380 г., идейно примыкает и сообщение о чуде, случившемся в 1572 г. во время нашествия «безбожнаго царя Крымскаго» Девлет-Гирея. См.: там же. С. 113-116 (второй пагинации). Оно появляется в более поздних списках текста ЖАН, будучи, как полагал В.П. Мансикка, поздним добавлением к тексту, сделанным либо самим Ионой Думиным, либо кем-то из переписчиков. См.: там же. С. 196–197 (первой пагинации). М. Исоахо полагает, что это чудо могло быть написано в связи с походом крымских татар на Москву и его успешным отражением в 1591 году и внесено в текст не позже 1594 года, которым датируется список, его содержащий. Подробнее см.: *Isoaho M.* Op. cit. P. 359–360; *Духанина А.В.* Указ. соч. С. 140.

[226] *Мансикка В.П.* Указ. соч. С. 119 (второй пагинации).

[227] Там же. С. 121 (второй пагинации).

Интересно, что никаких свидетельств того, что Александр Невский был победителем «агарян» в самом житии, составленном Ионой Думиным (да и где бы то ни было еще), не приводилось. Это может означать, что представление о его непобедимости в отношении «агарян» опиралось, скорее всего, на примеры его действий в отношении противников на западе, которые задним числом постепенно переносились и на его отношения с татарами[228]. Этому не могло не способствовать ставшее в XVI в. традиционным общее представление и о татарах, которые «чтили» великого князя, с одной стороны, и о «западниках» («немцах», «свеях», «варягах», «римлянах», «латынах», как их называли авторы поздних редакций ЖАН), с которыми сражался Александр, с другой, как «поганых», «безбожных», «богомерзких», «нечестивых», «преокаянных»[229]. Такая трактовка врагов, во-первых, создавала самому Александру ореол победителя всех «поганыя языци» (без разделения этих «языцей»), а, во-вторых, позволяла и «на будущее» рассматривать его как заступника при столкновениях с разными врагами, прося у святого «даровати побѣды на враги и одоление на поганыя», а также

[228] В дальнейшем такое восприятие получит свое развитие. Так, в подписи к созданному во второй половине XVIII в. в рамках серии изображений представителей правящих династий Рюриковичей и Романовых портрету Александра Невского, ныне хранящемуся в Оружейной палате Московского Кремля, Александру приписывалась «усмирение» хана Берке: «Александръ с(ы)нъ Ерославо(в), прозываемый Невский, великий князь Рос(с)ийский, на шве(д) при реке Неве преславную победу показа, о(т) предел Ро(с)сиски(х) храброро(д)ны(х) прогнал, о(т) куду и Невски прозваниемъ, *усмирив же и татарскаго царя Беркая*, пото(м) зело благоугодно поживъ во иноческо(м) образе пре(с)тавися в лето 1263». Подробнее см.: *Чубинская В.Г.* Произведения русских и западноевропейских живописцев XVII-XX веков. М., 2020. С. 131; *она же*. Рюриковичи и Романовы. Династическая портретная серия в "Коронном зале" Оружейной палаты. М., 2020. Ср.: в ЖАН редакции Ионы Думина речь идет о том, что Александр ехал «во Орду, къ царю Беркаю», чтобы «умолити» того, «да не будеть такова нужа християньству». *Мансикка В.П.* Указ. соч. С. 98 (второй пагинации).

[229] Там же. С. 36-42, 68-69, 77-79 и др. (второй пагинации).

молитвы «за вся благовѣрныя князи и боляре и христолюбивое воинство»[230]. Это нашло отражение и в службах святому благоверному князю, составлявшихся во второй половине XVI в. Так, в одной из них Александра просили о том, чтобы даровал «воинам соблюдение, варваром побеждение»[231], в другой – о сохранении «отечьства своего от языка чюждаго»: «враги наша устрашай, оплчающихся на христолюбивое твое воинство»[232]. При этом сам Александр именовался «отчеству пресвѣтлыи свѣтилниче и твердыи заступник», «помощникъ отечеству своему», «велий щитъ и крѣпость рускои земли»[233].

Интересно, что восприятие Александра Невского как победителя не только немцев, но и татар, несмотря на свою абсолютную вымышленность, получило продолжение и следующие эпохи. Например, в «Истории о царях и великих князьях земли русской» дьяка Феодора Грибоедова (конец 60-х гг. XVII в.), писавшего о «многих преславныхъ побѣдахъ на татаръ и на нѣмець», якобы совершенных великим князем[234]. То, что такая трактовка появилась именно в «Истории» Ф. Грибоедова, весьма показательно. Труд дьяка имел официальных характер и, скорее всего, представлял собой учебную книгу для царских детей. «История» была взята во дворец и снискала автору правительственную награду, а, значит, предложенный дьяком взгляд на прошлое правивших династий Рюриковичей и Романовых был поддержан на самом высоком уровне[235]. Впрочем, в части, касающейся периода до Ивана Грозного, в том числе, и в рассказе об Александре Невском, Ф. Грибоедов добросовестно опирался на рассказ официального источника о истории

---

[230] Там же. С. 48 (второй пагинации).

[231] РГБ. Ф. 304/I. № 624. Л. 151.

[232] РГБ. Ф. 304/I. № 619. Лл. 51-51об.

[233] Там же. Лл. 43, 51, 52об. - 53.

[234] *Грибоедов Ф.* История о царях и великих князьях Земли Русской (сообщение С. Ф. Платонова и В. В. Майкова) СПб., 1896. С. 18.

[235] Там же. С. XI-XIII.

правителей России - Степенной книги[236], в которой столь смелого обобщения ратных заслуг великого князя не имелось.

Между тем, и выдумкой самого Ф. Грибоедова эту характеристику в полной мере назвать нельзя. Судя по всему, она опиралась на сообщение, которое дошло до нас в т.н. Томском (далее – Т.) и Пискаревском (далее – П.) списках СК в 9-й главе VIII степени («О утолении мятежа и о потреблении бесерменъ и законопреступнаго Зосимы»), где шла речь о том, что «*великий князь Александръ и прочии князи Русьтии* и изгнаша бесерменъ Татаръ, а иныхъ избиша; а инии отъ нихъ крестишася во имя Отьца и Сына и Святого Духа». Как показал А.В. Сиренов, чтения списков Т. и П. отражают первоначальный вид произведения, а в тех списках, где отсутствует упоминание о роли Александра Невского («великий князь Александръ и прочии князи Русьтии…») в восстании, соответствующий текст был сокращен[237]. При этом в концовке сообщения во всех списках СК осталось указание на «благоразумный подвиг» Александра Невского («преблагий Богъ отъ таковаго бесерменьскаго безчеловѣчества свободи християнство молениемъ Пречистыя Своея Матери и *благоразумнымъ подвигомъ* угодника Своего, блаженнаго и великаго князя Александра»[238]). По мнению А.В. Сиренова, чтение «об участии Александра Невского в изгнании татар, типично для Степенной книги, поскольку связывает летописное известие с деятельностью главного героя данной грани»[239]..

СК – Т. и П.	**СК – Ч.**
Тогда же *благоволеніемъ Божіимъ и молитвами Пречистыя Его Матери и всѣхъ святыхъ безбожьнии Татарове и бесермени*	Тогда же и бесермени изгнани быша отъ многихъ градовъ: из Ростова, и из

[236] Там же. С. XIII; *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. С. 40-42.

[237] Подробнее см.: *Сиренов А.В.* Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 198-200.

[238] Степенная книга… Т. 1. С. 530-531. Ср.: ПСРЛ. Т. 21. Первая половина. СПб., 1908. С. 291.

[239] *Сиренов А.В.* Степенная книга: история текста… С. 199.

<…> изгнани быша отъ многихъ градовъ: изъ Ростова и изъ Владимера и изъ Сужьдаля и изъ Ярославля и изъ Переяславля. Инии же и избиени быша, понеже отъ нихъ велика пагуба християномъ содѣвашеся: откупаху бо у Татаръ дани и отъ того мнози души християнстии въ рѣзехъ въ работу во многия страны разведени быша. *И того ради тогда великий князь Александръ и прочии князи Русьтии и изгнаша бесерменень Татаръ, а иныхъ избиша; а иніи отъ нихъ крестишася во имя Отьца и Сына и Святого Духа.* <…> Тако Преблагий Богъ отъ таковаго бесерменьскаго безчеловѣчества свободи християнство моленемъ Пречистыя Своея Матери *и благоразумнымъ подвигомъ угодника Своего, блаженнаго и великаго князя Александра*»[240].	Владимиря, и изъ Суждали, и изъ Ярославля, и ис Переславля. Инии же избиени бышя, понеже отъ нихъ велика пагуба христианомъ съдѣвашеся, откупаху боа у татаръ дани и отъ того мнози души христианьстии в работу и в рѣзѣхъ разведени бышя <…> Тако преблагии Богъ отъ таковаго бесерменьскаго безчеловѣчества свободи христианьство молениемъ Пречистыя Своея Матере *и благоразумнымъ подвигомъ угодника Своего блаженнаго и великаго князя Александра*»[241].

В свою очередь сообщение СК об антитатарских выступлениях в русских городах стало переосмыслением соответствующих мест ее источников – Воскр. и Ник.[242]. В частности, об участии русских князей в восстаниях сообщала Ник., в которую это известие, как установил Б.М. Клосс, попало из Хронографа 1516-1522 гг., а тот в свою очередь использовал

[240] ПСРЛ. Т. 21. Первая половина. С. 291.

[241] Степенная книга… Т. 1. С. 530-531.

[242] *Усачев А.С.* Указ. соч. С. 385.

семейное предание Пафнутия Боровского, которое отразилось также и в Волоколамском патерике[243]. В Воскр. речь об участии в восстании князей не шла, в Ник. князья упоминались в общем плане, особая роль Александра Ярославича там не подчеркивалась.

Воскр.	**Ник.**	**СК – Т. и П.**
«избави Богъ отъ лютаго томлениа бесрьменьскаго люди Ростовскиа земля молитвами святыа Богородица, и вложи ярость христианомъ во сердце, не можаху бо уже тръпѣти насилиа поганыхъ, и созвонивше вѣче, а *выгнаша ихъ изъ градовъ изъ Ростова, изъ Володимеря, изъ Суждаля, изъ Ярославля, изъ Переяславля; окупаху бо тии оканніи бесрьмена дани у Татаръ, и отъ того*	Князи же Русстии, согласившеся межи собою, и изгнаша Татаръ изъ градовъ своихъ; бѣ бо отъ нихъ насиліе, *откупаху бо богатыя у Татаръ дани*	Тогда же благоволениемъ Божиимъ и молитвами Пречистыя Его Матери и всѣхъ святыхъ безбожьнии Татарове и бесермени <…> *изгнани быша отъ многихъ градовъ: изъ Ростова и изъ Владимера и изъ Сужьдаля и изъ Ярославля и изъ Переяславля.* Инии же и избиени быша, понеже отъ нихъ *велика пагуба християномъ содѣвашеся*: *откупаху бо у Татаръ дани и отъ того мнози души христіянстии въ рѣзехъ*

[243] *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. М., 1980. С. 176; *он же.* Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV- первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VI. Л., 1974. С. 120-121. См.: Волоколамский патерик // Богословские труды. Сб. 10. М, 1973. С. 178.

пагубу велику творяху людемъ, работяще люди христианьскиа въ рѣзъхъ, и многи души разведени быша; человѣколюбець же Богъ нашь милосердиемь своимъ избави люди своя отъ великия бѣды»[244].	и корыстоваахуся сами, и мнози люди убозии въ ростѣхъ работаху. И тако князи Русстии изгнаша Татаръ, а иныхъ избиша, а иніи отъ нихъ крестишася во имя Отца и Сына и Святаго Духа.[245].	*въ работу во многия страны разведени быша.* И того ради тогда великий князь Александръ и прочии князи Русьтии и изгнаша бесерменъ Татаръ, а иныхъ избиша; а инии отъ нихъ крестишася во имя Отьца и Сына и Святого Духа.[246].

Достоверность тех уникальных фрагментов Ник., которые касались событий, отдаленных от составителей летописи несколькими столетиями, давно ставится под сомнение, что требует большой осторожности при обращении к соответствующим рассказам[247]. Составитель Ник. «свободно обращался» со своими источниками, в результате чего «текст источников иногда значительно изменялся, переосмыслялся»[248]. Судя по всему, в данном случае речь может идти о сообщении, которое «не подтверждается всем комплексом сохранившихся исторических источников того времени и

[244] ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 163.

[245] ПСРЛ. Т. 10. С. 143.

[246] ПСРЛ. Т. 21. Первая половина. С. 291.

[247] *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР. Вып. 1. М., 1962. С. 255; *Горский А.А.* «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о разорении Рязани Батыем», Никоновская летопись: о начале русской исторической беллетристики // Исторический вестник. 2023. Т. 45. С. 168-171.

[248] *Клосс Б.М.* Никоновский свод… С. 188-189.

являются домыслом»[249] или, если формулировать более корректно – позднейшей интерпретацией событий. Но, судя по всему, представления о том, что князь Александр имел какое-то отношение к противостоянию с татарами к этому времени уже существовало: по крайней мере, в легенде о некоем богатыре-язычнике Богае, дошедшей в Устюжском летописце начала XVI в. под 6770 (1262) г. и отразившейся во всех связанных с ней редакциях устюжской летописи, сообщалось о «посечении на бусорман по всем градом руским», которое в Устюге произошло после того, как «*прииде на Устюг грамота от великого князя Александра Ярославича, что тотар побивати*»[250].

Все это означает, что Федор Грибоедов, создавая рассказ об Александре Невском, опирался на целый комплекс бытовавших на тот момент представлений о князе, отразившихся в летописании предшествующей эпохи. Согласно этим представлениям, нашедшем отражение в СК, а также в устюжской летописи, великий князь Александр Ярославич то ли сам (вместе с другими русскими князьями) побил татар, то ли лишь разослал по местам соответствующие распоряжения («грамоты, что тотар побивати»). Такие действия СК называла «благоразумнымъ *подвигомъ*» князя, что в совокупности давало основания дьяку, работавшему над сводной историей страны, суммируя заслуги Александра, сообщать о его «многих преславныхъ побѣдахъ на татаръ и на нѣмець». Это вполне соотносилось с общим подходом Федора Грибоедова, который в свою «Историю», по меткому выражению П.Н.

---

[249] *Свердлов М.Б.* Александр Невский в летописных сводах XIII-первой половины XVI в.: от реальности к символу и мифу // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25--27 мая 2021 г., Москва, Россия). М., 2021. С. 229-300.

[250] ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 30. Ср.: там же. С. 70, 104, 110, 129. Подробнее см.: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV-XV вв. Л., 1976. С. 190-201; *Конявская Е.Л.* Антиордынские акции Руси второй половины XIII – первой трети XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2 (64). С. 29-30.

Милюкова, «включил все государственные легенды XVI в.»[251]. В связи с этим стоит согласиться с мнением Б. Ф. Шенка, писавшего о «семантической открытости»[252] образа Александра Невского в историописании XVI в.. В этом образе сочетались, с одной стороны, традиционные, отмеченные еще в ранних текстах об Александре, черты великого князя (человека, которого «чтили» в Орде и который поддерживал с ханами отношения зависимости, продиктованные трудными для русских земель обстоятельствами 40-60-х гг. XIII в.), а, с другой стороны, новые аспекты памяти о нем. Последние включали в себя представления о том, что великий князь готов был обличать языческий культ завоевателей и жертвовать собой, подобно святому Михаилу Черниговскому, призывать к противостоянию с татарами и даже лично (причем успешно!) в нем участвовать.

*** *** ***

Решение поставленных в четвертой главе задач позволяет сделать следующие выводы.

Анализ ранней редакции повести «о житии и о храбрости» Александра Невского позволил установить причины раннего церковного прославления князя. Вовсе не борьба «с латинством и Западом», как это часто трактуется в историографии, была главным мотивом прославления князя Александра Невского. Важнейшим основанием для его прославления являлась исключительная – особенно заметная на фоне поведения других правителей русских земель - храбрость Александра Ярославича, а также оказываемая князю помощь свыше, благодаря которой он и стал «побѣжая, а не побѣдимъ». Таким образом, Александр Невский оказался единственным из правителей русских земель периода Батыева нашествия, кто был прославлен за храбрость – качество, которого в то время многие были лишены. Одновременно

[251] *Милюков П.Н.* Очерки истории исторической науки. М., 2002. С. 334.

[252] *Шенк Ф.Б.* Указ. соч. С. 107-108.

непобедимость князя воспринималась не просто как проявление его богоизбранности, но и как признак того, что Русская земля, несмотря на все обрушившиеся на нее беды, не на всегда лишилась Божьего заступничества. При этом ни поведение князя в период самого нашествия, ни его последующая политика в отношении Орды не рассматривались в качестве препятствий для подобного к нему отношения.

В последующем память о святом благоверном князе активно развивалась, в разные исторические эпохи образ Александра Невского уточнялся, дополнялся новыми смыслами и оттенками, которые соответствовали менявшимся духовным запросам, идеологическим установкам русского общества и геополитическим представлениям власти. Указанная эволюция представлений нашла отражение в летописании и произведениях агиографии XV-XVI вв., особенно, в той их части, которая была связана с восприятием книжниками отношений Александра Невского с татарами. В книжности XV в. к главному качеству Александра Ярославича – храбрости, о котором повествовала первоначальная редакция ЖАН, добавлялось еще одно важное, с точки зрения его агиографов, качество – готовность действовать во имя «вся люди земли Русскыя», сближавшее образ князя-воина с формировавшимися в тот период образами князей, принявших мученическую смерть в Орде, и, прежде всего, образом его отца – великого князя Ярослава Всеволодовича[253].

В дальнейшем имели место как минимум две линии развития образа святого князя Александра Ярославича. Одна из них делала упор на военной составляющей: в рамках такого прочтения Александр Ярославич наделялся чертами правителя, оказывавшего активное сопротивление татарам. Судя по всему, представление о его непобедимости в отношении «агарян», опиралось на примеры успешных военных действий князя на западных рубежах Руси. Задним числом такое восприятие переносились и на его отношения с татарами,

[253] Подробнее см. 5 и 6 главы.

создавая Александру ореол победителя всех «поганыя языци» без их разделения на «немцев», «свеев», «варягов», «римлян», «латын» и «татар». В этом же контексте следует оценивать представления о нем как об организаторе антиордынских выступлений, отразившиеся в более поздних источниках XVII в. В рамках другой линии восприятия Александра Невского основное внимание было уделено его позиционированию как праведного правителя («пастыря»), совершившего духовный подвиг по имя своих подданных («паствы»), Русской земли и православной веры. В соответствии с одной из трактовок, ради этого он готов был - вслед за Михаилом Черниговским – даже повторить подвиг мученичества. Согласно агиографическим рассказам о князе, и после своей кончины он продолжал помогать «людям своим», «заступая отъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ». Такое воспритие позволяло и «на будущее» рассматривать Александра Ярославича как заступника, прося у святого «даровати побѣды на враги и одоление на поганыя» и молится «за вся благовѣрныя князи и боляре и христолюбивое воинство». В итоге сформировался образ Александра Невского и как непобедимого воина, и как «предоброго пастыря» - «храбраго побѣдителя» не только над «безбожной латыной», но и – вопреки исторической действительности - над «безбожнымъ агаряны». Это восприятие легло в основу набиравшего распространение культа Александра Невского как «всея Русския земля християньского заступника», готового в любой момент встать на защиту Отечества от врагов.

ГЛАВА 5.

Механизмы формирования княжеской репутации: «друг дьявола» и отец святого в исторической памяти второй половины XIII-XVI в.

Биографии большинства правителей средневековой Руси, как правило, реконструируются на основе фрагментарных свидетельств источников. Это касается не только второстепенных персонажей, но и крупных фигур своего времени – участников важных исторических событий, родоначальников династий. К числу деятелей, значительная часть биографии которого во многом скрыта от исследователей, относится и великий князь Ярослав Всеволодович (1190–1246)[1], ставший в 1243 г. волей Батыя «старейшим» среди правителей русских земель[2]. Прежде всего это касается сведений о действиях Ярослава, относящихся к последнему десятилетию его жизни[3]. За этот период информация о князе особенно лапидарна и противоречива, а в отдельных случаях передана со ссылкой на третьих лиц[4]. Явная

---

[1] *Кучкин В.А.* Ярослав Всеволодович // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедии. М., 2014. С. 922.

[2] ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 470. Как отмечал А.В. Экземплярский, «летописи вообще скупы на похвалу этому князю» (*Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. С. 18, примеч. 40).

[3] Подробнее см.: *Горский А.А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Русскыя земли» (к 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. Л., 1990. С. 30–32; *Рудаков В.Н.* Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича на Каменец (1239 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3(89). С. 15–31.

[4] Так, по сообщению Ипатьевской летописи (далее - Ипат.), в которой излагались слова «Ярославля человѣка» Сангора (Сънъгура), будучи в Орде, Ярослав Всеволодович по воле Батыя совершал языческие обряды, в частности, поклонялся «кусту». (ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 807. Подробнее см.: *Горский А.А.* Свидетели путешествия Плано Карпини: уникальная информация и ошибки прочтения // *Горский А.А.* «Бещисленыя рати и великия труды…». Проблемы русской истории X–XV вв. СПб., 2018. С. 177). Другой пример связан с посланием папы римского Иннокентия IV сыну Ярослава Всеволодовича князю Александру Ярославичу от 23 января 1248 г., где понтифик со ссылкой на своего посла

недостаточность сведений о деятельности великого князя дала основания Дж. Феннелу предположить, что последние годы правления Ярослава «были отмечены нехарактерной для него бездеятельностью, можно сказать, пассивностью с его стороны»[5]. Однако вряд ли дело обстояло именно так: «бездеятельный» и «пассивный» князь за это время дважды съездил в ставку Батыя в низовьях Волги (в 1243 и 1245 гг.), побывал в Монголии на интронизации великого хана Гуюка, проходившей невдалеке от Каракорума (1246 г.)[6], а до этого, судя по всему, успел в третий раз жениться[7]. Во время поездки в ставку великого хана в сентябре 1246 г. Ярослав Всеволодович умер[8].

В Орде окончил свой земной путь и его внучатый племенник князь Борис Василькович Ростовский (1231-1277 гг.). Будучи семилетним, он и его младший брат Глеб (1237-1278 гг.) были среди тех правителей Суздальской

Иоанна де Плано Карпини сообщал о переходе Ярослава в католичество (*Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 262–264. Подробнее см.: *Майоров А.В., Веселов Ф.Н.* «Благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви»: латинские источники по последних днях великого князя Ярослава Всеволодовича // Российская история. 2025. № 1. С. 3-14). Другие источники ни ту, ни другую информацию не подтверждают, более того, в отчёте самого Плано Карпини, тщательно фиксировавшего всё увиденное или услышанное, речь о смене князем вероисповедания не шла.

[5] *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 140.

[6] В общей сложности Ярослав Всеволодович из восьми лет, проведённых на владимирском великокняжеском столе, два года находился в поездках к монголам (*Селезнёв Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013. С. 175, 414).

[7] *Горский А.А.* Наследование великого княжения в середине XIIIв., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31–37. Ср.: *Isoaho M.* Polovtsy contacts in the house of Vladimir-Suzdalia – John of Plano Carpini's Account of Prince Yaroslav Vsevolodovich's retinue in 1246 // ROSSICA ANTIQUA. 2014. № 2. С. 63.

[8] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; Т. 2. М., 1998. Стб. 808.

земли, кто, по выражению составителя рассказа Лавр., спасся от нашествия «как Давид от Саула» - иными словами, бежали в безопасные места. Борис, также как Ярослав Всеволодович, неоднократно бывал «в татарах». Свою первую поездку в Орду ростовский князь совершил в 1244 г. в возрасте тринадцати лет (через шесть лет после гибели на р. Сити отца – князя Василька Константиновича). А в последнюю, восьмую по счету, Борис отправился в 1277 г.: во время этой поездки князь «разболеся въ Орде, тамо и преставися»[9].

При всех очевидных различиях между Ярославом Всеволодовичем и Борисом Васильковичем (возраст и связанный с этим поколенческий разрыв, политический статус, место и значение в системе русско-ордынских отношений и др.), сходства не ограничиваются лишь фактом кончины «в татарах»[10]. Схожими также оказались механизмы формирования посмертной памяти о них, в основе которой лежала явная беллетризация повествований, изначально крайне лапидарных и малоинформативных. И хотя память о Ярославе Всеволодовиче формировалась со знаком «плюс», а о Борисе Васильковиче – со знаком «минус», и в том, и в другом случаях имел место общий подход – книжники привносили собственные нюансы восприятия князей под воздействием литературно-художественных канонов изображения или исходя из меняющегося в обществе отношения к их поступкам.

Задача пятой главы состоит в том, чтобы установить этапы эволюции памяти о князьях Борисе Васильковиче и Ярославе Всеволодовиче, реконструировав механизмы формирования княжеской репутации в условиях отсутствия необходимой для этого информации.

5.1. «Друг дьявола»: ретроспективный компромат на ростовского князя Бориса Васильковича

[9] ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 75.

[10] Строго говоря, места смерти обоих различны: Ярослав Всеволодович умер недалеко от Каракорума, Борис Василькович – в районе Сарай-Бату.

«Отъ уности своея, по нахождении поганыхъ Татаръ и по пленении отъ нихъ Русскыа земля, нача служити имъ и многи христианы, обидимыа отъ нихъ, избави»[11]. Посмертную характеристику, данную летописцем почившему белозерскому князю Глебу Васильковичу, вполне можно было адресовать и его родному брату ростовскому князю Борису Васильковичу. Про него также можно было сказать, что он с юности начал служить «поганым татарам». Несмотря на гибель от рук завоевателей ближайших родственников – и отца, князя Василька Константиновича Ростовского, и деда по материнской линии - Михаила Всеволодовича Черниговского, Борис Василькович на протяжении всей своей жизни выстраивал весьма конструктивные отношения с завоевателями, неоднократно ездил в Орду и возвращался оттуда «с честью». Однако источники не сохранили панегирик князю Борису Ростовскому: в русском средневековом историописании ему была уготована несколько иная судьба. Память о нем самым непосредственным образом оказалась связана с исторической памятью о его деде Михаиле Черниговском, свидетелем мученической кончины которого был на тот момент 15-летний ростовский князь.

5.1.1. «Господине, створи волю цареву!».

Первый этап формирования памяти о князе Борисе Васильковиче относится ко второй половине XIII в. Он связан с одним из ранних упоминаний о пребывании в Орде черниговского князя Михаила Всеволодовича, а также самого князя Бориса, в Лаврентьевской летописи (далее - Лавр.), которая в этом месте, скорее всего, передавала недошедший до нас ростовский источник[12]. Под 1246 (6755) годом в Лавр. сообщала, что «Михайло княз

[11] ПСРЛ. Т. 18. С. 76.

[12] *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 282. Ср.: *Насонов А.Н.* История русского летописания XI - начала XVIII вв. М., 1969. С. 193-198; *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII –

Черниговьскыи со внукомъ своимъ Борисом поѣхаша в Татары и бывшим имъ в станѣх». Как отмечала летопись, «посла Батый к Михаилу князю, веля ему поклонитися огневи и болваномъ ихъ, Михаило же князь не повинуся велѣнью ихъ, но укори и и глухыя его кумиры и тако безъ милости от нечестивыхъ заколенъ быс и конець житью приять. Батый же князя Бориса отпусти къ Сартаку сыну своему. Сартак же почтивъ князя Бориса, отпусти я в своя си»[13]. Каких-либо иных подробностей пребывания князя в Орде весьма лаконичная в этой части Лавр. не сообщала.

В Новгородской первой летописи старшего извода (далее – НПЛ) сведений о гибели великого князя Михаила нет. Ипатьевская (далее - Ипат.), рассказывая о судьбе Михаила Всеволодовича, в отличие от Лавр., не упоминала Бориса Васильковича в качестве спутника казненного в Орде черниговского князя[14]. В краткой, по терминологии Н.И. Серебрянского, «ростовской» редакции (далее – Р.) Жития Михаила Черниговского (далее – ЖМЧ), как и в Ипат., также не содержалось упоминаний о том, что вместе с Михаилом и боярином его Феодором в Орде находился и ростовский князь Борис Василькович. В ней лишь говорилось о том, что спустя годы Борис вместе с братом Глебом и матерью Марией (дочерью Михаила Всеволодовича) воздвигли церковь «во имя» черниговского князя, положив тем самым, начало его почитания в качестве святого, а в конце текста содержалось обращение к святому Михаилу помолиться «за внука своя Бориса и Глѣба» и «мирно державу царствия ихъ управити на многа лѣта и от нужа сея поганых избавити я»[15]. Судя по всему, «ростовская» редакция была составлена на родине Бориса

первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. Сб. научных трудов. Вып. 1. М., 1990. С. 32.

[13] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

[14] Там же. Т. 2. Стб. 795.

[15] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 51 (второй пагинации).

Васильковича еще при его жизни – в 60-70-е гг. XIII в.[16], что и объясняет двукратное упоминание ростовского князя на относительно небольшом пространстве житийного текста.

В «Истории монголов» Иоанн дель Плано Карпини Борис Ростовский также не упоминался. Правда, в ней сообщалось об участии в событиях, связанных с казнью Михаила Черниговского, другого русского князя, которого Плано Карпини назвал «сыном Ярослава» («Михаила, который был одним из великих князей Руси, когда он явился предаться власти Батыя, заставили вместе со слугами пройти между двух огней. А после этого ему сказали поклониться в сторону юга Чингисхану. И когда он ответил, что Батыю и его слугам он поклонится охотно, но изображению мертвого человека не поклонится, так как это не позволено делать христианам, то они многократно ему повторяли, чтоб поклонился, но он все равно отказывался, тогда вышеуказанный вождь *передал ему через сына Ярослава*, что он будет убит, если не поклонится. Тот же ответил, что предпочитает умереть, чем сделать недозволенное»[17]). Под «сыном Ярослава» исследователи обычно имеют в виду Константина Ярославича (сына великого князя Ярослава Всеволодовича), который, возможно, мог быть в это время в ставке Батыя[18]. Однако сходство с ситуацией, описанной в русских источниках, согласно которым в последние часы жизни Михаила Черниговского вместе с ним был его внук, позволяют предполагать и иную трактовку. Плано Карпини, который в этот момент не находился в ставке Батыя и передавал с чужих уст информацию о смерти великого князя, вполне мог перепутать имена князей, и, в действительности, речь могла идти не о «сыне Ярослава», а о внуке самого

---

[16] *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго… С. 27; *Лаушкин А.В.* К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 5-14.

[17] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. Текст, перевод, комментарии / Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М., 2022. С. 135.

[18] Подробнее см.: там же. С. 215 (коммент. 6 к гл. III).

Михаила[19]. Тем более, что факт уговоров Михаила Черниговского князем Борисом Ростовским, равно как и отказ святого подчиниться требованиям татар, подтверждается текстом пространных проложных редакций ЖМЧ.

Именно в них впервые и появляется рассказ о поведении князя Бориса Ростовского в ставке Батыя. С его созданием связан второй этап формирования памяти о Борисе Васильковиче. Появление протографа пространных проложных редакций (с именем «отца Андрея» и «распространение редакции отца Андрея», далее – ред. А и ред. РА, соответственно) следует относить ко второй половине XIII – началу XIV в., но не позже 1313 г. – времени, которым датируется один из ранних списков[20]. ЖМЧ в версии РА попадает в Софийскую первую летопись (далее - С1)[21]. Особенностью этих редакций являлось то, что них несколько иначе трактовались обстоятельства появления Михаила Всеволодовича в Орде. Так, в отличие от ред. Р., в ред. А и РА сообщалось, что Михаил поехал в Орду не по зову Батыя, а по собственной воле, и не за властью, коей татары прельщали русских князей, а, наоборот, чтобы обличить «прельщения поганых»[22]. Кроме того, в пространных редакциях в полном соответствии с сообщением Лавр. говорилось о том, что внук Михаила Черниговского – Борис Василькович сопровождал деда в этой поездке. При этом добавлялась информация, согласно которой ростовский князь уговаривал святого выполнить волю «царя»: *«глаголя ему внук его Борис князь ростовский с плачем многим: «Господине-отче, поклонися!»* Так же и *бояре* глаголаху*: «все за тебя примем епитемью со всею властью своею».* Однако Михаил Черниговский предпочел

---

[19] *Милютенко Н.И.* Сказания о Михаиле Черниговском // ТОДРЛ. СПб., 2016. Т. 64. С. 187.

[20] Подробнее об отношениях краткой «ростовской» и пространных редакций см.: *Лаушкин А.В.* Указ. соч. С. 15-18. См.: *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. 114-119 (первой пагинации).

[21] *Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей в Орде // *Горский А.А.* «Бещисленыя рати и великия труды…». Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 148.

[22] *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 55-56 (второй пагинации).

мученическую смерть: «Тогда глаголя имъ Михаилъ: не хощю токмо именемь христианинъ зватиися, а дѣла поганых творити»[23].

При этом из текста ред. А следовало, что помимо Бориса, Михаила Всеволодовича уговаривали некие «бояре», под которыми, по логике вещей, скорее всего, должны были подразумеваться бояре черниговского князя (можно предположить, что именно вызванный к Батыю Михаил ездил в Орду со свитой, а не его 15-летний внук). Такое прочтение не исключает и текст ред. РА, где выражение «бояре его» может быть отнесено и к боярам Михаила, и к боярам Бориса («И рече ему Елдега: «Михаиле, въдомо буди: м(е)ртвъ еси». Велики же князь Михаилъ отвъща къ нему: «Азъ того и хощу, еже за Х(ри)с(т)а пострадати, за правовърную въру кровь свою прольяти». Тогда г(лаго)ля *ему* Борисъ, князь ростовьскыи съ плачемъ многымъ: «Г(о)с(поди)не отче, створи волю ц(а)реву!». Такоже и *бояре его* г(лаго)люща: «Всъ за тя опитемью, княже, приимемъ съ всею властью»[24]). Рассказ о близких родственниках и/или людях, входящих в ближайшее окружение самого князя (например, в его дружину), отговаривающих будущего святого от мученической гибели – распространенный агиографический прием, призванный вовсе не обличить тех, кто уговаривал, а возвысить того, кто этим уговорам не поддался. Яркий пример можно найти в Повести о Михаиле Тверском: в ней родные и близкие святого упрашивали его не откликаться на призыв хана ехать в Орду, предлагая послать вместо себя кого-то из его сыновей. Согласно житийной повести, князь Михаил Ярославич отказался от такого предложения, поскольку, по его словам, это привело бы к тяжким последствиям для его «отчины»: «Видите, чада, яко царь не требует вас, детей моих, ни иного кого, но моеи головы хочет. Еще азъ гдѣ оуклонюся, а *отчина моя вся в полону,*

[23]Там же. С. 57. (второй пагинации). Очевидно, что Михаил и его «соблазнители» говорят как будто на разных языках: для него поклонение идолам равносильно измене христианству, для них же – это всего лишь грех, наказанием за которые служит наложение епитимьи.

[24] *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 66 (второй пагинации).

избиени будутъ. А после того оумрети ми же есть, то лучше ми есть нынѣ положити душю свою *за многия душа*»[25]. Однако составитель С1[26] окончательно решил вопрос о принадлежности бояр в пользу Бориса, отбросив возможные разночтения по поводу круга лиц, участвовавших в уговорах великого князя: «тогда же г(лаго)ля ему съ плачемъ Борисъ, князь ростовьскыи: «Господине отче, поклонися, створи волю цареву!». *Бояре же Борисови* глаголюща: «Всъ за тя опитемью, княже, приимемъ съ всею областью своею»[27].

Появление князя Бориса среди тех, кто в ставке Батыя пытался уговорить Михаила Всеволодовича совершить языческие обряды, косвенно может свидетельствовать о том, что протограф пространных проложных ЖМЧ создавался в иной среде, чем ред. Р. Однако однозначно утверждать, что в этом рассказе проявился критический по отношению к поступку Бориса настрой, не приходится[28]: из текста следовало, что князь Борис действовал из лучших

---

[25] *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 140.

[26] В Новгородской Карамзинской (далее – НК) и в Новгородской четвертой (далее - Н4) летописях рассказ о смерти Михаила Всеволодовича ограничивается краткой записью: «В лѣто 6755. Убьен бысть в Орде князь Михаило Черниговскыи и Феодоръ, бояринъ его, за вѣру Христову, сентября 23». См.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2002. С. 229; Т. 42. СПб., 2002. С. 117.

[27] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 322.

[28] По мнению А.В. Лаушкина, «упоминание князя Бориса Васильковича, со слезами умоляющего деда сотворить «волю цесареву», имеет неоднозначный характер и потому не может выступать достаточным свидетельством в пользу ростовского происхождения памятника: этот эпизод может быть прочитан и как негативный по отношению к Борису (исполнение его просьбы ведет к вероотступничеству), и как нейтральный (юношеское «неразумие» Бориса, старающегося сохранить жизнь деда , сродни «неразумию» апостола Петра, который, не понимая происходящего, пытается спасти своего Учителя от рук преследователей в Гефсиманском саду (Ин . 18:10—11); основание для такого прочтения

побуждений, проявляя совершенно естественную в такой ситуации заботу о близком родственнике (косвенно это признается и в тексте ЖМЧ, где в уста боярина Феодора вложено беспокойство о том, что великий князь может поддаться уговорам, «помянувъ женьскую любовь и дѣтеи ласкание»[29]). Да и сам по себе сюжет, связанный с уговорами, давал возможность агиографам лишний раз подчеркнуть христианские добродетели самого Михаила, отвергнувшего предложения князя Бориса и присоединившихся к нему бояр: «Не слушаю васъ, ни души своеи погублю». Тогда же съимя съ себя кочь свои и верже к ним, глаголя: «Приимѣте славу свѣта сего, а азъ не хощу»[30]. При этом в данном случае негативная характеристика, скорее, давалась сразу всем (отсюда множественное число - «не слушаю *васъ*», «*приимѣте*») русским князьям, поддавшимся на татарские прельщения ради «славы света сего скоро минующего». Книжники сетовали по поводу того, что князья предпочли власть, которую можно было сохранить, лишь пойдя на компромисс с совестью, а не христианские идеалы, которым остались верны лишь Михаил Всеволодович и его боярин Феодор. Таким образом, в целом критическое отношение к уговорам святого, которыми занимались князь Борис и бояре, отчасти сглаживалось их коллективной ответственностью за это и тем, что на подобные компромиссы с совестью шли не только они, но и большинство русских князей.

5.1.2. «Лукавый прелестник князь Борис»

Однако, уже в конце XV в. тональность характеристик начинает меняться, что определяет третий этап формирования памяти о князе Борисе

ситуации дает мотив христоподобия святого, присущий мученическим житиям вообще и четко выделенный в Сказании)» - то есть, в ЖМЧ. См.: *Лаушкин А.В.* Указ. соч. С. 15.

[29] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 323, *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 57, 61, 66 (второй пагинации).

[30] ПСРЛ. Т. 6. Вып. Стб. 323, *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 57-58, 61-62, 67 (второй пагинации).

Ростовском. В первой Пахомиевой редакции ЖМЧ[31], отразившейся, в том числе, в Московском летописном своде конца XV в. (далее – МС), в аргументацию князя Бориса добавляется личный корыстный мотив. Князь просит деда «сотворить волю цареву», поскольку тем самым Михаил Черниговский, по словам его внука, «многа блага земли своеи створиши *и всѣм нам*»[32]. Пространная Пахомиева редакция, отразившаяся в Великих Четьих Минея (далее – ВМЧ), в многом опиралась на первую[33], однако, Пахомий добавил и новые оттенки, четче указывавшие на неблаговидность поступка князя Бориса[34]. В итоге в пространной редакции мотивация уговаривавших Михаила преподносилась в еще более неприглядном виде -

---

[31]Время создания Пахомиевых редакций не выходит за рамки конца 1470-х – 1480-е гг. Подробнее см.: *Горский А.А.* Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV в. // *Горский А.А*. «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 356-367; *он же.* «Дает ти Господь победити царя злочестива»: «идеологическая» подготовка к войне с Ахматом // Великое стояние на Угре и формирование российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г.). Калуга, 2017. С. 132-133. Ср.: *Карбасова Т.Б., Милютенко Н.И.* Пахомий Серб в работе над агиографическим циклом, посвященным Михаилу и Феодору Черниговским // ТОДРЛ. 2019. Т. 66. С. 221; *Милютенко Н. И.* Летописные источники житий Пахомия Серба (Логофета) // Древня Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 5-12; *Духанина А.В.* Пахомий Логофет // Православная энциклопедия. Т. 55. М., 2019. С. 170-172.

[32] ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 138.

[33] Это в целом соответствовало творческой манере Пахомия, который, «как правило, при создании первой своей редакции Жития вносил лишь незначительные изменения в текст имевшегося источника (наиболее заметные — во вступлении и заключении), а впоследствии создавал более распространенные варианты». Подробнее см.: *Горский А.А.* «Повесть о убиении Батыя» и русская литература 70-х гг. XV в. // *Горский А.А*. «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 344.

[34] *Карбасова Т. Б., Милютенко Н. И.* Указ. соч. С. 218.

они заботились исключительно о самих себе, и автор ЖМЧ не скрывал своего отношения к мотивам, которыми они руководствовались: «*снѣдахуся утробою, жалующе о сихъ,* ожидающе неправеднаго убийства *на нихъ»*. Князь Борис был из их числа («отъ нихъ же единъ, князъ Борисъ Ростовьский»): все эти люди, согласно пространной редакции Пахомия, советовали великому князю Михаилу «створитъ волю цареву: *да не погыбнемъ злѣ, рече, и мы с тобою*». При этом об их готовности взять грех великого князя на себя («всѣ за тя опитемью, княже, приимемъ») в этой редакции речь уже не шла: «можеши бо и *лестию* створити волю цареву и поклонитися солнцю и огню, токмо да избавишися ярости его. Егда же с миромъ възвратишися въ свояси, такоже хощеши, тако и створиши: не истяжеть бо Богъ сия, вѣсть бо, ако не своею волею сотвори; тако бо содѣлавъ, многая благая и полезная сотвориши земли своей *и всѣмъ намъ»*[35].

Еще более негативно поведение спутников Михаила Черниговского описано в Похвальном слове Филолога-черноризца, созданном в 10-20 гг. XVI в.[36], в котором уговоры со стороны князя Бориса были представлены как одно из дьявольских ухищрений. При этом «смущение» от своих соплеменников, по мысли автора Слова, были более «лютейшим», чем от татар: «зѣлны же сѣти диаволъ святому поляцати спѣшаше - *не точию мучителя* възъяри и юже оттуду бурю въздвиже, но и *от своеплеменныхъ лютѣейшее смущение творя паче, неже от врагъ*. *Ни бо токмо послании от кагана* стужаху святому, въ еже послушати въ злочестие, но *и князи русстии мнози объсѣдяще его, моляху*

[35] Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Вып. 2. Дни 14-24. СПб., 1869. Стб. 1301-1302.

[36] *Панченко О.В*. Две редакции Слова Льва Филолога Михаилу и Феодору Черниговскому // Проблемы развития русской литературы XI–XX вв.: Тезисы научной конференции. молодых ученых и специалистов. Л., 1990. С. 7–8. Подробнее см.: *Кучкин В.А.* О формировании Великих Миней Четьих митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86-101.

ласканьми, яко бы не предатися смерти, въспоминающе ему красоту мира сего, и лесть богатства, и славу власти, и сладость жизни»[37].

В Похвальном слове расширяется число тех, кто уговаривал великого князя: речь идет уже не о боярах, но о том, что на его решение пытались повлиять «князи русстии мнози». Уговоры эти «*несмысленыхъ другов»,* «*единоплеменныя же безумьствующая князя, предающихъ истину благочестиа страха ради на лжу»,* Лев Филолог категорически осуждает. Развивая тему княжеского плаща («коць[38] свои»)», который святой, согласно ранним редакциям (А, РА) ЖМЧ, «верже *к нимъ,* глаголя: “приимѣте славу свѣта сего, яже вы хощете”»[39], автор Похвального слова рассказывает про «сановный пояс», который Михаил Черниговский бросил в лицо своим соплеменникам: «*на лица* повръже *любящих привременную лесть*, симъ показаа свою *храбрость* и души свободное дръжавою помысла благочестива»[40].

В числе тех «ласкателей», отмечается в Похвальном слове, был и ростовский князь Борис. В тексте он назван «*великим* князем ростовским», причем из всех «великыхъ княжений», отмечал автор Слова, именно на ростовское княжение «начальное владычьство преиде»[41]. Это не соответствовало действительности, зато позволяло книжнику включить князя Бориса Васильковича в легендарную генеалогию русских правителей, возводивших свое происхождение – через великого князя Андрея Юрьевича Боголюбского - от византийского императора Константина Мономаха и римского императора Августа[42]. Однако «*Борис же не исправися по стопамъ*

---

[37] Великие Минеи Четии… Стб. 1318.

[38] Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 7. М., 1980. Стб. 390.

[39] *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 58, 62, 67 (второй пагинации).

[40] Великие Минеи Четии… Стб. 1319.

[41] Там же. Стб. 1318.

[42] «Влечашеся от чреслъ Андрея, великого князя ростовьскаго, зѣло благочестива суща и царскою диадимою в Руси вѣнчана, якоже прародитель его великый князь Владимеръ

праотца своего ходити, тѣмъже и с начяльством и душю си повреди, еже и свѣтлому Михаилу съвѣщеваше недобрѣ»[43].

Под воздействием созданных в конце XV - начале XVI в. агиографических текстов существенно скорректированный образ Бориса Ростовского проник и в летописание. Уже в Никоновской летописи (далее - Ник.) уговоры Бориса приобрели несколько иной оттенок, вобрав в себя логику изложения пространной Пахомиевой редакции ЖМЧ, согласно которой спутники великого князя уговаривали Михаила выполнить «волю цареву», чтобы сохранить жизнь и ему, и себе. При этом в Ник. круг «ласкателей» вновь был расширен: «приступи къ нему внукъ его князь Борисъ Василковичь Ростовский со многими слезами и съ плачемъ, и *иныи мнози Русстии князи з бояры своими* съ плачемъ и сос слезами глаголаша ему, *да* сътворить волю цареву: *«да не погибнеши ты, и мы тебе ради*»[44]. При этом в Ник. ростовский князь не был изображен закоренелым циником, пекущимся лишь о собственном благополучии, или же человеком, «предающихъ истину благочестиа страха ради на лжу», как его охарактеризовал Лев Филогог. Согласно Ник., сам Михаил Черниговский с состраданием отнесся к уговорам Бориса Васильковича, который «присѣдяше непрестанно *съ плачемъ и со слезами* да сътворитъ волю цареву». На это Михаил «*обьемъ его и целовавъ*», объясняя свою позицию: «*чядо мое Борисе*! христианомъ подобаетъ вѣрою и дѣлы почитати Господа Бога, вѣра бо безъ дѣлъ мертва есть, по апостолу, и инде пророческими усты о таковыхъ рече Господь: сии людие усты чтуть Мя, сердце же далече отстоитъ отъ Мене, всуе же чтутъ Мя». Глагола ему внукъ

Манамах от греческаго царя Констянтина Манамаха диадиму, и вѣнець, и крестъ животворящаго древа приимъ, и порамницу царьскую и крабицу сръдоличьную, из неяже веселяшеся иногда Августъ, кесарь римскый, и чепь златую аравитскаго злата, и иныа многыа царьскиа почьсти в дарѣхъ приатъ, мужства ради своего и благочестиа». Великие Минеи Четии… Стб. 1318-1319.

[43] Там же. Стб. 1319.

[44] ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 132.

его Борисъ: «тебе убо имамы на земли сей наказателя и утѣшителя вси». Рече Михаиль: «земная убо ничто же есть, но мимо течеть и скоро погибаеть, и яко сонъ и яко дымъ; небесная же благаа присносущна и бесконечна есть»[45].

Гораздо более компрометирующий Бориса Васильковича рассказ появился в Лицевом летописном своде (1568-1576 гг., Лаптевский том, в основе которого лежит текст Ник., далее - ЛЛС) и в Степенной книге царского родословия (1560-1563 гг., далее – СК). С этими трактовками связан четвертый этап формирования памяти о князе. Рассказ СК строился на основе Похвального слова, повторяя ее критический настрой по отношению к «ласкателям». В частности, в ней отмечалось, что «не точию мучителя на нь възъяри и варварьскую бурю въздвиже, но *паче враговъ и отъ своеплеменныхъ лютѣйшее смущение творя*. Не токмо бо посланнии отъ Батыя стужаху святому, но и *князи русьстии мнози, обсѣдяще его, иже с нимъ сущии, снѣдающеся утробою, жалующе о сихъ и ожидающе неправеднаго убийства*, моляху его ласканми, въспоминающе ему жены любленье, и ласкание чядъ, и красоту мира сего, и лесть богатьства, и сладость жизни»[46]. В отличие от Похвального слова, в СК Борис Василькович не назывался «великим» князем ростовским, однако, в соответствии с ней отмечалось, что «бо тогда ростовьское начальство преиде». Если в Похвальном слове ростовскому князю ставилось в вину, что он не «не исправися по стопамъ *праотца* своего ходити», где под «праотцом» подразумевался родоначальник «ростовской» княжеской ветви князь Андрей Боголюбский, то в СК отмечалось, что Борис «не исправися ходити по стопамъ *отца* своего, святаго и добропобѣднаго мученика же и исповѣдника, вышереченнаго въ книзѣ сеи князя Василиа, рекомаго Василка, сына Коньстантинова, иже мало преже сего отъ того же

[45] Там же.

[46] Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М., 2007. С. 510.

безбожнаго царя Батыа страданиемъ скончася за исповѣдание Христово»[47]. В остальном рассказ СК в точности передавал сообщение Похвального слова.

Под пером книжника выходило, что науськиваемый врагом рода человеческого Борис искушал святого мученика в самый ответственный момент его земного служения, и, тем самым, фактически встал не только на сторону Батыя, но и на сторону дьявола. Именно за это он, наряду с другими русскими князьями, получил из рук «безбожного царя» «славу света сего скороминующего» -- то есть власть над ростовской землей. Как отмечал Н.Н. Покровский, автор СК создавал «целую концепцию коварного плана сатаны и его слуги Батыя», смысл которой «состоял в том, чтобы не силой заставлять русских князей «Христа отврещися», но, используя их властолюбие, сделать их самих и их подданных отступниками от правой веры»[48]. В этом смысле, «князья, подчинившиеся богопротивным обрядам, становятся орудиями дьявола» и осуждаются самым суровым образом: «Оле неразсуднаго усумнѣниа и неподобнаго повиновениа князей нашихъ! Оле диаволя душегубителнаго злохитрьства! Оле пронырливаго мучителева злаго и лукаваго умышленна, иже *князя отступники хотя сътворити и тако надѣяшеся удобь и на церковь възмощи, и христианьское имя въ Руси упразнити*!»[49] Фактически автор СК давал понять, что «если бы не святой Михаил, Батыю может быть, и удалось бы упразднить на Руси святую веру и церковь»[50]. Именно на этом идее и базировалось крайне негативное отношение к поступку Бориса Васильковича и других русских князей, искушающих святого Михаила.

---

[47] Там же.

[48] *Покровский Н.Н.* Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М., 2007. С. 106-107.

[49] Ср.: ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. С. 269.

[50] *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 132 (первой пагинации)

Самая жесткая оценка князя Бориса Ростовского содержится в Житии Ефросинии Суздальской, составленном, вероятно, в середине XVI в.[51] и принадлежащем перу монаха Спасо-Преображенского монастыря Григория[52]. Согласно житию, Ефросиния (именуемая в миру Феодулией) -- дочь Михаила Черниговского, а, значит, родная тетка Бориса[53]. В полном соответствии с ранними версиями ЖМЧ в житии Евфросинии рассказывалось о том, что спустя некоторое время после нашествия Батый стал звать к себе князей, «мнози же от князь приходящее поклоняхуся ему». Среди этих «многих» оказался и Михаил Черниговский. Батый предложил ему «поклонитися кусту и идолом» и тем самым «чести сподобитися со отвергшимися Христа». Сделать это князя уговаривал и его внук Борис Ростовский: «Не погуби си доброты, благородия, сотвори волю цареву лестию, да не погибнетъ

---

[51] Обзор мнений см.: *Колобанов В.А.* Владимиро-Суздальская литература XIV-XVI вв. Спецкурс по древнерусской литературе. Вып. 1. Владимир, 1975. С. 103-104; *Амелькин А.О.* Татарский вопрос в общественном сознании России кон. XV – I пол. XVI в. Автореферат дис. … канд. ист. наук. М., 1992. С. 65-70. Ср.: *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. М., 1995. С. 70; *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 283-285.

[52] *Сиренов А.В.* Суздальские жития XVI в. и историческая память // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 4 (102). С. 206-208.

[53] Реальность существования дочери Михаила Черниговского по имени Феодулия в науке ставится под сомнение. Подробнее см.: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV-XVI веков. М., 2001. С. 374-408; *Клосс Б. М., Маштафаров А. В.* Евфросиния // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2008. С. 517-520; *Беспалов Р.А.* «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI-XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 13. Брянск, 2011. С.83-84. Самое раннее указание на то, что Ефросиния была дочерью Михаила Черниговского, содержится ее месяцесловной памяти (под 25 сентября), которая читается в рукописном Уставе 40-х гг. XVI в. Подробнее см.: *Сиренов А.В.* Суздальские жития XVI в… С. 208.

благодѣнствие твое и послѣди покаяшися»[54]. Далее, по версии автора Жития Ефросинии Суздальской, Михаил поступил совершенно неожиданным (по крайней мере, для тех, кто знаком с «канонической» версией его гибели в Орде) образом: он «*малодушьствовавше и хотяше прельститися*»[55]. Но все изменило вмешательство Ефросиньи. Она, «слышав во своемъ монастыре, яко хощет отецъ ея велики князь Михаилъ прельститися, цареву волю сотворити и поклонитися кусту и снѣсти идоложертвеная», написала Михаилу письмо, отговаривая его от неблаговидного поступка. В итоге князь все-таки не пошел на поводу у «безбожных», отказался подчиниться царской воле и принял мученическую смерть. «Увы мне, како *лукавого прелестника князя Бориса* хотѣх послушати!» -- восклицал перед кончиной, согласно житию Ефросинии, князь Михаил Всеволодович [56].

В «письме Ефросинии», равно как и в Житии в целом, князь Борис Василькович получил весьма нелестную характеристику: «Изволил еси (Михаил Всеволодович. - *В.Р.*) послушати льстивых словесъ – врага всякая правды, *друга дияволя* – князя Бориса Ростовского, иже самъ *окаянныи* недугом прелстися, падеся и тебѣ хощет прельстити; хощеши царю тлѣнному угодити, а *Христа отврещися*»[57]. При этом автор Жития обвинял Бориса не только в желании «прельстить» Михаила, но и в гораздо более тяжком грехе – измене православию. В Житии Ефросиньи Суздальской сообщалось, что после

---

[54] *Колобанов В.А.* Владимиро-Суздальская литература XIV-XVI вв. Учебное пособие. Вып. 3. М., 1978. С. 92.

[55] Там же. С. 92-93. «Не исключено, – полагал А.О. Амелькин, – что этим приемом агиограф хотел подчеркнуть и усилить идею возможности и необходимости выбора в противостоянии захватчикам между бескомпромиссным неприятием новых порядков и согласием с ними». См.: *Амелькин А.О., Селезнев Ю.В.* Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII-XVII вв. Воронеж, 2004. С. 114.

[56] *Колобанов В.А.* Владимиро-Суздальская литература XIV-XVI вв. Учебное пособие… С. 94-97.

[57] Там же. С. 93.

похода на Русскую землю «царь Батый, рыкая на православие», повелел «кланятися идолом и *вѣровати вѣру бесерменскую*»[58]. Вторая часть «повеления» уж точно не имела отношения к реальности, поскольку Батый был язычником и не исповедовал ислам: очевидно, это преувеличение понадобилось автору Жития для более полного раскрытия образа Батыя как врага православия. В итоге «великий князь Борис Ростовский» (автор Жития, вслед за автором Похвального слова, которое легло в основу этого текста, также называет его «великим» князем. – *В.Р.*) «сотворшу волю его» – то есть, по смыслу - не просто поклонился языческим идолам, но и принял мусульманскую («бесерменскую») веру. За это Батый «воемъ» своим «заповѣдати да преминут (то есть, ‘обойдут стороной’[59]. – *В.Р.*) града Ростова» и одарил Бориса. Таким образом, получалось, что еще до поездки Михаила в Орду князь Борис оказывался в числе тех, кто изменил вере, поддавшись «прельщениям» татар. «Ини же многие, - сообщал далее агиограф середины XVI в., - зрящее сицевое, прелстишася, сотвориша волю цареву. Царь же честь имъ воздавшее прелестную, яко же и князю Борису Ростовскому, и отпущаше их на своя вотчины»[60].

Житие Ефросинии изобилует анахронизмами, что не позволяет признать достоверность большинства сообщаемых в нем сведений, особенно, тех, что относятся к истории Михаила Черниговского и не подтверждаются другими, более ранним источниками. Это касается и уникальной информации о князе Борисе Васильковиче, историческая память о котором на протяжении всего XVI в. постепенно приобретала все более негативные оттенки. Фактически книжники этого периода заново формировали биографию ростовского князя. По крайней мере, дошедшие до нас ранние источники, повествующие о его

---

[58] Там же. С. 88, 91.

[59] См.: Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 18. М., 1992. С. 279.

[60] *Колобанов В.А.* Владимиро-Суздальская литература XIV-XVI вв. Учебное пособие… С. 91

поступках, абсолютно нейтрально описывали и поведение Бориса в Орде во время казни деда, и в целом его действия, в том числе, и отношения с татарами. Судя по всему, эти отношения были весьма активными (достаточно упомянуть, что князь Борис Василькович за 45 лет своей жизни восемь раз побывал в Орде[61] и по числу поездок в ставку хана был одним из рекордсменов среди русских князей), однако, источники не сохранили сколько-нибудь негативных оценок этого обстоятельства. Что же касается его брата Глеба, судя по посмертной похвале князю, с которой был начат этот раздел исследования, дружба и служба татарам не являлись в глазах летописцев отягчающим обстоятельством при оценке князей-современников нашествия – ни в синхронных им описаниях, ни в последующих. Это дает основание заключить, что создание «ретроспективного компромата» на князя Бориса имело сугубо книжное происхождение и было связано с переосмыслением памяти даже не столько о нем самом, сколько о его во всех смыслах прославленном деде, почитание которого в XVI в. достигло своего апогея. С точки зрения книжников того времени, вина Бориса состояла в том, что он искушал святого мученика в самый ответственный момент его земного служения, и, тем самым, фактически встал не только на сторону Батыя, но и на сторону главного искусителя рода человеческого – дьявола.

Анализ такого «ретроспективного компромата» дает дополнительную информацию о ценностных ориентирах той эпохи, о представлениях людей XVI века по поводу того, «что такое хорошо и что такое плохо» в отношениях с татарами или в отношениях, возникающих в связи с татарами. Одна из причин появления такого «компромата», видимо, состояла в том, что в этот период происходила переоценка целого ряда событий и явлений прошлого[62].

---

[61] По подсчетам Ю.В. Селезнева, в совокупности князь провел в Орде 10,3% времени правления – четыре полных года из 38 лет пребывания на княжеском столе в Ростове. Подробнее см.: *Селезнев Ю.В.* Русские князья …. С. 328.

[62] См. подробнее: *Рудаков В.Н.* Русские книжники XV-XVI вв. в поисках героев борьбы с татарами // Человек читающий: между реальностью и текстом источника. Сб. статей под

Наряду с формированием образов героев борьбы с татарами, книжники не менее активно работали и над формированием образов антигероев. Неслучайно, к этому времени весьма популярной в произведениях древнерусской письменности становится тема осуждения предательства со стороны русских князей[63]. В полной мере это находит отражение в текстах, в которых упоминается внук Михаила Черниговского князь Борис Василькович Ростовский.

5.2. Ярослав Всеволодович и нашествие Батыя: к вопросу о местонахождении князя

Как уже отмечалось, Борис Ростовский был не единственным князем-современником нашествия Батыя, умершим «в татарах». Первым в этом ряду стоял великий князь Ярослав Всеволодович, скончавшийся в 1246 г. во время визита в ставку верховного правителя Монгольской империи.

Одним из наиболее дискуссионных является вопрос о том, где находился и что делал Ярослав Всеволодович в период нашествия Батыя на Суздальскую землю (1237-1238 г.). В контексте этих событий князь упоминается лишь в Лавр.: согласно ее рассказу, великий князь Юрий Всеволодович, покинув Владимир, ждал на реке Сити помощи от младших братьев - Ярослава «с полки» и Святослава «с дружиной»[64]. Если эта версия соответствует действительности[65], приходится констатировать, что ожидания Юрия оказались напрасны. В отличие от князя Святослава, Ярослав Всеволодович

ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., 2011. С. 194-197; *он же.* Ордынские нашествия в исторической памяти второй половины XIII-XVIII вв. М., 2025. С. 198-212.

[63] Подробнее см. главу 6 настоящего исследования.

[64] Там же. Стб. 461.

[65] Ряд исследователей критически оценивают сообщения Лавр. о нашествии Батыя, полагая, что они имеет более позднее происхождение. См., напр.: *Прохоров Г. М.* Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи//ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 77-98; *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 7-9.

так и не пришел на помощь к старшему брату. Где находился в это время Ярослав, и с чем могло быть связано его отсутствие на реке Сити?

Напрямую о местонахождении Ярослава сообщают только летописные своды, возникшие не раньше конца XV в. Так, согласно Ник., после гибели великого князя Юрия «прииде князь Ярославъ Всеволодичь <…> изъ Великого Новаграда въ Володимерь на великое княжение, а въ Новѣградѣ остави сына своего князя Александра»[66]. В дошедших до нас летописных памятниках более раннего времени таких сведений не содержится. Поэтому, по мнению А.А. Горского, вполне возможно, что представления о том, что князь прибыл из Новгорода – не более чем «домысел позднего сводчика, поставившего вопрос, откуда Ярослав появился в Суздальской земле (в связи с явным его отсутствием там во время нашествия)»[67]. В пользу такой трактовки говорит и то, что летописи самого Великого Новгорода, в том числе,

---

[66] ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 113. Помимо Ник., этой версии придерживаются Сокращенные летописные своды конца XV в. (1493 и 1495 гг.), Русский Хронограф 1512 г., Устюжская летопись и Степенная книга (XVI в.). Как показал А.А. Горский, «названные памятники связаны между собой: в числе источников Степенной книги была Никоновская летопись, рассказ о нашествии Батыя Никоновской имел одним из источников Хронограф, русские известия Хронографа основаны на Сокращенном своде 1495 г., свод 1493 г. восходит к тому же протографу, что и свод 1495 г.; протограф Сокращенных сводов лежит в основе Устюжской летописи начала XVI в.». См.: *Горский А.А*. Проблемы изучения «Слова о погибели Русскыя земли»... С. 31.

[67] При этом А.А. Горский отмечает, что в источниках, легших в основу «новгородской» версии местонахождения князя - Сокращенных сводах конца XV в. и Устюжской летописи -- нет известия о вокняжении Ярослава в 1236 г. в Киеве. А, значит, «составитель их протографа не имел оснований предполагать, что Ярослав мог прийти во Владимир из Киева; известий о княжении Ярослава в Новгороде в этих летописях также нет, но связь его с этим городом была, несомненно, более известным фактом, чем короткое киевское княжение». См. подробнее: *Горский А.А*. Проблемы изучения Слова о погибели Русскыя земли»... С. 31. Действительно, будучи переславским князем, Ярослав Всеволодович четырежды занимал новгородский стол - в 1215-1216, 1222-1223, 1224-1229, 1230-1236 гг. См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 471; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 216.

и самая ранняя из дошедших - Новгородская первая летопись старшего извода (далее - НПЛ), ничего не сообщают о нахождении князя в Новгородской земле в это время. Последняя запись в НПЛ, касающаяся действий Ярослава накануне нашествия, относится к 6744 (1236) г. и посвящена его отъезду из Новгорода на княжение в Киев. Следующее упоминание князя относится уже к 6747 (1239) г. и связано с женитьбой его сына – князя Александра Ярославича на дочери полоцкого князя[68]. Ничего неизвестно из летописей и о пребывании Ярослава в родном для него Переяславле (ныне – Переславле-Залесском). Да и вряд ли Ярослав смог бы не явиться на зов старшего брата, находясь в нескольких десятках километров от стольного Владимира[69]. По крайней мере, правивший в соседнем Юрьеве (ныне – Юрьев-Польский) князь Святослав Всеволодович, если верить Лавр., смог присоединиться к походу Юрия на реку Сить (Святослав, в отличие от старшего брата, не погиб и прожил до 1252 г.)[70]. В связи с этим представляется наиболее аргументированной точка зрения, согласно которой в период нашествия Батыя на Суздальскую землю Ярослав Всеволодович продолжал оставаться в Южной Руси (в Киеве или его окрестностях) и вернулся во Владимир уже после получения известий о гибели старшего брата[71]. Если в начале 1238 г. Ярослав находился на юге Руси, ему, действительно, трудно было прийти на помощь

---

[68] ПСРЛ. Т. 3. С. 74, 285; 77, 289.

[69] Попытка А.В. Журавеля представить дело таким образом, что Ярослав находился где-то поблизости, но осознанно не пришел на помощь старшему брату, выглядит явным недоразумением. См.: *Журавель А.В.* Предатели в земле Русской // Преподавание истории в школе. 2020. № 7. С. 33.

[70] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473. П.П. Толочко ошибочно полагал, что Святослав Всеволодович погиб вместе со старшим братом на Сити, однако, это не так. Ср.: *Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2017. С. 139.

[71] Напрямую об этом сообщает только поздняя Воскресенская летопись, информация которой, судя по всему, опирается на ряд косвенных известий более ранних источников - прежде всего, НПЛ и Ипат. См.: ПСРЛ. Т. 7. С. 143-144. Подробнее см.: *Горский А.А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Русскыя земли»… С. 31-32.

брату. Расстояние от Киева до Владимира по прямой превышает 1200 километров, а путь от Киева до реки Сити еще длиннее. Чтобы оказаться там, Ярославу Всеволодовичу потребовалось бы время, которого в условиях стремительного нашествия татар, у него просто не было - от одного до полутора месяцев[72].

К тому же, не вполне ясно, получил ли Ярослав призыв старшего брата о помощи. Как полагает А.А. Горский, шансы на это были не велики,

---

[72] Такие расчеты строятся на информации о времени, затраченном на аналогичные по протяженности поездки. Так, в 1318 году путь от Владимира до Орды (согласно сведениям Рогожского летописца, хан Узбек кочевал в то время «у моря Сурожьского, идеже вътече Дон река» - то есть в месте впадения Дона в Азовское море в районе современного Таганрога) великий князь владимирский и тверской Михаил Ярославич преодолел за месяц. Расстояние между этими точками составляет примерно 1300 км. Однако, будучи вызванным в ставку хана с приказом прибыть именно за месяц, он, вероятнее всего, спешил уложиться именно в этот срок. (См.: *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 226; *Борисов Н.С.* «Политика московских князей. Конец XIII — первая половина XIV вв.» М., 1999. С. 159). По расчетам Ю.В. Селезнева, в среднем на дорогу в Орду (то есть до ставки хана в Сарае) русские князья тратили «около полутора-двух месяцев в одну сторону». (См.: *Селезнев Ю.В.* Русские князья…. С. 159). Расстояние от Владимира до Сарая-Бату (в районе нынешнего с. Селитренное Харабалинского района Астраханской области) составляло примерно 1100 км, а от Владимира до Сарая-Берке (в районе нынешнего с. Царев Ленинского района Волгоградской области) – около 900 км, то есть оно сопоставимо с расстоянием от Киева до Владимира (чуть больше 1000 км.). А, значит, путь от Владимира до Киева также мог преодолеваться княжескими дружинами в течение этого же или чуть меньшего времени. См.: *Рыбаков Б.А.* [Рецензия на книгу К.В. Кудряшова «Половецкая степь. Очерки исторической географии». М., 1948] // Советская книга. 1949. № 11. С. 34-35. Венецианец Амброджо Контарини потратил 22 дня (с 21 января по 12 февраля 1477 года), ехав день и ночь, чтобы преодолеть чуть более восьмисот километров, разделявших Москву и литовский Трокай. См.: Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 232. С благодарностью вспоминаю В.А. Кучкина, нашедшего время для консультации по данному вопросу.

поскольку к этому времени путь из Суздальской земли к Киеву был перекрыт монголами[73]. В.А. Кучкин, наоборот, считал, что у великого князя Юрия Всеволодовича «существовала договоренность с Ярославом, которую тот не выполнил»[74]. Правда, утверждать, что это была именно договоренность – то есть, что Ярослав обещал помочь Юрию в этой ситуации, - все-таки нельзя. Для этого нужно предположить, что князья либо договаривались о совместных действиях против татар еще до начала нашествия, либо успели согласовать позиции уже в январские дни 1238 г., когда над Суздальской землею нависла опасность, а сам Юрий Всеволодович, если верить трактовке Лавр., решил покинуть столицу и выдвинуться на север своих владений. И то, и другое представляется маловероятным. Несколько более вероятнее другое: теоретически Юрий мог отправить в Киев призыв к брату о помощи, и, возможно, такой призыв до Ярослава даже мог дойти. Но выполнить просьбу старшего брата Ярослав либо не смог, либо по каким-то причинам не захотел. Впрочем, стоит оговориться: все эти рассуждения имеют смысл только при условии, что сообщение Лавр. об ожидании великим князем владимирским своих братьев на реке Сити отражало реальное положение дел. Между тем, велика вероятность того, что реальный замысел Юрия Всеволодовича вовсе не был связан с оказанием сопротивления татарам, а был вызван всего лишь стремлением скрыться от преследования с их стороны[75]. Таким образом, отсутствие князя Ярослава Всеволодовича на берегах реки Сити могло быть связано либо с сомнительностью, с военной точки зрения, самого предприятия

---

[73] *Горский А.А.* Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 208.

[74] *Кучкин В.А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // ОИ. 1996. № 5. С. 23.

[75] Именно так трактовала его отъезд на север НПЛ («князь же Юрьи выступи изъ Володимиря и *бѣжа* на Ярославль») и персидский историк начала XIV века Рашид ад-Дина («эмир этой области Ванке Юрку (Юрий) *бежал* и ушел в лес: его также *поймали и убили*»). См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 75; *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Т. 2. М., Л., 1960. С. 39. Подробнее см. главу 2 и 3.

Юрия Всеволодовича (если доверять версии Лавр. о том, что он пытался собрать войска и дать бой татарам), либо, что гораздо более вероятнее, с тем, что никакого «военного предприятия» Юрий и вовсе не затевал, а лишь спасался бегством в глухих лесах на берегах Сити, и поэтому ни о какой помощи брата не просил и на нее не рассчитывал. При этом, вполне возможно, что стратегия находившегося в Южной Руси Ярослава Всеволодовича состояла в том, чтобы вовсе не втягиваться в конфликт с татарами. Стоит напомнить, что тактика самого великого князя Юрия Всеволодовича, если доверять сообщению НПЛ о его отказе в помощи рязанским князьям, в самом начале нашествия была точно такой же[76].

О действиях князя Ярослава после завоевания Северо-Восточной Руси татарами можно судить на основе той скупой информации, которая дошла до нас в Лавр. и отчасти Ипат. летописях. О событиях 1238 г., последовавших после гибели на реке Сити великого князя Юрия Всеволодовича, Лавр. сообщает весьма лаконично: «В лѣто 6746. Ярославъ, сынъ Всеволода великаго, сѣде на столѣ в Володимери. И бысть радость велика христьяном, их же избави Богъ рукою своею крѣпкою от безбожных татаръ. *И поча ряды рядити, яко же пророкъ глаголет: «Боже, суд твой цареви дажь, и правъду твою сынови цесареви — судити людемъ твоим в правду и нищим твоимъ в суд».* И потомъ утвердися в своем честнѣмь княжении. Того же лѣта князь Ярославъ великый отда Суждаль брату своему Святославу. Того же лѣта отда Ярославъ Ивану Стародубъ. *Того же лѣта было мирно*»[77].

Ряд исследователей на основе этих, а также более поздних летописных известий делали далеко идущие выводы о действиях Ярослава в этот период. Так, еще Н.М. Карамзин, который в данном случае опирался на рассказ более поздней Ник., писал, что вернувшемуся из Киева князю «надлежало собрать людей рассеянных, воздвигнуть города и села из пепла - одним словом,

[76] ПСРЛ. Т. 3. С. 74-75.

[77] Там же. Т. 1. Стб. 467.

совершенно обновить Государство». По словам историографа, Ярослав Всеволодович «ободрял народ, ревностно занимался делами гражданскими и приобретал любовь общую правосудием»[78]. С.М. Соловьев, также пересказывая поздние летописи, писал о том, что князь «очистил церкви от трупов, собрал оставшихся от истребления людей, утешил их и, как старший, начал распоряжаться волостями»[79]. Советский историк Ю.А. Лимонов и вовсе полагал, что действия нового великого князя являлись свидетельством существовавших в этот период мощных вечевых традиций во Владимире, поскольку, как считал исследователь, заняв княжеский стол, Ярослав Всеволодович первым делом заключил «ряд с городом»[80]. И в современной литературе можно встретить мнения о том, что прибывший во Владимир князь занялся мерами «по привлечению населения в покинутые места», а также упорядочиванием «отношений между общинами («поча ряды рядити»), на которые тяготы войны легли непропорционально»[81].

Между тем процитированная часть летописной статьи вряд ли позволяет делать подобные выводы. Прежде всего, потому что почти половина этого текста является прямой цитатой из другой летописной статьи той же Лавр. Фраза «и поча ряды рядити, яко же пророкъ глаголет: «Боже, суд твой цареви дажь, и правъду твою сынови цесареви — судити людемъ твоим в правду и нищим твоимъ в суд». И потомъ утвердися в своем честнѣмь княжении»,

---

[78] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 7.

[79] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 146. См. также: *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. С. 15. О том, что, оказавшись во Владимире, Ярослав начал с того, что «восстанавливал светские и духовные законы» писал В.Т. Пашуто. См.: *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси М., Л., 1950. С. 225.

[80] *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. С. 128-129.

[81] *Хрусталев Д.Г.* Русь от нашествия до «ига». СПб, 2008. С. 150. См. также: *Пашуто В.Т.* Александр Невский. М., 1974. С. 53.

значительная часть которой, сама по себе, представляет цитату из Священного Писания (Пс. 71, 1-2), была заимствована составителем рассказа о нашествии из статьи Лавр., повествующей о вокняжении в 1206 г. в Новгороде Великом старшего брата Ярослава -- князя Константина Всеволодовича[82]. При этом в статье о вокняжении Ярослава говорилось об избавлении христиан от безбожных татар, что в контексте дальнейших погодных записей Лавр. (о завоевании войсками Батыя южной Руси, а также о нападении татар на города владимиро-суздальского пограничья) выглядело более чем преждевременным. Это дает основания предполагать, что появление данного известия могло быть следствием использования редактором летописной статьи сведений, относящихся к более позднему времени.

Получается, что к фактической стороне дела из всей статьи «в лѣто 6746» может относиться лишь информация о том, что Ярослав «сѣде на столѣ в Володимери», после чего роздал княжеские столы братьям: Суздаль – Святославу, Стародуб - Ивану. В свое время М.Д. Приселков предположил, что в этой части Лавр. мы имеем дело с отражением летописи самого Ярослава Всеволодовича, выполненной для него в Ростове в 1239 г.[83] - то есть источником, который по определению должен был быть осведомлен о реальных поступках нового великого князя. Однако состав данной летописной статьи свидетельствует об обратном: какой-то особой осведомленностью ее составитель не отличался. Иначе вряд ли он стал бы описывать поступки Ярослава столь трафаретно, при помощи цитат и не вполне соответствующих

[82] *Прохоров Г. М.* Указ. соч. С. 81. Таким образом, это сообщение не имело прямого отношения к действиям самого Ярослава, а, скорее, отражало представления книжника о том, как *принято было* поступать в подобных ситуациях – при вступлении на княжеский стол. В этом смысле рассказ Лавр. о действиях Ярослава Всеволодовича, вопреки мнению Ю.А. Лимонова, не может быть источником по истории вечевых традиций во Владимире, поскольку касается отношений между князем и новгородским самоуправлением, а не владимирским.

[83] *Приселков М.Д.* История русского летописания XI-XV вв. СПб., 1996. С. 144.

действительности оценок. Можно предположить, что этот текст создавался не синхронно событиям, а существенно позже.

Такое же предположение можно сделать в отношении начальной части летописной статьи Лавр., в которой речь идет о событиях следующего 6747 (1239) г. Она открывается сообщением о перезахоронении по инициативе нового великого князя останков прежнего правителя Суздальской земли[84]. Интересно, что затем - уже после рассказа о перезахоронении останков Юрия и пространной «похвалы» убиенному на Сити великому князю (так же, кстати, сотканной из многочисленных цитат из предшествующего текста Лавр.[85]), летописец вновь (как и в предыдущей статье), возвращался к теме «избавления» от татар. Правда, речь в данном фрагменте шла уже не о «христианах» вообще, а лишь о спасении князей: «сдѣя Господь спасенье велико князем нашим, избавилъ есть от враг наших»[86].

Между тем, если исключить из этой части летописной статьи «похвалу» князю Юрию и сообщение об «избавлении и спасении» князей Северо-Восточной Руси от татар, то в ней также почти не оказывается сведений о действиях нового великого князя. Исключение составляет лишь упоминание об участии в перезахоронении останков Юрия братьев Всеволодовичей (но только двух из трех - Ярослава и Святослава; Ивана Всеволодовича, княжившего в Стародубе, летопись в этом контексте не упоминает)[87].

Более конкретная информация о действиях Ярослава появляется только в самом конце статьи 6747 (1239) г. Однако все эти действия совершаются им не во Владимире, а на юге и западе Руси: в той части летописной статьи, которая касается событий на северо-востоке Русской земли, князь не упоминается. «Того же лѣта татарове взяша Переяславль Рускый, и епископа

---

[84] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467-468.

[85] *Прохоров Г. М.* Указ. соч. С. 78–83.

[86] ПСРЛ. Т. 1. Стб 469.

[87] Там же. Стб. 467.

убиша, и люди избиша, и град пожьгоша огнем, и люди, и полона много вземше, отидоша. *Того же лѣта Ярославъ иде г Каменьцю; град взя Каменець, а княгыню Михайлову со множьством полона приведе в своя си*. Того же лѣта священа бысть церкы Бориса и Глѣба в Кидекшии великым священьем на праздник Бориса и Глѣба священымъ епископомъ Кириломъ. Того же лѣта взяша татарове Черниговъ, князи ихъ выѣхаша въ Угры; а град пожегше, и люди избише, и манастырѣ пограбиша, а епископа Перфурья пустиша в Глуховѣ; а сами идоша в станы своѣ. *Того же лѣта Ярославъ иде Смолиньску на Литву, и Литву побѣди, и князя ихъ ялъ; а смольняны урядивъ князя Всеволода посади на столе, а сам со множеством полона с великою честью отиде в своя си*»[88]. Далее - в конце статьи - составитель Лавр. рассказывал о разорении территорий, приграничных с владимирским княжеством или даже в него входящих: «*того же лѣта на зиму* (речь идет о зиме 1239/40 гг., так как в этой части Лавр. использовался мартовский стиль[89] – В.Р.) *взяша татарове Мордовьскую землю, и Муром пожгоша, и по Клязьмѣ воеваше, и град святыя Богородица Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя*». Однако в контексте и этого сообщения великий князь владимирский также не упоминается.

Сообщения Ипат. о действиях Ярослава Всеволодовича в этот период еще более лаконичны и путаны. А, кроме того, Ипат. совершенно иначе, чем Лавр., излагает последовательность событий. Так, она сообщает о приходе Ярослава Всеволодовича в Киев и о его отъезде в Суздальскую землю всего одним предложением, которое помещено в Ипат. под 6743 г. *перед* рассказом о нашествии Батыя на русские земли - то есть *до* взятия татарами Рязани, Владимира и *до* гибели великого князя Юрия Всеволодовича: «И потомь приде Ярославъ Суждальскый и взя Киевъ подъ Володимеромъ, *не мога его*

[88] Там же. Стб. 469.

[89] *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 110.

держати, иде пакы Суждалю, и взя под нимь Михаилъ»[90]. А под 6746 г., сразу за сообщением о бегстве Михаила Всеволодовича Черниговского из Киева, Ипат. вновь упоминала князя Ярослава: «…яко бѣжалъ есть Михаилъ ис Кыева в Угры, ѣхавъ я княгиню его и бояръ его поима, и *город Каменѣць взя*. Слышавъ же се Данилъ, посла слы река: «Пусти сестру ко мнѣ, зане яко Михаилъ обѣима нама зло мыслить». И Ярославъ услыша словеса Данилова, и бысть тако, и приде к нима сестра, к Данилу и Василку, и держаста ю во велицѣ чести[91]. Известно, однако, что датировкам Ипат. доверять нельзя. Погодная сетка в этой части летописи была вставлена в текст составителем Ипатьевского списка начала XV в., то есть задним числом. В других же списках Ипат. соответствующие хронологические указания вовсе отсутствуют[92]. Отсюда - весьма условная разбивка на даты. К тому же, летописец, по собственному признанию, по ходу изложения затрагивал как более ранние, так и более поздние события: «хронографу же нужа есть писати все, и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя. Чьтый мудрый разумѣеть. Число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, в задняя впишемь…»[93].

Как видим, анализ летописных статей Лавр. и Ипат. дает весьма расплывчатое представление о действиях князя Ярослава Всеволодовича в 1238-1239 гг. При этом очевидно, что не всем сообщениям ранних летописей на этот счет можно всецело доверять.

Тем не менее, большинство исследователей с доверием относятся к сообщению Лавр. о том, что «в лѣто 6746 Ярославъ, сынъ Всеволода великаго, сѣде на столѣ в Володимери». Они исходят из того, что приезд князя во Владимир состоялся в первой половине 1238 г. – когда стало известно о гибели

---

[90] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 777.

[91] Там же. Стб. 782.

[92] Подробнее см.: *Горский А.А*. Проблемы изучения «Слова о погибели Русскыя земли»… С. 26.

[93] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 820.

старшего брата Ярослава – великого князя Юрия Всеволодовича на реке Сити, в результате чего владимирский великокняжеский стол оказался вакантен. Как правило, пишут о том, что Ярослав приехал во Владимир весной 1238 г.[94] Опираясь на косвенные данные, эту датировку можно уточнить. Ипат. сообщает, что финальной точкой Батыева нашествия в этот период стал Козельск, осада которого началась после того, как татары покорили города Суздальской земли («град избившу Володимѣрь, поплѣни грады суждальские и приде ко граду Козельску»[95]) - то есть, вероятнее всего, не ранее марта. Из сообщения той же Ипат. известна и продолжительность осады - семь недель: «оттуду же ву татарѣхъ не смѣють его нарещи град Козлескъ, но град злый, понеже бишася по *семь недѣль*»[96]. Сведения русского источника относительно длительности осады города находят подтверждение у Рашида ад-Дина: «Бату подошел к городу Козельску (Кисель-Иске) и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его в три дня»[97]. Таким образом, монголы ушли из Козельска не ранее середины мая 1238 г. Козельск стоял на дороге, которой суздальские князья еще в XII в. ездили в Чернигов, Переяславль Русский, Киев и обратно[98]. Вряд ли находящийся в это время в Киевской земле Ярослав Всеволодович отправился бы в дальнюю дорогу, не убедившись в безопасности пути. Это означает, что его отъезд из Киева, скорее всего, состоялся только после того, как полчища

---

[94] Подробнее см: *Горский А.А.* Проблемы изучения «Слова о погибели Русскыя земли» ... С. 25-30; *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 604 и др.

[95] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

[96] Там же. Стб. 781.

[97] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. с персидского Ю. П. Верховского, редакция проф. И. П. Петрушевского. Т. II. М., Л., 1960. С. 39.

[98] Подробнее см.: *Горский А.А.* Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодича // Исторический вестник. Т. 25. М., 2018. С. 31; *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 15.

Батыя покинули русские земли, удалившись обратно в степь («Батыеви же вземшю Козлескъ, и поиде в землю *Половецькую*»[99]). В этом смысле путь на Владимир стал относительно безопасен не раньше конца мая – начала июня. Сама дорога из Киева во Владимир (около 1200 км) также могла занять у князя какое-то время. Значит, во Владимире Ярослав мог появиться не раньше середины 1238 г.[100]

Однако если принять версию Лавр. о том, что уже в 1239 г. великий князь неожиданно покинул Владимиро-Суздальскую Русь для того, чтобы отправиться обратно - в район находящегося неподалеку от Киева города Каменец[101], то получается, что он пробыл в своей новой столице совсем небольшой срок – чуть более года[102]. Согласно Лавр., в том же 1239 г. Ярослав совершил поход на Смоленск, результатом чего стала победа над «Литвой» и замена смоленского князя на более лояльного Ярославу. Вероятно, во время этого похода Ярослав Всеволодович достиг договоренности о браке дочери полоцкого князя Брячислава с сидевшим в Новгороде Великом князем Александром Ярославичем, что подтверждается сведениями НПЛ. Молодожены венчались в городе Торопце, на границе новгородских, смоленских и полоцких владений, а сами торжества, вероятно, проходили в Новгороде («оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль в Новѣ-городѣ, поя в Полотьскѣ у Брячьслава дчерь, и вѣнчася в Торопчи; ту кашю чини, а в

---

[99] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 781.

[100] Ср.: *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем ... С. 20.

[101] Это был Каменец на Случе. *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии: география начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1873. С. 100, LVI-LVIII (прим. 179); *Dimnik M.* Kamenec // Russia mediaevalis. Munchen. 1979. Т. 4. P. 74; *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев, 1985. С. 74; *Горский А.А.* Русские земли в XIII-XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. С. 121-122. Прим. 110; *Лукин П.В.* Ярослав Всеволодич // Православная энциклопедия. Т. 75. М., 2025. С. 631.

[102] Там же. С. 121.

Новѣгородѣ другую»[103]). И хотя НПЛ больше ничего не сообщает об этом событии (в том числе, были ли среди гостей родители молодых), с большой степенью вероятности можно предположить, что «идеолог» этого брачного союза, князь Ярослав Всеволодович, в этих торжествах мог принимать самое деятельное участие. Это означает, что великий князь отсутствовал в новых своих владениях вплоть до начала 1240 г.[104]

Сам по себе поход Ярослава на южнорусский город Каменец вызывает большое количество вопросов. Что двигало великим князем? Почему он покинул свою новую столицу, ради контроля над которой он еще совсем недавно покинул Киев? С какой целью он решился на столь рискованное военное предприятие в момент, когда другие южнорусские князья (например, Михаил Всеволод Черниговский и Даниил Романовича Галицкий), наоборот, стремились покинуть ставший небезопасным регион?

Очевидно, что поход на Смоленск имел оборонительную направленность и ставил целью не допустить захвата смоленского княжества враждебной Литвой (и это Ярославу Всеволодовичу удалось сделать). Однако трудно понять, что могло заставить князя, через полгода после прибытия в столицу своих новых владений, бросить все (в том числе, вполне легитимно доставшийся великокняжеский стол) на произвол судьбы и отправиться в далекую Южную Русь, к границам которой уже приближались татары. В историографии было предложено несколько объяснений этому весьма странному поступку. Возможно, князем двигало стремление поквитаться с Михаилом Черниговским, с которым Ярослав Всеволодович соперничал сначала за Новгород, а затем за Киев на протяжении всех 1230-х гг. Так

---

[103] ПСРЛ. Т. 3. С. 77, 289.

[104] Указания в Лавр. на то, что и после похода на Каменец, и после победы над Литвой князь отходил «в своя си» вряд ли в обоих случаях означала, что каждый раз он возвращался во Владимир. Потому что иначе великий князь владимирский вряд ли смог бы в один и тот же год («того же лѣта») успеть осуществить столь дальние походы (их общая протяженность в этом случае должна была бы составить более 4000 км).

интерпретировал мотивы Ярослава Всеволодовича Дж. Феннел, который полагал, что «это был акт личной мести» в отношении Михаила Черниговского, с которым Ярослав Всеволодович соперничал сначала за Новгород, а затем за Киев на протяжении всех 1230-х гг. Однако этот акт был лишен политической целесообразности, и, по мнению исследователя, «он почти ничего не дал Ярославу: он не захватил в плен своего старого врага, и даже если бы это ему удалось, то мало бы что изменилось - дни Михаила как политика в Южной Руси были к тому времени сочтены»[105]. Другое объяснение предложил В.А. Кучкин, выдвинувший гипотезу, согласно которой «пленением Михайловой жены князь Ярослав намеревался, видимо, воздействовать на ее мужа и вернуть себе Киев», однако, «замысел не удался». «Но зато удалось другое. Из Каменца на Северо-Восток было переведено «множьство полона», что позволило в определенной степени восполнить людские потери в северо-восточных княжествах, понесенные зимой-весной 1238 г.». Схожий результат, по мнению В.А. Кучкина, был достигнут и во время похода Ярослава на Смоленск: «очевидно, что такие действия Ярослава Всеволодовича объясняются стремлением пополнить убыль населения Волго-Окского междуречья, сильно пострадавшего от монголов»[106]. Между тем, очевидно, что даже, если бы Ярославу удалось пленить самого Михаила Всеволодовича, это вовсе не означало бы автоматического занятия им киевского стола, на что справедливо указал еще Дж. Феннел. При этом в случае провала этого, по выражению Дж. Феннела, «необычного похода», у Ярослава Всеволодовича были неплохие шансы потерять не только уже доставшийся ему по наследству великокняжеский стол во Владимире, но и саму жизнь. Либо в силу большей проворности враждовавших с ним родственников, либо – с еще большей вероятностью – высокого риска

---

[105] *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. С. 139. Ср.: *Хрусталев Д.Г.* Указ. соч. С. 167.

[106] *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 21.

столкнуться по пути из Владимира в Каменец с наступавшими на Южную Русь татарами. Не вполне ясно также, зачем ему, если он, действительно, хотел «пополнить убыль населения Волго-Окского междуречья», понадобилось для этого совершать столь длительный и рискованный поход в район Киева? Ведь ту же самую задачу он мог решить путем привлечения населения с северных окраин Суздальской земли, не пострадавших от нашествия, или же за счет людских ресурсов Великого Новгорода, где княжил его сын Александр?

Не вполне понятно также, где Ярослав Всеволодович смог взять военные силы, для того чтобы отправиться в дальний и очень рискованный поход. Ведь стольный Владимир в этот момент лежал в руинах[107]. Вряд ли князь мог опереться и на местную дружину. Ведь б*о*льшая часть дружины его старшего брата Юрия погибла во время штурма города татарами. Меньшая же («малая дружина»), если верить рассказу Лавр., вместе с Юрием Всеволодовичем пала на берегах Сити[108]. Как отмечал А.Н. Насонов, «в опустошенный Владимир не считали даже нужным поставить епископа: в течение нескольких десятилетий после погрома 1238 г, когда убит был владимирский епископ Митрофан, и вплоть до 1274 г., когда был поставлен еп. Серапион, г. Владимир пребывал совсем без епископа»[109]. В свое время В.В. Каргалов предположил, что «великий князь смог собрать значительные силы для похода на Смоленск», благодаря тому что возвращение населения, покинувшего Владимирское княжество во время нашествия Батыя, «по-видимому, происходило довольно быстро»[110]. Однако, что позволило ему сделать такие предположения, исследователь не уточнил. Между тем, территория северо-восточной Руси в

---

[107] О том, что город «был сильно опустошен и разгромлен» и что «татарское завоевание нанесло ему сокрушительный удар», писал еще А.Н. Насонов. Подробнее см.: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М., Л., 1940. С. 38-39.

[108] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461.

[109] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь…. С. 39.

[110] *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 135.

1239-1240 гг. вряд ли могла считаться безопасной, и набег татар на Мордву, Муром и Гороховец, произошедший уже в отсутствие великого князя, лишний раз это подтвердил. То обстоятельство, что, рассказав об этом набеге, составитель Лавр. написал про то, что «тогды же бѣ *пополохъ золъ* по всей земли, и сами не вѣдяху и *гдѣ хто бѣжить*»[111], подтверждает, что к этому моменту причин для «довольно быстрого» возвращения населения в города Суздальской земли не было. Все это означает, что Ярослав вряд ли мог укрепить свою дружину за счет местных сил.

Учитывая непростую военную ситуацию в Южной Руси, а также то, что к этому времени сфера интересов нового великого князя владимирского должна была бы переместиться на северо-восток русских земель, стремление Ярослава осуществить поход к далекому Каменцу, действительно, не может не вызывать удивления. Еще Н.М. Карамзин выражал изумление по поводу того, что Ярослав, прибывший из Киева в разоренный татарами Владимир, чтобы занять великокняжеский престол, вскоре вновь оказался на другом краю Русской земли[112]. С.М. Соловьев даже предположил, что в данном случае речь идет не о Ярославе Всеволодовиче, а о совершенно другом человеке - тезке великого князя владимирского, одном из мелких волынских князей Ярославе Ингваревиче. Историк исходил из того, что и в Лавр., и в Ипат., в которых рассказывается о походе на Каменец и пленение жены Михаила Черниговского, князь Ярослав назван только по имени, что, по мнению С.М. Соловьева, и могло породить путаницу. Впоследствии ряд исследователей поддержали такую трактовку[113]. Между тем, сам Н.М. Карамзин, первым

---

[111] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469-470.

[112] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 182. Прим. 20.

[113] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II. С. 322. Прим. 277; *Грушевський М.С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ, 1991. С. 423; *Экземплярский А.В.* Указ. соч. С. 17. Прим. 36, *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев, 1985. С. 252; *Майоров*

обративший внимание на странность поступка великого князя владимирского и также задумывавшийся о возможной причастности князя Ярослава Ингваревича к этим событиям, в итоге отверг подобную версию[114]. Действительно, если южнорусская Ипат., теоретически могла иметь в виду какого-то иного Ярослава, то владимиро-суздальская Лавр. (особенно, в том контексте, в котором в ней рассказывается о походе на Каменец), могла рассказывать только о великом князе владимирском[115]. Учитывая это, решение князя покинуть свои новые владения и в условиях начавшегося нашествия Батыя на Южную Русь отправиться в рискованное путешествие по направлению к Киеву – то есть туда, откуда он задолго до этого прибыл -- выглядит более чем странным. Попробуем найти этому объяснение, тем более что, на наш взгляд, это может прояснить вопрос о том, когда именно Ярослав Всеволодович прибыл во Суздальскую землю.

Как представляется, единственное рациональное объяснение странному и рискованному поступку, совершенному Ярославом Всеволодовичем в 1239 г., может состоять в следующем. Великое княжение в Киеве он утратил вовсе не потому, что вынужден был уехать во Владимир, чтобы занять там освободившийся после гибели брата великокняжеский стол, а по каким-то иным обстоятельствам, связанным, скорее всего, с продолжающейся междоусобицей в Южной Руси. Ровно об этом, кстати, и сообщает Ипат.: «И потомь приде Ярославъ Суждальскый и взя Киевъ подъ Володимеромъ, *не мога его держати*»[116]. Однако после этого, вопреки Ипат., весьма путано излагающей в этом месте хронологию и последовательность событий, Ярослав, судя по всему, не сразу «пошел снова в Суздаль» («иде пакы

А.В. Галицко-Волынская Русь… С. 602; *он же.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // Rossica Antiqa. 2012/2 (6). С. 48 и др.

[114] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 182. Прим. 20.

[115] Подробнее см.: *Горский А.А.* Русь. От славянского расселения… С. 186-187. Прим. 27; *Лукин П.В.* Указ. соч. С. 630.

[116] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 777.

Суждалю»), и покинул Южную Русь не 1237-м, как это могло показаться из сообщения Ипат., и не в 1238-м, как это следует из Лавр., а существенно позже – скорее всего, летом или даже ранней осенью 1239 г. При этом, пребывая на юге Руси, уже де-факто не будучи киевским князем, он не обязательно все время должен был находиться в Киеве. Ярослав мог утратить власть над «матерью городов русских», но при этом остаться поблизости, например, в одной из великокняжеских резиденций – в Вышгороде или Белгороде, или в соседнем Переяславле-Русском[117].

Между тем, Ярослав Всеволодович вполне мог задержаться в этих краях и на более длительный срок. Если представить, что после смерти старшего брата он не сразу покинул Киевскую землю, и что свой поход на Каменец против Михаила Черниговского (который, согласно Ипат., занял Киев после ухода оттуда Ярослава), он осуществил не из Владимира-на-Клязьме, а с территории Южной Руси, многое встает на свои места. Во-первых, предлагаемая трактовка объясняет, откуда Ярослав Всеволодович мог взять военные силы для нападения на обоз Михаила: вероятнее всего, это была дружина, которая была с Ярославом в Киеве (в данном случае, войск потребовалось бы существенно меньше, чем, если бы он шел на Каменец из Владимира). Во-вторых, это объясняет и мотивы Ярослава: в пылу междоусобной войны за обладание киевским столом он вполне мог попытаться либо взять реванш над Михаилом Черниговским, либо просто поквитаться со своим давним врагом, в спешном порядке покинувшим Киев, а, значит, ставшим более уязвимым. Наконец, это объясняет то, каким образом Ярослав смог столь оперативно отреагировать на бегство своего недруга. Ведь расстояние, которое успел преодолеть обоз Михаила после отъезда из Киева,

[117] Подробнее см.: *Храпачевский Р.П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011. С. 217-218. В юности 11-ти летний Ярослав Всеволодович по воле отца княжил в Переяславле-Русском (ПСРЛ Т. 1. Стб. 416; Т. 41. М., 1995. С. 127. См.: *Экземплярский А.В.* Указ. соч. С. 8; *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 170).

было примерно в четыре-пять раза меньше, чем расстояние, которое пришлось бы преодолеть Ярославу Всеволодовичу, если бы он отправился в районе Каменца-на-Случе из Владимира-на-Клязьме. Вряд ли при таком соотношении дистанций Ярослав, получив известие о бегстве Михаила Всеволодовича из Киева, успел бы нагнать княжеский обоз и взять супругу черниговского князя в плен[118]. Чтобы столь результативно преследовать своего давнего врага, Ярослав Всеволодович должен был находиться где-то поблизости – на территории не Северо-Восточной, а Южной Руси. К тому же, если поход Ярослава на Каменец был осуществлен не из Владимира, а с юга Руси, он уже не выглядит столь неоправданным в политическом и военном плане мероприятием, да и риск его оказывается весьма умеренным. Наконец, это объясняет странное отсутствие информации о деятельности великого князя владимирского на территории Суздальской земли, которое было свойственно Лавр. Если представить, что Ярослав Всеволодович до конца 1239 г. оставался за пределами этой территории, становится понятно, почему летописец вынужден был прибегать к использованию не относящихся к князю фрагментов из предыдущего летописания.

Трудно судить, в какой мере Ярослав решил поставленную перед собой задачу, если речь шла о желании отомстить Михаилу Всеволодовичу (тем более что плененную жену черниговского князя Ярославу Всеволодовичу все равно пришлось под давлением ее братьев-Романовичей отпустить[119]). Однако можно уверенно утверждать, что конечной цели, поставленной им еще в 1236 г., когда он покинул Новгород, чтобы занять княжеский стол в Киеве, он так и не достиг. Вероятнее всего, на данном этапе поход на Каменец стал последней точкой в его борьбе за власть на юге Руси. После чего он двинулся на

[118] Если, конечно, не предполагать, что отъезд из столицы Михаила Черниговского и его жены произошел с разницей в месяц-полтора – именно столько времени необходимо было затратить Ярославу для того, чтобы, узнав о бегстве черниговского князя, добраться до Южной Руси из Владимира и настичь отъехавшую из Киева жену Михаила Всеволодовича.
[119] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 782. См.: *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем… С. 6.

Смоленск, а оттуда уже (возможно, с кратким заходом в Новгород на свадьбу к сыну) – во Владимир[120].

5.3. Кончина как подвиг: этапы прославления великого князя Ярослава Всеволодовича

Другой дискуссионный вопрос, касающийся биографии Ярослава Всеволодовича, связан с обстоятельствами его кончины. Еще Н.И. Серебрянский отмечал, что лапидарность и неэмоциональность повествования о великом князе «особенно заметна в описании смерти Ярослава» в раннем русском летописании, прежде всего в летописании Суздальской земли, «как будто речь идёт не о великом князе Владимирском, а о каком-нибудь захудалом удельном князе!»[121]. Действительно, в рассказе Лавр., созданном во второй половине XIII в. («тое же осени Ярослав князь сынъ Всеволожь преставися во иноплеменницѣх, ида от Кановичь месяца сентября въ 30 на память святаго Григорья»[122]), ничего не говорится о причинах смерти великого князя[123]. В силу малой информативности сообщения Лавр. при решении вопроса об обстоятельствах кончины великого князя Ярослава историографическая традиция исходит в первую очередь из развёрнутого повествования «Истории монголов» Иоанна де Плано Карпини, в 1245–1247

---

[120] Подробнее о деталях и хронологии этого похода: *Рудаков В.Н.* Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича на Каменец (1239 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022 № 3 (89) (сентябрь) С. 15-33.

[121] *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1915. С. 172–173. Ср.: *Isoaho M.* Op. cit. C. 57.

[122] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

[123] По мнению современных исследователей, великий князь «умер не по пути домой, а всё ещё пребывая в ставке матери Гуюка, и его кончина имела место в значительном отдалении от Каракорума» (*Хаутала Р.* Ездил ли Александр Невский в Монголию? Несколько замечаний о поездках Александра Невского и его отца к монгольским правителям // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 201–203).

гг. посетившего ставку Батыя на Волге, а затем резиденцию великого хана Гуюка в Монголии: «В это время умер Ярослав, великий князь некоей части Руси, которая называется Суздаль. Его недавно пригласила мать императора, дала ему еду и питьё своей рукой, как бы оказывая честь; он вернулся туда, где он жил, немедленно заболел и умер через двенадцать[124] дней, а всё его тело удивительным образом посинело. Поэтому *все полагали* (здесь и далее курсив мой. – *В.Р.*), что он был там отравлен, чтобы они смогли беспрепятственно и полностью владеть его страной»[125]. Сведения об отравлении Ярослава Всеволодовича зафиксированы также в созданной до конца XIII в. галицко-волынской летописи, согласно которой татары «Ярослава, великого князя Суждальского, *зелиемъ умориша*»[126]. Не противоречат версии об отравлении и сведения более поздних источников XV в. – Жития Александра Невского (далее – ЖАН) в редакции С1 и в так называемой Особой редакции, схожей с С1, а также зависимых от них летописных и агиографических произведений[127]. При этом там сообщались и новые существенные подробности произошедшего, о которых не шла речь в источниках более ранних, в частности, что великий князь перед смертью был оклеветан перед великим ханом неким Федором Яруновичем («*обажень* бо бысть Феодоромъ

[124] Согласно Вольфенбюттельскому списку; по версии Кембриджского списка – спустя семь дней. *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 185.

[125] Там же.

[126] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808.

[127] *Горский А.А.* Об обстоятельствах гибели великого князя Ярослава Всеволодича // *Горский А.А.* «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 158; *Духанина А.В.* Рукописная и старопечатная традиция Жития Александра Невского // Благоверный великий князь Александр Невский. Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 99–112.

Яруновичемъ царю»), после чего Ярослав Всеволодович «многы дни претерпѣвъ», «преставися… в Ордѣ» «*нужною* смертью»[128].

Обстоятельства смерти великого князя многократно становились предметом научного анализа. Исследователи по-разному оценивали информацию, имеющуюся в их распоряжении, в частности высказывались сомнения в достоверности рассказа Плано Карпини. Прежде всего это касалось мотивов убийства князя, о которых сообщал папский посол. Н.М. Карамзин писал, что «моголы, сильные мечем, не имели нужды действовать ядом, орудием злодеев слабых»[129]. Вслед за ним С.М. Соловьёв отмечал, что «догадка Плано-Карпини о причине отравления Ярослава невероятна, ибо смерть одного Ярослава не переменяла дел на севере, следовательно, не могла быть полезна для татар, которым надобно было истребить всех князей, для того чтобы свободно владеть Россией»[130]. Несмотря на это, основоположники отечественной историографии, а вслед за ними и большинство более поздних исследователей, с доверием отнеслись к комплексу свидетельств источников, которые, по их мнению, подтверждали версию об отравлении великого князя[131]. Более скептически к традиционной трактовке произошедшего отнёсся Дж. Феннел, отметивший, что «любое объяснение этих событий может быть только гипотетическим», и не исключивший, что «Ярослав на

---

[128] ПСРЛ. Т. 6. Вып.1. М., 2000. Стб. 325–326; *Мансикка В. Й.* Житие Александра Невского. Разбор редакций и тексты. СПб., 1913. С. 13 (второй пагинации).

[129] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 23.

[130] *Соловьёв С.М.* Сочинения. Кн. II. С. 147.

[131] *Экземплярский А.В.* Указ. соч. С. 18; *Насонов А.Н.* Монголы и Русь… С. 32; *Вернадский Г.В*. Монголы и Русь. Тверь, 1997. С. 149; *Пашуто В.Т.* Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 205; *Каргалов В.В.* Указ. соч. С. 138–139; *Матузова В.И., Назарова Е.Л*. Крестоносцы и Русь… С. 267; *Кучкин В.А.* Александр Невский - государственный деятель и полководец … С. 27; *Карпов А.Ю.* Батый. М., 2011. С. 199; *Селезнёв Ю.В.* Русские князья… С. 175; *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. СПб., 2018. С. 156 и др.

самом деле просто умер естественной смертью, не выдержав тягот обратного пути, как это произошло со многими из его свиты по дороге в Каракорум». Впрочем, несмотря на это, и Дж, Феннел полагал, что версия об отравлении, выдвинутая Плано Карпини, «выглядит наиболее вероятной», поскольку папский посол «находился там в это время, и для него не составило бы труда получить сведения от спутников Ярослава»[132].

Крупным шагом вперёд в изучении обстоятельств смерти Ярослава Всеволодовича стал цикл работ А.А. Горского, убедительно показавшего, что значительную часть сведений, касающихся русских земель и их правителей, папский посол действительно получил от русских, с которыми встречался во время путешествия, и в этом смысле «взгляд на завоевателей, присутствующий в “Истории монголов”, – это в значительной мере русский взгляд, пропущенный через восприятие францисканцев». А.А. Горский подробно проанализировал круг информаторов Плано Карпини[133], а также показал, что зачастую мнения собеседников папского посла сформировались на основе их собственных фобий и предубеждений, а вовсе не объективной информации[134].

Одной из немногих работ, ставящих под сомнение «классическую» версию об отравлении великого князя, стала вышедшая несколько лет назад статья Л.В. Воротынцева и Т.Р. Галимова. Они привели примеры сознательного искажения информации со стороны Плано Карпини, который «был заинтересован в такой подаче материала, которая могла бы быть использована в дальнейшем для политико-дипломатических действий католической церкви» и пришли к выводу, что сообщение о «якобы произошедшем отравлении Ярослава Всеволодовича» могло иметь

---

[132] *Феннел Дж.* Указ. соч. С. 140.

[133] *Горский А.А.* Свидетели путешествия Плано Карпини… С. 170–181; *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 191–192, 332–340 (коммент. 62 к главе IX).

[134] *Горский А.А.* Об обстоятельствах гибели… С. 163–168; *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 185, 324–330 (коммент. 48 к главе IX).

«политически ангажированную подоплёку»[135]. Исследователи допустили, что имеющееся в поздних источниках определение смерти великого князя как «нужной» не обязательно означало её насильственный характер, и что у имперских властей не было мотивов убивать русского князя, в том числе, при помощи яда[136]. К крупным минусам этой работы стоит отнести то, что её авторы, анализируя более поздние известия о «нужной смерти» князя, апеллировали к сообщениям Московского свода конца XV в. (далее - МС конца XV в.)[137], тогда как там лишь повторялись сведения, содержащиеся в С1. Кроме того, поставив задачу осуществить «внутреннюю критику» источников, исследователи так и не вышли за рамки анализа сообщений «Истории монголов» и Ипат., оставив без внимания соответствующую статью Лавр., а также информацию, содержащуюся в С1 и ряде других летописных и агиографических памятников.

И сторонники версии об отравлении, и их немногочисленные оппоненты при оценке обстоятельств смерти Ярослава Всеволодовича прежде всего руководствовались соображениями общего порядка либо прибегали к синтезу информации, находящейся в разных (часто асинхронных по отношению друг к другу) источниках, не уделяя достаточного внимания анализу её происхождения и смысловой направленности. При этом вопросы о том, каким образом на разных исторических этапах формировалась память о последних днях жизни великого князя, а также как сложившиеся на протяжении веков представления о нём самом влияли на последующее изложение обстоятельств смерти Ярослава Всеволодовича, в науке не ставились.

---

[135] *Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р.* «Нужная смерть» великого князя: к вопросу о причинах и обстоятельствах кончины Ярослава Всеволодовича осенью 1246 г. // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11. № 3. С. 570–572. Ср.: *Юрченко А.Г.* Золотая Орда. Между Ясой и Кораном. Начало конфликта. СПб., 2012. С. 268.

[136] *Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р.* «Нужная смерть» … С. 575–576.

[137] Там же. С. 565, 570.

Между тем, мы имеем дело с несколькими, часто не сводимыми один к другому этапами формирования памяти о событиях, связанных со смертью великого князя. Чтобы понять, на основе чего формировалась эта память, стоит более внимательно рассмотреть информацию каждого из имеющихся источников, а также проанализировать их связь с сообщениями житий святых князей, окончивших свой земной путь либо в Орде (Михаил Черниговский и Михаил Тверской), либо по пути «ис татары» (Александр Невский).

5.3.1. «Преставися во иноплеменницѣх»: кончина великого князя в источниках XIII в.

Первый этап формирования памяти о кончине Ярослава Всеволодовича был связан с информацией, отразившейся в «Истории монголов». Ценность свидетельств её автора обусловлена тем, что Плано Карпини лично встречался в ставке хана с великим князем и многими другими упоминаемыми в «Истории» лицами. И хотя францисканец писал о том, что «мы, руководствуясь истиной, записали вышеизложенное – *всё, что видели сами* или *слышали от других, кого мы считали заслуживающими доверия*, чему свидетель Господь, *ничего сознательно не добавляя*»[138], в полной мере доверять этим словам не стоит.

О том, как папский посол работал с источниками информации, свидетельствует, например, сообщение о готовящемся монголами во главе с великим ханом Гуюком походе на Запад против христианского мира. Его начало якобы было запланировано великим ханом едва ли не на следующий день после кончины Ярослава Всеволодовича, о чём, как отмечал посол, «*нам сказали* другие *люди, которым была известна истина*»[139]. Одновременно Плано Карпини (причём также со ссылкой на источники, внушавшие ему полное доверие) сообщал о стремлении великого хана принять христианство:

---

[138] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 192.

[139] Там же. С. 165, 185.

«*говорили нам христиане из его слуг, что они твёрдо верят*, что он, по-видимому, станет христианином. И у них *есть в пользу этого ясное доказательство*, что он держит при себе христианских клириков и предоставляет им содержание»[140]. Таким образом, в «Истории монголов» Гуюк был показан как человек, одновременно готовящий поход «против Церкви Божией» и всего христианского мира[141] и при этом намеревавшийся стать христианином.

Иногда Плано Карпини представлял единичные события в качестве проявления общих тенденций. Со ссылкой на казус Михаила Всеволодовича Черниговского он сообщал, что монголы «*подыскивают предлоги для убийства*» правителей других стран, или что они одним «позволяют уйти и отпускают, чтобы те приманили других», а «*иных* губят отравленными напитками» (в этом случае, вероятно, имелся в виду казус Ярослава Всеволодовича, тоже уникальный в своём роде). Из того же ряда и его сообщение, что «у тех же, кому они позволяют возвратиться, они требуют сыновей и братьев, которых они *больше никогда не отпускают*, как было проделано с *сыном Ярослава* и с *каким-то* князем алан и со многими другими». Между тем из Лавр. известно, что единственный отправленный к тому времени отцом к великому хану «сын Ярослава» князь Константин Ярославич «приѣха ис Татаръ от Кановичь къ отцю своему с честью» в 1245 г., т.е. ещё до отъезда Ярослава Всеволодовича в Орду[142]. Получается, что

---

[140] Там же. С. 188.

[141] Сведения Плано Карпини относительно захватнических планов Гуюка в отношении Европы не находят подтверждения в других источниках (Там же. С. 255 (коммент. 31 к главе V)).

[142] Папский посол упоминает также некоего «сына Ярослава» при описании казни Михаила Черниговского, произошедшей в ставке Батыя 20 сентября 1246 г. Этот рассказ был записан им уже после смерти Ярослава Всеволодовича с чужих слов, поскольку сам Плано Карпини тогда находился в Монголии. О том, кем именно мог быть этот «сын Ярослава», высказывались разные мнения. Нельзя исключать и ошибку посла, назвавшего «сыном

Плано Карпини, оказавшийся при дворе великого хана годом позже, полагался либо на непроверенные слухи, либо (с учётом того, что имел возможность проверить эту информацию у людей Ярослава) сознательно сообщал заведомо недостоверные сведения, сгущая краски[143]. Возможно, представление о том, что одного из сыновей Ярослава татары «больше никогда не отпускают» сформировалось у папского посла после его встречи в ставке Батыя (ещё до посещения им Каракорума) с «сыном князя Ярослава, с которым при себе был один воин из Руси по имени Сангор»[144]. В любом случае само по себе нахождение в Орде сына великого князя не давало Плано Карпини оснований делать столь далеко идущие выводы.

Папский посол зачастую некритически воспринимал информацию и воспроизводил её в отчёте о путешествии. Это касается и сведений, относящихся к обстоятельствам кончины Ярослава Всеволодовича[145], которые францисканец получал от спутников князя. Важно разобраться, на чём могло быть основано их мнение о том, что князя отравили. В историографии не анализировался контекст сообщения Плано Карпини о кончине Ярослава Всеволодовича. Между тем непосредственно перед этим рассказом в «Истории монголов» повествуется ещё об одном отравлении. Накануне смерти Ярослава «была схвачена *тётка* этого императора (Гуюка. – *В.Р.*), которая *с*

Ярослава» внука Михаила Черниговского ростовского князя Бориса Васильковича, который, согласно русским источникам, в момент казни деда находился вместе с ним в Орде. Но Борис Василькович не стал заложником татар: после казни Михаила он был отправлен правителем Улуса Джучи к своему сыну Сартаку, который, «почтив» князя, «отпусти я в своя си» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470–471; *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 213–215 (коммент. 6 к главе III), *Милютенко Н.И.* Указ. соч. С. 187).

[143] *Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р.* «Нужная смерть»… С. 571; *Романив В.Я.* Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 93–94.

[144] Вероятнее всего, это мог был князь Константин Ярославич (*Иоанн де Плано Карпини.* История монголов… С. 334–335 (коммент. 62 к главе IX)).

[145] *Горский А.А.* Об обстоятельствах гибели… С. 165–169.

помощью яда убила его отца, в то время как их войско находилось в Венгрии, и из-за этого войско, которое пребывало в вышеуказанной области, возвратилось оттуда назад; её и многих других судили, и они были убиты. *В это же время* умер Ярослав, великий князь в некоей части Руси, которая называется Суздаль»[146].

Сам по себе этот рассказ наглядно демонстрирует специфику распространения слухов в столице Монгольской империи. Ведь в действительности казнили не «тётку императора», а лишь приближённую его матери Фатиму-хатун, обвинённую в отравлении не Угедэя – отца «действующего» великого хана (он умер за пять лет до этого, в декабре 1241 г.), а его брата Кутана[147]. Однако сведения, изложенные папским послом, не являлись плодом его фантазии – он пересказал то, о чём говорили в Каракоруме. По мнению В.Я. Романива, «версия об отравлении Угедэя распространялась противниками вновь избранного хана» Гуюка, и францисканцы (помимо Плано Карпини, свою версию случившегося изложил и его спутник Бенедикт Поляк)[148] лишь передавали эти слухи. О том, что «слухи о коварной женщине» действительно имели место в то время, а также о том, что эти слухи были «всего лишь злой сплетней»[149], можно судить по сообщению Рашид ад-Дина, который, впрочем, упоминал о совсем других «отравителях». По его данным, в окружении Гуюка активно боролись с запущенной кем-то ложной информацией будто бы хан Угедэй был отравлен некоей Абикэ-беги и её сыном, которые «подносили чашу [с вином] и, наверное, дали каану яду». При этом Илджидай-нойон, являвшийся молочным братом каана и влиятельным эмиром из рода джелаир, сказал: «Что за вздорные слова? Сын Абикэ-беги – баурчи, он ведь всегда подносил чашу. И

---

[146] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 184–185.

[147] Там же. С. 323 (коммент. 47 к главе IX).

[148] Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. С. 88, 113.

[149] *Романив В.Я.* Указ. соч. С. 92–93.

каан всегда пил вина слишком много. Зачем [нам] нужно позорить своего каана, [говоря], что он умер от покушения других? Настал его смертный час. Надо, чтобы больше никто не говорил таких слов»[150]. Из этого следует, что в самом Каракоруме слухи об отравлении того или иного высокопоставленного лица при участии некой коварной женщины не были редкостью[151], и Плано Карпини, судя по всему, им доверял[152]. Поверил он и русским спутникам великого князя владимирского, которые, видимо, будучи в шоковом состоянии после смерти своего господина, под воздействием слухов о женщинах-отравительницах вполне могли решить, что его также отравили. Это же касается представлений собеседников де Плано Карпини о планах монгольских правителей в отношении русских земель: как показал А.А. Горский, их мнение на этот счет базировались, прежде всего, на страхе, что «вслед за Батыевым погромом 1237-1241 гг. завоеватели перейдут к непосредственному владычеству над всеми русскими землями»[153].

Но папский посол явно не ограничился фиксацией мнения спутников великого князя. Во второй части своего сообщения он уточнил, что дополнительным *«доводом в пользу этого* (т.е. в пользу отравления. – *В.Р.*) является то, что она (мать императора. – *В.Р.*), *в то время как его* (Ярослава. – *В.Р.*) *люди ничего не знали*, тотчас, поспешно, отправила на Русь к его сыну Александру посольство, с тем чтобы он прибыл к ней, так как она хотела даровать ему страну его отца; он хотел поехать, но остался [дома]. И тем временем она давала грамоты его людям, чтобы он сам приехал и получил

---

[150] *Рашид ад-Дин.* Указ. соч. С. 42.

[151] *Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р.* «Отравленные» ханы: феномен внезапной смерти правителей в ментальном восприятии средневековых монгол // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12. № 2. С. 316.

[152] Об отравлении Угедэя он упоминал неоднократно (*Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 166, 184–185). О беспочвенности этих слухов см. подробнее: там же. С. 307–308, 323 (коммент. 2 к главе VIII, коммент. 47 к главе IX).

[153] *Горский А.А.* Об обстоятельствах гибели… С. 165-167.

страну своего отца. *Все, однако, думали*, что, если он приедет, она либо убьёт его, либо вечно будет держать в плену»[154]. Очевидно, что обо всём этом Плано Карпини не мог узнать, находясь в Каракоруме. Поскольку речь шла о событиях и явлениях большой временнóй протяжённости, соответствующую информацию он получал в разное время – в том числе уже после того, как покинул столицу империи и добрался до ставки Батыя[155]. Значит, «доводы в пользу» версии об отравлении были уже доводами самого посла, сделанными им на основе дополнительно полученной информации, а не спутников Ярослава, изначально выдвинувшими версию об отравлении великого князя. Однако конечная цель действий отравительницы Туракины все равно ускользала от понимания францисканского монаха (то ли она отдаст Александру «страну его отца», то ли убьет или «вечно будет держать в плену»). При этом «доводы» папского посла мало что добавляли с точки зрения *доказательной* базы для обвинения Туракины в причастности к смерти Ярослава Всеволодовича: и изначально, и впоследствии посол опирался лишь на слухи и домыслы, которые, судя по всему, в изобилии возникали в среде европейцев, путешествующих «в татары» и обратно. Тем не менее Плано Карпини целенаправленно искал дополнительные аргументы в подтверждение версии об отравлении, и его информаторы были готовы ему помогать: по словам посла, они «*сами нам охотно обо всём сообщали*, иногда без вопросов, некоторые – потому что *знали, чего мы хотим*»[156]. Это может означать, что собеседники папского посла зачастую предоставляли ему ту информацию, в которой он был заинтересован, и которая соответствовала уже сформировавшейся у него точке зрения.

---

[154] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 185.

[155] Речь идёт о промежутке между ноябрём 1246 г., когда посольство Плано Карпини покинуло столицу Монгольской империи, и 9 мая 1247 г., когда францисканцы оказались в ставке Батыя (*Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 327–329 (коммент. 48 к главе IX)).

[156] Там же. С. 186.

На первый взгляд, версия, изложенная Плано Карпини, подтверждается рассказом галицко-волынской летописи[157]. Однако сведения, отразившиеся в этом источнике, вполне могли иметь то же происхождение, что и рассказ «Истории монголов». По крайней мере, по возвращении на Русь папский посол имел возможность, по его собственному свидетельству, в течение «целой недели» лично общаться с князьями Даниилом и Васильком Романовичами, а также людьми из их окружения[158], от которых информация о том, как умер князь Ярослав, могла попасть в местное летописание[159]. Косвенным аргументом в пользу этого является то, что версия об отравлении Ярослава Всеволодовича отразилась только в летописании тех мест, где проезжало папское посольство. При этом на родине великого князя в Суздальской земле, лежавшей в стороне от маршрута францисканских монахов, скорее всего, об этом не знали.

Лавр. очень скупо описывает события тех лет, тем не менее, в ней точно фиксировалось всё, что касалось поездок князей к татарам: состав участников посольств, маршрут (к Батыю или «къ Канови»), итоги (отпущены «с чѣстью», «расудивъ имъ когождо в свою отчину», «давшее старѣишиньство во всеи братьи»), а также чётко различались обстоятельства смерти Михаила Черниговского и Ярослава Всеволодовича[160]. Происхождение рассказа о гибели Михаила Черниговского в Лавр. более или менее понятно: о произошедшей в ставке Батыя казни мог поведать его внук – ростовский князь Борис Василькович, благополучно вернувшийся домой. Но чем объяснить отсутствие в летописи информации об отравлении Ярослава? Если придерживаться общепринятой версии, согласно которой тело великого князя доставили для погребения во Владимир, получается, что люди, его

[157] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 808.

[158] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 190.

[159] *Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р.* «Нужная смерть»… С. 565.

[160] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470–473.

сопровождавшие, имели возможность рассказать землякам об обстоятельствах кончины[161]. Значит, либо, прибыв в Суздальскую землю, они уже не считали, что князя отравили, либо сама версия об отравлении с самого начала являлась версией лишь Плано Карпини.

Учитывая, что из окрестностей Каракорума тело князя для погребения пришлось бы везти на родину несколько месяцев (князь умер 30 сентября – значит, как минимум, до конца 1246 г.), нельзя полностью исключить, что его похоронили неподалёку от места кончины, а вовсе не во Владимире[162]. В этом случае отсутствие в Лавр. сведений о его отравлении можно объяснить только тем, что спутники князя по каким-то причинам так и не доехали до столицы Суздальской земли: погибли в дороге, решили не возвращаться, поскольку сами были не из этих мест (вполне возможно, что в свою последнюю поездку к татарам Ярослав Всеволодович отправился не из Владимира, а из Киева)[163]. Как известно, гробница великого князя находится во владимирском Успенском соборе. В конце XIX в. занимавшийся краеведением архимандрит Порфирий отмечал, что тело Ярослава Всеволодовича «из Сибирских степей было привезено во Владимир и погребено в соборном храме, оплаканное прибывшим из Новгорода Александром Ярославичем, другими сыновьями Ярослава Всеволодовича и братом его Святославом», но на чём основывалось это заключение, историк не указал[164]. Однако в Лавр. нет указания на место и время его погребения, там сообщается лишь, что, «*слышавъ*» о смерти отца,

---

[161] М.И. Хитров, автор популярной биографии Александра Невского, писал, что спутники Ярослава Всеволодовича «без сомнения, подробно рассказали обо всём его сыновьям», имея в виду версию отравления. Однако то, как Лавр. излагала обстоятельства кончины князя, свидетельствует, скорее, об обратном (*Хитров М.И.* Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. СПб., 1899. С. 159–160).

[162] *Лукин П.В.* Указ. соч. С. 635.

[163] *Хаутала Р.* Ездил ли Александр Невский в Монголию?.. С. 203.

[164] *Порфирий (Виноградов), архим.* Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и погребенные в них князья и святители. Владимир, 1890. С. 35–42.

сын великого князя Александр Ярославич приехал из Новгорода во Владимир, «и плакася по отцѣ своємь с стръыемъ своимъ Святославамъ и с братею своею», после чего «того же лѣта Святославъ князь сынъ Всеволожь сѣде в Володимери на столѣ отца своего, а сыновци свои посади по городомъ яко ж бѣ имъ отѣць урядилъ Ярославъ»[165]. Очевидно, что в данном фрагменте речь не шла о погребении: князья собрались во Владимире, когда получили *известие* о смерти Ярослава, а не тогда, когда на родину было *доставлено тело*. Следует отметить, что Лавр. очень тщательно фиксировала не только факты смерти, но и места погребений князей и иерархов Церкви. По моим подсчетам, только за четверть века – со времени разорения Суздальской земли Батыем (1238) до кончины Александра Ярославича (1262) – в ней зафиксировано девять княжеских смертей и одна смерть епископа (ростовского владыки Кирилла). Из этих десяти случаев только в отношении Ярослава Всеволодовича и его брата Святослава (вероятно, умершего в Юрьеве, где он правил после изгнания с великокняжеского стола) нет указаний на место погребения[166].

У местного летописца вряд ли имелись основания не помещать информацию об обстоятельствах кончины великого князя в своё повествование, если бы он ею располагал. Дж. Феннел, правда, высказал

---

[165] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

[166] Архимандрит Порфирий считал, что сохранившаяся гробница Ярослава Всеволодовича «явилась, может быть, во времена императрицы Екатерины II». При этом цитируемая им надпись на гробнице – «мощи Благовернаго Великаго Князя Ярослава Всеволодовича положены на сем месте в лето 6755 сентября 30 дня» – не может считаться достоверной: умерший в центральной части современной Монголии великий князь не мог быть погребён во Владимире непосредственно в день кончины. См. подробнее: *Порфирий (Виноградов), архим.* Указ. соч. С. 35–42; *Георгиевский В.* Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир, 1896. С. 68. Ср.: *Седов Вл. В.* Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 447–481.

гипотезу, что составитель рассказа Лавр. лаконичным сообщением о смерти Ярослава стремился «избежать любого упоминания об участии татар в его смерти – типичное проявление нежелания обидеть татар или включить в летопись какие-либо сведения, которые могут быть истолкованы татарами как оскорбительные»[167]. Но еще Н.И. Серебрянский справедливо указывал, что «побуждений замалчивать факты у летописца не могло быть. Татарской цензуры над русскими сочинениями не было, и о самих татарах русские писатели XIII в. отзывались очень свободно и резко»[168]. Правомочность трактовки Дж. Феннела вызывает сомнение ещё и потому, что в той же летописной статье Лавр. сообщала о гибели в Орде Михаила Всеволодовича Черниговского. Этот рассказ был явно критическим по отношению к завоевателям, которые в нём названы «нечестивыми»[169]. Если сравнить оба повествования (Ипат. и Лавр.) о гибели в Орде Михаила Черниговского, окажется, что при некотором расхождении в деталях по тональности описания татар они схожи друг с другом[170]. При этом рассказы о смерти Ярослава Всеволодовича в обеих летописях не совпадают. Это означает, что Лавр. излагала не цензурированную, как полагал Феннел, а просто *другую* версию смерти князя.

Ничего не сообщалось об отравлении Ярослава и в русских статьях «Летописца вскоре» патриарха Никифора[171]. При этом составитель текста

---

[167] *Феннел Дж.* Указ. соч. С. 140.

[168] *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 173.

[169] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471.

[170] Ср.: там же. Т. 2. Стб. 795, 808.

[171] Пользуясь случаем, благодарю П.В. Лукина, обратившему на это моё внимание. «Краткий ростовский летописец XIII в.» А.Н. Насонов считал «едва ли не древнейшим сохранившимся летописным сводом» (*Насонов А.Н.* Летописный свод конца XV в. (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. II. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. С. 279). По мнению М.Н. Тихомирова, источником русских статей «Летописца» явилась «летопись, близкая по составу к Лаврентьевской, но отнюдь не тождественная ей. Краткие

чётко различал причины и обстоятельства смерти князей («татарове *убиша* князя Юрья и Василка и инехъ много», «Глебъ приехавъ *ис* Татаръ… и *умре*»). Тем не менее о смерти Ярослава Всеволодовича («Ярославъ *умре въ Татарехъ*») сообщалось точно также, как о и смерти других князей – как умерших на Руси («по съмерти Ольксандрове братъ его Ярославъ лет 10 и *умре*. Василии братъ его лет 4 и *умре*»), так и скончавшихся естественной смертью в Орде. В частности, о князе Борисе Васильковиче сказано, что он «княжи лет 40 и *умре въ Татарехъ*»[172], т.е., о его смерти сообщалось в тех же выражениях, что и о кончине Ярослава.

Учитывая эти обстоятельства, можно утверждать, что у нас нет твёрдых доказательств достоверности сведений об отравлении Ярослава Всеволодовича. Эта версия могла появиться, во-первых, в результате искажённого восприятия людьми из его окружения обстоятельств кончины князя, во-вторых, некритично воспринятого или предвзято поданного Плано Карпини описания этой смерти. Позднее версия об отравлении отразилась (возможно, при участии папского посла) в галицко-волынской летописи, но при этом осталась не воспроизведена в близком для потомков великого князя летописании Суздальской земли. Это не означает, что отравления Ярослава Всеволодовича не могло быть вообще, однако достоверность этой версии, равно как и альтернативной ей версии Лавр., представляется примерно одинаковой.

известия в конце летописца, относящиеся к 60-м и 70-м годам XIII столетия – редчайшие записи, составленные современником событий». Содержащая «Летописец вскоре» Кормчая была написана около 1280 г., во всяком случае не позже 1294 г., когда умер великий князь Дмитрий Александрович, по заказу которого создавалась сама рукопись (*Тихомиров М.Н.* Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 234).

[172] Там же. С. 239.

5.3.2. «Нужная» смерть в Орде: кончина Ярослава Всеволодовича в историописании XIV-XV вв.

Принципиальное значение для оценки версии об отравлении великого князя имеют поздние, XV в., варианты ЖАН в редакции С1 и в так называемой Особой редакции, схожей с С1. С созданием рассказа, легшего в их основу, следует связывать второй этап формирования памяти о кончине Ярослава Всеволодовича. Важной особенностью этих и всех последующих повествований является, во-первых, отсутствие прямых упоминаний об отравлении князя, во-вторых, содержащаяся в них информация о том, что перед смертью тот был «*обажень»* перед великим ханом неким Федором Яруновичем, после чего «*многы дни* претерпѣвъ», преставился «в Ордѣ *нужною* смертью»[173], и, в-третьих, проведение прямой аналогии между главным героем Жития князем Александром Ярославичем и его отцом[174].

Что касается новых сведений о смерти Ярослава Всеволодовича, то, как показал В.А. Кучкин, одним из их источников, вероятнее всего, была Пространная редакция житийной Повести о Михаиле Тверском, составленная в Твери в конце 1319 – начале 1320 г.[175] По мнению исследователя, «известие о насильственной смерти Ярослава Всеволодовича», читающееся в С1, «восходит к своду митрополита Фотия 1423 г., но источник его – Повесть о смерти в Орде Михаила Тверского», причём известие об этом событии – «древнейшее в литературе Северо-Восточной Руси»[176]. Как полагал В.А. Кучкин, о том, что чтение С1 восходит к Повести о Михаиле Тверском, «свидетельствует небольшой комментарий к известию о смерти Ярослава, чрезвычайно близкий к подобному комментарию о смерти Михаила,

---

[173] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 325–326, *Мансикка В.Й.* Указ. соч. С. 13.

[174] *Конявская Е.Л.* Александр Невский в исторических источниках // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010. С. 214.

[175] *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 234.

[176] Там же. С. 85, 226.

цитируется даже один и тот же стих 13 из XV главы Евангелия от Иоанна»[177]. Ни указаний на причину смерти Ярослава, ни упоминаний лиц, причастных к его кончине, в Повести о Михаиле Тверском не содержалось. При этом её составитель ввёл в рассказ новую деталь – информацию о том, что «сеи блаженыи приснопамятныи и боголюбивыи великии князь Михаило бысть сынъ великого князя Ярослава, внукъ же великого князя и блаженного Всеволодовичя[178]» скончался «*нужною смертию* въ Ордѣ *за християне*»[179]. Таким образом, уже на этом этапе начало формироваться представление о подвижническом характере кончины великого князя: Ярослав Всеволодович как бы становился предтечей своего внука – князя Михаила Ярославича Тверского, который, согласно житийной повести, также принял «*нужную страсть*» в Орде[180]. Другим источником сообщения, возможно, являлся рассказ Лавр. или близкой к ней летописи, оттуда в С1 могло попасть указание на дату преставления великого князя[181].

Повествование С1 о кончине князя Ярослава во многом строилось за счёт соединения на основе рассказа Повести о Михаиле Тверском образов обоих князей – деда и внука, и поэтому состоит из тех же «кирпичиков». Главный из них – приведённая евангельская цитата, на что обратил внимание В.А. Кучкин. Михаил Ярославич в житийной Повести «приять *страсть нужную*, *положи душу свою за други своя,* помня слово Господне, еже рече: *“Аще кто положить душу свою за другы своя”,* сеи же великыи наречется въ Царствии небеснѣмъ», а Ярослав Всеволодович в С1 «преставися… *нужною*

---

[177] Там же. С. 226. Прим. 25.

[178] В тексте указано лишь отчество великого князя Ярослава, имя пропущено.

[179] *Кучкин В.А.* Пространная редакция… С. 130.

[180] Там же. С. 126. Здесь слово «страсть» обозначает страдание, мучение (Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Т. 11. М., 2016. С. 599; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 28. М., 2008. С. 141; *Живов В.М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1991. С. 105.

[181] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 471; Т. 6. Вып. 1. Стб. 326.

смертью. Яко же Святое писание глаголеть*:* “*Да кто положить душю свою за другы своя*”, *сии же великии князь положи душу свою за вся люди земли Русскыя*. И причте его Господь къ избранному Своему стаду». Благодаря этой цитате определялся *смысл* поступков Михаила Тверского и Ярослава Всеволодовича. Также, как и «*терпеливыи* душею» Михаил в житийной повести, Ярослав в С1 «*многы дни претерпѣвъ*» от татар. Кроме того, в летописном изложении развивалась мысль Повести о Михаиле Тверском о том, что Ярослав принял смерть «за христианы»: согласно С1 он положил «душу свою *за вся люди земли Русскыя*», ради которых пошёл в Орду – «въ великую пагубную землю татарьскую»[182].

Получается, что уникальной информацией о смерти великого князя в источниках XV в. является лишь сообщение ЖАН в редакции С1 и в «Особой» редакции о некоем Федоре Яруновиче, который «обадил» Ярослава Всеволодовича перед «царем», всё остальное – не более чем развитие житийного сюжета, относящегося к биографии Михаила Тверского. Соглашусь с мнением А.А. Горского о том, что «подозревать данное известие в недостоверности нет оснований», поскольку «персонаж по имени Федор Ярунович более нигде не упоминается, и никакой смысловой нагрузки ввод его в повествование нести не мог»[183]. При этом, однако, следует уточнить: если само по себе введение в повествование данного персонажа никакой смысловой нагрузки не несло, то действие, которое он совершал, наоборот, имело вполне понятный смысл: оно придавало дополнительные черты сходства Ярослава Всеволодовича и Михаила Тверского. Последний перед смертью также был «обажен» перед ханом Узбеком[184].

В историографии неоднократно отмечалась специфика житийных памятников, посвящённых князьям-страстотерпцам, само наименование

---

[182] Там же. Стб. 337–338.

[183] *Горский А.А.* Об обстоятельствах гибели… С. 159. Прим. 3.

[184] *Кучкин В.А.* Пространная редакция… С. 139.

которых «преимущественно относится к тем святым, которые приняли мученическую кончину не от гонителей христианства, но от своих единоверцев – в силу их злобы, коварства, заговора»[185]. При этом убиенный страстотерпец «признаётся святым прежде всего не по своим поступкам, но действиям убийц». Поэтому «для ситуации убиения невинного правителя, характеризующей жития князей-страстотерпцев», существенны прежде всего их антагонисты – «люди близкие святому, по своему положению обязанные пребывать с ним в любви и мире или подчиняться ему». Круг этих лиц широк: братья и более дальние родственники, подданные и вельможи, в целом – соотечественники[186]. В Повести о Михаиле Тверском в качестве близкого человека, ставшего антагонистом святого, выступил его «сыновец» – московский князь Юрий Данилович и примкнувшие к нему «вси князи Сусздалъские и бояре из городовъ и отъ Новагорода», которые по наущению ханского посла, «безаконнаго треклятаго» Кавгадыя, «*написаша многа лжа, свидѣтельствова* на блаженаго Михаила». Опираясь на эти лжесвидетельства, Кавгадый впоследствии «обадил» святого в глазах ордынского «царя», что в конечном счёте и привело к гибели князя[187]. В этом контексте введение в рассказ о кончине Ярослава Всеволодовича единоплеменника, поступающего по отношению к нему так же, как по отношению к Михаилу Тверскому поступили «обадившие» его, могло быть продиктовано не столько стремлением передать подлинный ход событий, сколько желанием подтвердить типологическое сходство двух этих смертей – страстотерпца-внука и его деда, который с точки зрения книжника, видимо, также был достоин прославления.

---

[185] *Живов В.М.* Указ. соч. С. 105.

[186] Подробнее см.: *Ранчин А.М.* Вертоград Златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах, комментариях. М., 2007. С. 115, 121, 126.

[187] *Кучкин В.А.* Пространная редакция… С. 138–139.

Как отмечалось выше, информация о кончине Ярослава Всеволодовича, сообщаемая в житийных и летописных источниках, не противоречит версии об отравлении великого князя. Но подтверждает ли она её? Ведь, сообщая о «нужной» смерти, книжники не уточнили, как именно умер князь. Прежде всего, необходимо понять, могли ли они это сделать, и, если могли, то почему не сделали? В отношении рассказа С1 на первую часть вопроса стоит ответить скорее утвердительно: составитель «свода митрополита Фотия» (протографа С1) имел под рукой текст рассказа галицко-волынской летописи, дошедший до нас в составе Ипат. Об этом свидетельствует хотя бы летописный рассказ о нашествии Батыя в составе С1, составленный преимущественно на основе сообщений Лавр., но с добавлением отдельных сведений из НПЛ и Ипат. Например, из последней были заимствованы уникальные, читающиеся только в ней рассказы о взятии Козельска, Переславля, Чернигова и Киева[188]. Это означает, что при желании составитель «свода Фотия» мог бы построить по такому же принципу и рассказ о кончине Ярослава Всеволодовича, дополнив информацию Лавр. сведениями, содержащимися в Ипат., однако, этого не сделал. Объяснить причину такого решения можно тем, что автор повествования, дошедшего в С1 (и также, судя по всему, автор Повести о Михаиле Тверском) не стремился сообщить как можно больше подробностей о смерти князя. Иначе, рассказав о причастности к его смерти Федора Яруновича, книжник сообщил бы и о факте отравления.

Если это так, то цели составителей Ипат. и Лавр., с одной стороны, и составителя С1, с другой, были различны. Ранние летописи сообщали о частном случае, просто о факте биографии великого князя (которого «зелиемъ умориша» – Ипат. или который «преставися во иноплеменницѣх» – Лавр.). С1 же вписывала смерть Ярослава в более общий контекст, обозначала *не факт*, а *смысл* произошедшего, маркируя его кончину как праведную, а его жизнь –

[188] *Насонов А.Н.* История русского летописания... С. 182–184. Ср.: *Лурье Я.С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 99.

как достойную прославления, и не погружалась при этом в детали. Наоборот: коль скоро речь шла о прославлении христианских качеств правителя, основной упор делался не на уникальные, а на типические его черты. Ведь житие святого – «это не столько описание его жизни (биография), сколько описание его пути к спасению, типа его святости»[189]: в конце концов, все страстотерпцы так или иначе умирали «нужной» смертью, какой бы смысл не вкладывался в это определение. В этом плане показательно описание христианского подвига святых Бориса и Глеба в Повести временных лет под 6623 (1115) г. в рассказе о переносе их мощей: «Иже еста похвала княземъ нашимъ и заступника земли Русцѣи, иже славу свѣта сего попраста, а Христа узлюбиста, по стопамъ его изволиста шествовати, овчате Христовѣ добрии, яже влекома на заколение, не противистася, ни отбѣжаста *нужнъыя смерти*. Тѣм же и съ Христосомъ въцаристася у вѣчную радость и даръ ицѣления приемъша от Спаса нашего Иисуса Христа неискудно подаваета недоужнъымъ, с вѣрою приходящимъ въ святыи храмъ ею, поборника отечьству своему»[190]. В этом тексте не идёт речи о том, какую именно смерть приняли святые, т.е. понятие «нужная смерть» в данном случае имеет собирательное значение, являясь синонимом христоподобной гибели братьев-страстотерпцев.

Между тем «нужная смерть» не обязательно означала насильственный уход из жизни и не всегда выступала синонимом убийства[191]. Помимо значений «связанная с принуждением, насилием», «нужная» в отношении смерти подразумевала ещё и «тягостную», «тяжёлую», а также «жестокую», «страшную», «мучительную» кончину, о чём свидетельствуют словарные примеры, где среди, прочего, «нужная смерть» – это смерть в огне пожара, в результате утопления в реке[192] и во время всемирного потопа, но также – в

[189] *Живов В.М.* Указ. соч. С. 10.

[190] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 281–282. Повесть временных лет. Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 128.

[191] *Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р.* «Нужная смерть»… С. 565.

[192] Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 11. М., 1986. С. 446–447.

момент нашествия татар[193]. При этом в источниках есть достаточно чёткие указания на то, что в представлении книжников первой половины XV в. выражение «преставился нужной смертью» не являлось полным синонимом убийства. Для этого достаточно сравнить краткие сообщения в Московско-Академической летописи[194]: «*Оубьенъ* бысть Михалко Черниговьскыи <…>, *преставися* Ярославъ в Татарех *нужною смертью*, того же лѣта *оубьенъ* бысть Михаило Ярославичь от Литвы»[195]. В данном примере интересно также то, что татары не названы источником смерти Ярослава: сообщается лишь, что он умер на их территории, тогда как в сообщении о гибели его сына Михаила виновные установлены – «*от* Литвы».

Если Ярославу Всеволодовичу в анализируемых памятниках XIV–XV вв. передавались черты его святого внука, великого князя Михаила Ярославича, то в ЖАН (в редакции С1 и в так называемой Особой редакции) подобный приём распространялся уже в отношении Александра Ярославича. Это проявилось, с одной стороны, в указании на то, что Александр продолжил линию Ярослава, заступаясь «за люди своя» в Орде[196], с другой – в рассказе о восстановлении им разорённых во время Неврюевой рати земель, подобно

---

[193] Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 5. М., 2002. С. 444.

[194] В этой части летопись передает фрагмент сокращённого ростовского владычного летописного свода, доведённый до 1419 г. (*Клосс Б.М.* Предисловие к изданию 1997 г. // ПСРЛ. Т. 1. С. K–L). По мнению А.А. Шахматова, последний был составлен в начале XV в. на основе ростовской летописи и общерусского летописного свода, предшествующего «Полихрону 1423 г.» (своду митрополита Фотия). См. подробнее: *Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 223–228; *Насонов А.Н.* Летописный свод XV века… С. 276–277. К тому же источнику, по-видимому, восходят сообщения о смерти Ярослава Всеволодовича в Устюжском летописце и Сокращенном своде 1493 г. (ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 70; Т. 27. М.; Л., 1962. С. 235). См. также: *Лурье Я.С.* Летопись Московско-Академическая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 2 (Л–Я). Л., 1989. С. 47.

[195] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 523.

[196] Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 325–326. Ср.: *Мансикка В.Й.* Указ. соч. С. 13–14.

тому, как Ярослав занимался обновлением Суздальской земли после нашествия Батыя[197]. В последнем случае – и в С1, и в Особой редакции – со ссылкой на псалом царя Давида специально подчёркивалась параллель между Александром и его отцом: «Добрѣ бо рече Давыдъ пророкъ: “Въ отець мѣсто быша сынови ихъ”» (Пс. 44:17). Не только указание на сходство с поступком отца, но и сам рассказ об «обновлении» Суздальской земли, по-видимому, был создан в рамках работы над источником С1 – «сводом Фотия». По крайней мере, Лавр., на которую обычно опирался «свод Фотия» при рассказе о событиях в Суздальской земле того времени, не содержала сведений о том, что после нашествия Неврюя Александр Невский занимался её «обновлением». Там говорилось лишь о радости «всеи земли Суждальскои» по поводу возвращения князя «ис татаръ»[198]. Рискну предположить, что то же самое можно отнести и к рассказу о «нужной» смерти великого князя Ярослава в Повести о Михаиле Тверском пространной редакции и ЖАН в редакции С1 и «Особой». Для составителей этих произведений конкретный способ умерщвления Ярослава Всеволодовича был не столь уж важен: само упоминание «нужной» смерти являлось достаточным маркером, позволявшим выстроить весьма прозрачную смысловую аналогию между Ярославом Всеволодовичем – в одном случае, с Михаилом Тверским, а в другом, с Александром Невским.

Показательно, что смерть обоих князей (Ярослава и Александра) в С1 изображена как итог длительного страдания. Отец «много пострада» и «многы дни претерпѣвъ». То же самое испытал и сын, которого царь «удержал», «не пусти его в Русь», в результате чего князь «зимова в Орде, и тамо разболѣся». Болезнь Александра Ярославича также протекала долго, коль скоро он из

[197] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 325, 328; *Конявская Е.Л.* Александр Невский в исторических источниках. С. 214–215.

[198] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 473.

Орды «доиде до Новагорода Нижняго» и далее до Городца[199]. Интересно, что в первоначальной редакции житийной повести этот сюжет излагался иначе: «Князь великый Олександръ изъде от иноплеменникъ и доиде Новагорода Нижняго, и *ту пребывъ мало здрав, и, дошед Городца, разболѣся*»[200]. Следовательно, согласно первоначальной редакции ЖАН, болезнь развивалась скоротечно (почувствовал себя плохо в районе Нижнего Новгорода, а «разболелся»[201] уже будучи в Городце, находящемся примерно в 50 км от Нижнего) – в течении 2–3 дней, а вовсе не одного–двух месяцев, требовавшихся для того, чтобы добраться в Суздальскую землю из столицы Улуса Джучи[202].

Таким образом, в версии кончины Александра Ярославича, дошедшей в редакции С1 и «Особой» редакции его Жития, наблюдается та же тенденция, что и в рассказе о Ярославе Всеволодовиче: в текстах XV в. кончина его сына описывалась как долгая мучительная смерть, как разновидность христианского мученичества человека, решившего «положить душу свою за други своя». Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с

---

[199] Там же. Т. 6. Вып. 1. Стб. 338; Т. 25. М., 2004. С. 144; Т. 10. М., 2000. С. 143. Версия Жития Александра Невского в С1, судя по всему, строилась на основании Новгородской первой летописи старшего извода, которая была в распоряжении составителя свода Фотия: «Поиде князь Олександръ в Татары, и удержа и Берка, не пустя в Русь; и зимова в Татарѣхъ, и разболѣся… приде князь Олександръ ис Татаръ велми не здравя, въ осенинѣ, и приде на Городець, и постриже́ся въ 14 мѣсяца ноября, на память святого апостола Филипа. Той же ночи и преставися» (ПСРЛ. Т. 3. С. 83).

[200] «Дошел до Нижнего Новгорода и там занемог, и прибыв в Городец, разболелся» (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб., 1997. С. 368–369. Ср.: *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века. «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965. С. 193).

[201] «Разболелся» – ‘сильно, тяжело заболел’ (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 21. М., 1995. С. 142).

[202] О времени, которое необходимо было затратить для преодоления этого расстояния, подробнее см.: *Селезнёв Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты… С. 159.

распространённым приёмом средневековой агиографии – переносом одного и того же образа из одного житийного текста в другой, рассказом о судьбе одного святого через подчёркивание его сходства с другим. Возникающая при этом аналогия – «это тот образец, на который ориентируется агиограф, создавая образ прославляемого подвижника»: тем самым «автор жития возводит образ к первообразу или сакральному образцу»[203]. Упоминание благочестивых предков святого (отца, матери или, как в данном случае, деда), сопоставление его с ними, по сути, выполняло ту же функцию[204]. В этом контексте смерть становится уже не просто точкой в земном пути, но и важнейшим признаком подвижничества самого Ярослава Всеволодовича. Не удивительно, что позднее, в текстах середины – второй половины XVI в., кончина великого князя описывалась именно как подвиг святого.

Версия кончины Ярослава Всеволодовича, изложенная в С1, перешла в более поздние летописные памятники[205]. Судя по всему, смерть князя, в основе которой, согласно С1, лежало стремление пострадать «за землю вотчины своя», «положить душю свою за другы своя», стала восприниматься как своеобразный эталон поведения, воспроизведенный впоследствии его потомками – святыми Александром Невским и Михаилом Тверским. Будучи «по крови» родоначальником династии, к которой принадлежали оба князя, в восприятии книжников XV–XVI вв. Ярослав Всеволодович и «по духу» оказывался законодателем поведенческих канонов для правителей русских земель.

---

[203] *Руди Т.Р.* Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 63.

[204] *Пауткин А.А.* Древнерусские святые князья. Агиологический тип как культурно-историческая система // Герменевтика древнерусской литературы. Т. 7. М., 1994. С. 213.

[205] В почти неизменённом виде эта версия отразилась в МС конца XV в., Ник., Ермолинской, Никаноровской, Вологодско-Пермской и других летописях (*Горский А.А.* Об обстоятельствах гибели… С. 158–159).

5.3.3. «Обажень бысть Феодоромъ Яруновичемъ»: кто и в чем оклеветал великого князя?

Как отмечалось выше, Федор Ярунович не упоминается ни в одном другом источнике, и поэтому в историографии высказывались самые разные мнения по поводу того, кем мог быть этого человек[206]. А.А. Горский сформулировал вполне обоснованную гипотезу, согласно которой Федор Ярунович – это сын Яруна, трижды упомянутого[207] на страницах русских летописей воеводы князя Мстислава Мстиславича (Удатного)[208]. Среди прочего, Ярун был назван в числе участников битвы на Калке 1223 г., во время которой он был послан «в сторожихъ» во главе отряда половцев («послаша въ сторожихъ Яруна с Половьци». Однако отряд Яруна постигла неудача: «тъгда же Ярунъ съступися с ними, хотя битися, и побегоша не успѣвъше ничтоже Половци назадъ, и потъпташа бежаще станы русскихъ князь, не успѣша бо исполчитися противу имъ; и съмятошася вся, и бысть сѣця зла и люта»)[209]. По мнению А.А. Горского, «можно предполагать, что Федор Ярунович сражался на Калке вместе с отцом и попал в плен во время той самой переломившей ход битвы атаки монголов на авангард во главе с Яруном, о которой упоминает новгородский летописный рассказ. Впоследствии он стал служить Чингизидам и, будучи в 1246 г. в ставке великого хана, выступал в качестве толмача-переговорщика при контактах его двора с Ярославом»[210]. В чем именно

---

[206] Обзор историографии см.: *Горский А.А.* Об обстоятельствах гибели… С. 160.

[207] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 733; Т. 3. С. 55, 63. А.В. Кузьмин предположил, что Ярун был братом погибшего боярина Константина Васильевича, погибшего, согласно сообщению Ипат., в сражении с половцами в 1168 г., однако, сколько-нибудь серьезных оснований так считать, по-видимому, не существует. См. подробнее: *Кузьмин А. В.* Торопецкая знать в XIII в. // Russia Mediaevalis. München, 2001. T. 10. Fasc. 1. P. 63-65, 71.

[208] См. подробнее: *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Указ. соч. С. 267; *Горский А.А.* Об обстоятельствах гибели… С. 160.

[209] ПСРЛ. Т. 3. С. 63.

[210] *Горский А.А.* Об обстоятельствах гибели… С. 164.

состояла «обада» Федора Яруновича (в передаче монголам сведений о переговорах Ярослава с Плано Карпини или в чем-то ином), по мнению А.А. Горского, судить сложно, однако, считает он, «можно полагать, что Федор, памятуя о вражде своего отца Яруна к Ярославу, сыграл свою роль в формировании отношения к нему великого хана и его матери, обернувшегося отравлением великого князя»[211].

Об отношениях Ярослава Всеволодовича с представителями Рима традиционно судят на основании буллы папы Иннокентия IV Александру Невскому от 22 февраля 1248 г., при помощи которой понтифик намеревался сподвигнуть великого князя перейти в католическую веру - «покинув путь греха, ведущего к вечному проклятию», воссоединиться «с той церковью, которая тех, кто ее чтит, несомненно ведет к спасению прямой стезей своих наставлений». Иннокентий IV апеллировал к поступку самого Ярослава Всеволодовича, который, по словам понтифика под конец жизни «страстно вожделев обратиться в нового человека, смиренно и благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, матери своей <…> И вскоре бы о том проведали все люди, если бы смерть столь неожиданно и счастливо не вырвала его из жизни»[212]. При этом папа ссылался на информацию, поступившую от его посла («как стало нам известно из сообщения возлюбленного сына, брата Иоанна де Плано Карпини из Ордена миноритов, поверенного нашего, отправленного к народу татарскому») и отмечал, что обращение князя Ярослава произошло именно «через этого брата» - то есть, при помощи самого де Плано Карпини, который, впрочем, в своей «Истории монголов» об этом событии не упомянул. Кроме того, Иннокентий IV писал о том, что обращение правителя Суздальской земли в католическую веру произошло «в присутствии Емера, военного советника» (Jemeris militis)[213]. Как показали А.В. Майоров и

---

[211] Там же.

[212] *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Указ. соч. С. 262, 264.

[213] Там же.

Ф.Н. Веселов, «имя рыцаря Jemeris <…> возникло в результате слишком вольного обращения с первоисточником». Ни в подлинном тексте регестов Иннокентия IV, ни «в лучшем на сегодня ватиканском издании послания Иннокентия IV Александру Невскому» такого имени нет. В папских регестах и ватиканском издании читается: «de conscientia *tremens* militis consiliarii sui». Исследователи полагают, что «в оригинале послания имя советника Ярослава значилось в той же форме, что и в письменном отчете папского посланника, более известном как «История монголов» - Temerus»[214].

В свое время В.Т. Пашуто предположил, что «Темер, воин Ярослава Всеволодовича, хорошо известный Карпини, который использовал его в качестве толмача, и есть Федор Ярунович нашей летописи». Каких-либо аргументов в пользу такой точки зрения В.Т. Пашуто не привел, однако, высказал мнение, что Федор Ярунович мог сообщить монголам о том, что Ярослав Всеволодович «дал согласие на переговоры с курией», и что именно в этом и состояла «обада», после которой и последовала «нужная смерть» князя, о чем писали источники XV в.[215]. Попытка отождествления Темера и Федора Яруновича вызвала скептическое отношение исследователей, выдвигавших в качестве контраргумента то, что имя Темер (Тимир), скорее, восточного происхождения («его носитель происходил, вероятно, либо из половцев, либо из «черных клобуков»[216]), а Ярун – славянского.[217]. Рискну выдвинуть предположение, что отказ от отождествления Федора Яруновича русских источников и Темера сочинения де Плано Карпини/буллы папы Иннокентия IV является все-таки преждевременным. Мы крайне мало знаем

---

[214] *Майоров А.В., Веселов Ф.Н.* Указ. соч. С. 5. Справедливости ради стоит отметить, что в «Истории монголов» встречается два варианта написания этого имени: *Themea* и *Temer*. См.: *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 118, 125.

[215] *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси… С. 269; *Пашуто В.Т., Матузова В.И.* Указ. соч. С. 135.

[216] *Горский А.А.* Об обстоятельствах гибели… С. 160; *IsoahoM.* Op. cit. P. 59.

[217] *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Указ. соч. С. 267.

об этих персонажах, но то, что о них известно, позволяет сделать вывод о том, что в действительности речь может идти не о двух разных людях, а об одном и том же человеке.

Во-первых, их сближает социальный статус. Исследователи обращали внимание, что «отчество на «вич», скорее, свидетельствует о знатном - боярском, происхождении Федора, что вряд ли соответствовало обязанностям простого «толмача»[218]. Судя по всему, Темер также был не просто переводчиком князя Ярослава в ставке Гуюка: Темер и у Плано Карпини, и в папском послании назван «miles». В «Истории монголов» термином «miles» Плано Карпини называл приближенного другого русского князя, Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого вместе с ним в ставке Бату. Из русских источников известно, что этого человека звали Федор и он был боярином[219]. Можно предположить, что такой же статус был и у Темера. При это и Темер, и Федор Ярунович были близки к великому князю Ярославу и имели доступ к монгольскому хану, что следует, с одной стороны, из сообщений Плано Карпини и письма папы Иннокентия IV, а, с другой, из информации С1.

Во-вторых, их сближает лингвистический кругозор и функционал. По мнению А.А. Горского, Федор Ярунович, проведя многие годы среди монголов, наверняка овладел их языком и мог выполнять функцию переводчика при Ярославе Всеволодовиче. Темер, по признанию Плано Карпини, был переводчиком францисканской миссии «как при переводе грамоты императора господину папе, так и произнесении речей и ответов на

---

[218] Там же.

[219] См. подробнее: *Майоров А.В.* Александр Невский, римский папа и монгольский хан: к вопросу о «выборе» между Западом и Востоком // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 7; *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 335 (комментарий 62 к гл. IX); *Майоров А.В., Веселов Ф.Н.* Указ. соч. С. 6.

них», то есть владел латынью, русским и, судя по всему, тюркским языком, который в Монгольской империи являлся своего рода lingua franca[220].

В-третьих, скорее всего, их может сближать и принадлежность к православной конфессии: Темер, несмотря на тюркское имя, под которым он был известен францисканцам, как и Федор Ярунович, вполне мог быть христианином. Судя по сообщению Плано Карпини, такого рода казусы не были единичными. Так, по словам папского посла, «у Батыя мы встретили сына князя Ярослава, у которого при себе был один *воин из Руси* по имени Сангор. Он был *по происхождению коман, но ныне христианин*, как и *другой русский* из Суздальской земли, который был у Батыя нашим переводчиком»[221]. Из этого сообщения следуют два обстоятельства. Первое: будучи половцем по происхождению Сангор стал христианином, сохранив при этом и тюркское имя (очевидно, что у него было и крестильное имя, однако, в татарской среде он, вероятно, им не пользовался, поэтому Плано Карпини его не знал). И второе: этот христианин, будучи по рождению «команом», тем не менее, с точки зрения францисканца, являлся не просто «воином из Руси», но и в полном смысле слова «русским». Вполне возможно, что к Темеру также могли

---

[220] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 186, 191. «Монгольский язык, будучи языком правящей династии, являлся основным официальным языком империи. Наряду с монгольским языком широкое распространение находит уйгурский или тюркский язык, который изначально приобретает статус официального языка». Позиции монгольского языка в Улусе Джучи изначально ограничивались малочисленностью монголоязычного населения на западных окраинах империи: «этноязыковое преобладание тюркоязычных народов в Улусе Джучи определило функциональное развитие лишь одного из официальных языков государства». Да и «сами монголы зачастую владели обоими языками». При этом «традиционным языком русско-ордынских контактов был тюрко-татарский язык. И вполне допустимо, что таковым он являлся уже на начальных этапах становления отношений между Ордой и русскими княжествами». См. подробнее: *Абзалов Л.* Языки официального делопроизводства и канцелярская культура Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 217-220.

[221] *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 191.

быть отнесены все эти определения: он мог носить половецкое имя, но быть при этом христианином и восприниматься не просто как «воин» Ярослава, но и как русский[222].

Если это так, то имя «Феодор» вполне могло быть крестильным именем Темера. Это в полной мере соотносится с высказанным А.А. Горским предположением о происхождении Федора Яруновича. Если исходить из того, что летописный Ярун, будучи воеводой князя Мстислава Удатного, приходился отцом Федору, выбор крестильного имени вполне может быть объяснен. С большой долей вероятности можно полагать, что небесным патроном князя Мстислава был святой Феодор Тирон[223], и это имя в качестве крестильного могло быть выбрано и для сына его ближайшего боярина (князь вполне мог быть даже крёстным отцом Федора Яруновича, «подарив» при крещении ему имя своего небесного покровителя)[224]. При этом сам князь

---

[222] Интересно, что среди 18 свидетелей своего путешествия (помимо европейских купцов, встреченных в Киеве) Плано Карпини называет 17 русских, в том числе, 7 князей. (Подробнее см.: *Горский А.А.* Об обстоятельствах гибели… С. 163). Из оставшихся десяти 4 были половцами и 6 собственно русскими. Тюркские имена троих упомянуты - Сангор, Темер, Коктелебан, четвертый, о котором шла речь выше, по имени не назван, но маркирован францисканцем как «другой русский», при этом - коман, ставший христианином. См.: *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 191, 334-336 (комментарий 62 к гл. IX).

[223] *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970. С. 113-114, 125, 206-207, 235; *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. 3. М., 1998. С. 47, 53, 140-141. *Хорошкевич А.Л.* Конные печати Мстислава Мстиславича Удалого – источник по истории международных отношений Руси начала XIII в. // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма (сборник тезисов). М., 1989. С. 24-27. Подробнее см.: *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. С. 585.

[224] Такие случаи «дарения имени» известны на скандинавском материале. Подробнее см.: *Успенский Ф. Б.* Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001. С. 26, 92-93; *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Русские

Мстислав Удатный был достаточно тесно связан с половецкой верхушкой: его жена Мария была дочерью половецкого князя Котяна Сутоевича, по просьбе которого, переданной через зятя, русские князья и встали на сторону половцев в битве на Калке. Дочь Мстислава и Марии – Феодосия Мстиславовна, была женой князя Ярослава Всеволодовича (вышла замуж не ранее 1213 г. и не позднее 1215 г.[225]) и матерью Александра Ярославича[226]. Ярун, судя по тому, что мы знаем о его участии в битве на Калке, также, как и его сюзерен, вполне мог иметь матримониальные связи с половцами (например, мог быть женат на половчанке), и это могло стать одной из причин, почему именно ему доверили командовать совместной с половцами «сторожей» в составе объединенного русско-половецкого войска. Интересно, что в позднем летописании этот факт однозначно воспринимался как признак принадлежности к половцам самого Яруна. Так, в С1 и зависимых от нее летописях говорится о том, что на Калке действовали «Ярунъ *и инии* полци половецьстии»[227], а в еще более поздней Ник. Ярун и вовсе назван «половецким князем»: «*половецкому князю Яруну съ половци* крѣпко биющуся съ татары»[228].

Исходя из этого, можно предположить, что Федор Ярунович вполне мог быть полукровкой (русским по отцу и половцем по матери), и среди половцев его могли знать под именем «Темер», при этом среди монголов и половцев, в

имена половецких князей. Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013. С. 14.

[225] *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей… С. 301.

[226] *Кучкин В.А.* К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 71-80; *он же*. Александр Невский - государственный деятель и полководец… С. 18-19.

[227] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 281. Ср. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 508; Т. 25. С. 120. См.: *Шахматов А.А.* Указ. соч. С. 222-230; *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С.190-205.

[228] ПСРЛ. Т. 10. С. 91.

тюркоговорящей среде ему сподручнее было назваться своим «половецким» именем. Поэтому он мог представляться францисканцам точно так же - как это делал, например, некто Сангор – «*по происхождению коман, но ныне христианин*» (как аттестовал его Плано Карпини), или «человек Ярослава» (как назвал Сангора галицкий летописец, рассказывая о поездке к Батыю князя Даниила Романовича Галицкого)[229].

Еще более сложный вопрос касается того, в чем именно могла состоять «обада»[230], совершенная, если верить русским источникам XV в., Федором Яруновичем? Учитывая крайнюю лапидарность сообщений источников, ответить на него можно только гипотетически.

С.М. Соловьев, называя Федора Яруновича «главным действователем», который клеветал хану на великого князя, писал о том, что во главе «интриги» стояли «какие-то люди, желавшие получить земли Ярослава». «Кто были эти люди? Разумеется, кто-то из князей русских, вероятнее всего, Константиновичи ростовские», - полагал С.М. Соловьев. При этом, историк писал, что клевета «не удалась вполне», и тогда клеветники прибегнули к легчайшему средству освободиться от Ярослава: он был отравлен из рук самой ханши»[231]. Однако, в чем именно состояла клевета, историк не уточнил. А.Е. Пресняков писал о «глухом известии о каком-то доносе» на великого князя.

---

[229] «Пришедшу же (к Даниилу. – *В.Р.*) Ярославлю человѣку Сънъгурови, рекшу ему: «Брат твои Ярославъ кланялъся кусту и тобѣ кланятися». И рече ему (Даниил. – *В.Р.*): «*Дьяволъ глаголеть из устъ ваших. Богъ загради уста твоя и не слышано будеть слово твое*». Во тъ час позванъ Батыемь, избавленъ бысть Богомъ и злого их бѣшения и кудѣшьства. И поклонися по обьчаю ихъ, и вниде во вежю его. См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 807; *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 335 (комментарий 62 к гл. IX). Визит Даниила Галицкого к Батыю относится к 1245 г. см. подробнее: *Горский А.А*. Гибель Михаила Черниговского…С. 145.

[230] ‘Клевета’, ‘донос’, ‘ложное обвинение’. См.: Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) Т. 5. М., 2002. С. 468-469.

[231] *Соловьев С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 262-263.

Также не уточняя деталей произошедшего, он, тем не менее, отверг предположение о причастности ростовских князей к гибели Ярослава, предположив, что «больше было поводов (хотя тоже недостаточно для определенного заключения) сопоставить эту темную историю с враждой Ярославичей против дяди Святослава и с тем, что, судя по нашим летописям, донос Яруновича совпал с первым приездом в Орду Святослава, когда князья все вместе предстали перед ханом»[232]. А.Н. Насонов предположил, что великого князя отравили в ставке великого хана Гуюка как сторонника Батыя, однако, версию об «обаде» со стороны Федора Яруновича лишь упомянул в сноске[233]. Как уже отмечалось выше, одним из первых догадку, согласно которой Федор Ярунович мог сообщить монголам о том, что Ярослав Всеволодович «дал согласие на переговоры с курией», сформулировал В.Т. Пашуто [234]. Так же считали В.И. Матузова и Е.Л. Назарова, отмечавшие, что «согласие князя могло касаться не столько перемены веры, сколько вопроса о совместных действиях против монгольской угрозы». Не соглашаясь с мнением В.Т. Пашуто о том, что Темер и Федор Ярунович – одно и тоже лицо, они, тем не менее, не исключали, что «воин и переводчик Ярослава Темер», будучи «в курсе намерений Ярослава», выдал их «царю» Гуюку[235]. Впрочем, о сути «намерений» и возможном содержании переговоров, на проведение которых лишь «дал согласие» князь, исследователи предпочитали писать весьма осторожно. Это и понятно: в единственном дошедшем до нас документе – послании папы Иннокентия IV Александру Невскому – речь шла только о переходе Ярослава Всеволодовича в католичество и просьбе к его сыну «немедля известить <…> братьев Тевтонского ордена, в Ливонии

---

[232] *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 51-52. Прим. 3.

[233] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь... С. 31-32.

[234] *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси... С. 269; *Пашуто В.Т., Матузова В.И.* Указ. соч. С. 135.

[235] *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Указ. соч. С. 266-267.

пребывающих» о новом нашествии татар, если ему о таковом станет известно[236].

Несмотря на то, что в последние десятилетия в историографии обстоятельства кончины Ярослава Всеволодовича рассматриваются, прежде всего, через призму его отношений с Римом и стремления Каракорума не допустить развития этих отношений, представляется важным обратить внимание на следующее обстоятельство. Если допустить наличие реальной основы в сообщении об участии в смерти великого князя Федора Яруновича, стоит придать значение терминологии, которая при этом использовалась в этом известии. Слово «обада», видимо, неслучайно было употреблено книжниками: обвинение, выдвинутое против князя, скорее всего, выглядело ложным и клеветническим, не только и не столько в глазах «царя», сколько в глазах тех, кто об этом писал. Поэтому, если уж и предполагать реальность самого факта «обады» великого князя, то более вероятной представляется следующая картина.

Нельзя исключать, что под именами Федор Ярунович и Темер вполне могло скрываться одно и то же лицо. О его роли в событиях, связанных с последними днями жизни Ярослава Всеволодовича, на великого князя родине узнали из папской буллы, из которой вытекало, что этот человек не просто был свидетелем обращения Ярослава в католицизм, но и готов был (по крайней мере, в этом уверял Александра Невского папа Иннокентий IV) это публично подтвердить, а, значит, выступить, тем самым, на стороне Рима. (Стоит

---

[236] Там же. С. 265. Трудно согласиться с мнением А.В. Майорова, писавшим о «готовности Ярослава Всеволодовича к подчинению Римской церкви, засвидетельствованной в приведенном выше письме Иннокентия IV к Александру Невскому», поскольку, во-первых, в письме не шла речь о «готовности к подчинению», а, во-вторых, что не менее важно - автором письма был не Ярослав Всеволодович, а папа Иннокентий IV, который вполне мог выдать желаемое за действительное. И поэтому, можно ли его считать в данном случае добросовестным свидетелем, это большой вопрос. См.: *Майоров А.В.* Александр Невский, римский папа и монгольский хан… С. 10.

напомнить: де Плано Карпини перечисляя в «Истории монголов» «людей, которые нас там встретили», указал тех, кто имел отношение к Ярославу Всеволодовичу, отдельно отметив при этом, что «все они вернулись в Суздальскую землю в Руси, от них при необходимости можно узнать правду»[237]).

Информация об обращении Ярослава Всеволодовича в католическую веру, ставшая известной Александру Невскому и его окружению благодаря посланию понтифика, сама по себе (а уж в условиях окончательного разлада в отношениях с Римом, тем более[238]) могла быть воспринята как порочащая «честь и достоинство» умершего правителя Суздальской земли. Это, в свою очередь, могло быть достаточным основанием для попытки дезавуировать сведения, сообщаемые в папской булле, путем обвинения боярина Федора в явной клевете («обаде») на великого князя. Особую остроту ситуации придавало то, что Рим пытался использовать эту клевету для достижения

---

[237] Из контекста сообщения вполне можно сделать вывод, что в числе возвратившихся в Суздальскую землю были лица как с русскими, так и тюркскими именами, в том числе, и Темер: «У императора татар мы встретили князя Ярослава, который там же и умер, и его воина по имени *Темер*, который был нашим переводчиком у Гуюк-хана, то есть императора татар, как при переводе грамоты императора господину папе, так и при произнесении речей и ответов на них. Там же был *Дубаслав*, клирик вышеуказанного князя, и его слуги *Яков*, *Михаил* и *еще один Яков*. На обратном пути в страну бесермен, в городе Лемфинк мы встретили *Колигнева*, который по приказу жены Ярослава и Батыя ехал к вышеуказанному Ярославу, и *Коктелебана* и всех иже с ним. Все они вернулись в Суздальскую землю в Руси, от них при необходимости можно узнать правду». См.: *Иоанн де Плано Карпини.* Указ. соч. С. 191.

[238] А.А. Горский считает, что это случилось после возвращения Александра из Монголии в 1250 г., по мнению А.В. Майорова, «полный разрыв Александра Невского с папством произошел, по-видимому, в 1252 г.». См.: *Горский А.А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // *Горский А.А.* «Бещисленыя рати и великия труды…». Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 188; *Майоров А.В.* Александр Невский, римский папа и монгольский хан… С. 17.

своих политических целей, которые к этому времени явно разошлись с целями Александра Ярославича.

Именно такая «обада» затрагивала в глазах потомках князя сущностные представления о Ярославе Всеволодовиче как о благочестивом православном правителе, а вовсе не переданные Федором Яруновичем сообщения о каких-то не вполне понятных «намерениях» великого князя в отношении папских послов. Подобное восприятие информации, изложенной в папской булле, могло стать серьезным мотивом для того, чтобы обеспечить сокрытие конкретного содержания этой «клеветы». Именно тактика умолчания, взятая на вооружение потомками Ярослава, дала пищу для далеко идущих предположений исследователей, начавших поиск причин смерти великого князя либо во внутриполитических, либо в геополитических конфликтах того времени. Между тем, религиозная составляющая поступка, который, если верить сведениям папы Иннокентия IV, совершил Ярослав Всеволодович, фактически не принималась в расчет, хотя в ее пользу было прямое свидетельство источника, составленного в Риме 23 января 1248 г. В силу того, что получатель папского послания, равно как его потомки, были явно заинтересованы замять обстоятельства дела, о котором писал понтифик, память о том, что Ярослав был каким-то образом «обажен» Федором/Темером осталась, а детали оказались скрыты. В этом виде информация об «обаде» и была зафиксирована в письменных источниках, благодаря чему дошла до нас на страницах одной из редакций Жития Александра Невского. В ней умалчивалось о том, в чем именно обвинил/оклеветал великого князя его боярин Федор Ярунович, а также ничего не сообщалось об обстоятельствах кончины Ярослава Всеволодовича.

5.3.4. «Подвигъ Ярославль»: смерть «в татарах» как мученичество

Третий этап формирования памяти о кончине великого князя связан с

созданием в начала 1560-х гг.[239] Степенной книги, наделявшей «правящую московскую династию исключительным политическим и нравственным авторитетом»[240]. В рассказе 1-й главы VII степени СК («О благовѣрномъ и богохранимомъ кореноплодномъ великомъ князѣ Ярославѣ Всеволодичи») кончина главного героя описана в разделе с характерным названием «Подвигъ Ярославль»[241]. Здесь был востребован тот же приём, что применялся при составлении «свода Фотия» – использование мотивов жития другого святого (в данном случае Михаила Черниговского) для дополнительного прославления князя Ярослава, названного в СК «*Богу подражательным*». В итоге, как отмечал Ю.К. Бегунов, «подвиги и страдания князей Ярослава Всеволодича и Михаила Черниговского» в СК «описаны совершенно одинаково»[242].

Ярослав Всеволодович, согласно СК, точно так же, как и Михаил Черниговский, «добрѣ подвизался о истиннѣ глаголати за люди Божиа Русьскиа земли, обличая поганыхъ безумное велѣние. Его же ради (т.е. именно по этой причине, как преподносила дело СК. – *В.Р.*) Батый посла его х кановичемъ»[243]. Однако, судя по всему, не обличения «поганых» стали причиной страданий. Как отмечается в СК, в ставке великого хана Ярослав Всеволодович был обвинён в каких-то других проступках («инѣмъ образомъ инѣми завистными винами оклеветанъ бысть отъ нѣкоего Феодора Яруновича»). При этом составитель СК называл Ярослава Всеволодовича

---

[239] *Васенко П.Г.* Книга степенная царского родословия и её значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904. С. 212–217; *Покровский Н.Н.* Указ. соч. С. 89; *Усачёв А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 196–197.

[240] *Ленхофф Г.Д.* Степенная книга: замысел, идеология, адресация // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М., 2007. С. 120.

[241] *Мансикка В.Й.* Указ. соч. С. 86.

[242] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 147.

[243] Степенная книга… Т. 1. С. 487.

«добрым подвижником», который не просто пострадал от «поганых», но «таковымъ своимъ страданиемъ… сътвори многу и благу ползу и велику помощь и ослабу христианьству отъ тягости и отъ злаго насильства татарска»[244]. В чём выразилась «благая польза» и «великая помощь» и как были связаны страдания князя с «ослабой христианству», не уточнялось. Аналогия с поступком другого святого – Михаила Черниговского, напрямую упомянутого в рассказе, – для составителя СК оказалась гораздо важнее, чем описание частного случая, имевшего отношение к смерти князя[245].

В историографии отмечалось, что составителю СК было присуще стремление, помещая того или иного князя «в широкий генеалогический контекст», «сообщить роду русских государей черты святости», а для этого «приблизить описания соответствующих персонажей к агиографическим рассказам». Наличие или отсутствие официальной канонизации того или иного правителя не имело принципиального значения: «писатель, чётко разграничивая причтённых к лику святых и ещё не канонизированных русских князей, тем не менее фактически уподобляет последних первым»[246]. Яркий

---

[244] Там же. Такой же текст читается в ЖАН редакции Ионы (Думина) (*Мансикка В.* Указ. соч. С. 85–86; Степенная книга… Т. 2. С. 430–431; *Духанина А.В.* Рукописная и старопечатная традиция… С. 130–140).

[245] В середине – второй половине XVI в. Михаил Черниговский, вероятно, выступал в качестве своеобразного эталона при изображении современных ему князей. Именно этим можно объяснить то, что в ЖАН в редакции Василия-Варлама (1550-е гг.) святой, подобно черниговскому «сроднику», едет в Орду, готовый принять мученическую смерть, лишь бы сохранить чистоту веры. Однако Батый «не повеле его нудити своей вере, ни вести сквозе огнь, ни кланятися солнцу, ни кусту, ни идоломъ бездушнымъ» и отпустил, «честь въздавъ блаженному велию» (*Мансикка В.* Указ. соч. С. 43–45). Подробнее см. главу 4 настоящего исследования.

[246] *Усачёв А.С.* Степенная книга… С. 621–626. Судя по всему, это соответствовало общему настрою эпохи: неслучайно в росписи московских соборов середины – второй половины XVI в. неканонизированные князья изображались наряду с уже причисленными к лику святых (*Самойлова Т.Е.* Тема царской и княжеской святости в росписях Благовещенского

пример – рассказ о Ярославе Всеволодовиче в 3-й главе VIII степени СК («Хожение Александрово во Орду…»), где его не просто сравнивают с сыном[247], но уже прямо именуют «святым»[248]. В итоге, по выражению Ю.К. Бегунова, «составитель Степенной книги создаёт совершенно фальсифицированный образ Ярослава: этот князь, в действительности подчинившийся всем унизительным процедурам в Орде и у великого хана, приобретает черты святого мученика и приравнивается к не подчинившемуся татарам и злодейски умерщвлённому ими Михаилу Черниговскому»[249].

Таким образом, есть основания полагать, что история кончины Ярослава Всеволодовича с самого начала обросла вымышленными подробностями. Анализ ранних источников о смерти великого князя позволяет предположить, что достоверность версии об отравлении Ярослава Всеволодовича сомнительна. Её основательность оказывается немногим большей, чем утверждения о переходе великого князя Ярослава Всеволодовича в католичество, о чём писал со ссылкой на Плано Карпини римский папа

собора // «Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле». Каталог выставки. М., 2003. С. 34–36; *она же.* Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Иконографическая программа XVI века. М., 2004. С. 141). Ср.: *Сизов Е.С.* «Воображены подобия князей». Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. Л., 1969. С. 8.

[247] *Покровский Н.Н.* Указ. соч. С. 107.

[248] «Богомудрыи же великии князь Александръ разсуди, яко *святый отець его Ярославъ*» (Степенная книга… Т. 1. С. 526). В дальнейшем рассказ *СК* о хождении Александра Невского в Орду был в полном объёме заимствован при составлении Лицевого летописного свода (ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 134; *Пресняков А.Е.* Московская историческая энциклопедия XVI века. СПб., 1900. С. 138; *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010. С. 135–136).

[249] *Бегунов Ю.К.* Указ. соч. С. 148. В этом плане сто́ит согласиться с оценкой, согласно которой это был «период изощрённых исторических манипуляций, тенденциозного освещения ряда событий и личностей» (*Пауткин А.А.* Указ. соч. С. 218).

Иннокентий IV[250].

В дальнейшем память о великом князе развивалась в направлении его посмертного прославления как человека, принявшего смерть за «други своя», а значит, совершившего христианский подвиг, хотя ни о чём подобном ранние источники не сообщали. Литературный материал для такого изображения Ярослава Всеволодовича брался книжниками прежде всего из житийных повестей о князьях, убитых в Орде. Анализ житий страстотерпцев даёт исследователям основания полагать, что «это – особый вид агиографии со своими (не обусловленными ритуальными функциями, политическими целями и иными внешними ограничениями) “литературными”, структурными признаками, достаточно устойчивым набором мотивов и образов. Именно структурные элементы определяют сущность этих житий»[251]. Это относится и к поздним рассказам о кончине Ярослава Всеволодовича. Тем более что, начиная с рассказа, отразившегося в С1, Особой редакции ЖАН и особенно в СК, речь шла о кончине подвижника, почти святого. Поэтому книжникам важно было показать типологическое сходство Ярослава Всеволодовича с его святыми «сродниками», а для этого следовало упомянуть типические черты гибели князей-страстотерпцев. К ним могли быть отнесены «нужная» смерть «за христианы» и оговор со стороны соплеменника. В этом смысле действия, приписанные некоему Федору Яруновичу, очевидно, не были связаны с развитием версии об отравлении Ярослава: рассказ о них имел вполне литературное происхождение. Тем более что в СК «искали не достоверность или фактическую полноту повествования о прошлом, а наиболее приемлемую формулировку той или иной проблемы, идею, в “доброкачественности” которой можно не сомневаться, а подчас и образец литературного стиля»[252].

---

[250] *Горский А.А.* Два «неудобных» факта… С. 186.

[251] *Ранчин А.М.* Указ. соч. С. 119. Ср.: *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990. С. 49–50; *Охотникова В.И.* Псковская агиография XIV–XVII вв. Исследование и тексты. Т. 1. СПб., 2007. С. 524.

[252] *Сиренов А.В.* Степенная книга. История текста. М., 2007. С. 442.

*** *** ***

В пятой главе мы пришли к следующим результатам.

Нами установлены этапы формирования в историописании второй половины XIII - XVI в. памяти о поездке в Орду в 1246 г. ростовского князя Бориса Васильковича. Первый этап нашел отражение в лаконичных и предельно нейтральных сообщениях Лавр., упоминавшей только сам факт поездки князя Бориса вместе с дедом - Михаилом Всеволодовичем Черниговским - в ставку Батыя. Второй этап был связан с созданием пространных проложных редакций ЖМЧ (вторая половина XIII – началу XIV в.), в которых впервые появился рассказ о поведении князя Бориса Ростовского в Орде. В полном соответствии с сообщением Лавр. говорилось о том, что внук Михаила Черниговского сопровождал деда, но при этом добавлялась информация о том, что ростовский князь уговаривал святого выполнить волю «царя». Однако Михаил Всеволодович предпочел мученическую смерть. Третий этап формирования памяти о князе Борисе характеризуется нарастанием в агиографических произведениях конца XV в., посвященных Михаилу Черниговскому, а также зависимых от них летописных памятниках конца XV – первой половины XVI в., критики в адрес Бориса Васильковича с указанием на то, что тот не смог остаться верным своей религии, как это сделал его отец - князь Василько Ростовской. Четвертый этап связан с появлением компрометирующего Бориса Васильковича рассказа, нашедшего отражение в Степенной книге и Лицевом летописном своде, согласно которому князь искушал святого мученика в самый ответственный момент его земного служения, и, тем самым, фактически встал не только на сторону Батыя, но и на сторону дьявола. В Житии Ефросиньи Суздальской (середина XVI в.), где критика Бориса Ростовского достигла своего апогея, князь и вовсе был назван «врагом всякой правды» и «другом дьявола». При этом он обвинялся не только в желании «прельстить» Михаила, но и в гораздо более тяжком грехе – измене православию: не просто в поклонении языческим идолам, но и принятии мусульманской («бесерменской») веры.

Также в пятой главе предложены объяснения ряда дискуссионных моментов биографии отца Александра Невского – великого князя Ярослава Всеволодовича, в частности, связанных со временем и обстоятельствами его возвращения в Суздальскую землю после нашествия Батыя (не весна 1238 г., как часто считается в историографии, а конец 1239 г.), а также мотивами его похода на Каменец.

Кроме этого, в пятой главе уточнены обстоятельства кончины Ярослава Всеволодовича. В результате комплексного анализа источников поставлена под сомнение господствующая в историографии версия об отравлении великого князя в ставке хана Гуюка и дано объяснение причин появления информации об этом событии в «Истории монголов» папского посла Иоанна де Плано Карпини и в Ипат., а также отсутствия подобных сведений в Лавр. Это не означает, что отравления Ярослава Всеволодовича не могло быть, однако достоверность этой версии, равно как и альтернативной ей версии, представляется примерно одинаковой.

Предложена и обоснована гипотеза, предполагающая атрибуцию личности некоего Федора Яруновича, согласно С1, оклеветавшего великого князя перед ханом Гуюком, а также новая трактовка того, в чем именно мог быть оклеветан («обажен») Ярослав Всеволодович, и почему в русских источниках не осталось на этот счет никаких указаний.

Установлено, что мы имеем дело с несколькими, часто не сводимыми один к другому этапами формирования памяти о событиях, связанных со смертью великого князя Ярослава Всеволодовича, также определены сами эти этапы. Первый этап связан с лапидарными сообщениями Лавр. и Ипат., причем на последнюю, скорее всего, повлияла информация папского посла Иоанна де Плано Карпини, присутствовавшего в момент смерти князя в ставке Гуюка. Второй этап связан с созданием Особой редакции ЖАН, а также редакции ЖАН, отразившейся в С1 (первая четверть XV в). В этих произведениях память об отце Александра Невского – великом князе Ярославе Всеволодовиче -- развивалась в направлении его посмертного прославления

как человека, принявшего смерть за «други своя», а значит, совершившего христианский подвиг, хотя ни о чём подобном ранние источники не сообщали. Литературный материал для такого изображения Ярослава Всеволодовича брался книжниками прежде всего из житийных повестей о князьях, убитых в Орде, в частности, это касается информации о том, что перед смертью князь был «обажень» перед великим ханом неким Федором Яруновичем, после чего «многы дни претерпѣвъ», преставился «в Ордѣ нужною смертью». Третий этап формирования памяти о кончине великого князя связан с созданием СК (начало 1560-х гг.), в которой кончина Ярослава Всеволодовича описана в разделе с характерным названием «Подвигъ Ярославль».

Анализ сведений летописных и агиографических источников второй половины XIII – XVI в. позволяет также сделать вывод о том, что недостаток информации о действиях правителей русских земель-современников нашествия восполнялся двумя способами. С одной стороны, с использованием цитат из предшествующего массива летописной информации, как это было показано на примере рассказа Лавр. о вокняжении во Владимире великого князя Ярослава Всеволодовича (вторая половина XIII в.). С другой стороны, при помощи беллетризации повествования, приписывания героям рассказов новых черт и поступков, что проявилось в ходе создания негативного образа князя Бориса Васильковича Ростовского и в процессе формирования памяти о кончине великого князя Ярослава Всеволодовича в историописании конца XV - XVI в. В рамках исследования установлено, что создание «ретроспективного компромата» на князя Бориса Ростовского, а также формирование памяти о великом князе Ярославе Всеволодовиче как мученике «за люди своя», подвижнике и святом имели сугубо книжное происхождение. Книжники второй половины XVI в. смело видоизменяли или попросту игнорировали те подробности жизни, деятельности и даже смерти своих героев, которые были известны из более ранних источников, не останавливаясь перед явными преувеличениями и даже вымыслом. Это соответствовало общим тенденциям

развития русской книжности XVI в.[253] Вполне возможно, некоторые приёмы беллетризации рассказов об исторических событиях могли быть востребованы и ранее. Во всяком случае, анализ эволюции памяти о поездке в Орду ростовского князя Бориса Васильковича и о кончине великого князя Ярослава Всеволодовича даёт основания так полагать.

[253] Подробнее см.: *Горский А.А.* «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о разорении Рязани Батыем», Никоновская летопись: о начале русской исторической беллетристики // Исторический вестник. 2023. Т. 45. С. 156–171.

ГЛАВА 6.

Исторический контекст формирования представлений о функциях православного правителя в историописании XIV- XVI вв.

Что заставляло книжников XV-XVI вв. подвергать корректировке образы князей-современников нашествия? Вероятнее всего, на это влиял новый исторический опыт, связанный, прежде всего, с победами над татарами, возродивший к жизни давние представления о должном поведении князей. В новых условиях они вновь оказались актуализированы – самим временем, когда противостояние Орде стало одной из насущных задач. Решить ее в ситуации, когда в первом ряду княжеских добродетелей храбрость уступила место смирению, было просто невозможно. Опыт предшествующих поколений правителей имел важное воспитательное значение, однако, этот опыт в военном плане был, как правило, негативным, а без соответствующих примеров и образцов из прошлого возродить идеалы мужественного поведения было крайне затруднительно.

Задача шестой главы - реконструировать мировоззренческий контекст осмысления действий князей-современников нашествия Батыя в произведениях историописания XV-XVI вв. и выявить идеологические основы для формирования в этот период нового нравственного императива поведения правителей русских земель.

Начало этого процесса следует отнести к XIV-XV в. Это была эпоха динамичных изменений во многих сферах жизни русского средневекового общества, в том числе, и в его отношениях в Ордой[1]. Дошедшие источники позволяют уверенно судить о том, что именно в это время формируются тенденции, предопределившие, в том числе, и направление рефлексии по поводу событий Батыева нашествия, что в полной мере нашло свое проявление

[1] Подробнее см.: *Мельник А.Г.* Конец XIV – начало XV века в истории России – время новаций // Сообщения Ростовского музея. Вып. 25. Ростов, 2020. С. 5-13.

в последующий период XV-XVI вв. Прежде всего, речь идет о вновь возросшем интересе к прошлому, к поиску в событиях предшествующих эпох исторических аналогий с современностью. При этом, как отмечал В.В. Кусков, «если древнерусская литература XI-XIII в. материал для ретроспективных исторических аналогий черпала в основной из Паримийников, греческих исторических хроник, Хронографов», то в рассматриваемый период «современные исторические события начинают сопоставляться и сравниваться с фактами отечественной, древнерусской истории», что свидетельствовало о «о росте и развитии национального исторического самосознания»[2]. Еще одна тенденция эпохи, являющаяся откликом на самый «больной» для своего времени вопрос – это меняющиеся представления о татарах, о возможности/необходимости сопротивления им, а в связи с этим – о функциях правителя и «параметрах» его должного поведения.

Если судить по дошедшим до нас источникам, несколько событий XIV-XV в. дали толчок тем ментальным процессам, которые стали разворачиваться в этот и последующий периоды и касались как восприятия самой Орды, так и рефлексии относительно того, что должно являться эталоном поведения русских князей в ситуации конфликта с ордынскими властями. Прежде всего, это гибель в Орде тверского князя Михаила Ярославича, победа русского войска во главе с московским князем Дмитрием Ивановичем над Мамаем, и, одновременно, случаи бегства великих князей (прежде всего, самого Дмитрия Донского из Москвы в 1382 г., а в последующем и его потомков) в момент приближающейся угрозы со стороны ордынских правителей.

6.1. Представление о гибели князя «за други своя» и «отечество» в Повести о Михаиле Тверском (первая четверть XIV в.)

[2] *Кусков В.В.* Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 43.

Убийство в Орде великого князя Михаила Ярославича Тверского 22 ноября 1318 г.[3] следует оценивать как одно из событий, повлиявших на формирование новых представлений о благочестивом поведении правителя. Житие князя, созданное вскоре после его кончины (к концу 1319 – началу 1320 г.)[4], получило широкое распространение как внутри Тверской земли, так и за ее пределами. О популярности произведения свидетельствует огромное количество списков житийной Повести о Михаиле Тверском (далее – ЖМТ), множество редакций и переделок текста, осуществляемых на протяжении нескольких веков, включение их во все известные летописные своды последующего периода[5].

Важная черта Повести – внимание к прошлому, в контексте которого ее автор осмысливал подвиг, совершенный святым князем. Можно выделить несколько ключевых моментов истории, которые автор Повести считал наиболее значимыми.

Во-первых, это крещение Русской земли князем «Владимиром Русским» и распространение «святой вѣры по всей земли». Автор ЖМТ отмечал радость по этому поводу в «новопросвещенных людях» и как отклик на это - козни дьявола («опромѣташеся льстивыи, како бы съвратити съ праваго пути их»), который, согласно Повести, вложил в сердце людям зависть, ненависть, братоубийство. В результате они «предашася в *слабости* света его скороминующаго»[6]. Имея в виду, что одним из источников смыслового и

---

[3] *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование М., 1974. С. 6.

[4] Там же. С. 232-235, он же. Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 116; *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. М., 2007. С. 30–31. По мнению Б. М. Клосса, памятник мог возникнуть чуть позже – в 1322–1327 годах. См. подробнее: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV-XVI веков. М., 2001. С. 176.

[5] *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы… С. 28

[6] *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском… С. 128-129.

образного ряда анализируемого произведения была Житие Михаила Черниговского (далее – ЖМЧ), можно уверено говорить о значимом переосмыслении находящегося там устойчивого понятия. В житии черниговского князя почти во всех редакциях упоминается «*слава* света сего скороминующего»: под этим определением книжник подразумевал власть князей над своими территориями, ради получения которой они ездили в Орду и там, «прельщенные» татарами, проходили «поганские» обряды. Согласно ЖМЧ, Михаил Черниговский намеревался обличить такого рода «прельщения»[7]. Замена в ЖМТ «славы» на «слабость» позволяет усмотреть обличительные нотки не только в отношении «прельстителей», но и в отношении «прельщаемых» князей.

Второй по значимости исторический момент, который выделяет книжник - нашествие Батыя, или «*великое жестокое пленение русстѣе*»[8]. Автор ЖМТ пытался обнаружить новые пропорции божественного и дьявольского в тех бедах, с которыми столкнулись русские земли[9]. По-прежнему объясняя причины завоевания и владычества татар «казнями Господними за грехи наши» (согласно ЖМТ, Господь, «не терпя видѣти погыбающа от диявола род нашь», решил наказать людей с целью их исправления, и в качестве «конечной пагубы» «преда нас в руцѣ измаилтяном: *оттолѣ начяхом дань даяти* по татарьскому языку»[10]), книжник стремился осмыслить мотивы последующих действий ордынских правителей как бы с другой стороны - как результат «льстивых» происков дьявола. Отметив, что ордынцы с подачи дьявола всегда стремились стравить «братью», книжник одним из проявлений такого поведения «поганых» называл противостояние Юрия Московского с Михаилом Тверским, в результате которого тверской

---

[7] *Серебрянский Н. И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 56, 60, 65, 69 (второй пагинации).

[8] *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском… С. 129.

[9] *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы… С. 38.

[10] *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском… С. 129.

князь был сначала оклеветан («обажен»), а затем и подвергнут казни. Сочетание промысла Божьего в исходной точке «пленения» и козней дьявольских в текущей политике ордынских властей – безусловно, еще одна новая черта осмысления прошлого и настоящего, появившаяся в XIV в.

В-третьих, среди значимых событий прошлого книжник упоминал приход к власти в Орде хана Узбека, принявшего ислам (по выражению княжеского агиографа, «*богъмерьскую вѣру сроциньскую*»[11]), после чего татары еще больше стали «*не щадити рода християньска*». При этом автор Повести, воспользовавшись библейской цитатой, фактически называл действующего правителя Улуса Джучи «*законопреступным*»: «о таковых рекоша царскиа дѣти въ плѣну в Вавилонѣ сущии, глаголаху: Предасть ны в руцѣ царю немилостиву законопреступну, лукавнѣишю паче всея земля»[12]. Как показал В.А. Кучкин, слово «законопреступну» отсутствует в греческих и славянских переводах соответствующего места Книги пророка Даниила, которая цитировалась в ЖМТ, а, значит, оно было вставлено в текст самим автором Повести для усиления отрицательной характеристики Узбека. На такой выпад в отношении ордынского «царя» «не отваживался ни один русский писатель времени первых 80 лет татарского ига»[13]. Как отмечает Е.Л. Конявская, «представить виновниками трагедии татар было основной тенденцией автора Жития <...> эта мысль внедрялась им в общественное сознание в противовес допущению альянса с татарами, к которому так часто прибегали русские князья, преследуя сиюминутные цели»[14].

---

[11] Там же. С. 132. Подробнее см.: *Трепавлов В.В.* Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010. С. 48-49.

[12] *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском… С. 132. Подробнее см.: *Лаушкин А.В.* К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 20-25.

[13] *Кучкин В. А.* Повесть о Михаиле Тверском… С. 251-252.

[14] *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы…. С. 33-35.

Князь Михаил Ярославич был не первым убитым в Орде правителем русских земель: самый известный на тот момент случай казни бы связан с именем Михаила Всеволодовича Черниговского: исследователи отмечают, что отдельные места ЖМТ были написаны под влиянием жития черниговского князя[15]. Однако новизна ситуации заключалась в том, что, если Михаил Черниговский, согласно ЖМЧ, изображался человеком, сознательно пошедшим на гибель во имя идеалов веры, обличая «прелесть» царя, «ею же льстить крестьяны», стремясь пролить кровь свою «*за Христа и за вѣру крестьянскую*» и не желая «токмо именемъ зватися крестьянинъ, а дѣла поганыхъ творити»[16], то смерть Михаила Тверского, если судить по ЖМТ, имела (если можно так выразиться в отношении святого) более «светское» измерение. Тверской князь был представлен как человек, который положил «душу свою *за други своя*» («помня слово Господне, еже рече: «Аще кто положить душу свою за другы своя, сей великыи наречется въ царствии небеснѣемъ»), а также «*за отечество*»[17].

---

[15] *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском... С. 239. Н. И. Серебрянский и вовсе полагал, что Повесть о Михаиле Тверском – «сочинение не вполне оригинальное», созданное «под несомненным влиянием сказаний о мученической гибели Михаила Черниговского». См.: *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 250 (первой пагинации); *Пак Н. И.* Стилевое своеобразие повестей об убиенных князьях великих в составе Великих Миней Четьих митрополита Макария // Художественно-исторические памятники Можайска и русская культура XV-XVI веков. Можайск, 1993. С. 155–170.

[16] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 56-57, 65-66 (второй пагинации).

[17] *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском… С. 126, 135, 140. Подробнее см.: *Стефанович П.С.* Пространство и идентичности в двух княжеских житиях средневековой Руси (конец XIII – начало XIV в.) // Российская история. 2024. № 4. С. 15-16; *он же.* Княжеская власть между региональной и надрегиональной идентичностями: Житие Михаила Тверского (начало XIV в.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 5 (139). URL: https://history.jes.su/s207987840031593-1-1/ Дата обращения – 25 декабря 2025 г.

Согласно ЖМЧ, Михаил Черниговский дважды находился перед выбором. Сначала некий приближенный хана по имени Елдега от лица Батыя уговаривал князя выбрать («едино от двою избери собѣ») – либо поклониться татарским богам, остаться живым и получить власть из рук хана, либо умереть «злою смертью». Затем его окружение – родной внук, князь Борис Ростовский и бояре – призывали князя согласиться с требованиями хана и заявляли о готовности принять за Михаила епитимью «со всею властию своею». Михаил Всеволодович отказывался от этих соблазнов, сообщая, что хочет «*за Христа моего пострадати, и за православную вѣру пролияти кровь свою*»[18]. Михаил Тверской также дважды оказывался перед судьбоносным выбором: ехать или не ехать в Орду, бежать или не бежать из ставки хана. Так в момент, когда родные и близкие святого отговаривали его откликаться на призыв хана в Орду, предлагая послать вместо себя кого-то из его сыновей, Михаил Тверской отказывался, поскольку это привело бы к тяжким последствиям для его «отчины/отечества»: «Видите, чада, яко царь не требует вас, детей моих, ни иного кого, но моеи головы хочет. Еще азъ гдѣ оуклонюся, а *отчина моя вся в полону, избиени будутъ*. А после того оумрети ми же есть, то лучше ми есть нынѣ *положити душю свою за многия душа*». При этом, согласно ЖМТ, он ссылался на духовный опыт святого Дмитрия Солунского, названного Михаилом «блаженным *отечество*боголюбцем», который «рекше про *отчину* свою и про *град* Селунь: «*Господи, аще погубиши их, то азъ с ними погибну. Аще ли спасешь их, то и азъ с ними спасенъ буду*». Сии оубо тако же сътвори, оумысли *положити душу свою за отечьство, избави множество от смерти своею кровию* и от многоразличных бѣд»[19]. Примерно из тех же соображений Михаил, согласно ЖМТ, отказывался от предложений бежать из ставки хана: «Не даи же ми Богъ сего сътворити <…> *Аще бо азъ гдѣ оуклонюся, а дружину свою оставя в такой бедѣ, кою похвалу приобрящу*. Но воля Господня да

[18] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 57, 61, 66 (второй пагинации).

[19] *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском… С. 140.

будет»[20]. Таким образом, автор Повести подчеркивал, что возможность спастись у тверского князя была, но представления о княжеской чести и о долге перед «отчиной» и дружиной не позволили ему воспользоваться этой возможностью[21].

«Гражданское» звучание подвига тверского князя неоднократно подчеркивалось автором ЖМТ[22]. Соединение в образе Дмитрия Солунского, с которого брал пример «христолюбивый» князь, сразу двух важных ипостасей - *отечество*- и *бого*- «любца» - в этом смысле представляется вполне осознанным: фактически подвиг Михаила Тверского и состоял в том, что его служение Богу было неразрывно от его служения «отечеству». И в этом смысле, идея жертвы «за други своя», проводимая автором ЖМТ, «объединяет оба аспекта подвига Михаила Ярославича: мученичество в христианском понимании и жертву во имя спасения сограждан»[23]. Как представляется, уже в этом соединении, можно усмотреть появляющиеся в этот период новые контуры понимания функций христианского правителя, не зафиксированные в таком виде в предшествующую эпоху.

Идеи ЖМТ, в котором «впервые в русской литературе была выдвинута антиордынская политическая программа»[24], легли в основу последующих летописных рассказов о гибели князя, оказав при этом существенное влияние на формирование житийных образов и других русских правителей, в том числе, и современников нашествия Батыя[25]. Летописные варианты ЖМТ

---

[20] *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском… С. 153.

[21] Подробнее см.: *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы… С. 45

[22] *Дмитриев Л.А.* Литература начала XIV - третьей четверти XIV в. // История русской литературы X-XVII вв. Л., 1980. С. 193.

[23] *Конявская Е.Л.* Михаил Ярославич // Православная энциклопедия. Т. 46. М., 2017. С. 36.

[24] *Кучкин В. А.* Повесть о Михаиле Тверском… С. 255, 273-274.

[25] *Рудаков В.Н.* «Все полагали, что он был отравлен»: формирование памяти о кончине великого князя Ярослава Всеволодовича (середина XIII – XVI в.) // Российская история. 2025. № 1. С. 25-26.

долгое время существовали в двух версиях – московской и тверской. Из сохранившихся до настоящего времени летописных сводов, относящихся к московской традиции и восходящих к своду Фотия, самая старшая редакция ЖМТ читается в С1 старшего извода, тверская традиция сохранилась в Рогожском летописце (далее – Рог.) и Тверском сборнике (далее – Тв.). Соединение обеих традиций произошло в конце 20 – начале 30 гг. XVI в. при создании Никоновской летописи (далее – Ник.)[26], оказавшей влияние на все последующее историописание и раннюю научную историографию.

6.2. Защита Русской земли и христианства в произведениях XIV-XV вв., посвященных Куликовской битве

Важнейшее событие, оказавшее влияние на эволюцию представлений русских книжников о возможности и необходимости противостояния татарам – победа войск, возглавляемых великим князем Дмитрием Ивановичем (Донским), над Мамаем (1380 г.). Первое за почти полтора столетия, прошедших с момента нашествия Батыя, крупное сражение русских с татарами, к тому же, закончившееся сокрушительный разгромом последних, стало подлинным историческим рубежом и для современников, и для потомков. Поэтому «трудно, да, пожалуй, и невозможно, назвать другое событие истории средневековой Руси, которое запечатлелось бы в памяти поколений столь ярко и прочно, как Куликовская битва»[27]. О том, как была воспринята победа русских князей над Мамаем, позволяют судить два ранних произведения т.н. «куликовского цикла», чья датировка не выходит за рамки

[26] *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском... С. 119-121, 154-155.

[27] Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 5. Ср.: *Робинсон А.Н.* Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 10; *Амелькин А.О., Селезнев Ю.В.* Куликовская битва в сознании современников и потомков. Воронеж, 2006. С. 58.

конца XIV – самого начала XV в. - внелетописная «Задонщина»[28] и летописные рассказы «о великом побоище иже на Дону». Значение этих памятников для осмысления Батыева нашествия, состоит в том, что в них прошлое сопоставлялись с современностью, в результате чего устанавливалась преемственность этих событий и их героев[29].

В «Задонщине»[30] интерес к прошлому проявлялся, прежде всего, в обращении к начальному периоду русско-татарских отношений[31]. Так, в ряде ее списков дается указание на количество лет, прошедших от битвы на Калке («от Калатьския рати») до «Момаева побоища»[32], что является свидетельством осмысления сражения на Дону как важного исторического момента, соотносимого с первым появлением монгольских завоевателей на границах русских земель. В ряде списков говорится о том, что Мамаю не удалось повторить то, что удалось Батыю («А не бывати тобѣ в Батыя царя»): «У Батыя

---

[28] Верхней хронологической границей создания первоначального текста «Задонщины» является 1388 г. См. Подробнее см.: *Горский А.А.* «Слово о полку Игореве» - «Слово о погибели русской земли» - «Задонщина»: источниковедческие проблемы». Дис. … д-ра ист. наук. М., 1993. С. 253-254.

[29] *Кусков В.В.* Указ. соч. С. 51.

[30] Все списки «Задонщины» (РГБ, собр. Ундольского № 632 (далее – У), ГИМ, собр. Музейское № 2060 (далее – И-1), ГИМ, собр. Музейское № 3045 (далее – И-2), БАН, 1.4.1 (собр. Жданова, далее - Ж), РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086 (далее – К-Б), ГИМ, собр. Синодальное № 790 (далее – С)) опубликованы: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М., Л., 1966. С. 535-555.

[31] Наряду с этим, интерес проявляется и ко времени первых русских князей, которые перечисляются поименно (Рюрика, Игоря, Святослава, Владимира и Ярослава, причем «Владимир Киевский» упоминается неоднократно на пространстве каждой редакции). См. подробнее: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла… С. 536, 541, 548, 551 и т.д.

[32] В У указано 170 лет, в С и И-1 - 160 лет, в. См. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла… С. 536, 541, 551.

царя было 4 ста тысящь окованные рати, а воевал всю Рускую землю от востока до запада. А казнил Богъ рускую землю за своя согрѣшения. И ты пришел на Рускую землю, царь Мамаи, со многими силами, з дѣвятью ордами и 70 князями. А нынѣ ты, поганыи, бѣжишь сам-девят в лукоморье, не с кѣм тебѣ зимы зимовати в полѣ»[33]. Причин фиаско, как полагает автор произведения, две. Во-первых, успешные действия русских князей («нѣшто тобя *князи руские горазно подчивали*: ни князей с тобою, ни воевод»), во-вторых, и это, видимо, самое главное, то, что Господь сменил гнев на милость «за добрые дела» русских князей («уподобилася еси земля Руская милому младенцу у матери своей: его же мати тешить, а рать лозою казнит, а *добрая дѣла* милують его. Тако *Господь Богъ помиловал князей руских*»)[34].

Тема поведения князей – одна из ключевых в «Задонщине». В уста чернецу Пересвету вложена фраза, с которой он обращается к Дмитрию Ивановичу, давая понять, что гибель в бою предпочтительнее татарской неволи: «лутчи бы нам потятым быть, нежели полоненым быти от поганых татаръ»[35]. Несмотря на то, что приведенная фраза является почти точной цитатой из «Слова о полку Игореве» («рече князь Игорь къ дружине своей: “Братие и дружино! *Луце* жъ бы *потяту быти*, *неже полонену быти*»[36]), мысль о необходимости сопротивления «поганым», судя по всему, разделяли и сам автор «Задонщины», и продолжатели его дела – создатели

---

[33] Там же. С. 540, 545.

[34] Там же.

[35] Показательно, что фраза читается в большинстве редакций, причем в разных вариациях, смысл которых, тем не менее, сводится к одному и тому же: «лучьжи ш бы нам, господите, *посеченым быти, нижли полоненым быти* от паганых татаръ»; «лутчи бы нам *потятым быть, нежели полоненым быти* от поганых татаръ», «луче бы *посеченым пасти, а не полонянымъ въспѣти* от поганыхъ», «лутши бы еся *сами на свои мечи наверглися, нежели намъ отъ поганых положенным пасти*». См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла… С. 538, 543, 550, 554.

[36] ПЛДР. XII век. С. 374.

сохранившихся списков памятника, которые по-своему осмысливали заимствованную из «Слова» реплику. Подобное отношение к сопротивлению татарам получило отражение и в тех редакциях летописных сюжетов, касающихся нашествия Батыя, которые будут созданы в XV-XVI в. Речь идет, прежде всего, о словах, вложенных в поздних летописных рассказах о нашествии в уста сыновьям великого князя Юрия Всеволодовича во время обороны Владимира: «луче ны есть умрети <…> *ниже въ воли ихъ быти»*, «луче ны есть умрети <…> *нежели воли ихъ быти надъ нами*» и т.д.[37] Помимо этого, в уста князя Владимира Андреевича Серпуховского вкладывался призыв к Дмитрию Ивановичу, также читающийся в большинстве редакций «Задонщины» в разных вариациях, «не ослаблять» натиск на врагов, не слушать тех «*изменников*», которые предлагали отказаться от сопротивления[38].

Важная особенность «Задонщины» состоит в том, что в ней выделяются цели русских князей, которые, согласно произведению, сражаются, во-первых, «за землю Русскую», а, во-вторых, «за вѣру христианскую» (вариант – «за православную вѣру», «за вѣру крещеную»)[39]. В этот период формула «за

---

[37] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000 Стб. 291-292; Т. 25. М., 2004 С. 27; Т. 18. М., 2007. С. 56 и др. Подробнее см.: *Рудаков В.Н.* Штурм столицы Суздальской Руси в 1238 г. в русском летописании второй половины XIII - XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 4 (102). С. 186–191.

[38] «Княже великии <…> не уставиумо великим полком, не слухаи изменников, не услобляи поганым татаром», «не остабливаи, брате, поганым татаровям: уже бо поганые поля русские наступают и вотчину отнимают», «не уставай, князь великый, с своими великими полкы, не потакаи крамольником! <…> не уставай, князь великый, съ своими бояры», «не остабляи, уже, господине, поганыя татарове на поля на наши наступають, а вои наши и вотчину отнимают». См.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла… С. 537, 543, 546, 549, 553.

[39] Там же. С. 535, 537, 538, 540, 542, 543, 548, 550, 551.

землю Русскую»[40], как отмечает А.А. Горский, «встречается почти исключительно в произведениях Куликовского цикла, при этом чаще всего в «Задонщине», откуда она, вероятно, попала и в другие памятники, повествующие о победе над Мамаем. В самой «Задонщине» формула «за землю Русскую» оказалась во многом благодаря близости этого произведения «Слову о полку Игореве» (по подсчетам исследователя, из 29 случаев употребления этого выражения в памятниках XI-XV вв., 5 приходится на «Слово» и 8 на «Задонщину»)[41]. Интересно при этом, что в списке У «Задонщины» формула «за землю Русскую, за вѣру христианскую» была использована в отношение не только участников сражения с Мамаем, но «князей, бояр и удалых людей», которые, «оставиша вся домы своя и богатество, жены и дѣти и скот, *честь и славу мира сего получивши*, *главы своя положиша* за землю за Рускую и за вѣру християньскую» в битве на Калке[42]. Подобного рода трактовок действий русских князей, воевавших с монголами в 1223 г., в ранних произведениях о битве на Калке, не было[43]. А это означает, формула «за землю Рускую и за вѣру християньскую» в конце XIV в. оказывалась пригодной и для описания поступков деятелей предшествующих исторических эпох.

---

[40] В это время под «русской землей», судя по всему, понимаются территории, находящиеся под властью великого князя владимирского – Северо-Восточная Русь и Новгородская земля. Подробнее см.: *Флоря Б.Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII-XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. 1993. № 2. С.54-55; *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 95.

[41] *Горский А.А* «Всего еси исполнена земля русская…» Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 62-65.

[42] «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла… С. 536.

[43] См.: ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 445-447; Т. 2. М., 1998. Стб. 740-745; Т. 3. М., 2000. С. 61-63.

По наблюдению А.А. Горского, на период с 1263 по 1380 гг. приходится лакуна в использовании формулы «за землю Русскую» в произведениях древнерусской книжности. В этом смысле «Задонщина» знаменует собой возвращение к домонгольской литературной традиции, согласно которой князь должен был защищать «землю Русскую». Если в домонгольский период эта формула, наряду с различными вариациями формулы сражений «за князя» / «за обиду князя», уверено занимала лидирующие позиции среди остальных «патриотических формул», то во второй половине XIV в. она оказывается на втором месте, пропуская вперед выражение «за веру христианскую», которая, по наблюдению А.А. Горского, наоборот, в домонгольский период практически отсутствовала[44]. Почти не использовалась она и с середины XIII до середины XIV в. Зато со второй половины XIV в. выражение «за веру христианскую» выходит на первые позиции, причем почти половина (7 из 18) случаев употребления этой формулы приходятся на «Задонщину»[45]. Все это дает основания говорить о том, что победа над Мамаем стала не только импульсом для возрождения «общерусского» («за Русскую землю») патриотизма. Другое значение событий 1380 г. состоит в том, что уже в самых ранних произведениях, посвященных Донскому побоищу, защита «Русской земли» фактически становится синонимом защиты «веры христианской», а гибель в бою за эти ценности, будучи «смертью за веру» - фактором искупления грехов и будущего спасения.

Меняется и «формула спасения». В предыдущий период мотив смерти за веру был связан с представлениями о мученичестве, о готовности к добровольной жертве от рук иноверцев за приверженность христианству

---

[44] «Наиболее раннее отождествление “земли Русской” и “веры христианской” можно усмотреть в “Слове о погибели Русской земли”, поэтическом отклике на нашествие Батыя на Северо-Восточную Русь». См. подробнее: *Горский А. А.* Историко-поэтическая концепция «Задонщины»// // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – нач. XX в. Вып. 1. М., 1990. С. 112–113.

[45] *Горский А.А* «Всего еси исполнена земля русская…»… С. 63-68.

(наиболее характерный пример – Михаил Всеволодович Черниговский, который, согласно Житию, «хотѣл кровь свою пролияти *за Христа и вѣру крестьянскую*»[46]). При этом, если раньше речь шла «о смерти отдельных людей, отказывающихся от сопротивления», то теперь «массы людей идут за веру на бой с оружием в руках»[47] и поэтому павшие в таком бою также приравниваются к святым мученикам - как мученики, погибшие от рук «поганых». В литературе предшествующего периода можно найти, пожалуй, единственный пример такого восприятия борьбы с татарами – рассказ Ипат. об осаде Владимира Батыем. В этом повествовании епископ Митрофан обещал «крепко борющимся» с врагом горожанам, что они за это «вѣнцы нетлѣньныа от Христа Бога приимут»[48]. При этом в «Задонщине» говорилось не только о посмертной участи павших в бою с врагами, но и о тех, кто выживет в сражении с «погаными». Им была уготована, прежде всего, «слава» и «похвала», о которой будет известно всему свету: «шибла *слава* к Желѣзным Вратам, и къ Караначи, к Риму, и к Кафе по морю, и к Торнаву; и оттолѣ ко Царюграду на *похвалу* руским князем: *Русь великая одолѣша рать татарскую* на полѣ Куликове на речьке Непрядвѣ»[49]. Описание в «Задонщине» ареала, на который распространилась слава победителя, напоминает аналогичный фрагмент первоначальной редакции Жития Александра Невского, в котором рассказывалось о том, до каких пределов дошла слава о святом благоверном князе: «И *нача слыти* имя его по всѣмь странамъ, и до моря Хонужьскаго, и до горъ Араратьскых, и об ону *страну* моря Варяжьскаго, и до великаго Риму»[50].

---

[46] *Серебрянский Н. И.* Указ. соч. С. 56, 57; 60, 61; 65, 66 (второй пагинации).

[47] *Горский А.А* «Всего еси исполнена земля русская…»… С. 68

[48] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779–780.

[49] Ср.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла… С. 538, 543, 549-550, 553.

[50] См.: *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М., Л., 1965. С. 192. Другая деталь, сближающая оба повествования – участие на

Не менее новаторскими были идеи, изложенные в летописном рассказе о Куликовской битве, самые ранние версии которого дошли в составе Рог. и Симеоновской (далее – Сим.) летописи, которые, в свою очередь, в этой части восходили к тексту недошедшей Троицкой (далее – Тр.) летописи[51]. Этот рассказ также имеет ряд отличительных черт. Первая из них, как и в «Задонщине», связана со стремлением увязать события 1380 г. с предыдущими периодами истории. Отсюда – собирательный образ врага, соединивший в себе одновременно и «актуального» противника (татар), и противника из далекого, еще домонгольского прошлого (половцев): «Мамай поганыи, собравъ рати многы, и *всю землю Половечьскую и Татарьскую*», «*погании половци, татарьстии плъци*»[52]. При этом в рассказе о разгроме Мамая отмечается, что окончательное поражение ему нанес «нѣкыи царь со востока, именемъ Токтамышь» и решающая битва между ними произошла «на Калкахъ»[53] - то есть ровно на том месте, где произошло первое столкновение русских с татарами, что также сближает ранний летописный рассказ с «Задонщиной»[54]. Вторая отличительная черта – указание на масштаб притязаний Мамая, который «хотя *плѣнити землю Русскую*»[55], то есть фактически повторить то,

---

стороне русских свв. Бориса и Глеба, в Житии Александра Невского выступающих в качестве воинов, а в «Задонщине» - творящими «молитву за сродники свои». Ср.: там же. С. 188-189. Ср.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла…. С. 537, 543, 549, 553.

[51] Подробнее см.: *Салмина М.А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла…. С. 355-364; *она же.* Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 3-5; Памятники Куликовского цикла… С. 11-15; *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV в. СПб., 1994. С. 24-25.

[52] ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Стб. 139; Т. 18. С. 129.

[53] Там же. Т. 15. Стб. 141; Т. 18. С. 130.

[54] Об отношениях этих памятников друг с другом подробнее см.: *Салмина М.А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» ... С. 344-384.

[55] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 139; Т. 18. С. 129.

что в свое время удалось сделать Батыю. И хотя, в отличие от «Задонщины», имя Батыя в рассказе Рог.- Сим. не упоминалось, сам по себе отсыл к временам Батыева нашествия читателям, скорее всего, был понятен, поскольку стремление «плѣнити землю Русскую» вполне соотносилось и с «*великим жестоким пленением русстѣм*», о котором говорилось в Повести о Михаиле Тверском, и с рассказом самого Рог. о нашествии, озаглавленном «*Плѣнение* царя Батыя»[56]. Третья черта также сближает ранний летописный рассказ о Куликовской битве с «Задонщиной», поскольку так же, как в ней, русские князья сражаются с татарами «за святые Божиа церкви, *за правовѣрную вѣру христианьскую, за всю Рускую землю*»[57].

Еще одна важная особенность летописного рассказа Рог.- Сим. состоит в том, что в нем татарам оказывается свойственна такая ранее неизвестная черта «безбожных», как *страх*. Гонимые «Божиим гневом», они «*страхом одръжими* сущее», Бог «невидемою силою *устраши*» татар, поэтому они бегут с поля боя, обратив «плещи свои на язвы»[58]. Фактически с ними происходит то, что, согласно ранним рассказам о Батыевом нашествии, некогда происходило с русскими, которых также охватывали «страх и трепет», и поэтому им приходилось бежать. В летописном рассказе о Куликовской битве все повторяется с точностью до наоборот, причем вплоть до мелочей: упоминается даже «малая дружина» - неизменный спутник бегства князей в годы нашествия Батыя (например, Даниила Галицкого[59]), а также «отъезда» из Владимира великого князя Юрия Всеволодовича[60]. Но теперь точно также

[56] Там же. Т. 15. Стб. 29. В Сим. рассказ о нашествии имеет заголовок «Рать Батыева». См.: там же. Т. 18. С. 54.

[57] Там же. Т. 15. Стб. 139; Т. 18. С. 129. Ср.: там же. Т. 3. С. 377.

[58] Там же. Т. 15. Стб. 139-141; Т. 18. С. 130.

[59] Там же. Т. 2. Стб. 784-788.

[60] Там же. Т. 1. Стб. 461.

бежит с Куликова поля Мамай, который «*не во мнозе* утече с Доньского побоища и *прибѣже* въ свою землю в *малѣ дружинѣ*»[61].

Таким образом, к началу XV в. определись новые векторы рефлексии, связанные с видением природы русско-ордынских отношений, восприятия самих татар и их власти над русскими землями, наметились новые подходы к определению функций князя в условиях военных конфликтов с Ордой, к решению вопроса о возможности/необходимости противостояния ей. Источники дают основания полагать, что в течение XIV в. вызревало новаторское по отношению у предшествующему периоду представление о необходимости князей действовать в интересах «отчины» («отечества») и православия, сражаясь «за Русскую землю и веру христианскую», «за други своя», и именно такое поведение расценивалось книжниками как наиболее прямой путь к спасению.

Работа по созданию «свода Фотия», ставшего общим источником С1-НК-Н4, стала новым этапом осмысления намеченных в предшествующий период вопросов. Его главная особенность состоит в том, что его создатели коснулись не только событий недавнего прошлого (по поводу которых рефлексия, разумеется, была более активной и заинтересованной), но и сюжетов более удаленных по времени, прежде всего, связанных с нашествием Батыя и ранним периодом русско-ордынских отношений. И в том, и в другом случаях размышления книжников касались поведения русских князей в ситуации татарских нашествий. Проделанная таким образом работа легла в основу последующих трактовок исторических событий. Я.С. Лурье отмечал «широко развернутую в своде идею борьбы за независимость», которая в последующих летописных памятниках получала дальнейшее развитие: «все

[61] Там же. Т. 15. Стб. 141; Т. 18. С. 130. Точно также в 1365 г., когда князья Олег Рязанский и Владимир Пронский разбили Тагая («бысть им бои, брань люта и сѣчь зла»), ордынский князь «въ *малѣ дружинѣ* едва *убѣжа*». (См.: там же. Т. 15. Стб. 80; Т. 18. С. 104). Это первый за все время ордынской власти на Руси случай победы на «чисто татарскими» войсками в открытом сражении. См.: *Горский А.А.* Москва и Орда… С. 83.

рассказы о Дмитрии Донском, о Куликовской битве, о предшествующих восстаниях против хана восходят в летописях XV-XVI вв.» к этому своду, «традиционные представления об этих событиях (в частности, о роли Сергия Радонежского в войне с Мамаем) имели своим источником именно «Нестора XV в.» - то есть составителя «свода Фотия»[62].

В Повести о Куликовской битве, дошедшей в составе С1-НК2-Н4[63], в отличие от «Задонщины» и краткого летописного рассказа, в которых напрямую об этом не шла речь, Мамаю приписывалось намерение повторить действия, некогда совершенные Батыем. Так, согласно Повести, собираясь в поход, он призывал своих «темных князей поганых» пойти «на рускаго князя и на всю силу рускую, *яко же при Батыи было*». Из текста Повести видно, каким образом ее составитель представлял себе цели завоевателей: «к*рестьяньство потяряемъ*, и *церкви Божиа попалимъ*, и *кровь ихъ прольемь*, и *законы ихъ погубимь*», – призывал Мамай, «хотя *пленити крестьян*»[64]. Таким образом, замыслы Мамая (а ретроспективно и Батыя), с точки зрения составителя Повести, носили главным образом антихристианский характер. Новой чертой в восприятии татар в целом и Мамая в частности было указание на их *дьявольскую сущность*. В Повести о Куликовской битве говорилось о

---

[62] *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV в…. С. 116.

[63] *Салмина М.А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве… С. 355-364; *она же.* Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве… С. 3-5; Памятники Куликовского цикла… С. 11-15. Повесть создана, скорее всего, в конце 10-х или в 20-х гг. XV в. См.: *Кучкин В.А.* Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 6; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 110-118, *Горский А.А.* Москва и Орда... С. 139.

[64] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 311; Т. 6. Вып. 1. Стб. 455; Т. 42. СПб., 2002. С. 139. Подробнее см.: *Горский А.А.* «Ту сядем и Русью владеем…»: представление о возможности непосредственного владычества монголов на Руси и исторические реалии // Куликовская битва в истории России. Вып. 2. М., 2012. С. 83.

том, что «великий князь наеха наперед на <...> нареченнаго *плотнаго*[65] *дьявола Мамая*», при этом его союзник – князь Олег Рязанский назван «*дьяволовым светником*»[66]. Прямое именование предводителя татарского войска «дьяволом» впервые встречается именно в рассматриваемом произведении. До этого указания на связь татар с дьявольскими силами появлялись эпизодически и носили неявный характер (так, в рассказе Ипат. о нашествии Батыя, как было показано выше, татарам приписывались лишь некоторые черты «лукавого»).

Такое отношение к предводителю татар предопределило и поступки великого князя, который, «хотя *боронити своея отчины*», призывал воинов пойти против Мамая «*за правовѣрную вѣру христианскую*, за святыа церкви, и за вся младенца и старца, и *за вся христианы, сущая и не сущаа*»[67]. Безальтернативность такого поведения определялась в сюжете, в котором рассказывалось о том, как к князю «приспѣ грамота от преподобнаго игумена Сергиа, от святаго старца, благословенаа». В ней Сергий благословлял великого князя, «*веля ему битися с татары*»[68]. Согласно Повести, Дмитрий Иванович не просто выполнил завет преподобного Сергия, вступая в битву с полчищами Мамая, но и сам сражался, «став напреди на первомъ суймѣ», несмотря на уговоры других князей и воевод «не ставися напреди битися, но назади или на крилѣ, или нѣгде въ опришнемь мѣсте». Даже такое «послабление» Дмитрий считал для себя неприемлемым, поскольку готов был погибнуть «за свою братию и за вся христианы»: «Да како азъ възглаголю — «братия моа, потягнем вси вкупѣ съ одиного!», а самъ лице свое почну крыти и хоронитися назади? Не могу в томъ быти, но хощу *якоже словомъ, такоже и дѣлом* напереди всѣх и пред всѣми главу свою положити *за свою братию и*

---

[65] Здесь «*плотный*» в значении ‘*воплощенный*’. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989. С. 103–104.

[66] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 312, 319; Т. 6. Вып. 1. Стб. 461; Т. 42. С. 139, 142.

[67] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 313; Т. 6. Вып. 1. Стб. 457; Т. 42. С. 139-140.

[68] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 316; Т. 6. Вып. 1. Стб. 455, 464; Т. 42. С. 141.

за вся христианы»[69]. Интересно, что, согласно Повести, во время боя «всь доспѣх его» оказался «битъ и язвен, но на тѣлеси его не бѣше язвы ни коея же»[70], что выдает знакомство составителя этого рассказа о Куликовской битве с ЖМТ, согласно которому тверской князь оказывался в аналогичной ситуации во время сражения с московским князем Юрием Даниловичем: «самому же великому князю Михаилу бѣ видѣти доспѣх его весь язвленъ, на тѣле же его не бысть никоея же раны»[71]. Да и сам мотив, когда окружение князя уговаривает его не рисковать жизнью, а он действует вопреки их уговорам, поскольку хочет голову положить «*за свою братию и за вся христианы*», также сближает оба этих произведения.

В итоге победа достается русским князьям, поскольку, с одной стороны, на их стороне помощь свыше («*призрѣ Господь* милостивыма очима на вси князи руские и на крѣпкыа воеводы, и на вся христианы, дръзнувше за христианство и *не устрашишася, яко велиции ратници*»[72]), а, с другой стороны, они и сами «мужьскы храбровашя»[73].

В Повести уделено внимание и теме бегства. Враги (Мамай, Ягайло и Олег Рязанский) вынуждены бежать, при этом Ягайло (в «Задонщине» и кратком летописном рассказе о его участии в событиях 1380 г. ничего не говорилось), согласно Повести, бежал «превентивно» - «*побѣгошя назад съ многою скоростию, никим же гоними, не видѣша тогда князя великаго, ни ратии его, ни оружиа его, токмо имени его бояхутся и трепетаху*»[74]. Кроме

---

[69] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 321; Т. 6. Вып. 1. Стб. 467; Т. 42. С. 143.

[70] Там же.

[71] *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском…С. 136-137. См.: *Орлов А.С.* Древняя русская литература XI-XVII вв. М., 2014. С. 205; *Кучкин В.А.* Повесть о Михаиле Тверском… С. 268.

[72] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 320; Т. 6. Вып. 1. Стб. 465; Т. 42. С. 142.

[73] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 323; Т. 6. Вып. 1. Стб. 469; Т. 42. С. 143.

[74] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 323; Т. 6. Вып. 1. Стб. 468; Т. 42. С. 143.

того, в Повести рассказывается о неких своих «небывальцах»[75], которые, «рыданиа исполънишася <…>, *устрашишася и живота отчаявшеся*, и *на бѣги обративше́ся, и побѣгоша*, а не помянушя, яко мученици глаголаху друг къ другу: «Братие, потерпим мало, зима яра, но рай сладокъ; и страстенъ меч, но славно вѣнчание»[76]. Отношение к их поступку было очевидно негативным, ведь «небывалцы» не смогли оценить значения слов мучеников, призывавших терпеть невзгоды во имя будущего воздаяния от Господа[77].

Вообще в этот период тема бегства, судя по всему, приобретает особую остроту и актуальность. Значимым событием конца XIV в. стал не только разгром Мамая, но и нашествие на Москву хана Тохтамыша, произошедшее спустя два года после победы Дмитрия Ивановича над Куликовом поле.

6.3. Нашествие Тохтамыша и «отъезд» Дмитрия Донского в Кострому в летописании XIV-XV в.

В раннем варианте летописного рассказа о нашествии Тохтамыша, дошедшем в составе Рог.-Сим., о поступке Дмитрия Ивановича, покинувшего Москву, говорилось весьма нейтрально - отмечалось, что великий князь «не

---

[75] В трактовке НК-Н4 они названы «москвичи мнози, небывалци», в С1 – просто «мнози же небывальцы», что выдает следы последующей редактуры. ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 320; Т. 6. Вып. 1. Стб. 465, Т. 42. С. 142. Ср. там же. Т. 3. С. 376.

[76] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 320; Т. 6. Вып. 1. Стб. 465, Т. 42. С. 142.

[77] Интересно, что в рассказе НПЛ мл., который, как показали А.А. Шахматов и Я.С. Лурье, восходил к общему протографу С1-Н4 (*Шахматов А.А.* Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М., Л., 1938. С. 163-164; *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 91-93), «москвичи небывалци, видѣвше множество рати татарьскои», также «устрашишася и живота отцаявшеся», после чего «на бѣги обратишася», но уже по иной причине – «*не помянувше реченаго пророкомъ, како единъ пожнеть 1000, а два двигнета тму, аще не Богъ предасть ихъ*» (ПСРЛ. Т. 3. С. 376). Страх этих «москвичей», как видно из приведенного отрывка, составитель рассказа НПЛ мл. связывал с их заботой о сохранении собственной жизни («животе») и отсутствием у них уверенности в том, что Бог выступает на их стороне.

ста на бои противу его, ни подня рукы противу царя, но *поеха* въ свои градъ на Кострому»[78]. Тема бегства оказалась более злободневной для общего источника НК2-Н4-С1, для составителя которого относительно недавнее событие – нашествие на Москву Едигея (1408 г.), в ходе которого великий князь Василий Дмитриевич бежал в Кострому[79], не могло не актуализировать ни саму эту тему, ни историю, связанную с бегством в ту же Кострому отца Василия – великого князя Дмитрия Ивановича во время нашествия Тохтамыша (1382 г.). Тем более, что составители свода, судя по всему, сознательно решили не акцентировать внимания на обстоятельствах нашествия Едигея и, в особенности, на «отъезде» великого князя из Москвы, поскольку сам этот факт, вероятнее всего, оценивался критически[80]. Составление свода относилось ко времени правления самого Василия Дмитриевича, и, видимо, московским редакторам, в отличие от тверских, было не с руки рассказывать о недавнем бегстве великого князя из столицы. В результате в НК2-Н4-С1 сообщение об этом событии оказалось предельно лаконичным: «И на ту осень Едегѣи прииде к Москвѣ, мѣсяца ноября 23, и стоявъ мѣсяцъ и отъиде прочь отъ града, ваенъ окупъ 3000 рублевъ, а Переяславъ пожже, и Ростовъ, и Юрьевъ, Дмитровъ и прочая волости повоева. Тогда дорого въ житу бысть и по всей земли Рускои»[81].

---

[78] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 144; Т. 18. С. 132.

[79] «Василий же *не успѣ* ни мала дружины собрати <…> самъ со княгинею и съ дѣтми *отъеха* къ Костромѣ. И смутися град ужасным видѣниемъ, и люди начаша зѣло *бѣжати*, не брегуще ни о имении, ни о иномъ ни о чемъ». ПСРЛ. Т. 15. Стб. 183; Т. 18. С. 157.

[80] *Конявская Е.Л.* Повесть о Едигеевом нашествии в тверском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 4 (26). С. 97.

[81] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 406. В НК2 рассказ о нашествии на Москву разбивается вставкой т.н. «ярлыка Едигея», который в Н4 приводится после самого рассказа о нашествии. (См. ПСРЛ. Т. 42. С. 172-173. Подробнее о «ярлыке Едигея» см.: *Горский А.А.* Москва и Орда… С. 127-133). Текст С1 ближе к чтениям НК2 (в частности, среди сожженных городов упомянут Ростов, пропущенный в НК2), но при этом сумма «окупа» указана «триста рублев», вместо трех тысяч, о которых идет речь в НК2-Н4-, также в ней отсутствует текст «ярлыка». См.:

На этом фоне давняя история о бегстве в 1382 г. Дмитрия Ивановича из Москвы в своде Фотия, наоборот, получил свое развитие. В Повести о нашествии Тохтамыша был дан более критический, по сравнению с ее источником – рассказом Рог.-Сим., взгляд на поступок великого князя. Повести была дана иная трактовка событий: «слышав же князь великыи таковую вѣсть, оже идеть на него самь царь въ множестве силы своея, нача сбирати воя и съвокупляти плъки своя, и *выеха из града Москвы, хотя ити противу татар*». Однако «обрѣтеся в князех розность, и не хотѣху пособляти друг другу, и не изволиша помагати брат брату», в результате чего «бывшу же промежи ими не единачеству, но неимовѣрству». Как отмечалось в Повести, «то познав, и разумѣвъ, и размостревъ, благоверныи князь бысть в недоумѣнии и в размышлении велицѣ, и *убояся* стати в лице противу самого царя. И не ста на бои противу его, и не подъя рукы на царя, но *поеха* в град свои в Переяславль, и оттуду мимо Ростов, и, паки реку, *вборзѣ* на Кострому»[82]. Исследователи, обращая внимание на неоднократные указания источников на царскую титулатуру Тохтамыша (в отличие от Мамая, которого на Руси воспринимали в качестве узурпатора «царства»), полагают, что в реальности отказ великого князя от открытого столкновения с ордынским ханом был, среди прочего, связан с нежеланием вассала (Дмитрия) сражаться со своим сюзереном (Тохтамышем)[83]. В отличие от ситуации 1380 г., когда борьба шла против Мамая, могущественного, но нелегитимного правителя Орды, в 1382 г. «требовалось бороться с чингизидом, законным ханом,

---

ПСРЛ. Т. 6. Стб. 532. Нет упоминаний о бегстве великого князя и в НПЛ мл. См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 400-401.

[82] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 328; Т. 6. Вып. 1. Стб. 473; Т. 42. С. 144-145. Употребленное книжником определение «вборзе» весьма показательно: тем самым как бы создавался эффект быстрого перемещения, настоящего бегства великого князя из города в город.

[83] Подробнее см.: *Горский А. А.* О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 207–208.

которому русские князья приносили вассальную присягу, и которую они и по правовым, и по моральным нормам тех времен обязаны были соблюдать»[84].

Впрочем, это обстоятельство не оказало влияния на в целом критическое отношение летописца к поступку великого князя, что нашло отражение в описании ситуации в столице, сложившейся там после того, как Дмитрий Иванович «поехал вборзе» в Кострому: «а на Москвѣ бысть замятня велика и мятеж великъ зѣло. Бяху людие смущени, *яко овца, не имуще пастуха*, гражанстии народи възмятошася и въсколибашася, яко и пьани»[85]. Тем самым книжник не только давал понять, что отсутствие в Москве великого князя стало главной причиной «мятежа», но и при помощи сопоставления горожан с овцами, не имеющими пастуха, отсылал читателей к словам Евангелия от Иоанна: «*пастырь добрый полагает жизнь свою за овец*, а наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит приходящего волка и *оставляет овец и бежит*, и волк расхищает овец и разгоняет их...»[86]. В этом контексте получалось, что Дмитрий Иванович действовал вопреки тому, как должен был вести себя настоящий князь-пастырь. Согласно Повести, эту миссию взял на себя некий князь Остей. Если в рассказе Рог.-Сим. говорилось лишь о том, что Остей «в граде Москве затворился <...> съ множествомъ народа», то в Повесть сначала описывались бедствия москвичей в отсутствие великого князя («граду же единаче в мятежи смоущающеся, аки морю мутящюся в бури велице, и *ни откудоу же оутешениа* обретающе, нъ паче болшихъ и поущихъ золъ ожидаахоу»[87]) и вслед за этим сообщилось о приезде Остея – «внука Ольгердовича». Остей, согласно Повести, «*окрепивъ народъ* и *мятежь*

---

[84] См.: *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 77.

[85] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 328; Т. 6. Вып. 1. Стб. 473-474, Т. 42. С. 145.

[86] Иоанн. 10: 11–12. Ср. с древнерусским текстом: «пастырю добрыи, положивый душю за овце» («Слово о законе и благодати»); «пастоухъ добрыи доушю своя полагаетъ за овьця» (Остромирово Евангелие). Цит. по: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1902. Стб. 886, 887.

[87] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 329; Т. 6. Вып. 1. Стб. 474, Т. 42. С. 145.

градный укротивъ»[88], и, таким образом, фактически выполнил функцию того самого «пастыря доброго», место которого оказалось вакантным после отъезда Дмитрия Ивановича. Остей во всем заменил собой великого князя: возглавил оборону города и погиб вместе со многими москвичами. Вполне возможно, именно так, по мнению автора Повести, должен был поступить и великий князь Дмитрий, если бы до конца решился выполнить свои пастырский долг.

В еще большей степени отношение автора Повести о нашествии Тохтамыша к отъезду великого князя проявилось в финальных фразах описания «московского разорения». Вновь сообщив о Дмитрии то, о чем было сказано ранее («князь же великий съ княгинею и съ детми *пребысть на Костроме*, а братъ его Володимеръ на Волоке, а мати Володимерова и княгини въ Торжку, а Герасим владыка Коломеньский въ Новегороде»[89]), книжник сделал еще одно нелицеприятное по отношению к поступку великого князя замечание, дав понять, что страх Дмитрия был вызван его грехами: «кто насъ братье, о семъ не *устрашится*, видя таковое смущение Рускои земли? Яко же Господь глагола Пророкомъ: аще хощете, *послушаете* мене, благия земная снесте, *положю страхъ вашь на вразехъ вашихъ*; аще ли *не послушаете* мене, то *побегнете никимъже гоними*, *пошлю на вы страхъ и ужасъ*, *побегнеть васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща* (вариант – “тма”)»[90]. Столь критический взгляд на произошедшее отражал мнение «чужого» по отношению к великому князю летописца: приведенный отрывок в полном виде читается только в вариантах Повести, дошедшей в НК2 и Н4, а С1 текст от слов «кто насъ братье, о семъ не устрашится...» и до фразы «...побегнеть васъ отъ пяти сто, а отъ ста тысяща» не содержит. Однако, данный пассаж в части, отсутствующей в С1, читается и в НПЛ мл., текст которой представляет собой лишь краткое

[88] Там же.

[89] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 337; Т. 6. Вып. 1. Стб. 481, Т. 42. С. 148.

[90] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 337; Т. 42. С. 148.

сообщение о нашествии Тохтамыша[91]. При этом в НПЛ мл. говорилось о том, что князь «*поиха»* на Кострому не перед лицом «самого царя», а по более прозаической причине – «*видя многое множество безбожныхъ Татаръ, и не ста противу имъ*»[92]. Вероятнее всего, именно данный отрывок, дошедший до нас в составе НК2-Н4, а также НПЛ мл., был и в первоначальном виде Повести. Составитель же общерусской – московской по своему происхождению – С1,

---

[91] Приведенный текст находится во всех списках НПЛ мл. – в Комиссионном, Академическом и Толстовском (См.: ПСРЛ. Т. 3. С. 378) и представляет собой библейскую цитату (Лев. 26:3-8). В тех же выражениях, правда, со ссылкой на другой библейский текст (Ис. 1:19-20, 30:17.), в НПЛ старшего извода описывалось бегство новгородцев во время битвы с немцами под Раковором в 1269 г. (ПСРЛ. Т. 3. С. 86-87). Подробнее см.: *Лаушкин А.В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI–XIII вв. М., 2019. С. 102-103). Как справедливо полагала М.А. Салмина, текст Повести НПЛ мл., чтения которого совпадают в указанном отрывке с чтениями других списков этой летописи, «более близок к HIV, чем к CI» (*Салмина М. А.* Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 138). «Первичность» НК2 по отношению ко всем известным спискам Н4, по мнению Я. С. Лурье, «несомненна». Как полагал исследователь, «перед нами памятник, отражающий оригинал HIV» (*Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 81–82). Того же мнения придерживался и Г. М. Прохоров – оппонент Я. С. Лурье в дискуссии по поводу характера взаимоотношений НК2-Н4-С1. По его мнению, НК «дает текст первоначальный по сравнению с HIV» (*Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 185; *он же.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л., 1987. С. 120. Прим. 70. Ср. *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 199–218). А.Г. Бобров также полагает, что именно «редакторским сокращением следует объяснить и отсутствие в CI читавшихся в протографе CI-НК нескольких крупных фрагментов из Повести», в том числе и цитированного отрывка (*Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 144). Текст, совпадающий в данном отрывке с НК2-Н4, находится также в Летописи Авраамки (ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. С. 120-130. Подробнее см.: *Рудаков В.Н.* Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 15-27).

[92] ПСРЛ. Т. 3. С. 378.

активно пользовавшийся материалами новгородского летописания, видимо, не рискнул оставить этот фрагмент в редактируемом им тексте. Причина такой редактуры может быть объяснена тем, что в новгородских летописях образ великого князя, «не послушавшего Господа» и поэтому вынужденного спасаться бегством и бросать на произвол судьбы врученное ему Всевышним «духовное стадо», получился слишком уж негативным. Особенно, если иметь в виду сравнение с теми, кто бежал «*никымъ же гоними*». Во-первых, потому что, если верить летописным рассказам о нашествии Тохтамыша, ни о каком преследовании великого князя войском ордынского царя речь, действительно, не шла. И в этом смысле его бегство так далеко от Москвы выглядело как напрасная и даже избыточная предосторожность. Во-вторых, сама по себе формула, описывающая бегство тех, за кем никто не гонится, судя по всему, имела уничижительный оттенок. Так, согласно Повести временных лет, бежал с поля боя Святополк Окаянный («*не бѣ никогоже вьслѣдъ женущаго <…> гонимъ гнѣвомъ Божиимъ*)[93], а в Повести о Куликовской битве – литовский князь Ягайло («*съ многою скоростию, никим же гоними,* не видѣша тогда князя великаго, ни рати его, ни оружиа его, токмо имени его литва бояхуся и трепетахуся»[94]). О бегстве в 1480 г. из Москвы жены великого князя сообщалось при помощи такой же формулы, причем упоминание носило явно критический по отношению к Софье Палеолог характер («тое же зимы прииде великая княгиня Софья из беговъ, бѣ бо *бѣгала* за Белоозеро и з боярынями от Татаръ, а *не гонима никым же*; и *по которым странам ходила, тѣм стало пуще Татаръ от боярьскых холопов, от кровопивцевъ крестьянскыхъ»*[95]**).** Интересно при этом, что про Софью было сказано, что она бежала «*не гонима никым же*» - точно так же, как до этого татары, которые «*страхом одержими*

[93] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 144-145.

[94] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 323; Т. 6. Вып. 1. Стб. 468; Т. 42. С. 143. Подробнее см.: *Конявская Е.Л.* Повесть о Едигеевом нашествии… С. 99.

[95] ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 201; Т. 25. С. 328. Подробнее см.: *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века…. С. 174-183.

побегоша» и сам «царь Ахмат», на которого «прииде *страх от Бога*, и *побеже никым же гоним* от Угры по Литовъскои землѣ по королевѣ державѣ, воюя его землю за его измѣну»[96].

Тема отъезда правителя перед лицом врага была достаточно актуальной для Московской Руси XV в.[97]. О «Едигеевой рати» помнили долго: упоминание о ней встречается в договоре великого князя московского Юрия Дмитриевича с рязанским великим князем Иваном Федоровичем 1434 г.[98] Скорее всего, помнили в это время и о том, как поступил в 1408 г. Василий Дмитриевич, покинувший Москву и бежавший в Кострому, равно как и об аналогичном поступке в 1382 г. его отца – великого князя Дмитрия Ивановича. Нашествие в 1439 г. на Москву татарского хана Улу-Мухаммеда и последовавшее затем бегство Василия II из города, вероятно, добавило актуальности размышлениям о должном поведении правителей. Ситуация повторилась: когда «царь Махмут» подошел к городу «со многими силами безвѣстно», великий князь Василий Васильевич «въсхотѣ итти противу ему, но не поспѣ събратися». В итоге Василий II поступил точно также, как и многие его предки («*иде* за Волгу»), но причины его решения объяснялись летописцем с бросающейся в глаза противоречивостью: якобы он «пошед же пакы в вид *мало* своих», но при этом «на Москвѣ остави воеводу своего князя Юрья Патрекѣевича с *бесчисленым* христианъ *множства*». Ордынский царь

---

[96] ПСРЛ. Т. 24. С. 201; Т. 25. С. 328.

[97] *Рудаков В.Н.* Древнерусские книжники о бегстве князей от татар // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1. С. 52-61.

[98] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М., Л., 1950. С. 86. Подробнее см.: *Селезнев Ю.В.* «А переменит Бог Орду…» Русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV в. Воронеж, 2006. С. 78. Вспоминали о поступке Василия Дмитриевича и столетие спустя, в 1541 г. по время набега крымцев на Москву. ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 104-105.

простоял под Москвой десять дней, однако, столицу взять так и не смог, тем не менее, по выражению летописца, «зла много учини земле Русскои»[99].

Размышления о функциях правителей в моменты возникновения ордынской угрозы нашли отражение в двух первых «Пахомиевых» редакциях Житии Сергия Радонежского, составленных Пахомием Сербом в близкое к этим событиям время – в конце 1430-начале 1440 гг. В рассказе о создании Успенского монастыря «на Дубенке», основанного по обету Дмитрия Ивановича[100] в т.н. «первой Пахомиевой» редакции Жития[101] говорилось о том, что «князь великий» (т.е. Дмитрий Иванович, который не был назван по имени) посетил обитель преподобного Сергия и с «велию печалью» сообщил старцу, «яко Мамаи възъдвиже всю орду и *идет на рускую землю, хотя разорити церквы*, их же Христос кровию своею искупи». В ответ на это Сергий призвал Дмитрия к борьбе с Мамаем: «*иди противу их*, и Богу помогающу ти побѣдиши, и здравъ съ вои своми възратишися, *токмо не малодушьствуй*». В итоге русское воинство «изыде проиву ихъ, и быс по пророчьству святого Сергия, и побѣдивъ, татары прогна»[102]. Слова Сергия в изложении «первой Пахомиевой» редакции его Жития корреспондировались с сообщением Повести о Куликовской битве, согласно которой, как мы знаем,

---

[99] ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

[100] Подробнее об историографии вопроса и месте расположения монастыря см.: *Чернов С.З.* Успенский Дубенский Шавыкин монастырь с свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV-XVII вв. М., 1995. С. 123-182.

[101] Нумерация редакций дана по Б.М. Клоссу; по терминологии В. Яблонского – редакция Б. В. Яблонский датировал ее временем «не раньше 1440 - не позже 1443 г.», Б.М. Клосс – около 1438 г., В.А. Кучкин – концом 30-х гг. XV в. Подробнее см.: *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 59; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского... С. 161. *Кучкин В.А*. Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы. // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 114.

[102] *Тихонравов Н.С.* Древние жития преподобного Сергия Радонежского М., 1892. С. 59 (отдел первый).

Дмитрию Ивановичу, размышлявшему о целесообразности переправы на правый берег Дона, «приспѣ грамота от преподобнаго игумена Сергиа, от святаго старца, благословенаа» с повелением ему «*битися с татары*»[103]. В т.н. «второй Пахомиевой» редакции Жития[104], в рассказе «О съставлении монастыря на Дубенкѣ», данный сюжет оказался литературно переработан и расширен. В результате, во-первых, были более четко обозначены планы Мамая («Мамай ординьскыи князь подвиже всю орду безбожных татаръ, идут *на мою отчину на рускую землю*, хотя *разорити святыа церкви и погубити наше христианство*»), во-вторых, более определенно были обозначены статус и функции великого князя, которого Сергий в этой редакции называл «*царю наш рускыи*», а заодно сообщал ему, что тот – «*пастырь великому стаду - всему христианству*» и поэтому «*подобает ти пещися о своем стадѣ крѣпко* и *должно ти и душю свою положити о нем* въ Христа образ, яко ж и Христосъ о нас кровь свою излиа и душю свою положи»[105]. Сформулированные в житии призывы к великому князю быть пастырем «великому стаду - всему христианству», «печься о своем стаде», «душу свою положить за него», «не малодушествовать», а «идти против» татар, стремящихся «погубить наше

---

[103] По мнению В.А. Кучкина, «эпизод с посланием искусственно введен в текст рассказа о Куликовской битве, как искусственно введены в этот текст многочисленные молитвы и благочестивые рассуждения Дмитрия». Исследователь считал, что «это была характерная черта митрополичьего свода», в рамках которого была поставлена Повесть о Куликовской битве, одной из целей которого было «подчеркнуть исторические заслуги Сергия Радонежского. Поэтому, полагал В.А. Кучкин, «достоверность свидетельства о присылке послания Сергия Дмитрию за день до Куликовской битвы внушает большие подозрения». Подробнее см.: *Кучкин В.А.* Дмитрий Донской и Сергий Радонежский… С. 119-120.

[104] Нумерация по Б.М. Клоссу, по терминологии В. Яблонского – редакция А. В. Яблонский датировал редакцию временем не позднее 1443 г., Б.М. Клосс – около 1437 г., В.А. Кучкин – периодом между 1437 и 1441 г. в. Подробнее см.: *Яблонский В.* Пахомий Серб… С. 62; *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского... С. 165. *Кучкин В.А*. Дмитрий Донской и Сергий Радонежский… С. 115.

[105] *Тихонравов Н.С.* Указ. соч. С. 136-137 (отдел первый).

христианство», точно соответствовали «стандарту» духовного поведения, который содержался в Евангелии от Иоанна. Военный же смысл этого «стандарта» заключался в том, что защита своих подданных является прямой обязанностью правителя[106]. Пахомий Серб давал понять, что во времена Дмитрия Ивановича существовало опасение, что возможно и иное поведение со стороны князя и что преподобный Сергий выбор в пользу «малодушества» не одобрил бы. Между тем, текущие военно-политические события лишний раз подтверждали, что сами князья, вопреки «предписанию» святого Сергия, такой вариант для себя не исключали. И это обстоятельство не позволяло «сдавать в архив» тему княжеского поведения и вместе с ней в целом – тему отношений с татарами.

Как отмечал Н.С. Борисов, «в русской общественной мысли конца XIV — первой половины XV в. сосуществовали две политических идеи. Одну из них условно можно определить как идею богоугодности оборонительной войны с «погаными» «за землю Рускую и за веру християньскую». Она, по его мнению, возникла в период вооруженной борьбы с Ордой в 1375-1382 гг. Другая идея восходила к более ранней эпохе русско-ордынских отношений и была почерпнута из книги пророка Даниила. Ее суть — покорность посланному Богом «царю Навуходоносору», не допускавшая, однако, вероотступничества»[107]. Наличие прямо противоположных представлений о возможном поведении в условиях угрозы со стороны Орды самым непосредственным образом влияло на выбор поведенческих стратегий московских великих князей. Отмеченный дуализм подходов в полной мере проявился во время событий 1480 г.

---

[106] *Кучкин В.А.* Дмитрий Донской и Сергий Радонежский… С. 114-115. Ср. *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 107-109.

[107] *Борисов Н.С.* Политика московских князей. Конец XIII – первая половина XIV века. М., 1999. С. 34-35.

6.4. Долг «пастыря» и участь «бегуна» в сочинениях, посвященных «стоянию на Угре» (1480 г.).

Особой остроты вопрос о действиях правителя в ситуации конфликта с Ордой достиг в период т.н. «стояния на Угре». В 1480 г. от нашествия хана Ахмата, как было отмечено выше, бегством на Белоозеро спасалась жена великого князя Софья Палеолог, но и сам Иван III в этот момент явно колебался, размышляя над тем, как лучше поступить: дать сражение Ахмату или же уклониться от этого и последовать за супругой?[108] «Немного наберется в истории России XIV-XV вв. фактов, которые получили бы освещение в нескольких независимых друг от друга летописных источников»[109]: это обстоятельство позволяет более точно реконструировать отношение современников событий к разным моделям княжеского поведения.

Лояльная по отношению к действиям Ивана Васильевича трактовка событий содержалась в ростовском владычном своде, отразившемся в Типографской летописи (далее – Тип.): среди прочих источников, в ее рассказе, созданном около 1483 г., использовались идеи из Послания великому князю ростовского архиепископа Вассиана Рыло, однако, само Послание приведено не было. Близкая к Тип. позиция была изложена в памятниках московского летописания (сокращенные своды 1493 и 1495 гг., Уваровский список свода 1479 г., Сим. и др.), которые, представляя трактовку великокняжеского двора, тем не менее, расширили ее заимствованиями фрагментов из ростовского свода. Уже в конце XV в. в летописание попало и само Послание на Угру Вассиана Рыло, написанное «непосредственно во время самих событий, когда их исход был еще неясен»[110], и сохранившееся в

---

[108] *Назаров В.Д.* Конец Золотоордынского ига // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 116; *Гребенюк В.П.* Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы первой половины XV века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 61–62.

[109] *Назаров В.Д.* Конец Золотоордынского ига… С. 110.

[110] *Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 117.

рассказах Вологодско-Пермской, весьма лояльной по отношению к великому князя, и ряда других летописей[111]. Особое место среди них занимают Львовская (далее - Лв.) и Софийская вторая (далее – С2) летописи. Помимо сюжетов, заимствованных из великокняжеской версии и ростовского свода, в них содержится ряд оригинальных известий, которые отражают взгляд на события автора летописного источника, составленного в середине 1480-х гг.[112] По мнению В.Д. Назарова, общий источник С2-Лв. – «свод 1518 г.» - в этой части отражал информацию «от жителя столицы, непосредственного наблюдателя, критически оценившего и действия Ивана III, и их мотивы», а также ту часть его окружения, которые подталкивали Ивана Васильевича к бегству[113].

Источники единодушны в том, что в момент нашествия хана Ахмата в столичных кругах не было единства относительно того, как следует действовать в создавшейся обстановке: одна группировка выступала за то, чтобы оказать сопротивление хану, другая – за то, чтобы путем уступок («не

---

[111] Послание дошло и в отдельных списках, самый ранний из которых (РГБ, ф. 178, № 3271) датируется концом XV в. Подробнее см.: *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века…. С. 181-182. Текст опубликован: ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 522-537.

[112] Б.М. Клосс и В.Д. Назаров полагали, что его составителем мог быть один из клириков московского Успенского собора, и поэтому предложили называть этот источник «Успенским летописцем конца 1480-х годов». Сведения из него попали в т.н. 2-я редакцию свода 1518 г. - общий источник Лв. и С2. Подробнее см.: *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV-XV вв. М., 1984. С. 302-310. «Церковное происхождение» этих текстов не вызывало сомнений и у А.Н. Насонова. Подробнее см.: *Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начало XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969. С. 314-315.

[113] *Назаров В.Д.* Два эпизода из хроники событий осени 1480 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 91. Подробный анализ источников см.: *Назаров В.Д.* Конец Золотоордынского ига… С. 110-112; *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Указ. соч. С. 283-313; *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века…. С. 174-189.

противитися супостатом, но отступити»[114]) вернуть ситуацию в мирное русло[115]. Видя такое «неединачество», сам великий князь явно колебался. Даже великокняжеские летописцы не смогли скрыть этот факт: по мнению Я.С. Лурье, данное обстоятельство свидетельствовало о том, что о колебаниях Ивана III современники прекрасно знали, и поскольку информация была общеизвестна, об этом невозможно было не упомянуть на страницах летописей, создававшихся по горячим следам[116]. Очевидно, что нерешительность Ивана III была обусловлена целым рядом обстоятельств. С одной стороны, идеологическим причинами, а именно - существовавшим на тот момент представлениями о том, что ордынский хан является правителем более высокого ранга, чем великий князь московский, и фактически выступает в качестве его сюзерена, а потому сопротивление ему нарушает освященную традицией субординацию[117]. С другой стороны, великий князь не мог не брать в расчет и военно-политическую обстановку, влиявшую на расклад сил. Прежде всего, возможность выступления на стороне Ахмата польского короля Казимира IV, а также вспыхнувший между ним самим и его братьями (Борисом Волоцким и Андреем Углицким) конфликт, не позволявший Ивану в полной мере рассчитывать на их помощь[118].

Споры о том, как должен вести себя великий князь в создавшейся ситуации, вспыхнули или до, или сразу после отъезда Ивана III из Москвы на

---

[114] ПЛДР. Вторая половина XV века… С. 524.

[115] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001.Стб. 294; Т. 20. 1-я пол. СПб., 1910. С. 339; Т. 24. С. 199; Т. 25. С. 327; Т. 26. М., Л., 1959. С. 273.

[116] *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века…. С. 191.

[117] *Горский А. А.* О титуле «царь» в средневековой Руси.... С. 208-209; *он же.* Москва и Орда… С. 171-172. О том, что «клятва хану» была важным элементом русского исторического сознания XIV-XV вв.», писал и Я.С. Лурье. Ср.: *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века…. С. 193.

[118] Подробнее см.: *Назаров В.Д.* Конец Золотоордынского ига… С. 116; *Горский А.А.* Москва и Орда… С. 171-172.

Оку, произошедшего 23 июля, и, видимо, продолжались на протяжении всего периода «Угорщины» - то есть, до середины ноября 1480 г.[119] Однако наибольшей остроты, судя по всему, они достигли после того, как 30 сентября великий князь решил удалиться от театра военных действий в столицу, во время его двухнедельного пребывания в Москве и затем – в период пребывания в Кременце и Боровске (октябрь-ноябрь).

Дошедшие источники, в целом отражая позицию той группировки, которая выступала за вооруженный отпор хану[120], открыто осуждали саму возможность бегства, крайне критически характеризуя тех, кто выступал за то, чтобы «отступити». Будучи единодушными в оценке целей нашествия Ахмата, который, по выражению Тип., шел на Русь, «хотя разорити хрестьяньство»[121], книжники называли «предателями христианства» лиц, советовавших Ивану III бежать. При этом они отмечали, что великий князь на определенном этапе слушался этих «злыхъ человѣкъ, сребролюбцевъ богатыхъ и брюхатоыхъ, *предателей хрестьянскыхъ, а норовниковъ бесерменскихъ*», которым «*самъ бо дияволъ ихъ усты глаголаше*, той же, иже древле вшедъ в змию и *прелсти* Адама и Евву»[122]. Однако, если в более лояльных по отношению к великому князю летописных произведениях вслед за этим рассказывалось о том, что в итоге под воздействием посланий Вассиана Рыло и других духовных лиц[123]

---

[119] *Назаров В.Д.* Конец Золотоордынского ига… С. 115.

[120] Подробнее о составе группировки см.: История России. Т. 3. Государства и народы на территории России в XIII – начале XVI в. На пути к единому Русскому государства. Отв. ред. В.А. Кучкин, Е.Л. Конявская. М., 2025. С. 601 (автор раздела – А.А. Горский).

[121] ПСРЛ. Т. 24. С. 199; Т. 6. Вып. 2. Стб. 291. Ср.: «безбожный царь Ахмат Болште орды поиде *на православное крестьянство на Русь*, на святыя церкви и на великого князя, похваляся разорите святыя церкви и все православное крестияньство пленити, и самого великого князя, *якоже при Батыи* было». См.: ПСРЛ. Т. 20. 1-я пол. С. 338.

[122] Там же. Т. 24. С. 200; Т. 6. С. 224. Ср. там же. Т. 20. 1-я пол. С. 339.

[123] Помимо текста Вассиана, до нас дошло послание от 13 ноября 1480 г. митрополита Геронтия и Освященного собора Ивану III, которые со ссылкой на великокняжеского «богомольца» архиепископа Вассиана, «с епископы, и с архимандриты, и с игумены, и с

«исполнися князь великии радости, и *мужеств и крѣпости*», а далее говорилось уже о бегстве от Угры хана Ахмата[124], то в более критических по отношению к «предателями христианства» версиях (С2 и Лв.) говорилось о том, что Иван Васильевич под воздействием их уговоров все-таки «*въсхотѣ бежати* отъ брега» Оки в Москву. При этом в весьма неуважительных выражениях сообщалось о его супруге - что он «*свою великую княгиню Римлянку* и казну съ нею посла на Белоозеро», при этом «мати же его великая княгини *не захотѣ бежати*, но изволивъ осадѣ седѣти». Более того: великому князю приписывалась идея, согласно которой он якобы намеревался в случае взятия Москвы татарами, направить великую княгиню с казной еще дальше - «мысля: будеть Божие разгнѣвание, царь перелѣзеть на сю страну Окы и Москву возмет, и имъ *бежати и къ Окияну морю*»[125]. Согласно этой версии рассказа, великокняжеский духовник, «слыша, что хощеть князь великый *бежати* от брега, написа грамоту» к Ивану «на берегъ», после чего в С2 и Лв. было помещено послание Вассиана Рыло. Однако далее указывалось, что «князь великый *не послуша того писания* владычня Васьянова, но совѣтникомъ своихъ слушаще», которые «не думаючи противъ татаръ за крестьянство стояти и битися, думаючи *бѣжати прочь, а хрестьянство*

протопопы, и с священноинокы, и с всеми священныы, и с множеством чина мнишьскаго честныих манастырей» били челом: «*мужественне добро стоите* за дом святыя и живоначальныа Троици, Отца, Сына и Святаго Духа, и за дом Пречистая Богородици и великого чюдотворца Петра, и за вся святыя Божиа церкви всея Рускиа земля ивсю свою святую читую нашу пречестнейшую веру». При этом противником великого князя был назван «гордый змий влелукавый враг дьявол», который «въздвизаеть на лютую брань поганым царем и его пособникы, поганых язык, их же последняя зрят во дно адово, идеже имут наследовати онь вечный неугасимый и тму кромешнюю». При этом в послании, среди прочих святых, на чью помощь в борьбе с Ахматом возлагались надежды, был назван и «святой старец» Александр Невский. См.: Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. Вып. 2. М., 1987. С. 276-277.

[124] Там же. Т. 26. С. 273. Ср.: Т. 25. С. 327-328; Т. 24. С. 200.

[125] Там же. Т. 6. Вып. 2. Стб. 294; Т. 20. 1-я пол. С. 339.

выдати»[126]. В итоге, согласно С2 и Лв., Иван III «побежа на Москву», где был встречен весьма разгневанными горожанами, начавшими «обестужився глаголати и извѣты класти», а также Вассианом Рыло, который «нача *злѣ глаголати* князю великому», называя его «*бегуном*» и отмечая, что само себе идея греховна по своей сути («*вся кровь на тебѣ падеть христианьская, что ты, выдавъ ихъ, бѣжишь прочь*, а бою съ татары не поставя и не бився съ ними»). При этом владыка якобы предлагал своему духовному чаду передать ему, Вассиану, войска для сражения с Ахматом («дай сѣмъ вои въ руку мою, коли азъ, старый, утулю лице противъ татаръ»)[127].

Я.С. Лурье справедливо полагал, что вставка текста Послания Вассиана в текст общего источника С2 и Лв. (т.н. «свод 1518 г.») была произведена «неудачно», в результате чего получалось, что Послание было направлено не на Угру, а на Оку (то есть, еще до «отъезда» Ивана в Москву), и в итоге из этого следовало, что великий князь, решив приехать в столицу, все-таки «не послуша того писаниа». Очевидно, что это не так[128]. Однако, в остальном

---

[126] Там же. Т. 6. Вып. 2. Стб. 306; Т. 20. 1-я пол. С. 345.

[127] Там же. Т. 6. Вып. 2. Стб. 307; Т. 20. 1-я пол. С. 345.

[128] О том, когда в действительности было отправлено Послание, мнения исследователей разнятся. К.В. Базилевич полагал, что это произошло между 15 (вероятная дата получения в Москве известий о боях на Угре, которые упоминаются в Послании) и 20 октября (когда, по расчетам исследователя, на Угру прибыли братья великого князя, что также нашло отражение в тексте), с ним соглашался Ю.Г. Алексеев. Я.С. Лурье также относил создание произведения к периоду, «после того, как Иван III приезжал в царствующий град Москву и отправился на Угру» - то есть ко времени после середины октября. В митрополичьем архиве первой трети XVI в. текст датирован более широким периодом – «около октября 14 – ноября 13» с указанием на то, что Послание было направлено Ивану Васильевичу уже «в Кременец или в Боровск». С такой трактовкой согласен В.Д. Назаров, полагающий, что переезд великого князя из Кременца в Боровск мог быть воспринят в Москве в качестве повторной попытки бегства, что и подтолкнуло Вассиана на отправку Послания. А.А. Горский полагает, что Послание могло было быть направлено великому князю и раньше – в течение тех двух недель, что великий князь находился в Москве, то есть в первой половине октября

уникальная информация С2 и Лв. вызывает доверие у исследователей[129]. В частности, находит подтверждение сюжет, связанный с отправкой из Москвы Софьи Палеолог: соответствующая информация, причем в достаточно критических по отношению к великой княгине тонах, содержится и в более лояльных по отношению к властям версиях рассказа: «Тое же зимы прииде великая княгиня Софья *изъ бѣгов*, бѣ бо *бѣгала за Белоозеро* отъ Татаръ, *а не гонялъ никто,* и по которымъ странамъ ходили, тѣмъ пуще стало Татаръ и от боярьскыхъ холоповъ, отъ кровопивцевъ крестьянскыхъ»[130]. Судя по всему, стоит доверять и сообщению С2 и Лв. о том, что сын великого князя Иван Иванович занимал прямо противоположную позицию, нежели его отец, и не намеревался бежать, что получило высокую оценку со стороны летописца: «князь великый <…> къ сыну посылая грамоты, чтобъ часа того былъ на Москвѣ, онъ же *мужество* показа, брань приа отъ отца, а *не ѣха* отъ берега, а *христианства не выда*». Несмотря на многократные требования великого князя к сыну и даже прямое поручение князю Даниилу Холмскому насильно вернуть Ивана Ивановича в Москву («сильно поимавъ, привести къ себѣ»), наследник исходил из того, что «лѣть ми *здѣ умерети*, нежели къ отцу ѣхати»[131]. Таким образом, сообщение С2-Лв. свидетельствует, что различиях в подходах по поводу того, бежать или сражаться с татарами, имели место не просто внутри тогдашнего общества (если под ним иметь в виду группировки в окружении Ивана III, а также широкие круги столичных жителей), но и

1480 г. Подробнее см.: *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 156; *Алексеев Ю.Г.* Указ. соч. С. 120, 195 (прим. 309); Русский феодальный архив... С. 222; *Назаров В.Д.* Конец Золотоордынского ига… С. 119; *Горский А.А.* Москва и Орда… С. 172.

[129] *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века…. С. 184-185. Ср.: *Алексеев Ю.Г.* Указ. соч. С. 118; *Назаров В.Д.* Конец Золотоордынского ига… С. 116-118; *Горский А.А.* Москва и Орда… С. 174-175.

[130] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 310; Т. 24. С. 201; Т. 25. С. 328.

[131] Там же. Т. 6. Вып. 2. Стб. 308; Т. 20. 1-я пол. С. 345-346.

внутри самой великокняжеской семьи, в которой позиции (и вытекавшие из этого действия) отца и сына-соправителя оказывались прямо противоположными.

Что же касается ближайшего окружения великого князя, то есть свидетельства, что и среди его виднейших представителей поступок Ивана Ивановича получил одобрение. В этом смысле весьма показательно послание игумена Троице-Сергиева монастыря Паисия, адресованное сыну Ивана III, датируемое промежутком с 30 сентября по 11 октября 1480 г., в котором сам великий князь называется «христианским государем и всея Руси *пастырем*»[132]. В послании игумен Паисий призывал Ивана Ивановича: «ты же, боголюбезный и Богом хранимый великий государь всея Руси, о Христе вооружи свое сердце, наполнися вся о Бозе духа ратного, стани крепко противу врага Божья и великаго змия безделнаго и немощнаго за имя Божие и за святые церкви и за сродников своих, великих князей, и за святыя чюдотворци, иже о тебе молят безпрестани во дни и в нощи, и *за свое отчьство*, и *за имя отца своего, великого государя*, и *за свою честную дерзость*»[133].

Весьма показательно упоминание в С2-Лв. мужества Ивана Ивановича: даже в лояльных по отношению к его отцу летописцах ключевым для оценки позиций тех или иных участников событий было именно это качество. Мужество, согласно рассказу, читающемуся и в С2-Лв., и в Тип., дает право претендовать «в семъ житии» на различные земные блага («от Бога милость, от государя жалование великого князя, а отъ всѣхъ людей честь и похвалу»), а «во ономъ вѣцѣ» люди, обладающие эти качеством, и вовсе «венцы нетлѣпными отъ вседръжителя Бога увязутся и царствие небесное наслѣдять»[134]. Об этой же перспективе писал Ивану Ивановичу и игумен

[132] Русский феодальный архив… С. 270.

[133] Там же. С. 270-271.

[134] Там же. Т. 6. Вып. 2. Стб. 310-311; Т. 24. С. 201; Т. 20. 1-я пол. С. 347.

Паисий[135]. Составитель текста, отразившегося в С2-Лв.-Тип., превозносил храбрость и мужество воинов, исходя не просто из абстрактных соображений о должном, но опираясь на опыт (прежде всего, других государств), который подсказывал ему, что иное поведение («немужество», как он это формулировал) грозит неисчислимыми бедствиями людям и странам, а самим воинам и правителями, вставшим на путь бегства перед лицом врага – еще и тяжкими моральными издержками.

В эпоху, наступившую во след османскому завоеванию, когда бывшие правители Византийской империи оказались рассеяны по Европе, размышления на эту тему, судя по всему, приобрели особую злободневность. В том числе и в России, где за примерами такого рода не нужно было далеко ходить: первые греческие беженцы появились в Москве сразу после падения Константинополя, большая группа эмигрантов в 1472 г. прибыла в Москву вместе с Софьей Палеолог, но и после свадьбы великого князя на дочери последнего морейского деспота приток греков не остановился[136]. В этом смысле упомянутая в рассказе о «стоянии на Угре» великая княгиня Софья и люди из ее окружения вполне могли быть живым источниками информации о том, какая участь ждала «бегунов» на чужбине. Интересно, что книжник писал об этом со знанием дела, ссылаясь на то, что «*видъхъ своима очима грѣшныма* великыхъ государьи, избѣгшихъ отъ Турковъ съ имѣниемъ и скитающихся, яко странныхъ, и смерти у Бога просящихъ, яко мздовъздаяниа»[137]. Странная, на первый взгляд, ссылка на собственные впечатления об увиденных им «скитающихся государях», на самом деле, может быть объяснена тем, что многие «греки», прибывшие в Москву самостоятельно или в составе двора Софьи Палеолог, сами охотно «представляли себя в России потомками

[135] Русский феодальный архив… С. 271.

[136] Подробнее см.: *Флоря Б.Н.* Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV — начала XVI вв. Политическая и культурная деятельность // Русско-балканские культурные связи эпохи Средневековья. София, 1982. С. 123-124.

[137] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 311; Т. 24. С. 202; Т. 20. 1-я пол. С. 347.

некогда правивших в Константинополе императорских династий»[138], что давало основания летописцу представлять их именно в таком качестве. При этом он упоминал многие «велици и славнии земли», который «пострадаша» к этому времени «отъ Турковъ, еже глаголю: Блъгаре и Скръби и Греци и Трапизонъ и Аморѣя и Арбанасы и Хръваты и Босна и Манкупъ и Кафа инии мнози». Причина этих «страданий», по мнению книжника, состояла в том, что тамошние правители «*не стажа мужественъ», и поэтому и сами «погибоша, и отечество изгубиша, и землю, и осподарьство*», и ныне «(с)китаются по чужимъ странамъ бѣднѣ, <…> *укоряеми и поношаеми, оплеваеми, яко немужествени*»[139]. «Отъ таковыя бѣды пощади, Господи, насъ православныхъ хрестьан молитвами Богородица и всѣх святыхъ»[140], - восклицал автор летописного рассказа, отразившегося в С2-Лв.-Тип. Таким образом, с его точки зрения, защита «отчества, Русской земли» являлась императивом, альтернатива которому – погибель государства, вечное унижение и позор: «О *храбри моужествении сынове Рустии! Подщистеся схранити свое отечьство, Рускою землю, отъ поганыхъ, не пощадите своихъ главъ*, да не

[138] *Флоря Б.Н.* Греки-эмигранты… С. 127, 141-142.

[139] ПСРЛ. Т. 6. Стб. 311; Т. 24. С. 201-202; Т. 20. 1-я пол. С. 347. Трудно согласиться с М.Б. Плюхановой, которая полагает, что в этих словах нашли проявление «взгляд и стиль человека, неискушенного в истории или очень тенденциозного, согласно которому в гибели православных стран виноваты государи этих стран, которые не встали против врага, а убежали с богатствами». (См.: *Плюханова М.Б.* «Послание на Угру» и вопрос о происхождении московской имперской идеологии // ТОДРЛ. Т. 61. СПб., 2010. С. 460). Тенденциозность и эмоциональность автора текста очевидна, однако, не ясно, что дает основания подозревать его в «неискушенности в истории». Скорее, наоборот, автор текста обладал широким географическим и историческим кругозором, коль скоро сумел донести свою мысль при помощи стольких примеров. Впрочем, интересно при этом, что случаи бегства русских правителей в этот ряд не попадали - видимо, по той причине, что несмотря на такое их поведение, русское государство продолжало существовать.

[140] ПСРЛ. Т. 6. Стб. 311; Т. 24. С. 201-202; Т. 20. 1-я пол. С. 347.

узрятъ очи ваши расплѣнениа и разграбленіа домовъ вашихъ и убьениа чадъ вашихъ и поруганіа надъ женами и надъ дщерми вашими»[141].

Пример мужественного поведения к тому времени также был известен: это действия последнего византийского императора Константина XI, описанные в «Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году»[142]. «Цесарь» Константин, не поддаваясь на многочисленные уговоры приближенных, принял решение остаться в осажденном городе («да умру зде с вами» – рефреном звучал его ответ), до конца разделив судьбу горожан[143]. Во время осады Константин вел себя именно так, как подобало вести «доброму пастырю»: император «*укреплял стратигъ и воин*, такоже и всех людей, *да не отпадут надеждою, но да уповаютъ на Господа вседержителя*»[144]. Кстати, примерно так же действовал, согласно Повести о нашествии Тохтамыша, оставшийся в Москве князь Остей: оба в итоге погибли от рук «иноплеменных», о чем также было известно в тех кругах, в которых дискутировались вопросы, связанные с поведением великого князя.

Вассиан Рыло в своем Послании на Угру исходил из того же императива, что и авторы летописных рассказов. В свое время И.П. Еремин справедливо отметил, что ростовский архиепископ был «из числа московских публицистов первым, кто нашел в себе мужество выступить в защиту не личности великого

---

[141] Там же.

[142] Ее создание относится к XV в. См.: *Творогов О.В.* Повести о взятии Константинополя турками в 1453 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 195-197.

[143] Точно так же вел себя тверской князь Михаил Ярославович, который, согласно Повести о Михале Тверском, отказывался уклониться от смерти, ссылаясь при этом на слова Дмитрий Солунского: «Господи, *аще погубиши их, то азъ с ними погибну. Аще ли спасешь их, то и азъ с ними спасенъ буду*». См.: *Кучкин В. А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском… С. 140.

[144] ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 224. См. также: *Орлов А. С.* Героические темы древнерусской литературы. М., Л., 1945. С. 104.

князя, а тех принципов, которые он призван был воплощать»[145]. Для этого у Вассиана были все основания: в самом начале Послания владыка писал о том, что тема, которую он затрагивал, касается спасения души Ивана («дръзнувшу ми усты къ устом глаголати твоему величеству, твоего *ради спасениа*»)[146]. Таким образом, проблема выбора князя между сопротивлением Ахмату, к чему призывал Вассиан, и бегством, к чему подталкивали Ивана «злые советчики», архиепископом поднималась на самый высокий, эсхатологический уровень.

По мнению Вассиана, долг Ивана – в том, чтобы «крѣпко стояти за православное христьянство, за свое отчьство противу безбожному бесерменству», отвергая советы «лстивых, шепчюще во ухо твоей державѣ, еже предати христьянство»[147]. Важное место в аргументации Вассиана занимали размышления о миссии главы православного государства, и в этом контексте - об Иване III как князе-пастыре, которому противостоят «окаанный мысленый волк <…> страшливый Ахмат»[148]. Архиепископ, цитируя Евангелие от Иоанна[149], напоминал Ивану III о миссии князя: «*пастырь добрый, душу свою полагает за овца*, а наимник нѣсть, иже пастырь, ему же не суть овца своя, *видит волка грядуща, и оставляет овца, и бѣгаетъ* <…> яко наимникъ есть, и не радит об овцах». «Ты же убо государю, духовный сыну, – писал великокняжеский духовник, – не яко наимник, но яко истинный пастырь, подщися избавити врученное тебѣ от Бога словесное ти стадо духовныхъ овець от грядущаго волка»[150]. Неисполнение пастырской обязанности, по мнению ростовского владыки, является тяжким грехом и

---

[145] *Еремин И. П.* Послание на Угру Вассиана Рыло // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1945. С. 302.

[146] ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 522.

[147] Там же.

[148] Там же. С. 524.

[149] Иоанн. 10, 11-13.

[150] ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 524.

приносит беды «пастве». Архиепископ ставил знак равенства между правителем-«бегуном» и предателем «христианства и отчества». Поэтому Вассиан призывал великого князя не поддаваться тем, кто уговаривает его, «*предав христианство* и свое *отечьство, яко бѣгуном скытатися по иным странам*», тем, кто хочет «твою честь в безчестие и твою славу в беславие преложити, и *бѣгуну* явитися и *предателю христьанскому* именоватися»[151]. Очевидно, что еще до событий 1480 г. у владыки сформировался целостный взгляд на проблему пастырского служения правителя, и поэтому на протяжении всего текста Послания на Угру он приводил доводы, имеющие прямые семантические (а иногда и текстуальные) связи и с Повестью о нашествии Тохтамыша, и, особенно, с Житием Сергия Радонежского. Последнее могло объясняться близостью Вассиана Рыло к Троицкому монастырю, в котором он был игуменом до назначения на ростовскую кафедру и где подобного рода идеи, судя по всему, имели широкое хождение[152]. С имевшимся у него представлением о пастырской миссии правителя корреспондировалась и приводимая в Послании евангельская цитата о том, что «блаженъ человѣкъ, иже положит душю свою за другы своя»[153], которая, начиная с текстов, посвященных прославлению подвига Михаила Тверского, на протяжении XIV-XV вв. превратилась в один из важнейших маркеров благочестивого поведения князей[154].

---

[151] Там же. С. 526.

[152] Подробнее см.: *Горский А.А.* «Дает ти Господь победити царя злочестива»: «идеологическая» подготовка к войне с Ахматом // Великое стояние на Угре и формирование российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г.). Калуга, 2017. С. 132-133.

[153] Иоанн. 15, 13.

[154] Подробнее см.: *Рудаков В.Н.* «Все полагали, что он был отравлен»: формирование памяти о кончине великого князя Ярослава Всеволодовича (середина XIII – XVI в.) // Российская история. 2025. № 1. С. 25-26.

Называя Ахмата «мысленным волком», Вассиан, одновременно, ставил под сомнение и его «царский» статус, признавая при этом, что именно «комплекс царя» мог быть одним из мотивов «немужественности» Ивана: «Аще ли же еще любопришися и глаголеши, яко: «*Под клятвою есмы от прародителей, — еже не поднимати рукы противу царя, то како аз могу клятву разорити и съпротив царя стати*»[155]. Архиепископ заявлял о том, что великий князь не должен руководствоваться этой «клятвой». Во-первых, потому что она была дана вынужденно («клятва по нужди бывает»), во-вторых, потому что сам хан Большой Орды, с точки зрения владыки, должен восприниматься «не яко царь, но яко разбойник, и хищник, и богоборец». При этом Вассиан указывал не только на «безбожное бесерменство» Ахмата, но и на изначальную нелегитимность его власти и его рода, поскольку «родоначальник» династии, установившей власть над русскими землями, Батый, также, по мнению Вассиана, «не царь сый, ни от рода царьска». Поэтому, отмечал великокняжеский духовник, если русская земля вернется на путь благочестия, «помилует ны милосердый Господь, и *не токмо свободит и избавит*, яко же древле израильских людей от лютаго и гордаго фараона, нас же, новаго Израиля, христианских людей, от сего новаго фараона, поганого Измаилова сына Ахмета, но *нам и их поработит*»[156].

Помимо общих рассуждений о пастырском долге, Вассиан упоминал и о конкретных качествах князя, которым, с его точки зрения, должен соответствовать Иван Васильевич. Прежде всего, это «крепость», мужество и храбрость[157]. Эти качества («великое мужество и храбрость»), по мнению

---

[155] ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 530.

[156] Там же. С. 532. Об этом же писал великому князю и митрополит Геронтий. См.: Русский феодальный архив… С. 277.

[157] Со ссылкой на Демокрита («Слыши, что глаголет Димокрит, философом первый»), Вассиан пишет о том, что «князю подобает имѣти умъ ко всѣм временным, а на супостаты *крѣпость, и мужество, и храбрость*, а къ своей дружинѣ любовь и привѣт сладок». См. ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 528.

Вассиана, на момент написания Послания уже проявил сын адресата – великий князь Иван Иванович[158], но и самого Ивана III владыко именует «крѣпкий, храбрый царю»[159].

Чрезвычайно важны в этом смысле исторические аналогии, к которым прибегал ростовский владыка, чтобы продемонстрировать своему адресату, кто именно для него должен быть примером. Во-первых, это предки («преже бывшие прародители») великого князя, жившие в домонгольский период, которые «не точию *обороняху Русскую землю от поганых*, но и *иныа страны приимаху под себе*, еже глаголю Игоря, и Святослава, и Владимера, *иже на греческих царих дань имали*, потом же и Владимира Манамаха, како и колико бися съ окаанными половци за Русскую землю, и инеи мнози, иже паче нас вѣси»[160]. Во-вторых, это великий князь Дмитрий Иванович («достойным хвалам великый князь Дмитрие, прадѣд твой»), который «*мужьство и храбьство* показа за Доном над тѣми же окаанными сыроядци». Эти качества проявились у прадеда великого князя, когда он бился «напреди» своих воинов и «не пощадѣ живота своего избавлениа ради христьанскаго». По мнению Вассиана, в сражении с «*окаанным разумным волком* Мамаем» князь Дмитрий, «подобяся преже бывшим мученикомъ», показал себя «истинным пастырем», защищающим «*врученное ему от Бога словесное стадо Христовых овець*». Перед лицом ордынского нашествия князь Дмитрий не счел для себя возможным спасаться бегством: «не усумнѣся, ни убояся татарьскаго множества, не обратися въспять, и не рече въ сердци своем: «Жену имѣю, и дѣти, и богатество многое; *аще и землю мою возмут, то инде вселюся*». За это, отмечал Вассиан, «всемилостивый Богъ дерзости его ради не покоснѣ, ни

[158] Там же. С. 536.

[159] Там же. С. 530.

[160] Там же. С. 528. «Эта формула о приведении к себе иных земель, о дани с греческих царей станет впоследствии употребительной в документах московской власти». См. подробнее: *Плюханова М.Б.* Указ. соч. С. 463.

умедли, *ни помяну перваго его съгрѣшениа*, но въскорѣ посла свою помощь, аггелы и святыя мученикы, помогати ему на супротивныа»[161].

Однако Вассиан не ограничился положительными примерами. Он также напомнил великому князю о еще одной группе его «прародителей», при которых «точию нашего ради согрѣшениа и неисправления к Богу, паче же отчааниа <…> попусти Богъ на преже тебе прародителей твоих и на всю землю нашю окаанного Батыа, иже пришед разбойнически и поплѣни всю землю нашу, и поработи, и воцарися над нами». При этом ростовский владыка не дал оценок поведению самих князьям-современников нашествия, в ходе которого успех татар, по его мнению, был обусловлен «Божиим попущением», а не тем, как вели себя «прародители» нынешнего великого князя. На фоне того, что Вассиан отметил храбрость и мужество князей киевского периода (в том числе, и князей-язычников Игоря и Святослава), «оборонявших Русскую землю от поганых», а также великого князя Дмитрия Ивановича, одержавшего победу «над тѣми же окаанными сыроядци», то обстоятельство, что он никак не высказался по поводу действий и личной ответственности тех, при ком Батый «поплѣни всю землю нашу», выглядит весьма показательно. Судя по всему, причины поражения русских князей и в конце XV в. предпочитали обсуждать исключительно в рамках провиденциального восприятия действительности, переходя на личности лишь в тех случаях, когда успех сопутствовал русским, а не их врагам.

При первом рассмотрении может показаться невероятным, что, убеждая великого князя до конца выполнить свой долг «пастыря», Вассиан находил черты, достойные для подражания, в историческом деятеле, поступившем противоположным образом – великом князе Дмитрии Ивановиче, который спустя два года после победы на Мамаем, бросил «духовное стадо» и бежал из столицы. Однако, это противоречие вполне объяснимо. Ситуация 1480 года, действительно, настолько напоминала события 1382 года, что на «опыт»

[161] ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 528.

Дмитрия Ивановича ссылался не только Вассиан, но и его оппоненты, убеждавшие Ивана Васильевича покинуть Москву. В рассказе С2-Лв. есть прямое указание на то, что «злые советчики» великого князя уговаривали его бежать, ссылаясь на поступок прадеда: «Ть же бояре глаголаху великому князю, ужасъ накладываючи, въспоминаючи <…> егда Тахтамышь приходиль, а князь великый Дмитрей Ивановичь *бежаль* на Кострому, а *не бился съ царемъ*». Пример предка подействовал, и «князь же великый повинуяся ихъ мысли и думѣ, оставя всю силу у Окы на березѣ, а городокъ Коширу самъ велѣлъ зжечи, и *побежа* на Москву»[162].

Послание Вассиана было направлено, в том числе, и на то, чтобы отвести доводы «злых советчиков», к которым явно прислушивался Иван III. Поэтому упоминание архиепископом Дмитрия Ивановича носило полемический характер. Обращает на себя внимание фраза, касающаяся храброго поведения Дмитрия во время сражения с Мамаем: по словам Вассиана, «всемилостивый Богъ дерзости его (Дмитрия. – *В. Р.*) ради не покосне, ни умедли, *ни помяну перваго его съгрешениа*»[163]. Обычно эту фразу принято переводить в том смысле, что Господь «не вспомнил *прежних* грехов» великого князя[164]. Однако, вполне возможно, упоминая «первое согрешение», Вассиан имел в виду не грехи вообще, а конкретный неблаговидный (с его точки зрения) поступок Дмитрия Ивановича – бегство из Москвы в 1382 г. Присвоить этому «согрешению» первый номер архиепископ мог, так сказать, «в порядке поступления», то есть уже в ответ на «воспоминание» о бегстве великого князя, прозвучавшее из уст «злых советчиков» Ивана III, которые, кстати, поступок Дмитрия греховным не считали, иначе бы не призывали бы его правнука поступить схожим образом. Дезавуируя их аргумент ссылкой на пастырский подвиг великого князя во время отражения нашествия Мамая,

[162] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 307; Т. 20. 1-я пол. С. 345.

[163] ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 528.

[164] Там же. С. 529 (перевод О. П. Лихачевой).

духовник Ивана Васильевича вполне мог использовать «обратный счет» и «пронумеровать» эпизод победы в 1380 г. вопреки реальной последовательности событий *вслед* за событиями 1382 г., о которых речь в споре со «злыми советчиками» зашла в первую очередь.

6.5. «Предатели христианства» в историописании XIV-XVI вв.

Отдельная сюжет произведений XIV-XV вв. – рассказ о единоплеменниках русских князей, действовавших на стороне или в интересах врагов. Сама по себе тема измены/предательства, разумеется, не была нова. Достаточно упомянуть о том, что, например, в житийных памятниках, посвященных князьям-страстотерпцам, именно злые и коварные единоплеменники и единоверцы изображались в качестве главных мучителей того или иного святого[165]. В повести о Михаиле Тверском в качестве близкого человека, ставшего антагонистом святого, выступил его «сыновец» - московский князь Юрий Данилович, а также примкнувшие к нему «вси князи Сусздалъские и бояре из городовъ и отъ Новагорода», которые по наущению ханского посла, «безаконнаго треклятаго» Кавгадыя, «написаша многа лжа, свидѣтельствова на блаженаго Михаила». Опираясь на эти лжесвидетельства, Кавгадый впоследствии «обадил» святого в глазах ордынского «царя», что в конечном счете и привело к гибели Михаила Ярославича[166]. На первый взгляд, в рамках житийной традиции изображения врагов святого Повесть о Михаиле Тверском не сильно выделяется из общего ряда. Однако, если иметь в виду, что сам святой изображен человеком, готовым пострадать не только за веру, но и «други своя» и за отечество, контекст поступков русских правителей, «обадивших» князя, становится иным. Теперь это не просто враги, как,

---

[165] Подробнее см.: *Живов В.М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1991. С. 105; *Ранчин А.М.* Вертоград Златословный. Древнерусская книжность в интерпретация, разборах, комментариях. М., 2007. С. 115, 121, 126.

[166] *Кучкин В.А.* Пространная редакция … С. 138-139.

например, некий Доман – непосредственный убийца Михаила Всеволодовича Черниговского, о котором говорилось, что он «нѣкто бывъ преже христьянинъ и послѣди же отвержеся вѣры христьянския и быс поганъ законопреступник»[167]. Это лица княжеского достоинства, вставшие на другую сторону. Их измена носит личный (по отношению к князю) и политическо-религиозный (по отношению к «Русской земле» и «православной вере») характер, однако, при этом в конфессиональном плане они продолжают оставаться «своими» - никто из них не может быть назван «законопреступником» или «поганым». Формально оставаясь христианами, они, тем не менее, изображаются как предатели веры и отечества, как люди, действующие вопреки интересам Русской земли.

В рассказах о нашествиях ордынских правителей на Москву осуждение тех русских князей, кто встал на сторону татар в борьбе со своими либо пытался «соблазнить» князей совершить действия, несовместимые с их «пастырской» миссией, так же уделялось большое внимание. Уже в «Задонщине», упоминались некие люди, которые в ряде списков именуются «изменниками», а в других - «крамольниками»: князь Владимир Андреевич Серпуховской советует Дмитрию «не слухать» этих «изменников», «не потакать лихим коромольникам»[168], которые, судя по контексту, призывали великого князя отказаться от сопротивления врагу. Кто эти люди, «Задонщина» не уточняла, но уже в летописных рассказах о Куликовской битве и нашествии Тохтамыша у великого князя появляются и иные «свои» противники: в случае с событиями 1380 г. – это рязанский князь Олег, в случае с событиями 1382 г. – тот же Олег Рязанский и нижегородские князья Василий и Семен Дмитриевичи.

Если в кратком рассказе о Куликовской битве (Рог.-Сим) только упоминается том, что князь Олег «послалъ Мамаю на помощь свою силу, а сам

---

[167] *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 57-58, 61-62, 66-67 (второй пагинации).

[168] «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла… С. 537, 543, 546, 549, 553.

на рѣках мосты перемѣталъ», то в летописной Повести о Куликовской битве союзникам Мамая – рязанскому князю Олегу и литовскому князю Ягайло даются развернутые негативные характеристики[169]. Они названы «*треглавными* зверми сыроядцами» («не токмо тотарове, но и литва, и рязанци»). При этом рязанский князь назван «лстивым сътонщиком», «диаволю съвѣтником отлученым Сына Божиа», «помраченым тмою грѣховною», «поборником бесерменским», «лукавым сыном», «велеречивым и худым», «отступником нашим Олгом, отступившим от свѣта въ тму»[170]. Его нечестивость проявляется уже не только в том, что он «нача выход ему давати и силу свою к нему слати на князя Дмитриа», но и попытке «прельстить» великого князя: «Олгу же, уже отпадшему сана своего от Бога, иже злый съвѣтъ створи с погаными, и посла къ князю Дмитрию *въсть лестную*». При этом про Дмитрия сказано, что он вовремя «увѣдаль *лесть* лукаваго Олга, кровопивца христьянского, новаго Иуду-предателя», который «на своего владыку бѣсится»[171].

В рассказе о нашествии Тохтамыша в Рог.-Сим. про Олега Рязанского было лишь лаконично сказано, что он Тохтамышу «указа вся броды на Оцѣ», а про нижегородских князей – лишь то, что они были посланы отцом, князем

---

[169] *Гребенюк В.П.* Указ. соч. С. 61.

[170] ПСПЛ. Т. 15. Стб. 140. Ср.: там же. Т. 4. Ч. 1. С. 311-314; Т. 6. Вып. 1. Стб. 455-460; Т. 42. С. 139-140.

[171] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 314; Т. 6. Вып. 1. Стб. 459; Т. 42. С. 140.

По мнению Л.В. Соколовой, «обвинения Олега Рязанского в предательском союзе с Мамаем в «Летописной повести» могли иметь литературное происхождение и складываться постепенно», при этом значительное влияние на это процесс оказало реальная помощь рязанского князя, оказанная Тохтамышу во время его похода на Москвы в 1382 г., что дало основание составителю ЛП представить дело так, что и в 1380 г. Олег активно выступал на стороне Мамая против Дмитрия Ивановича. Подробнее см.: *Соколова Л.В.* Что сообщалось об Олеге Рязанском в авторском тексте Повести о Куликовской битве? (К вопросу о позднейших вставках в «Летописной повести») // ТОДРЛ. Т. 66. СПб., 2019. С. 76-99.

Дмитрием Константиновичем, к Тохтамышу и присоединились у нему в районе Рязани. В летописной Повести, созданной в рамках работы над сводом Фотия, тональность рассказов об их действия становится более критической. Про князя Олега, который «билъ челомъ» Тохтамышу, сказано, что он «бысть ему помощникь на побѣду Руси, но и споспѣшник *на пакость христианом*», что выразилась в «нѣких словесах», которые рязанский князь «изнесе о томъ, како плѣнити землю Рускую, како бес труда взяти каменъ град Москву, како побѣдити и издобыти князя Дмитриа»[172]. Нижегородские же князья и вовсе изображались как главная причина «взятия» Москвы, поскольку именно им удалось «прельстить» горожан и уговорить их сдаться, ссылаясь на то, что они свои и им можно верить («имѣте вѣры намъ, мы есмы ваши князи христианскые, вамъ на томъ правду даемъ»). Согласно Повести, князья Василий и Семен заявили москвичам, что «царь вас, своих люди, хощет жаловати, понеже неповинни есте <…> не на вас бо воюя прииде, но на Дмитриа, ратуя, оплъчися. Вы же достойни бысте милованиа. Иного же ничто же не требуеть от вас, развѣе токмо *изыдете противу его въ стрѣтение ему с честью и з дары*, купно <…> а вамъ дарует миръ и любовь свою, а вы ему врата градные отворите»[173]. В дальнейших повествованиях о событиях, связанных с русско-ордынскими конфликтами, эти негативные характеристики лишь усиливались.

В рассказах о событиях 1480 г. главными «антигероями» стали «злые советчики» великого князя, которые, формально оставаясь на его стороне, тем не менее, действовали вопреки его интересам, и, тем самым, «играли» на стороне противника. И в летописных рассказах о стоянии на Угре, и в Послании Вассиана Рыло они названы «предателями христианства»[174]. Градус

---

[172] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 327; Т. 6. Вып. 1. Стб. 472; Т. 42. С. 144. См.: *Гребенюк В.П.* Указ. соч. С. 55

[173] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 332; Т. 6. Вып. 1. Стб. 477; Т. 42. С. 146.

[174] ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 524.

негодования по поводу советов (даже не действий!) эти «злыхъ человѣкъ, сребролюбцевъ богатыхъ и брюхатоыхъ, *предателей хрестьянскыхъ, а норовниковъ бесерменскихъ*», которым «*самъ бо дияволъ ихъ усты глаголаше*, той же, иже древле вшедъ в змию и *прелсти* Адама и Евву»[175], в летописных рассказах о стоянии на Угре, пожалуй, не меньший, чем в рассказах, например, о Куликовской битве в отношении тех, кто в действительности был на стороны противников великого князя.

Обращение к теме «изменников» и «крамольников», дающих правителям «предательские» советы (и в «Задонщине», и в рассказах о стоянии на Угре), по-видимому, являлось отражением того высокого градуса полемики, которая разворачивалась каждый раз по поводу того, как вести себя князьям в ситуации ордынских нашествий. Такого рода полемика имела место и в последующий период, в XVI в., во время нашествий на Москву крымских татар, и, скорее всего, могла иметь место и в период нашествия Батыя. Собственно говоря, вопрос о том, кто будет защищать город в случае «отъезда» правителя для самих жителей не мог не быть злободневным в любую эпоху. Отсутствие ответа на этот вопрос, как правило, и порождало анархию и «мятеж» («граду же единаче в мятежи смущающуся, аки морю мутящуся в бури велицѣ, и ниоткуду же утѣшениа обрѣтающе, но паче болших и пущих золъ ожидаху»[176]), что само по себе становилось одним из факторов возможного поражения. Поэтому дискуссия о том, как должен повести себя правитель, помимо «личного» измерения, касающегося его собственного земного и эсхатологического будущего, носила еще и ярко выраженный общественный характер. Даже рассказ о взятии татарами Владимира в 1238 г., дошедший в составе Лавр., отразил разные подходы к решению этого вопроса. Скрытая полемика князей Всеволода и Мстислава Юрьевичей с воеводой Петром Ослядюковичем («Братья, луче ны есть умрети перед Золотыми враты

[175] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 293-294; Т. 24. С. 200. Ср. там же. Т. 20. 1-я пол. С. 339.

[176] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 329; Т. 6. Вып. 1. Стб. 474; Т. 42. С. 145.

за святую Богородицю и за правовѣрную вѣру христьяньскую», поскольку «нѣсть человеку мудрости, ни е мужства, ни есть думы противу Господеви[177]», с одной стороны, и «и не да воли ихъ быти Петръ Ослядюковичь», с другой[178]), была именно на эту тему. Да и сама по себе ситуация, когда в начале 1238 г. жители Владимира остались в городе без великого князя (на «попечении» его сыновей и воеводы), а в конце 1240 г. в схожем положении оказались киевляне, была вполне сопоставима в событиями августа 1382 г. в Москве. С той лишь поправкой, что «отъехавший» Даниил Романович Галицкий сам оставил вместо себя в Киеве воеводу Дмитра («вдасть Кыевъ в руцѣ Дмитрови обьдержати противу иноплеменьныхъ языкъ, безбожьныхъ татаровъ»[179]), а обороной Москвы вместо великого князя Дмитрия Ивановича в 1382 г. пришлось руководить литовскому князю Остею, который появился в городе как бы случайно, сам по себе («приеха к нимь въ град нѣкоторый князь литовьскый, именемь Остѣй»)[180].

6.6. Идеальное поведение князя в «Повести о разорении Рязани Батыем»

Процесс корректировки истории Батыева нашествия, и в целом – актуализации поведенческих идеалов прошлого - как было показано выше, был не линейным. Да и самим авторам не дано было знать, какая судьба ждет их произведения. Однако, оглядываясь назад, можно уверено говорить о том, что создававший в XVI в. «Повесть о разорении Рязани Батыем» книжник, если намеревался дать примеры эталонного поведения князей (и шире – русских воинов) во времена монгольского нашествия, своей цели добился в

---

[177] Притч. 21:30. Автор рассказа Лавр. заимствовал эту цитату из рассказа той же летописи о неудачном походе князя Игоря Святославича на половцев, находящегося в Лавр. под 6694/1186 г. См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 398. См. подробнее: *Лаушкин А.В.* Русь и соседи... С. 102.

[178] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 461-462.

[179] Там же. Т. 2. Стб. 782.

[180] Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 329; Т. 6. Вып. 1. Стб. 474; Т. 42. С. 145.

максимальной степени. С одной стороны, в пользу этого – высочайшая популярность произведения, по которой широкий читатель до сих пор, как правило, судит о действиях князей в период нашествия Батыя. С другой стороны, сами образы героев, чье поведение не может не вызывать восхищения: создается впечатление, что составитель «Повести» поставил перед собой задачу показать наиболее достойные, с точки зрения книжника XVI в., варианты поведения князей в условиях нашествия неприятелей.

Первый тип – это князья и воины, храбро сражавшиеся с врагом. Они все погибли («вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Ни един от них возратися вспять, вси вкупе мертвии лежаша»[181]), за исключением тех, кого враги, уважая их мужество, оставили в живых. Рязанские князья и их окружение многократно названы людьми, проявляющими храбрость, мужество и «крѣпость». При этом указано, что они не просто храбры, а храбры «паче мѣры»[182], что имеет перекличку с характеристикой князя Василька Ростовского в рассказе С1 о нашествии Батыя («Бѣ же Василько лицемъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ взоромъ, *паче мѣры храбръ*…»[183]). Рязанские правители защищали «отчину», сражались «за святыа церкви» и «православную вѣру», причем делали это неустанно («отчину свою от супостатъ велми без лѣности храняща»)[184].

При этом рязанские князья – не бездумные вояки. Согласно «Повести» изначально глава рязанской княжеской «корпорации» - Юрий Ингваревич, который назван «великим князем», намеревается дать татарам бой, но для этого пытается заручиться поддержкой «благоверного и великого» владимирского князя Юрия Всеволодовича. Однако последний в полном соответствии с летописной традицией, восходящей к НПЛ, как говорится в

[181] БЛДР. Т. 5. СПб., 1997. С. 144.

[182] Там же. С. 152.

[183] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 297.

[184] БЛДР. Т. 5. С. 154.

«Повести», «сам не пошел и на помощь не послал, хотя о собе сам сотворити брань з Батыем»[185]. После этого тактика Юрия Ингваревича изменилась: он собрал остальных рязанских князей, «и начаша совещевати, яко нечестиваго *подобает утоляти дары*», и вслед за этим «посла сына своего князя Федора Юрьевича Резаньскаго к безбожному царю Батыю *з дары и молении великиими, чтобы не воевал Резанския земли*»[186]. И только намерение татар заполучить «у рязаньских князей тщери или сестры собѣ на ложе», вынудило князя Федора вернуть ситуацию в военное русло: «Не полезно бо есть нам, христианом, тобѣ, нечестивому царю, водити жены своя на блуд, - *аще нас приодолѣеши*, то и женами нашими владѣти начнеши»[187].

Князь в «Повести» – носитель воинского духа, он стремится быть впереди. Так поступает Юрий Ингваревич: после получения известия о гибели сына он «начаша совокупляти воинство свое и учредиша полки». При этом он готов сражаться во главе войска, первым приняв смерть в бою: «я, брат ваш, *напред вас* изопью чашу смертную за святыа Божиа церкви, и за вѣру христьянскую, и за отчину отца нашего, великаго князя Ингоря Святославича!»[188]. Интересно, что позиция князя сформулирована при помощи фразы, напоминающей, с одной стороны, реплику сыновей великого князя владимирского Юрия Всеволодовича в изложении С1, а, с другой, описание намерений татар при рассказе о страданиях Василька Ростовского в изложении той С1 и ряда последующих летописей[189].

---

[185] Там же. С. 140.

[186] Там же.

[187] Там же. С. 140-142.

[188] Там же. С. 142.

[189] Созданная изначально как внелетописное произведение «Повесть о разорении Рязани Батыем» в известном смысле может рассматриваться как результат литературной компиляции, что заметно и на уровне сюжетов, и на уровне отдельных цитат, заимствованных ее составителем из произведений предшественников.

С1	**Повесть о разорении Рязани Батыем**
Сыновья великого князя: «… *луче ны есть умрети* <…> *ниже въ воли ихъ быти».*[190] Князь Василько Ростовский: «… нудиша Василка много проклятии и безбожнии татаровѣ *въ поганьскои быти воли ихъ…*»[191]	Рязанский князь Юрий Ингваревич: «Лутче нам смертию живота купити, *нежели в поганой воли быти*»[192].

Из «Повести» следует, что рязанские князья – искусные воины («ратному дѣлу вельми искусны»), которые многократно сражались («часто бьяшася»), в том числе – с «погаными половцами», и многократно побеждали «многия враги, востающи на них»[193]. Это же относится и к Евпатию Коловрату и его сподвижникам, которые оказались чрезвычайно эффективны на поле боя, что, согласно «Повести», признает и их главный враг Батый: «Гораздо еси меня подщивал малою своею дружиною! Да многих богатырей сильной орды побил еси, и многие полкы падоша»[194]. Точно также действовали и рязанцы: в итоге Батый, «видя свои полкы мнозии падоша», «видя своея силы татарскыя множество побьеных», начал «велми скрѣбѣти и *ужасатися*»[195]. В силу названных качеств рязанских князей «едва одолѣша их силныя полкы

[190] ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 291-292.

[191] Там же. Стб. 295. Ср.: там же. Т. 1. Стб. 465; Т. 25. С. 127; ПСРЛ. Т. 18. С. 56; Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 2. М., 2008. С.411-412 и др.

[192] БЛДР. С. 142.

[193] Там же. С. 154.

[194] Там же. С. 148.

[195] Там же. С. 144.

татарскыа». Произошло это только потому, что татар «наведе Богъ грех ради наших», о чем дважды указывалось в тексте «Повести»[196].

При этом сами враги боялись рязанских князей и их воинов («ратным во бранех страшениа ивляшеся»[197]), в том числе боялся их и сам Батый («видяше, что господство резанское крѣпко и мужественно бъяшеся, и *возбояся*», «татарове *возбояшеся*, видя Еупатия *крѣпка исполина*»[198]). Одновременно татары удивлялись «рязанскими удальцами» и явно ими восхищались. Князя и воеводы так «храбро и мужествено бьяшеся», что пришлось «всѣм полкомъ татарьскым *подивитися* крѣпости и мужеству резанскому господству»[199]. То же самое касалось и воинов Евпатия Коловрата. Согласно «Повести», сами татары говорили, что «сии бо *люди крылатыи* и не имеюще смерти. Тако *крѣпко и мужественно* ездя, бьяшеся един с тысящею, а два — с тмою. *Ни един от них может сьехати жив с побоища*!»[200]. В качестве признания со стороны врага можно считать и слова, вложенные автором «Повести» в уста Батыя о том, что «Аще бы у меня такий служил, держал бых его против сердца своего». Проявлением восхищения со стороны Батыя храбростью и геройством Евпатия Коловрата и его воинов следует считать и решение хана отдать «тѣло Еупатево его дружине останочной, которые поиманы на побоище», и самих их «отпустити, ничем вредити»[201].

Не менее мужественно, согласно «Повести», вели себя и горожане, которые «непремѣно бьяшеся», в итоге татары смогли взять Рязань лишь на шестой

---

[196] Там же. С. 144, 146.

[197] Там же. С. 154.

[198] Там же. С. 144, 148. Двукратное именование Евпатия Коловрата «крепким исполином» и «исполином силою» находит перекличку с наименованием Александра Невского в Казанском летописце (вторая половина XVI в.) «храбрым исполином». Ср.: ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. Стб. 415.

[199] Там же. С. 144.

[200] Там же. С. 148.

[201] Там же.

день, а жителей при этом «побиша, а инѣх уазвиша, а инии от великих трудов изнемогша»[202]. Небольшой, но значимый штрих к поведению князей дается в изображении гибели женской половины княжеской семьи в осажденной Рязани. Согласно «Повести», в соборной церкви оказались только женщины и священнослужители. Никаких князей, как это было в рамках традиции изложения, восходящей к рассказам НПЛ и Лавр., вместе с ним не было – князья сражались и к этому моменту погибли («И приидоша (татары. – *В.Р.*) в церковь собрѣную пресвятыа Богородици, и *великую княгиню Агрепѣну, матерь великаго князя, и с снохами, и с прочими княгинеми* мечи исекоша, а *епископа и священический чин* огню»[203]).

Второй тип княжеского поведения – плененный врагами князь, который погибает: его храбрость выражается в том, чтобы отвергнуть прельщения врагов. В «Повести» показан храбро сражавшийся с татарами, но попавший в плен рязанский князь Олег Ингваревич, изображенный как «эталонный» мученик за веру, соединивший в себе черты летописного Василька Ростовского и житийного Михаила Черниговского. Батый хотел его «изврачевати от великих ран и на свою *прелесть* возвратити». Но вместо того, чтобы поддаться прельщениям, князь «укори царя Батыа, и нарек его *безбожна и врага христьянска*», за что и был казнен: «окаяный Батый и дохну огнем от мирскаго сердца своего, и въскоре повелѣ Олга *ножи на части раздробити*»[204]. При этом Олег Рязанский «Повести» повторял судьбу Романа Рязанского, о котором рассказывала под 6778 г. Сим.: «бысть сице убьеніе его: еже заткаша уста его убрусомъ и начаша его *ризати по съставомъ и метати разно*, и яко остася трупъ единъ, они же одраша кожу отъ главы его и на копие взоткнуша главу его, и новыи сеи мученикъ бысть, подобенъ страстию Иакову

[202] Там же. С. 144.

[203] Там же.

[204] Там же. С. 144.

Перскому»[205]. Отличалось только время событий (казнь летописного Романа совершалась уже после нашествия и даже после смерти Батыя), способ казни (у летописного мученика она была более изощренной) и сопоставление со святыми (летописный Роман сравнивался с Иаковым Перским, а Олег в «Повести» был назван «вторым страстоположником Стефаном»[206]).

Про погибших рязанских князей в «Повести» было сказано, что они «*мужествен умъ имѣяше*»[207]. Это определение имеет явную перекличку с формулировкой рассказа Ипат. в той части, которой речь шла о мужестве защитников Козельска: «увѣдавъши же нечестивии, яко *умъ крѣпкодушьный имѣють* людье во градѣ»[208], а также с характеристикой князя Василька ««*мужество и ум в нем живяше*»[209].

Третий тип – спасшийся князь. Отсутствие такого персонажа, во-первых, противоречило бы исторической правде, во-вторых, лишало бы повествование оптимистического финала, а жертв нашествия – достойного оплакивания. Таким князем был изображен Ингварь Ингваревич: согласно «Повести», во время нашествия он «был в Чернигове у брата своего, князя Михаила Всеволодовича Черниговского». О самом Михаиле Всеволодовиче в «Повести» больше ничего не говорилось, зато про Ингваря сказано точно также, как о спасшихся от нашествия суздальских князьях в Лавр. – что он был «*Богъмъ соблюден* от злаго того отметника, врага христьянскаго»[210]. Интересно, что там же – в Чернигове, вместе с князем, согласно «Повести», - находился и Евпатий Коловрат («некий от велмож резанских имянем Еупатий

[205] Ср. ПСРЛ. Т. 18. С. 73.

[206] БЛДР. Т. 5. С. 144.

[207] Там же. С. 154.

[208] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 780.

[209] Там же. Т. 1. Стб. 467. Ср.: Т. 6. Вып. 1. Стб. 297; Т. 4. Ч. 1. С. 219; Т. 42. С. 114; Т. 25. С. 129; Т. 18. С. 58; Т. 10. С. 111; Степенная книга… Т. 1. М., 2007. С. 503.

[210]БЛДР. Т. 5. С. 148. Ср.: «сих Богъ избави от рукы иноплеменник», «избавилъ есть от враг наших. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

Коловрат в то время был в Чернигове со князем Ингварем Ингоревичем»). Получается, что изначально Коловрат тоже был «Богом соблюден», однако, потом, «услыша приход зловѣрнаго царя Батыа», он решил «с малою дружиною» вернуться в Рязанскую землю, а откуда отправился в погоню за Батыем. Князь же Инварь покинул Чернигов существенно позже – уже после гибели Коловрата[211]. Однако и ему был присущ воинский дух. Вернувшись в разоренную татарами Рязань, Ингварь Ингваревич вознес молитву не только к Господу с просьбой «от всѣх гонящих — избави мя!», но и к «великим страстотерпцам и сродникам нашим» - Борису и Глебу с просьбой помочь ему в сражениях, в том числе, с «безбожными агарянами»: «буди мнѣ помощники, грешному, *во бранех*! О, братие моа и господие! Помогайте мнѣ во святых своих молитвах *на супостаты наши — на агаряне и внуци измаительска рода*!»[212].

Финал «Повести» был вполне оптимистичным: изначально Бог за грехи навел Батыя на Рязанскую землю, но затем гнев миновал. «Благовѣрный во святом крещении Козма (то есть Ингварь Ингваревич. – *В.Р.*) сяде на столе отца своего великаго князя Ингоря Святославича. И обнови землю Резаньскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришельцы утѣши, и люди собра». Завершалось повествование почти точной цитатой из Лавр., которая в летописи выглядит явно не на своем месте, в «Повести» же маркирует позитивный финал истории про нашествие: «И бысть радость

[211] БЛДР. Т. 5. С. 146, 148.

[212] Там же. С. 152. Еще один тип княжеского поведения касался «чужого» для Рязани правителя – великого князя Юрия Всеволодовича. Весьма показательно, что отмеченный еще в НПЛ отказ правителя Суздальской оказать помощь рязанским князьям, несмотря на в целом позитивный образ князя, который формировался в историописании на протяжении веков, «дожил» в исторической памяти вплоть до XVI в. и отразился в «Повести о разорении Рязани Батыем», в которой преобладали в целом комплиментарные по отношению к князьям характеристики.

христианом: их же избави Богъ рукою своею крѣпкою от безбожнаго царя Батыя»[213].

Однако, помимо тех типов княжеского поведения, о которых говорилось в «Повести», важно упомянуть и о тех, о которых в ней речь не шла. Во-первых, бежавших князей: таковых, с точки зрения составителя произведения, в момент нашествия не было. Во-вторых, князей (и вообще людей), стремящихся принять мученическую смерть, вместо (или в момент) сражения в врагами: потенциальных князей-мучеников в «Повести о разорении Рязани Батыям» также нет, хотя тема самопожертвования (например, в образе князя Феодора) явно присутствует. Все это свидетельствует о том, что эталонными княжескими добродетелями для составителя «Повести» были, в первую очередь, храбрость и мужество, проявленные в сражении с врагом.

6.7. Тактика против теории: «нравственный императив» и реальные поступки московских князей в XVI вв.

Несмотря на то, что в рассматриваемый период книжникам удалось выработать достаточно стройные, сопровождаемые ссылками на библейские книги (и уже только поэтому вполне убедительные) аргументы в пользу того, что правитель обязан был действовать храбро, сами по себе эти построения не становились прямым руководством к действию. Князья, зная о сформулированном церковными публицистами «каноне» должного поведения, в критических ситуациях продолжали действовать, исходя из тактических соображений, и, если считали нужным бежать, бежали из своих столиц.

Примеры самых «резонансных» побегов хорошо известны. В 1521 г. великий князь Василий III, узнав о приближении крымского хана Мухаммеда-Гирея, покинул Москву и направился в район Волока Ламского – в село

[213] БЛДР. Т. 5. С. 154. В Лавр. говорится о защите от «безбожных татар». Ср. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467; Т. 18. С. 59.

Микулино. Опасность была вполне реальной: как отмечал А.А. Зимин, в тот год «впервые за историю вооруженных столкновений с Россией крымское войско прорвалось в глубинные районы Русского государства»[214]. Судя по всему, действия великого князя породили весьма скептический отклик со стороны подданных. По крайней мере, Сигизмунд Герберштейн записал весьма нелицеприятный слух, который бытовал в то время в Москве: «Василий, понимая, что не в состоянии отразить столь многочисленного врага, оставил в крепости с гарнизоном своего зятя Петра, происходившего из татарских царей и некоторых других вельмож и бежал из Москвы, [он был так напуган, что в отчаянии] некоторое время прятался [как говорят] под стогом сена»[215]. В 1571 г. во время нашествия крымского хана Девлет-Гирея поступок отца повторил царь Иван Васильевич, который покинул стоявшую под Серпуховом армию и через Бронницы и Александрову слободу ускакал в Ростов, откуда в случае опасности мог уехать дальше – в Кострому, Вологду или на Белоозеро (собственно, через Ростов бежал из Москвы в Кострому и Дмитрий Иванович в 1382 г.[216]). Бегство царя произвело тягостное впечатление на армию[217]. Впрочем, в приписках к Ник. о самом решении царя сообщалось весьма сдержанно: «А самъ царь и великий князь Иванъ Васильевичь съ опричниною въ тѣ поры шолъ изъ Серпухова въ Бронниче село въ Коломенскомъ уѣздъ, а изъ Броннича села мимо Москву въ Слободу, а къ Москвѣ не пошоль; а изъ Слободы пошолъ въ Ярославль и дошелъ до Ростова,

---

[214] *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 242. Подробнее: *Чернов С.З.* Стояние на Угре: за гранью видимых событий // Великое стояние на Угре и формирование российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г.). Калуга, 2017. С. 362-364.

[215] *Герберштейн С.* Записки о Московии. Под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. 1. М., 2008. С. 415 и далее. Ср.: ПСРЛ. Т. 24. С. 221.

[216] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 328; Т. 6. Вып. 1. Стб. 473; Т. 42. С. 144-145.

[217] *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 426.

и тутъ пришла вѣсть, что Крымскай царь пошоль прочь, и царь и великий князь воротился къ Москвѣ»[218]. При этом по поводу того, где именно царь пережидал опасность, существовали разные мнения. Впервые оказавшийся в России спустя два года после нашествия Девлет-Гирея британский торговый агент и дипломат Джером Горсей, вероятно, со слов своих русских собеседников, писал, что Иван Васильевич в это время находился в Вологде: «когда враг приблизился к великому городу Москве, русский царь *бежал* в день Вознесения с двумя своими сыновьями, богатствами, двором, слугами и личной охраной в 20 тысяч стрельцов (gunnors) к укрепленному Троицкому монастырю [находившемуся] в 60 милях [от Москвы] <…> Русский царь *бежал* все дальше со своими сыновьями и богатством, направляясь к большому городу Вологде (Vologdae), где он считал себя в безопасности, находясь в 500 милях от врага»[219]. А по сведениям папского нунция в Речи

---

[218] ПСРЛ. Т. 13. С. 300-301.

[219] *Горсей Д.* Записки о России. XVI — начало XVII в. Под ред. В.Л. Янина. Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 56-57. Авторы разных источников в зависимости от своей осведомленности по-разному интерпретировали, куда именно бежал царь. Подробнее см.: *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 453. Прим. 5. Интересно, что версия бегства царя в Вологду существовала в исторической памяти достаточно долго: в начале XVIII в. в вологодском летописце Ивана Слободского (1716 г.) была зафиксирована городская легенда, согласно которой Иван IV, уехав из Москвы в Вологду, «помышляше *в Поморския страны, и того ради строены лодьи и другия суды многия к путному шествию*, и тогда были вологжанам великия налоги от строения града и судов». И только случившийся в Вологде «мор великий» заставил царя - спустя почти 3,5 года (!) после нашествия крымского хана – вернуться в столицу, «и тогда Вологды града строение града преста и доныне закосне». Несмотря на явно легендарный характер этой истории, обращает на себя внимание то обстоятельство, что представление о намерении царя бежать «в Поморския страны» корреспондируется с представлениями рубежа XV-XVI вв. о намерении Ивана III отправить Софью Палеолог с казной «*къ Окияну морю*». См.: ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 195. Ср.: там же. Т. 6. С. 224-225; Т. 20. 1-я пол. С. 339.

Посполитой Винцента дель Портико, царь во время нашествия и вовсе отсиживался на Белоозере[220].

О том, что это было бегство, писал и давний оппонент царя князь Андрей Курбский, который дал оценку поступка Ивана IV, продемонстрировав при этом хорошее знание идей, изложенных в свое время Вассианом Рыло: «*Бегун* пред врагом и хроняка царь великий християнский *пред бусурманским волком*»[221]. Важно при этом, что, как полагает Б.Н. Флоря, «царь не хуже Курбского знал, что подобное поведение недостойно «великого христианского царя»»[222]. Тем не менее, в решающие дни июля-августа следующего, 1572 г., когда русские полки, отражая повторный набег Девлет-Гирея, в ходе сражения при Молодях полностью разбили войска крымского хана, царь находился в Новгороде[223].

Фактически первым, кто отказался покидать столицу, несмотря на серьезную угрозу со стороны крымского хана, был царь Федор Иванович. Это произошло спустя два с лишним века после Куликовской битвы и нашествия Тохтамыша во время знаменитого набега на Москву войск Казы-Гирея летом 1591 г. Интересно при этом, что, согласно Пискаревскому летописцу, соответствующее решение было принято по итогам совета с ближайшим окружением: «великий государь царь Федор Иванович всея Русии советует с

---

[220] «Московский князь теперь на Белом озере (Lago Bianco), в расстоянии 500 ляг (2500 итальянских миль) от своей столицы, которая сама отстоит от Варшавы на 1900—2000 миль». В момент нашествия крымского хана в Москве находились сразу два агента нунция, пытавшиеся зондировать почву относительно возможностей привлечения Русского государства к антиосманской коалиции, со слов которых дель Портико был в курсе действий царя. Подробнее см.: *Шмурло Е. Ф.* Россия и Италия. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913. С. 231-232.

[221] *Курбский А.М.* История о делах великого князя Московского. Подгот. К. Ю. Ерусалимский; пер. А. А. Алексеев. М, 2015. С. 128.

[222] Подробнее см.: *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 264-265.

[223] ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 192. Подробнее см.: *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного… С. 472*; Скрынников Р.Г.* Указ. соч. С. 446.

отцем своим и богомольцем Иевом патриархом и з бояры, и з дворяны, как стояти против царя». Решающую роль в организации обороны Москвы сыграл царский шурин Борис Годунов[224]. Обращает на себя внимание тот факт, что летописец, явно стремясь подчеркнуть исключительность решения, принятого царем Феодором, отмечал, что оно шло вразрез со сложившийся традицией поведения в аналогичных обстоятельствах: «*А прежния великия князи бегали с Москвы на Белоозеро. А благочестивый государь царь, не хотя того сотворити*, надеясь на Бога и на пречистую Богородицу, и на свою праведную молитву»[225].

О том, как именно проходили подобного рода советы, и что сам вопрос о том, покидать столицу или оставаться в ней, решался на них отнюдь не в плоскости публицистических идей и церковных установлений, мы можем судить из рассказа Ник. о событиях, связанных с набегом крымских татар в 1541 г. Сообщение составлено явно по неким традиционным шаблонам, поскольку описывало совет, где главным действующим лицом являлся великий князь, которому на тот момент исполнилось всего 11 лет. Согласно летописи, Иван Васильевич, «прииде въ полату, идѣже з бояры сѣдяше, и рече отцу своему Асафу митрополиту: «вѣси, отче, нам стоящую сию бѣду на ны, яко царь Крымской прииде на землю нашу къ Окѣ-рѣкѣ на берегъ, многие орды съ собою съвокупи; и ты посѣвътуй о насъ з бояры, *здѣ ли намъ въ городѣ быти, или гдѣ выйти*». В ходе обсуждения столкнулись две точки зрения, причем сторонники обеих опирались на исторические прецеденты. Часть бояр ссылалась на уже сложившуюся традицию бегства князей из Москвы: «и напередъ того за грѣхи наши попущалъ Богъ бесерменство на крестианьство, *цари подъ городомъ Москвою стаивали, а великие князи въ городъ не сѣживали*». Другие же обращали их внимание на то, что в прежние

[224] *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 178.

[225] ПСРЛ. Т. 34. С. 197. Подробнее: *Козляков В.Н.* Борис Годунов. М., 2017. С. 127.

годы бежавшие правители были взрослыми, а нынешние князья (Иван и Юрий Васильевичи) – еще слишком малы, и бегство из города само по себе несет угрозу их безопасности. Сторонники такого подхода ссылались на имевший место случай, когда во время нашествия Едигея великий князь едва не попал в руки татарам: «коли по грѣхомъ цари подъ Москвою стаивали, тогды государи наши были не малые дѣти, истому великую могли подняти собою промыслити и землѣ пособляти; а коли Едигѣй приходиль и подъ Москвою стояль, и князь велики Василей Дмитреевичь тогды въ городѣ оставилъ князя Володимера Андрѣевича да братью свою родную, князя Ондрѣя да князя Петра Дмитреевичевъ, а самъ князь велики *отъѣха* на Кострому; и Едигѣй послалъ за нимъ погонею сына своего, а съ нимъ многихъ людей, и вмалѣ великого князя Богъ помиловалъ, что въ руки Татаромъ не попалъ». Шансы на такой исход дела, по мнению бояр, в ситуации 1541 г. были весьма высоки, поскольку «нынѣча государь нашь князь велики малъ, а ратъ его того менши: борзого ѣзду и истомы никоторые не могуть подняти, *а съ малыми дѣтми какъ скоро ѣздити*?».

Митрополит Иоасаф привел ряд других аргументов. Во-первых, он дал понять, что традиционные места бегства князей в настоящее время являются небезопасными («въ которые городы въ приходы Татарские государи наши отступали, на Кострому и в ыные городы, и тѣ городы, по грѣхомъ нашимъ, нынеча немирны съ Казанью»), в другие же отдаленные города (в частности, в Новгород и Псков) «государи наши не отступали Литовского для рубежа и Нѣмецского». Во-вторых, митрополит вспомнил, что бывали случаи, когда князья бежали, не оставляя никого вместо себя в городе, как это сделал в 1382 г. Дмитрий Иванович, что привело к весьма печальным последствиям для столицы («великие князи съ Москвы сьѣжживали, а въ городѣ для бреженија граду братью свою оставливали; *князь велики Дмитрей съ Москвы сьѣхалъ, а брата своего и крѣпкихъ воеводъ не оставилъ, и надъ Москвою каково стало*?»). С точки зрения митрополита, повторение такого сценария было недопустимо («А чюдотворцевъ и Москва на кого оставити? <…> Господи,

отъ таковы бѣды защити и помилуй!»). В-третьих, по словам митрополита, обычно великие князья «*стѣжжали съ Москвы*» для того, чтобы помочь ее защитникам извне (*«того для, чтобы, събрався съ людьми, къ Москвъ же пособляти и инымъ городомъ*»), однако, в настоящий момент такой необходимости нет, поскольку за пределами города есть, кому прийти ей помощь («есть кѣмъ великого князя дѣло беречи и Москвъ пособляти»). В итоге решено было («сошли всѣ на одну рѣчь»), что «*съ малыми государи вскорѣ лихо промышляти: быти великому князю въ городѣ*». После чего великий князь «призва къ собѣ приказщикы городцкіе и велѣлъ запасы градскіе запасати, пушки и пищали по мѣстомъ ставити, и по воротамъ и по стрѣлницамъ и по стѣнамъ люди росписати, и у посада по улицамъ надолобы дѣлати». Судя по всему, москвичи встретили такое решение с воодушевлением: «*Людие же градцкие съ великимъ хотѣниемъ начаша прилѣжно дѣлати*, межь собя завѣщаша за святые церкви и за государя великого князя и за свои домы крѣпко стояти и головы своя класти»[226]. При этом летописец подчеркивал, что сам великий князь в военных приготовлениях участия не принимал в силу возраста: «не бѣ ещо пришло время самому въоружитися и противъ царей стояти, *несъврѣшенъ еще лѣты*»[227].

Очевидно, что аргумент, в соответствии с которым великий князь должен был остаться в городе в качестве «пастыря доброго», в ходе этого обсуждения не звучал. С одной стороны, это можно объяснить малолетством Ивана и Юрия Васильевичей, которые, в силу возраста, возможно, не рассматривались в качестве потенциальных «пастырей» для горожан. Однако, скорее всего, дело в другом: каждый раз решение о том, бежать или остаться, отступить или сражаться, принималось, исходя из реальной военно-политической ситуации, часто – по итогам совета с ближайшим окружением. И, конечно, каждый раз

[226] ПСРЛ. Т. 13. С. 104-105.

[227] Там же. С. 106-107.

это был личный выбор самого правителя (в этом смысле достаточно показательны решения, принятые великим князем Иваном Ивановичем в 1480 г., царя Феодора Ивановича в 1591 г., но также – и великого князя Дмитрия Ивановича в 1380 г. и литовского князя Остея в 1382 г.). В ситуации выбора выработанные в церковной среде поведенческие «каноны», судя по всему, принимались к сведению, но не были обязательны к исполнению. Пренебрегая ими, правитель, конечно, понимал, чего стоит его поступок, но при этом, видимо, соотносил неизбежные моральные издержки с возможными военными последствиями проявленной им «избыточной» храбрости, и поступал по ситуации.

В свое время венгерский исследователь И. Долманьош выдвинул гипотезу, согласно которой отъезды русских князей из столиц являлись проявлением особой воинской тактики – так называемых «регифугий» (от лат. «regifugia» -- букв. ‘бегство царя’). По его мнению, согласно законам этой «тактики», монарх в случае возможной осады столицы обязан был совершить «регифугию» и уехать собирать войска вне досягаемости врага. Как полагал И. Долманьош, это было продиктовано тем, что «личная безопасность князя являлась главным залогом безопасности государства», и по этой причине и подданные, и сам князь рассматривали бегство как способ обеспечения этой безопасности. В результате, писал исследователь, «наступило время великих побегов» (по его мнению, это произошло еще во времена киевского князя Владимира Святославича!) и даже «возник обычай нахождения князя в бегах»[228]. При этом И. Долманьош полагал, что бегство князя из города

[228] См.: *Долманьош И.* Политика личной безопасности и военной защиты великих русских князей в средневековье: Русские аналогии некоторым европейским «регифугиям» // Etudes historiques hongroises 1985 publees i 1'occasion du XVI Congres international des Sciences Historiques par le Comite National des Historiens Hongrois. Budapest, 1985. Bd. 1. C. 152-172. К этой точки зрения склоняется и ряд отечественных исследователей. См. также: *Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля Русская…»… С. 127; *Сусенков Е.И.* Русско-монгольская война (1237-1241 гг.) Томск, 2006. С. 62.

необходимо было для того, чтобы тот мог оказать помощь осажденным из-вне. В приведенном отрывке Ник. митрополит Иоасаф вроде бы говорил ровно об этом – по его словам, ранее князья покидали столицу *«того для, чтобы, събрався съ людьми, къ Москвъ же пособляти*». Тем не менее, скорее всего, такая трактовка княжеских отъездов была предназначена всего лишь для публичного обоснования бегства князей: именно ее И. Долманьош принял в качестве описания имевшего место в реальности тактического приема, якобы используемого русскими правителями XIV-XV вв. (чего стоит подзаголовок одного из разделов его статьи – «Костромское контрнаступление 1382 г.», в ходе которого, по мнению венгерского историка, великий князь якобы нанес «контрудар из Костромы, закончившийся победой»[229]).

Нам не известно ни об одном серьезном сражении, выигранном в столкновении с татарами подобным образом. Никто из князей, уезжая якобы собирать войска, не добивался (да и не пытался добиться!) результата. Никто из бежавших из Москвы, начиная с Дмитрия Ивановича в 1382 г. и заканчивая Иваном Васильевичем в 1571 г., войска для помощи столице не собирал и не направлял, но возвращался в город только после того, как опасность полностью миновала. Тоже самое можно сказать и про более ранние случаи, относящиеся к событиям Батыева нашествия. Характерная деталь: как и владимирский князь Юрий Всеволодович, Дмитрий Иванович, ехал в весьма отдаленный уголок своих владений. Если Юрий, по версии НПЛ, отправился

---

[229] *Долманьош И.* Указ. соч. С. 165-166. Еще одно распространенное историографическое заблуждение связано с представлением о намерении Дмитрия Ивановича собирать войска в Костроме, хотя об этом не говорится ни в одном источнике. При этом сторонники такой трактовки событий, как правило, основную вину за произошедший разгром Москвы Тохтамышем возлагают… на митрополита Киприана: «Дмитрий Донской, *уезжая* в Кострому за подкреплением, оставил в Москве главу церкви - митрополита Киприана, а тот *сбежал* в Тверь, бросив Москву на произвол судьбы» (курсив мой. – В.Р.). Подробнее см. *Сахаров А.М.* Исторические знания // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 2. М., 1977. С. 139.

из Владимира в сторону Ярославля, то Дмитрий – из Москвы в Кострому. Достаточно взглянуть на карту, чтобы предположить: и в 1238, и в 1382 г. место для сбора сил было выбрано весьма неудачно -- слишком далеко и от противника, и от мест сосредоточения собственных людских и материальных ресурсов. В этом смысле нельзя согласиться с мнением И. Долманьоша, писавшего, что «Дмитрий, скрепя сердце, на время отменил личную оборону крепости и вместо этого избрал отступление в дальние северные области, предпочитая костромской побег для собирания свежих сил, чтобы обезопасить себя при возвращении»[230]. Так что «регифугии», судя по всему, решали задачи, исключительно связанные с безопасностью самого правителя, но никак не его «паствы» и подчиненной ему территории.

*** *** ***

Решение поставленных в шестой главе задач позволяет сделать следующие выводы.

К концу XV вв. в книжности Московской Руси завершилось формирование принципиально нового восприятия функций правителя как главы православного государства. Важно отметить, что это происходило на фоне двух параллельно развивающихся процессов. С одной стороны, осознания богоизбранности Руси и, соответственно, особой роли ее главы в деле защиты православной веры и самой Русской земли. С другой стороны, переосмысления природы ордынцев, которые сначала ассоциировались преимущественно с ниспосланным свыше карающим «мечем Господним», но со временем все чаще стали восприниматься как «слуги дьявола», бороться с которыми должно было стать одной из важнейших функций главы православного государства[231].

---

[230] См.: *Долманьош И.* Указ. соч. С. 166.

[231] *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII -XV в. М., 2017. С. 164-176.

Это дало импульс для создания нового «нравственного императива» - переформатированного поведенческого «канона», состоящего из правил, которым должен был следовать благочестивый правитель по отношению к своим подданным в условиях ордынской угрозы. В самых общих чертах это поведенческий канон базировался на нескольких значимых для книжников той поры идеях.

Во-первых, князю полагалось быть готовым пожертвовать земными благами и жизнью как таковой «за други своя». Князь Михаил Ярославич Тверской стал первым в череде правителей русских земель, чье посмертное прославление базировалось на сочетании сразу двух важных ипостасей - служении Богу, которое неразрывно от служения своему Отечеству. Во-вторых, правителям вменялось защищать Русскую землю, что являлось синонимом защиты православной веры. При этом гибель «За землю Русскую, за веру православную» воспринималась способ искупления грехов и будущего спасения. Но если в предыдущий период мотив «смерти за веру» был, как правило, связан с представлениями о мученичестве, о готовности к добровольной жертве от рук иноверцев, то теперь речь шла о героической гибели в бою с оружием в руках. Важно отметить, что подобный подход получил развитие не на пустом месте, а опирался на традицию, возникшую еще в домонгольский период и нашедшую отражение, в том числе, и в рассказе Ипат. о нашествии Батыя, где в уста владимирского епископа Митрофана был вложен призыв к горожанам «не убояться» и снискать «вѣнца нетлѣньнаа от Христа Бога» в бою с врагом[232]. В-третьих, из представлений об обязанности правителей защищать Русскую землю вытекало осуждение тех русских князей, кто встал на сторону татар против своих. Тема предателей «христианства и отечества» становится одной из ключевых в рассказах об ордынских нашествиях. Градус их осуждения базировался не только на патриотической, но и на конфессиональной основе: такие князья

[232] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 779–780.

воспринимались не просто как «норовники бесерменские», но и как «новые Иуды-предатели», которым дьявол в «усты глаголаше». Это во многом было связано с тем, что сами татары и их предводители в произведениях этого периода часто и настойчиво ассоциировались с дьявольскими силами (что также опиралось на традицию, отголоски которой сохранились лишь в Ипат., где связь врагов с дьяволом артикулировалась вполне очевидным образом). В-четвертых, важной новацией стало представление о пастырской миссии князя по отношению к своим поданным. Идеал правителя формулировался при помощи евангельского слова, согласно которому «пастырь добрый душу свою полагает за овца, а наимник несть, иже пастырь, ему же не суть овца своя, видит волка грядуща, и оставляет овца, и бегаетъ» от врага. В силу этого бегство воспринималось как неприемлемый, с моральной точки зрения, способ поведения. Для таких князей книжники того времени придумали специальный термин – «бегун»: с их точки зрения, князь-«бегун» не имел шансов избежать ответственности перед Богом за гибель врученного ему «словесного стада». В-пятых, согласно сформировавшимся в этот период представлениям, князь должен был проявлять по отношению к врагам храбрость и мужество. Этим двум качествам противопоставляется «немужественность» - поведение, которое грозило неисчислимыми бедствиями людям, странам и самим правителями, ведущим себя не должным образом, прежде всего, вставшим на путь бегства перед лицом врага. Стремление спастись бегством, укрывшись от врага в отдаленных частях своих владений, воспринималось как действие весьма недостойное и приравнивалось к предательству веры и Отчества. Такой подход нашел отражение в целом ряде произведений, посвященных вражеским нашествиям конца XIV-XV вв. и, в особенности, в текстах, связанных с событиями 1480 г. Судя по всему, такая позиция исходила, прежде всего, от церковных кругов, особенно, имевших отношение к основанной преподобным Сергием Троицкой обители. Важно отметить, многие из перечисленных качеств воспринимались в качестве эталонных и в домонгольский период (об этом было известно и в XV в.: на примеры такого

рода ссылался великокняжеский духовник, архиепископ Вассиан Рыло), и в период после нашествия, подтверждением чему служит общий пафос прославления святого благоверного князя Александра Ярославича, нашедший отражение в первоначальной редакции его жития, носящего вполне говорящее заглавие - «Слово о житии и храбрости…»

При этом описанный «нравственный императив», как и в предшествующие периоды истории, отнюдь не являлся прямым руководством к действию. Каждый раз решение о том, как именно поступать, принималось князьями, исходя из реальной военно-политической ситуации, и каждый раз это был личный выбор самого правителя – бежать или сражаться. В этом смысле выработанные в церковной среде поведенческие «каноны», судя по всему, принимались к сведению, но не были обязательны к исполнению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самые ранние из дошедших до нас рассказов о нашествии Батыя были созданы спустя несколько десятилетий после описываемых в них событий. У авторов этих произведения было время для того, чтобы осмыслить произошедшее и отобрать подходящую, с их точки зрения, информацию о драматических событиях 30-х гг. XIII в. Процесс осмысления поступков главных действующих лиц того времени – князей-современников нашествия - с разной степенью интенсивности продолжался на протяжении всего исследуемого нами периода. Об этом свидетельствует та редакторская работа, которая велась со второй половины XIII в. до конца XVI в. над произведениями, повествующими о правителях русских земель того времени. При этом изучение существующей историографии показало имеющуюся лакуну в комплексной оценке действий князей-современников нашествия Батыя и их отображении в историописании второй половины XIII-XVI в. Решение этих вопросов и стало целью настоящего исследования.

Текстологический анализ составленных в разное время редакций летописных и агиографических произведений, посвященных действиям князей-современников нашествия, а также герменевтический анализ данных им книжниками оценочных характеристик, позволили проследить направления трансформации исторической памяти об этих людях, уточнив общие закономерности эволюции представлений о значимых исторических событиях и их главных действующих лицах. Особое место в работе с летописными и агиографическими произведениями второй половины XIII – XVI в. было уделено выявлению фактов и интерпретации мотивов редакторских сокращений текстов, причин их переработки и дополнения новыми деталями, подробностями и смыслами. Это позволило реконструировать мировоззренческий контекст осмысления действий князей-современников нашествия Батыя в произведениях историописания рассматриваемого периода.

В ходе решения поставленных в рамках исследования задач выявлены существовавшие в домонгольский период книжные представления об идеальном образе князя-воина, ключевым качеством которого считались храброе поведение в бою и отсутствие страха перед врагом. Доказано, что уже в этот период реальные поступки князей не всегда соответствовали сформировавшемуся идеалу: как правило, действия правителей во многом зависели от конкретной ситуации. Поэтому, наряду с проявлениями мужественного поведения, были распространены и случаи бегства князей, причем не только ситуативного (с поля боя, в момент или по итогам проигранного сражения, в том числе, за подкреплением для нанесения ответного удара), но и превентивного (под воздействием слухов о силе неприятия, из-за страха, с целью спасения собственной жизни).

На основе анализа ранних сообщений русских летописных и агиографических произведений выявлена статистическая основа для оценки поведения правителей русских земель в условиях монгольского завоевания. Из 38 русских князей, поименно названных в ранних летописных источниках о нашествии за период с конца 1237-го по конец 1241 г. (включительно), лишь 13 человек погибли, остальные же в силу разных причин сохранили свои жизни, причем почти половина из общего числа (18 человек) спаслись бегством. При этом к бегству прибегали и некоторые из погибших правителей русских земель. Все это означает, что участие князей в сопротивлении врагу носило ограниченный характер, а бегство от врага, наоборот, оказалось массовым.

В рамках исследования реконструированы варианты отношения к возможности и невозможности сопротивления нашествию в русском историописании второй половины XIII в. В ходе проведенного анализа не выявлено стремления книжников к осуждению правителей, поступавших вопреки существовавшему эталону поведения князя-воина. Такой подход был связан с сформировавшимися представлениями о том, что завоевание Русской земли стало карой Господней за грехи, а, значит, военное сопротивление

нашествию бесперспективно и даже само по себе греховно, поскольку входит в противоречие с Промыслом Божиим. Впрочем, подобный взгляд на события не был единственным: имело место и иное восприятие самих завоевателей, причин их нашествия на русские земли, и, самое главное, возможности и необходимости им противостоять. В его основе лежало представление о дьявольской сущности врага: в рамках такого подхода готовность противостоять «прельщениям» татар и стоящему за ними дьяволу оценивались как настоящий христианский подвиг. Все это свидетельствует о том, что в самых ранних дошедших до нас произведениях о нашествии тема противостояния завоевателям была перемещена с сугубо военного на духовный уровень. Возможность или невозможность сопротивления осмыслялась в рамках провиденциального отношения к нашествию, а вовсе не в категориях «чести и срама» и «защиты Русской земли», что было свойственно восприятию домонгольского эпохи.

Вышеуказанное обстоятельство предопределило характер повествований о князьях, павших в период нашествия. Опровергается укоренившееся в историографии представление о том, что сам факт гибели князя означал, что этому предшествовало храброе в военном смысле поведение. На основе анализа текстов, рассказывающих о действиях великого князя владимирского Юрия Всеволодовича и его сыновей, сделан вывод о том, что героическая трактовка их поступков сформировалась в процессе позднейших интерпретаций рассказа изначально комплиментарной по отношению к этим князьям Лаврентьевской летописи. Однако для этого книжникам потребовалось существенно скорректировать ее текст, поскольку составитель летописного сообщения хоть и стремился опровергнуть существовавшие к тому времени «негероические» трактовки поведения владимирских князей, но при этом всячески подчеркивал их смирение перед ниспосланной на Русскую землю небесной карой в лице завоевателей. В дальнейшем на каждом следующем этапе переосмысления этого текста

правителям Суздальской земли приписывались более воинственные по отношению к татарам намерения.

В исследовании проанализированы поступки князей Михаила Черниговского и Даниила Галицкого. Установлено, что, вопреки существующим в историографии попыткам представить их отъезд с подконтрольных территорий на запад как часть дипломатических усилий по созданию антимонгольской коалиции, в обоих случаях имело место бегство с целью спасения от надвигающихся войск Батыя. В этот драматический период само по себе бегство рассматривалось в качестве приемлемого способа спасения не только наиболее могущественными князьями того времени, но и правителями «второго уровня». При этом книжники были весьма деликатны в описаниях такого рода поступков. Особенно, если речь шла о бегстве «своих» князей. Да и сами факты бегства часто преподносились ими как предначертанный Богом (а, значит, допустимый с моральной точки зрения) способ избавления от гонителей. В этом контексте факт бегства князя от врага не становился препятствием для его последующего церковного прославления, как это было в случае с Михаилом Черниговским.

На основе комплексного анализа первоначальной редакции житийной повести об Александре Невском реконструированы мотивы его раннего церковного прославления, главными из которых стали его исключительная храбрость и оказываемая князю помощь свыше, благодаря которой он, по мнению книжников, и оказался непобедимым. При этом военные успехи князя воспринимались не просто как проявление его богоизбранности, но и как признак того, что Русская земля, несмотря на все обрушившиеся на нее беды, не на всегда лишилась Божьего заступничества. В дальнейшем имели место как минимум две линии развития образа святого князя. Одна из них делала упор на военной составляющей: в рамках такого прочтения Александр Ярославич наделялся чертами правителя, оказывавшего активное сопротивление татарам. В рамках другой линии восприятия основное внимание было уделено позиционированию Александра Невского как

праведного правителя («пастыря»), совершившего духовный подвиг по имя своих подданных («паствы»), Русской земли и православной веры. В итоге формировался образ святого благоверного князя как «храбраго побѣдителя» не только над «безбожной латыной», но и – вопреки исторической действительности - над «безбожными агарянами».

Исследование показало, что само по себе поведение князей в годы нашествия Батыя не было решающим фактором для их оценки в историописании второй половины XIII-XVI вв.: посмертного прославления правители русских земель, как правило, заслуживали отнюдь не за свои боевые поступки. Гибель от рук завоевателей сама по себе преподносилась как «смерть за веру» и становилась основанием для прославления вне зависимости от того, как князья действовали в годы нашествия, и вне зависимости от того, как именно они погибли. Характерный пример: смерть в «пагубной земле татарской» великого князя Ярослава Всеволодовича, первым из русских князей вступившим в активное взаимодействие с завоевателями, в дальнейшем стала обстоятельством, подтверждающим его благочестие, основанием для последующего прославления его «подвига», содержание которого стало результатом позднего переосмысления фактов его биографии, а вовсе не событий его земной жизни. При этом «духовная храбрость» князей, проявленная ими, согласно поздним интерпретациям XV-XVI вв., в Орде, ставилась книжниками едва ли не выше воинской храбрости, которую правители могли бы проявить в условиях нашествия.

Со временем сообщения ранних источников о поведении правителей русских земель в годы нашествия подвергались существенной корректировке. Редакторы созданных уже в первые десятилетия XV в. летописных рассказов старались максимально избегать упоминаний о бегстве и других проявлениях немужественного поведения князей. За редким исключением негативные оценки их поступков, как правило, «выбраковывались» составителями последующих редакций летописных сводов. Князьям приписывалось более

храброе поведение, чем то, что было зафиксировано изначально, и эта тенденция имела место в летописании на протяжении всего XV-XVI вв.

Что лежало в основе трансформации исторической памяти о князьях-современниках нашествия Батыя? По нашему мнению, огромное влияние на этот процесс оказал новый исторический опыт, приобретенный в связи с победами над ордынцами, одержанными во второй половине XIV в. И, прежде всего, победный опыт «Мамаева побоища» 1380 г., возродивший к жизни давние представления о эталонном воинском поведении князей. Сформировавшийся в XV-XVI вв. «нравственный императив», которому должен был следовать правитель в условиях ордынской угрозы, включал в себя несколько важных положений. Главными из них были готовность пожертвовать земными благами и жизнью как таковой «за други своя» и обязанность защищать Русскую землю, что в представлении книжников того времени являлось синонимом защиты православной веры. Важной новацией стало также представление о пастырской миссии князя по отношению к своим поданным, опиравшееся на евангельские слова, согласно которым «пастырь добрый полагает жизнь свою за овец, а наемник <…> оставляет овец и бежит, и волк расхищает овец и разгоняет их». В силу этого в глазах книжников бегство стало восприниматься как неприемлемый, с моральной точки зрения, способ поведения, а проявления «немужественности», согласно утверждавшимся в этот период представлениям, грозили неисчислимыми бедствиями как людям и странам, подвластным князьям-«бегунам», так и им самим. Именно эти принципы стали идеологическим фундаментом концепции, предусматривавшей необходимость борьбы с ордынской зависимостью.

Под воздействием новых мировоззренческих стандартов в позднем историописании, начиная с первой четверти XV в., и осуществлялась корректировка образов князей-современников Батыева нашествия в сторону преувеличения их участия в сопротивлении врагу. Книжниками XV-XVI вв. решалась весьма непростая задача. В новом историческом контексте

редакторы летописных сводов и агиографический произведений фактически с нуля создавали историю противостояния князей татарам. Это было обусловлено тем, что в предшествующем историописании информации о правителях, совершавших в годы нашествия подвиги на поле боя, было критически мало – существенно меньше, чем о тех, кто в военном смысле проявил себя не столь героически. Решение задачи осложнялось еще и тем, что для создания такого «пантеона героев» книжникам требовались не столько реальные участники противостояния (которые были, но память о которых так и не получила сколько-нибудь заметного развития), сколько «свои» князья – прежде всего, предки правящей московской династии, причем вне зависимости от характера их реального поведения в годы нашествия. В этом смысле период XV-XVI вв. стал временем ретроспективного переформатирования княжеских репутаций.

Соответствующие представления формировались в период, когда противостояние Орде и ее «осколкам» стало одной из насущных задач Русского государства. Решить эту задачу в ситуации, когда в первом ряду княжеских добродетелей храбрость на протяжении нескольких столетий уступала место смирению, было не просто. И почти невозможно было возродить идеалы мужественного поведения без героических образцов. В этих условиях опыт предшествующих поколений правителей имел важное воспитательное значение. Для более героического настоящего и будущего и создавался образ более героического прошлого. В основе этого образа лежали истории о русских князьях-современниках нашествия Батыя, которые, согласно формируемым в XV-XVI вв. представлениям, несмотря на «кару Господню за грехи наши», все-таки нашли в себе мужество противостоять завоевателям. В дальнейшем наработки средневековых книжников оказались востребованы основоположниками ранней отечественной историографии, которые заложили прочный фундамент представлений об эпохе Батыева нашествия, доживших вплоть до наших дней.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные

1. Трефолог русским святым // РГБ. Ф. 304/I. № 619.
2. Трефолог русским святым // РГБ. Ф. 304/I. № 624.
3. Житие и страдание святых мучеников Михаила князя Черниговского и боярина его Феодора (1774 г.) // РГАДА. Ф. 18. Д. 245. Лл. 36-40 об.

Опубликованные

4. Александрия сербская // Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. Подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М., Л., 1966. 269 с; Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности / Критички текст и расправа од Ст. Новаковића. Београд, 1878. 239 с.
5. Александрия хронографическая:
   - *первая редакция* // *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 5-128 (второй пагинации).
   - *вторая редакция* // Там же. С. 131-242 (второй пагинации).
6. Александрия среднегреческая:
   - *Венская (V) рукопись XVI в.* // *Веселовский А.Н.* Из истории романа и повести. Материалы и исследования. Вып. 1. Греко-византийский период. СПб., 1886. С. 1-64 (второй пагинации).
   - *Флорентийская (F) рукопись 1521 г.* // Ps.-Kallisthenes. Zwei mittelgriechische Prosa-Fassungen des Alexanderromans. [Beiträge zur klassischen Philologie 150. Meisenheim am Glan: Hain, 1983], vol. 2: ed. Konstantinopulos (текст приводится по базе TLG).)
   - *Итонская (E) рукопись XVI в.* // Там же.

7. Апология бегства Афанасия Великого, архиепископа Александрийского // Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великаго, архиепископа Александрийскаго. Изд. 2-е испр. и доп. Сергиев Посад, 1902. Ч. 2. С. 76-98.

8. Владимирский летописец // ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. 240 с.

9. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М., 2006. 412 с.

10. Волоколамский патерик // Богословские труды. Сб. 10. М, 1973. С. 177-222.

11. *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. М., Л., 1938. 608 с.

12. *Герберштейн С*. Записки о Московии. Под ред. А.Л. Хорошкевич. Т. 1. Т. 1: Латинский и немецкий тексты, русские переводы с латинского А. И. Малеина и А. В. Назаренко с ранненововерхненемецкого А. В. Назаренко. М., 2008. 774 с.

13. *Горсей Д.* Записки о России. XVI — начало XVII в. Под ред. В.Л. Янина. Пер. и сост. А.А. Севастьяновой. М., 1990. 287 с.

14. *Грибоедов Ф.* История о царях и великих князьях Земли Русской (сообщение С. Ф. Платонова и В. В. Майкова) СПб., 1896. 69 с.

15. Договор Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. // Памятники русского права. Под ред. С.В. Юшкова. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв. М., 1953. С. 54-72.

16. Договор великого князя московского Юрия Дмитриевича с рязанским великим князем Иваном Федоровичем 1434 г. // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М., Л., 1950. С. 83-86.

17. Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле 1262-1263 гг. // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С.Н. Валка. М., 1949. С. 57-58.

18. Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. 239 с.

19. Житие Александра Невского:

– *первоначальная редакция:*

- *список РГБ, собр. МДА, № 208* // *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и текстов. СПб., 1913. С. 1-10 (второй пагинации);
- *список ГИМ, Синодальное собр., № 154* // *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века. «Слово о погибели русской земли». М.; Л., 1965. С. 159-180; Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб., 1997. С. 358-369.

– *«особая редакция»* // *Мансикка В. П.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и текстов. СПб., 1913. С. 11-14 (второй пагинации)

– *«владимирская редакция»* // Там же. С. 15-31.

– *редакция Василия-Варлаама* // Там же. С. 33-48.

– *редакция Ионы Думина* // Там же. С. 49-137.

20. Житие Ефросинии Суздальской // *Колобанов В.А.* Владимиро-Суздальская литература XIV-XVI вв. Учебное пособие. Вып. 3. М., 1978. С. 60-102.

21. Житие Михаила Черниговского:

– *«ростовская редакция»*[1]// *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. Пг., 1915. С. 50-51 (второй пагинации).

---

[1] Здесь и далее наименования редакций ЖМЧ даны по Н.И. Серебрянскому. Со времени выхода его исследования предложенная ученым атрибуция ряда редакций неоднократно подвергалась корректировке, в результате которой предлагались и иные наименования редакций ЖМЧ. Однако в данной работе автор, вслед за А.В. Лаушкиным, А.А. Горским и рядом других исследователей, полагает целесообразным сохранить ставшие привычными наименования (см.: *Лаушкин А.В.* К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. № 6С. 3-25, *Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 14-15 и др.)

- *«редакция, приписываемая отцу Андрею»* // Там же. С. 55-58 (второй пагинации).
- *«редакция, приписываемая епископу Иоанну»* // Там же. С. 59-63 (второй пагинации).
- *«распространение редакции отца Андрея»* // Там же. С. 63-68 (второй пагинации).
- *«сокращение редакция, приписываемой епископу Иоанну»* // Там же. С. 68-70 (второй пагинации).
- *первая Пахомиева редакция* // ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 136-139.
- *пространная Пахомиева редакция* // Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Вып. 2. Дни 14-24. СПб., 1869. Стб. 1298-1305
- *Слово похвальное Михаилу, князю Черниговскому, и его боярину Феодору Льва Филолога* // Там же. Стб. 1308-1336.
- «*чудовская редакция*» (ГИМ, Чудовское собр., № 251/49, лл. 422-429) // *Серебрянский Н.И.* Указ. соч. С. 80-86 (второй пагинации)

22. Житие Сергия Радонежского[2]:
    - *первая Пахомиева редакция* // *Тихонравов Н.С.* Древние жития преподобного Сергия Радонежского М., 1892. (отдел первый). С. 3-69.
    - *вторая Пахомиева редакция* // Там же. С. 70-114.
23. Житие великого князя Георгия Всеволодовича:
    - *«владимирская редакция»* // Путь к граду Китежу. Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. Подг. текстов и исследование А.В. Сиренова. СПб., 2003. С. 51-70.
24. Задонщина:

[2] Нумерация редакций дана по Б.М. Клоссу. См.: *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 161-165.

– *список РГБ, собр. Ундольского* № 632 (У) // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М., Л., 1966. С. 535-540.
– *список ГИМ, собр. Музейское № 2060* (И-1) // Там же. С. 541-546.
– *список ГИМ, собр. Музейское № 3045* (И-2) // Там же. С. 546-547.
– *список БАН, 1.4.1* (Ж) // Там же. С. 547-548.
– *список РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086* (К-Б) // Там же. С. 548-550.
– *список ГИМ, собр. Синодальное № 790* // Там же. С. 550-556.

25. «Зазывная грамота» Ивана IV к великому князю Михаилу Черниговскому и боярину его Феодору // *Иванчин-Писарев Н.Д.* Михаил, великий князь Киево-Черниговский и боярин его Феодор. М., 1839. С. 39-42.

26. Записки Амброджо Контарини // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 207-235.

27. Изборник 1076 года. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М., 2009. 743 с.

28. *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов. Текст, перевод, комментарии / Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М., 2022. 382 с.

29. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. 648 с.

30. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Отв. ред. А. М. Молдован. Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. 1. М., 2004. 879 с.

31. История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. 546 с.

32. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. Критический текст, перевод с латыни С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко. СПб., 2002. 477 с.

33. Китайская династийная история «Юань-ши» // Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 121-251.

34. *Курбский А.М.* История о делах великого князя Московского. Подгот. К. Ю. Ерусалимский; пер. А. А. Алексеев. М, 2015. 942 с.

35. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. 496 с.

36. «Летописец вскоре» патриарха Никифора // *Тихомиров М.Н.* Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 234-243.

37. Летописец Еллинский и Римский. Т. 1. Текст. СПб., 1999. 510 с.

38. Летописец Ивана Слободского (1716 г.) // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 194-199.

39. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 9-116.

40. «Летописец русский» // *Насонов А.Н.* Летописный свод XV в. (по 2 спискам) // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 273-321.

41. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. 248 с.; Т. 11. М., 2000. 264 с.

42. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. 320 стб., 70 с.

43. Летописный свод 1497 г. // ПСРЛ. Т. 28. М., Л., 1963. С. 13-163.

44. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись) // ПСРЛ. Т. 28. М., Л., 1963. С. 167-355

45. Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. 360 с.

46. Лицевой летописный свод // Лицевой летописный свод XVI в. Русская летописная книга. Кн. 5-6. М., 2014.

47. Львовская летопись // ПСРЛ. Т. 20. 1-я пол. СПб., 1910. 419 с.; Т. 20. 2-я пол. СПб.,1912. 687 с.

48. Любецкий синодик Антониевского Любечского монастыря // *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 24-29.

49. *Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. Перевод с лат. языка, вст. статья и комм. А.С. Досаева. СПб., 2012. 300 с.

50. Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. 463 с.

51. Никаноровская летопись // ПСРЛ. Т. 27. М., Л., 1962. 417 с.

52. Новгородская Карамзинская летопись // ПСРЛ. Т. 42. СПб, 2002. 221 с.

53. Новгородская первая летопись младшего извода // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 103-427.

54. Новгородская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 15-100.

55. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. 686 с.

56. Откровение Мефодия Патарского // *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исслед. и тексты. М., 1897. С. 84-104 (второй пагинации).

57. Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 31-220.

58. Повесть временных лет. Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. 667 с.

59. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 522-537.

60. Повесть о Довмонте // БЛДР. Т. 6. XIV - середина XV века. СПб., 1999. С. 55-63.

61. Повесть о Михаиле Тверском // *Кучкин В.А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 116-163.

62. Повесть о разорении Рязани Батыем // БЛДР. Т. 5. XIII в. СПб., 1997. С. 139-155.

63. Помянник великих и удельных князей и княгинь (окт. 1556 г. – янв. 1557 г.) // *Каштанов С. М.* Царский синодик 50-х годов XVI в. // Россия и греческий мир в XVI в. Подгот. к публ. С. М. Каштанов и Л. В. Столярова. Т. 1. М., 2004. С. 398-400.

64. Послания Ивана Грозного. Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и коммент. Я. С. Лурье. Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М., Л., 1951. 716 с.

65. Послание игумена Троице-Сергиева монастыря Паисия великому князю Ивану Ивановичу (Молодому) 1480 г. // Русский феодальный архив XIV- первой трети XVI в. Под ред. В.И. Буганова. М., 1987. С. 269-271.

66. Послание митрополита Геронтия и Освященного Собора русской митрополии великому князю Ивану III 1480 г. // Там же. С. 275-277.

67. Послания папского нунция в Речи Посполитой Винцента дель Портико // Цит. по: *Шмурло Е. Ф.* Россия и Италия. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913. С. 231-232.

68. Послание папы римского Иннокентия IV Александру Невскому от 22 февраля 1248 г. *// Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М., 2002. С. 262-265.

69. Послание ростовского архиепископа Вассиано Рыло великому князю Ивану III 1480 г. // ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982; Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI в. Вып. 2. М., 1987. С. 222-232.

70. Поучения Серапиона Владпмирского // *Петухов Е.В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. С. 1-15 (второй пагинации).

71. Правило Кюрила, митрополита роуськаго, сошедшихся епископов: Далмата новогородского, Игнатья ростовского, Феогноста переяславского, Симеона полотского, на поставление епископа Серапиона володимирского // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 84-102.

72. Притча о человеческой душе, и о теле, и о нарушении Божьей заповеди, и о воскресении тела человеческого, и о Страшном суде, и о мучении Кирилла Туровского // *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 12. М., Л., 1956. С. 340-348.

73. Псковские летописи // ПСРЛ. Т. 5. Вып. I. М., 2003. 256 с; Т. 5. Вып. II. М., 2000. 368 с.

74. *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей. Пер. с персидского Ю. П. Верховского, редакция проф. И. П. Петрушевского. Т. II. М., Л., 1960. 248 с.

75. Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. С. 2-216 (первой пагинации).

76. Русский хронограф редакции 1512 г. // ПСРЛ. Т. 22. СПб., 1911. 580 с.

77. Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. 328 с.

78. Сказание о Мамаевом побоище:

- *основная редакция* // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 25-48.
- *редакция Ундольского* // Памятники Куликовского цикла. СПб., С. 137-196.

79. Слово Даниила Заточника // БЛДР. Т. 4. XII век. СПб., 1997. С. 268-283.

80. Слово о полку Игореве // ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 373-388.

81. Слово о терпении и милостыне Феодосия Печерского // *Еремин И.П.* Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. Т. 5. М., Л., 1947. С. 176-178.

82. Сокращенный летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. Т. 27. М., Л., 1962. С. 169-297.

83. Сокращенный летописный свод 1495 г. // ПСРЛ. Т. 27. М., Л., 1962. С. 301-366.

84. Софийская первая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. 320 с.

85. Софийская первая летопись списку Н.И. Царского // ПСРЛ. Т. 39. М., 1994. 204 с.

86. Софийская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. 240 с.

87. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М., 2007. 596 с.; Т. 2. М., 2008. 559 с.

88. Тверской сборник // ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. С. 1-540 (второй пагинации).

89. Типографская летопись // ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. 272 с.

90. Троицкая летопись // *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., Л., 1950. 515 с.

91. Устюжские и вологодские летописи XVI-XVIII вв. // ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. 228 с.

92. *Фома Сплитский*. История архиепископов Салона и Сплита. Вступительная статья, перевод, комментарий О. А. Акимовой. М., 1997. 319 с.

ЛИТЕРАТУРА

Справочные издания

1. *Горский А.А.* Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. СПб., 2019. 416 с.

2. *Донской Д.В.* Справочник по генеалогии Рюриковичей / Под ред. Д.М. Шаховского. М.; Ренн, 1991. 788 с.

3. Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедии. М., 2014. 989 с.

4. *Живов В.М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1991. 110 с.

5. *Евгений (Болховитинов), митрополит*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. М., 1995. 416 с.

6. Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник. Под ред. Я.Н. Щапова. СПб, 2003. 383 с.

7. *Поспелов Е.М.* Географические названия России. Топонимический словарь. М., 2008. 523 с.

8. Православная энциклопедия. Т. 1-75. М., 2000-2025.

9. Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. Т. 1-13. М., 1988-2023.

10. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. 492 с.

11. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (Вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1. (А-К). Л., 1988. 515 с.

12. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 2 (Л–Я). Л., 1989. 527 с.

13. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-32. М., 1975-2023.

14. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.1-3. СПб., 1893-1912.

15. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. 543 с.

Исследования

16. *Абзалов Л.* Языки официального делопроизводства и канцелярская культура Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 217–224.

17. *Абрамович Д.И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. 204 с.

18. *Авдеев А.Г.* Битва на Сити и Шеренский лес в пространстве современной краеведческой мифологии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 17. Тверь, 2025. С. 88-101.

19. *Адрианова-Перетц В. П.* Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // ТОДРЛ. Т. 20. М., Л., 1964. С. 41-71.

20. Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. Отв. ред. А. В. Торкунов. М., 2010. 533 с.

21. Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 1995 г. Новгород, 1996. 100 с.

22. Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия). М., 2021. 526 с.

23. *Алексеев А.И.* К творческой истории тропаря и кондака на перенос мощей святомученика Михаила Черниговского: царь Иван Грозный и князья Оболенские // Порядок и смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время. К 85-летию В.Д. Назарова / Под общей редакцией А.А. Фролова. М., 2023. С. 11-19.

24. *Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. 217 с.

25. *Альшиц Д.Н.* Нашествие Батыя. М., 1939. 48 с.

26. *Амелькин А.О.* Татарский вопрос в общественном сознании России кон. XV – I пол. XVI в. Автореферат дис. … канд. ист. наук. М., 1992. 250 с.

27. *Амелькин А.О., Селезнев Ю.В.* Куликовская битва в сознании современников и потомков. Воронеж, 2006. 115 с.

28. *Амелькин А.О., Селезнев Ю.В.* Нашествие Батыя и установление ордынского ига в общественном сознании Руси XIII-XVII вв. Воронеж, 2004. 143 с.

29. *Андреев А.Р.* Великий князь Ярослав Всеволодович Переяславский. Документальное жизнеописание. Историческая хроника XIII в. М., 1998. 251 с.

30. *Андреева Е.А.* «Подвизася на брани...»: образ Василька Константиновича Ростовского в Степенной книге // Русская речь. 2018. № 5. С. 56-61.

31. *Аракчеев В.А., Болотина Н.Ю.* Святой благоверный князь Александр Невский и его почитание // Александр Невский и его образ в исторической памяти. М., 2021. С. 44-83.

32. *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. 544 с.

33. *Барсов Е.В.* Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1. М., 1887. 462 с.

34. *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии: география начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1873. 270 с.

35. *Бегунов Ю.К.* Житие Александра Невского в русской литературе XIII-XVIII вв. // Князь Александр Невский и его эпоха. СПб., 1995. С. 163-171.

36. *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели русской земли». М., Л., 1965. 231 с.

37. *Бегунов Ю.К., Клейненберг И.Э., Шаскольский И.П.* Письменные источники о Ледовом побоище // Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища /Отв. ред. Г.Н. Караев. М., Л., 1966. С. 169-240.

38. *Белозеров И. В.* Убийство князя Михаила Черниговского монголами в 1246 г. и монгольский языческий обряд при дворе хана Бату

// Русское средневековье: сборник научных статей. 2000-2001 гг.: Источники. М., 2002. С. 4-16.

39. *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. 376 с.

40. *Берман Б. И.* Читатель жития: (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. Сб. ст. М., 1982. С. 159-183.

41. *Беспалов Р.А.* К истории создания повестей о Батыевом нашествии в части событий 1237-1238 годов // Летописи и хроники. Новые исследования. 2017-2019. М., СПб., 2019. С. 21–58.

42. *Беспалов Р.А.* «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI-XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 13. Брянск, 2011. С. 63-97.

43. *Бестужев-Рюмин К.Н*. О злых временах татарщины. СПб., 1891. 43 с.

44. Благоверный великий князь Александр Невский: «Блистая славою на земле и на Небесах». М., 2021. 672 с.

45. *Блондель Ж.* Политическое лидерство: Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992. 135 с.

46. *Бобкова М. С.* Терминологический инструментарий исторической науки: к постановке проблемы // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. № 13. Вып. 15. С. 102-108.

47. *Бобров А.Г.* Летописный свод митрополита Фотия (Проблем реконструкции текста) // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 98-137.

48. *Бобров А.Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. 287 с.

49. *Бобров А.Г., Дмитриева З.В.* От составителей // ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 14.

50. *Богданов С.В.* Кто из Ярославичей погиб в Твери в 1238 г.? // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X

Международной научной конференции (9-13 сентября 2019 г., Москва, Россия). Приложение к журналу «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». М., 2019. С. 45-59.

51. *Болтин И.Н.* Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том истории князя Щербатова. Т. 2. СПб., 1794. 479 с.

52. *Болтунова Е.М.* [Рец.:] Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000) М., 2007 // Отечественные записки. 2008. № 5 (44). С. 125-128.

53. *Бордачев Т.В.* Стратегия Московской Руси. Как политическая культура XIII-XV вв. повлияла на будущее России. М., 2024. 336 с.

54. *Борисов Н.С.* Политика московских князей. Конец XIII – первая половина XIV века. М., 1999. 653 с.

55. *Бородихин А. Ю.* Цикл повестей о нашествии Батыя летописях и летописно-хронографических сводах XIV-XVII вв. Дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 1989. 221 с.

56. *Ботвинник Н.М.* «Роман об Александре». Рукописная традиция и история изучения текста // Византинороссика. Т. 2. СПб., 2003. С. 49-67.

57. *Брюханова Е.В., Э.П.Р.* Иона (Думин) // Православная энциклопедия. Т. 25. М., 2010. С. 456-457.

58. *Бугославский С.А.* Литература Ростова XIII-XIV вв. // История русской литературы. Т. II. Ч. I. М., Л., 1945. С. 59-66.

59. *Бугославский С.А.* Литературная традиция в северо-восточной русской агиографии // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского. Л., 1928. С. 332-336.

60. *Будовниц И. У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси. XI–XIV вв. М.; Л., 1960. 488 с.

61. *Буланин Д.М.* Иона Думин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (Вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 1. (А-К). Л., 1988. С. 430-432.

62. В.О. Ключевский. Pro et contra. СПб., 2013. 952 с.

63. *Васенко П.Г.* Книга степенная царского родословия и её значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. СПб., 1904. 250 с.

64. *Васильев В.В*. История канонизации русских святых. М., 1893. 256 с.

65. *Вернадский Г.В.* Два подвига св. Александра Невского // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 318–337.

66. *Вернадский Г.В*. Монголы и Русь. Тверь, 1997. 476 с.

67. *Веселовский Н.И.* Куликовская битва (по поводу ее пятисотлетия) // «Древняя и новая Россия». 1880. Т. 18. № 9. С. 5-23.

68. *Вилкул Т.Л.* Летопись и хронограф. Текстология домонгольского киевского летописания. М., 2019. 459 с.

69. *Вилкул Т.Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI-XIII вв. М., 2009. 405 с.

70. *Вилкул Т.Л.* Мстислав Храбрый – к происхождению эпитета // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 13-14.

71. *Водовозов Н.В.* Повесть о битве на реке Калке // Ученые записки МГПИ им. В.П. Потемкина. 1957. Т. 67. Кафедра русской литературы. Вып. 6. С. 3–19.

72. *Войтович Л.В.* Князівські династії Східної Європи (кінець IX — початок XVI ст.): склад, суспільна і політична роль. Історико-генеалогічне дослідження. Киев, 2000. 649 с.

73. *Возняк М.* История украинской литературы. Ч. 1. Львов, 1920. 344 с.

74. *Воронин Н. Н.* Песня о Щелкане и Тверское восстание 1327 г. // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 75-82.

75. *Воротынцев Л.В.* «Ордынский плен» рязанского князя Олега Ингваревича Красного (1238-1258 гг.): от историографического мифа к историческим реалиям // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 4. С. 733-748.

76. *Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р.* «Нужная смерть» великого князя: к вопросу о причинах и обстоятельствах кончины Ярослава Всеволодовича осенью 1246 г. // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11. № 3. С. 562-581.

77. *Воротынцев Л.В., Галимов Т.Р.* «Отравленные» ханы: феномен внезапной смерти правителей в ментальном восприятии средневековых монгол // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12. № 2. С. 307-319.

78. *Выготский Л.С.* Сознание как проблема психологии поведения // *Выготский Л.С.* Собрание сочинений в 6-ти тт. Т. 1. М., 1982. С. 78-98.

79. Галичина та Волинь у добу середньовіччя: до 800-річчя з дня народження Данила Галицького. Львів, 2001. 248 с.

80. Галицько-Волиньский літопис. Текстологія. За ред. О.П. Толочка. Кіев., 2020. 949 с.

81. Галицко-Волынская летопись: Текст. Комментарий. Исследование. Под ред. чл.-кор. НАН Украины Н.Ф. Котляра. СПб., 2005. 421 с.

82. *Гальперин Ч.* Татарское иго: образ монголов в средневековой России. Воронеж, 2012. 230 с.

83. *Гаман-Голутвина О.В.* Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97-103.

84. *Гарькавый И. В.* «Измаильтяне» или «нечистые человеки»? (Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей) // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 87-89.

85. *Гастев М.* Рассуждение о причинах, замедливших гражданскую образованность в русском государстве до Петра Великого. М., 1832. 142 с.

86. *Генсьорский А. І.* Галицько-Волинський літопис (лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості). Київ., 1961. 284 с.

87. *Георгиевский В.* Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности. Владимир, 1896. 205 с.

88. *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М., 2012. 689 с.

89. *Гимон Т.В.* К проблеме зарождения историописания в Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2013: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья. Отв. ред. тома. Д. Д. Беляев и Т.В. Гимон. М., 2016. С. 748-800.

90. *Гиппиус А.А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. 6 (16). СПб., 1997. С. 3-72.

91. *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. 600 с.

92. *Голубовский П. В.* История Северской земли до половины XIV столетия. Киев. 1881. 201 с.

93. *Горский А. А.* Александр Невский как исторический деятель: спорные проблемы // Исторический вестник. 2021. Т. 35 (182). С. 10-27.

94. *Горский А.А* «Всего еси исполнена земля русская…» Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. 176 с.

95. *Горский А.А.* Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 141-156.

96. *Горский А.А.* «Дает ти Господь победити царя злочестива»: «идеологическая» подготовка к войне с Ахматом // Великое стояние на Угре и формирование российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г.). Калуга, 2017. С. 129-133.

97. *Горский А.А.* Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского // «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 182-191.

98. *Горский А.А.* Долгосрочные последствия деятельности Александра Невского // Александр Невский. Личность. Эпоха. Историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 22-30.

99. *Горский А. А.* Историко-поэтическая концепция «Задонщины» // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – нач. XX в. Вып. 1. М., 1990. С. 70-118.

100. *Горский А.А.* Князья и княгини Русского Средневековья. Исторические последствия малоизвестных событий. М., 2024. 199 с.

101. *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. 214 с.

102. *Горский А.А.* Наследование великого княжения в середине XIIIв., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31-37.

103. *Горский А.А.* Об обстоятельствах гибели великого князя Ярослава Всеволодича // *Горский А.А.* «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 157-169.

104. *Горский А.А.* О времени появления прозвищ у князей русского Средневековья // Средневековая Русь. Вып. 14. М., 2020. С. 7-26.

105. *Горский А. А.* О титуле «царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 205-212.

106. *Горский А.А.* Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х гг. XV в. // *Горский А.А*. «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 356-367.

107. *Горский А.А.* Плано Карпини, Александр Невский и планы хана Гуюка // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3 (77). С. 5-11.

108. *Горский А.А.* «Повесть о убиении Батыя» и русская литература 70-х гг. XV в. // *Горский А.А*. «Бещисленыя рати и великия труды…» Проблемы русской истории X-XV вв. СПб., 2018. С. 326-355.

109. *Горский А.А.* Понятие «суздальский» в политическом лексиконе XII–XIV веков // На пороге тысячелетия: Суздаль в истории и культуре России. К 990-летию первого упоминания Суздаля в древнерусских летописях. Владимир, 2015. С. 27-32.

110. *Горский А.А.* Представления о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2. Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С. 17-37.

111. *Горский А.А*. Проблемы изучения Слова о погибели Русскыя земли» (к 750-летию со времени написания) // ТОДРЛ. Т. 43. Л, 1990. С. 18-38.

112. *Горский А.А.* Русские земли в XIII-XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. 185 с.

113. *Горский А.А.* Русь: от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. 392 с.

114. *Горский А.А.* Свидетели путешествия Плано Карпини: уникальная информация и ошибки прочтения // *Горский А.А.* «Бещисленыя рати и великия труды…». Проблемы русской истории X–XV вв. СПб., 2018. С. 170-181.

115. *Горский А.А.* «Сказание о Мамаевом побоище», «Повесть о разорении Рязани Батыем», Никоновская летопись: о начале русской исторической беллетристики // Исторический вестник. 2023. Т. 45. С. 156-177.

116. *Горский А.А.* «Слово о полку Игореве» - «Слово о погибели русской земли» - «Задонщина»: источниковедческие проблемы». Дис. … д-ра ист. наук. М., 1993. 282 с.

117. *Горский А.А.* «Ту сядем и Русью владеем…»: представление о возможности непосредственного владычества монголов на Руси и исторические реалии // Куликовская битва в истории России. Вып. 2. М., 2012. С. 83-86.

118. *Горский А.А.* Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодича // Исторический вестник. Т. 25. М., 2018. С. 30-39.

119. *Горский А.А., Рябов А.Н., Преображенский А С.* Георгий (Юрий) Всеволодович // Православная энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 88-97.

120. *Горский А.Д.* К вопросу об обороне Москвы в 1238 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. Сборник статей. М., 1978. С. 176-184.

121. *Горская Н.А.* Историческая демография России эпохи феодализма. Итоги и проблемы изучения. М., 1994. 211 с.

122. *Гребенюк В.П.* Борьба с ордынскими завоевателями после Куликовской битвы и ее отражение в памятниках литературы первой половины XV века // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 52-71.

123. *Греков Б.Д.* Татарское нашествие (XIII-XV вв.) // Исторический журнал. 1937. № 6. С. 46-63.

124. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., Л., 1950. 478 с.

125. *Грицевская И.М., Литвиненко В.В.* Афанасий Александрийский в Софийской Кормчей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2024. № 1 (95). С. 52-70.

126. *Грушевский М. С.* История украинской литературы. Ч. 1. Т. 3. Кн. 3. Киев; Львов, 1923. 360 с.

127. *Грушевський М.С.* Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ, 1991. 541 с.

128. *Грушевьский М.С.* Хронологія подій Галицько-Волинськоі літописі. Львів, 2005. 729 с.

129. *Гудзий Н. К.* Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского? // ИОЛЯ. 1952. Т. 2. Вып. 5. С. 450-456.

130. *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. М., 1956. 544 с.

131. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984. 349 с.

132. *Данилевский И.Н.* Александр Невский: Парадоксы исторической памяти // Цепь времен. Проблемы исторического сознания. М., 2005. С. 119-132

133. *Данилевский И. Н.* Библия и Повесть временных лет (К проблеме интерпретации летописного текста) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 78-94.

134. *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). Курс лекций. М., 2001. 387 с.

135. *Дашкевич Н.П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. 159 с.

136. *Демин А.С.* Элементы тюркской культуры в литературе древ ней Руси XV-XVII вв. (К вопросу о видах связей) // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974. С. 517-539.

137. *Демин А. С.* «Языци»: Неславянские народы в русской литературе XI–XVIII вв. // Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С. 5-55.

138. *Димник М.* Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239-1245 гг. // Русин. 2014. № 1. С. 17-35.

139. *Дмитриев Л.А*. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII–XVII веков. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. 303 с.

140. *Дмитриев Л.А.* Литература начала XIV - третьей четверти XIV в. // История русской литературы X-XVII вв. Л., 1980. С. 183-202.

141. *Дмитриев Л.А.* Сказание о убиении в орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора// Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 412-416.

142. *Дмитриев Л.А.* Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII-XV вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 208-262.

143. *Димитрий (Самбикин), архиеп.* Месяцеслов святых, всей Русской церковью или местно чтимых и указатель празднеств в честь икон Божией Матери и св. угодников Божиих в нашем Отечестве. Вып. 6 (февраль). Каменец-Подольск, 1897. 230 с.

144. *Долманьош И.* Политика личной безопасности и военной защиты великих русских князей в средневековье: Русские аналогии некоторым европейским «регифугиям» // Etudes historiques hongroises 1985 publees i 1'occasion du XVI Congres international des Sciences Historiques par le Comite National des Historiens Hongrois. Budapest, 1985. Bd. 1. C. 151-177

145. *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015. 879 с.

146. *Домбровский Д.* Даниил Романович // Православная энциклопедия. Т. 14. М., 2006. С. 118-125.

147. *Долгов В.В.* Биография Александра Невского в зеркале «исторического нарратива» // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях: альманах. Вып. 5. СПб., 2016. С. 190-212.

148. *Долгов В.В.* Родители Александра Невского в отечественной историографии и генеалогии // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2020. Вып. 1. С. 88-94.

149. *Долгов В.В.* Феномен Александра Невского. Русь XIII века между востоком и западом. М., 2020. 222 с.

150. Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI-XIV вв. М., 1996. 254 с.

151. *Духанина А.В.* Пахомий Логофет // Православная энциклопедия. Т. 55. М., 2019. С. 158-190.

152. *Духанина А.В.* Рукописная и старопечатная традиция Жития Александра Невского // Благоверный великий князь Александр Невский. Блистая славою на земле и на Небесах. М., 2021. С. 92-169.

153. *Ерусалимский К.Ю.* Император Святой Руси. М., 2025. 880 с.

154. *Еремин И. П.* Послание на Угру Вассиана Рыло // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1945. С. 302-304.

155. *Жарко С.Б., Мартынюк А.В.* История восточных славян. Монгольское нашествие на Русь. Минск, 2003. 108 с.

156. *Живов В. М*. Ранняя восточнославянская агиография и проблема жанра в древнерусской литературе ре // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 720-734.

157. *Журавель А.В.* Предатели в земле Русской // Преподавание истории в школе. 2020. № 7. С. 32-37.

158. *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. 331 с.

159. *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. 535 с.

160. *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. 452 с.

161. Золотая Орда: библиографический указатель. Автор-составитель И.М. Миргалеев. Казань, 2013. 412 с.

162. Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. 968 с.

163. *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. 328 с.

164. *Зыбалов Ю. М*. Почитание святого благоверного князя Михаила Черниговского в Московском Кремле // Православные святыни Московского Кремля в истории и культуре России. Сб. ст. М., 2006. С. 68-75.

165. *Иванова Е.Е.* К вопросу об антиордынской политике князя Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2 (52). С. 37-48.

166. *Иванин М.* О военном искусстве и завоеваниях монголов. СПб., 1846. 61 с.

167. *Иванчин-Писарев Н.Д.* Михаил, великий князь Киево-Черниговский и боярин его Феодор. М., 1839. 48 с.

168. *Иловайский Д.И.* История России. Т. 2. М., 1880. 528 с.

169. *Иловайский Д.И.* История Рязанского княжества. М., 1858. 329 с.

170. Истоки русской беллетристики. Л., 1970. 592 с.

171. История и память: историческая культура Европы до начала нового времени. Под редакцией Л. П. Репиной. М., 2006. 763 с.

172. История России. Т. 3. Государства и народы на территории России в XIII – начале XVI в. На пути к единому Русскому государства. Отв. ред. В.А. Кучкин, Е.Л. Конявская. М., 2025. 982 с.

173. История Украины. VI-XXI вв. Под общей ред. Толочко П.П. М., 2018. 472 с.

174. *Кагарлицкий Ю. В.* Позитивные характеристики поведения воина на поле боя и семантические сдвиги в их интерпретации в русской культуре Нового времени // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В. М. Живова. М., 2009. С. 271-315.

175. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 2-3. М., 1991. 832 с.

176. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 4. М., 1992. 480 с.

177. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991. 127 с.

178. *Карбасова Т.Б., Милютенко Н.И.* Пахомий Серб в работе над агиографическим циклом, посвященным Михаилу и Феодору Черниговским // ТОДРЛ. Т. 66. СПб., 2019. С. 197-233.

179. *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. 263 с.

180. *Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М., 1965. 136 с.

181. *Каргалов В.В.* Русь и кочевники. М., 2008. 479 с.

182. *Карпов А.Ю.* Батый. М., 2011. 345 с.

183. *Карпов А.Ю.* Великий князь Юрий Всеволодович. М., 2021. 271 с.

184. *Касаткин В.* Святой Благоверный Великий Князь Георгий Всеволодович, Чудотворец Владимирский. Владимир, 1882. 23 с.

185. *Каштанов С. М.* Царский синодик 50-х годов XVI в. // Россия и греческий мир в XVI в. / Подгот. к публ. С. М. Каштанов и Л. В. Столярова. Т. 1. М., 2004. С. 388-430.

186. *Кириллин В. М.* Символика чисел в древнерусских сочинениях XVI века // Естественнонаучные представления в Древней Руси. М., 1988. С. 76-111.

187. *Кириллов В.В.* История России. Учебное пособие. 4-е изд. перераб. и доп. М., 2011. 661 с.

188. *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII-XV вв. Л., 1976. 104 с.

189. *Кирпичников А.Н.* Две великих битвы Александра Невского // «Александр Невский и история России». Материалы научно-практической конференции. Новгород, 1996. С. 29-41.

190. *Клепинин Н.А.* Святой и благоверный великий князь Александр Невский. М., 1993. 111 с.

191. *Клосс Б.М.* Второе предисловие к изданию 2000 года // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. XI-XX.

192. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. 564 с.

193. *Клосс Б.М.* Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М., 2001. 488 с.

194. *Клосс Б.М.* Иосифо-Волоколамский монастырь и летописание конца XV- первой половины XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VI. Л., 1974. С. 107-125.

195. *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. М., 1980. 312 с.

196. *Клосс Б.М.* Предисловие к изданию 1997 г. // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. С. G-N.

197. *Клосс Б.М.* Список Царского Софийской I летописи и его отношение к Воскресенской летописи // Летописи и хроники, 1984 г. М., 1984. С. 25-37/

198. *Клосс Б. М., Маштафаров А. В.* Евфросиния // Православная энциклопедия. Т. 17. М., 2008. С. 517-526.

199. *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV-XV вв. М., 1984. С. 283-313.

200. *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. 509 с.

201. Князь Александр Невский: Материалы научно-практической конференции 1989 и 1994 гг. Отв. ред. Ю. К. Бегунов, А. Н. Кирпичников. СПб., 1995. 111 с.

202. Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. Под ред. Ю. К. Бегунова, А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995. 214 с.

203. *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54-64.

204. *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. 438 с.

205. *Козляков В.Н.* Борис Годунов. М., 2017. 320 с.

206. *Колобанов В.А.* Владимиро-Суздальская литература XIV-XVI вв. Учебное пособие. Вып. 3. М., 1978. 103 с.

207. *Колобанов В.А.* Владимиро-Суздальская литература XIV-XVI вв. Спецкурс по древнерусской литературе. Вып. 1. Владимир, 1975. 124 с.

208. *Колобанов В. А.* К вопросу о датировке первого «Слова» Серапиона Владимирского // Ученые записки Владимирского педагогического института. Вып. 4. Владимир, 1958. С. 250-258.

209. *Колотилова С.И.* Русские источники XIII в. об Александре Невском // Ученый записки ЛГПИ. 1971. Вып. 502. С. 99-107.

210. *Комаров К.И.* О нашествии Батыя на Северо-Восточную Русь в 1237-1238 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 87-96.

211. *Комарович В.Л.* Лаврентьевская летопись // История русской литературы. Т. II. Ч. I. М., Л., 1945. С. 90-96.

212. *Комарович В.Л.* К литературной истории Повести о Николе Зарайском // ТОДРЛ. Т. 5. М., Л., 1947. С. 57-72.

213. Комарович В. Л. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. Л., 1936. 184 с.

214. *Комарович В.Л.* Рязанский летописный свод XIII века // История русской литературы. Т. II. Ч. I. М., Л., 1945. С. 74-77.

215. *Конявская Е.Л.* Александр Невский в исторических источниках // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010. С. 199-218.

216. *Конявская Е.Л.* Антиордынские акции Руси второй половины XIII – первой трети XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 2 (64). С. 28-32.

217. *Конявская Е. Л.* Антиордынские выступления Руси во второй половине XIII – первой трети XIV в. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 168-179.

218. *Конявская Е.Л.* Михаил Ярославич // Православная энциклопедия. Т. 46. М., 2017. С. 31-36.

219. *Конявская Е. Л.* Образ Александра Невского в ранних летописях // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36). С. 55-63.

220. *Конявская Е. Л.* Образ Александра Невского в Житии и ранних летописях // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25–27 мая 2021 г., Москва, Россия). М., 2021. С. 31-41.

221. *Конявская Е. Л.* Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. М., 2007. 399 с.

222. *Конявская Е.Л.* Повесть о Едигеевом нашествии в тверском летописании // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 4 (26). С. 90-101.

223. *Короленков А.В.* «Всих нас стареи отець твои, но с нами не умееть жити»: князь, норма и реакция на её нарушение в домонгольской Руси // История и историческая память. Вып. 7-8. Саратов, 2013. С. 181-201.

224. *Костромин К.А.* Св. Александр Невский и латинский Запад глазами древнерусских агиографов // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал. 2020. № 1 (12). С. 124-130.*Костюхин Е.А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972. 189 с.

225. *Котляр Н.Ф.* Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005. 421 с.

226. *Котляр Н.Ф.* Данило Галицький: біографічний нарис. Київ, 2002. 328 с.

227. *Котляр Н.Ф.* Михаил Всеволодович // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедии. М., 2014. С. 501.

228. *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. Киев, 1985. 184 с.

229. *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы. Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. СПб., 2015. 451 с.

230. *Кривошеев Ю.В., Соколов А.Р.* Александр Невский. Эпоха и память. СПб., 2018. 304 с.

231. *Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А.* [Рец. на: Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в. М., 2001] // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 167-169.

232. *Кром М. М.* Введение в историческую компаративистику. Учебное пособие. СПб., 2015. 248 с.

233. *Кром М.М.* «Методы» и «подходы»: происхождение и эволюция ключевых понятий современного исторического дискурса // Новое прошлое/ The New Past. 2021. № 4. С. 92-108.

234. *Кром М.М.* Рождение государства. Московская Русь XV-XVI вв. М., 2018. 256 с.

235. *Кудрявцев О.Ф.* Александр Невский и католический Запад // Александр Невский. Личность. Эпоха. Историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 79-87.

236. *Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодович (1188-1238). Источниковедение. История. Историография. Автореферат дис. … д-ра ист. наук. Ижевск. 2009. 38 с.

237. *Кузнецов А. А.* Владимирский князь Георгий Всеволодович в истории Руси первой трети XIII в. Особенности преломления источников в историографии. Нижний Новгород, 2006. 539 с.

238. Кузнецов А.А. Георгий (Юрий) Всеволодович – великий князь владимирский. М., 2024. 441 с.

239. *Кузнецов А.А.* Князь великий Георгий. Основатель Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 2017. 231 с.

240. *Кузнецов А.А.* Образ правления владимирского князя Георгия Всеволодовича (1188–1238) в его Похвале // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. Вып. 43. М., 2013. С. 69-82.

241. *Кузьмин А.В.* Всеволод (Димитрий) Георгиевич // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 550-552.

242. *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. 1. М., 2014. 336 с.

243. *Кузьмин А. В.* Торопецкая знать в XIII в. // Russia Mediaevalis. Münch., 2001. T. 10. Fasc. 1. S. 55-75.

244. *Кузьмин А.В., Преображенский А.С.* Михаил Черниговский // Православная энциклопедия. Т. 45. М., 2017. С. 706-725.

245. *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. 286 с.

246. *Кузьмин А.И.* Героическая тема в древнерусской литературе. М., 1974. 304 с.

247. *Кузьмина В.Д.* Критико-библиографический обзор статей и заметок по истории древнерусской литературы в журнале «Revue des etudes slaves» (1932—1955) // ТОДРЛ. Т. 13. М., Л., 1957. С. 629-634.

248. *Кусков В.В.* Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. с. 39-51.

249. *Кучкин В.А.* Василько Константинович // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедии. М., 2014. С. 107.

250. *Кучкин В.А*. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18-33.

251. *Кучкин В.А*. Александр Невский – правитель и полководец // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 101-128.

252. *Кучкин В. А.* Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5-6. С. 62-83.

253. *Кучкин В.А*. Дмитрий Донской и Сергий Радонежский в канун Куликовской битвы. // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 103-125.

254. *Кучкин В.А.* Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 30-30.

255. *Кучкин В.А.* К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 71-80.

256. *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о битве на Калке // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник. СПб, 2003. С. 74-78.

257. *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о Липицкой битве // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 70-73.

258. *Кучкин В.А.* Летописные рассказы о монголо-татарском нашествии на Русь // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. Аннотированный каталог-справочник. СПб, 2003. С. 78-82.

259. *Кучкин В. А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII – первая половина XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X – нач. XX в. Вып. 1. М., 1990. С. 15-69.

260. *Кучкин В.А.* О формировании Великих Миней Четьих митрополита Макария // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 86-101.

261. *Кучкин В.А.* Победа на Куликовом поле // Вопросы истории. 1980. № 8. С. 3-21.

262. *Кучкин В. А.* Повести о Михаиле Тверском (историко-текстологическое исследование). М., 1974. 297 с.

263. *Кучкин В.А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999. С. 116-163.

264. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. 349 с.

265. *Кучкин В.А.* Ярослав Всеволодович // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедии. М., 2014. С. 922-923.

266. *Кычанов Е.И.* Сведения из «Истории династии Юань» («Юань-ши») о Золотой Орде // Источниковедение Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2001. С. 30-42.

267. *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 5-29.

268. *Лаушкин А.В.* К истории возникновения ранних проложных сказаний о Михаиле Черниговском // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1999. № 6. С. 3-25.

269. *Лаушкин А.В.* Малоизученный эпизод ростовского летописания второй половины XIII в. // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 6-13.

270. *Лаушкин А.В.* Митрополит Кирилл II и осмысление ордынского ига во второй половине XIII века // Богословский сборник. Т. 10. М., 2002. С. 211-224.

271. *Лаушкин А.В.* Летописный некролог ростовскому князю Глебу Васильковичу // История и культура Ростовской земли. 2005. Ростов, 2006. С. 174-179.

272. *Лаушкин А.В.* Русь и соседи: история этноконфессиональных представлений в древнерусской книжности XI-XIII вв. М., 2019. 304 с.

273. *Левина С. А*. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI в. // ТОДРЛ. Т. 11. М.; Л., 1955. С. 375-379.

274. *Ленхофф Г.Д.* Степенная книга: замысел, идеология, адресация // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М., 2007. С. 120-144.

275. *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. 213 с.

276. *Линд Д. Г.* Некоторые соображения о Невской битве и ее значении // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб., 1995. С. 44-54.

277. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X-XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. 740 с.

278. *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Русские имена половецких князей. Междинастические контакты сквозь призму антропонимики. М., 2013. 280 с.

279. *Литвиненко В.В., Грицевская И.М.* Сочинения Афанасия Александрийского в славянской традиции // Byzantinoslavica. LXXV. 2017. С. 5-29.

280. *Лихачев Д. С.* К истории сложения Повести о разорении Рязани Батыем // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 259-263.

281. *Лихачев Д. С.* Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. Т. 7. М.; Л., 1949. С. 17-51.

282. *Лихачев Д.С.* О летописном периоде русской историографии // Вопросы истории. 1948. № 9. С. 21-40.

283. *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. 352с.

284. *Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. 499 с.

285. *Лихачев Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X-XVII вв. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л., 1983. 639 с.

286. *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси // *Лихачев Д.С.* Избранное. Т. 3. Л., 1987. С. 3-164.

287. *Лонгинов А.В.* Родственные отношения русских князей с венгерским королевским домом. // Труды Виленского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильно, 1893. С. 322-324.

288. *Лосева О. В.* Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII - первой трети XV веков. М., 2009. 466 с.

289. *Лукин П.В.* Ярослав Всеволодич // Православная энциклопедия. Т. 75. М., 2025. С. 628-635.

290. *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1985. С. 191-205.

291. *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV в. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. 238 с.

292. *Лурье Я. С.* Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 199-218.

293. *Лурье Я. С.* К изучению летописной традиции об Александре Невском // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997. С. 387-399.

294. *Лурье Я.С.* Критика источника и вероятность известия // Культура Древней Руси: Сб. ст. к 60-летию Н. Н. Воронина. М., 1966. С. 121-126.

295. *Лурье Я.С.* Летопись Московско-Академическая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI вв.). Ч. 2 (Л–Я). Л., 1989. С. 45-47.

296. *Лурье Я.С.* О гипотезах и догадках в источниковедении // Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977. С. 26-41.

297. *Лурье Я.С.* О путях доказательство при анализе источников (на материала древнерусских памятников) // Вопросы истории, 1985. № 5. С. 61-68.

298. *Лурье Я.С.* Повести о нашествии Едигея // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. (Л–Я). Л., 1989. С. 197-201.

299. *Лурье Я.С.* Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV-XVI вв. // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 96-115.

300. *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. 283 с.

301. *Лурье Я.С.* Предисловие // ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 3-13.

302. *Лурье Я.С.* Россия древняя и Россия новая. СПб., 1997. 403 с.

303. *Лурье Я.С.* Русские современники Возрождения. Л., 1988. 159 с.

304. *Лурье Я.С.* Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. // Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. М., Л., 1966. С. 145-168.

305. *Мазур Л.Н.* Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. 606 с.

306. *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV- первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов единого русского государства. М., 2001. 542 с.

307. *Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Владимир Андреевич Храбрый: политик, воин, донатор, семьянин // Куликовская битва в истории России. Вып. 2. М., 2012. С. 47-56.

308. *Майоров А.В.* Александр Невский, римский папа и монгольский хан: к вопросу о «выборе» между Западом и Востоком // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 4 (86). С. 5-24.

309. *Майоров А.В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. 639 с.

310. *Майоров А.В.* Даниил Галицкий и «принц Тартар» накануне нашествия Батыя на Южную Русь // Русин. 2013. № 1 (31). С. 53-77.

311. *Майоров А.В.* Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги / Steps. Т. 7. № 3. 2021. С. 124-199.

312. *Майоров А.В.* Завоевание русских земель в 1237-1240 годах // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 89-113.

313. *Майоров А.В.* Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи) // ТОДРЛ. Т. 60. СПб., 2009. С. 311-326.

314. *Майоров А.В.* Михаил Черниговский в Силезии и битва при Легнице // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 2 (60). С. 23-35.

315. *Майоров А.В.* Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // Rossica Antiqa. 2012/2 (6). С. 44-113.

316. *Майоров А.В.* Тайна гибели Михаила Черниговского // Вопросы истории. 2015. № 9. С. 95-118.

317. *Майоров А.В., Веселов Ф.Н.* «Благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви»: латинские источники по последних днях великого князя Ярослава Всеволодовича // Российская история. 2025. № 1. С. 3-14.

318. *Майоров А. В., Веселов Ф. Н.* Тысяцкий Дмитр до и после падения Киева // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2024. № 4 (98). С. 7-26.

319. *Майоров А., Руденкова И.* Посланники папы Иннокентия IV к Александру Невскому: загадки биографической истории // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11, № 3. С. 931-949.

320. *Макарий (Веретенников), архим.* Василий // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 72-74.

321. *Мансикка В.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и тексты // Памятники древней письменности и искусства. Т. 180. СПб., 1913. 226 с.

322. *Мартынюк А.В.* Когда родился князь Ростислав Михайлович и почему важна эта дата? // Ruthenica. Т. XVI. Киев, 2020. С. 16-29.

323. *Мартынюк А.* «Неявленные мученики»: к пониманию образа святого Михаила Всеволодовича, князя черниговского // Colloquia Russica. Series I. Vol. 8. Kraków, 2018. С. 273-279.

324. *Мартюшов Л.Н.* Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2016. 86 с.

325. *Маслова С.А.* К оценке восточной политики Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35. С. 44-59.

326. *Массалитина Г.А., Болдин И.В., Селезнев Ю.В.* «Не звати Козельском, но злым городом». История и археология древнерусского Козельска. Тула, 2018. 239 с.

327. *Материкин А.В.* Святой благоверный великий князь Александр Невский: библиографический указатель печатных изданий (1720-2019). Волгоград, 2020. 395 с.

328. *Матузова В.И., Назарова Е.Л.* Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. 447 с.

329. *Мельник А.Г.* Конец XIV – начало XV века в истории России – время новаций // Сообщения Ростовского музея. Вып. 25. Ростов, 2020. С. 350-358.

330. *Мельник А.Г.* Культы русских святых в конце XIV-XVI веке: социальные аспекты и практики почитания. Дис. … д-ра ист. наук. М., 2022. 690 с.

331. *Меморский А.М.* Основатель Нижнего Новгорода великий князь Георгий (Юрий) II Всеволодович. (1189-1889). Нижний Новгород, 1889. 67 с.

332. *Мереминский С.Г.* Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 14-27.

333. *Мереминский С. Г.* Понятие «историописание» в отечественной исторической науке XXI в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 2 (56). С. 19. URL: https://history.jes.su/s207987840001704-3-1/ Дата обращения – 25 декабря 2025 г.

334. *Миллер О. Ф.* О древнерусской литературе по отношению к татарскому игу // Древняя и новая Россия. 1876. № 5. С. 49-60.

335. *Милюков П.Н.* Очерки истории исторической науки. М., 2002. 539 с.

336. *Милютенко Н. И.* Летописные источники житий Пахомия Серба (Логофета) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 5-12.

337. *Милютенко Н.И.* Сказания о Михаиле Черниговском // ТОДРЛ. Т. 64. СПб., 2016. С. 180-198.

338. *Молчанов А.А.* Александр: знаковое имя в династической и культурной традиции // Именослов. Заметки об исторической семантике имени. М., 2003. С. 103-111.

339. *Муравьева Л.Л.* Об общерусском источнике Владимирского летописца // Летописи и хроники. Сб. статей. 1973. М., 1974. С. 143-149.

340. *Мусин А.Е.* Соборы митрополита Макария 1547–1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб., 2003. С. 146-165.

341. *Мухаметов Ф.Ф.* Отечественная историография монгольского завоевания Руси. Дис. … д-ра ист. наук. М, 2007. 492 с.

342. *Назаренко А.В.* Александр Ярославич Невский // Православная энциклопедия. Т. 1. М., 2000. С. 541-544.

343. *Назаренко А.В.* Василий (Василько) Константинович // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 204-206.

344. *Назаров В.Д.* Два эпизода из хроники событий осени 1480 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 91 - 95.

345. *Назаров В.Д.* Конец Золотоордынского ига // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 104-120.

346. *Назарова Е.Л.* Крестовый поход на Русь 1240 г. (организация и планы) // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 190 – 201.

347. *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. 555 с.

348. *Насонов А.Н.* Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. // Проблемы источниковедения. Т. 11. М., 1963. С. 428-480.

349. *Насонов А.Н.* Летописный свод конца XV в. (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. II. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. С. 272-321.

350. *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. М., Л., 1940. 178 с.

351. *Насонов А.Н.* Татарское иго на Руси в освещении М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сб. ст. Ред. Б. Греков, Ем. Ярославский, С. Бушуев. Т. 2. М., Л., 1940. С. 59-91.

352. *Наумов П. А.* Об отношениях Российских князей к монгольским и татарским ханам с 1224 по 1480 год. СПб., 1823. 83 с.

353. *Нестеренко А.Н.* Князь Михаил Всеволодович Черниговский // Вопросы истории. 2021. № 12 (5). С. 69-86.

354. *Нестеренко А.Н.* Ярослав Всеволодович // Вопросы истории. 2014. № 11. С. 31-47.

355. *Овчинников М.В.* Жизнь и деяния святого благоверного великого князя Владимирского Георгия (Юрия) II Всеволодовича. Нижний Новгород, 1889. 32 с.

356. *Орлов А.С.* Александр Невский в средневековой литературе // Вестник АН СССР. М., 1942. № 4. С. 72-79.

357. *Орлов А. С.* Героические темы древнерусской литературы. М., Л., 1945. 143 с.

358. *Орлов А.С.* Древняя русская литература XI-XVII вв. М., 2014. 426 с.

359. *Орлов А. С.* К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия ОРЯС Академии наук. Л., 1926. Т. 31. С. 93-126.

360. Описание рукописей Чудовского собрания. Сост. Т.Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. 233 с.

361. *Охотникова В.И.* Псковская агиография XIV-XVII вв. Т. 1. СПб., 2007. 573 с.

362. Очерки истории СССР. Период феодализма. XI-XV вв. Ч. 1. М., 1953. 984 с.

363. *Павленко С.* Князь Михайло Чернігівський та його виклик Орді. Чернігів, 1996. 79 с.

364. *Пак Н. И.* Краткая характеристика редакций Повести о Михаиле Черниговском // Литература Древней Руси. М., 1988. С. 22-31.

365. *Пак Н.И.* Некоторые исторические замечания к летописной «Повести о Михаиле Черниговском» // Литература Древней Руси. М., 1981. С. 58-61.

366. *Пак Н.И.* Повесть о Михаиле Черниговском в историко-литературном процессе XIII-XV вв. Автореферат дис. … канд. филол. наук. М., 1986. 16 с.

367. *Пак Н. И.* Стилевое своеобразие повестей об убиенных князьях великих в составе Великих Миней Четьих митрополита Макария // Художественно-исторические памятники Можайска и русская культура XV-XVI веков. Можайск, 1993. С. 155-170.

368. Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. 410 с.

369. *Панченко О.В*. Две редакции Слова Льва Филолога Михаилу и Феодору Черниговскому // Проблемы развития русской литературы XI–XX вв.: Тезисы научной конференции молодых ученых и специалистов. Л., 1990. С. 7–8.

370. *Пауткин А.А.* Древнерусские святые князья. Агиологический тип как культурно-историческая система // Герменевтика древнерусской литературы. Т. 7. М., 1994. С. 212-224.

371. *Пашуто В.Г.* Александр Невский. М., 1974. 160 с.

372. *Пашуто В.Г.* Внешняя политика Древней Руси. М.; Л., 1968. 472 с.

373. *Пашуто В.Г.* Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М., 1956. 279 с.

374. *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской земли. М., Л., 1950. 327 с.

375. *Перевезенцев С.В.* Русские смыслы. Духовно-политические учения России X–XVII вв. М., 2023. 784 с.

376. *Петрова М.* Современные методы и подходы просопографии (мастерская исследователя) // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 3. С. 939-954.

377. *Петухов Е.В.* Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. СПб., 1888. 284 с.

378. *Пиккио Р.* История древнерусской литературы. М., 2002. 350 с.

379. Письменные памятники истории Древней Руси: Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. СПб., 2003. 383 с.

380. *Плешанов Е.В.* Князь Василько ростовский (к 790-летию со дня рождения) // История и культура Ростовской земли. 1999: Материалы научной конференции. 10-12 ноября 1999 г. Ростов, 2000. С. 101-105.

381. *Плешанов Е. В.* Княгиня Мария Ростовская // // История и культура Ростовской земли. 2002. Ростов, 2003. С. 112-118.

382. *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Ч. 1. Л., 1961. 276 с.

383. *Плюханова М. Б.* К проблеме генезиса литературной биографии // Литература и публицистика: проблемы взаимодействия. Тарту, 1986. С. 122-133.

384. *Плюханова М.Б.* «Послание на Угру» и вопрос о происхождении московской имперской идеологии // ТОДРЛ. Т. 61. СПб., 2010. С. 452-488.

385. *Плюханова М. Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. 334 с.

386. *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. 572 с.

387. *Покровский Н.Н.* Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. Т. 1. М., 2007. С. 89-119.

388. *Покровский М.Н.* Русская история с древнейших времен. Ч. 1. М., 1899. 365 с.

389. *Полевой Н.А.* История русского народа. Т. 4. М., 1833. 366 с.

390. *Политов В.В.* Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси. Дис. … канд. ист. наук. М., 2017. 257 с.

391. *Поппе А.* К начальной истории культа св. Николая Заразского // Essays in honour of A.A. Zimin. Columbus (Ohio), 1986. P. 288-304.

392. *Порфирий (Виноградов), архим.* Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и погребенные в них князья и святители. Владимир, 1890. 87 с.

393. *Порфирьев И.* История русской словесности. Ч. 1. Казань, 1909. 724 с.

394. *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. СПб., 2018. 320 с.

395. Правящая элита Русского государства. IX - начала XVIII вв. Очерки истории. СПб., 2006. 547 с.

396. *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. 632 с.

397. *Пресняков А.Е.* Московская историческая энциклопедия XVI века. СПб., 1900. 53 с.

398. *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. 458 с.

399. Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности / Критички текст и расправа од Ст. Новаковића. Београд, 1878. 239 с.

400. *Приселков М.Д.* История русского летописания XI-XV вв. СПб., 1996. 325 с.

401. *Приселков М.Д.* Лаврентьевская летопись (история текста) // Ученые записки ЛГУ. № 32 Серия исторических наук. Вып. 2. Л., 1939. С. 76-142.

402. *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., Л., 1950. 515 с.

403. *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. Л., 1958. 603 с.

404. *Прошин А.В.* Образ идеального князя-воина в некрологах древнерусского летописания (XI – начало XIII в.) [Электронный ресурс] // Vox medii aevi. 2025. Vol. 1 (12). С.13–36. URL: https://voxmediiaevi.com/2025-1-proshin/ Дата обращения – 25 декабря 2025 г.

405. *Прохоров Г. М.* Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Т. 4. С. 77-104.

406. *Прохоров Г. М.* Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 165-198.

407. *Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л., 1987. 292 с.

408. *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. 238 с.

409. *Прохоров Г. М.* Повесть о нашествии Батыя в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1973. С. 77-98.

410. Путь к граду Китежу: Князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах. Подг. текстов и иссл. А.В. Сиренова. СПб., 2003. 227 с.

411. *Пчелов Е.В.* Рюриковичи: история и генеалогия. М., 2016. 636 с.

412. *Пчелов Е. В.* Солнце как символ монарха в русской культуре второй половины XVIII в. // Электронный научно-образовательный

журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 7 (141). URL: https://history.jes.su/s207987840032142-5-1/ Дата обращения – 25 декабря 2025 г.

413. *Рамазанова Н.В.* Тропарь и кондак на перенесение честных мощей князю Михаилу Черниговскому «Творение Ивана, богомудрого царя, самодержца Российского» // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 107-116.

414. *Рамм Б.Я.* Папство и Русь в X-XV веках. М., Л., 1959. 283 с.

415. *Ранчин А.М.* Вертоград Златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах, комментариях. М., 2007. 576 с.

416. *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977. 261 с.

417. *Рапов О.М.* Русские города и монгольское нашествие // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 77-89.

418. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 559 с.

419. *Репина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. Отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М., 2005. С. 122-169.

420. *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. 43 с.

421. *Рикер П.* Историописание и репрезентация прошлого // Анналы на рубеже веков: антология / Отв. ред. А.Я. Гуревич. М., 2002. С. 23-41.

422. *Рихтер А.Ф.* Исследование о влиянии монголо-татар на Россию // Отечественные записки. 1825. Июнь. № 62. С. 333-371.

423. *Рихтер А.Ф.* Нечто о влиянии монголов и татар на Россию // Соревнователь просвещения и благотворения. Ч. 17. Кн. 1. СПб., 1822. С. 249-270.

424. *Робинсон А.Н.* Эволюция героических образов в повестях о Куликовской битве // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 10-38.

425. *Рогов А.И.* Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 32-58.

426. *Романив В.Я.* Бату-хан и «центральное монгольское правительство»: от противостояния к соправительству // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и её наследие. М., 2002. С. 84-100.

427. *Романов В.К.* Статья 1224 г. о битве на Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники. 1980. В. Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 79-103.

428. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941. 659 с.

429. *Рудаков В.Н.* Бегун перед врагом // Родина. 2011. № 5. С. 78-80.

430. *Рудаков В.Н.* Великий князь Юрий Всеволодович и Ситская битва в исторической памяти II пол. XVIII в // Вестник МГПУ. Серия "Исторические науки". 2024. № 4 (56). С. 6–14.

431. *Рудаков В.Н.* Великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 411-436.

432. *Рудаков В.Н.* «Все полагали, что он был отравлен»: формирование памяти о кончине великого князя Ярослава Всеволодовича (середина XIII – XVI в.) // Российская история. 2025. № 1. С. 15-33.

433. *Рудаков В.Н.* Два взгляда на ордынское нашествие в общественном сознании Руси второй половины XIII – начала XIV в. // Архивы и история Российской государственности. Вып. 3. СПб., 2012. С. 6-16.

434. *Рудаков В.Н.* Двое против Батыя // Родина. 2023. № 3. С. 98-103.

435. *Рудаков В.Н.* Древнерусские книжники о бегстве князей от татар // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 1 (47). С. 52-61.

436. *Рудаков В.Н.* Друг дьявола, внук святого. Борис и Глеб XIII века // Родина. 2015. № 1. С. 34-36.

437. *Рудаков В.Н.* Екатерина Великая и память о святом благоверном князе Михаиле Черниговском в XVIII веке // Тетради по консерватизму. 2022. № 1. С. 237-246.

438. *Рудаков В.Н.* Екатерина Великая против хана Батыя // Родина. 2022. № 7. С. 102-105.

439. *Рудаков В.Н.* Загадочный поход великого князя Ярослава Всеволодовича на Каменец (1239 г.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 3 (89). С. 15-33.

440. *Рудаков В.Н.* «Иго» монголо-татар: что стоит за историографическим термином? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011 № 3 (45). С. 99-100.

441. *Рудаков В.Н.* Князь Борис Василькович Ростовский в исторической памяти XIII—XVI веков // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2013. № 1 (11). С. 18-25.

442. *Рудаков В.Н.* «Князь наш млад»: возраст как маркер поведения в рассказе о нашествии Батыя Ипатьевской летописи // Профессору Юрию Владимировичу Кривошееву ко дню семидесятилетия. СПб., 2025. С. 128-145.

443. *Рудаков В.Н.* «Лучше нам умереть»: русские князья во время осады Владимира войсками Батыя в историописании второй половины XIII - XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2025. № 3. С. 3-23.

444. *Рудаков В.Н.* Между Киевом и Владимиром: великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батыя // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения.

Материалы международной научной конференции (25-27 мая 2021 г., Москва, Россия). М., 2021. С. 154-166.

445. *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII -XV в. М., 2017. 272 с.

446. *Рудаков В.Н.* Неожиданные штрихи к портрету Дмитрия Донского (бегство великого князя из Москвы в оценке древнерусского книжника) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 15-27.

447. *Рудаков В.Н.* Ордынские нашествия в русской исторической памяти середины XIII-XVIII в. М., 2025. 304 с.

448. *Рудаков В.Н.* Отображение монголо-татар в древнерусской литературе середины XIII-XV в. (Эволюция представлений, сюжетов и образов). Дис. … канд. филол. наук. М., 1999. 291 с.

449. *Рудаков В.Н.* Память о двух битвах эпохи Батыева нашествия // Исторический вестник. Т. 45. М., 2023. С. 66-87.

450. *Рудаков В.Н.* Память о святых князьях Михаиле Черниговском и Александре Невском в эпоху становления Русского царства и в период формирования Российской империи // Тетради по консерватизму. 2022. № 3. С. 79-91.

451. *Рудаков В.Н.* «Погибель» или «пленение» Русской земли? Два способа осмысления повседневности русскими книжниками второй половины XIII в. // Многоликая повседневность: Микроисторические подходы к изучению прошлого (Материалы конференции памяти Ю.Л. Бессмертного). М., 2004. С. 111-130.

452. *Рудаков В.Н.* «Потрудился за Новгород и за всю Русскую землю» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 4 (42) (декабрь). С. 107-111.

453. *Рудаков В.Н.* Правящая элита русских земель в годы нашествия Батыя // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 7: Седьмые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Аннотации докладов всероссийской научной конференции с международным участием.

Москва — Владимир — Суздаль, 15–17 ноября 2023 г. Владимир, 2024. С. 33-34.

454. *Рудаков В.Н.* Прославление святого благоверного князя Александра Невского во второй половине XIII века: текст и контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 1 (99). С. 23-42.

455. *Рудаков В.Н.* Русские книжники в поисках критериев оценок княжеской службы ордынским властям во второй половине XIII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3 (37) (сентябрь). С. 100-101.

456. *Рудаков В.Н.* Русские книжники XV—XVI веков в поисках героев борьбы с татарами // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Выпуск 6 (22) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: https://history.jes.su/s207987840000610-0-1/ Дата обращения - 25 декабря 2025 г.

457. *Рудаков В.Н.* События на реке Сити (1238 г.) в контексте поведения правителей русских земель в годы нашествия Батыя // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. № 1. С. 3-26.

458. *Рудаков В.Н.* Штурм столицы Суздальской Руси в 1238 г. в русском летописании второй половины XIII - XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 4 (102). С. 186–191.

459. *Рудаков В.Н.* Язык Библии в ранних рассказах русских летописей о монголо-татарском нашествии // Одиссей. Человек в истории. Язык Библии в нарративе. М., 2003. С. 49-60.

460. *Руди Т. Р.* Средневековая агиографическая топика: Принцип *imitatio* и проблемы типологии // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный съезд славистов (Любляна, авг. 2003): доклады российской делегации / Отв. ред. Л. И. Сазонова. М., 2002. С. 40-55.

461. *Руди Т. Р.* Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 59-101.

462. *Румянцева М.Ф.* Теория истории. М., 2002. 316 с.

463. *Русинов Н.Д.* О происхождении текста Лаврентьевской летописи // Идеология и культура феодальной России. Горький, 1988. С. 13-27.

464. *Рыбаков Б.А.* Борьба Руси с Батыем // Народ-богатырь. IX-XIII вв. М., 1948. С. 36-55.

465. *Рыбаков Б.А.* [Рецензия на книгу К.В. Кудряшова «Половецкая степь. Очерки исторической географии». М., 1948] // Советская книга. 1949. № 11. С. 34-35.

466. *Рыбаков С.П.* Образ Александра Невского в трудах евразийцев // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010. С. 148-166.

467. *Рычков П.И.* Опыт казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767. 196 с.

468. *Савельева И. М.*, *Полетаев А. В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. Отв. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М., 2005. С. 170-220.

469. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания. Учебное пособие. М., 2008. 522 с.

470. *Сазонов С.В.* Монашеское имя Александра Невского и традиции монашеского имянаречения в средневековой Руси // Сообщения Ростовского музея-заповедника. Вып. VI. Ростов, 1994. С. 16-24.

471. *Салмина М.А.* Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 3-39.

472. *Салмина М.А.* «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М., Л., 1966. С. 344-384.

473. *Салмина М. А.* Повесть о нашествии Тохтамыша // ТОДРЛ. Т. 34. Л., 1979. С. 134-151.

474. *Самойлова Т.Е.* Княжеские портреты в росписи Архангельского собора Московского Кремля. Иконографическая программа XVI века. М., 2004. 261 с.

475. *Самойлова Т.Е.* Святой князь Георгий Владимирский. История почитания // Канонизация святых на Руси. Материалы VI Российской научной конференции, посвященной Памяти Святителя Макария (10-12 июня 1998 года) Выпуск VI. Можайск. 1998. С. 145-154.

476. *Самойлова Т.Е.* Тема царской и княжеской святости в росписях Благовещенского собора // «Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле». Каталог выставки. М., 2003. С. 24-38.

477. *Сафронова Ю.А.* Историческая память. Введение. Учебное пособие. СПб., 2019. 220 с.

478. *Сахаров В.* Эсхатологические сочинения и сказания в древнерусской письменности и влияние их на народные духовные стихи. Тула, 1879. 249 с.

479. *Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. 256 с.

480. *Сахаров А.М.* Исторические знания // Очерки русской культуры XVI в. Ч. 2. М., 1977. С. 136-149.

481. *Свердлов М.Б.* Александр Невский в летописных сводах XIII-первой половины XVI в.: от реальности к символу и мифу // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. Материалы международной научной конференции (25-27 мая 2021 г., Москва, Россия). М., 2021. С. 297-304.

482. *Свердлов М.Б.* История России в трудах Н.М. Карамзина. СПб., 2018. 367 с.

483. *Свердлов М.Б.* К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» // Вестник ЛГУ. № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. Л., 1963. С. 139-144.

484. *Свердлов М.Б.* Российская историография второй половины XVIII века. СПб., 2022. 537 с.

485. *Седов Вл. В.* Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 447-481.

486. *Селезнев Ю.В.* «А переменит Бог Орду…» Русско-ордынские отношения в конце XIV – первой трети XV в. Воронеж, 2006. 160 с.

487. *Селезнёв Ю.В.* Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 36-42.

488. *Селезнев Ю.В.* Картины ордынского ига. Воронеж, 2017. 436 с.

489. *Селезнёв Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013. 470 с.

490. *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. 494 с.

491. *Сизов Е.С.* «Воображены подобия князей». Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. Л., 1969. 40 с.

492. *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.). М., 1998. 410 с.

493. *Сиренов А.В.* Александр Невский в культуре России средневековья и нового времени // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2016. М., 2017. С. 368-380.

494. *Сиренов А.В.* О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С.184-193.

495. *Сиренов А. В.* [Рец.:] Isoaho M. The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. — Leiden; Boston: Brill, 2006. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. Петербургские славянские и балканские исследования. 2009. № 1-2. С. 263-266.

496. *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М., СПб., 2010. 545 с.

497. *Сиренов А.В.* Степенная книга: история текста. М., 2007. 539 с.

498. *Сиренов А.В.* Суздальские жития XVI в. и историческая память // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 4 (102). С. 204-210.

499. *Скворцов Н.А.* Московский Кремль. Упраздненные монастыри, соборы. церкви, подворья // Русский архив, издаваемый Петром Бартеневым. 1893. Вып. 9. С. 5-31.

500. *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. 571 с.

501. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М., Л., 1966. 618 с.

502. *Смирнов С.И.* Исследование В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1 (248). М., 1914. 21 с.

503. *Смоленский Н.И.* Теория и методология истории. Учеб. пособие. М., 2008. 270 с.

504. *Соколов А.Р.* Александр Невский в отечественной культуре и исторической памяти. Автореферат дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2014. 41 с.

505. *Соколов А.Р.* Александр Невский в современной историографии // Александр Невский. Государь. Дипломат. Воин. М., 2010. С. 407-438.

506. *Соколов Р.А.* Александр Невский и евразийцы // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, личностях, идеях. Научный журнал. 2020. № 1 (12). С. 209-218.

507. *Соколова Л.В.* Что сообщалось об Олеге Рязанском в авторском тексте Повести о Куликовской битве? (К вопросу о позднейших вставках в «Летописной повести») // ТОДРЛ. Т. 66. СПб., 2019. С. 76-109.

508. *Соловьев А.В.* Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли» // ТОДРЛ. Т. 15. М., Л., 1958. С. 78-115.

509. *Соловьев С.М.* История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. 700 с.

510. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II. М., 1988. 765 с.

511. *Солодкин Я.Г.* О времени создания «Казанской истории» // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001. С. 615-623.

512. *Сперанский М. Н.* История древнерусской литературы. М., 1914. 599 с.

513. *Спиридонова Е.В.* Ярославский край в 1238 году: история изучения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. «Гуманитарные науки». 2012. № 4-5. С. 4-9.

514. *Стависский В.И.* Киевская летопись и Хронограф // Ruthenica. Т. XV. Киев, 2019. С. 250-264.

515. *Ставиский В.* «Цесарство свѣта сего» // Ruthenica. Т. XIV. Киев, 2017. С. 207–214.

516. *Стефанович П.С.* Княжеская власть между региональной и надрегиональной идентичностями: Житие Михаила Тверского (начало XIV в.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 5 (139). URL: https://history.jes.su/s207987840031593-1-1/. Дата обращения – 25 декабря 2025 г.

517. *Стефанович П.С.* Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240-1340 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 116-134.

518. *Стефанович П.С.* Пространство и идентичности в двух княжеских житиях средневековой Руси (конец XIII – начало XIV в.) // Российская история. 2024. № 4. С. 3-19.

519. *Стриттер И.* История Российского государства. Ч. II. СПб., 1801. 530 с.

520. *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. 1064 с.

521. *Сурмина И.О.* Александр Невский в новейшей отечественной историографии // Историк и историография (материалы научной конференции). Саратов, 1999. С. 21-25.

522. *Сурмина И.О.* Александр Невский в русской дореволюционной историографии // Историографический сборник. Вып. 20. Саратов, 2002. С. 3-17.

523. *Сусенков Е.И.* Русско-монгольская война (1237-1241 гг.) Томск, 2006. 108 с.

524. *Татищев В.Н.* История Российская. Кн. 3. СПб., 1774. 530 с.

525. *Творогов О.В.* Повести о взятии Константинополя турками в 1453 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. (Л-Я). Л., 1989. С. 195-197.

526. Теория и методология истории. Учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград, 2014. 504 с.

527. *Тихомиров М.Н.* Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 234-243.

528. *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР. Вып. 1. М., 1962. 495 с.

529. *Тихомиров М.Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. 181 с.

530. *Тихомиров М.Н.* О месте Ледового побоища // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. VII. М., 1950. № 1. С. 88-91.

531. *Тихомиров М.Н.* Русская культура X-XVIII веков. М., 1968. 447 с.

532. *Тихонравов Н.С.* Древние жития преподобного Сергия Радонежского М., 1892. 144, 212 с.

533. *Толочко А.П.* Известен ли год рождения Даниила Романовича Галицкого? // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007. С. 221-236.

534. *Толочко П.П.* Даниил Галицкий и нашествие Батыя на Южную Русь в работах петербургских историков // Ruthenica. Т. XVI. Киев, 2020. С. 125-135.

535. *Толочко П.П.* Дворцовые интриги на Руси. СПб., 2003. 223 с.

536. *Толочко П.П.* Князівська і життева драма Михаила Чернігівського // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба. Чернігів, 1996. С. 8-15.

537. *Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2017. 159 с.

538. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995. 874 с.

539. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 2. М., 1998. 863 с.

540. *Трепавлов В.В.* Золотая Орда в XIV столетии. М., 2010. 69 с.

541. *Турилов А. А.* Образ правителя в русских летописных «некрологах» XI–XIII вв. // АНФОЛОГИОН: Власть, общество, культура в славянском мире в Средние века / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 2008. С. 195 – 209.

542. *Ужанков А. Н.* «Летописец Даниила Галицкого»: редакции, время создания // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 1. С. 247-283.

543. *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе (опыт исчисления). М., 1941. 436 с.

544. *Усачев А.С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М., СПб., 2009. 753 с.

545. *Успенский Ф. Б.* Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М., 2001. 157 с.

546. *Устрялов Н.Г.* Русская история. 4-е изд. СПб., 1849. 429 с.

547. *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750-1240. М., 2009. 669 с.

548. *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М., 1990. 268 с.

549. *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. 291 с.

550. *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне. Т. 1. Прага. 1935. 527 с.

551. *Флоря Б.Н.* Греки-эмигранты в Русском государстве второй половины XV — начала XVI вв. Политическая и культурная деятельность // Русско-балканские культурные связи эпохи Средневековья. София, 1982. С. 123-143.

552. *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. 401 с.

553. *Флоря Б.Н.* Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII-XV веках (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Славяноведение. 1993. № 2. С. 42-66.

554. *Флоря Б. Н.* Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII вв.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.) / под ред. Б. Н. Флори. М., 2012. С. 9-94

555. *Флоря Б.Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2017. 221 с.

556. *Фонкич Б. Л.* Грамота Константинопольского Патриарха Иоасафа II и собора Восточной Церкви, утверждающая царский титул Ивана IV // Россия и греческий мир в XVI в. / Подгот. к публ. С. М. Каштанов и Л. В. Столярова. Т. 1. М., 2004. С. 381-387.

557. *Хаутала Р.* Ездил ли Александр Невский в Монголию? Несколько замечаний о поездках Александра Невского и его отца к монгольским правителям // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 199-207.

558. *Хитров М.И.* Святой благоверный князь Александр Невский: подробное жизнеописание. СПб., 1899. 362 с.

559. *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI-XVI вв.). М., 1986. 206 с.

560. *Хорошкевич А.Л.* Конные печати Мстислава Мстиславича Удалого – источник по истории международных отношений Руси начала XIII в. // Славяне и их соседи. Международные отношения в эпоху феодализма (сборник тезисов). М., 1989. С. 24-27.

561. *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым. От союза к противостоянию. М., 2001. 333 с.

562. *Хорошкевич А.Л., Плигузов А.И.* Русь XIII столетия в книге Дж. Феннела // Феннел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200-1304. М., 1989. С. 5-32.

563. *Храпачевский Р.Н.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011. 264 с.

564. *Хрусталев Д.Г.* Русь от нашествия до «ига». 30-40 гг. XIII в. СПб., 2008. 380 с.

565. *Хрусталев Д.Г.* Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII-XIII вв. СПб., 2012. 621 с.

566. *Чала О.* Історіописання // Історіографічний словник / за ред. С. І. Посохова. Харків, 2004. С. 102-105.

567. *Чекин Л.С.* Безбожные сыны Измаиловы: половцы и другие народы степи в древнерусской книжной культуре // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 691-716.

568. *Черепнин Л.В.* Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сб. статей. Изд. 2-е. М., 1977. С. 179-203.

569. *Черепнин Л. В.* Источники по истории антимонгольского восстания в Твери в 1327 году // Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960. С. 37-53.

570. *Черепнин Л. В*. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки АН СССР. Т. 12. М., 1941. С. 228–253.

571. *Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю.* Старая Рязань и монголо-татарское нашествие в свете новых исследований // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С .18-34.

572. *Чернов С.З.* Стояние на Угре: за гранью видимых событий // Великое стояние на Угре и формирование российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты.

Материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта – 1 апреля 2017 г.). Калуга, 2017. С. 360-366.

573. *Чернов С.З.* Успенский Дубенский Шавыкин монастырь с свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV-XVII вв. М., 1995. С. 123-182.

574. *Чистякова Е.В.* Андрей Иванович Лызлов и его «Скифская история» // *Лызлов Андрей*. Скифская история. М., 1990. С. 360-390.

575. *Чубинская В.Г.* Произведения русских и западноевропейских живописцев XVII-XX веков. М., 2020. 334 с.

576. *Чубинская В.Г.* Рюриковичи и Романовы. Династическая портретная серия в "Коронном зале" Оружейной палаты. М., 2020. 96 с.

577. *Чугаева І.К.* Чернігівське літописання XI-XIII ст.: історіографічний міф чи історичне джерело? Чернігів, 2018. 336 с.

578. *Шамбинаго С.К.* Исторические повести // История русской литературы. Т. 2. Литература 1220-х–1580-х гг. Ч. 1. М.; Л., 1945. С. 101-106.

579. *Шамбинаго С. К.* Русское общество и татарское иго // Русская история в очерках и статьях. Т. 1. М., 1909. С. 576-590.

580. *Шапиро А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 года. Учебное пособие. СПб., 1993. 761 с.

581. *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. Л., 1978. 245 с.

582. *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М., Л., 1938. 372 с.

583. *Шахматов А.А.* Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. Ч. 331. № 9. Отд. 1. С. 90-176.

584. *Шахматов А.А.* Разбор сочинения И.А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова СПб, 1899. 134 с.

585. *Шахматов М. В.* Отношение древнерусских книжников к татарам // Труды IV съезда русских академических организаций за границей. Белград, 1929. Т. 1. С. 166-173.

586. *Шевелева М. Н.* Вторичные имперфективы с суффиксом -ыва-/-ива- в летописях XII–XVI вв. // Русский язык в научном освещении. М., 2010. № 2 (20). С. 200-242.

587. *Шевяков В. Н.* Подвиг русского народа в борьбе против татаро-монгольских захватчиков XIII–XV вв. М., 1961. 111 с.*Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263-2000) М., 2007. 589 с.

588. *Шибаев М.А.* Новгородско-софийский свод и протоскрипторий Евфимия II // Новгородский исторический сборник. 2015. Вып. 15 (25). С. 127-134.

589. *Шмурло Е. Ф.* Россия и Италия. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1913. 466 с.

590. *Щапов Я.Н.* Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 10. С. 216-219.

591. *Щапов Я. Н.* Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях // Церковь в истории России. Сб. 2. М., 1998. С. 5-26.

592. *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. II. СПб., 1771. 668 с.

593. *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889. 474 с.

594. *Эммаусский А. В.* Летописные известия о первом нашествии монголо-татар на Восточную Европу // Ученые записки Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. Факультет историко-филологический. Вып. 17. Т. 1. Киров, 1958. С. 59-109.

595. *Этингоф О.Е.* К вопросу об античных сюжетах в искусстве домонгольской Руси // Вестник РГГУ. Серия Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. (1-2). С. 152-183.

596. *Юзефович Л.А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб., 2007. 340 с.

597. *Юрасовский А. В.* О соотношении пространной и краткой редакций «Повести о Липицкой битве» в новгородском летописании // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987 г. М., 1989. С. 58-64.

598. *Юрганов А.Л.* У истоков деспотизма // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX - начала XX в. М., 1991. С. 34-75.

599. *Юрченко А.Г.* Золотая Орда: между Ясой и Кораном. Начало конфликта. СПб., 2012. 368 с.

600. *Юрченко А.Г.* Князь Михаил Черниговский и Бату-хан (К вопросу о времени создания агиографической легенды) // Опыты по источниковедению: Древнерусская книжность. СПб., 1997. С. 123-125.

601. *Юрьева И. С.* Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2013. С. 135-151.

602. *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. 314 с.

603. *Ян В.* Батый. М., 1984. 416 с.

604. *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М., 1970. 325 с.

605. *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962. 387 с.

606. *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. 395 с.

607. *Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. 3. М., 1998. 505 с.

608. *Baumgarten N.* Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides Russes du X-au XIII siècle. Roma, 1927. 94 p.

609. *Dimnik M.* Kamenec // Russia mediaevalis. Munchen. 1979. T. 4. P. 25-34.

610. *Dimnik M.* Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev 1224– 1246. Toronto, 1981. 199 p.

611. *Dąbrowski D.* Król Rusi Daniel Romanowicz. O ruskiej rodzinie książęcej, społeczeństwie i kulturze w XIII w., Kraków, 2016. 412 s.

612. *Fennell J.* The Tale of the Death of Vasil'ko Konstantinovič: A Study of the Sources // Osteuropa in Geschichte und Gegenwart: FS f. G. Stökl zum 60. Geburtstag. Köln, 1977. S. 34-46.

613. *Gorlin M.* Le Dit de la mine de la terre Russe et de la mort du grand prince Jaroslav // Revue des etudes slaves. XXI. Paris, 1947. P. 5-33.

614. *Hartog de L.* Russia and the Mongol Yoke. The History of the Russian Principalities and the Golden Horde 1221–1502. L., N.-Y., 1996. 2112 p.

615. *Isoaho M.* Polovtsy contacts in the house of Vladimir-Suzdalia – John of Plano Carpini's Account of Prince Yaroslav Vsevolodovich's retinue in 1246 // ROSSICA ANTIQUA. 2014. № 2. С. 44-70.

616. *Isoaho M.* The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia. Warrior and Saint. — Leiden; Boston: Brill, 2006. 417 c.

617. *Lukin P.V.* German Merchants in Novgorod: Hospitality and Hostility, Twelfth–Fifteenth Centuries // Baltic Hospitality from the Middle Ages to the Twentieth Century. Cham, 2022. P. 117-142.

618. *May T.* The Mongol Art of War: Chinggis Khan and the Mongol Military System. Westholme, 2007. 214 p.

619. Selart A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden, 2015. 400 p.

620. Život Alexandra Velikoga. Izdao V. Jagič, Zagreb, 1871. 129 s.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАН – Библиотека Российской академии наук

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1-20. СПб., 1997-2020.

ГИМ – Государственный исторический музей

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея

ИВИ РАН – Институт всеобщей истории РАН

ИРИ РАН – Институт российской истории РАН

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси. Вып. 1-11. М., 1978-1994.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГБ – Российская государственная библиотека

РНБ – Российская национальная библиотека

ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете